

Серия
«ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

Редакционный совет:

С. И. Богданов (Санкт-Петербург), Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург),
О. Л. Габелко (Москва), В. А. Горончаровский (Санкт-Петербург),
М. А. Дандамаев (Санкт-Петербург), В. А. Дмитриев (Псков),
Б. В. Ерохин (Санкт-Петербург), О. Ю. Климов (Санкт-Петербург),
А. И. Колесников (Санкт-Петербург), С. Ю. Монахов (Саратов),
В. П. Никоноров (Санкт-Петербург), И. В. Пьянков (Великий Новгород),
Э. В. Рунг (Казань), Р. В. Светлов (Санкт-Петербург),
А. А. Сеницын (Саратов / Санкт-Петербург),
М. М. Холод (Санкт-Петербург)

**THE PUNIC WARS:
A HISTORY OF THE GREAT
CONFRONTATION**

MILITARY, DIPLOMATIC AND IDEOLOGICAL
ASPECTS OF THE STRUGGLE BETWEEN
ROME AND CARTHAGE

Edited by
Oleg L. Gabelko and Anton V. Korolenkov

Humanitarian Academy
Juventa
St. Petersburg
2017

**ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ:
ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО
ПРОТИВОСТОЯНИЯ**

**ВОЕННЫЕ, ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ,
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ
МЕЖДУ РИМОМ И КАРФАГЕНОМ**

Научные редакторы
О. Л. Габелко и А. В. Короленков

Гуманитарная Академия
Ювента
Санкт-Петербург
2017

ББК 63.3(0)32

П88

П88 Пунические войны: история великого противостояния. Военные, дипломатические, идеологические аспекты борьбы между Римом и Карфагеном: коллективная монография / науч. ред. О. Л. Габелко, А. В. Короленков. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Ювента, 2017. — 440 с., ил. — (Историческая библиотека).

ISBN 978-5-93762-138-2

В коллективной монографии 25 исследователей из России, Великобритании, Финляндии, Дании и Украины рассматривают различные аспекты римско-карфагенских отношений на протяжении VI—II вв. до н. э., кульминацией которых стали Пунические войны (264—241, 218—201, 149—146 гг. до н. э.). Подробному анализу подвергаются ход военных действий на суше и на море и развитие военного дела обеих сторон; предыстория, дипломатический фон и последствия Пунических войн; воздействие противостояния с Карфагеном на религию, законодательство и функционирование государственного аппарата Рима; освещение деятельности наиболее выдающихся представителей римской военно-политической элиты III—II вв. до н. э. в трудах греческих и римских историков. Определенное место занимают также рассмотрение общеисторического и историографического контекстов Пунических войн и рецепция их в современной культуре.

Книга предназначена историкам-антиковедам, преподавателям, студентам и аспирантам, а также всем интересующимся историей Древнего мира.

ББК 63.3(0)32

The Punic Wars: A History of the Great Confrontation. Military, Diplomatic and Ideological Aspects of the Struggle between Rome and Carthage: Collaborative monograph / ed. by Oleg L. Gabelko and Anton V. Korolenkov. — St. Petersburg: “Humanitarian Academy” Publishing Centre; Juventa, 2017. — 440 p., ill. — (Historical Library).

In this collaborative monograph twenty five researchers from Russia, Great Britain, Finland, Denmark and Ukraine examine various aspects of the Roman-Carthaginian relations during the 6th — 2nd centuries B.C., which culminated in the three Punic Wars (264—241, 218—201, 149—146). Subjects of a detailed study are a course of military operations on both land and sea, the development of then warfare in Rome and Carthage, the diplomatic background and aftermath of the Punic Wars, an impact of this confrontation on religion, the Roman legislation and functioning of the state machinery, and the reporting of activities of the most prominent members of the Roman elite of the 3rd — 2nd centuries B.C. in the Greek and Roman authors' works. Besides, a definite place is set aside for the consideration of general historical and historiographic contexts of the Punic Wars and their reception in modern culture.

The book is intended for historians of Classical Antiquity, lecturers, students and post-graduate students, as well as for all those who are interested in the Ancient World history.

© Ювента, 2017

© Коллектив авторов, 2017

© С. В. Лебединский, оформление, 2017

ISBN 978-5-93762-138-2

*Посвящается светлой памяти недавно
ушедших историков Пунических войн —
Питера Коннолли (1935–2012)
и Казимира Адамовича Ревяко (1937–2013)*

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

<i>О. Л. Габелко.</i> Пунические войны и вокруг них	11
<i>А. В. Махлаюк.</i> Пунические войны в современном историографическом контексте	19

Раздел I

BELLUM TERRA MARIQUE

<i>Д. П. Алексинский.</i> «Пунийская фаланга» и «пунийский штандарт» (О двух историографических мифах)	39
<i>А. И. Козак.</i> Военно-политические преобразования Ксантиппа Лакедемонянина в Карфагене (256–255 гг. до н. э.)	69
<i>А. К. Нефёдкин.</i> Верблюды в военном деле народов Северной Африки в доисламскую эпоху	86
<i>К. Стейнби.</i> Вторжение в Африку как средство давления римлян на карфагенское правительство	101
<i>С. Ю. Горьков.</i> Операции военно-морской агентуры в ходе Пунических войн	119

Раздел II

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ: ПРЕДЫСТОРИЯ, КОНТЕКСТ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПУНИЧЕСКИХ ВОЙН

<i>Ю. Б. Циркин.</i> Первый римско-карфагенский договор	125
<i>А. В. Мосолкин.</i> Внешняя политика Рима и поиск «троянского наследия»	143
<i>А. Л. Зелинский.</i> О характере и причинах египетского нейтралитета во время Первой Пунической войны	155
<i>Н. Ю. Сивкина.</i> Договор Филиппа V с Ганнибалом: несколько замечаний об обязательствах союзников	164
<i>А. А. Абакумов.</i> Несостоявшийся реванш: Ганнибал, Антиох III и Сирийская война	181

Раздел III
ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ И РИМСКОЕ ОБЩЕСТВО

<i>В. О. Никишин. Metus Punicus: «фактор страха» в противостоянии Рима и Карфагена.</i>	199
<i>А. М. Сморгачев. Римская религия во времена Второй Пунической войны</i>	219
<i>В. А. Квашинин. Lex Oppia de sumptu 215 г. до н. э.: право, религия и война в жизни римской общины</i>	244
<i>Р. В. Лапырёнок. Римский ценз и Ганнибалова война: перепись населения в условиях чрезвычайной ситуации</i>	277
<i>А. В. Коптев. Privati cum imperio в годы Второй Пунической войны</i>	292

Раздел IV
ЛИЧНОСТЬ В ИСТОЧНИКАХ

<i>Е. Г. Тейтельбаум. Размышления Полибия о Регуле: к вопросу о восприятии историком некоторых сторон римского империализма.</i>	330
<i>Е. В. Смыков. Serranus serens: несуществовавший полководец Пунической войны?</i>	343
<i>А. В. Короленков. Аппиан о противостоянии Фабия Максима и Ганнибала</i>	353
<i>А. Б. Никольский, А. В. Короленков. Гай Теренций Варрон — антигерой римской истории</i>	368
<i>В. А. Леус. Из ранней биографии Сципиона Африканского</i>	387
<i>В. Хофман. Сципион Африканский в Испании: несколько эпизодов глазами Ливия</i>	396

Раздел V
ЭХО В ВЕКАХ

<i>Н. С. Колоколова. Пунические войны в кино: между эпосом и мелодрамой</i>	407
<i>В. А. Гончаров. Пунические войны и их герои в современной музыкальной культуре</i>	418
Список источников	428
Список сокращений	436
Информация об авторах	438

CONTENTS

IN PLACE OF A PREFACE

<i>Oleg L. Gabelko.</i> The Punic Wars and around	11
<i>Alexander V. Makhlaiuk.</i> The Punic Wars in Modern Historiographical Context	19

Section I

BELLUM TERRA MARIQUE

<i>Dmitry P. Alexinsky.</i> “Punic Phalanx” and “Punic Banner” (on the Two Historiographic Myths)	39
<i>Andrey I. Kozak.</i> Military and Political Reforms of Xantippus Lacedaemonian in Carthage (256–255 B.C.)	69
<i>Alexander K. Nefedkin.</i> Camels in Northern African Warfare in the Pre-Islamic Era	86
<i>Christa Steinby.</i> The Roman Invasion of Africa as Means of Putting Pressure on the Carthaginian Government	101
<i>Sergey Yu. Gor’kov.</i> The Operations of Naval Agency during the Punic Wars	119

Section II

INTERSTATE RELATIONS AND DIPLOMACY: THE PREHISTORY, CONTEXT AND AFTERMATH OF THE PUNIC WARS

<i>Yulij B. Tsirkin.</i> The First Roman-Carthaginian Treaty	125
<i>Alexey V. Mosolkin.</i> Roman Foreign Policy and Searching of «Trojan Legacy»	143
<i>Andrey L. Zelinsky.</i> The Nature and Reasons of the Egyptian Neutrality During the First Punic War	155
<i>Natalya Yu. Sivkina.</i> The Treaty between Philip V and Hannibal: Several Comments on the Obligations of Allies	164
<i>Arkady A. Abakumov.</i> Unsuccessful Revenge: Hannibal, Antiochus III and the Syrian War	181

Section III

THE PUNIC WARS AND THE ROMAN SOCIETY

<i>Vladimir O. Nikishin. Metus Punicus: A «Factor of Fear» in the Conflict between Rome and Carthage</i>	199
<i>Andrey M. Smorchkov. Roman Religion in the Second Punic War</i>	219
<i>Vladimir A. Kvashnin. The Lex Oppia de Sumptu 215 B.C.: Right, Religion and War in Roman Community</i>	244
<i>Roman V. Lapyrionok. The Roman Census and Hannibal's War: The Census of the Population in an Extreme Situation</i>	277
<i>Alexander V. Koptev. Privati cum Imperio during the Second Punic War</i>	292

Section IV

THE PERSONALITY IN SOURCES

<i>Eugene G. Teitelbaum. Polybius' Reflections on Regulus: A Study of Some Aspects of Historian's Attitude to Roman Imperialism</i>	330
<i>Evgeny V. Smykov. Serranus Serens: A Non-Existent General of Punic War?</i>	343
<i>Anton V. Korolenkov. Appian on the Military Confrontation between Hannibal and Fabius Maximus</i>	353
<i>Andrey B. Nikolsky, Anton V. Korolenkov. Gaius Terentius Varro — an Anti-Hero of Roman History</i>	368
<i>Vladimir A. Leus. From the Early Biography of Scipio Africanus</i>	387
<i>Wilhelm Hoffmann. Scipio Africanus in Spain: Livius' View on Some Episodes</i>	396

Section V

AN ECHO LIVING IN THE FOLLOWING CENTURIES

<i>Natalya S. Kolokolova. The Punic Wars in the Cinema: Between an Epic and Melodrama</i>	407
<i>Vladimir A. Goncharov. The Punic Wars and Their Heroes in Contemporary Music Culture</i>	418
List of Sources	428
List of Abbreviations	436
Information about the Authors	438

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

О. Л. Габелко

ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ И ВОКРУГ НИХ

Уже довольно давно, в 2011 г., двое молодых исследователей, Андрей Никольский из Астрахани и Евгений Тейтельбаум из Казани, выступили с инициативой создания коллективного труда, посвящённого Пуническим войнам. Это предложение сразу же показалось многим российским коллегам-антиковедам весьма своевременным и перспективным. В самом деле, в силу сочетания не очень, может быть, понятных объективных и субъективных причин (которые в данном случае можно описать дипломатичным «так исторически сложилось») отечественная историография, к сожалению, не может похвастаться сколько-нибудь существенными достижениями в области изучения этого важнейшего феномена античной истории. Единственное и совсем небольшое по объёму монографическое исследование на русском языке, посвящённое Пуническим войнам в целом, было опубликовано белорусским исследователем К. А. Ревяко (Ревяко 1988) в уже далеком 1988 г. и не лишено недостатков. Сжатый очерк чисто военных аспектов римско-пунийского противостояния содержится в «Истории военного искусства» Е. А. Разина (Разин 1939 и последующие переиздания), на сегодня полностью устаревшей; вопросы, касающиеся военно-морской проблематики, разобраны в относительно недавней монографии С. Ю. Горькова «Рим и Карфаген. Великая морская война» (Горьков 2003). Далеко не идеально обстоит дело и с персоналиями ведущих исторических лиц, принимавших участие в тех драматических событиях: на фоне в целом добротной монографии И. Ш. Шифмана о Ганнибале, вышедшей тремя изданиями (Кораблёв 1976, 1981, 1997 — в сущности, история всех трёх Пунических войн), явной неудачей выглядят книги Т. А. Бобровниковой, посвящённые Сципионам Африканским — Старшему и Младшему (Бобровникова 2009 — переиздание книги 1998;

Бобровникова 2001)¹. Все остальные заслуживающие более или менее серьёзного отношения работы², опубликованные на русском языке по данной проблематике, — это переводные труды: главным образом довольно многочисленные, хотя и разного научного уровня и качества перевода, биографии Ганнибала (Лансель 2002; Де Бир 2005; Габриэль 2012), который в плане популярности взял уверенный реванш у своего победителя Сципиона (Лиддел Гарт 2003). Нельзя не упомянуть и анализ отдельных сторон военного искусства в ходе римско-карфагенского конфликта, принадлежащий перу известного знатока военного дела античности П. Коннолли (Коннолли 2000, 142–207), а пионерским в данном отношении следует признать перевод труда классика военной истории Г. Дельбрюка (Дельбрюк 1999, 223–286 — собственно о Пунических войнах, особенно о Ганнибаловой войне). Особо следует отметить совсем новые переводы двух последних лет: монографию Р. Майлза, посвящённую Пуническим войнам в целом — они рассматриваются на широком фоне истории Карфагена и Западного Средиземноморья³, — и почти что классическую книгу В. Хусса, переведённую с немецкого (что немаловажно!) Ю. Б. Циркиным, весьма компетентным специалистом в этой теме (Хусс 2015). Вероятно, приведённый краткий список можно дополнить, что, однако, едва ли изменит общую картину, оценка которой позволяет уверенно (и с сожалением) констатировать: количество и качество имеющейся сегодня научной и научно-популярной литературы по римско-карфагенской проблематике на русском языке никак не соответствует ни важности и актуальности темы, ни уровню, достигнутому в этой сфере западным антиковедением,

¹ См. резонную критику подхода Т. А. Бобровниковой к материалу (применительно ко второй работе), основанного на безудержной идеализации обоих персонажей: Короленков 2008, 215–223. Пожалуй, ещё более негативной оценки заслуживает третья книга этого автора: Бобровникова 2012. Т. А. Бобровникова вновь видит свою цель в том, чтобы (ни более, ни менее!) «восстановить духовную жизнь того времени, ...чтобы вновь встали живыми люди тех времён, чтобы вновь зазвучали их голоса» (*sic!*) (Бобровникова 2009, 6; ср.: Бобровникова 2012, 5). Стиль повествования во всех трёх книгах (особенно в последней) выдержан в подобном неумеренно восторженном ключе, что делает их совершенно неудобочитаемыми для людей со здоровым критическим восприятием и превращает в наглядный пример того, как не следует писать для широкой аудитории; даже наличие довольно обширного библиографического аппарата не дает основания назвать эти книги научно-популярными.

² По понятным причинам — прежде всего с целью недопущения рекламы некачественного продукта — здесь не стоит даже упоминать работы откровенно дилетантского характера, написанные неспециалистами: к сожалению, имя им (почти) легион.

³ Майлз 2014. Отрадно, что англоязычный оригинал вышел совсем недавно, в 2010 г.

ни, наконец, тому весьма значительному интересу, который испытывает к Пуническим войнам широкая аудитория интересующихся античностью (особенно её чисто военной стороной) читателей. Так что намерение заполнить хотя бы отчасти досадную лауну в нашем антиковедении вызвало положительный отклик.

Однако, как это часто бывает, реализация довольно амбициозного замысла, тем более сопряжённого с привлечением значительного числа участников, вскоре встретила целый ряд трудностей как объективного, так и субъективного характера, что потребовало подключения к их решению «старших товарищей», ставших редакторами сборника. Прежде всего возникли проблемы с подбором авторов: в России «узких» специалистов по Пуническим войнам немного. Это обусловило необходимость обращения с предложением о сотрудничестве к исследователям из других стран, что удалось, к сожалению, реализовать лишь отчасти — несколько ведущих зарубежных экспертов в данной сфере после дипломатичного обсуждения идеи ответили вежливым отказом. Тем не менее определённую «международность» книга всё же обрела: в её создании приняли участие не только авторы из восьми городов России, но также исследователи из Великобритании, Финляндии, Дании и Украины. И самое главное: стала актуальной выработка такой концепции сборника, которая, с одной стороны, претендовала бы на оригинальность, а с другой — отвечая в достаточной мере современным требованиям в отношении научного уровня, содержания и подходов, смогла бы выполнить изначально намеченную задачу по пресловутому «заполнению лауны».

Редакторам пришлось немало поломать голову, чтобы найти достойный выход. И опять же, как это нередко случается, решение оказалось не то чтобы лежащим на поверхности, но вполне логичным и не требующим никаких особых интеллектуальных изысков. Оно обнаружилось в результате осознания в новом ракурсе того отдающего банальностью обстоятельства, что историческое значение Пунических войн поистине колоссально. И дело не только в тех общеизвестных констатациях, что они стали важнейшим шагом к складыванию мировой Римской державы⁴ и открыли новую главу в развитии военного дела античности. Их громадное влияние на самые разные аспекты формирования римского общества было правомерно отмечено, например, Арнольдом Тойнби, что явствует из самого названия — намеренно парадоксального —

⁴ Как это прозорливо отмечал уже Полибий — единственный из тех ведущих античных историков (чей труд к тому же до нас дошёл хотя бы относительно в полном виде), кто был современником римско-пунийского противоборства, пусть и его завершающей фазы.

одной из его наиболее значительных исторических работ, посвящённой Древнему Риму: «Наследие Ганнибала» (Тоунбее 1965). Наверно, практически любой специалист по римской истории, не занимающийся напрямую римско-карфагенским противостоянием, может найти немало примеров того, как оно оказывало значительное воздействие (непосредственно или косвенно) на все стороны жизни Рима: не только на внешнюю политику, дипломатию и военную организацию, что вполне естественно, но и на экономику, социальные отношения, государственную пропаганду и ментальность населения, религию и культуру и пр., давая тем самым богатый материал для разработки самых разнообразных исследовательских сюжетов, связанных с историей Вечного города⁵. Более того, такое положение дел не ограничивается только романистикой: «отзвуки» Пунических войн могут быть обнаружены в конкретных исторических данных и соответственно в проблемном поле, на первый взгляд весьма далёких от собственно римско-карфагенского конфликта и даже римской либо карфагенской истории вообще. Так, автору этих строк, чьим основным предметом интересов служит история эллинистической Малой Азии, совсем недавно случилось не без удивления обнаружить, что обращение к малоизученным деталям хронологии Третьей Пунической войны (которыми прежде ему совершенно не доводилось заниматься) вдруг оказалось способно пролить свет на весьма важные вопросы династической истории и хронологии Понтийского царства⁶.

Именно многократное осмысление в разных перспективах этих не претендующих на особую новизну фактов и подвигло редакторов на принципиальное формулирование концепции сборника: писать не только (и, быть может, даже не столько!) о самих Пунических войнах, сколько о том, что происходило *вокруг них и в связи с ними* — как в пространстве, так и во времени. Показалось перспективным и по-настоящему новым обратиться к рассмотрению предпосылок и нарастания римско-карфагенского противоборства⁷; той военно-политической обстановки, которая складывалась в Средиземноморье в III—II вв. до н. э. во многом именно под влиянием Пунических войн; их исторических последствий; рецепции этих событий в более поздней античной историографии,

⁵ Наверняка то же самое можно было бы сказать и о карфагенском обществе, если бы источники позволяли сделать это... и если бы Карфаген Пунические войны пережил!

⁶ См. об этом сюжете: Габелко 2014, 290–291. Следует отметить, что и последние годы жизни Ганнибала, связанные с его пребыванием в Вифинии, также представляют немалый интерес; см.: Габелко 2005, 266–290, особ. 276–288.

⁷ В этой связи должна быть упомянута работа: Садыков 2003.

а также и в другие исторические эпохи. Следование этой установке, по мысли редакторов, способно превратить книгу не просто в сборник отдельных статей, объединённых общей римско-карфагенской проблематикой, но в полноценную коллективную монографию (как она и будет именоваться в дальнейшем).

Так постепенно и определились столь важные вещи, как базовая концепция книги и отвечающая ей структура. Показалось логичным предварить основную часть не только данным предисловием, но и историографическим обзором, показывающим современное состояние исследований Пунических войн в мировом антиковедении (он написан А. В. Махлаюком — без сомнения, лучшим отечественным специалистом по римской военной истории)⁸. Нет резона отказываться и от вполне традиционных сюжетов, связанных с рассмотрением хода военных действий между пунийцами и римлянами как на суше, так и на море, тем более что и в этой сфере обнаруживается возможность прибегнуть к разработке совершенно нестандартных тем, касающихся собственно Пунических войн лишь косвенно, как это показывает, например, статья А. К. Нефёдкина. Равным образом и другие работы из первой части книги, написанные Д. П. Алексинским и А. И. Козаком, посвящены истории и организации не римской, а карфагенской армии, которая гораздо хуже представлена в источниках и соответственно намного слабее изучена. В статьях К. Стейнби и С. Ю. Горькова, отражающих римско-карфагенское противостояние на море, затронуты как стратегические, так и тактические его аспекты.

Весьма разнообразным по проблематике и содержанию оказался второй раздел монографии. Предыстория римско-карфагенского конфликта рассматривается в нем в двух аспектах — чисто дипломатическом (работа Ю. Б. Циркина) и религиозно-идеологическом (статья А. В. Мосолкина)⁹. В трёх последующих исследованиях, написанных А. Л. Зелинским, Н. Ю. Сивкиной и А. А. Абакумовым, Пунические войны представлены как своеобразное связующее звено между Западным и Восточным Средиземноморьем, римским и эллинистическим мирами в плане дипломатии и военно-политических взаимоотношений. Несомненно, тема контекста военного и дипломатического противостояния Рима и Карфагена этим разделом работы отнюдь не исчерпана.

⁸ Будучи исследователем армии ранней Римской империи, он тем не менее является автором весьма удачной научно-популярной книги по военной истории Рима в целом, где довольно подробно рассмотрены и Пунические войны (Махлаюк 2003, 131–233).

⁹ Следует отметить, что последний весьма основательно разобран в различных частях упоминавшейся монографии Р. Майлза (Майлз 2014).

Закономерно богатым и содержательным оказался материал, связанный с влиянием, которое оказывали войны с карфагенянами на римское общество. Авторы этого раздела детально рассмотрели здесь самые разнообразные сферы жизни Римской республики: общественную психологию римлян, восприятие ими пунийцев и формирование «образа врага» (В. О. Никишин), особенности религиозной и правовой системы Рима той поры (В. А. Квашнин и А. М. Сморгчов), функционирование государственных институтов Рима в кризисных условиях (А. В. Коптев и Р. В. Лапырёнок). Пожалуй, это исследовательское направление является достаточно перспективным для того, чтобы стать стержневой темой специального коллективного исследования, в котором могли бы быть проанализированы среди прочего и сюжеты, не вошедшие в предлагаемую книгу, — например, темы, связанные с эксплуатацией образа Пунических войн в пропаганде времён Римской империи или в римской поэзии и литературе (хотя в данном случае допустимо говорить и об элементах рецепции исторических событий в позднейшие эпохи).

Разумеется, грандиозность событий, связанных с Пуническими войнами, предопределила историческую значимость основных действующих лиц, принадлежащих к обеим враждующим сторонам, а отчасти и сама была порождена ею. Вполне естественно, что в центре внимания авторов, чьи работы вошли в четвёртый раздел книги, оказались фигуры Ганнибала, Фабия и Сципионов, которые не испытывают недостатка исследовательского внимания (статьи А. В. Короленкова, В. А. Леуса, а также перевод фрагмента старой, но вовсе не потерявшей своего значения книги немецкого исследователя В. Хофмана¹⁰). Однако совершенно не случайно, что в поле зрения авторов оказались персонажи не столь значимые, но оттого ничуть не менее интересные — М. Атилий Регул и Г. Теренций Варрон, рассмотренные соответственно Е. Г. Тейтельбаумом и А. Б. Никольским совместно с А. В. Короленковым, а также загадочная фигура Серрана (Е. В. Смыков). Весьма перспективным кажется направление работы, связанное именно с персоналиями участников Пунических войн, причём с обеих сторон — «навскидку» можно назвать, например, имена Марка Клавдия Марцелла и/или других римских военачальников, либо же отца и братьев великого Ганнибала — Гамилькара Барки, Гасдрубала и Магона, которым в отечественном антиковедении не уделялось специального внимания. Данный раздел представляет значительный интерес и в том смысле, что именно в от-

¹⁰ Вильгельм Хофман (1909–1969) — видный немецкий историк античности, работавший в университетах Лейпцига, Гамбурга, Гиссена и Гёттингена. Его основные работы посвящены истории Римской республики и в особенности Пунических войн: Hoffmann 1934; 1942; 1962.

ношении к наиболее значительным деятелям прошлого особенно отчётливо проявляются основные идейные и морально-этические установки, научные методы и литературные подходы, характерные для ведущих представителей греко-римской историографии, избравших предметом своего рассказа Пунические войны: Полибия, Тита Ливия и Аппиана. Таким образом, в четвертом разделе книги воедино переплетены персонафицированная история и историописание, что создаёт весьма многообещающий задел для будущих исследований.

И, наконец, особое место занимают в книге статьи В. А. Гончарова и Н. С. Колоколовой, посвящённые рецепции Пунических войн в современной культуре. Для отечественного антиковедения пока что остаются достаточно нетрадиционными и даже, пожалуй, экзотическими предметы исследования, избранные авторами, — кинематограф и (особенно!) рок-музыка, и потому задействованный Н. С. Колоколовой и В. А. Гончаровым подход кажется весьма привлекательным и перспективным.

Предисловия к научным изданиям принято завершать довольно стандартным обращением к читателю книги: дескать, ему предстоит судить, насколько удалась реализация авторского замысла. В ещё большей мере это относится к коллективным трудам: ведь редактору надлежит прежде всего придать этому самому замыслу определённое единство, тем более что добиться абсолютно ровного состава собранных под одной обложкой работ, как правило, не удаётся (что, в принципе, следует воспринимать как нормальное явление). Кроме того, в данном случае нужно иметь в виду и проявляющиеся иногда разные подходы контрибьюторов книги к одним и тем же проблемам и сюжетам, рассматриваемым под различными углами зрения, — думается, это почти неизбежное противоречие всё же не нарушит целостного восприятия читателем представленного в монографии материала. Автору этих строк заранее ясно, что редактируемая им работа скорее лишь наметила некоторые пути дальнейших исследований Пунических войн, нежели обозначила какие-то значимые результаты в их изучении. Но в той историографической ситуации, которая была обрисована выше, и это следует считать, как кажется, неплохим достижением.

Литература

- Бобровникова Т. А.* Повседневная жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена. М., 2001.
- Бобровникова Т. А.* Сципион Африканский. М., 2009.
- Бобровникова Т. А.* Встреча двух миров. Эллада и Рим глазами великого современника. М., 2012.
- Габелко О. Л.* История Вифинского царства. СПб., 2005.

- Габелко О. Л.* Некоторые проблемы монетного чекана понтийских царей во II в. до н. э. // ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти Аркадия Анатольевича Молчанова / отв. ред. А. В. Акопян, Т. Н. Джаксон. М., 2014. С. 285–296.
- Габриэль Р. А.* Ганнибал. Военная биография величайшего врага Рима / пер. с англ. Г. В. Максимюк. М., 2012.
- Горьков С. Ю.* Рим и Карфаген. Великая морская война. М., 2003.
- Де Бир Г.* Ганнибал: война за власть в Средиземноморье. Смоленск, 2005.
- Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Том первый. Античный мир. СПб., 1999.
- Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.
- Кораблёв И. Ш.* Ганнибал. М., 1976.
- Кораблёв И. Ш.* Ганнибал. 2-е изд. М., 1981.
- Кораблёв И. Ш.* Ганнибал. Ростов-на-Дону, 1997.
- Короленков А. В.* Из новейшей литературы о Сципионе Эмилиане // ШН. VIII. 2008. С. 211–223.
- Лансель П.* Ганнибал. М., 2002.
- Лиддел Гарт Б. Г.* Сципион Африканский. Победитель Ганнибала. М., 2003.
- Майлз Р.* Карфаген должен быть разрушен. М., 2014.
- Махлаюк А. В.* Римские войны. Под знаком Марса. М., 2003.
- Разин Е. А.* История военного искусства с древнейших времён до первой империалистической войны 1914–1918. В 4-х т. Т. 1–2. М., 1939.
- Ревяко К. А.* Пунические войны. Минск, 1988.
- Садыков М. Ш.* Межгосударственные отношения и дипломатия в Западном Средиземноморье в 323–264 гг. до н. э. Казань, 2003.
- Хусс В.* История карфагенян. СПб., 2015.
- Hoffmann W.* Rom und die griechische Welt im 4. Jahrhundert. Leipzig, 1934.
- Hoffmann W.* Livius und der Zweite Punische Krieg. B., 1942.
- Hoffmann W.* Hannibal. Göttingen, 1962.
- Toynbee A. J.* Hannibal's Legacy. The Hannibalic War's Effects on Roman Life. Vol. I–II. London; New York; Toronto, 1965.

Oleg L. Gabelko

THE PUNIC WARS AND AROUND

The author explains the main conception of the collection, grounds the structure of the book and reveals the approaches used by contributors in the course of analysis of the main subject. Viewing the Punic Wars as one of the main events in ancient history, which shaped the outlines of the Mediterranean for the centuries, one possible to unite in the frames of complex study concrete researches of various aspects of military, diplomatic, cultural interactions between Rome and Carthage and their reception in the modern society as well.

А. В. Махлаюк

ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Историкам часто приходится повторяться, заново обращаясь к одним и тем же темам, сюжетам и событиям прошлого. Это неизбежно даже в тех случаях, когда они стремятся предложить и обосновать новую концепцию или интерпретацию прошлого, изошряясь в изобретении новых вопросов, подходов и ракурсов исследования. Ведь для того, чтобы внести какое-либо уточнение в общую картину прошлого, «освежить» взгляд на давно известные свидетельства источников, дать их более комплексное, углубленное толкование, найти новые краски и оттенки в освещении тех или иных страниц и персонажей прошлого, необходимо заново воспроизводить и общую канву событий в их хронологической последовательности, и характеристику институтов, общеисторического контекста, и вехи жизни исторических персонажей. Вместе с тем история многих событий, эпох, личностей зачастую пересказывается вновь и вновь, почти ничего оригинального не добавляя к многократно изученному и уже хорошо известному, подчас даже не претендуя на производство действительно нового знания. Такое повторение может быть связано с конкретными целевыми установками пишущих, с жанровыми особенностями их сочинений и с предпочтениями той читательской аудитории, на которую ориентируются авторы: одно дело — сугубо академические исследования, предназначенные специалистам и нацеленные на научную новизну и оригинальность интерпретаций; совсем другое — популярная историческая литература, адресованная так называемому широкому читателю, которая, выдвигая на первый план занимательность изложения, нередко сближается с беллетристикой. В современной социокультурной ситуации эти две разновидности историописания находятся в сложных и неоднозначных отношениях, в которых многое определяется отнюдь не только логикой развития самого исторического знания,

но специфическим рыночным спросом, модой и теми трудноуловимыми импульсами, которые исходят из общественной атмосферы и заново актуализируют определённые исторические темы и сюжеты.

Весьма примечательна в этом плане современная историографическая «продукция», посвященная истории Пунических войн — тому более чем столетнему, поистине эпическому по своим драматическим перипетиям конфликту между Римской республикой и пунийским Карфагеном в III—II вв. до н. э., который является, пожалуй, самым масштабным и протяженным в истории Древнего мира. И история этого эпохального противостояния никогда не была обойдена вниманием историков — ни древних, писавших или по его «горячим следам»¹, или спустя столетия с великодержавной высоты *pax Romana*, ни современных, стремящихся критически переосмыслить эту историю и воссоздать её во всей сложнейшей взаимосвязи политических, военных, социальных, дипломатических, личностных и прочих факторов. С неподдельным и практически ориентированным интересом к этой истории обращались и обращаются также и современные военные специалисты, которые пристально изучают кампании и главные сражения Пунических войн, полководческое искусство Ганнибала и Сципиона². Как немногие другие события античной истории, тема Пунических войн пользуется у массовой аудитории неизменным спросом, который удовлетворяют историческая беллетристика и многочисленные популярные работы, а также кинематограф, телевидение, Интернет. Не приходится поэтому удивляться тому поистине необозримому и весьма разнообразному историографическому потоку, который охватывает все возможные аспекты истории Пунических войн — этого, по выражению Д. Хойоса, «предмета, неизменно бросающего вызов» (*the perennially challenging subject*: Hoyos 2011, 4).

Эта история — при всей своей «хрестоматийности», а отчасти и благодаря ей — остается актуальной и как сфера приложения и апробации новейших исследовательских подходов, разрабатываемых в современ-

¹ Не стоит забывать, что само рождение римского историописания в конце III в. до н. э. самым непосредственным образом связано с этим великим противоборством. По точному замечанию М. фон Альбрехта, «как Геродот пишет под впечатлением персидских войн, так и Фабий, Цинций Алимент и эпик Невий берутся за перо под знаком борьбы Рима с Карфагеном» (фон Альбрехт 2002, 418).

² Одним из основоположников в этой области был известный военный теоретик фельдмаршал Альфред фон Шлиффен, возглавлявший германский Генеральный штаб в конце XIX — начале XX в. и посвятивший специальную работу битве при Каннах (Schlieffen 1925). См. также: Kromayer, Vieth 1912; Liddell Hart 1926 (русский перевод: Лидделл Гарт 2003); Fuller 1954. Эта традиция сохраняется вплоть до настоящего времени. См., например: Parker 2001.

ном антиковедении. Именно на них стоит остановиться, с тем чтобы читатель имел возможность судить о том, в каком историографическом «ландшафте» конца XX — начала XXI в. освещаются войны между Римом и Карфагеном. Конечно, в ограниченных рамках небольшой статьи нет возможности подробно охарактеризовать и критически оценить все новые исследовательские направления, получившие развитие в последние десятилетия и так или иначе сказавшиеся на изучении Пунических войн. Ограничившись преимущественно периодом 1990-х — начала 2010-х гг., попытаемся обозначить основные тенденции в этой области³ и остановимся главным образом на *status quaestionis* и некоторых наиболее, на наш взгляд, интересных и плодотворных тематических новациях и обобщающих трудах по эпохе Пунических войн.

При этом не стоит забывать, что значительную часть (если не большинство) публикуемых в настоящее время работ составляют нарративы вполне традиционного «позитивистского» толка, в общем-то, по большому счету, не претендующие на какой-либо коренной пересмотр устоявшихся точек зрения или использование принципиально новых ракурсов исторического исследования, хотя и среди них есть немало основательных, интересных и важных трудов.

Bella Punica, разумеется, были и остаются сферой интереса и полем приложения усилий в первую очередь специалистов по военной истории античности. Надо сказать, что новые приоритеты, проблематика и методологические новшества, характерные для военно-исторического «департамента» науки об античности в последние десятилетия⁴, в полной мере проявились и в работах специалистов, изучающих римско-пуническое противостояние. В настоящее время в области античной военной истории нет доминирования какой-то особой школы (Hanson 2007, 18). Тем не менее можно констатировать, что традиционное рассмотрение войны как продолжения политики иными средствами и преимущественно в категориях стратегии и тактики или же в плане прямолинейного детерминизма разного рода отошло на второй план⁵. В то же время

³ Некоторые из них, касающиеся российского сегмента современной научной литературы, отмечены в статье О. Л. Габелко, открывающей данный том.

⁴ Общие обзоры положения дел в этой области см.: Hanson 1999; 2007; Brice, Roberts 2011.

⁵ Критический разбор различных «детерминистских» подходов в области военной истории, включая собственно технологический вариант, отводящий определяющую роль вооружению и тактике, вариант политический, подчеркивающий обусловленность политики военными факторами, и структурный, согласно которому военно-технологические трансформации обуславливают социально-политические изменения, см. в работе: Echeverria Rey 2010.

к новейшим исследованиям в области собственно военной истории римско-пунийского противостояния с некоторыми оговорками можно отнести разделение военных историков на две категории, предложенное Эвереттом Уилером (на основе современной историографии, изучающей войны в Древней Греции). Используя метафору из «Приключений Алисы в Стране Чудес» Л. Кэрролла, он делит их на «безумных шляпников» и «мартовских зайцев»: первые — это приверженцы традиционных историцистских методологий, вторые — те, кто прибегает к теориям и методам из социальных наук и работает в таких направлениях, как «лик битвы» и «война и общество» (Wheeler 2011).

Действительно, одним из наиболее значимых и интересных «поворотов» в изучении военной истории античности, который начался в конце 1980-х — 1990-е гг. и получил развитие в 2000-е гг., стало обращение к «антропологии битвы», т. е. к истории сражений, рассматриваемой с точки зрения поведения самих комбатантов, их взаимодействия и восприятия, физического и психического состояния, морально-психологической мотивации, а также эффекта, производимого применяемым оружием и «технологиями» уничтожения противника. В русле данного направления, становление которого было во многом стимулировано пионерскими работами Дж. Кигэна (Keegan 1976; 1987), происходящее на поле боя рассматривается как исключительно сложный, многоаспектный феномен и прежде всего как *soldiers' battle*, а не как *generals' battle*⁶ (хотя и непосредственные действия, функции и стиль поведения военачальника на поле боя не остаются без внимания⁷). Несмотря на высказываемые порой критические мнения о применимости концепций “Face

⁶ В области античной истории к этому подходу одним из первых обратился на греческом материале Виктор Дэвис Хэнсон (Hanson 1989; см. также: Hoplités 1991; Battle in Antiquity 1996; Hanson 2001), который в своих построениях отталкивается от так называемой *buddy theory*, основывающейся на опыте Второй мировой войны (в соответствии с ней ключевым фактором, определяющим поведение воина на поле боя, являются товарищеские узы и мнение его ближайших соратников, а также стремление сохранить собственную и их жизнь), и особый акцент делает на использовании греками решающего сражения как главного средства победы в вооружённом конфликте. При этом В. Хэнсон подчёркивает превосходство присущего западному миру, начиная с древних греков, «гражданского милитаризма», связанного с традициями демократии, права, свободы и рыночной экономики. Современные подходы в рамках этого направления представлены, например, в разделах “The Face of Battle in the Classical World”, “Impacts and Techniques: War in the Classical World” в Oxford Handbook... 2013, 143–276; 279–621.

⁷ Этот аспект военной истории также был специально выделен как предмет исследования Дж. Кигэном в его второй книге: Keegan 1987. Его изучению на античном материале посвящен ряд интересных работ, например: Wheeler 1991; Poznanski 1993; Beston 2000; Moore 2013.

of Battle” к античному материалу⁸, исследования в этом направлении открывают возможность по-новому увидеть и оценить конкретные реалии войн древности, раскрывая не использовавшийся прежде потенциал традиционного комплекса источников.

Литературные источники по истории Пунических войн, хотя и написаны в массе своей спустя многие поколения после самих событий, при соответствующих методологических предосторожностях дают весьма значимый материал как для реконструкции «лика римской битвы» в целом⁹, так и для переоценки отдельных сражений эпохи Пунических войн именно с точки зрения их «механики» (Кoop 2011), прежде всего битвы при Каннах, которая неизменно привлекает особое внимание историков и стала в последние годы предметом ряда специальных и монографических исследований¹⁰. Битва при Заме — другое знаковое сражение Второй Пунической войны — также не была обойдена исследовательским вниманием (Carey 2007). В этом проявился характерный для военной истории поворот к пристальному изучению отдельных сражений. Важно, что лучшие работы данного направления отличает стремление рассматривать ключевые битвы не только с точки зрения собственно военных аспектов, но в широком общеисторическом, политическом и социокультурном контекстах. Примером такого разностороннего подхода может служить книга Грегори Дали о битве при Каннах — пожалуй, наиболее основательное исследование, осуществлённое с использованием современных подходов (Daly 2002).

В последние два десятилетия появился целый ряд фундаментальных работ по истории Пунических войн в целом с особым акцентом на их собственно военных аспектах. Написанные признанными специалистами, которые равно уверенно чувствуют себя и в области строго академических штудий, и в научно-популярном жанре, эти труды задают тон и уровень современной историографии. Здесь можно особо выделить книги таких авторов, как Ян Ле Бозк (ведущий французский специалист по военной истории Рима), чья работа освещает все три Пунические войны, удачно сочетая анализ событий с характеристикой стратегии, тактики, ресурсов и военного искусства сторон (Le Bohec 1996); Адриан

⁸ См., в частности, критику Э. Уилера (Wheeler 2011, 66 ff.).

⁹ См. прежде всего основополагающую работу Филиппа Сабина: Sabin 2000 (русский перевод: Сабин 2006).

¹⁰ См.: Samuels 1990; Hanson 1992 и 2001 (гл. 4 “Cannae, August 2, 216 B.C.”, p. 99–132); Sabin 1996; Widemann 1999. Из общих работ, посвящённых Каннам, можно указать: Russo 1999; Goldsworthy 2001; Daly 2002; Mosig, Belhassen 2006; O’Connell 2011. Из работ популярного характера о битве при Каннах см.: Healy 1994; Сикорский 2002.

Голдсуорти, книги которого хотя и написаны, скорее, в научно-популярном ключе, в полной мере опираются и на собственный исследовательский опыт автора в области военной истории, и на результаты новейших специальных работ (Goldsworthy 2000; 2001). В этом же ряду следует назвать книги Дж. Лэйзенби (Lazenby 1996; 1998), а также серию трудов Д. Хойоса, который давно и плодотворно занимается разнообразными аспектами Пунических войн. В частности, монографическое освещение в его трудах получили темы истоков Первой и Второй Пунических войн (Hoyos 1998), истории династии Баркидов и Карфагена в целом (Hoyos 2003; 2010), включая и такой её эпизод, как восстание наёмников¹¹. Хойосу принадлежит также одна из новейших книг, комплексно освещающих всю историю Пунических войн (Hoyos 2014). Данные исследования отличает стремление представить сбалансированный взгляд на эту историю, без чрезмерного романоцентризма, но и без какого бы то ни было превознесения военного гения Ганнибала, которое подчас встречается в современных работах.

Кроме того, именно Д. Хойос является редактором недавно изданного «Компэньона к Пуническим войнам» (A Companion 2011), в котором представительный интернациональный коллектив, включающий многих ведущих специалистов¹², даёт «срез» современных взглядов, подходов и проблематики в данной области антиковедения. В этом издании, главная цель которого состоит в том, чтобы включить Пунические войны в сложный исторический контекст наряду с традиционными вопросами (источники, события, дипломатия и военная стратегия сторон и т. д.), освещается и ряд сюжетов, ставших предметом специального внимания совсем недавно. В их числе можно назвать такие, как геостратегия и пропаганда Ганнибала (Fronza 2011; Miles 2011), экономические, демографические и культурные последствия войн, причём не только для Рима и Италии (Rosenstein 2011), но и для Карфагена и средиземноморского запада (Fantar 2011; Richardson 2011), образы врага и войны в исторической памяти (Brizzi 2011).

Отдельные военно-исторические сюжеты и темы рассматриваются в большом количестве современных исследований. В частности, если говорить преимущественно о монографических трудах, то следует констатировать активное изучение в последние два десятилетия военной

¹¹ Hoyos 2007. Ещё раньше этой теме была посвящена монография Л. Лорето (Loreto 1995).

¹² В числе авторов «Компэньона» такие мэтры, как Вальтер Амелинг, Пауль Эрдкамп, Ганс Бек, Клаус Циммерманн, Педро Барсело, Натан Розенштейн, Ян Ле Боек и другие исследователи, широко известные своими работами по истории Пунических войн и другим разделам античной истории.

организации и тактики, различных родов войск не только римской армии (Quesada Sanz 2003; Dall'Angelo 2007), но и вооружённых сил Карфагена. Здесь можно отметить монографии М. Златтнера о разведывательной службе Ганнибала и А. Фаризелли о карфагенских наёмниках (Zlattner 1997; Fariselli 2002), статью М. Шарля и П. Родан о слонах в армии Ганнибала (Charles, Rhodan 2007), а также книги Я. Стефенсона об армии Ганнибала¹³ и В. Мэхани о переходе Ганнибала через Альпы (Mahaney 2009). На качественно новый уровень в минувшие два десятилетия вышли исследования, посвящённые военно-морским аспектам Пунических войн (прежде всего Первой). В отечественной науке интересное обобщение материала предложено в диссертации и монографии С. Ю. Горькова, а из недавних зарубежных исследований выделим работы К. Стейнби¹⁴. Появились и обобщающие работы по карфагенскому флоту (Barkaoui 2003).

Важные и интересные результаты для понимания тех условий и факторов, которыми обуславливались стратегия и тактика противоборствующих сторон в крупных военных конфликтах, были получены благодаря пристальному исследованию вопросов, связанных с материальным обеспечением войск (прежде всего продовольствием) и транспортными ресурсами. В этом отношении можно выделить обобщающие труды М. Юнкельмана и П. Эрдкампа, Дж. Рота¹⁵. Было бы, однако, преувеличением считать именно логистику решающим фактором, объясняющим как сопротивление карфагенян на вражеской территории, так и способность римлян переломить положение дел после первых поражений от Ганнибала и в конечном счете изгнать противника с италийской земли (Naso del Noyo 2011, 379; ср.: Erdkamp 2011).

Еще одно плодотворно разрабатывавшееся с начала 1990-х гг. направление можно условно обозначить «война и общество»¹⁶; оно непосредственно связано с современными социально-историческими подходами к изучению античности и нацелено на комплексное исследование экономического, демографического и культурного контекста и влияния

¹³ Stephenson 2008. Существенное внимание военному делу карфагенян уделено также в работе В. Амелинга (Ameling 1993).

¹⁴ Горьков 2003а, 2003б; Steinby 2000, 2004, 2007 и 2013. Оба автора представлены на страницах данного тома (с. 101–124). Из работ научно-популярного рода на русском языке см. также: Хлезов 2005.

¹⁵ Junkelmann 1997; Erdkamp 1998; Roth 1999. Специально по Пуническим войнам см.: Shean 1996; Erdkamp 2011.

¹⁶ Начало разворота интереса к этому направлению ознаменовано публикацией двух коллективных работ в начале 1990-х гг., которые во многом определили проблематику последующих исследований: War and Society in the Greek World 1993; War and Society in the Roman World 1993.

военных конфликтов на внутреннее развитие общества. В новейшей историографии данное направление представлено рядом работ Н. Розенштейна, а в российской науке — исследованиями В. А. Квашнина. Н. Розенштейн, в частности, подробно изучил вопрос о взаимосвязи войн и римского сельского хозяйства в период от Ганнибаловой войны до эпохи Гракхов и, опираясь на скрупулёзный расчёт трудовых и продовольственных ресурсов, необходимых для благополучного функционирования крестьянского хозяйства, выступил против традиционной точки зрения на разрушительное воздействие длительных военных действий на римское крестьянство (Rosenstein 2004, ср.: Rosenstein 2012). В. А. Квашнин исследовал влияние Второй Пунической войны на общественные институты, финансы, законодательно-правовую (прежде всего законы о роскоши) и религиозную сферы Римского государства (Квашнин 2006а; 2006б; 2006с; 2009; 2013).

В русле названного направления стоит отметить и некоторые другие исследования. Комплекс политических, дипломатических, военных и экономических факторов, обуславливавших позиции италийских общин в период Ганнибаловой войны и характер римской гегемонии на Апеннингах, стал предметом содержательного исследования Майкла Фронды, которое проливает свет и на трансформацию Римской Италии (Fronda 2003; 2010). Бруно Блекманн подробно рассмотрел влияние событий и военно-политической обстановки периода Первой Пунической войны на формирование римской аристократической элиты, её самосознания, системы ценностей и видения своего места, так сказать, в средиземноморской системе координат (Bleckmann 2002).

Надо сказать, что из поля зрения современных историков, занимающихся эпохой Пунических войн, отнюдь не выпала и собственно событийная история. В частности, новое углублённое исследование получили конкретно-исторические мотивы и подоплёка начала конфронтации Рима и Карфагена (в том числе такая давняя проблема, как *casus belli* Второй Пунической войны — Rich 1996; Hockert 2005; Rudat 2006), перипетии их дипломатических отношений в периоды мира (Palmer 1997; González 2000; Gerhold 2002), политическая стратегия (Loreto 2007).

Важной темой новейшей историографии Пунических войн стала историческая (коллективная) память о войнах, которая имела разнообразные формы и проявления (Brizzi 2011). Доставшиеся чрезвычайно дорогой ценой победы над карфагенянами, безусловно, в значительной степени повлияли на формирование «римского мифа» с его хрестоматийными историческими *exempla* и героями, такими, например, как Атилий Регул, образ которого, пережив существенную эволюцию, прочно

вошёл в «римский миф» (см.: Gendre, Loutsch 2001; Leach 2014). В то же время память о войнах с пунами, наряду с конструированием *Schlachtenmythen*, носила травматический характер (Lapray 2000; Beck 2006). Составным элементом исторической памяти о Пунических войнах был и тот образ «инога» или исконного врага (Bonnet 2005), прежде всего Ганнибала, который создавался в произведениях античных писателей и историков¹⁷. К этому направлению примыкает и более традиционное, занимающееся проблемами отражения истории Пунических войн в трудах античных авторов (Chassignet 1998; Coudry 1998; Rossi 2004; Marks 2005), включая комментарии и исследования основных источников, таких как Тит Ливий¹⁸, Полибий (Schmitt 1991) и Аппиан¹⁹, а также сочинений, относящихся к другим жанрам, как, скажем, «Пуника» Силия Италика (Tipping 2010; Stocks 2014) или биографические сочинения о Ганнибале (Fugmann 2000; Glücklich 2011).

Все эти исследования, несомненно, вносят существенный вклад в расширение и углубление наших знаний как о важнейшей эпохе мировой истории в целом, так и о конкретных сторонах и тенденциях в развитии таких разных вариантов античных социумов, как Римская республика и пунийский Карфаген. Результаты специальных трудов, включая материалы археологических раскопок, в той или иной степени учитываются и включаются в общие труды по Пуническим войнам, в изобилии публикуемые в настоящее время²⁰.

Разумеется, история Второй Пунической войны традиционно рассматривается и через биографии её главных протагонистов — Ганнибала и Сципионов. При этом *побеждённый* Ганнибал, безусловно, остаётся самым популярным героем как исследовательских, так и популярных работ, на страницах которых он предстаёт как чрезвычайно масштабная, неоднозначная историческая личность и, несмотря на отдельные негативно-критические оценки его стратегии²¹, как гениальный полководец, харизматический лидер и выдающийся государственный деятель,

¹⁷ Из недавних работ на эту тему см., например: Barceló 1994; Matusiak 2009; Vaca-Winters 2010.

¹⁸ Smith 1993; Händl-Sagawe 1995; Ridley 2000; Moore 2010. Наиболее подробный современный анализ Ливиева нарратива о Ганнибаловой войне см.: Levene 2010.

¹⁹ Leidl 1996. Об освещении в античной историографии взаимоотношений Рима и Карфагена см. также: Mantel 1998.

²⁰ В дополнение к уже названным можно указать на ряд добротных работ общего плана: Prevas 1998; Mira Guardiola 2000; Peddie 2005; Zimmermann 2005; Keçiek 2005; Brizzi 2007a, 2007b; Miles 2010; Майлз 2014. См. также материалы тематических конференций: The Second Punic War... 1996; La première guerre punique... 2001; Hannibal ad Portas... 2004; Hannibal et les Alpes... 2011.

²¹ См., например: Hoyos 2008.

способный предложить альтернативу римскому гегемонизму (Barceló 2000). В ряду недавних наиболее основательных работ, посвящённых Ганнибалу и представляющих взвешенную оценку его личности и деятельности, можно выделить книги С. Ланселя (Lancel 1998; русский перевод: Лансель 2002), П. Барсело (Barceló 2012), Я. Зайберта (Seibert 1993; 1997; 2007), Дж. Брицци (Brizzi 2000; 2003; 2007a), Д. Хойоса (Hoyos 2008), Р. Гарланда (Garland 2012), а также новейшую монографию Евы Макдональд, в которой биография Ганнибала представлена на ярком историческом фоне (MacDonald 2015). Заслуживают также внимания и некоторые работы более популярного характера (Christ 2003; Gabriel 2011; русский перевод: Габриэль 2012). Вместе с тем и *победителю* Сципиону Старшему в новейших работах отводится заметное место. Однако ни монографию А. Акимовича (Acimovic 2007), ни книгу Р. Габриэля (Gabriel 2008) нельзя признать удачными с академической точки зрения. Первая содержит явно преувеличенные оценки и изобилует более чем спорными интерпретациями отдельных вопросов, а вторая, концентрируясь на полководческом искусстве Сципиона, написана с позиций военного историка, а не антиковеда и не учитывает политического контекста биографии героя. Более ценными представляются работы Дж. Антонелли и Х. Кабреро (Antonelli 1999; Cabrero 2000), хотя они и написаны, скорее, в научно-популярном жанре. Предметом же книги Э. Торрегари Пагола является не столько собственно биография Сципионов, сколько литературная традиция о них (Torregaray Pagola 1998). Таким образом, римские герои Пунических войн по-прежнему нуждаются в разностороннем историко-биографическом исследовании.

Что касается научно-популярной литературы о Пунических войнах, то здесь прежде всего бросается в глаза неоднородность массива публикуемых работ. Наряду с вполне качественными работами, увлекательно написанными и в то же время отражающими современный научный уровень (их авторами в некоторых случаях являются признанные специалисты), имеется и немалое число книг, которые нередко либо грешат чрезмерной беллетризацией изложения (особенно в историко-биографическом жанре), либо не отличаются какой-либо оригинальностью и в лучшем случае выполняют чисто познавательную-просветительскую функцию, варьируя давно известные факты и эпизоды²², либо, напротив, в чрезмерном увлечении предметом предлагают дилетантские нарративы, весьма далекие от научной строгости. Разумеется, различные этапы и значимые эпизоды римско-карфагенского противостояния не обойдены вниманием и в широко известной популярной военно-историче-

²² Из недавних работ на русском языке см.: Родионов 2005; 2012.

ской серии, выпускаемой издательством “Osprey”, в обильно иллюстрированных книгах которой основное внимание уделяется вооружению и тактике воюющих сторон (Fields 2007; 2010a), но в отдельных случаях рассматривается и полководческое искусство главных протагонистов (Fields 2010b), и самые важные сражения²³. В аналогичном ключе издаются и другие популярные книги²⁴. Эти издания небесполезны как отправной пункт при изучении собственно военно-исторической проблематики.

Подводя же краткие итоги нашего обзора (конечно, далекого от исчерпывающей полноты), следует признать, что за минувшие четверть века история и самих Пунических войн как глобального военного конфликта, и эпохи противоборства Рима и Карфагена ничуть не утратила привлекательности для исследователей. Более того, в историографии данного периода активно ставились новые важные проблемы, осваивались оригинальные исследовательские подходы и разрабатывались ранее не изучавшиеся темы, прежде всего относящиеся к таким исследовательским направлениям, как антропология битвы и взаимосвязь военной сферы с обществом, государством, экономикой. Именно в русле этих направлений достигнуты наиболее значимые результаты, существенно расширившие наши знания и углубившие понимание как собственно военно-исторических сторон одного из самых глобальных конфликтов античной древности, так и социально-экономических процессов эпохи, особенно в римско-италийской среде. Вместе с тем нет оснований говорить об исчерпанности традиционного, так сказать, прагматического подхода к освещению истории Пунических войн в их событийном измерении, включая сферу международных отношений и внутривнутриполитической борьбы. Более пристальное прочтение источников и учёт всего комплекса мотивов, факторов и контекстов существенно дополняют и детализируют общую картину. Неизменно высоким остается интерес к историческим личностям, определявшим «лицо эпохи», и работы историко-биографического жанра в его популяризаторских и вполне академических вариантах широко представлены в современной историографии, хотя и не без известного перекоса в пользу Ганнибала и не без издержек излишней беллетризации. Ощущается дефицит фундаментальных биографий римских «творцов истории».

Обращение к проблематике исторической памяти о героях и отдельных событиях Пунических войн открыло новые возможности в понимании природы сохранившихся свидетельств и выявило такой

²³ Nealy 1994 (о битве при Каннах).

²⁴ См., например: Vagnall 1995; 2005.

важный предмет исследования, как воздействие прошлого на последующую историю. Эта область, как нам представляется, открыта для дальнейших разносторонних исследований. Весьма интересным и перспективным направлением в изучении Пунических войн может, на наш взгляд, стать культурная история сражений и военного дела, которая начала разрабатываться в ряде новейших трудов (Lendon 2005; Günther 2014), но остаётся практически не исследованной на материале противостояния Рима и Карфагена. Во всяком случае, вполне назрела необходимость в обобщающей работе по социальной и культурной истории Пунических войн, подобной известной монографии Ангелоса Ханиотиса о войнах в эпоху эллинизма (Chaniotis 2005; русский перевод: Ханиотис 2013). Думается, современная российская наука об античности располагает неплохим потенциалом, чтобы внести достойный вклад в эти исследования.

Литература

- Альбрехт М., фон.* История римской литературы от Андроника до Бозэция и её влияние на позднейшие эпохи / пер. с нем. А. И. Любжина. Т. I. М., 2002.
- Габриэль Р. А.* Ганнибал. Военная биография величайшего врага Рима / пер. с англ. Г. В. Максимум. М., 2012.
- Горьков С. Ю.* Развитие римского военно-морского искусства в годы Пунических войн: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003а.
- Горьков С. Ю.* Рим и Карфаген. Великая морская война. М., 2003б.
- Квашнин В. А.* Политика, право и религия в жизни римской гражданской общины (III–II вв. до н. э.). Вологда, 2006а.
- Квашнин В. А.* Законы о роскоши в Древнем Риме эпохи Пунических войн. Вологда, 2006б.
- Квашнин В. А.* Политика, право и религия в жизни римской гражданской общины (III–II вв. до н. э.). Вологда, 2006с.
- Квашнин В. А.* Генезис скупостроительного законодательства в Древнем Риме. Вологда, 2009.
- Квашнин В. А.* Война, право и финансы в Древнем Риме: Римская *civitas* и вызовы Ганнибаловой войны. Вологда, 2013.
- Лансель С.* Ганнибал / пер. с фр. Е. В. Головиной. М., 2002.
- Лиддел Гарт Б. Г.* Сципион Африканский. Победитель Ганнибала / пер. с англ. Б. Э. Верпаховского. М., 2003.
- Майлз Р.* Карфаген должен быть разрушен / пер. с англ. И. В. Лобанова. М., 2014.
- Родионов Е.* Пунические войны. СПб., 2005.
- Родионов Е.* Римские легионы против Ганнибала. Карфаген должен быть разрушен! М., 2012.

- Сабин Ф.* Лик римской битвы / пер. с англ. А. В. Козленко // SH. VI. 2006. С. 185–212.
- Сикорский Я.* Канны, 216 г. до н. э. / пер. с польск. М., 2002.
- Ханиотис А.* Война в эллинистическом мире. Социальная и культурная история / пер. с англ. А. В. Махлаюка; науч. ред. О. Л. Габелко. СПб., 2013.
- Хлевов А. А.* Морские войны Рима. СПб., 2005.
- Асимович А.* Scipio Africanus. N. Y., 2007.
- Ameling W.* Karthago. Studien zu Militär, Staat und Gesellschaft. München, 1993.
- Antonelli G.* Scipione l'Africano: l'uomo che conquistò Cartagine. Milano, 1999.
- Baca-Winters K. G.* Memoria Hannibalis: Constructing Memories of Punic War Violence from the Second Century BCE through the Fifth Century CE. MA Thesis. San Diego State University, 2010.
- Bagnall N.* The Punic Wars: Rome, Carthage and the Struggle for the Mediterranean. L., 1990 (= *Bagnall N.* Rom und Karthago: der Kampf ums Mittelmeer. B., 1995).
- Bagnall N.* The Punic Wars 264–146 BC. N. Y.; L., 2005.
- Barceló P.* The Perception of Carthage in Classical Greek Historiography // AC. Vol. 37. 1994. P. 1–14.
- Barceló P.* Aníbal de Cartago: un proyecto alternativo a la formación del Imperio Romano. Madrid, 2000.
- Barceló P.* Hannibal. Strategie und Staatsmann. Stuttgart, 2012.
- Barkaoui A.* La marine carthaginoise: approche des activités militaires des carthaginois sur mer depuis les origines jusqu'en 146 av. J.-C. Tunis, 2003.
- Battle in Antiquity* / ed. A. B. Lloyd. L., 1996.
- Beck H.* Cannae — traumatische Erinnerung // Erinnerungsorte der Antike: die römische Welt / hrsg. von E. Stein-Hölkeskamp, K.-J. Hölkeskamp. München, 2006. S. 204–218.
- Beston P.* Hellenistic Military Leadership // War and Violence in Ancient Greece / ed. H. van Wees. L., 2000. P. 315–336.
- Bleckmann B.* Die römische Nobilität im Ersten Punischen Krieg. Untersuchungen zur aristokratischen Konkurrenz in der Republik. B., 2002.
- Bonnet C.* Carthage, “autre nation” dans l'historiographie ancienne et moderne // Anabases. T. 1. 2005. 139–160 (доступно на: <http://anabases.revues.org/1437>).
- Brice L. L., Roberts J. T.* Introduction // Recent Directions in the Military History of the Ancient World / ed. L. L. Brice, J. T. Roberts. Claremont, California, 2011. P. 1–10.
- Brizzi G.* Annibale. Roma, 2000.
- Brizzi G.* Annibale. Come un'autobiografia. Milano, 2003.
- Brizzi G.* Moi, Hannibal. Nantes, 2007a.
- Brizzi G.* Scipione e Annibale: La guerra per salvare Roma. Roma; Bari, 2007b.
- Brizzi G.* Carthage and Hannibal in Roman and Greek Memory // A Companion to the Punic Wars / ed. D. Hoyos. Chichester; Malden (Mass.), 2011. P. 483–498.

- Cabrero J.* Escipión el Africano: la forja de un imperio universal. Madrid, 2000.
- Carey B. T.* Hannibal's Last Battle: Zama and the Fall of Carthage. Barnsley, 2007.
- Chaniotis A.* War in the Hellenistic World. A Social and Cultural History. Oxford, 2005.
- Charles M., Rhodan P.* *Magister Elephatorum*: A Reappraisal of Hannibal's Use of Elephants // *CW*. Vol. 100. 2007. No 4. P. 363–389.
- Chassignet M.* La deuxième guerre punique dans l'historiographie romaine: fixation et évolution d'une tradition // *Valeurs et mémoire à Rome: Valère Maxime ou la vertu recomposée* / ed. J.-M. David. P., 1998. P. 54–72.
- Christ K.* Hannibal. Darmstadt, 2003.
- A Companion to the Punic Wars* / ed. D. Hoyos. Chichester; Malden (Mass.), 2011.
- Coudry M.* La deuxième guerre punique chez Valère Maxime: un événement fondateur de l'histoire de Rome // *Valeurs et Mémoire à Rome: Valère Maxime ou la vertu recomposée* / ed. J.-M. David. P., 1998. P. 45–53.
- Dall'Angelo D.* *Tattica di battaglia romana nella seconda guerra Punica* // *Vexillum*. Vol. 1. 2007. P. 44–69.
- Daly G.* Cannae: The Experience of Battle in the Second Punic War. L.; N. Y., 2002.
- Echeverria Rey F.* Weapons, Technological Determinism, and Ancient Warfare // *New Perspectives on Ancient Warfare* / ed. G. G. Fagan, M. Trundle. Leiden; Boston, 2010. P. 21–56.
- Erdkamp P.* Hunger and the Sword: Warfare and Food Supply in Roman Republican Wars (264–30 BC). Amsterdam, 1998.
- Erdkamp P.* Manpower and Food Supply in the First and Second Punic Wars // *A Companion to the Punic Wars* / ed. D. Hoyos. Chichester; Malden (Mass.), 2011. P. 58–76.
- Fantar M.-H.* Death and Transfiguration: Punic Culture after 146 // *A Companion to the Punic Wars* / ed. D. Hoyos. Chichester; Malden (Mass.), 2011. P. 449–466.
- Fariselli A. C.* *I Mercenari di Cartagine*. La Spezia, 2002.
- Fields N.* *The Roman Army of the Punic Wars*. Oxford (Osprey Publishing), 2007.
- Fields N.* *Carthaginian Warrior 264–146 BC*. Oxford (Osprey Publishing), 2010a.
- Fields N.* *Hannibal. Leadership — Strategy — Conflict*. Oxford, 2010b (Osprey Publishing).
- Fronza M. P.* *Italians in the Second Punic War: Local Conditions and the Failure of the Hannibalic Strategy in Italy*. PhD Dissertation. The Ohio State University, 2003.
- Fronza M. P.* *Between Rome and Carthage: Southern Italy during the Second Punic War*. Cambridge, 2010.
- Fronza M. P.* *Hannibal: Tactics, Strategy, and Geostrategy* // *A Companion to the Punic Wars* / ed. D. Hoyos. Chichester; Malden (Mass.), 2011. P. 242–259.
- Fugmann J.* Hannibal als vir illustris: zur Hannibal-Biographie in der Schrift *De viris illustribus Romae* // *MH*. Bd. 57. 2000. Nr. 2. S. 141–150.

- Fuller J. F. C.* The Decisive Battles of the Western World. 3 Vols. L., 1954.
- Gabriel R. A.* Scipio Africanus: Rome's Greatest General. Washington, 2008.
- Gabriel R. A.* Hannibal: The Military Biography of Rome's Greatest Enemy. Washington, 2011.
- Garland R.* Hannibal: das gescheiterte Genie. Aus dem Englischen von Elisabeth Begemann. Darmstadt; Mainz, 2012.
- Gendre M., Loutsch C. C.* Duilius et M. Atilius Regulus // L'invention des grands hommes de la Rome antique = Die Konstruktion großer Männer Altroms: Actes du Collegium Beatus Rhenanus, Augst, 16–19 septembre 1999 / ed. M. Coudry; Th. Späth. 2001. P. 131–172.
- Gerhold M.* Rom und Karthago zwischen Krieg und Frieden. Rechtshistorische Untersuchungen zu den römisch-karthagischen Beziehungen zwischen 242 v. Chr. und 149 v. Chr. Frankfurt am Main, 2002.
- Glücklich H. J.* Die Hannibalbiografie des Nepos im Unterricht. Interpretationen und Unterrichtsvorschläge. 2., völlig überarb. Auflage. Göttingen, 2011.
- Goldsworthy A.* The Punic Wars. L., 2000 (= The Fall of Carthage: The Punic Wars 265–146 BC. L., 2003).
- Goldsworthy A.* Cannae. L., 2001.
- González L. S.* La Segunda Guerra Púnica en Valencia: problemas de un *casus belli*. Valencia, 2000.
- Günther S.* Kulturgeschichtliche Dimensionen antiker Schlachten — eine Bestandsaufnahme // Kulturgeschichte der Schlacht / hrsg. von M. Füssel, M. Sikora. Padeborn et al., 2014. S. 27–52.
- Händl-Sagawe U. H.* Der Beginn des zweiten punischen Krieges. Ein historisch-kritischer Kommentar zu Livius' Buch 21. München, 1995.
- Hannibal ad Portas. Macht und Reichtum Karthago / hrsg. von S. Peters. Stuttgart, 2004.
- Hannibal et les Alpes: une traversée, un mythe / ed. J. P. Jospin, L. Dalaine. Gallion, 2011.
- Hanson V. D.* The Western Way of War. Infantry Battle in Classical Greece. N. Y., 1989.
- Hanson V. D.* Cannae // Experience of War / ed. R. Cowley. N. Y., 1992. P. 42–49.
- Hanson V. D.* The Status of Ancient Military History: Traditional Work, Recent Research, and On-Going Controversies // JMH. Vol. 63. 1999. No 2. P. 379–413.
- Hanson V. D.* Carnage and Culture: Landmark Battles in the Rise of Western Power. N. Y., 2001.
- Hanson V. D.* The Modern Historiography of Ancient Warfare // The Cambridge History of Greek and Roman Warfare. Vol. I. Greece, the Hellenistic World and the Rise of Rome / ed. Ph. Sabin, H. van Wees, M. Whitby. Cambridge, 2007. P. 1–21.
- Healy M.* Cannae 216 BC: Hannibal Smashes Rome's Army. London (Osprey Military), 1994.

- Hockert Th.* Casus Belli Iusti? Zur Kriegsschuldfrage im zweiten punischen Krieg. München, 2005.
- Hoplites: The Classical Greek Battle Experience* / ed. V. D. Hanson. L.; N. Y., 1991.
- Hoyos D.* Unplanned Wars. The Origins of the First and Second Punic Wars. B.; N. Y., 1998.
- Hoyos D.* Hannibal's Dynasty, Power and Politics in the Western Mediterranean, 247–183 BC. L.; N. Y., 2003.
- Hoyos D.* Truceless War: Carthage's Fight for Survival, 241 to 237 BC. Leiden; Boston, 2007.
- Hoyos D.* Hannibal, Rome's Greatest Enemy. Bristol; Exeter, 2008.
- Hoyos D.* The Carthaginians. L.; N. Y., 2010.
- Hoyos D.* Introduction: The Punic Wars // *A Companion to the Punic Wars* / ed. D. Hoyos. Chichester; Malden (Mass.), 2011. P. 1–5.
- Hoyos D.* Mastering the West: Rome and Carthage at War. Oxford, 2014.
- Junkelmann M.* Panis Militaris: die Ernährung des römischen Soldaten oder der Grundstoff der Macht. Mainz am Rhein, 1997.
- Kęciak K.* Wojna Hannibala. Warszawa, 2005.
- Keegan J.* The Face of Battle. N. Y., 1976.
- Keegan J.* The Mask of Command. L., 1987.
- Koon S.* Phalanx and Legion: the "Face" of Punic War Battle // *A Companion to the Punic Wars* / ed. D. Hoyos. Chichester; Malden (Mass.), 2011. P. 77–94.
- Kromayer J., Vieth G.* Antike Schlachtfelder in Italien und Africa. Bd. 2. B., 1912.
- Lancel S.* Hannibal. Oxford, 1998.
- Lapray X.* Récit et mémoire d'une catastrophe. L'exemple de la bataille de Cannes // *Hypothèses*. T. 1 (3). 2000. P. 21–30.
- Lazenby J. F.* The First Punic War: A Military History. Stanford, 1996.
- Lazenby J. F.* Hannibal's War: A Military History of the Second Punic War. Oklahoma, 1998.
- Le Bohec Y.* Histoire militaire des guerres puniques (264–146 avant J.-C.). Paris; Monaco, 1996 (2e édit., 2003).
- Leach E. W. M.* Atilius Regulus — Making Defeat into Victory: Diverse Values in an Ambivalent Story // *Valuing the Past in the Greco-Roman World. Proceedings from the Penn-Leiden Colloquia on Ancient Values VII* / ed. J. Ker, Chr. Pieper. Leiden; Boston, 2014. P. 243–266.
- Leidl Ch.* Appians Darstellung des 2. Punischen Krieges in Spanien (Iberike c. 1–38, § 1–158a). Text und Kommentar. München, 1996.
- London J.* *E* Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity. New Haven; London, 2005.
- Levene D.* Livy on the Hannibalic War. Oxford, 2010.
- Liddell Hart B. H.* A Greater than Napoleon: Scipio Africanus. Edinburgh; London, 1926.
- Loreto L.* La grande insurrezione libica contro Cartagine del 241–237 a. C. Una storia politica e militare. Roma, 1995.

- Loreto L.* La grande strategia di Roma nell'età della prima guerra punica (ca. 273 — ca. 229 a. C.): l'inizio di un paradosso. Napoli, 2007.
- MacDonald E.* Hannibal: A Hellenistic life. New Haven; London, 2015.
- Mahaney W.* Hannibal's Odyssey: Environmental Background to the Alpine Invasion of Italia. Piscataway; NJ., 2009.
- Mantel N.* Poeni Foedifragi. Untersuchungen zur Darstellung römisch-karthagischer Verträge zwischen 241 und 201 v. Chr. durch die römische Historiographie. München, 1998.
- Marks R.* From Republic to Empire: Scipio Africanus in the Punica of Silius Italicus. Frankfurt am Main, 2005.
- Matusiak P.* Obraz Hannibala w literaturze antycznej: Rozprawa doktorska. Katowice, 2009.
- Miles R.* Carthage Must be Destroyed. L., 2010.
- Miles R.* Hannibal and Propaganda // A Companion to the Punic Wars / ed. D. Hoyos. Chichester; Malden (Mass.), 2011. P. 260–279.
- Mira Guardiola M. A.* Cartago contra Roma. Las guerras púnicas. Madrid, 2000.
- Moore R. L.* Generalship: Leadership and Command // The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World / ed. B. Campbell, L. A. Tritle. Oxford, 2013. P. 457–473.
- Moore T. J.* Livy's Hannibal and the Roman Tradition // Livy and Intertextuality / ed. W. Polleichtner. Trier, 2010. P. 135–167.
- Mosig Y., Belhassen I.* Revision and Reconstruction in the Punic Wars: Cannae Revisited // The International Journal of the Humanities. Vol. 4 (2). 2006. P. 103–110.
- Ñaco del Hoyo T.* Roman Economy, Finance, and Politics in the Second Punic War // A Companion to the Punic Wars / ed. D. Hoyos. Chichester; Malden (Mass.), 2011. P. 376–392.
- O'Connell R. L.* The Ghosts of Cannae: Hannibal and the Darkest Hour of the Roman Republic. N. Y., 2011.
- The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World / ed. B. Campbell, L. A. Tritle. Oxford, 2013.
- Palmer R. E. A.* Rome and Carthage at Peace. Stuttgart, 1997.
- Parker J.* Comparing Strategies of the 2nd Punic War: Rome's Strategic Victory over the Tactical / Operational Genius, Hannibal Barca: Strategy Research Project. U.S. Army War College Carlisle Barracks, Pennsylvania, 2001 (URL: <http://www.ancient.eu.com/article/345/>).
- Peddie J.* Hannibal's War. Stroud [1997], 2005.
- Poznanski L.* Commander, contrôler, communiquer. Polybe, de la tradition à la modernité // ÉC. 61. 1993. 3, 205–220.
- La première guerre punique: autour de l'œuvre de M. H. Fantar. Actes de la table ronde de Lyon (mercredi 19 mai 1999) / ed. Y. Le Bohec. Lyon, 2001.
- Prevas J.* Hannibal Crosses the Alps. Staplehurst, 1998.
- Quesada Sanz F.* El legionario romano en época de las Guerras Púnicas: Formas de combate individual, táctica de pequeñas unidades e influencias hispanas //

- Espacio, Tiempo y Forma Serie II, Historia Antigua 16. 2003. P. 163–196 (<http://e-spacio.uned.es/fez/view.php?pid=bibliuned:ETFSerie2-11726F64-4061-7EBE-5C3A-56F509DD425E>).
- Rich J.* The Origins of the Second Punic War // The Second Punic War: A Reappraisal / ed. T. Cornell, B. Rankov, Ph. Sabin. L., 1996. P. 1–37.
- Richardson J.* Spain, Africa, and Rome after Carthage // A Companion to the Punic Wars / ed. D. Hoyos. Chichester; Malden (Mass.), 2011. P. 467–482.
- Ridley R.* Livy and the Hannibalic War // The Roman Middle Republic: Politics, Religion and Historiography c. 400–133 BC / ed. C. Bruun. Rome, 2000. P. 13–40.
- Rosenstein N.* Rome at War. Farms, Families, and Death in the Middle Republic. Chapel Hill, 2004.
- Rosenstein N.* Italy: Economic and Demography after Hannibal's War // A Companion to the Punic Wars / ed. D. Hoyos. Chichester; Malden (Mass.), 2011. P. 412–429.
- Rosenstein N.* Rome and the Mediterranean 290 to 146 BC: The Imperial Republic. Edinburgh, 2012.
- Rossi A.* Parallel Lives: Hannibal and Scipio in Livy's Third Decade // TAPhA. Vol. 134. No 2. 2004. P. 359–381.
- Roth J.* The Logistics of the Roman Army at War (264 BC — AD 235). Leiden, 1999.
- Rudat T.* Die Rolle des Ebrovertrages in der Kriegsschuldfrage des Zweiten Punischen Krieges. München, 2006.
- Russo R.* La battaglia di Canne e la campagna annibalica in Puglia nel contesto della seconda guerra punica. Barletta, 1999.
- Sabin Ph.* The Mechanics of Battle in the Second Punic War // The Second Punic War: A Reappraisal / ed. T. Cornell, B. Rankov, Ph. Sabin. L., 1996. P. 59–79.
- Sabin Ph.* The Face of Roman Battle // JRS. Vol. 90. 2000. P. 1–17.
- Samuels M.* The Reality of Cannae // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1990. Bd. 47. S. 7–29.
- Schlieffen A., von.* Cannae. B., 1925.
- Schmitt T.* Hannibals Siegeszug. Historiographische und historische Studien vor allem zu Polybios und Livius. München, 1991.
- The Second Punic War: A Reappraisal / T. Cornell, B. Rankov, Ph. Sabin (eds.). L., 1996.
- Seibert J.* Hannibal and Forschungen zu Hannibal. Darmstadt, 1993.
- Seibert J.* Hannibal. Feldherr und Staatsmann. Mainz am Rhein, 1997.
- Seibert J.* Hannibal als Feldherr // Hannibal ad portas. Macht und Reichtum Karthagos / hrsg. von Badischen Landesmuseum Karlsruhe. Stuttgart, 2007. S. 26–37.
- Shean J.* Hannibal's Mules: The Logistical Limitations of Hannibal's Army and the Battle of Cannae // Historia. 1996. Bd. 45. S. 159–178.
- Smith Ph. J.* Scipio Africanus & Rome's Invasion of Africa: (a Historical Commentary on Titus Livius, Book XXIX). Leiden, 1993.

- Steinby Chr.* The Roman Boarding-bridge in the First Punic War. A Study of Roman Tactics and Strategy // *Arctos*. Vol. 34. 2000. P. 193–210.
- Steinby Chr.* War at Sea in the Second Punic War // *AncSoc*. Vol. 34. 2004. P. 77–114.
- Steinby Chr.* The Roman Republican Navy: From the Sixth Century to 167 B.C. Helsinki, 2007.
- Steinby Chr.* Rome vs. Carthage: The War at Sea. Barnsley, 2013.
- Stephenson I. P.* Hannibal's Army. Stroud, 2008.
- Stocks C.* The Roman Hannibal: Remembering the Enemy in Silius Italicus' *Punica*. Liverpool, 2014.
- Torregaray Pagola E.* La elaboración de la tradición sobre los Cornelii Scipiones: Pasado histórico y conformación simbólica. Zaragoza, 1998.
- Tipping B.* Exemplary Epic: Silius Italicus' *Punica*. Oxford, 2010.
- War and Society in the Greek World / ed. J. Rich, G. Shipley. L.; N. Y., 1993.
- War and Society in the Roman World / ed. J. Rich, G. Shipley. L.; N. Y., 1993.
- Wheeler E. L.* The General as Hoplite // *Hoplites: The Classical Greek Battle Experience* / ed. V. D. Hanson. L., 1991. P. 121–171.
- Wheeler E. L.* Greece: Mad Hatters and March Hares // *Recent Directions in the Military History of the Ancient World* / ed. L. L. Brice, J. T. Roberts. Claremont, California, 2011. P. 53–104.
- Widemann T.* Leuctres et Cannes: deux paradigmes de batailles // *Cahiers du CEHD*. 1999. T. 9. P. 45–58.
- Zimmermann K.* Rom und Karthago. Darmstadt, 2005 (3., durchgesehene, bibliographisch aktualisierte Auflage. Darmstadt, 2013).
- Zlattner M.* Hannibals Geheimdienst im Zweiten Punischen Krieg. Konstanz, 1997.

Alexander V. Makhlaiuk

THE PUNIC WARS IN MODERN HISTORIOGRAPHICAL CONTEXT

The article provides the survey of recent researches, current approaches and trends in the study of the Punic Wars. Over the past quarter-century, the very history of the Punic Wars as a global military conflict and the definite historical era has not lost the scholarly interest. Moreover, the contemporary historiography actively raises new important questions, develops new research approaches and addresses to previously unexplored topics, such as “Face of Battle” and “War and Society”. It is in line with these trends that the most significant results have been achieved that expanded our knowledge and understanding of proper military aspects of the most global conflicts of antiquity, as well as the socio-economic processes of the age, especially in Romano-

Italic environment. However, there is no reason to talk about the exhaustion of the traditional, so to speak, pragmatic approach to the coverage of the history of the Punic Wars in their event-dimension, including the interstate relations and domestic political struggle in Rome and Carthage. A closer reading of the sources and the account of the whole complex of motives, factors and contexts significantly supplement and specify the overall historical picture. There remains a high interest to the historic personalities that determined the “face of the age”, and the works of biographical genre, as in its popular and academic versions as well, are widely represented in the modern historiography, though not without a certain bias in favor of Hannibal and not without excessive costs of fictionalization. So, there is a shortage of basic biographies Roman “history makers”.

Appeal to the issues of the historical memory of the heroes and individual events of the Punic Wars has opened up new possibilities in understanding the nature of the surviving sources and revealed such an important subject matter as the impact of the past on the subsequent history. This area appears to be open to further detailed investigations. Very interesting and promising direction in the study of the Punic Wars might have been a cultural history of battles and warfare, which began to be developed in a number of recent works, but remains virtually unexplored in the respect of the confrontation between Rome and Carthage.

Раздел I

BELLUM TERRA MARIQUE

Д. П. Алексинский

«ПУНИЙСКАЯ ФАЛАНГА» И «ПУНИЙСКИЙ ШТАНДАРТ» (О двух историографических мифах)

Карфаген, могущественное некогда государство, созданное семитами-финикийцами на североафриканском побережье, на территории современного Туниса, всегда вызывал интерес, причём не только у исследователей древности. Ориентальная экзотика, таинственность, усугубляемая утратой пунийской письменной традиции, немногословность и противоречивость источников — всё это создавало образ канувшей в небытие цивилизации. Драматические коллизии гибели Карфагена, оборвавшей его многовековую историю, ещё более усиливали притягательность образа самого непримиримого и опасного врага Рима, поставившего под угрозу — *Hannibal ante portas!* — само существование Вечного города. Как яркий пример обращения к пунийской тематике достаточно вспомнить роман Гюстава Флобера «Саламбо», впервые опубликованный в 1862 г.

Роль соперника римлян за гегемонию в Западном Средиземноморье, которую Карфаген небезуспешно играл на протяжении почти полутора столетий, закономерно обусловила живейший интерес к историческим реалиям Пунийского государства, в том числе и в военном аспекте. Однако данных, проливающих свет на организацию, состав, вооружение и, шире, на облик армии, во главе которой стоял некогда один из величайших полководцев древности — Ганнибал Барка, очень и очень мало.

Известно, что после реформ Магона пунийская армия как будто была по преимуществу наёмной (за исключением городской милиции, в том числе «священного отряда», *ἱερὸς λόχος*). Известно, что командовали ей

пунийские военачальники, но изредка привлекались и военные специалисты (или «консультанты» — *Militärberater*, по определению В. Хусса: Нуß 1985, 477) из-за границы: в частности, спартанский кондотьер Ксантипп (Polyb. I. 32–35; Cic. *Off.* III. 99; Diod. XXIII. 14–16; Zonar. VIII. 13) и не названный по имени греческий тактик на службе у Гамилькара в 311–310 гг. до н. э. (Polyaen. VI. 41. 1). Более-менее известен этнический состав наёмников (Нуß 1985, 476). Имеются цифры, отражающие численность пунийских войск в различных кампаниях и битвах, однако достоверность этих данных по большей части относительна. Известны описания отдельных кампаний и сражений, не всегда достаточно подробные и зачастую противоречивые. Наконец, сохранились некоторые разрозненные, отрывочные факты, как правило случайные, а порой курьёзные, вроде сообщения Аристотеля о пунийском обычае носить кольца по числу военных походов (*Pol.* VII. 2. 6) или свидетельства Платона, упоминающего пунийский закон, запрещающий потребление алкоголя гражданам, находящимся в военном лагере (*Leg.* II. 674 a).

Из того факта, что армия Карфагена более столетия, пусть и с переменным успехом, противостояла римлянам, она оценивается как достаточно сильная и соответствовавшая требованиям времени. Образец её видят в армиях наследников Александра Великого — Селевкидов, Лагидов, Антигонидов. Практически повсюду структуры этих армий оказываются идентичными: активная конница, многочисленная и мобильная лёгкая и средняя пехота (в том числе специализированные этнические подразделения стрелков и пращников), слоны (всюду, где их содержание могли себе позволить) и, главное, эллинистическая («македонская») фаланга, основа боевого порядка. Если перенести эту модель в Северную Африку, мы, на первый взгляд, действительно получим картину внешнего соответствия. Есть даже абсолютные совпадения. Так, роль застрельщиков, которую в Восточном Средиземноморье исполняли критяне-лучники и родосцы-пращники, на Западе с неменьшим успехом играли знаменитые балеарцы. Вассальные или союзные нумидийские князья поставляли Карфагену лучшую лёгкую конницу античного мира. Использовали карфагеняне и слонов, переняв, по-видимому, эту практику у Пирра, «образцового» эллинистического военачальника. Экстраполируя восточную модель на карфагенские реалии III в. до н. э., мы, таким образом, вправе предположить, что и фаланга эллинистического образца — так называемая македонская — должна была бы являться непременным составляющим карфагенской армии.

Именно так и рассуждают некоторые авторы. По мнению П. Бартолини, структура пунийского войска в целом не отличалась от современных эллинистических армий (Bartolini 1988, 134), а П. Коннолли прямо

постулировал тезис, согласно которому карфагенская («ливиофиникийская») тяжёлая пехота формировала фалангу сариссофоров, разделённую на спейры и вооружённую длинными пиками по македонскому образцу. Подтверждение этому учёный видел, в частности, в упоминании Полибием спейр в африканских (ливийских) контингентах армии Ганнибала (Connolly 1981, 148)¹.

Д. Хэд, критикуя точку зрения П. Коннолли, квалифицировал её как странную (*curiously*), но отметил, что она тем не менее была поддержана другими авторами (Head 1982, 144). Действительно, у этой идеи нашлись последователи. Так, Т. Вайс уверенно описывает карфагенскую тяжёлую пехоту как сражающуюся фалангой, вооружённую длинными двуручными пиками и экипированную на эллинистический манер (Wise 1982, 10). Типичным вооружением карфагенян, по его мнению, были длинная пика (*a long pike*) и греческий меч. Облик же карфагенских пехотинцев, с точки зрения этого автора, был таким же, как у греков и македонян (Wise 1982, 37). Наконец, говоря о построении, используемом карфагенской («ливиофиникийской») тяжёлой пехотой (Wise 1982, 10), исследователь описывает именно эллинистическую македонскую фалангу (ср.: Wise 1982, 23)². Сам факт появления подобного формирования в Карфагене автор уверенно связывает с деятельностью спартанца Ксантиппа, в течение короткого времени исполнявшего функции главнокомандующего пунийской армией, что само по себе представляет беспрецедентный пример (Wise 1982, 10)³. П. Бартолини высказался осторожнее, предположив, что нововведения коснулись только тех частей, которые Ксантипп возглавил сам (Bartolini 1988, 136).

Единственным существенным отличием от идеи, высказанной П. Коннолли, точнее, её своеобразной модификацией, является допу-

¹ Далее цитаты даны по русскоязычному изданию П. Коннолли (М., 2000. Пер. С. Лопухова, А. Хромова). Страницы в нём совпадают с английским изданием и потому в ссылках не указываются.

² Стоит заметить, что Т. Вайс некритически принимает маловероятное сообщение Тита Ливия (XXX. 26. 2 и др.) об участии крупного македонского воинского контингента под началом Сопатра в битве при Заме, более того, видит в этом контингенте именно фалангитов (Wise 1982, 23). Между тем этот вопрос, по-видимому, можно считать давно закрытым. Как писал Т. Дори ещё в 1957 г. в статье, посвящённой этому вопросу, «уверенность в том, что в Карфаген отправился отряд в 4 тысячи македонян, была результатом распространявшихся греками в 203–202 гг. до н. э. в Риме слухов. Это утверждение, вероятно, не соответствовало истине, однако оно основывалось на присутствии очень небольшой группы македонян среди наёмников Ганнибала, освобождения которых требовали македонские послы в 201 г. до н. э.» (Dorey 1957, 187. Пер. А. В. Короленкова).

³ Между тем в самой Спарте македонская фаланга сариссофоров была введена спустя два десятилетия Клеоменом III (Plut. *Cleom.* 32. 3).

шение, что Ганнибал, перевооружив тяжёлую пехоту трофейным римским оружием (в том числе пилумами), сохранил у части воинов пики — на манер римских триариев (Wise 1982, 37). Таким образом, отказ от вооружения (и тактики?), присущей эллинистической фаланге сариссофоров, по Т. Вайсу, произошёл спонтанно, уже в ходе италийской кампании (после 217 г. до н. э.).

Дж. Брицци, напротив, считал, что Ганнибал накануне похода откасался как от использования сариссы, так и от следования эллинистической модели в тактике, оснастив свою тяжёлую пехоту мечами в качестве основного наступательного оружия. Забавно, что, в отличие от П. Коннолли, Дж. Брицци видит в спейрах армии Ганнибала не структурные подразделения эллинистической фаланги, а самостоятельные тактические единицы, более манёвренные, не связанные общим громоздким построением и не зависящие в такой степени от рельефа местности. Тем не менее, по мнению исследователя, карфагенская тяжёлая пехота до Ганнибала была вооружена пиками, а сама армия — сильно эллинизирована (Brizzi 1988, 63).

Таким образом, мы видим три точки зрения, основанные на одних и тех же источниках, но принципиально различающиеся. При этом все три автора исходят из тезиса, что в армии Карфагена в III в. до н. э. существовала фаланга эллинистического типа. Однако этот тезис строится на допущениях или априорных посылах: при ближайшем рассмотрении подкрепляющих его фактов оказывается явно недостаточно.

Прежде всего следует отметить, что термин *φάλαγξ*, используемый Полибием применительно к карфагенской пехоте (I. 33. 6; 34. 7; XI. 22. 9; XV. 12. 7; 14. 5), не является техническим в строгом смысле слова: он подразумевает любой сомкнутый строй и может быть с равным успехом применён в грекоязычных источниках к римскому манипулярному боевому порядку (III. 73. 7; 115. 12; X. 25. 4; XI. 22. 9; XV. 12. 7; 14. 5), а зачастую даже к неплотному или «неправильному» построению варваров. Кроме того, он может обозначать административную единицу или обособленный отряд, необязательно пехотный. Тот же Полибий пишет о строенной фаланге (*τριφάλαγγία*) персидской конницы (XII. 18. 5). Между тем фалангу сариссофоров особо выделяли уже древние, отождествляя её в первую очередь именно с македонской фалангой. Полибий, если речь не идёт о непосредственно македонской фаланге или идентичных ей селевкидской и птолемеевской, костяк которых был укомплектован этническими македонянами, особо оговаривает наличие сарисс (XII. 15. 6; 16. 2). В связи с карфагенянами таких оговорок нигде нет.

Термин *στείρα* у Полибия также не подразумевает непременно структурное подразделение эллинистической фаланги — так могут быть на-

званы манипулы римлян (II. 30. 6; II. 33. 4; II. 33. 8, *etc.*), отряды иллирийцев (II. 3. 2; II. 66. 5) и кельтов (II. 29. 8). Таким образом, «понимать Полибия буквально» в данном вопросе, как это предлагает П. Коннолли (Connolly 1981, 148), нет ни необходимости, ни возможности.

В данных о структуре карфагенской армии и принципах её комплектования, при всей их неполноте, нет никаких намёков на то, что в Карфагене существовала фаланга сариссофоров. Военские контингенты в пунийскую армию поставлялись в первую очередь зависимыми ливийцами и финикийскими городами североафриканского побережья. Вооружение и экипировка различных пехотных подразделений были отнюдь не единообразны, но определялись национальными традициями и обычаями (Huß 1985, 476).

Военная реформа, превратившая армию Карфагена в преимущественно (но не исключительно!) наёмную, произошла при Магоне (Iust. XIX. 1. 1) или его преемниках, т. е. со второй половины VI до середины V в. до н. э. (XIX. 2. 5). Первое упоминание о наёмниках относится к 480 г. до н. э. (Gsell 1920, 344). Уже тогда всеобщее городское ополчение перестаёт быть основой военной мощи, а позднее IV в. до н. э. (Diod. XVI. 80. 4; XX. 10. 6) нет упоминаний и о «священном отряде». П. Коннолли даже пишет о его расформировании после сокрушительного поражения на р. Кримис (Connolly 1981, 148), и он, возможно, прав. Тем не менее карфагеняне по-прежнему служат и в войске, и во флоте, причём не только на командных должностях (Циркин 1986, 104). Но в III в. до н. э. число карфагенян-граждан в войске было ничтожным, существенно уступая численности контингентов, рекрутировавшихся на подвластных Карфагену территориях (в Африке, Иберии и на Сардинии), отрядам союзников и наёмников. При этом наличие сколько-нибудь значительного числа греков-наёмников на пунийской службе крайне сомнительно. Как замечает В. Хусс, «греков, поступавших на службу к карфагенянам в качестве наёмников, было не так много. Речь шла преимущественно о сицилийцах» (Huß 1985, 476). Утверждение П. Бартолини (Bartolini 1988, 133), что фаланга в карфагенском войске состояла из наёмников-греков, вооружённых очень длинными — особенно в эллинистический период — копьями (*very long spears*), следует признать не соответствующим имеющимся источникам.

Всё, что известно о характере военных действий, в которых была так или иначе задействована карфагенская армия, если не исключает полностью, то ни в малой степени не предполагает непременно участие фаланги сариссофоров. Подчёркнуто оборонительный характер пунийской тактики в Первой Пунической войне — занятие возвышенностей, опора на укреплённый лагерь — обнаруживает неуверенность

пунийцев в возможностях собственной полевой армии, в её стойкости и, во всяком случае, не свидетельствует о наличии в достаточной степени боеспособной линейной пехоты, могущей стать основой боевого порядка. А. В. Гурьев, автор небезынской статьи о реформе Ксантиппа, приходит к выводу, что «спартанский стратег оставил всё, как было, за исключением одной важной детали — он заставил работать старую военную машину Карфагена по новому, эллинистическому, образцу... Теперь главную роль в сражении стали играть слоны и кавалерия... Место битвы спустилось с холмов на равнины, где пунийские полководцы могли развернуть свою конницу и с успехом использовать слонов. При этом стала преобладать наступательная тактика» (Гурьев 2001, 103). Под впечатлением победы при Тунете (255 г. до н. э.), решающую роль в которой сыграла применённая Ксантиппом тактическая комбинация, пехота, по мнению А. В. Гурьева, «утратила прежнее значение» (Гурьев 2001, 103).

Вместе с тем «реформа», проведённая спартанским стратегом, была лишь единовременным мероприятием, не получившим сколь-либо заметного развития. Вопреки утверждению Т. Вайса (Wise 1982, 10), в традиции нет даже глухих отголосков каких-либо структурных преобразований пунийской армии, нет никаких указаний на то, что Ксантипп реформировал пунийскую пехоту по эллинистическому образцу. Вскоре после его отставки (точнее, после разгрома при Панорме в 251 г. до н. э.) карфагеняне вернулись к прежней тактике, и уже Гамилькар Барка в 247–241 гг. до н. э. вёл на Сицилии манёвренную войну с опорой на базу на Монте-Пеллегринно, избегая больших сражений. В таких условиях не было места для фаланги.

Трудно представить себе фалангу карфагенских сариссофоров и на следующем этапе противостояния Рима и Карфагена. Вариативность тактических приёмов, применявшихся Ганнибалом, позволяет говорить о гибкости построений пунийской армии, о мобильности пехоты, в том числе и тяжёлой. Манёвренность пехоты, по замечанию Ф. Сабина, как раз и была одной из важных отличительных черт сражений Второй Пунической войны, причём пальму первенства учёный отдаёт Ганнибалу и его «колоннам африканских копейщиков» (Sabin 1996, 65).

В Карфагене, безусловно, были осведомлены о событиях в Восточном Средиземноморье, поскольку поддерживали теснейшую связь с метрополией — Тиром. После взятия Тира Александром в июле 332 г. до н. э. внимание карфагенян к событиям на Востоке становится особенно пристальным. Известно даже, что в армии Александра находился пунийский лазутчик (Iust. XXI. 6. 1–6)⁴. Бесспорно, карфагеняне знали о македон-

⁴См. подробнее о его деятельности: Садыков 2003, 41–45.

ской фаланге. Однако знакомство с неким новшеством и заимствование этого новшества — совсем не одно и то же: первое не влечёт с неизбежностью второго. Для обоснования тезиса о такого рода заимствовании (при отсутствии прямых упоминаний об этом в источниках) должны быть соблюдены как минимум два условия, неизменных для воспринимающей стороны: техническая возможность подобного заимствования и его принципиальная необходимость. Как известно, спартанцы приняли на вооружение македонские сариссы через сто с лишним лет после того, как «познакомились» с ними, а римляне, если не брать в расчёт невнятные и ненадёжные сообщения об экстравагантных экспериментах Нерона (Suet. *Nero*. 19. 2), Каракаллы (Dio Cass. LXXVIII. 18. 1; Herod. IV. 8. 2) и Александра Севера (SHA. XVIII. 50. 5), вообще проигнорировали этот опыт.

Диадохам и их продолжателям фаланга досталась в готовом виде в наследство от Александра Великого. Комплектование, обучение и содержание фаланги сариссофоров могли позволить себе только наиболее могущественные эллинистические монархи: Антигониды, Селевкиды, с меньшим успехом — Лагиды (позднее — Митридат VI Евпатор). И в Спарте, и в войске Ахейского союза введение фаланги сариссофоров стало возможным только благодаря твёрдой политической воле и авторитету выдающихся лидеров, Клеомена III и Филопмена, наделённых к тому же всей полнотой власти. Оправданы ли были для Карфагена такие расходы и такой риск с точки зрения военной или политической необходимости? Ответ, по-моему, очевиден.

Наконец, для эллинистической фаланги характерен специфический комплекс вооружения, включающий пику-сариссу и круглый щит, «медный восьмипяденевый македонский, не слишком вогнутый» (Ascl. *Tact.* 5.1. Пер. А. К. Нефёдкина). Такие щиты хорошо известны по изображениям и даже представлены рядом артефактов (Liampi 1998. Taf. 1, 1—3; 22, 1). Чтобы поддержать или опровергнуть тезис П. Коннолли, необходимо вкратце рассмотреть немногие имеющиеся сведения о вооружении карфагенян.

Единственное описание облика карфагенских воинов III в. до н. э., сохранившееся в традиции⁵, относится к битве при Каннах (Polyb. III. 114. 1; Liv. XXII. 46. 4), точнее, ко времени после 217 г. до н. э., т. е. после того как Ганнибал «заменял вооружение ливиян отборным римским

⁵ Плутарх описывает снаряжение карфагенян-граждан в сражении при р. Кримис (*Tim.* 28. 1), но что представляли собой упоминаемые им медные шлемы (χαλκοῖς κράνησιν) и железные панцири (σιδηροῖς θώραξι), неясно. Для времени Второй Пунической войны имеется поэтическое описание в «Пунике» Силия Италика, едва ли достоверное, в котором одежды (*velamine*) карфагенян названы красными, но доспехи не упомянуты (III. 236—237).

оружием (τὸν Ῥωμαίων τρόπον ἐκλεκτοῖς ὄπλοις), так как в его руках было огромное количество римских доспехов (σχύλων)» (Polyb. III. 87. 3; ср.: XVIII. 28. 9). Но как были вооружены и экипированы карфагенские воины прежде, до перевооружения?

Мы знаем, что в самом Карфагене в III в. до н. э. имелись весьма внушительные арсеналы⁶. Так, согласно Страбону, карфагеняне по окончании Второй Пунической войны «выдали 200 000 полных комплектов вооружения» (XVII. 3. 15: πανοπλιῶν) (пер. Г. А. Стратановского; у С. П. Кондратьева — «всякого рода оружия»). Ту же цифру приводят Полибий (XXXVI. 6), Диодор (XXXII. 6. 2), Аппиан (*Lib.* 80. 375) и Орозий (IV. 22. 2), что заставляет отнести к ней с доверием. Однако о том, что представляли собой эти паноплии, ничего определённого не известно.

Идея, будто на вооружении карфагенян, и вообще финикийцев, начиная с архаического периода сказалось значительное эллинское влияние, находит точки опоры в иконографии и археологии⁷, о том же сообщает и Геродот (для начала V в. до н. э.), отмечая вместе с тем, что финикийские щиты отличаются от греческих: они не имеют обода (VII. 89). Можно предположить, что это конструктивное отличие, само по себе весьма существенное, было далеко не единственным.

Спустя полтора века в сражении на р. Кримис (339 г. до н. э.) карфагеняне, согласно Плутарху, были вооружены белыми щитами (*Tim.* 27. 5: λευκῶσπις). Д. Хэд подчёркивает этот момент и приходит к гипотетическому выводу, что *белые* щиты карфагенского «священного отряда», по-видимому, не несли никаких эмблематических изображений. Плутарх характеризует их как особенные — огромные (*Tim.* 28. 2: ἀσπίδας τε μεγάλας), противопоставляя греческим гоплитским щитам. О форме и конструкции щитов на основании приведённого свидетельства уверенно судить нельзя, но заманчиво сопоставить его с другим сообщением.

Плутарх описывает хитрость пунийского военачальника Ганнона, велевшего украсить триеры греческими щитами (ἀσπίσιν Ἑλληνικαῖς), чтобы ввести в заблуждение сиракузян (*Tim.* 19. 4). Из этого свидетельства со всей очевидностью следует, что карфагенские щиты в IV в. до н. э. заметно отличались от греческих. Можно предположить, что речь

⁶ Согласно Полибию, в арсенале Нового Карфагена работали 2000 человек (X. 17. 9). Высказывалось мнение, что арсенал в метрополии был организован подобным образом (Циркин 1986, 84).

⁷ Это в какой-то мере подтверждается, в частности, находкой в карфагенском захоронении на Сардинии (Sant'Antioco) архаического коринфского шлема греческого производства и фрагментированной кнемиды (Кальяри, Национальный археологический музей; Bartolini 1988, 135).

идёт о размере и форме, как наиболее заметных издали приметах. Если допустить, что это были щиты типа $\theta\upsilon\rho\epsilon\acute{o}\varsigma$, и таковы же были щиты «священного отряда», то заключение Д. Хэда об отсутствии эмблем можно признать вполне вероятным. $\theta\upsilon\rho\epsilon\acute{o}\varsigma$ — овальный дощатый щит с вертикальным ребром и умбоном, оснащённый одной рукоятью, предполагающей кистевой хват (Eichberg 1987, 21). Щиты данного типа получили широкое распространение в Западном Средиземноморье уже на рубеже V–IV вв. до н. э. (так датируется, например, стела из Камарины на Сицилии с рельефным изображением щита $\theta\upsilon\rho\epsilon\acute{o}\varsigma$: Rapin 2001) и были в употреблении у ряда народов, представители которых подвизались наёмниками на карфагенской службе. Не исключено, что такие щиты в это время применялись и самими карфагенянами⁸. Страбон, сообщая об изготовлении ими в начале Третьей Пунической войны оружия — щитов ($\theta\upsilon\rho\epsilon\acute{o}\iota$), мечей ($\mu\acute{\alpha}\chi\alpha\iota\rho\alpha\iota$) и копий ($\lambda\acute{o}\gamma\chi\alpha\iota$) — использует для первых вполне красноречивый термин (XVII. 3. 15). Так же называет эти щиты Аппиан (*Lib.* XIII. 93. 441: $\theta\upsilon\rho\epsilon\acute{o}\upsilon\varsigma$)⁹. Что касается мечей, названных «махайрами» (у Аппиана — ксифосами, $\xi\acute{\iota}\phi\eta$; *Lib.* XIII. 93. 441), то, как известно, тот же термин у Полибия (VI. 23. 6) и Плутарха (*Aem.* 20) обозначает прямой обоюдоострый *gladius hispaniensis*. Именно такую паноплию — прямой обоюдоострый меч с широким клинком и овальный щит с вертикальным ребром — можно наблюдать на рельефах, украшающих две пунийские вотивные стелы, на которых представлены предметы вооружения (о них речь пойдёт ниже). Датировка стел (начало II в. до н. э.) вполне согласуется с сообщением Страбона.

Надо заметить, что овальные щиты, схожие по облику с кельто-иберийским щитом $\theta\upsilon\rho\epsilon\acute{o}\varsigma$, ещё раньше представлены в пунийской нумизматике. Так, на карфагенской монете с изображением проры боевого корабля (228–221 гг. до н. э., Cabinet des Médailles, Paris) они показаны горизонтально закреплёнными по фальшборту. Этот монетный

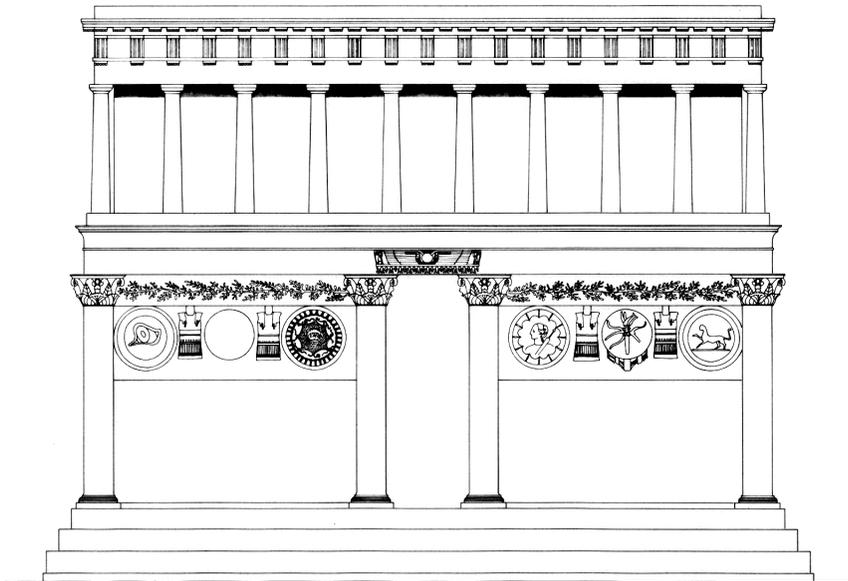
⁸ Терминологическое разночтение $\acute{\alpha}\sigma\lambda\acute{\iota}\varsigma$ / $\theta\upsilon\rho\epsilon\acute{o}\varsigma$ в данном случае не фатально. Например, у Ксенофонта первый термин фигурирует для обозначения щита длиной до пят ($\lambda\omicron\delta\acute{\eta}\rho\eta\varsigma$): так, он описывает египтян с «продолговатыми, прикрывающими ноги щитами» (*Сур.* VI. 2. 10: $\sigma\acute{\upsilon}\nu$ $\acute{\alpha}\sigma\lambda\acute{\iota}\sigma\iota$ $\lambda\omicron\delta\acute{\eta}\rho\epsilon\sigma\iota$. Пер. Э. Д. Фролова) или с «деревянными щитами, доходившими до ступни» (*Anab.* I. 8. 9: $\sigma\acute{\upsilon}\nu$ $\lambda\omicron\delta\acute{\eta}\rho\epsilon\sigma\iota$ $\xi\upsilon\lambda\acute{\iota}\nu\alpha\iota\varsigma$ $\acute{\alpha}\sigma\lambda\acute{\iota}\sigma\iota\nu$. Пер. М. И. Максимовой). Термин $\theta\upsilon\rho\epsilon\acute{o}\varsigma$ применительно к щиту зафиксирован впервые для III в. до н. э., например, в папирусе птолемеевского времени из архива Зенона, обнаруженного в 20 км к северо-востоку от Мединэ-эль-Фаюм, на месте древней Филладельфии (*Papiri greci e latini*, 1917, papyrus 428, l. 36). Документы архива датируются 40–30-ми гг. III в. до н. э. Искомый папирус 428 представляет собой счета на товары и другие предметы (*conti di derrate e altri oggetti*). В литературной традиции термин в этом значении, похоже, не известен раньше Полибия. Возможно, источнику Плутарха этот термин также не был знаком.

⁹ Силий Италик, впрочем, использует термин *parma* (III. 234).

тип тем более примечателен, что не имеет прямых аналогий и прототипов ни в финикийской, ни в греческой чеканке.

Приведённые выше предположения покоятся на зыбкой почве: данные традиции слишком скупы, археология даёт единичные артефакты, которые можно было бы связать с пунийской армией, иконографические источники тоже крайне немногочисленны. Среди немногочисленных аутентичных памятников, привлечение которых представляется корректным в связи с вопросом о вооружении и облике пунийских воинов, выделяются нумидийские победные монументы II в. до н. э. и пунийские votивные стелы, датирующиеся временем между двумя последними Пуническими войнами. Рассмотрим их последовательно.

Рельефы нумидийских триумфальных сооружений или святилищ в Хемту (*Simitthus / Chemtou*) и Кбур-бу-Клиб близ Замы (*Kbour-bou-Klib*) дают единственные примеры изображения круглого щита греческого типа, которые можно гипотетически, но при этом вполне аргументированно связать с карфагенянами (ил. 1). Достаточно сказать, что в символике щитовых эмблем наблюдаются карфагенские аллюзии: тут и бюст богини с колчаном (= Артемида, отождествлявшаяся греками с пунийской Тиннит), и палица (атрибут Геракла, отождествлявшегося

Ил. 1. Реконструкция северного фасада монумента в Хемту
(Воспр. по: Rakob 1979)

греками с пунийским Мелькартом)¹⁰. Вместе с тем не следует забывать, что эти памятники не карфагенские и, более того, сооружены уже после падения Карфагена (хотя связь монумента в Хемту именно с этим событием, точнее, с участием в нём нумидийцев, наиболее вероятна). Их заказчиком был, скорее всего, нумидийский царь Миципса, преемник Массиниссы, а создателями, вне всякого сомнения, — греческие мастера, которые ориентировались на устойчивый канон, принятый в эллинистическое время при декорировании подобных монументов (Eichberg 1987, 109). Очевидно, с учётом пожеланий заказчика был сделан ряд «уточнений», конкретизировавших принадлежность трофеев — стандартные круглые щиты украшены эмблемами; некоторые из них можно привязать к пунийской эмблематике. Близкие параллели обнаруживаются, например, в нумизматическом материале. Однако такие популярные монетные типы, как пальма или протома коня, равно как и элементы характерной пунийской символики, на щитах монумента в Хемту не представлены. Если бы заказчикам было важно точное воспроизведение карфагенских доспехов и эмблем, проще всего было бы предоставить мастерам в качестве образца собственно пунийские предметы с государственной символикой, — например, монеты. Но при сопоставлении очевидно, что изображения на карфагенских монетах той же Тиннит (исполненные также в греческой традиции) совершенно иные. Таким образом, можно заключить, что карфагенские трофеи (если это в самом деле они) показаны здесь в значительной степени условно¹¹.

Как аналогию щитам нумидийских мемориалов можно привести щиты, изображенные на рельефах цоколя триумфального монумента, возведённого, как предполагают, Суллой на Капитолии в ознаменование победы над Югуртой (Рим, Палаццо Кончерватори, inv. 2749–2751) (ил. 2). При сравнении с фрагментом рельефа из Кбур-бу-Клиб, хранящимся в собрании Национального музея Бардо в Тунисе (Rakob 1979, 131, Abb. 46) (ил. 3), нетрудно заметить, что идентичен даже декор

¹⁰ Мраморные изваяния щитов, украшенных аналогичной эмблемой, открыты на Делосе и в Лисимахии на Херсонесе Фракийском (Polito 1999, fig. 7, 8), но там они, по-видимому, связаны с династической символикой Антигонидов. Во втором случае это удостоверяется надписью: ΦΙΛΙΠΠΟΥ (Polito 1999, 49).

¹¹ Здесь, впрочем, нельзя не упомянуть оригинальную и остроумную гипотезу, высказанную Э. Полито, согласно которой щиты обоих монументов несут македонскую эмблематику. По мысли ученого, сооружение этих памятников связано с участием нумидийцев в Македонских войнах, чем и объясняется отмечаемый им параллелизм эмблематических типов на изображениях щитов в Хемту и Кбур-бу-Клиб и на монетах Филиппа V (Polito 1999). Не находя возможным согласиться с его аргументацией, заметим, однако, что в том случае, если Полито прав, вопрос о принадлежности рассматриваемых щитов карфагенянам снимается сам собой.

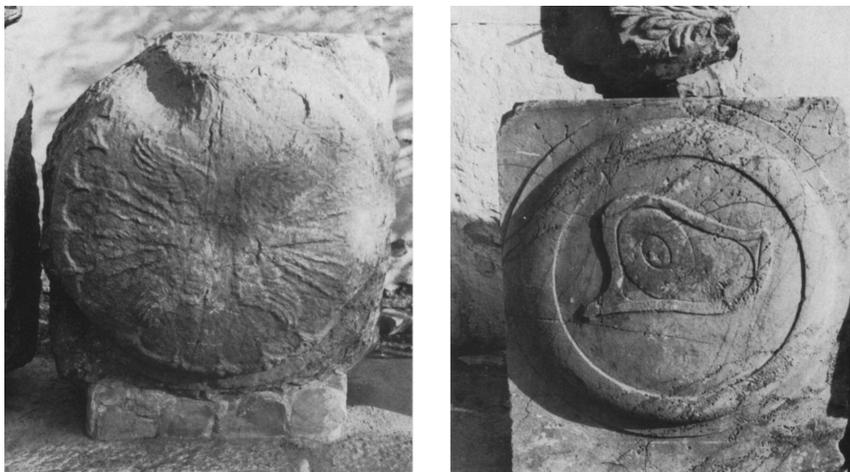
Ил. 2. Фрагмент капитолийского триумфального монумента Л. Корнелия Суллы (?). Рим, Палаццо Кончерватори

обода щитов. Если допустить, что рельефы монумента в Хемту являются адекватным отражением пунийских трофеев, мы должны были бы признать, что и на рельефах из Палаццо Кончерватори, исполненных на полвека позже, но в той же триумфально-репрезентативной традиции, не менее точно представлены нумидийские трофеи. Однако это, очевидно, не так. Нумидийские щиты неоднократно упоминаются античными

авторами. Они в самом деле круглые, но лишены изображений и изготавливались из кожи на деревянной основе или, что более вероятно, просто из кожи. Саллюстий описывает «нумидийские [щиты], из кож, более лёгкие и производящие меньше шума при ударе» (*Iug.* 94. 1. Пер. В. О. Горенштейна). Щит нумидийского царя Массиниссы, согласно Аппиану, был сделан из слоновьей кожи (*Lib.* 46). Страбон относи-

Ил. 3. Щит с изображением богини с колчаном (Артемиды = Тиннит?). Фрагмент рельефного декора монумента в Кбур-бу-Клиб. Тунис, Национальный музей Бардо

Ил. 4. Щиты с эмблемами в виде керавна с крыльями и глаза. Фрагменты рельефного декора монумента в Хемту

тельно современных ему нумидийцев указывает, что «в ходу у них небольшие кожаные щиты» (XVII. 2. 7: *τέλτη μικρά*. Пер. Г. А. Стратановского). Интересную, хотя, возможно, не вполне достоверную подробность сообщает Орозий. Так, он пишет, что нумидийские «лёгкие и надёжные щиты, обтянутые загрубевшей слоновьей кожей», якобы впитывают влагу и делаются малопригодны (тяжелы), намокнув под дождём (V. 15. 16–17. Пер. В. М. Тюленева). Щиты, показанные на рельефах Палатцо Кончерватори, не имеют с этими описаниями ничего общего.

В обоих случаях — в рельефном убранстве сулланского трофея и нумидийских памятников — мы наблюдаем очевидное следование помпезной традиции оформления триумфальных монументов, сложившейся в эллинистическое время и практиковавшейся повсеместно — и в Малой Азии, и на Балканах, и в Италии, и в эллинизированной (романизированной) Африке. Отдельные элементы декора подобных памятников представляют собой нарочитые анахронизмы, не соответствующие датировке сооружения. На рельефах из Хемту это, например, орнамент из ов (киматий: Polito 1999, 47, 63), обрамляющий эгиду с горгонейоном на одном из щитов, или изображение глаза-апотропея на другом¹² (ил. 4, 5). Следует подчеркнуть, что оба упомянутых щита несут изображения, не находящие, похоже, прямых соответствий в карфагенской эмблематике.

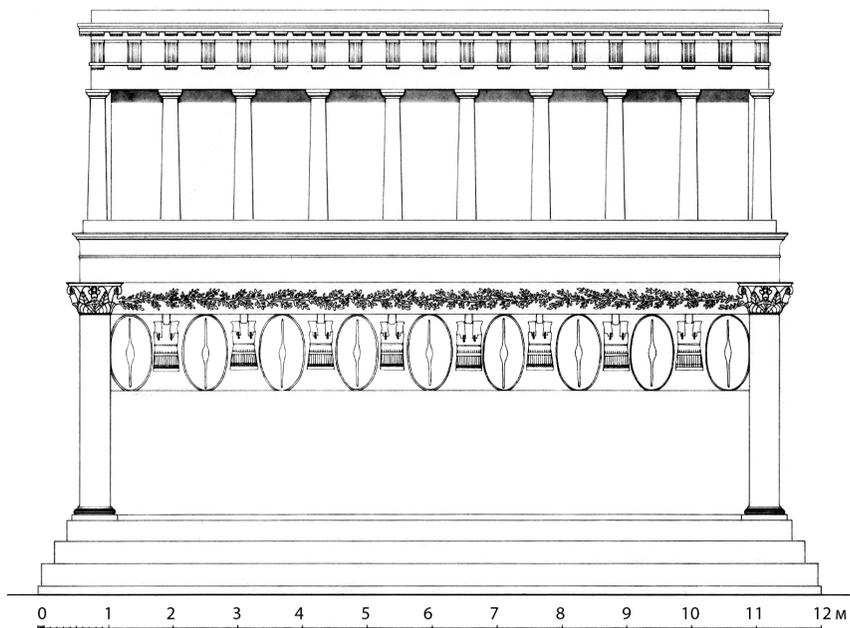
¹² Rakob 1979, 125, Anm. 8. Должно быть, к числу несомненных анахронизмов в данном случае следует добавить и саму форму круглого щита с закраиной.

Ил. 5. Панцирь и щит с изображением горгонейона на фоне эгиды. Фрагмент рельефного декора монумента в Хемту

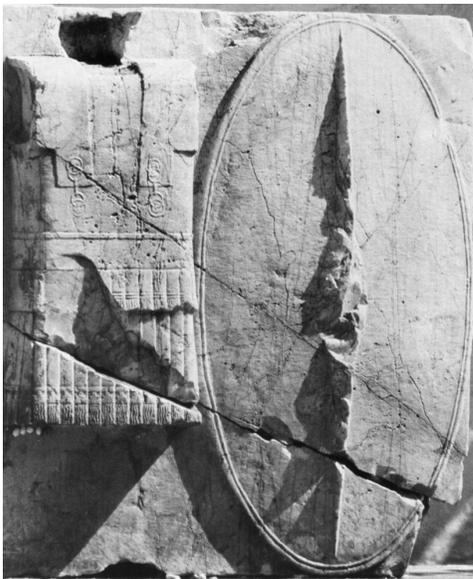
Важной особенностью рельефов монумента в Хемту, которую можно было бы отнести на счёт достоверной передачи предметов пунийского вооружения, надо признать включение в систему декора наряду с круглыми овальными щитами (θυρεός) — девять таких щитов были изображены на фризе западного фасада сооружения (ил. 6). Для Западного Среди-

важной особенностью рельефов монумента в Хемту, которую можно было бы отнести на счёт достоверной передачи предметов пунийского вооружения, надо признать включение в систему декора наряду с круглыми овальными щитами (θυρεός) — девять таких щитов были изображены на фризе западного фасада сооружения (ил. 6). Для Западного Среди-

Ил. 6. Реконструкция западного фасада монумента в Хемту (Воспр. по: Rakob 1979)

Ил. 7. Панцирь и овальный щит.
Фрагмент рельефного
декора монумента в Хемту

земноморья подобные щиты не были экзотикой и вряд ли могли служить этническим маркером, как кельтские трофеи на фризе храма Афины Никифоры в Пергаме, но их присутствие здесь, конечно, не случайно. Расположение овальных щитов в декоре монумента в Хемту свидетельствует, по-видимому, о второстепенном значении, однако трудно сказать, чем конкретно это обусловлено. Можно предположить, что причиной была неодинаковая престижность изображённых трофеев. Например, изображения овальных щитов без декора (ил. 7) могли представлять оружие простых воинов (или наёмников — не карфагенян), а богато декорированные круглые щиты обозначали доспехи военачальников или воинов каких-то привилегированных подразделений. Но какова бы ни была программа декорации, видеть в рельефах Хемту документально точное отражение современных реалий не приходится¹³.

Значительно более информативны в этом плане стелы начала II в. до н. э. из Эль-Гофры (Северо-Восточный Алжир), хранящиеся в Константинополе (Die Numider 1979. Taf. 91, 1, 2; 92, 1). П. Коннолли приводит фотографию одной из них, сопровождаемую следующей подписью:

¹³ К числу деталей рельефного фриза в Хемту, не находящих прямых аналогий, надо отнести оформление нижнего ряда птериг панцирей своеобразным геометрическим орнаментом. По-видимому, эту деталь следует приписать местной африканской специфике (ср., например, панцири на рельефном фризе из Сиды в Памфилии; Mansel 1969, 271, 274–275, Abb. 37, 38, 41, 44; Abb. 48–49: 2, 3, 6, 9). В отношении панцирей на фризе в Хемту П. Коннолли уверенно пишет, что они «почти наверняка были на самом деле кольчугами» (Connolly 1981, 148). Однако известно несколько способов, посредством которых в эллинистической пластике передавалось кольчужное плетение, и нет никаких оснований считать, что в этом конкретном случае мастера манкировали проработкой фактуры доспеха. В то же время в источниках сообщается, что уже в начале V в. до н. э. финикийцами и на Востоке, и на Западе употреблялись льняные панцири (Hdt. VII. 89. 1; Paus. VI. 19. 7). Именно они, возможно, и представлены на фризе в Хемту (см. ил. 1, 6).

«Надгробие испанского наёмника, обнаруженное в Тунисе, на котором изображены его щит, шлем, меч и два копья» (Connolly 1981, 150, fig. 11). При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что это вовсе не надгробие испанского наёмника, а votивная стела, посвящённая неким Абдаштартом, сыном Мазопа, командиром какого-то особого подразделения в войске или вождя племенного отряда (термин *rb mšrt*, которым обозначен титул донатора, уверенно не интерпретирован: Roschinski 1979, 109). Лаконичный текст надписи сообщает, что Абдашарт сделал посвящение некоему божеству (начало надписи неясно), внявшему его мольбе (Die Numider 1979, 548). Судя по имени, донатор — пуниец, а кроме того, наряду с овальным щитом (иберийским?¹⁴), мечом и двумя копьями (дротиками) на этой стеле изображён жезл (трость с массивным сферическим набалдашником), очевидно — статусный атрибут, указывающий на высокое положение (ил. 8).

Тот же тип щита представлен в комплекте с иберийским (?) мечом на стеле «интенданта» (*h-mystr* — некий значительный чин карфагенской военной администрации: Roschinski 1979, 107) с пунийским именем Гимильк (...), посвящённой Баал-Хаммону и Тиннит, «ибо исполнили его моление» (ил. 9).

Точность в передаче изображённых предметов на этих памятниках обусловлена их предназначением. Заказчик, разумеется, был заинтересован в точном воспроизведении атрибутов, отмечающих его статус. К тому же исполнителями такого рода частных заказов были наверняка местные ремесленники, а не квалифицированные греческие мастера.

Ещё одна стела — посвящение Баал-Хаммону Ариша (?), сына Лави (нумидийское имя с пунийским патронимом) — не несёт титулатуры, но маркирована помимо оружия (в данном случае — круглого щита и меча) рельефным изображением жезла, аналогичного показанному на стеле Абдашарта и, по-видимому, тоже свидетельствующего о высоком ранге донатора (ил. 10). Такой же щит, как на последней стеле, — круглый, небольшого размера — изображён на нумидийском надгробии II в. до н. э. из Абизара (Алжир, Национальный музей) (ил. 11), а ещё один — на фрагменте надгробия конца III в. до н. э. из Национального музея Бардо в Тунисе (Die Numider 1979. Taf. 107; 108, 2) (ил. 12). Нет никакого сомнения, что все три изображения демонстрируют известные по описаниям античных авторов кожаные щиты нумидийцев.

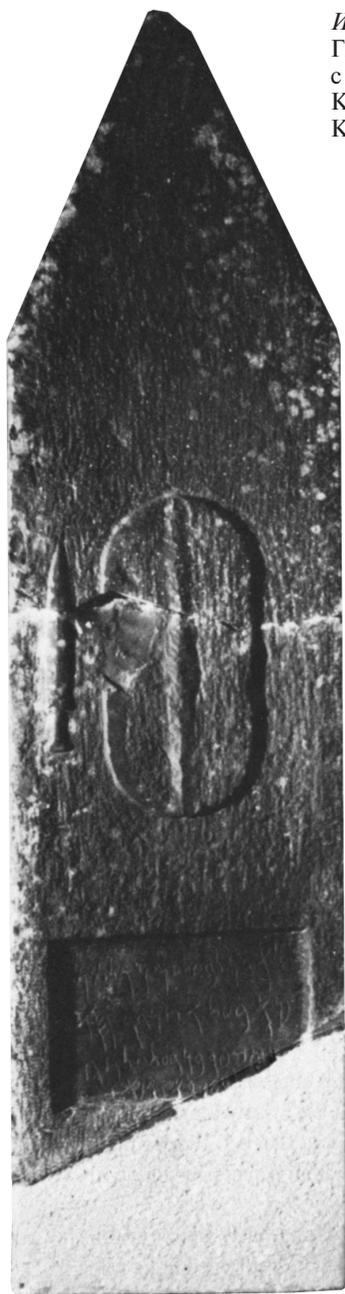
¹⁴ С. Гзель, впрочем, соотносит щит на этой стеле с римским skutumом (“...a la forme de *scutum* romain”), что, возможно, не лишено оснований (Gsell 1920, 351).

Ил 8. Вотивная стела Абдаштарта, сына Мазопа. Константина, Музей

П. Коннолли, однако, приходит к парадоксальным выводам. Рассматривая круглые щиты монумента в Хемту, он пишет, что такой «тип» прежде не был известен (?!), однако «чем-то напоминает аргивский щит, но со вставленным в центр круглым диском и закруглённой внутренней частью обода». Щиты эти, продолжает исследователь, «очень похожи на грубые изображения нумидийских щитов на колонне Траяна и на североафриканских надгробиях» (Connolly 1981, 148). Надо ли говорить, что всё сходство между этими тремя типами щитов сводится к тому, что они имеют округлую форму? На монументе в Хемту мы видим классические гопплитские щиты (эмблемы которых указывают на их подразумеваемую карфагенскую принадлежность), на нумидийских надгробиях и вотивной стеле Ариша — аутентичные, потому грубоватые, но этнографически достоверные изображения нумидийских же щитов, а на колонне Траяна — «облагороженный» вариант последних, имеющий мало сходства с реальными прототипами, зато отдалённо приближающийся к классическим пропорциям греческих щитов, при гораздо меньших размерах.

Далее, однако, П. Коннолли приходит к не менее обескураживающему заключению. Он пишет о щитах рельефов Хемту, что, «вероятно, именно этим типом щита пользовались нумидийские всадники», но если триумфальное сооружение в самом деле возведено как трофей по случаю победы над карфагенянами, «то тогда круглые щиты должны были принадлежать ливиифиникийской фаланге» (Connolly 1981, 148). Лёгкость перехода от одного допущения к другому поразительна. Полагаю, нет необходимости комментировать первое (оно противоречит всем известным источникам), но на втором стоит остановиться подробнее.

Ил. 9. Вотивная стела (посвящение Гимильк(...) Баал-Хаммону и Тиннит) с пунийского тофета в Эль-Гофре. Конец III — начало II в. до н. э. Константина, Музей

Ил. 10. Вотивная стела Ариша (?), сына Лави. Константина, Музей

Ил. 11. Нумидийская надгробная стела из Абизара. II в. до н. э.
Алжир, Национальный музей

Ил. 12. Фрагмент нумидийской надгробной стелы.
Конец III в. до н. э. Тунис, Национальный музей Бардо

Дело в том, что эксперименты самого П. Коннолли продемонстрировали невозможность применения двуручной пикой с гоплитским щитом. Так, он пишет: «Я пробовал работать копьём, держа в левой руке аргивский щит, но из-за его выпуклой кромки и угла примерно в сорок пять градусов, появлявшегося между копьём (pike) и щитом, держать копьё ещё и левой рукой оказывалось невозможно» (Connolly 1981, 51). Не случайно учёный, пытаясь примирить собственный практический опыт и сомнительную гипотезу, вынужден измышлять для щита с рельефов Хемту «закруглённую внутреннюю часть обода», «тогда как у аргивского щита она образует угол к плоскости» (Connolly 1981, 148). В действительности единственной особенностью щитов нумидийского монумента является «утопленный» фон, выбранный вокруг эмблематических изображений, высеченных в невысоком рельефе. За счёт этого сугубо технического приёма создаётся небольшое заглабление выпуклой центральной части щита, которую греки уподобляли чаше (Paus. V. 10. 4). Бесспорно, перед нами совершенно обычный, традиционный гоплитский щит с чётко выраженным краем, неприменимый, согласно выводам самого П. Коннолли, вместе с двуручной пикой. Кстати, Д. Хэд, критикуя гипотезу П. Коннолли о фалангитах Ганнибала, тоже указывает на это: «...Тем не менее сам он предполагает, что они имели щиты с широким ободом, как на монументе из Хемту, которые не сочетаются с [двуручной] пикой» (Head 1982, 144).

Здесь следует заметить, что построение П. Коннолли во многом основывалось на некорректном переводе Полибиева термина *λοῦχοφόροι*, переданного в английском переводе У. К. Пейтона как *pikemen*¹⁵. В этой связи оно было подвергнуто аргументированной критике Д. Хэдом, указавшим кроме неточности в прочтении источника на то обстоятельство, что о лонхофорах Ганнибала неоднократно упоминается как о действующих совместно с другими отрядами лёгкой пехоты и выполняющих задачи, несвойственные линейной пехоте с длинным древковым оружием (Head 1982, 144).

Плутарх, впрочем, в одном случае прямо противопоставляет короткие, но не предназначенные для метания копья карфагенян длинными копьями (*δώρατα*) их противников (*Marc.* 12. 4). Копьё карфагенян здесь обозначено словом *αἰχμή*. Тут, конечно, есть известное противоречие, но ясно, что копья (несущественно, метательные или нет) в любом случае не эквивалентны пикам (сариссам).

Иконография также не даёт никаких достоверных свидетельств, которые можно было бы привести в пользу применения пики карфагенскими воинами. Копья на карфагенских и нумидийских изображениях можно квалифицировать скорее как метательные и в любом случае достаточно короткие и не требующие двуручного хвата. Интерпретация изображения копейного втока на оттиске геммы, обнаруженном в Карфагене, как *makedonischen Sauroter* (Berges 1997, 410, 413, Abb. 15), обусловлена, по-видимому, наличием элементов, которые можно трактовать как грани или «перья», наподобие граней известного втока из Вергины (Connolly 2000, 104, fig. 1, c). Но, во-первых, ничто не указывает со всей определённойностью, что форма вергинского савротера специфична именно для сариссы (как и не доказано, что он вообще принадлежал сариссе). Втоки с подобными гранями известны по изображениям греческих копий (ARV² 1344, 1 (6); Louvre, No. S 1677) и по находкам в Олимпии (Baitinger 2001. Taf. 44: 953, 956; Taf. 56: 1194). Кроме того, сама гемма, с которой сделан оттиск, несомненно, была произведением греческого резчика. Свыше 1200 подобных глиняных печатей с оттисками греческих инталий позднеклассического и эллинистического периодов было найдено в Карфагене при раскопках уничтоженного пожаром 146 г. до н. э. архива папирусов (Rakob 1992, 166).

¹⁵ Согласно авторитетным словарям, слово *λόχη* имеет следующие значения: a single spear (LSJ); lance, javeline (Chantraine); Speer, Wurfspieß, для *λοῦχοφόρος* — der Speerträger, als Leichtbewaffneter (Benseler); копьё (Дворецкий). Латинский аналог этого термина — *lancea* — согласно Авлу Геллию, — лёгкое метательное копьё с ремнём посередине (X. 25. 2. Пер. А. П. Бехтер).

Таким образом, скудные данные о вооружении пунийских воинов (включая те, которые П. Коннолли привлекает для подтверждения своего тезиса) не дают оснований говорить о фаланге сариссофоров в армии Карфагена, более того, скорее противоречат этому.

Хочется коснуться ещё одного сюжета, а именно известной реконструкции пунийского штандарта. Речь идёт о древке, увенчанном полумесяцем на диске и украшенном ниспадающими лентами — такая реконструкция с 80-х годов прошлого века, точнее, после выхода книги П. Коннолли «Ганнибал и враги Рима» (Connolly 1978), встречается практически повсеместно, различаясь лишь в деталях. В её основу, как известно, положено знаменитое изображение на посвянительной стеле с корабельной пророй из Карфагена (Национальный музей Карфагена). В «Греции и Риме...» П. Коннолли дважды возвращается к этому сюжету, акцентируя внимание на «штандарте, увенчанном диском и полумесяцем» (*a standard crowned with a disc and crescent*) (Connolly 1981, 148, 270). Т. Вайс подчёркивает, что эта реконструкция, основанная на аутентичном изображении, достоверно воспроизводит облик штандарта, тогда как прежние¹⁶ основаны на неверном истолковании источников (Wise 1982, 37). О том же пишет и Д. Хэд, добавляя, что изображения подобных штандартов встречаются на погребальных стелах (Head 1982, 142). В одной из новых работ, специально посвящённой античным знамёнам, рассматриваемый символ (на основании всё того же уникального изображения) безоговорочно трактуется как военный штандарт (*el estandarte del 'Marte púnico'*) (Quesada Sanz 2007, 32).

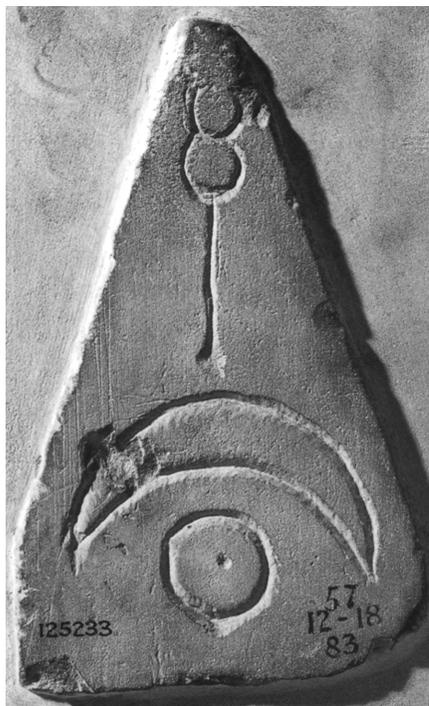
Прежде всего следует оговориться, что стелы, о которых идёт речь, не погребальные, а посвящённые по обету: это такие же вотивы, как упоминавшиеся выше стелы из Эль-Гофры. Большая часть пунических стел IV—II вв. до н. э., происходящих с тофета Карфагена и других тофетов, представляет собой вотивные приношения, что явствует и из надписей (Mendleson 2003, 4). Среди них — целый ряд стел с изображениями, аналогичными представленному на стеле с корабельной пророй (в том числе стела, на которой такой знак помещён над врезанным рисунком со слонем — непосредственно над головой животного: Carthage, Musée de Carthage, No. 162). Есть изображения, идентичные и по технике исполнения (тоже врезаны на плоской поверхности стелы), и по облику представленного объекта — например, на стелах из Лувра (inv. АО 5178), из Британского музея (Mendleson 2003: Pu. 48. 125291), из Эрмитажа (инв. ДВ 18762).

¹⁶ И солнечный диск, и полумесяц были и прежде известны как навершия штандартов на Древнем Востоке, но по отдельности: "...le croissant ou le disque solaire" (Chapot 1905, 1308).

При ближайшем рассмотрении данной группы памятников столь привычная теперь реконструкция пунийского штандарта оказывается в корне ошибочной. Вне всякого сомнения, это неправильно понятое изображение так называемого *кадуцея* (*caduceus*), очень типичного для подобных стел знака. Такие «жезлы» (*ρᾶβδοί*), «ашеры или кадуцеи» (Тураев 1903 [1999], примеч. 90), были чрезвычайно распространённым и почитаемым культовым символом, не имевшим к воинским реалиям никакого отношения. По частоте воспроизведения на стелах IV–II вв. до н. э. они уступают, пожалуй, только «знаку Тиннит» (см.: Mendleson 2003, 7; 16, fig. 7).

На пунийских стелах кадуцей имеет вид вертикально ориентированного стержня, увенчанного двумя окружностями, верхняя из которых почти всегда незамкнута (Mendleson 2003, 7). В таком облике этот символ оформился, бесспорно, под воздействием эллинской иконографии. Ю. Б. Циркин пишет: «Знакомство с Гермесом и его атрибутами, по-видимому, привело к тому, что скрещённые змеи как один из символов Тиннит становятся похожими на кадуцей, хотя сам образ — финикийский и притом очень древний» (Циркин 1986, 167). Как один из возможных иконографических прототипов можно указать кадуцеи с «ленточками» на греческих монетах, например на дидрахмах Гимеры, сицилийского города, разрушенного карфагенянами в конце V в. до н. э. (Catalogue of Greek Coins, 79, no. 35, 36; 81, no. 50).

Изображения кадуцеев на стелах очень вариативны. Они исполнены как посредством примитивной гравировки, так и в рельефе. Варьируется место кадуцея в композиции стелы: он может быть помещён как в верхней части стелы (Mendleson 2003: Pl. 45. 125233) (ил. 13), так и ниже надписи (Mendleson 2003: Pl. 56. 125249). Иногда

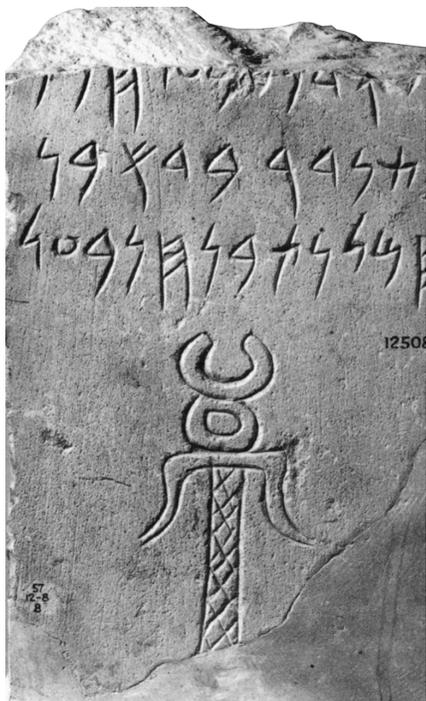
Ил. 13. Фрагмент вотивной стелы с карфагенского тофета. Лондон, Британский музей

кадуцей комбинируется с другим символом, например со «знаком Тиннит» (Mendleson 2003: Pu. 22. 125267) или пальмой (Mendleson 2003: Pu. 53. 125085), образуя композитные гибриды (ил. 14, 15). На ряде стел изображены пары кадуцеев, фланкирующие центральный символ — например, «знак Тиннит» (Mendleson 2003: Pu. 6. 125261), пальму (Mendleson 2003: Pu. 42. 125089), алтарь (Mendleson 2003: Pu. 27. 125284) (ил. 16, 17). Иногда кадуцей бывает показан в «руке» квазиантропоморфного «знака Тиннит» (например, на луврской стеле inv. АО 5191), что недвусмысленно обнаруживает функциональное назначение изображённого предмета как жезла (ил. 18).

Относительно содержательного аспекта данного символа было высказано убедительное предположение, согласно которому кадуцей, возможно, служил своего рода коммуникатором, обеспечивая связь молящегося с божеством и гарантируя передачу молитвенного послания (Mendleson 2003, 8). В таком качестве пунийский кадуцей близок грече-

Ил. 14. «Кадуцеи», комбинированные со «знаками Тиннит». Вотивная стела с карфагенского тофета. Лондон, Британский музей

Ил. 15. «Кадуцей», комбинированный с пальмовым стволом. Вотивная стела с карфагенского тофета. Лондон, Британский музей

Ил. 16. Пара «кадуцеев», фланкирующая «знак Тиннит». Вотивная стела с карфагенского тофета. Лондон, Британский музей

скому керикейону — атрибуту вестников, — что хорошо объясняет мотивы заимствования данного символа в карфагенской иконографии.

Среди других символов, представленных на пунических вотивных стелах, наряду с кадуцеем выделяют и так называемый штандарт (Standard). По-видимому, изначально это был самостоятельный культовый символ, но ко II в. до н. э. оба символа, «штандарт» и кадуцей, становятся практически неразличимыми на изображениях и, вероятно, взаимозаменяемыми (Mendleson 2003, 8). Понятно, что с военными реалиями ни тот ни другой никак не были связаны, хотя исходное значение «штандарта» остается неопределённым (“The meaning of the standard is uncertain”: Mendleson 2001, 48).

Что же породило ошибочную трактовку кадуцея как штандарта, увенчанного полумесяцем на диске? Прежде всего полумесяц также представлен в карфагенской символике, причём достаточно широко. На стеле

Ил. 17. Пара «кадуцеев», изображённая по сторонам алтаря.
Вотивная стела с карфагенского тофета.
Лондон, Британский музей

с пророй рисунок кадуцея помещён таким образом, что действительно воспринимается неискущённым или пристрастным зрителем как изображение некоего предмета, установленного на носу боевого корабля. Если бы это в самом деле было так, сложно было бы объяснить отсутствие подобных штандартов на других изображениях кораблей в пунийской иконографии, например на монетах, в то время как изображения «кадуцея» (*caduceus*, 'Mercurstab') зафиксированы в карфагенской нумизматике (Baldus 1979, 187; Abb. 117, 11).

Навершие кадуцея на стеле с пророй, в свою очередь, тоже может быть воспринято благодаря внешнему сходству как схематичное изображение

Ил. 18. «Знак Тиннит», комбинированный «кадуцеем». Пунийская вотивная стела. Константина, Музей

полумесяца на диске. Ошибочность такого представления становится очевидной, если учитывать широкий иконографический контекст. Диск и полумесяц на пунийских изображениях нередко бывают совмещены в одной композиции, но диск в этом случае изображается между рогами полумесяца, которые, как правило, обращены не вверх, а книзу¹⁷. К тому же надо отметить, что оба символа, кадуцей и полумесяц, нередко присутствуют на стелах вместе (Mendleson 2003: Pp. 45. 125233).

Сказанное, конечно, вовсе не означает, что карфагеняне не знали или не использовали воинские значки или штандарты. Напротив, в традиции совершенно недвусмысленно упоминаются пунийские знамёна, *Punica signa militaria* (например: Liv. XXVII. 40. 11; XXX. 35. 3; Sil. It. III. 231; Sen. Ep. 51. 7), однако судить об их облике приходится сугубо гипотетически.

Подводя итог, остаётся не без некоторого сожаления констатировать: и карфагенская фаланга сариссофоров, и штандарт “with a disc and crescent” — не более чем историографические курьёзы, растиражированные в научно-популярной литературе и превратившиеся в устойчивые, но ложные стереотипы.

¹⁷ Именно такой вариант, вкупе с почти полным набором других типичных пунийских символов, можно видеть на известняковой вотивной стеле, приведённой в новой работе Н. Филдза (Fields 2010, 6).

Литература

- Гурьев А. В. Военная реформа Ксантиппа // *Para bellum*. № 12. СПб., 2001. С. 91–103.
- Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь / под ред. С. И. Соболевского: в 2-х т. М., 1958.
- Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / пер. С. Лопухова, А. Хромова. М., 2000.
- Садьков М. Ш. Межгосударственные отношения и дипломатия в Западном Средиземноморье в 323–264 гг. до н. э. Казань, 2003.
- Тураев Б. А. Отрывки финикийской космогонии и мифологии Филона Библиского // *Финикийская мифология* / ред. Ю. С. Довженко. СПб., 1999. С. 39–119.
- Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М., 1986.
- Baitinger H. Die Angriffswaffen aus Olympia (Olympische Forschungen, 29). В., 2001.
- Baldus H. R. Die Münzprägung der numidischen Königreiche // *Die Numider: Reiter und Könige nordlich der Sahara* / hrsg. von G. Walzik, I. Köstner. Köln; Bonn, 1979. S. 187–208.
- Bartolini P. Army, Navy and Warfare // *The Phoenicians* / ed. S. Moscati. Milan, 1988. P. 132–138.
- Benselers Griechisch-deutsches Wörterbuch. Verlag Enzyklopädie. Leipzig, 1981.
- Berges D. Siegel aus Karthago — Spiegelbilder des Lebens // *AW*. 28 (5) 1997. S. 407–414.
- Brizzi G. Hannibal's Expedition // *The Phoenicians* / ed. S. Moscati. Milan, 1988. P. 62–71.
- Catalogue of Greek Coins in British Museum. Sicily / ed. H. S. Poole. Bologna, 1963.
- Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Т. III. Paris, 1977.
- Chapot V. Signa militaria. Le Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines de Daremberg et Saglio. Т. IV. Vol. 2. Paris, 1905. P. 1307–1336.
- Connolly P. Hannibal and the Enemies of Rome. L., 1978.
- Connolly P. Greece and Rome at War. L., 1981 (revised 1998 edition).
- Connolly P. Experiments with the Sarissa — the Macedonian Pike and Cavalry Lance — a Functional View // *JRMES*. Vol. 11. 2000. P. 109–122.
- Dorey T. A. Macedonian Troops at the Battle of Zama // *AJPh*. Vol. 78. No. 2. 1957. P. 185–187.
- Eichberg M. Scutum. Die Entwicklung einer italisch-etruskischen Schildform von den Anfängen bis zur Zeit Caesars. Frankfurt am Main, 1987.
- Fields N. Carthaginian Warrior 264–146 BC. Oxford, 2010.
- Gsell S. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Т. II. P., 1920.
- Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC. Worthing, 1982.
- Huß W. Geschichte der Karthager. München, 1985.
- Liampi K. Der makedonische Schild. Bonn, 1998.

- Mansel A. M.* Osttor und Waffenreliefs von Side (Pamphylien) // Arch. Anz. 1968. Heft 2. S. 239–279.
- Mendleson C.* Images and Symbols on Punic Stelae from the Tophet at Carthage // Archaeology and History in Lebanon issue Thirteen. 2001. P. 45–50.
- Mendleson C.* Catalogue of Punic Stelae in the British Museum / The British Museum Occasional Paper No. 98. L., 2003.
- Die Numider: Reiter und Könige nordlich der Sahara / hrsg. von G. Walzik, I. Köstner. Köln; Bonn, 1979.
- Polito E.* Emblèmes macédoniens. Une hypothèse sur une série de boucliers de Macédoine en Numidie // Antiquités africaines. T. 35. 1999. P. 9–70.
- Publicazioni Società italiana per la ricerca dei papiri greci e latini in Egitto. Vol. 4. Firenze, 1917.
- Quesada Sanz F.* Estandartes militares en el mundo antiguo. Aquila Legionis. Monográfico de VIII, Signifer Libros, Madrid, 2007.
- Rakob F.* Numidische Königarchitektur in Nordafrika // Die Numider: Reiter und Könige nordlich der Sahara / hrsg. von G. Walzik, I. Köstner. Köln; Bonn, 1979. S. 119–171.
- Rakob F.* Neue Ausgrabungen in Karthago. Ein punisches Heiligtum und das Stadtzentrum der punischen und römischen Metropole // AW. 23. 1992. Bd 3. S. 158–174.
- Rapin A.* Un bouclier celtique dans la colonie grecque de Camarina (Sicile) // Germania. Bd. 79. 2001. S. 273–296.
- Roschinski H. P.* Die punischen Inschriften // Die Numider: Reiter und Könige nordlich der Sahara / hrsg. von G. Walzik, I. Köstner. Köln; Bonn, 1979.
- Sabin Ph.* The Mechanics of Battle in the Second Punic War // The Second Punic War: A Reappraisal / ed. T. Cornell, B. Rankov and Ph. Sabin. L., 1996. P. 59–79.
- Wise T.* Armies of the Carthaginian Wars 265–146 BC. Oxford, 1982.

Dmitry P. Alexinsky

**“PUNIC PHALANX” AND “PUNIC BANNER”
(on the Two Historiographic Myths)**

The article discusses controversial ideas about the equipment and tactics of the Carthaginian infantry during the Punic Wars. It begins with an analysis of scholarly opinions found in the historical literature on the subject, exposing the current state of the question. In its main part, the article engages in polemics with the works of a known specialist on the antique arms and armor, Peter Connolly, who offered a debatable thesis regarding the relationship of the organization, weapons, and tactics of the Punic infantry with those of the Hellenistic (so-called Macedonian) phalanx. In Connolly’s opinion (shared by some of the researchers), the Carthaginian infantry fought

in a deep formation of heavily armored warriors equipped with long two-handed pikes and small round shields (of so-called Macedonian type). This thesis is being criticized. Based on the written sources and on the archaeological and iconographical materials, the article argues for a diametrically opposite type of the Carthaginian panoplia. Apparently, in its essence it was a combination of the *thureos* type shield and a short spear, which suggests its relation not to the Hellenistic phalanx, but to the synchronous military structures that emerged in the Western Mediterranean, in the Pyrenees, and the Apennines.

In its final section, the article discusses the issue of the Punic standard reconstruction, which is deemed as erroneous. The cause of the misconception is rooted in a misinterpretation of the wand or stick (*caduceus*) images on the dedicatory Punic *tophet* stela (not a funerary stela!). This symbol obviously served as a communicator between the believers and their god, “as a way of conveying their message to the deity” (C. Mendleson), and was not associated with the military realities.

А. И. Козак

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КСАНТИППА
ЛАКЕДЕМОНЯНИНА В КАРФАГЕНЕ
(256–255 гг. до н. э.)**

На протяжении всей своей истории Карфаген планомерно вёл активную экономическую и военную экспансию в Западном Средиземноморье. Немаловажную роль в осуществлении пунийских завоевательных планов и удерживании господства над территорией огромной державы играла многочисленная армия. Свой привычный для нас облик она приобрела около середины VI в. до н. э. в результате деятельности суффета и рабимаханата (главнокомандующего) Магона Великого (Iust. XVIII. 7. 19; XIX. 1. 1). Стараясь не допустить повторения в будущем попыток узурпации государственной власти, подобных той, которую, опираясь на войско, намеревался совершить полководец Малх, он максимально уменьшил количество карфагенских граждан в вооружённых силах. Армия стала комплектоваться главным образом из иноземных наёмных отрядов, союзных контингентов зависимых ливийских племён и относительно малочисленного ополчения западсредиземноморских финикийских городов (Meltzer 1879, 163; Gsell 1913, 421; Шифман 2006, 151). Благодаря такой организации пунийское войско на протяжении длительного периода времени по праву считалось одним из лучших в Средиземноморье и в руках умелого военачальника превращалось в грозную силу, способную успешно противостоять любому врагу.

Тем не менее уже к середине III в. до н. э. в результате поражений в Первой Пунической (Сицилийской) войне (264–241 гг. до н. э.) престиж карфагенской армии сильно пошатнулся — дошло даже до того, что ей не хватало ни воинов, ни начальников (ποίαις χερσὶν ἢ ποίοις ἡγεμόσιν πολέμησειαν οὐκ εἶχον) (Polyb. I. 62. 2). Уже первое поражение в крупном

сухопутном сражении под Мессаной (264 г. до н. э.) продемонстрировало пунийским полководцам значительные преимущества римской армии, состоявшей из граждан и союзников (Polyb. I. 11. 3–4; 18. 8; Diod. XXIII. 8. 1; Eutr. II. 18. 2). Несмотря на удобство занимаемых ею позиций, карфагенская пехота не выдержала натиска римлян, отступив с большими потерями¹. Военные неудачи пунийцев были обусловлены не только закостенелой социальной структурой их армии, но и преобладанием традиционных методов ведения боевых действий, которые не подходили для борьбы с новым противником. Согласно Полибию, «предпочтение должно быть отдано римскому государственному строю перед карфагенским, ведь государство карфагенян каждый раз возлагает свои надежды по сохранению свободы на чужую силу, на храбрость наёмников, а римское — на доблесть собственных граждан и на помощь союзников. Поэтому, если иногда римляне вначале терпят крушение, то в последующих битвах вполне восстанавливают свои силы, а карфагеняне наоборот. <...> Отстаивая родину и детей, они (римляне. — А. К.) никогда не способны охладеть к борьбе и ведут войну с неослабным рвением до самого конца, покамест не одолеют врага» (Polyb. VI. 52. 2–3. Здесь и далее пер. Ф. Г. Мищенко с изменениями). Несомненно, Полибий преувеличивает, однако в главном он прав: именно слабая политическая мотивация обусловила неустойчивость пунийских наёмных контингентов на начальном этапе войны на Сицилии (Griffith 1935, 43–61).

Сделав определённые выводы из первого боевого столкновения, карфагенские полководцы попытались исправить положение. В сражении при Акраганте (262 г. до н. э.) они использовали против римлян боевых слонов, очевидно, опираясь на военный опыт эллинистических армий (Polyb. I. 18. 8; Diod. XXIII. 8. 1). Однако попытка применения малознамого средства не смогла спасти их от разгрома. Последующие боевые действия карфагенян на Сицилии ограничивались лишь вылазками из приморских городов и безуспешными попытками высадки отдельных отрядов на итальянском побережье (Gsell 1928, 80; Tarn 1907, 50–53). Постепенно война на острове начала приобретать затяжной вялотекущий характер.

В дальнейшем ситуация на театре военных действий для пунийцев продолжала неуклонно ухудшаться, а в Риме родился смелый план — нанести Карфагену решительный удар в самой Африке. Летом 256 г. до н. э. 40-тысячной римской экспедиционной армии, возглавляемой консулами Луцием Манлием Вольсоном и Марком Атилием Регулом (Polyb. I. 26. 1–4; App. *Lib.* 1. 3; Eutr. II. 21. 4), удалось почти беспрепятственно

¹ Подробнее см.: Gsell 1928, 75–76; Lazenby 1996, 43–61; Вейцківський 1959, 47–59. Моммзен 1994, 407–408; Оржеховский 1976, 118–128.

высадиться на африканском побережье, недалеко от пунийской столицы (Goldsworthy 2000, 79). С ходу захватив г. Аспид (Клупею), римляне сделали его своим опорным пунктом и принялись планомерно опустошать территории, подвластные карфагенянам. В первые же месяцы они разграбили более 300 населённых пунктов, захватили большое количество скота и свыше 20 тысяч пленных (Polyb. I. 29. 7–8; Eutr. II. 21. 2). После этого бóльшая часть флота и экспедиционного войска вместе с Вольсоном по приказу сената возвратилась в Италию.

Регул, имея в своём распоряжении 15 тысяч пехотинцев, 500 всадников и 40 судов, остался в Африке (Polyb. I. 29. 9–10). Он продолжал грабить вражеские владения и, продвигаясь к Карфагену, осадил г. Адис. На этот раз пунийская армия пришла на выручку осаждённым. Отозвав с Сицилии 5 тысяч пехотинцев и 500 всадников во главе с Гамилькараром Паропосским, карфагеняне сумели собрать новое войско, в состав которого входила более многочисленная, чем прежде, конница, а также боевые слоны. Однако пунийские командующие вновь неосторожно вступили в бой на местности, неудобной для действий конницы и слонов, и были разбиты, потеряв даже лагерь. Пунийские потери составили 17–18 тысяч человек убитыми и 5 тысяч пленными. Римский консул вплотную подошёл к карфагенской столице, по пути заняв от 74 до 200 африканских поселений, в том числе г. Тунет, где и устроил свой зимний лагерь. Против Карфагена также выступили многие нумидийские племена (Polyb. I. 29. 9; Oros. IV. 8. 16).

Казалось, римляне как никогда были близки к победе и могли окончательно уничтожить заклятого врага, предотвратив последующие войны с пунийцами. Но этого не случилось. Весной 255 г. до н. э. в решающем сражении при Тунете силы Регула потерпели сокрушительное поражение от карфагенской армии под командованием спартанца Ксантиппа (Polyb. I. 32–35; Front. *Strat.* II. 2. 11). Это пунийское войско состояло из 12 тысяч пехотинцев, 4 тысяч всадников и почти 100 слонов. Римская армия прибыла к месту расположения карфагенян после изнурительного марша, во время которого она подвергалась атакам мобильных вражеских отрядов, а также обстрелу камнями и стрелами с окружающих холмов. Обессиленные римские воины с ходу перешли реку, которая разделяла противников, питая надежду быстрой атакой привести врага в замешательство. Карфагеняне немедленно развернулись в боевые порядки. Перед строем разместились слоны, за ними выстроилась линия пехоты. На левом крыле находились тяжеловооружённые отряды, состоявшие из собственно пунийцев, а на правом — наёмные части. Примечательно, что Ксантипп расставил слонов исключительно перед карфагенянами, видимо, полагая, будто прибывшие эллинские наёмники проявят

во время сражения гораздо большую стойкость. На флангах находились конница и легковооружённые отряды. Римляне построились в обычном порядке: впереди лёгкая пехота, за ней — тяжёлая, фланги занимала конница. Регул принял решение несколько увеличить глубину строя, вероятно, надеясь таким образом более эффективно противостоять натиску слонов, нападения которых римляне опасались (Polyb. I. 33. 9).

Римская кавалерия была разбита нумидийской конницей, которой уступала и количественно, и качественно, и обращена в бегство на обоих флангах. Левое крыло римлян потеснило наёмников, которых не прикрывали слоны, однако в центре в результате натиска элевантерии оказались опрокинуты передовые отряды легионеров. Тем не менее «благодаря многочисленности задних рядов общее построение некоторое время оставалось не нарушенным» (Polyb. I. 34. 5), что позволило части римлян с потерями пробиться сквозь строй слонов. Впрочем, прорвавшиеся, не успев перегруппироваться, были остановлены тяжёлой пехотой пунийцев. Карфагенская конница ударила во фланги и тыл римлян, довершив их полный разгром (Kromayer, Veith 1912, 212–230; Russell 1942, 108–109; Kistler 2006, 100; Waterson 2009, 46–48; Гурьев 2001, 92).

Только 2 тысячи римлян спаслось бегством в Аспид, откуда не все из них сумели добраться до Италии. Регул и 500 его воинов попали в плен, остальные воины погибли. Общие потери римлян и их союзников, по данным античных авторов, превысили 30 тысяч человек убитыми (Diod. XXIII. 14. 1–2; App. *Lib.* 3; Eutr. II. 21. 4; Oros. IV. 9. 3). Безусловно, доверять этим цифрам полностью нельзя, но причинённый римской армии значительный ущерб не вызывает никаких сомнений. Потери карфагенян свелись к гибели 800 наёмников на правом фланге (Polyb. I. 34. 7–12). Карфаген был спасён, а все надежды Рима на скорую победу мгновенно рухнули. На следующий год война вспыхнула с прежней силой, главным театром военных кампаний вновь стала Сицилия. Карфагенской армии, научившейся повсеместно применять неприсущие ранее тактические приёмы, боевой дух которой укрепился под влиянием победы, удавалось ещё целых четырнадцать лет с переменным успехом вести боевые действия.

Что до обстоятельств, благодаря которым пунийцы сумели избежать полного разгрома уже на данной стадии войны, а римляне потерпели одно из самых сокрушительных поражений в своей военной истории, то они и сейчас исследованы недостаточно. При этом нельзя сказать, что фигура лакедемонянина Ксантиппа и его деятельность во время пребывания в Карфагене совсем не привлекали внимания антиковедов (см.: Havell 1923, 172; Gsell 1928, 84–90; Griffith 1935, 213–217; Head 1982, 35, 55, 73–74; Bagnall 1990, 72–74; Tipps 2003, 380–381, 384; Scullard 2008, 554–557; Cep-

геев 1938, 89; Вейцківський 1959, 68—69; Блаватская 1983, 43—47; Ковалёв 1986, 191). Но большинство из них не пытались изучить суть тех преобразований, которые провёл спартанский военачальник в карфагенской армии зимой 256—255 гг. до н. э. Причины отсутствия подобных исследований в современной историографии, без сомнений, обусловлены совершенно неудовлетворительным состоянием источниковой базы.

Так, завершая рассказ о разгроме армии Регула, Полибий в осторожных выражениях отмечает значение военного гения Ксантиппа. Дипломатично обращаясь к древнему авторитету, он приводит слова Еврипида о том, что «один мудрый ум побеждает множество рук». «Так и теперь, — продолжает историк, — один человек и один лишь его мудрый замысел сокрушили непобедимые ранее войска и вновь подняли государство, пришедшее в упадок» (Polyb. I. 35. 4—5). Сдержанный тон Полибия, который можно легко объяснить проримской направленностью его произведения и желанием показать закономерность подчинения Эллады Риму, не должен вводить в заблуждение. Весьма вероятно, что ахеец гордился победой эллинского ума и доблести. В отношении Полибия к Ксантиппу ярко проявляется двусмысленность положения греческого историка, вынужденно перешедшего на сторону завоевателей собственной страны: он, возможно, не решился подробно описывать деяния талантливого лакедемонянина, поскольку в Риме всё ещё были свежи воспоминания о продолжительном противостоянии с пунийцами и о понесённых в ходе его огромных потерях. Позор попавшего в плен консула Марка Атилия Регула был слишком болезненной раной для римской гордости, потому Полибий старался как можно меньше писать о личности эллина, победившего его (Блаватская 1983, 46). Диодор же, чьи оценки, вероятно, основываются на мнениях пропунийски настроенных авторов, куда подробнее повествует о достоинствах Ксантиппа как полководца. Характеризуя лакедемонского стратега, он пишет, что «в результате, когда слава этих успехов (победы при Тунете. — А. К.) распространилась почти по всей ойкумене, все люди не без причин удивлялись его дарованию; ведь представлялось невероятным, что, прибавив одного-единственного человека, карфагеняне столь решительно изменили положение, что те, кто ещё недавно был заперт и осаждён, осадили своих врагов... Но это вовсе не удивительно, что благодаря своему природному уму и опыту полководца он преодолел величайшие трудности. Ибо разум делает все вещи доступными и возможными, и всегда мастерство побеждает грубую силу», а далее прибавляет, что армия отзывается на умелое руководство вождей подобных Ксантиппу так же, «как тело служит душе» (Diod. XXIII. 14—15).

Тем не менее именно рассказ Полибия даёт возможность понять причины предоставления командования над всей карфагенской армией

иностранцу. По-видимому, командиры греческих наёмников, сумевшие вовремя прибыть со своими отрядами в пунийскую столицу, первым делом поспешили изучить текущую военную ситуацию, причём особенно тщательным был анализ, проведённый как раз Ксантиппом. Он выяснил, какие обстоятельства сопутствовали предыдущим пунийским поражениям, и подсчитал оставшиеся военные ресурсы Карфагена, в том числе его конницу и слонов. Сопоставив имевшиеся данные, Ксантипп пришёл к выводу, что карфагеняне терпели поражения отнюдь не потому, что римляне были сильнее, а исключительно из-за неопытности своих военачальников. Это мнение он обстоятельно изложил соратникам-эллинам (Polyb. I. 32. 2). Логично предположить, что обсуждение сложившейся боевой обстановки и способа ведения предстоящих боевых действий происходило на совете греческих командиров (Блаватская 1983, 44; Ревяко 1988, 91). Суждения Ксантиппа вскоре стали известны не только эллинским наёмникам, но и всему населению Карфагена. Надежды на спасение вызвали воодушевление в народе. Под давлением таких настроений карфагенские власти приняли неожиданное, на первый взгляд, решение назначить спартанского военачальника верховным командующим над всеми имевшимися у них военными силами (Bosworth 1905, 58–59; Gsell 1928, 85; Lazenby 1996, 102–103; Ревяко 1988, 90).

Очень характерно, что в рассказах Полибия и некоторых других античных авторов содержится недвусмысленный намёк на то, что лишь чисто случайные обстоятельства позволили Ксантиппу возглавить войско Карфагена в момент наивысшей угрозы городу (Polyb. I. 32. 3–4; Diod. XXIII. 15. 4–5). Однако Аппиан иначе описывает предысторию появления спартанца на пунийской службе. По его сообщению, «карфагеняне стали просить лакедемонян прислать к ним военачальника, полагая, что они несут поражения вследствие отсутствия надлежащей военной власти. Лакедемоняне послали им Ксантиппа» (App. *Lib.* 3. 12. Пер. С. П. Кондратьева). Кстати, именно этой версии придерживались и многие римские авторы (Cic. *Off.* III. 26. 99; Liv. *Per.* XVIII; Sil. Ital. V. 326–328; Flor. II. 2. 23; Ampel. XIV. 9; Eutr. II. 21. 4; Oros. IV. 9. 2–4; Zonar. VIII. 13). При этом ответить, кто из античных авторов более прав, сложно, поскольку их рассказы основывались на сообщениях разных источников. Нам же представляется, что приезд талантливого и опытного лакедемонянина в Карфаген и передача ему затем высшей военной власти стали результатом искусного политического манёвра, задуманного и осуществлённого какой-то группировкой в карфагенских верхах².

² Необходимо отметить, что карфагенские власти очень ревниво относились к личностям, претендовавшим на пост рабимаханата. Начальствующий состав

Авторы этого разумного плана прекрасно осознавали крайнюю необходимость коренного переустройства всего карфагенского войска по образцу известных своими высокими боевыми качествами греческих наёмных армий³. Наиболее вероятно, что в данной ситуации проявились разногласия между сторонниками традиционного способа ведения войны и какой-то активной группой, стремившейся к нововведениям в армии. Вполне допустимо, что призвание опытных наёмных военачальников, способных существенно улучшить организацию вооружённых сил, было нередкой практикой в эллинистическую эпоху. Так, например, в начале 217 г. до н. э., пытаясь лучше подготовить лагидскую армию к предстоящему столкновению с Селевкидами, советник Птолея IV Филопатора Сосибий поручил её реформировать «фессалийцу Эхекрату и мелитейцу Оксиду... Очень удачно выбраны были эти люди, принимавшие участие ещё в походах Деметрия и Антигона и имевшие некоторое понятие о серьёзной войне и о военной службе в общем. Приняв полчище под своё командование, они, насколько можно было, обучили его военному делу» (Polyb. V. 63. 11–14).

Надо также отметить, что, по данным некоторых античных авторов, лакедемоняне в период эллинизма стали известными военными специалистами. Согласно Вегецию, именно «они выдвинули учителей военного искусства, которых они называли тактиками, чтобы они обучали их молодёжь практике и различным приёмам владения оружием». При этом в качестве ярчайшего примера он приводит пассаж, который связан именно с военной деятельностью спартанского стратега в Карфагене. «Какую пользу принесла тактика в сражениях лакедемонянам, — пишет автор, — не говоря обо всём другом, ясно на примере Ксантиппа: явившись к карфагенянам в единственном числе и подав им помощь не силой и доблестью, а знанием и искусством, он разбил наголову неприятельские войска, взял в плен Атилия Регула и всё римское войско и блестящей победой в одном сражении закончил всю войну» (Veget. *Epit.* III. Prooem. Пер. С. П. Кондратьева). Таким образом, по мнению Вегеция, прибывший в пунийскую столицу спартанский военачальник принадлежал к числу так называемых тактиков, которые умели искусно

войска традиционно состоял только из представителей влиятельной пунийской аристократии. Поэтому назначение Ксантиппа верховным командующим карфагенянам нужно считать исключением из общего правила. Об этом подробнее см.: Циркин 1986, 104–105.

³ Griffith 1935, 57–58, 61–64, 68–70, 93, 108–141, 165–193, 194–204; Russell 1942, 108–110. Известные сейчас источники позволили М. Лонгею высказать мнение, что Спарта поставляла в армии эллинистического мира в основном командиров, а не рядовых воинов (Launey 1949, 118).

строить и перестраивать войска. Последнее объяснялось тем, что именно в эллинистическую эпоху греческие стратеги должны были уметь командовать огромными многонациональными армиями, управление которыми представляло особую сложность (Нефёдкин 2011, 20–21).

Облечённый высшими полномочиями стратега, Ксантипп начал свою деятельность с того, что вывел собранные войска за город и там провёл ряд интенсивных учений. Армия пунийцев впервые за последние годы получила необходимую тренировку в соответствии с правилами тогдашнего военного искусства⁴. Причём деятельность спартанца была направлена в первую очередь на обучение карфагенян умело использовать те войсковые части, которые были в состоянии нанести противнику максимальный урон, — слонов и конницу. Об этом недвусмысленно говорят имеющиеся в нашем распоряжении источники (Polyb. I. 32. 2; Front. *Strat.* II. 2. 11). Более того, Ксантипп решил «лично возглавить кавалерийскую атаку и быть на острие опасности» (Diod. XXIII. 14. 2).

В связи с этим напрашивается вопрос: где же мог Ксантипп получить настолько глубокие знания об использовании конницы и тем более боевых слонов⁵, чтобы потом обучить этому и пунийцев? Ответить на него достаточно непросто, поскольку тот же Полибий сообщает лишь, что лакедемонянин был «превосходно испытанным в военном деле» (μετεσοχηότα καὶ τριβήν ἐν τοῖς πολεμικοῖς ἔχοντα σύμμετρον) (I. 32. 1). По мнению многих исследователей, сообщение о превосходстве Ксантиппа над карфагенскими военачальниками восходит к труду Филина (см.: Walbank 1945, 1–18; Ревяко 1988, 91), симпатизировавшего соотечественникам и постоянно подчёркивавшего роль эллинов в Первой Пунической войне, и не вполне соответствует действительности. Они считают, что карфагенские командиры едва ли нуждались в советах чужеземца, для того чтобы понять, что конницу и слонов целесообразно использовать именно на равнине, но уж никак не в условиях гористого либо лесистого ландшафта (Вейцкiвський 1959, 68–69, 83; Ревяко 1988, 91; Моммзен 1994, 415; Дельбрюк 1994, 226–227). Однако при этом они не указывают, сколь многие античные полководцы в исследуемый период практиковали

⁴ По мнению Дж. Лэйзенби, Ксантипп как спартиат должен был научить пунийцев тактическим приёмам, характерным для спартанской армии (Lazenby 1996, 104), однако в свете характера реформ лакедемонянина этот тезис выглядит довольно спорным.

⁵ Следует заметить, что далеко не все греческие стратеги в период эллинизма умели использовать элфантиерию. К примеру, среди военачальников из Эллады, приглашённых для подготовки армии Лагидов к войне против Антиоха III Великого в 217 г. до н. э., не было ни одного специалиста, который умел бы обращаться с боевыми слонами. Кстати, возможно, поэтому последние не смогли эффективно противостоять селевкидской элфантиерии в битве при Рафии (Polyb. V. 65. 1–11; 82. 7–8; 85. 1–4).

в своей военной деятельности эффективное применение обоих боевых средств с учётом рельефа местности. Помимо Ксантиппа подобные приёмы, насколько мы можем судить по сохранившимся источникам, использовал только один выдающийся военачальник того времени — царь Пирр (Plut. *Pyrrh.* 21; Liv. XXXV. 14. 9; Amm. Marc. XXIV. 1. 3). Также стоит отметить, что у последнего эти вопросы, несомненно, должны были найти отражение в написанных им теоретических трудах по военному искусству (Казаров 2009, 25–30, 438, 441–442).

Увы, говорить о влиянии военного искусства Пирра на тактические нововведения Ксантиппа во время его пребывания в Карфагене трудно⁶. Хотя некоторые исследователи считают последнего высокообразованным и признанным военным специалистом (Блаватская 1983, 43), с таким мнением можно согласиться лишь частично, поскольку в своём рассказе Полибий говорит о Ксантиппе как о «человеке лаконского воспитания» (ἄνδρα τῆς Λακωνικῆς ἀγωγῆς) (I. 32. 1). Известно, что грамоте спартанцы обучались, но, как отмечает Плутарх, преследуя исключительно практические цели — «лишь в той мере, в какой без этого было нельзя обойтись» (Лус. 16. 10), а «прочие же виды образования подвергали ксенеласии» (Mor. 238 e). Нам представляется верным мнение тех исследователей, которые считают, что письменная культура приравнивалась в Спарте к предметам роскоши и рассматривалась как нечто неуместное и даже опасное ещё в период поздней классики (Андреев 1994, 10–18; Печатнова 2001, 271–272). Поэтому вряд ли Ксантипп изучал воспоминания или военные труды эпирского монарха. Думается, правы те учёные, которые называют спартанского полководца военным практиком, освоившим своё ремесло эмпирическим путём (Нефёдкин 2002, 48). К сожалению, неизвестно, в каких именно военных конфликтах принимал участие лакедемонянин до прибытия в Карфаген. Тем не менее, учитывая, что в исторической традиции он именуется «мужем опытейшим в военном искусстве» (Polyb. I. 32. 1), обладавшим именно «практическим опытом» (πραγματικὸν ἐμπειρία) (Diod. XXIII. 15. 5), можно с уверенностью говорить о его участии во многих вооружённых столкновениях между эллинистическими государствами в первой половине III в. до н. э.⁷

⁶ По мнению Дж.-А. Шелтон, «записки царя» (Βασιλικὰ ὑπομνήματα) изучал Ганнибал (Shelton 2006, 13–14; см.: Liv. XXXV. 14. 5–12; App. *Syr.* 10), и если это так, то мы вправе предполагать влияние теоретических разработок Пирра на формирование нового пунийского военного искусства.

⁷ Любкер 2001, 493. О каких именно «Македонских войнах» идёт речь в статье, не вполне ясно; вероятно, имеется в виду так называемая Хремонидова война (268–262 гг. до н. э.), в которой Спарта активно участвовала на стороне Афин и Птолемеевского Египта против Македонии. Известно, что во время упомянутого

С учётом вышеизложенного не следует исключать возможности присутствия Ксантиппа в рядах армии Пирра во время италийских, сицилийских либо балканских кампаний эпирского царя в 280–272 гг. до н. э. Хотя в источниках об этом не сообщается, но иначе трудно объяснить сходство в стратегии и тактике действий обоих полководцев, которое ясно зафиксировано источниками. Например, согласно описанию Плутарха, во время боевого столкновения при Аускуле (279 г. до н. э.) Пирр «на следующий день решил перенести битву на равнину и бросить в бой слонов» (*Pyrrh.* 21. 8). Лакедемонянин в свою очередь, по свидетельству Полибия, прибыв в Карфаген зимой 256–255 гг. до н. э., наставлял пунийцев, «что, если они последуют его совету и будут избирать для походов, стоянок и сражений ровные местности, то не только обеспечат себе безопасное положение, но и сумеют одолеть врага» (I. 32. 4). Характерно, что, как и Пирр, Ксантипп максимально эффективно использовал против римлян именно элфантерию (Gowers 1947, 44; Glover 1948, 2; Seibert 1973, 358; Kistler 2006, 98–100; Нефёдкин 2010, 105–106; Арманди 2011, 104–110). Не вдаваясь в сравнение других деталей военной деятельности эпирского царя и спартанского полководца, необходимо указать, что между ними наблюдается немало общего. Поэтому можно с уверенностью говорить, что опыт Пирровых войн был в той или иной мере использован Ксантиппом при преобразовании карфагенской армии.

Что касается политической составляющей реформ Ксантиппа, то прежде всего необходимо отметить следующее: пунийские принципы назначения полководцев, набора и формирования армий серьёзно отличались от тех, что имели место в других средиземноморских государствах. Двое суфетов, которые возглавляли исполнительную власть в Карфагене, наподобие римских консулов избирались на год, однако в отличие от последних не имели какого-либо влияния на военные дела (*Arist. Pol.* II. 8. 5). Вследствие этого пунийские командующие не сменяли друг друга в результате регулярных выборов, а назначались исключительно для выполнения конкретных стратегических задач. Кроме того, после вступления в должность каждый военачальник формировал преимущественно наёмную армию, которую распускали сразу же по окончании военной кампании. Подобная особенность, вероятно, не имела аналогов в эллинистическом мире (Lazenby 1996, 20).

конфликта элфантерия применялась македонянами не только в открытых сражениях, но и в борьбе за укрепленные пункты (Polyaen. IV. 6. 3; Ael. *Var.* XI. 14). О самой войне и характерных для неё особенностях военного искусства более подробно см.: Tarn 1913, 275–311; Launey 1949, 33–45; McCredie 1966, Heinen 1972, 95–213; Жигунин 1980, 31, 36, 40, 44, 46, 54, 92–101.

Система разграничения военной и гражданской власти, а также отделения армии от карфагенского общества сложилась, вероятнее всего, как результат противостояния попыткам удачливых полководцев захватить власть при поддержке народного собрания, неоднократно имевшим место на протяжении раннего периода карфагенской истории (Никольский 2005, 3). В первую очередь речь идёт об упоминавшемся выше Малхе. Этот военачальник, согласно Юстину, в первой половине VI в. до н. э. после успешных войн на Сицилии и Сардинии вернулся в Карфаген и, созвав народное собрание, при поддержке своих солдат сумел добиться казни высших пунийских магистратов и установления собственного единоличного правления (XVIII. 7. 3–9). Реформы, проведённые Магоном Великим после свержения диктатуры Малха, стали реакцией карфагенской правящей верхушки на последнюю и одновременно попыткой надёжно обезопасить себя от возможностей повторения узурпации государственной власти в будущем.

Сложившаяся в результате преобразований Магона политическая система обладала как несомненными достоинствами, так и существенными недостатками. С одной стороны, карфагенские войска и командующие из-за отсутствия временных ограничений зачастую приобретали многолетний опыт ведения боевых действий на определённой территории и превращались в настоящих профессионалов. С другой — солдаты и военачальники, видимо, рассматривались пунийцами исключительно в качестве наёмных работников, которых вполне могли оставить на произвол судьбы, лишив всякой поддержки. Не исключено, что именно в связи с этими особенностями Совет Карфагена состоял преимущественно из людей, не имевших надлежащего боевого опыта (Lazenby 1998, 7). Неудачливые полководцы были вынуждены отвечать за свои поражения перед Советом Ста Судей и могли даже подвергаться жестокой казни, а их армии, в свою очередь, изгонялись без выплаты причитавшегося им денежного и натурального вознаграждения (Polyb. I. 11. 5). Зачастую лишь надёжная поддержка большинства в Совете, подпитывавшаяся щедрыми финансовыми вливаниями, спасала полководцев и их воинов от политических преследований (App. *Iber.* 5, 18).

Теоретически результатом реформ Магона должно было стать избрание военачальников общим собранием граждан Карфагена, однако на деле чаще всего народ просто утверждал выбор правительства (Лансель 2002, 119). Тем не менее со времён Первой Пунической войны подобная практика начинает претерпевать существенные изменения. Всё большее значение приобретает выбор самих воинов. Началу таких перемен положил инцидент, связанный именно с деятельностью спартанского военачальника. Полибий свидетельствует, что «войско рвалось в битву,

воины собирались кучками, произносили имя Ксантиппа и требовали, дабы он как можно скорее вёл их в бой. Ввиду возбуждения и рвения массы и ещё потому, что, как видел и сам Ксантипп, не следует упускать благоприятного момента, войску был отдан приказ вооружаться, а Ксантиппу предоставлена возможность действовать по своему разумению» (I. 33. 4–5). В дальнейшем роль воинского собрания в вопросе назначения командующих неуклонно возрастает и становится первостепенной, а тесная связь полководцев (преимущественно представителей рода Баркидов) с собственной армией во многом обеспечивает надёжность их положения и значительную свободу действий. Именно солдаты, когда стоял выбор между Ганноном и Гамилькаром Баркой, избрали последнего своим полководцем во времена Ливийской войны (241–238 гг. до н. э.) (Polyb. I. 82. 12). Кроме того, только благодаря выбору воинов и вопреки воле Совета Гамилькар сумел совершить высадку на Пиренейском полуострове в 237 г. до н. э. (App. *Hann.* 2. 4). Избрание Ганнибала новым карфагенским командующим в Испании также произошло на военной сходке и лишь в дальнейшем было утверждено Советом (Polyb. III. 13. 4). Иными словами, воодушевление, вызванное в народе и армии пламенными речами Ксантиппа, дало ему возможность занять высшую командную должность, опираясь в первую очередь на вверенных ему солдат. Тем самым был создан прецедент, последствием которого стало значительное ослабление влияния пунийских магистратов на назначение военачальников и контроль над ними.

Ещё одним очень важным нововведением, связанным с именем Ксантиппа, явилось изменение социального статуса воинов. Будучи представителем эллинистического военного искусства, Ксантипп уже наверняка имел опыт командования армиями, состоявшими из многонациональных наёмных контингентов. Вероятнее всего, спартанский военачальник, используя свои полномочия, осуществил во вверенном ему карфагенском войске коренное переустройство, взяв за образец греческие армии эллинистических монархий (Griffith 1935, 213–217; Russell 1942, 108–110). При этом, как уже отмечалось, военные преобразования в Карфагене лакедемонянин, по-видимому, осуществлял при поддержке определённых кругов пунийской аристократии, благодаря которым и стали возможны приезд и временное облечение чужеземца высшими военными полномочиями. После отбытия Ксантиппа упомянутые вельможи сумели продолжить его реформаторскую деятельность, и уже ко времени начала полководцами из династии Баркидов пунийской экспансии на Пиренейский полуостров статус их воинов был чрезвычайно похож на положение солдат на службе у наследников Александра Македонского — диадохов (Самохина 1979, 99–100; Циркин 2000, 127).

Отныне важную роль в мотивации карфагенских наёмников стал играть своеобразный «псевдопатриотизм», по-видимому, впервые привитый своим воинам Ксантиппом, а в дальнейшем активно пропагандировавшийся Баркидами. Отряды наёмников, как и союзные контингенты, невозможно было воодушевить любовью к Карфагену, но и простой жажды наживы оказывалось недостаточно. Поэтому упомянутые полководцы, как и прочие эллинистические военачальники и монархи, пытались окружить себя некоей мистической аурой, которая должна была оправдывать их власть, в то же время объясняя военные успехи (Daily 2008, 114; Шифман 2006, 223). Со временем новый статус военачальников способствовал существенному повышению их престижа и установлению чрезвычайно тесной связи между полководцем и его армией. Например, хотя Баркиды официально считались полководцами Карфагена на испанских землях (Polyb. II. 19; Diod. XXI. 10; Liv. XXI. 2–3; App. *Iber.* 6, 8) и потому не могли претендовать на какую-либо самостоятельную политическую власть, в глазах местных племён их статус представлялся несколько иным. Диодор пишет, что испанцы приветствовали Гасдрубала как стратега-автократора (στρατηγός αυτοκράτωρ) (XXV. 12); аналогичный термин он использует в отношении Александра Македонского, характеризуя его полномочия, полученные от Коринфского союза (XXVII. 4. 9). Тем не менее для того, чтобы иметь возможность опереться на армию не только при ведении боевых действий, но и в отношениях с пунийскими властями, перечисленных мер было недостаточно, особенно если учесть практику сопровождения карфагенских военачальников некими *συνέδρους* (Polyb. III. 20. 8; 71. 5) — судя по всему, представителями Совета, которые осуществляли контроль за полководцами и докладывали о действиях последних в столицу. Поэтому удачливые военачальники, начиная со времени Ксантиппа, всеми силами пытались увеличить политическую роль армии, вплоть до предоставления наёмным солдатам прав карфагенских граждан.

Уже в 241 г. до н. э., в начале Ливийской войны, восставшие наёмники потребовали от карфагенян не только выплаты обещанного жалованья, но и предъявили политические требования (Нойс 2007, 50–53). В 218 г. до н. э., во время перехода через Альпы, Ганнибал неоднократно обещал своим воинам «предоставить землю в Италии, в Африке, в Испании, где кто захочет, и освободить от повинностей и их самих, и их детей» (Liv. XXI. 45. 5. Пер. Ф. Ф. Зелинского). Даже гарантами союза Карфагена с Македонией в 215 г. до н. э. помимо находившихся при Ганнибале пунийских аристократов стали все солдаты, воевавшие в его армии (Polyb. VII. 9), что, несомненно, подтверждает их очень высокое политическое значение. По сути, армия становится чем-то вроде

народного собрания в миниатюре, что даёт возможность принимать важные для всего Карфагена решения даже в походных условиях. Вполне вероятно, что деятельность Ксантиппа, приведшая к подобным изменениям, вызвала неприязнь у консервативно настроенных представителей карфагенской власти, угроза со стороны которых и вынудила спартанского полководца поспешно ретироваться (Polyb. I. 36. 2).

Итак, подытоживая сказанное, следует констатировать, что карфагеняне отлично понимали прогрессивное значение эллинистической военной теории и практики. Именно благодаря им они одержали убедительную победу над римлянами при Тунете, результатом которой стало примирение групп, соперничавших во властных кругах пунийцев. Дошедшая до Полибия традиция гласит, что в городе между партиями установилось согласие (I. 36. 1). Возможно, забота о спасении государства вынудила более консервативные круги Совета согласиться с мнением тех, кто предлагал поставить во главе пунийского войска Ксантиппа. Оценивая роль последнего в войне между Карфагеном и Римом, не следует ограничиваться лишь признанием самого факта его успеха в битве при Тунете. Например, применённый Ксантиппом манёвр с элфантиерией произвёл столь сильное впечатление на римлян, что они несколько лет не решались сражаться с пунийскими слонами, а использованные лакедемонянином тактические схемы стали впоследствии серьёзным подспорьем для карфагенских полководцев из рода Баркидов. Помимо этого, в результате преобразований, проведённых спартанцем, существенно повысились социальный статус и политическая роль карфагенской армии. Из наёмников-маргиналов воины, находившиеся на пунийской службе, стали постепенно превращаться в полноправных граждан Карфагена, связанных тесными узами непосредственно с собственными командирами. Более того, солдаты начали играть первостепенную роль в избрании и утверждении кандидатур полководцев, а также участвовать в утверждении важных законодательных актов и даже международных договоров.

Литература

- Андреев Ю. В.* Греческий полис без бюрократии и литературы (Письменность в жизни спартанского общества) // *Hyperboreus. Studia Classica. Vol. I. 1994. Fasc. 1. С. 10–18.*
- Арманди П. Д.* Военная история слонов с древнейших времен до изобретения огнестрельного оружия, с критическими замечаниями относительно нескольких наиболее знаменитых воинских деяний древних. СПб., 2011.
- Блаватская Т. В.* Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983.

- Вейцківський І. І.* Зовнішня політика країн Західного Середземномор'я в 264–219 рр. до н. е. Львів, 1959.
- Гурьев А. В.* Военная реформа Ксантиппа // *Para bellum*. 2001. № 12. С. 91–103.
- Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1: Античный мир. СПб., 1994.
- Жигунин В. Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань, 1980.
- Казаров С. С.* История царя Пирра Эпирского. СПб., 2009.
- Ковалёв С. И.* История Рима. Л., 1986.
- Лансель С.* Ганнибал. М., 2002.
- Любкер Ф.* Реальный словарь классической древности. М., 2001. Т. 3.
- Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. СПб., 1994.
- Нефёдкин А. К.* Античная военная теория и «Стратегемы» Полиэна // Полиэн. Стратегемы. СПб., 2002. С. 7–38.
- Нефёдкин А. К.* Башни на вооружении древних боевых слонов // ВДИ. 2010. № 2. С. 96–114.
- Нефёдкин А. К.* Античные тактики и «Тактическое искусство» Флавия Арриана // Арриан. Тактическое искусство. СПб., 2011. С. 17–29.
- Никольский А. Б.* Карфагенская армия эпохи Пунических войн // Воин. 2005. № 2. С. 2–9.
- Оржиховский О. С.* К истории Мессанского конфликта // ВДИ. 1976. № 1. С. 118–129.
- Печатнова Л. Г.* История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001.
- Ревяко К. А.* Пунические войны. Минск, 1988.
- Самохина Г. С.* Развитие представления о *χώρα διοικήτος* в эпоху эллинизма // Античный полис. Вып. 5. Л., 1979. С. 92–101.
- Сергеев В. С.* Очерки истории Древнего Рима. М., 1938. Ч. 1.
- Циркин Ю. Б.* Карфаген и его культура. М., 1986.
- Циркин Ю. Б.* Древняя Испания. М., 2000.
- Шифман И. Ш.* Карфаген. СПб., 2006.
- Vagnall N.* The Punic Wars. L., 1990.
- Bosworth R.* Rome and Carthage. The Punic Wars. N. Y., 1905.
- Daily G.* Cannae. The Experience of Battle in the Second Punic War. L., 2008.
- Glover R. F.* The Tactical Handling of the Elephant // G&R. Vol. 17. 1948. № 49. P. 1–11.
- Goldsworthy A.* The Punic Wars. L., 2000.
- Gowers W.* The African Elephant in Warfare // African Affairs. Vol. 46. 1947. № 182. P. 42–49.
- Griffith G. T.* The Mercenaries of the Hellenistic World. Camb., 1935.
- Gsell S.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. T. 1: Les conditions du développement historique. Les temps primitifs. La colonisation phénicienne et l'empire de Carthage. P., 1913.
- Gsell S.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. T. 3: Histoire militaire de Carthage. P., 1928.

- Havell H. L.* Republican Rome. Her Conquests, Manners and Institutions from the Earliest Times to the Death of Caesar. L., 1923.
- Head D.* Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC. Goring-by-Sea, 1983.
- Heinen H.* Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts v. Chr. Zur Geschichte der Zeit des Ptolemaios Keraunos und zur Chremonidischen Krieg. Wiesbaden, 1972.
- Hoyos D.* Hannibal's Dynasty. Power and Politics in the Western Mediterranean, 247–183 BC. L., 2003.
- Hoyos D.* Truceless War: Carthage's Fight for Survival, 241 to 237 BC. Boston, 2007.
- Kistler J. M.* War Elephants. Westport, 2006.
- Kromayer J., Veith G.* Antike Schlachtfelder in Africa. B., 1912.
- Launey M.* Études d'histoire hellénistique. II. L'exécution de Sotadès et l'expédition de Patroklos dans la mer Égée (266 av. J.-C.) // REA. Vol. 47. 1912. P. 33–45.
- Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. T. I–II. P., 1949.
- Lazenby J. F.* The First Punic War: A Military History. Stanford, 1996.
- Lazenby J. F.* Hannibal's War: A Military History of the Second Punic War. Oklahoma, 1998.
- McCredie J.* Fortified Military Camps in Attica. Princeton, 1966.
- Meltzer O.* Geschichte der Karthager. Bd. 1. B., 1879.
- Russell A. G.* The Greek as a Mercenary Soldier // G&R. Vol. 11. 1942. No 33. P. 103–112.
- Scullard H. H.* Carthage and Rome // CAH². Vol. VII. 2008. Pt. 2. P. 554–557.
- Seibert J.* Der Einsatz von Kriegselefanten. Ein militärgeschichtliches Problems der antiken Welt // Gymnasium. 1973. Bd. 26. S. 350–368.
- Shelton J. A.* Elephants as Enemies in Ancient Rome // Literary and Cultural Studies. Vol. 32. 2006. No 1. P. 3–25.
- Tarn W. W.* The Fleets of the First Punic War // JHS. Vol. 27. 1907. P. 48–60.
- Tarn W. W.* Antigonos Gonatas. Oxford, 1913.
- Tipps G. K.* The Defeat of Regulus // CWorld. Vol. 96. 2003. No 4. P. 375–385.
- Walbank F. W.* Polybius, Philinus, and the First Punic War // CQ. Vol. 39. 1945. No 1–2. P. 1–18.
- Waterson P.* Amazed am I here I made Zama // Slingshot. 2009. No 262. P. 45–51.

Andrey I. Kozak

MILITARY AND POLITICAL REFORMS OF XANTIPPUS LACEDAEMONIAN IN CARTHAGE (256–255 B.C.)

The article examines the influence of the Spartan military leader Xantippus on the promotion of social status and political influence of the Punic army's warriors, as well as the progressive methods of the Hellenistic strategy and tactics, introduced by him in the Carthaginian warfare.

At the beginning of the article, the traditional Carthaginian military system is analyzed and its unfitnes for the successful confrontation with the Roman armed forces, which consisted of citizenry and allies, is proved. The author's opinion is that the main reasons of the Carthaginian military failures at the initial point of the First Punic War were connected first of all with the stiff social structure of their army and the predominance of traditional methods during the conduction of combat activities.

Afterwards, the analysis of the Roman invasion of Africa is made. It ended with the destructive defeat by the Carthaginian army under the command of Xanthippus, near Tunes. The author comes to a conclusion, that the reason for that was the effective reformation of the Carthaginian army by the Lacedaemonian military leader. Xanthippus began his activity with the intensive military exercises. First of all, the work of the gifted Spartan was directed to the Carthaginians' training in the skillful use of elephants and cavalry. In the upshot, these very forces played the main role in the Romans' destruction.

It is noted that in relation to the political part of Xanthippus's reforms, as a result of the reorganization, made by the Spartan, the social status and the political role of the Carthaginian army were essentially increased. The army, except for its main military function, obtained the role of the "popular assembly in miniature" and the opportunity to accept the important decisions for the whole Carthage, even in the marching conditions. Henceforth, the capacity of the military assembly grows steadily and becomes of primary importance during the commanders' appointment, and the tight connection between the commanders (predominantly among the representatives of the Barcid family) with their own army assisted them in their obtaining of the firm position and the substantial freedom of action. Moreover, the soldiers began to take part in the confirmation of important legislative acts and international agreements.

One more significant modification, inserted into the Carthaginian social life, as a consequence of the Lacedaemonian's activity, was the change of the warriors' social status. Peculiar "pseudo-patriotism" secured the military motivation of the Carthaginian mercenaries, for the first time implanted by Xanthippus, and later on it was spreaded by the Barcids. Among the marginal mercenaries, there were the warriors that served in the Punic army, gradually they became the competent citizens of Carthage, connected with the close bonds of devotion, especially with their own commanders.

А. К. Нефёдкин

ВЕРБЛЮДЫ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ В ДОИСЛАМСКУЮ ЭПОХУ

Из экзотических животных, использовавшихся в военном деле древней Северной Африки, внимание современных исследователей обычно привлекают слоны, однако для пустынного климата региона куда большее значение имел «корабль пустыни» — верблюд, которого местное население также активно использовало в военных кампаниях, в основном в качестве вьючного животного, но иногда и как боевого. Рассмотрению роли дромадера в военном деле у мавров и блеммиев, в частности на полях сражений, и посвящена настоящая статья.

Уже Аристотель чётко различал бактрийского верблюда с двумя горбами (*Camelus bactrianus*) и одногорбого аравийского (*Camelus dromedarius*) (Aristot. *Hist. anim.* II. 1. 15, 499a; ср.: Plin. *NH.* VIII. 67; Diod. II. 54. 6; Isidor. *Orig.* XII. 1. 36; Timoth. *De anim.* V. 1. 15 (ed. Haupt); Geopon. XVI. 22. 3–6). Если сравнивать этих двух животных, мы увидим, что дромадер легче бактриана, ноги и шея у него длиннее. Рост взрослого самца — 1,8–2,3 м, длина туловища — 2,4–3,2 м, вес — 300–500 кг (Готье-Пилтерс 1976, 131). Дромадеры хорошо приспособлены для жизни в сухом климате при низкой влажности (Leonard 1894, 326). Позднее в Африке верблюдов делили на ездовых и вьючных, которых Лев Африканский в первой половине XVI в. именовал соответственно *равахил* и *худжун* (Лев Африканский 1983, 358–359). Рахила — верховая верблюдица — излюбленное животное для езды верхом, о быстрой которой упоминал ещё во второй половине VII в. до н. э. пророк Иеремия (2. 23; ср.: Лев Африканский 1983, 358, 482, примеч. 16; Pellat 1971, 666). Также для езды использовались кастрированные самцы (Carbuccia 1853, 78). Сам дромадер идёт двумя естественными аллюрами: широким шагом и рысью (Carbuccia 1853, 14–16, 69, 129; ср.: Hartmann 1869, 241). Ездовой дромадер передвигается со скоростью 9–17 км/ч и может проходить за 12 часов

170–260 км — и так в течение многих дней¹. Сильный алжирский верблюд может нести помимо наездника на ровной местности 300 кг груза, средний — 200 кг, слабый — 150 кг (Carbuccia 1853, 6, 28, 77, 182). Дромадер в состоянии обходиться без воды несколько дней, по Плинию — четыре² (*НН*. VIII. 68), питаясь грубыми растениями. Однако, не получая воды в течение недели, он теряет около 85 кг веса, для восстановления которого ему нужно затем выпить 110 л воды (Pellat 1971, 666, 668).

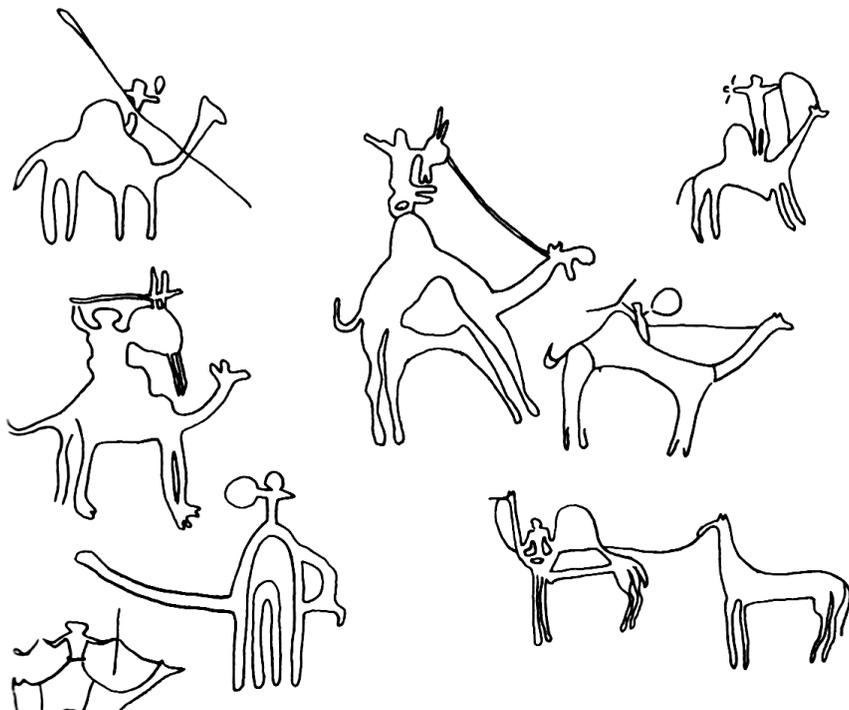
Если сравнивать этих верблюдов с другими используемыми для верховой езды или в обозе, то можно заметить, что дромадеры более управляемы, а развитое у них чувство стадности позволяет управлять ими меньшему числу погонщиков (Готье-Пилтерс 1976, 137). Например, в караване за 11 верблюдами может смотреть два человека, а десять вожатых в состоянии управиться с 64 дромадерами (Leonard 1894, 328). В сухом климате верблюд по своим качествам намного превосходит лошадь и мула: он легко находит корм, неся вдвое больше груза, а на его содержание уходит меньше средств (Leonard 1894, 295, 330). В обозе верблюды гораздо эффективнее быков, запряжённых в повозки, для которых требуется ровная местность; они значительно быстрее и могут доставлять необходимый груз на большие расстояния (Leonard 1894, 191, 329).

Предполагается, что дромадер был одомашнен в Западной или, скорее, в Южной Аравии в первой половине III тыс. до н. э.³, однако использование верблюдов в качестве ездового и вьючного животного распространилось к концу II тыс. до н. э. (Hakker-Orion 1984, 207). Время появления верблюда в Северной Африке точно не известно. В соответствии с периодизацией наскальных рисунков Сахары, начало «периода верблюда», т. е. время, когда эти животные появляются в искусстве, датируется рубежом эр (ил. 1, 2). Согласно интерпретации одного термина в надписи-посвящении из нумидийской Дугги, относимой к 201 г. до н. э., в тексте упоминается «погонщик верблюдов» (Demougeot 1960, 218). Однако сами карфагеняне, судя по письменным источникам, не использовали верблюдов; не упоминают животное в своих описаниях

¹ Carbuccia 1853, 14–16, 69, 140–141; ср.: Leonard 1894, 193 (обычный верблюд проходит за 6 часов 72–80 км, а за 12–13 часов 145–152 км), 327 (скорость обычного дромадера 4 км/ч).

² Как отмечает Х. Готье-Пилтерс, во время её путешествий на западе Сахары летом 1973 г. верблюды обходились без питья по 10–12 дней (Готье-Пилтерс 1976, 133).

³ Walz 1951, 47–51 (в Нежде в III–II тыс. до н. э.); Mikesell 1955, 242–245 (Южная Аравия); Bulliet 1975, 45–56; Ripinsky 1975, 297; Köhler 1984, 204; Wapish 1984, 174 (на западе Аравии на острове Умм ан-Нар, III тыс. до н. э.); Staubli 1991, 184–185; Köhler-Rollefson 1991, 5; Köhler-Rollefson 1993, 183, 188 (в Южной Аравии).

Ил. 1. Петроглифы Сахары с изображением наездников на верблюдах
(Воспр. по: Bulliet 1975. P. 131, fig. 60)

Ил. 2. Петроглифы нагорья Тибести в Южной Ливии с изображением вооружённых мегаристов
(Воспр. по: Bulliet 1975. P. 135, fig. 62)

Африки ни Страбон, ни Плиний Старший (Reinach 1930, 186; Walz 1951, 36; Brogan 1954, 126–127; Mikesell 1955, 238–239). Впервые в латинских текстах верблюды встречаются в 46 г. до н. э., когда Юлий Цезарь захватил 22 верблюда у нумидийского царя Юбы I (*Afr.* 68. 4). В этот период, очевидно, верблюды ещё не были широко распространены в Магрибе, поэтому-то и указано такое незначительное их число. Об отсутствии этих животных в регионе свидетельствует и тот факт, что в 48 г. до н. э. Катон Младший с армией направился из Кирены в Нумидию, взяв в обоз для переноски воды лишь ослов (*Plut. Cato Min.* 56. 6). Однако несколько позднее на киренской монете, отчеканенной около 39 г. до н. э., показан верблюд, что свидетельствует о значимости данного животного для тех краёв десять лет спустя (Brogan 1954, 127).

Раньше всего верблюд появился в Египте, но когда именно — вопрос дискуссионный. Обычно считается, что дромадеры распространились в Египте в эллинистическую эпоху, когда верблюд стал играть значимую роль в экономике страны (Reinach 1930, 188; Walz 1951, 40; Brogan 1954, 127; Demougeot 1960, 221; Rowley-Conwy 1988, 245–248; Köhler-Rollefson 1993, 182–183; Adams 2007, 50–52). Действительно, верблюд не представлен на древнеегипетских надгробных фресках и в иероглифике; известняковая статуэтка верблюда из Абусир-эль-Мелека, которую датировали временем правления I династии (рубеж IV–III тыс. до н. э.), всё же не имеет твёрдой датировки, а также неясно, где она была сделана; фрагмент верёвки из Северного Фаюма времени правления III — начала IV династии, как выяснилось при повторном исследовании, был изготовлен не из верблюжьего, а из овечьего волоса⁴. Однако по крайней мере костные останки верблюда из Каср-Ибрим в Нубии датируются началом I тыс. до н. э. (Rowley-Conwy 1988, 246), а терракотовая статуэтка дромадера из Каср-Аллана — Саисским периодом (664–525 гг. до н. э.; Adams 2007, 50, п. 2). В 671 г. до н. э. ассирийская армия Асархаддона, а в 525 г. до н. э. персидское войско Камбиза достигали Египта с обозом из вьючных верблюдов, полученных ими от арабов (Нефёдкин 2012а, 6; 2012б, 6). Следовательно, в этот период вьючные дромадеры были хорошо известны в стране пирамид. В 332 г. до н. э. Александр Македонский отправился в оазис Сива к оракулу Аммона, погрузив на верблюдов воду (*Curt. IV.* 7. 12). Вместе с тем очевидно, что в экономике и военном деле Египта доэллинистической эпохи верблюд особой роли не играл (Adams 2007, 50). Также считается, что Лагиды, начиная с Птолемея II Филадельфа

⁴Walz 1951, 39–40; Rowley-Conwy 1988, 246–247. О верёвке см.: Caton-Thompson 1934, 21; Free 1944, 190; Brentjes 1960, 34; о статуэтке: Free 1944, 191–192; Боголюбовский 1959, 424; Ripinsky 1985, 136–137.

(283–246 гг. до н. э.), использовали верблюдов для патрулирования пустынных дорог, ведущих от Нила к Красному морю⁵.

Считается, что именно римляне начали использовать верблюдов в Магрибе или, по крайней мере, при них такая практика получила распространение⁶ (ил. 3). Во всяком случае, в первые века новой эры верблюд становится самым обычным животным в Северной Африке, где с этого времени стало процветать верблюдоводство. Так, например, в 370 г. римский комит Роман потребовал от жителей Лептиса-Магны в Триполитании для обоза своей армии 4 тысячи верблюдов (*Amm. Marc. XXVIII. 6. 5*) — довольно значительное число даже для большого города. Позднее, в 430-х гг., жители мавретанских областей предоставляли вандалам верблюдов и других животных для обоза для продвижения их в глубь римских владений в Африке (*Victor. Vit. Persec. I. 2*).

Из античных военных писателей лишь Вегеций (рубеж IV–V вв.)⁷ кратко рассказывает об использовании боевых верблюдов в Африке. Он, в частности, пишет: «Некоторые народы у древних выводили верблюдов в боевую линию (*in acie*), и урциллианы (*Urcilliani*) внутри Африки, а остальные мазики (*Mazices*) и сейчас выводят. <...> Однако кроме необычности, если [их] видят незнающие, [они] бесполезны для войны» (*Epit. III. 23*). Причём Вегеций знает современных ему арабов-сарацин (*Epit. III. 26*), но тут он не упоминает их воинов на верблюдах (*III. 23*), которые хорошо известны его старшему современнику Аммиану Марцеллину (*XIV. 4. 3*). Вероятно, Вегеций подразумевает арабов среди прочих древних народов.

Если обратиться к этнонимам, упоминающимся у Вегеция, то можно указать, что урциллианы — неизвестный нам африканский этнос, живший, судя по данной цитате, к югу от римских владений. Кроме Вегеция данный этноним упоминает лишь латинский поэт середины VI в. родом из Африки Крестоний Корипп (*Johann. VI (V). 390: Urceliana manus*). Т. Левицкий предлагает сопоставить этноним *Urcilliani* с арабским названием *Wāḡqlān* — Уаргла (поселение в центре современного Алжира) (*Lewicki 1962, 532, п. 76*). Вероятно, имелись в виду берберы-верблюдоводы Сахары. Второй современный Вегецию этноним достаточно хоро-

⁵ Ср.: Strabo. XVII. 1. 45; Athen. V. 200f–201a; Demougeot 1960, 221; ср.: Brogan 1954, 127.

⁶ Mikesell 1955, № 3, 239 (римляне принесли верблюдов в Тунис и Киренаику); Bovill 1956, 20–21 (от римлян к гарамантам); Demougeot 1960, 210 (в Ливию); Nicolle 1991, 7 (сирийцы из римской армии ввели верблюдов в Сахаре).

⁷ Датировка «Эпитомы военного дела» Вегеция дискуссионна. А. В. Банников доказывает, что последние три книги Вегеция были написаны после 404 г. (Банников 2002, 333–344).

шо известен: мазики (*Mazices*) — общее в источниках I—VI вв. название ливийских кочевников на территории Магриба (*Steph. Byz.*, s.v. *Μόζιτες*), от Египта до Марокко, в частности в Мавретании (*Ptol.* IV. 2. 19); у Кориппа данный этноним стал синонимом для «мавров» вообще (*Gsell* 1927, 116—120). Очевидно, Вегетий также использует этноним мазики расширительно, обобщённо применяя его к кочевникам-берберам.

Основная идея сообщения Вегетия состоит в том, что воины на верблюдах бесполезны на поле боя, как и прочая экзотика наподобие слонов и серпоносных колесниц (*Epit.* III. 24). Дромадеры могли оказать психологический эффект лишь на людей, незнакомых с этими животными (ср.: *Aesop.* 210). Подобное, например, произошло во времена Птолемея I, который в театре представил двугорбого бактриана египтянам, просто испугавшимся этого невиданного ими ранее животного (*Lucian. Prometheus.* 4).

Вегетий и другие античные источники не упоминают о вооружении мегаристов Древнего Магриба, однако об этом свидетельствуют наскальные рисунки Центральной Сахары: ездоки вооружены длинными копьями или дротиками, мечами и круглыми щитами (*Demougeot* 1960, 213, 216, fig. V) (ил. 4) Если копье можно признать оружием, специально предназначенным для верхового боя, то остальное вооружение на рисунках характерно для берберских воинов независимо от «рода войск». О снаряжении верблюдов середины I тыс. н. э. даёт представление миниатюра из «Эшбёрнхемского пятикнижия» (VI в.), представляющая библейские сцены из истории арамея Лавана (*Быт.* 31): тут показаны дромадеры с каркасным «североарабским» седлом, расположенным по центру горба, причём животным управляют с помощью повода (*Narkiss* 2007, 100—101, lám. 23) (ил. 5).

Определённый способ использования верблюдов в бою берберами Северной Африки описал Прокопий Кесарийский, бывший сам вместе со стратегом Велисарием в тех краях в 533—536 гг. Прокопий рассказывает о том, как в 523 г. на покорение берберов Триполитании двинулся вандалский конный корпус. Для отражения нападения конницы предводитель берберов Каваон около Триполиса сделал следующее: «Наметив круг на равнине, где он хотел сделать укрепление, Каваон поставил защитой лагеря по периметру поперёк верблюдов, сделав глубину фронта примерно по двенадцать верблюдов. Детей и женщин, и всех, кто у них не был боеспособен, вместе с имуществом поместил в середину, а массу бойцов приказал находиться в середине у ног тех животных, прикрываясь щитами» (*Procop. Vand.* I. 8. 25—26). Вандалская конница не могла атаковать, поскольку была вооружена оружием ближнего боя, а лошади боялись верблюдов. «Когда многочисленные враги (маврусии. — А. Н.),

непрерывно метая в них (вандалов. — *А. Н.*) дротики из укрытия, и лошадей, и самих [воинов] без труда убивали, [вандалы] побежали и, преследуемые маврусиями, в большинстве своём были уничтожены» (Просор. *Vand.* I. 8. 28).

Позднее, в 534 г., византийский полководец Соломон встретился у Маммы в Бизацене (Южный Тунис) с войском берберов, которым руководили четыре вождя. «Построив круг из верблюдов..., *маврусии* сделали

Ил. 3. Терракотовая фигурка наездника на верблюде.
II — начало III в.
(Воспр. по: Bulliet 1975. P. 136, fig. 64)

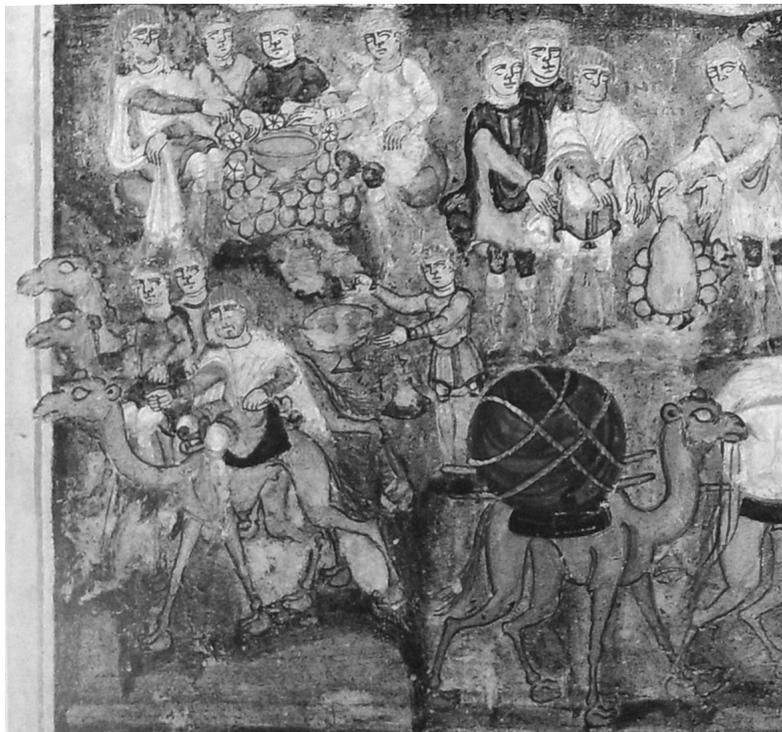

Ил. 4. Дромедарий. Петроглиф из Египта с изображением блеммия, вооружённого копьем. III в. (Воспр. по: Brentjrs 1960. S. 51, Abb. 2)

глубину фронта примерно по двенадцать *верблюдов*. А женщин с детьми поставили внутри круга... Сами же пешие встали посреди верблюдов, держа щиты, мечи и копья, которые *они* привыкли метать. Некоторые же из них, имея лошадей, пребывали в горах. <...> Вожди маврусиев начали бой. И сперва большой беспорядок произошёл в войске римлян, ибо их кони, приведённые в замешательство рёвом и видом верблюдов, вставали на дыбы и большинство, сбрасывая наездников, убегало без всякого порядка. А в это время маврусии, делая вылазки и метая копья, которые у них были в руках, привели их (римлян. — *А. Н.*) войско в смятение и поражали не могущих защищаться и сохранять строй» солдат Соломона (Procop. *Vand.* II. 11. 17–19, 47–49). Однако византийцы спешились, атаковали «укрепление» из верблюдов и обратили противника в бегство (Procop. *Vand.* II. 11. 50–56).

Как видим, мавры на верблюдах не сражались, а использовали животных на равнинной местности как мобильное полевое укрепление, созданное, так сказать, из подручного материала. «Камельбург» можно было построить по заранее задуманному плану, с разметкой местности, когда имелось достаточно времени до появления врага. В обоих описанных Прокопием случаях «камельбург» использовался против численно и качественно превосходящей конницы противника. Ведь, с одной стороны, лошади физически не смогут преодолеть это препятствие, а с другой — незнакомые с дромадерами кони будут просто беситься от естественного страха перед верблюдами. Этими обстоятельствами умело пользовались воины из укрепления, которые, находясь под защитой тел животных, метали издали дротики и тем усиливали дезорганизацию атакующего в конном строю противника. Мавры также могли совершать вылазки, чтобы произвести метание на более дальнее расстояние, а в случае отступления или бегства врага преследовали его. Всадники-берберы в данной ситуации действовали отдельно, вне укрепления, наблюдая издали за ходом битвы и ожидая момента для перехода в наступление, в частности при бегстве противника.

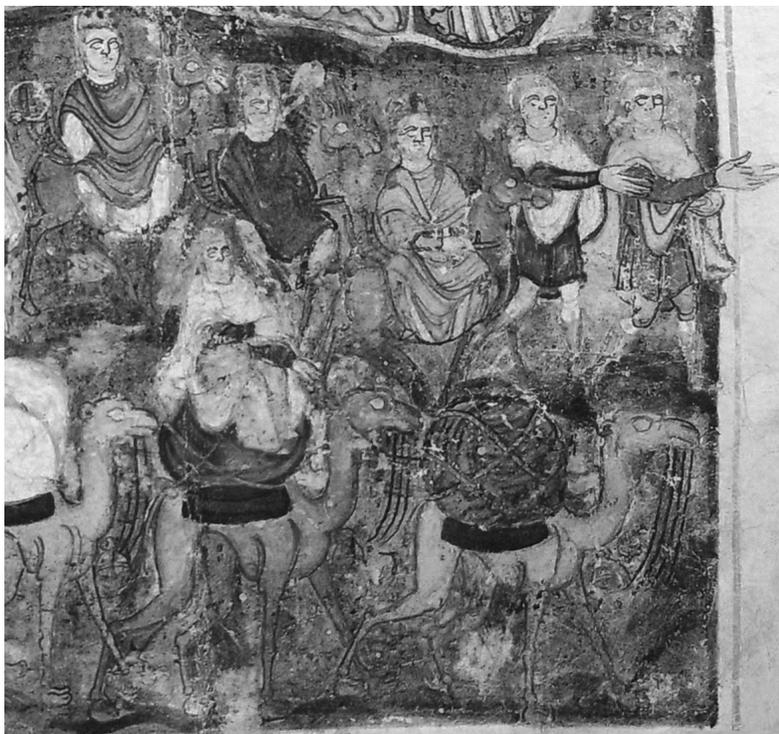
Будучи «внешним наблюдателем», Прокопий не описывает детально способ создания «камельбурга». Однако исторические параллели всё же можно привести. Интересные сведения на сей счёт мы находим у английского генерала Джорджа Грина, служившего в 1840-х гг. в Синдском верблюжьем корпусе в Северо-Западной Индии и описавшего механизм создания укрепления из верблюдов, которое формировали вооружённые туземные вожатые животных: «Если существовала какая-то опасность атаки превосходящих сил [противника], из верблюдов формировали компактное полое каре, обращённое внутрь, заставляя [животных] сесть и безопасно привязывая передние ноги к шеям, чтобы те не встали

Ил. 5. Эшбёрнхемское (Турское) пятикнижие, созданное предположительно в Италии в VI в. Сцены из библейской книги Бытия (гл. 31). Слева внизу — Лаван Арамей на верблюдах возвращается домой, справа — Иаков с караваном движется к Ханаану (Воспр. по: Narkiss 2007. P. 100–101, lám. 23)

и не расстроили каре. Вооружённые служители затем равномерно распределялись между верблюдами, и под их защитой они были способны поддерживать постоянный огонь по атакующим силам, не показывая себя лишней раз [неприятелю]. Это оборонительное построение могло бы особенно показать свою эффективность против кавалерии, [ведь] в силу своей природы лошади не любят приближаться к массе верблюдов, и эта боязнь могла бы усилиться от прицельного огня защитников каре» (Green 1885, 523, § 11). Подобным же образом в 1799–1801 гг. французские солдаты полка дромедариев Восточной армии оборонялись от превосходящих сил противника, посадив верблюдов на землю и ведя огонь по неприятелю из-за спин животных (Armandi 1843, 503; Jomard 1853, 229–230).

Ситуация, описанная английским генералом, походит на обстоятельства боя, рассказанные Прокопием: такая же защита от превосходящей

конной массы врага со стороны воинов, обороняющихся [из каре], созданного из лежащих стреноженных дромадеров. Но, конечно, есть и различия. У мавров в центре укрепления располагались семьи и имущество, а окаймляли их ряды верблюдов: у Прокопия — двенадцать, у Кориппа (*Johann. IV. 598*) — восемь. Видимо, всё зависело от численности животных. Для создания подобного укрепления понадобилось, вероятно, несколько тысяч голов, ведь только 200 верблюдов убили солдаты Соломона, прорываясь на одной из сторон укрепления в лагерь в центре (Ргосор. *Vand. II. 11. 53*). Верблюды, судя по описанию византийского историка, не сидели, как в описанных в Новое время битвах, а стояли, вероятно, поперёк или наискось по направлению к атаке врага. Нельзя исключить и того, что дромадеры берберов были каким-то образом связаны, хотя слова из речи Соломона перед боем, составленной, впрочем, самим Прокопием (*Vand. II. 11. 33*), о том, что раненые верблюды приведут в беспорядок построение мавров, кажется, говорят против надёжно зафиксированного положения животных. Воины в «камельбурге» должны были находиться у внешнего периметра «каре». Поскольку рост

среднего человека не позволял ему выпрямиться непосредственно под верблюдом, то бойцы должны были находиться между верблюдами, где воины имели место для размаха и броска копий. Неприцельное же метание из-за спин животных вверх по дуге не дало бы большого эффекта, учитывая тот факт, что каждый мавретанский воин был вооружён лишь двумя копьями (Procop. *Vand.* II. 11. 27). Для удобства метания мавры могли выбегать вперёд, если позволяла ситуация и враг находился в пределах досягаемости, т. е. в нескольких десятках метров. Во время таких вылазок воину особенно было важно прикрываться щитом, который у древних ливийцев обычно был круглым, а к началу средневековья, как предполагает британский арабист Д. Никол, стал прямоугольным (Nicolle 1991, 9), возможно, поэтому Прокопий именуется щиты мавров «короткими» (Procop. *Vand.* II. 11. 26).

В целом можно полагать, что полевое укрепление из верблюдов было традиционным для кочевых племен Магриба в VI в. и применялось с целью защиты кочевой стоянки от нападений численно превосходящей конницы и, возможно, пехоты. Поскольку Прокопий описал крупные полевые битвы по заранее подготовленному плану, то неясно, могли ли сражаться с верблюдов мавры в определённых обстоятельствах или, как и позднее, использовали дромадеров лишь в качестве средства транспортировки к полю боя. Более вероятным кажется второе предположение, хотя изображение на петроглифах длинного копья, находящегося на вооружении североафриканских мегаристов, делает возможным и первый вариант боя.

К первой трети II в. верблюд появляется у кочевых племён, живших около Верхнего Египта (Nicolle 1991, 10). Согласно надписи из Фив времени правления Адриана (117–138 гг.), некий командир Гн. Сульпиций Серен разбил племя агриофагов и в ходе двухдневного преследования захватил у них верблюдов с добычей (Seymour de Ricci 1905, 155–156; Stein 1931, 862–863; Demougeot 1960, 241–242). Ещё в I в. агриофаги, одно из племён Барбарики на западном берегу Красного моря, были не верблюдоводами, а просто охотниками (Plin. *NH.* VI. 195; *Peripl. maris Eryth.* 2). Также в псевдоисторическом романе Гелиодора (III–IV вв.) жившие в этих краях блеммии — всего лишь легковооружённые пехотинцы (Heliod. IX. 16. 3; 18. 1–2, 7). Затем ситуация начала меняться — верблюдов в тех краях стали использовать в военном деле. На одном петроглифе из Верхнего Египта, датированном III в., мы видим бросающего дротик воина, который сидит перед горбом дромадера и управляет верблюдом с помощью стека (Winkler 1938, Pl. III, 1; Brentjes 1960, 44; 51, Abb. 2). Вообще же, судя по изображениям на петроглифах из этих мест, воины на верблюдах были вооружены длинным копьем, мечом и вытянутым щитом (Winkler 1938, 16).

Некоторые подробности использования верблюдов для военных нужд кочевым народом беджа (потомки блеммиев) сообщают средневековые арабские авторы. В 891 г. историк и географ Якуби в «Книге стран» пишет, что «ал-буджа... ездят на верблюдах и сражаются на них, как сражаются другие верхом на лошадях; а дротики они мечут без промаха» (История Африки 1979, 197). Египетский историк ал-Макризи (1364–1442), исходя из реалий своего времени, дополняет предыдущего автора, рассказывая, что «у ал-буджа... верблюды сильны в беге и выносливы во время его и против жажды. На этих верблюдах ал-буджа обгоняют коней и на них же сражаются, и верблюды крутятся со [своими] всадниками как только те пожелают. На верблюдах они совершают набеги на страны...; воюют же ал-буджа неизменно на верблюдах. И [если] какой-нибудь из них бросает дротик, но тот в броске не попадёт [в цель], верблюд спешит к этому дротику, и хозяин его забирает» (История Африки 1979, 303; об источниках см.: 301).

Как видим, сведения обоих арабских авторов, живших в Египте, несмотря на полутысячелетие, разделяющее их, довольно похожи, что вполне можно объяснить не только преемственностью письменной традиции, но и одинаковыми условиями кочевой жизни жителей Юго-Восточного Египта и Северо-Восточного Судана. Вероятно, в доисламскую эпоху блеммии сражались на верблюдах подобным образом. Естественно, свои набеги номады совершали на верблюдах, продвигающихся на длительных дистанциях в пустынном климате быстрее лошадей, которых, впрочем, беджа в то время не разводили. Верблюдов использовали и непосредственно в бою: с них метали дротики, что соответствует изображению на вышеупомянутом петроглифе из Верхнего Египта. Так, конечно, можно было сражаться против малоподвижной цели, эффективно ведя бой издали. Когда у наездника кончались метательные снаряды, ему приходилось разворачивать животное, чтобы занять безопасное положение. Если обстоятельства позволяли, то можно было пополнить запас дротиков, например, спрыгнув с животного и подобрав их с земли. Естественно, такая тактика была применима в стычках, в которых не доходило до рукопашной схватки между большими отрядами. Она вполне подходит для набегов за добычей, которые обычно и совершали кочевники-блеммии и которые не предполагали крупных боевых столкновений (Strabo. XVII. 1. 53; Evagr. *Hist. eccl.* I. 7; Procop. *Pers.* I. 19. 30).

Таким образом, можно предположить, что в Африке в первой половине I тыс. н. э. и позднее имели место два способа использования верблюдов на поле боя: один — мавретанский, когда ездовых и гужевых верблюдов отводили с поля боя и при угрозе атаки многочисленных сил противника составляли из них живое укрепление «камельбург», и второй,

существовавший в Северо-Восточной Африке (Южный Египет, Северный Судан), когда бойцы сражались с врагами, сидя на спинах верблюдов. Естественно, каждый из способов не исключает использования верблюдов во второй альтернативной форме, предполагая лишь преимущественную тактику для данного региона.

Литература

- Банников А. В. Датировка трактата Вегеция *Epitoma rei militaris* // Мнемон. 2002. Вып. 1. С. 333–344.
- Боголюбский С. Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959.
- Готье-Пилтерс Х. Верблюд — чудо пустыни // Природа. 1976. № 3. С. 128–137.
- История Африки: Хрестоматия / сост. С. Я. Берзина, Л. Е. Куббель. М., 1979.
- Лев Африканский. Африка — третья часть света / пер. В. В. Матвеева. Л., 1983.
- Нефёдкин А. К. Верблюды в военном деле древних иранцев // От древности к Новому времени (Проблемы истории и археологии): Сборник научных работ. Вып. XVII / отв. ред. Е. А. Круглов. Уфа, 2012а. С. 3–10.
- Нефёдкин А. К. Использование верблюдов в военном деле древних государств Передней Азии и Индии // От древности к Новому времени (Проблемы истории и археологии). Вып. XVII / отв. ред. Е. А. Круглов. Уфа, 2012б. С. 3–17.
- Adams C. Land Transport in Roman Egypt: A Study of Economics and Administration in a Roman Province. Oxford, 2007.
- Armandi P. Histoire militaire des éléphants, depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'introduction des armes à feu. P., 1843.
- Bovill W. The Camel and the Garamantes // Antiquity. 1956. Vol. 30. No 117. P. 19–21.
- Brentjes B. Das Kamel im Alten Orient // Klio. 1960. Bd. 38. S. 23–52.
- Brogan O. The Camel in Roman Tripolitania // PBSR. 1954. Vol. 22. P. 126–131.
- Bulliet R. W. The Camel and the Wheel. Camb. (Mass.), 1975.
- Carbuccia J.-L. Du dromadaire comme bête de somme et comme animal de guerre. P., 1853.
- Caton-Thompson G. The Camel in Dynastic Egypt // Man. 1934. Vol. 34. P. 21.
- Demougeot É. Le chameau et l'Afrique du Nord romaine // Annales: Économies, Sociétés, Civilisations. 1960. Vol. 15. No 2. P. 209–247.
- Free J. P. Abraham's Camels // JNES. 1944. Vol. 3. No 3. P. 187–193.
- Green G. W. The Organization and Employment of Camel Corps in Warfare // Journal of Royal United Service Institution. 1885. Vol. 29. 20 March 1885. P. 521–538.
- Gsell S. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. T. V. Paris, 1927.

- Jomard M.* Le régiment des dromadaires à l'Armée d'Orient (1798–1801) // *Carbucia J.-L.* Du dromadaire comme bête de somme et comme animal de guerre. P., 1853. P. 219–244.
- Hakker-Orion D.* The Rôle of the Camel in Israel's Early History // *Animals and Archaeology. Vol. III: Early Herders and their Flocks* / ed. by J. Clutton-Brock, C. Grigson. (BAR. International Series, 202). Oxford, 1984. P. 207–212.
- Hartmann R.* Studien zur Geschichte der Haustiere // *Zeitschrift für Ethnologie.* 1869. Bd. 1. S. 66–79, 232–251, 353–363.
- Köhler I.* The Dromedary in Modern Pastoral Societies and Implications for its Process of Domestication // *Animals and Archaeology. Vol. III: Early Herders and their Flocks* / ed. by J. Clutton-Brock, C. Grigson. (BAR. International Series, 202). Oxford, 1984. P. 201–206.
- Köhler-Rollefson I.* Camelus Dromedarius // *Mammalian Species.* 1991. Vol. 375 (April 12). P. 1–8.
- Köhler-Rollefson I.* Camel and Camel Pastoralism in Arabia // *The Biblical Archaeologist.* 1993. Vol. 56. No 4. P. 180–188.
- Lewicki T.* L'État nord-africain de Tāhert et ses relations avec le Soudan occidental à la fin du VIIIe et au IXe siècle // *Cahiers d'études africaines.* 1962. Vol. 2. No 8. P. 513–535.
- Leonard A. G.* The Camel: Its Uses and Management. L., 1984.
- Mikesell M. W.* Notes on the Dispersal of the Dromedary // *Southwestern Journal of Anthropology.* 1955. Vol. 11. No 3. P. 231–245.
- Narkiss B.* El pentateuco Ashburnham: La ilustración de códices en la antigüedad tardía. Valencia, 2007.
- Nicolle D.* Rome's Enemies 5: The Desert Frontier. (Men-at-Arms Series 243). L., 1991.
- Pellat Ch.* Ibil // *Encyclopaedia of Islam.* Leiden, 1971. Vol. III. P. 665–668.
- Reinach S.* L'Africain sur son chameau: Terre cuite trouvée à Handrumète (Sousse) // *Reinach S. Amalthée: Mélanges d'archéologie et d'histoire.* 1930. T. II. P. 178–193.
- Ripinsky M. M.* The Camel in Ancient Arabia // *Antiquity.* 1975. Vol. 49. No 196. P. 295–298.
- Ripinsky M. M.* The Camel in Dynastic Egypt // *JEA.* 1985. Vol. 71. P. 134–141.
- Rowley-Conwy P.* The Camel in the Nile Valley: New Radiocarbon Accelerator (AMS) Dates from Qaşr Ibrîm // *JEA.* 1988. Vol. 74. P. 245–248.
- Seymour de Ricci.* Letters // *CRAI.* 1905. P. 155–156.
- Stein E.* Sulpicius (102) // *RE.* 1931. Hbd. 7. Sp. 862–863.
- Staubli Th.* Das Image der Nomaden im Alten Israel und in der Ikonographie seiner sesshaften Nachbarn. (Orbis Biblicus et Orientalis. Bd. 107). Freiburg (Schweiz); Göttingen, 1991.
- Walz R.* Zur Problem des Zeitpunkts der Domestikation der altwestlichen Cameliiden // *Zeitschriften der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.* 1951. Bd. 101. S. 36–51.

Wapish P. The Dromedary and Bactrian Camel in Levantine Historical Settings: The Evidence from Tell Jemmeh // *Animals and Archaeology*. Vol. III: Early Herders and their Flocks / ed. by J. Clutton-Brock, C. Grigson. Oxford, 1984. P. 171–200. (BAR. International Series, 202).

Winkler H. A. *Rock-Drawings of Southern Upper Egypt*. L., 1938. Vol. I. (Archaeological Survey of Egypt).

Alexander K. Nefedkin

CAMELS IN NORTHERN AFRICAN WARFARE IN THE PRE-ISLAMIC ERA

The camel appeared in North Africa in the turn of eras. The Numidian text of the 201 B.C. seems to refer to a cameleer. However, the Carthaginians did not use camels. Strabo and Plinius the Elder did not mention the camel among the fauna in North Africa. The first mention of the camels in this region dates from the 46 B.C., when Julius Caesar captured 22 Numidian animals (*Afr.* 68). In Maghrib camels were not widespread in the 1st century A.D. Vegetius, a Roman military author of the 4th–5th centuries A.D., reports that some African tribes, Urcilliani and the Berbers Mazices, employ their camels in battle (*Veget. Epit.* III. 23). The petroglyphs of Central Sahara show camel riders armament: long lance or spear, sword and round shield. Probably, the long lance was a special weapon for a mounted warrior.

Procopius of Caesarea tells us that in 523 and 534 A.D. Moors from Libya and Tunisia used camels as fortification (*Vand.* I. 8. 25–28; II. 11. 17–19; 47–56). The camel camp probably was a special Berbers' fortification against massive enemy cavalry force. In the first third of the 2nd century A.D. nomad tribes near Upper Egypt kept camels. Long lance, javelins, sword, and oblong shield are shown as the armament of the camel-riders in local petroglyphs. The Arabian geographers of the 10th–14th centuries describe the Beja who battled with javelins on their camels. These riders could successfully fight against less mobile masse of infantrymen. The ancestors Beja, ancient Blemmyes could fight in the same way.

In the first half of the 1st millennium A.D. there were two traditions of use of the camel in the warfare in North Africa. The Moors used their camels as mounts and pack animals. The second tradition was in North-West Africa (South Egypt and North Soudan) where the Blemmyes fought from their mounts.

К. Стейнби

**ВТОРЖЕНИЕ В АФРИКУ
КАК СРЕДСТВО ДАВЛЕНИЯ РИМЛЯН
НА КАРФАГЕНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО¹**

Введение

В ходе Пунических войн раз за разом повторялись римские вторжения в Африку. Не говоря уже об общеизвестных событиях 204–202 гг. до н. э., а затем 149–146 гг. до н. э., в результате которых Карфаген был разрушен; имело место немало других случаев, позволяющих рассматривать такое вторжение как один из вариантов римской стратегии. Мы можем назвать ещё около дюжины примеров, когда большие или малые римские эскадры отправлялись к побережью Африки; иногда они сталкивались с пунийским флотом, иногда достигали цели безо всяких помех, во многих случаях подвергая опасности власть карфагенян в Африке, а также захватывая добычу и собирая полезные сведения. Также заслуживают внимания оставшиеся нереализованными планы: угроза вторжения играла роль средства устрашения в римско-карфагенских отношениях. В предлагаемой статье рассматриваются как значение этих кампаний, так и мотивы, повлиявшие на принятие римлянами соответствующих решений².

* * *

Идею нанесения удара по африканскому побережью впервые претворили в жизнь сиракузяне, за полстолетия до того как римляне попытались сделать это в годы Первой Пунической войны. Как утверждает Диодор,

¹ Пер. с англ. А. В. Короленкова.

² О Пунических войнах в целом и об операциях сторон на море см.: Casson 1971; Rankov 1996; de Souza 2007; Steinby 2007; 2014.

Агафокл надеялся «отвлечь варваров от его родного города и от всей Сицилии и перенести войну на землю Ливии» (XX. 3. 3), т. е. Агафокл использовал этот план, чтобы ослабить давление неприятеля на Сиракузы. В 310 г. до н. э. он вырвался из осаждённого города, отплыв к африканскому побережью. Карфагеняне начали преследовать его флот, однако их попытка воспрепятствовать ему провалилась. Пунийцы покрыли шкурами носы своих кораблей в знак того, что великое несчастье обрушилось на их город (Diod. XX. 5–9. 1–2). В ходе последовавших затем операций на суше Агафокл захватил несколько городов на карфагенской территории и немало выиграл от того, что народы, жившие под властью карфагенян и возмущённые поборами с их стороны, подняли восстание, но закрепиться здесь ему не удалось. Сиракузяне потерпели поражение на суше, и Агафокл тайно бежал, оставив большую часть своего войска. Однако сама идея никогда не снималась с повестки: ещё до своей смерти в 289/288 г. до н. э. он собрал флот из 200 тетрер и гексер для вторжения в Африку.

Когда на Сицилию прибыл Пирр, он получил в качестве подкрепления корабли из Сиракуз, составившие вместе с теми, что он привёл с собой, флот численностью более 200 судов; это обеспечило ему значительную мобильность при использовании пехоты и конницы. В 277 г. до н. э. он захватил все владения карфагенян на Сицилии, кроме Лилибея, самой важной морской базы на острове. Поскольку все попытки овладеть городом провалились, Пирр задумал построить огромный флот для переброски своих войск в Африку. Однако для осуществления этого намерения требовалась поддержка со стороны всех его сицилийских союзников, но они выступили против него, и ему пришлось возвратиться в Италию (Diod. XXI. 16. 1; XXII. 8; 10).

Первая Пуническая война

Когда Гиерон в 263 г. до н. э. стал союзником римлян, они усвоили мысль о господстве на востоке Сицилии, к чему традиционно стремились Сиракузы³. И, по-видимому, Рим также перенял идею вторжения или рейда на африканское побережье. В различных масштабах соответствующие попытки предпринимались в 256–255, 253 и 240-х гг. до н. э. Аппетиты римлян возрастали постепенно. После победы под Агригентом в 262 г. до н. э. они исчерпали свои возможности в сухопутных опера-

³ Eckstein 2006, 167. Отношения Рима и Сицилии берут начало в 492 г. до н. э., когда с острова прибыли первые суда с закупленным там зерном, о чём сообщают Тит Ливий, Дионисий Галикарнасский и Плутарх (Liv. II. 34. 2–7; Dionys. Hal. AR. VII. 1–2; 7. 12–15; Plut. Cor. 16. 1).

циях и, чтобы продолжить кампанию на Сицилии, которая к тому времени переросла в полномасштабную войну с Карфагеном, построили и в 260 г. до н. э. спустили на воду 100 квинквирем и 100 трирем, бросив тем самым вызов карфагенскому флоту (Polyb. I. 20. 1–7; Ined. Vat. 4; Plin. *NH*. XVI. 192; ср.: Lazenby 1996, 54; 63; Goldsworthy 2000, 97). Римляне одержали несколько побед у берегов Сицилии, Сардинии и Корсики. Они прорывали оборону важнейших пунийских морских баз на Липарских островах, в Панорме и на Мальте. Карфагеняне укрепили Дрепану, ещё одну важную базу на западном побережье Сицилии.

Полибий объясняет причины римского вторжения в Африку в 256 г. до н. э. следующим образом: «Римляне намеревались плыть в Ливию и туда перенести войну, чтобы угрожать карфагенянам не на Сицилии, но в их собственной земле и в самом существовании их» (I. 26. 1. Пер. Ф. Г. Мищенко). Римская стратегия была такой же, что у Агафокла и Пирра: ставя под удар пунийскую столицу, римляне имели гораздо больше шансов приблизить завершение войны, нежели с помощью утомительных операций по завоеванию сильно укрепленных баз на крайнем западе острова. При этом у них было куда больше возможностей добиться успеха, чем у Агафокла и Пирра, поскольку они переправляли свои войска и отряды союзников из Италии и могли не сомневаться в надёжности своих источников людских резервов. Римляне нуждались в союзе с Сиракузами, но не зависели от населения Сицилии. По утверждению Полибия, они снарядили флот из 330 пятипалубных кораблей (квинквирем) и 2 шестипалубных (сексирем)⁴. Он не объясняет, откуда они взялись, однако римляне, по-видимому, пустили в дело старые корабли, увидев, сколь многие из них могут ещё послужить им, а затем построили и новые суда, чтобы обеспечить необходимую численность флота. В распоряжении римлян имелось на тот момент более 100 захваченных пунийских кораблей, а сами они понесли незначительные потери. Возможно, что некоторые из трофейных кораблей были отремонтированы и вошли в состав римского флота. Если оставалось примерно 100 судов из тех, что находились в строю в 260 г. до н. э., то новых кораблей насчитывалось также примерно 100, чтобы обеспечить требуемое количество.

⁴ Polyb. I. 25. 7–9; 26. 11. Предпринимались попытки доказать, что число кораблей было меньше. Они основываются на том, что цифра более чем в 300 судов слишком велика. Я принимаю указанную численность кораблей, поскольку корректировка цифр — дело весьма сложное, и мы можем лишь создать себе новые трудности. См.: Tarn 1907, 48–60; De Sanctis 1916, 137–138, n. 98; Thiel 1954, 83–96 (в пользу уменьшения числа судов). Дж. Типпс принимает цифру, названную Полибием (Tipps 1985, 432–465), с ним соглашаются: Lazenby 1996, 108–109; Goldsworthy 2000, 110–111; Hoyos 2010, 150; Rankov 2011, 156.

Страх перед вторжением сохранялся со времён предприятия Агафокла. Как поясняет Полибий, карфагеняне знали, что население может легко покориться всякому, кто вторгнется в их страну, и хотели избежать риска, дав битву на море, чтобы воспрепятствовать римлянам переправиться в Африку (I. 26. 2–3). Произошло два крупных морских сражения, в которых карфагеняне задействовали флот численностью более 300 кораблей; первое состоялось близ Гераклеи⁵, к югу от Сицилии в 256 г. до н. э., второе — в следующем году при Аспиде, близ карфагенских берегов. Пунийцы проиграли обе морских битвы, а затем потерпели несколько поражений на суше. Начались мирные переговоры, однако они ни к чему не привели, поскольку карфагеняне были до крайности возмущены жёсткими условиями, предъявленными им Регулом (Polyb. I. 31. 4–8; Dio Cass. XI. 22–23; ср.: Lancel 1995, 268–269, 367). Требования, которые поставили римляне перед своими врагами, были типичны для них и подразумевали, что неприятель прекращает борьбу ввиду угрозы полного разгрома и признаёт поражение (см.: Goldsworthy 2000, 92, 149). Однако Рим оказался не в состоянии вынудить Карфаген пойти на это; пунийцы в конце концов разгромили армию Регула. Этого удалось добиться благодаря помощи со стороны спартанского наёмного военачальника Ксантиппа, которого они пригласили для реорганизации карфагенской армии. Римляне смогли эвакуировать лишь 2000 воинов.

Кампания, завершившаяся для римлян тремя триумфами и масштабным кораблекрушением у южного побережья Сицилии в 255 г. до н. э., имела немало последствий, хотя и не привела к каким-либо устойчивым результатам⁶. Высадка римлян в Африке дала толчок восстанию нумидийцев; это потребовало в последующие годы ответных действий со стороны карфагенян, а также обеспечило повстанцам широкую поддержку со стороны ливийских городов в ходе восстания наёмников (Polyb. I. 31. 3; 72–73. 1; Oros. IV. 9. 9). С этого времени вторжение на территорию Карфагена с целью оказать на него давление являлось важной задачей римлян в ходе всех трёх Пунических войн. Несмотря на то что их изгнали из Африки, угроза нового вторжения теперь стала важнейшим инструментом римской внешней политики, позволявшим римлянам вмешиваться в дела Карфагена.

⁵ Polyb. I. 27–34. О битве при Гераклее: Zonar. VIII. 12; Walbank 1957, 84–88; Rankov 2011, 155–156. Прежде считалось, что это сражение произошло при мысе Эжном.

⁶ Луций Манлий Вульсон отпраздновал морской триумф над карфагенянами. Сервий Фульвий Петин Нобилиор и Марк Эмилий Павел справили триумф над Коссирой и морской триумф над карфагенянами (Fast. tr.). О кораблекрушениях см.: Polyb. I. 37; Diod. XXIII. 18. 1.

Последующие вторжения на африканское побережье имели место в 253 и 240-х гг. до н. э. В 253 г. до н. э. объектом нападения стала область Малого Сирта, находившегося к востоку от Карфагена. Римляне получили отпор под Либлибеем и столкнулись с некоторым сопротивлением в Малом Сирте, однако карфагеняне не смогли воспрепятствовать римскому флоту совершать плавание к их берегам. Этот рейд, по-видимому, имел определённые последствия, как и в 256–255 гг. до н. э.; он принёс добычу и славу — консул Гай Семпроний Блез отпраздновал триумф над карфагенянами, — а также привёл к новым осложнениям для карфагенян в отношениях с местными жителями. Могла в итоге возникнуть ситуация, при которой перевозка пунийских подкреплений на Сицилию по морю замедлилась, а мирные переговоры возобновились⁷. В 240-х гг. до н. э., когда после страшных катастроф римляне очистили море (Polyb. I. 55. 1–4), частные лица организовали несколько набегов на африканское побережье. Они просили кораблей на условиях возвращения судов в сохранности, но с правом присвоения всей захваченной добычи. Им удалось совершить несколько рейдов на богатые районы побережья к западу от Карфагена. Среди прочих мест, к которым они плавали, был Гиппон, вероятно, Гиппон Акра, нынешняя Бизерта. Римляне сожгли там все суда и разрушили множество построек. У нас нет сведений о размерах участвовавшего в этой операции римского флота и типах входивших в его состав кораблей. Римлянам удалось также разгромить карфагенскую эскадру близ Панорма; в Риме, очевидно, имелись и интерес к флоту, и готовность вкладывать в него деньги, и сами деньги. Помимо того что эти рейды приносили добычу и наводил страх на местное население, они также, можно думать, служили разведывательным целям (Zonar. VIII. 16; см. также: Lazenby 1996, 146–147).

Окончательно вынудило карфагенян отказаться от Сицилии поражение в морской битве при Эгатских островах, понесённое ими в 241 г. до н. э., после которого они уже не могли посылать подкрепления на Сицилию, поскольку неприятель стал господствовать на море (Polyb. I. 62. 1–2). Пунийцы покинули Сицилию; будучи вынуждены пойти на это, они создавали угрозу безопасности самого Карфагена. Переход Либлибея в руки римлян означал, что они теперь находятся всего в 140 км от главного города пунийцев. Это беспокоило последних куда больше, чем первоначальный спор из-за Мессаны.

⁷ Zonar. VIII. 14; Polyb. I. 39. 1–5; Diod. XXIII. 19; Eutr. II. 23; Oros. IV. 9. 10–11; Fast. tr. Обсуждение вопроса см.: Thiel 1954, 247–250; Walbank 1957, 99–100; Lazenby 1996, 116–117.

Межвоенный период

Во время восстания наёмников сложилась новая ситуация. Наёмническая война (241–237 гг. до н. э.) явилась продолжением волнений, которым дала толчок высадка римлян в 256 г. до н. э. Поначалу Рим предпринял меры с целью поддержки карфагенского правительства. Римляне отправили посольство для решения вопроса о 500 купцах, которых карфагенские моряки захватили у африканского побережья, чтобы помешать идущему из Италии снабжению мятежных наёмников. В результате римляне наложили эмбарго на торговлю с повстанцами, что способствовало победе карфагенян над ними. Аналогичным образом римляне отвергли предложение о сдаче им жителей Утики (Polyb. I. 83. 8–11; Walbank 1957, 146). Однако позднее они предприняли экспедицию на Сардинию по приглашению наёмников, которые бежали к ним оттуда. Поскольку карфагеняне начали готовить карательную операцию против тех, кто был зачинщиком восстания, то римляне использовали это как предлог для объявления войны, утверждая, будто приготовления пунийцев направлены не против Сардинии, а против них самих. Карфагеняне не имели сил для противостояния Риму. Они отправили в Рим нескольких послов, которые не добились успеха, и пунийцам пришлось отказаться от Сардинии и заплатить 1200 талантов (Polyb. I. 88. 8–12; Oros. IV. 12. 3. См. также: Lancel 1998, 22–23). Полибий с осуждением высказался об этой аннексии (III. 28. 1–2).

По поводу римской угрозы приходят на ум следующие соображения: поскольку римляне контролировали всю Сицилию, включая Лилибей, а карфагеняне на тот момент не располагали ресурсами для нового морского сражения с ними, они не смогли бы воспрепятствовать римлянам атаковать свою территорию, если бы те захотели это сделать, и отправить войска на Сардинию без противодействия со стороны римского флота. Сложившаяся ситуация продемонстрировала слабость Карфагена — угроза вторжения вынудила его отказаться от Сардинии и Корсики.

Вторая Пуническая война

Римляне должны были понимать всю эффективность нового средства устрашения. Во время следующей войны вторжение на первых порах представляло собой одну из их главных стратегических задач. Ливий сообщает о планах сената применительно к 218 г. до н. э.: некоторые выступали за то, чтобы назначить консулам в качестве театров военных действий Испанию и Африку, и полагали, что войну надо вести и на суше, и на море; другие считали, что следует ограничиться войной против

одного Ганнибала (Liv. XXI. 6. 7). Благодаря контролю римлян над местами для высадки на островах между Италией и Африкой и над галльским и лигурийским побережьем такая стратегия была вполне осуществима. Поэтому после падения Сагунта, когда римские послы прибыли в Карфаген, чтобы требовать выдачи Ганнибала и членов его военного совета (Polyb. III. 20–21; 29–33. 4), римляне отправили одну армию с флотом воевать с Ганнибалом в Испании, а другую — на Сицилию, намереваясь атаковать карфагенские владения в Африке.

Пока этот план ни в одной из своих частей даже не начал претворяться в жизнь, а вскоре римлянам пришлось кардинально пересмотреть его, как только они убедились в том, сколь велики масштабы карфагенских операций в Италии и Испании. Вторжение пришлось отложить на долгие годы — до тех пор, когда обстоятельства позволили осуществить его и сделать стратегией, которая привела к завершению войны.

Забота о безопасности своей территории диктовала карфагенянам их стратегию. Предполагается, что они намеревались провести короткую успешную кампанию против римлян, чтобы изменить соотношение сил, после чего атаковать Италию. Карфаген хотел избежать боевых действий на африканской территории, поскольку очередная кампания римлян в Африке могла привести к новому восстанию местных жителей, не говоря уже об огромном ущербе для землевладельцев и их поместий в долине Меджерды и полуострова Бон (Varceló 2011, 362–363), поэтому вопрос о Сицилии, и особенно о Лилибее, с самого начала имел для карфагенян первостепенное значение. Они остро нуждались в морских базах для того, чтобы возратить остров под свой контроль, открыть себе путь в Италию и обеспечить коммуникации для снабжения Ганнибала. Захват Лилибея был также важен для предотвращения новой кампании римлян в Африке, для которой он являлся отправным пунктом.

Прежде чем подоспели консульская армия и флот в составе 160 квинквирем, последовала пунийская атака, в которой приняли участие корабли, посланные для опустошения италийского побережья, Лилибея и других не названных в наших источниках городов Сицилии. Карфагеняне предприняли попытку захватить Лилибей, произошло морское сражение, в котором римляне во главе с их претором одержали победу⁸. Первостепенной задачей консульских армии и флота был захват Мальты и защита Лилибея и других городов Сицилии, а также Вибона на италийском побережье. Затем консул Тиберий Семпроний Лонг получил

⁸ Liv. XXI. 49–50. 1–6. Дж. Тиль считает, что сведения об этом сражении не историчны, поскольку не соответствуют его расчётам количества кораблей, имевшихся у римлян в 218 г. до н. э. (Thiel 1946, 44–45).

письмо от сената, в котором сообщалось о движении Ганнибала в Италию и содержался приказ как можно скорее оказать помощь его коллеге (Liv. XXI. 50. 6—51. 5). Последствия этого были таковы: во-первых, вторжение в Африку не состоялось, а во-вторых, пунийский флот, против которого должны были сражаться 160 римских квинквирем, остался непобеждённым и продолжал угрожать римлянам, создавая сложности для островов и италийского побережья в последующие годы.

Разгром Ганнибала на территории Италии превратился теперь в главную цель римской стратегии; не меньшее значение имели операции в Испании, и хотя, казалось, вторжение в Африку оставалось делом далёкого будущего, античные источники нередко упоминают о боевых действиях на африканском побережье или планах рейдов и крупномасштабного вторжения.

Несколько раз сенат увеличивал численность кораблей и давал разрешение командующему римскими силами на Сицилии высадиться в Африке, если сложатся благоприятные обстоятельства. В одних случаях дело доходило до боевых действий на африканском побережье, в других — нет. В источниках также описываются операции, которые начинались на италийском побережье или островах, а заканчивались рейдом в Африку. Ниже рассмотрены те эпизоды войны, когда оказывалась затронута Сицилия и совершались нападения на Африку — римляне отправлялись туда почти каждый год.

В 217 г. до н. э. консул Гней Сервилий Гемин начал преследовать карфагенский флот, который захватил римские транспортные суда близ порта Коза, а затем проплыл вокруг Корсики и Сардинии, взяв на обоих островах заложников. Пунийцы избежали столкновения с римлянами; они возвратились на Сардинию, а оттуда отбыли в Карфаген. Консул последовал за ними, однако слишком отстал и потому прекратил погоню. Он остановился в Лилибее, а оттуда отплыл к острову Керкина в Малом Сирте, жители которого заплатили римлянам, чтобы те не разоряли их территорию. Затем Сервилий двинулся с флотом дальше и высадился в Африке, где его воины начали опустошать сельскую местность. Римляне попали в засаду, понесли большие потери и были вынуждены спасаться бегством. Квестор Семпроний Блез погиб. Гней Сервилий захватил Коссиру, после чего его флот возвратился в Лилибей (Polyb. III. 96. 8—14; Liv. XXII. 11. 6—9; 31. 1—6).

216 г. до н. э. более всего известен битвой при Каннах, в которой римская армия численностью в 80 тысяч человек была наголову разгромлена Ганнибалом (Polyb. III. 107—117; Liv. XXII. 40. 5—22. 50; Walbank 1957, 435—441; Goldsworthy 2000, 198—214; Hoyos 2003, 118—119). Однако в источниках сохранились также сведения, касающиеся Африки. В со-

общении, отправленном в сенат Титом Отацилием Крассом, говорилось, что претор Луций Фурий прибыл в Лилибей из Африки с вверенным ему флотом и, поскольку он тяжело ранен, его жизнь находится в опасности; нет ни денег, ни хлеба, чтобы обеспечивать ими воинов и моряков, и всё это неоткуда взять. Сведений о том, что происходило в самой Африке, у нас нет. Гиерон снабжал римские войска на Сицилии деньгами и зерном. Он также отправил корабли с этими грузами в Остию. Сиракузский тиран советовал совершить вторжение в Африку, поскольку тогда Карфаген, занятый войной на своей территории, имел бы куда меньше возможностей отправлять подкрепления Ганнибалу⁹. Ливий не сообщает подробностей о переговорах в Риме, но утверждает, что 25 квинквирем были добавлены к тем 50 кораблям, которые находились под командованием Тита Отацилия на Сицилии, и ему разрешили направить флот в Африку, если он сочтёт обстоятельства для этого благоприятными¹⁰. Никаких операций на африканском побережье в том году не было, по-видимому, потому, что успешное окончание войны в Италии представлялось на тот момент куда более важным, однако мысль об улучшении ситуации в Италии путём вторжения в Африку, несмотря на это, обсуждалась. Вопрос о том, где нанести карфагенянам решающий удар, дебатировался ещё в 205 г. до н. э., когда Сципион добивался того, чтобы ему поручили осуществить вторжение в Африку. К этой теме мы вернёмся позднее.

Сиракузско-карфагенский союз, заключённый в 215 г. до н. э., обусловил прекращение римских операций в Африке. Этот альянс открыл для карфагенян новые возможности в деле ведения войны в условиях, когда их флот имел прямой контакт с армией. Ганнибал начал осаду Неаполя и захватил несколько портовых городов в Южной Италии, в том числе Кавлонию, Кротон и Локры. Теперь союз с Сиракузами позволял ему получать снабжение по маршруту, соединявшему Африку с Италией. Для римлян же, напротив, этот союз означал, что они рискуют потерять остатки своих владений на острове, тогда как пунийский флот усилит свою активность у итальянского побережья. Пока шла борьба за Сиракузы, в операциях на территории Африки наступил перерыв: Ливий

⁹ Liv. XXII. 37. 9: *ad ea dona consilium quoque addebant ut praetor, cui provincia Sicilia evenisset, classem in Africam traiceret, ut et hostes in terra sua bellum haberent minusque laxamenti daretur iis ad auxilia Hannibali summittenda* («к этим дарам [Гиерон] добавил совет: пусть претор, которому досталась Сицилия в качестве провинции, переправит флот в Африку, чтобы враги получили войну на своей земле и меньше возможности отправлять подкрепления Ганнибалу») (пер. А. В. Короленкова).

¹⁰ *Permissumque est ut, si e re publica censeret esse, in Africam traiceret*. Суда, присланные Гиероном, доставили груз пшеницы и ячменя, а также золотую статую весом в 220 фунтов; помимо того, прибыл отряд лучников и пращников (Liv. XXII. 37; XXIII. 21. 1–5).

сообщает о рейде Тита Отацилия Красса из Лилибея в 215 г. до н. э., когда тот достиг берегов Африки, чтобы разорить окрестности Карфагена, следующий же имел место в 211 г. до н. э., когда в Сиракузах победители и побеждённые спаслись от голода благодаря зерну, которое Красс захватил в гавани Утики¹¹.

Когда римляне укрепили свои позиции на острове, операции на африканском побережье вновь стали осуществляться достаточно часто. *Praefectus classis* Марк Валерий Мессала был отправлен в Африку с экспедицией, имевшей грабительские и разведывательные цели. В один из дней он подошёл к берегу с 50 кораблями ещё до рассвета и неожиданно совершил высадку близ Утики. Его люди начали опустошать территорию вширь и вглубь, захватили много пленных и добычи, возвратились на корабли и отплыли в Лилибей. Ливий ничего не сообщает о каком-либо сопротивлении со стороны Карфагена во время этой операции, которая продолжалась две недели, так что римляне, судя по всему, смогли отплыть безо всяких помех. Они располагали сведениями о том, что в Африке велась вербовка воинов для отправки подкреплений Гасдрубалу в Испанию, чтобы он как можно скорее смог двинуться в Италию со сколь возможно крупными силами и присоединился к Ганнибалу. Знали они и о том, что большой флот готов начать отвоевание Сицилии (Liv. XXVII. 5). Применительно к 209 г. до н. э. нет сообщений о том, что римляне, занятые операциями по овладению Тарентом и Новым Карфагеном, предпринимали какие-либо действия на африканском побережье. По данным Ливия, в 208 г. до н. э. в Карфагене начались новые приготовления, на сей раз имевшие целью блокаду всего побережья Италии, Сицилии и Сардинии, в которой должны были принять участие 200 судов. В ответ римляне передислоцировали свои корабли. Эта мера коснулась Сардинии, прибрежного района Италии близ Рима, а также Сицилии; находившемуся же там Марку Валерию Левину продлили империй, а к 70 кораблям, которыми он располагал, добавили ещё 30, в предыдущем году базировавшихся в Таренте. С этим флотом он должен был переправиться в Африку, если бы счёл обстоятельства подходящими, и захватить там добычу (Liv. XXVII. 22. 8–9)¹².

¹¹ В 215 г. до н. э. его флот, размеры которого неизвестны, встретил пунийские корабли, возвращавшиеся с Сардинии. В сражении, в котором, согласно Ливию, римляне легко одержали победу, было захвачено семь карфагенских судов. Остальные, нарушив строй, спаслись бегством (Liv. XXIII. 41. 8–9). В наших источниках ничего не сообщается о том, чего римляне достигли в результате рейда. В 211 г. до н. э. Отацилий, в распоряжении которого имелось 80 квинквирем, разорил окрестности Утики и доставил разнообразную добычу на суда (Liv. XXV. 31. 13–15).

¹² *...cum ea centum navium classe si videretur ei praedatum in Africam traiceret* («...с этим флотом из ста кораблей он может, если сочтёт нужным, пограбить африканское побережье») (пер. М. Е. Сергеенко) (Liv. XXVII. 22. 8).

Валерий Левин достиг берегов Африки с флотом в 100 кораблей, высадился близ Аспида и начал грабить его окрестности, судя по всему, не встречая вооружённого сопротивления. Затем римские фуражиры поспешили вернуться на суда, поскольку неожиданно пришли известия о том, что приближаются 83 карфагенских корабля. Римляне удачно сразились с ними близ Аспида. Захватив 18 вражеских судов и обратив в бегство остальные, Валерий с огромной добычей возвратился в Лилибей (Liv. XXVII. 29. 7–8). Эта битва стала крупнейшим морским сражением Второй Пунической войны. Ливий утверждает, что римляне опустошили африканское побережье и в следующем году. Валерий Левин возглавил флот, который отплыл с Сицилии и разорил окрестности Утики и Карфагена. Когда римляне возвращались на Сицилию, пунийский флот численностью в 70 кораблей встретился с ними. И вновь Ливий не сообщает подробностей, говоря только, что римляне захватили 17 карфагенских судов и 4 потопили, а остальные, нанеся им поражение, обратили в бегство. Мы не знаем размеров римского флота, но знаем, что он вернулся в Лилибей с большой добычей. Ливий также добавляет, что после этого, поскольку море было очищено от вражеских эскадр, в Рим доставили немалый груз зерна¹³.

Теперь мы видим командующего, которому поручено было плыть к берегам Африки при тех же условиях, что и в 216 г. до н. э. Эти два набега не только принесли добычу — пунийский флот понёс столь тяжёлые потери, что лишился возможности нападать на острова и побережье Италии. Римляне приобрели преимущество прежде, чем неприятельский флот успел что-либо предпринять. Своими молниеносными действиями в 218 г. до н. э. карфагеняне предотвратили вторжение в Африку на несколько лет, однако теперь ситуация изменилась: битва за Сицилию была проиграна, флот разбит, и теперь уже не имелось никаких средств избежать вторжения, которому препятствовали лишь колебания самих римлян.

Наконец, Публий Сципион соединил две стороны римской стратегии: он захватил Новый Карфаген, превратив его в опорный пункт для ведения боевых действий в Испании, и совершил вторжение в Африку, запланированное ещё в 218 г. до н. э. Однако осуществить это оказалось не так-то просто. Публий добивался назначения ему Африки в качестве провинции, чтобы закончить войну здесь, однако его замыслы, вызвавшие серьёзные сомнения, столкнулись с сильной оппозицией в сенате.

¹³ Liv. XXVIII. 4. 5–7. Несмотря на то что сообщения о соответствующих операциях 208 и 207 г. до н. э. во многом похожи, речь не идёт об удвоении одних и тех же событий. См.: Thiel 1946, 131, 135; Briscoe 1989, 67.

Достаточно сказать, что он получил те же полномочия, какие имели военачальники в 216 и 208 г. до н. э.: ему назначили в качестве провинции Сицилию и дали 30 боевых кораблей, а также позволили плыть в Африку, если он сочтёт обстоятельства благоприятными для этого — *permissumque ut in Africam, si id e re publica esse censeret, traiceret* (Liv. XXVIII. 45. 8–12; ср.: App. *Pun.* 7).

Согласно Ливию, беспокойство во многом было вызвано выступлениями старого Фабия Максима. Он и его сторонники исходили из того, что прежде нужно обеспечить безопасность Италии на суше и на море и что сейчас неподходящее время для рискованных операций на неприятельской территории. Армия Ганнибала по-прежнему не была разгромлена, и следовало сначала победить врага в Италии, прежде чем идти осаждать Карфаген. Магон покинул Балеарские острова и высадился на лигурийском побережье недалеко от Альп. Эта угроза (с учётом того, что Ганнибал всё ещё оставался на Апеннинском полуострове) не могла не восприниматься столь же серьёзно, как и ранее угроза со стороны Гасдрубала. Кроме того, как указывал Фабий, казна не может обеспечивать две различных армии, одну в Италии, а другую в Африке, в противном случае ничего не останется на содержание флота и продовольственное снабжение (Liv. XXVIII. 40–42).

Сципион и *praefectus classis* Гай Лелий отправились на Сицилию в 205 г. до н. э. и начали подготовку к вторжению. Гай Лелий был послан разорять африканское побережье: ночью он достиг Гиппона Регия и на рассвете вывел воинов и моряков для опустошения окрестностей. Не имея достаточных сведений, карфагеняне запаниковали и поначалу решили, что прибыл сам Сципион (Liv. XXIX. 1.1–14; 3. 7–8). В Риме планы операций в Африке всё ещё вызывали возражения, однако после прибытия уполномоченных в Сиракузы, где Сципион сосредоточил свои сухопутные и морские силы и устроил манёвры армии и флота, среди прочего разыграв морское сражение в гавани, сенат проголосовал за то, чтобы экспедиция в Африку состоялась в ближайший удобный момент (Liv. XXIX. 16. 4 — 29. 22).

Операции, проводившиеся в три последующих года, когда римляне использовали союзников из числа аборигенов (Массинисса) и обеспечивали бесперебойный подвоз всего необходимого с Сицилии, Сардинии и из Испании (см.: Liv. XXIX. 35–36. 1–2; XXX. 3. 2), произвели должное впечатление на карфагенян, которым пришлось отозвать из Италии Ганнибала. Он и его армия потерпели поражение под Замой в 202 г. до н. э. По сообщению Полибия, условия мирного договора были следующими. Карфаген удерживает за собой все города, которыми владел в Африке до начала последней войны с Римом. Они должны управ-

ляться по собственным законам и не принимать к себе гарнизонов. Военнопленных и дезертиров надлежит возвратить. Пунийцы также обязаны выдать свои военные корабли (за исключением десяти трирем) и всех боевых слонов. (Карфагенские суда были выведены в море и сожжены.)¹⁴ Они не имеют права начинать войну с каким-либо народом за пределами Африки без разрешения Рима. Им следует вернуть царю Массиниссе в рамках границ, которые будут установлены позднее, все дома, земли, города и вообще всякую собственность, принадлежавшую ему и его предкам. Они должны снабжать римскую армию необходимым количеством зерна в течение трёх месяцев и выплачивать воинам жалованье до тех пор, пока из Рима не придёт ответ касательно окончательных условий договора. Карфагеняне обязаны выплатить контрибуцию в размере 10 тысяч талантов в течение 50 лет (Polyb. XV. 18; см. также: App. Pun. 59). Вторжение обеспечило римлянам те результаты, которых они добивались с 256 г. до н. э.; они смогли оказать на неприятеля такое давление, что он перестал представлять для них опасность.

Третья Пуническая война

Однако это было ещё не всё. Нет какой-то одной главной причины, которая объясняла бы решение римлян разрушить Карфаген¹⁵, но если учитывать суровые методы римской экспансии в целом, то его судьба не отличается ничем особенным от участи других городов и стран, которые римляне на тот момент уже завоевали и где началось вооружённое восстание. Так почему же, вправе спросить мы, с Карфагеном должны были обращаться иначе?

Карфаген утратил возможность вернуть себе позиции ведущего в Западном Средиземноморье государства. Договор 201 г. до н. э. ставил его в подчинённое Риму положение без права на проведение сколь-либо самостоятельной внешней политики. Решительные перемены в международном статусе Карфагена лучше всего иллюстрирует тот факт, что, будучи врагом Рима, вынужденным выдать ему свой флот, он теперь помогал Риму в его военных предприятиях. Карфаген посылал ему зерно в 200 г. до н. э. во время Второй Македонской войны, а затем в 191 г. до н. э., когда Рим воевал с Антиохом III. Он отправил корабли, чтобы те сражались с эскадрами Антиоха в составе римского флота. В то же самое время Ганнибал выступал на другой стороне в качестве военного

¹⁴ Liv. XXX. 43. 11–12. Цифра в 500 кораблей включает также, по-видимому, и транспортные суда.

¹⁵ О политических, экономических и психологических аспектах вопроса см.: Le Bohec 2011, 431–435.

советника и командующего селевкидским флотом. Карфагеняне послали суда, чтобы те участвовали вместе с римлянами в войне против Персея Македонского (Liv. XXXVI. 4. 4; 44–45.4; XLII. 56. 6–7). Расплывчатый пункт договора, касавшийся границ с царством Массиниссы и его союза с Римом, давал последнему возможность, по сути, делать с Карфагеном всё, что он пожелает, — Карфаген не мог даже спорить с соседом без участия в этом Рима.

В годы, предшествовавшие крушению Карфагена, угроза вторжения нависала над ним постоянно. Представители сената то и дело посещали Африку: в 200 г. до н. э. римляне отправили послов в Карфаген, чтобы выразить озабоченность в связи с действиями военачальника Гамилькара, оставленного в Галлии с частью войск, которыми командовали в своё время Гасдрубал или Магон, и собиравшего армию из галлов и лигуров, чтобы повести их против римлян. Они также потребовали возвратить всех дезертиров; множество их, как говорили, открыто появлялось в Карфагене. Римляне нуждались в кавалерии Массиниссы во время войны с Филиппом Македонским и открыто оказали нумидийскому царю поддержку в Африке — отправили к нему послов с поздравлениями и преподнесли щедрые дары по поводу расширения им территории своего царства за счёт части владений Сифакса. Римляне также обещали ему свою поддержку и в будущем: как утверждает Ливий, послы уверяли Массиниссу, что если он задумает дальнейшее укрепление и расширение своего царства, то римский народ, помня о его заслугах, приложит все усилия, чтобы помочь ему в осуществлении замыслов (XXXI. 11. 12; 19. 1–2). Политические недруги Ганнибала в Карфагене спровоцировали прибытие римского посольства, обвинив его в том, что он сотрудничает с царём Антиохом и разрабатывает план новой войны. Предлогом для отправки послов явилось урегулирование споров между карфагенянами и Массиниссой, однако Ганнибал знал, что они приехали за ним, и покинул Африку (Liv. XXXIII. 47–49). Обвинения Ганнибала в сотрудничестве с Антиохом с целью ведения войны против Рима явно не соответствовали истине (Нойос 2003, 189). Случай с Ганнибалом показывает, что карфагеняне утратили ощущение независимости таким же образом, как и греки, которые призвали римлян в качестве арбитров для разрешения своих внутренних споров¹⁶. Кроме того, в 152 г. до н. э., после пребывания в Карфагене в качестве одного из членов арбитражной комиссии, Катон Старший начал каждую свою речь в сенате завершать призывом к разрушению Карфагена. В 149 г. до н. э. он продемонстрировал в курии смоквы и напомнил, что земля, производящая такие плоды,

¹⁶ О ситуации в Греции см.: Derow 1970, 12–23; 2003, 66–67.

находится всего в трёх днях плавания от Рима. Ему долгое время возражал Сципион Назика, который настаивал на том, что Карфаген желательно сохранить, чтобы страх перед ним не позволил римлянам, уже начавшим предаваться беспечности, ослабить дисциплину (App. *Pun.* 69. 315; Plut. *Cato Mai.* 27). Угроза войны и вторжения заставляла пунийцев терпеть всё это.

Какие-либо препятствия отсутствовали: не было уже пунийского флота, который мог бы помешать римлянам переправить силы вторжения, к тому же у них имелись союзники в Африке, так что теперь главной трудностью была не транспортировка войск, а оправдание дальнейшего вмешательства в дела Карфагена. Официальным поводом для войны явилось то, что карфагеняне нарушили мирный договор, начав войну с Массиниссой. Несмотря на это, Полибий утверждает, что мысль о разрушении Карфагена высказывалась уже давно и что римляне лишь искали удобной возможности и предлога, который позволил бы им оправдаться перед иноземными народами. Их споры друг с другом о том, какое впечатление они произведут на других, едва не удержали их от вступления в войну (Polyb. XXXVI. 2). Поиск подходящего повода для нужной войны не был новостью в римской политике: в 192 г. до н. э. римляне нашли предлог, чтобы остаться в Греции, и римские послы, отправленные для изучения ситуации, констатировали, что благопристойных оснований для войны с кем-либо, кроме Набиса, нет; война с ним началась (Liv. XXXV. 22. 2).

Даже в 149 г. до н. э. карфагеняне вновь согласились на переговоры, когда римляне внушили им надежду, что это поможет избежать войны, однако последние уже приступили к операции вторжения, как уже сделали в своё время в случае с Персеом. Римляне использовали угрозу вторжения, чтобы добиться доставки в Лилибей, а затем и в Рим 300 детей из виднейших карфагенских семейств. Заложники были присланы, однако римляне отплыли к Утике, которая сдалась им, и разбили лагерь в *Castra Cornelia*; флот разместился в гавани Утики. Консулы потребовали у карфагенян выдачи всего оружия. Речь шла о комплектах вооружения для 200 тысяч человек, громадном количестве дротиков и стрел, 2000 катапульта для метания камней и прочих снарядов. Требование касалось также тех кораблей, которые имелись у пунийцев. Наконец, римляне объявили, что карфагеняне должны эвакуировать город и поселиться в местности, удалённой от побережья на 20 км. Им сохраняли свободный доступ к храмам и могилам предков, однако все остальные сооружения города подлежали разрушению (Polyb. XXXVI. 3–6; App. *Pun.* 75–89).

Единственной боевой операцией последовавшей затем римско-карфагенской войны стала осада пунийской столицы с суши и с моря

(Le Bohec 2011, 430). В конце концов римские войска ворвались в Карфаген и повели бои на его улицах, начавшиеся в нижнем, а завершившиеся в верхнем городе. После недели ожесточённых схваток, в которые оказалось вовлечено мирное население, уцелевшие жители Карфагена были проданы в рабство, а сам город стёрт с лица земли. Римляне объявили, что отныне место, на котором стоял Карфаген, должно стать необитаемым, а его территорию передали в качестве награды Утике. Сципион отпраздновал блестящий триумф, во время которого было пронесено множество золота, статуй и вотивных даров, каковые карфагеняне собрали за долгое время в разных уголках мира — плоды их бесчисленных побед. В том же году Луций Муммий справил триумф над Коринфом — другим подвергшимся разорению беззащитным городом (Polyb. XXXVIII. 19–22; App. *Pun.* 117–135). Вопрос о вторжении на поветке дня больше не стоял.

Литература

- Barceló P.* Punic Politics, Economy, and Alliances, 218–201 // *A Companion to the Punic Wars* / ed. D. Hoyos. Chichester; Malden (Mass.), 2011. P. 357–375.
- Briscoe J.* The Second Punic War // *CAH*. Vol. VIII. 2nd ed. Cambr., 1989. P. 44–80.
- Le Bohec Y.* The “Third Punic War”: The Siege of Carthage (149–146 BC) // *A Companion to the Punic Wars* / ed. D. Hoyos. Chichester; Malden (Mass.), 2011. P. 430–445.
- Casson L.* Ships and Seamanship in the Ancient World. New Jersey, 1971.
- De Sanctis G.* Storia dei Romani. Vol. III. Torino, 1916. Pt. 1.
- Derow P.* Polybius and the Embassy of Kallikrates // *Essays presented to C. M. Bowra*. Oxford, 1970. P. 12–23.
- Derow P.* The Arrival of Rome: from the Illyrian Wars to the Fall of Macedon // *A Companion to the Hellenistic World* / ed. A. Erskine. Oxford, 2003. P. 51–70.
- Eckstein A. M.* Mediterranean Anarchy, Interstate War, and the Rise of Rome. Berkeley; Los Angeles; London, 2006.
- Goldsworthy A.* The Punic Wars. L., 2000.
- Hoyos D.* Hannibal’s Dynasty. Power and Politics in the Western Mediterranean, 247–183 BC. L.; N. Y., 2003.
- Hoyos D.* The Carthaginians. L.; N. Y., 2010.
- Lancel S.* Carthage: A History. Oxford, 1995.
- Lancel S.* Hannibal. Oxford, 1998.
- Lazenby J. F.* The First Punic War. L., 1996.
- Rankov B.* The Second Punic War at Sea // *The Second Punic War: A Reappraisal* / ed. T. Cornell, B. Rankov; Ph. Sabin. L., 1996. P. 49–57.

- Rankov B.* A War of Phases: Strategies and Stalemates 264–241 BC // A Companion to the Punic Wars / ed. D. Hoyos. Chichester; Malden (Mass.), 2011. P. 149–166.
- De Souza P.* Naval Battles and Sieges // The Cambridge History of Greek and Roman Warfare / ed. P. Sabin, H. van Wees, M. Whitby. Cambr., 2007. P. 434–460.
- Steinby C.* The Roman Republican Navy, From the Sixth Century to 167 B.C. Helsinki, 2007.
- Steinby C.* Rome vs. Carthage: The War at Sea. Barnsley, 2014.
- Tarn W. W.* The Fleets of the First Punic War // JHS. Vol. 27. 1907. P. 48–60.
- Thiel J. H.* Studies on the History of Roman Sea-Power in Republican Times. Amsterdam, 1946.
- Thiel J. H.* A History of Roman Sea-Power before the Second Punic War. Amsterdam, 1954.
- Tipps G. K.* The Battle of Ecnomus // Historia. 1985. Bd. 34. Ht. 4. P. 432–465.
- Walbank F. W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957.

Christa Steinby

**THE ROMAN INVASION OF AFRICA
AS MEANS OF PUTTING PRESSURE
ON THE CARTHAGINIAN GOVERNMENT**

The Roman invasion of Africa is a recurring theme in the Punic Wars. Apart from the well-known cases of 204–202 and again in 149–146 B.C. that resulted in the destruction of Carthage, there were many other moments when the invasion was an option in Roman strategy. We can list out about a dozen different cases when large or small fleets were sent to the African coast; they sometimes clashed with the Punic fleet, sometimes sailed without any opposition, and on many occasions caused general disturbance to the Punic power in Africa, as well as gathered booty and intelligence. Plans that came to nothing are also important to notice; threat of invasion worked as a deterrent in Roman-Carthaginian relations. This article discusses those operations; the motives, Roman decision making and the significance of these campaigns.

From the first attempts and plans made by Agathocles and Pyrrhus, the invasion became a part of the Roman arsenal with which to put pressure on the Carthaginian government. In the First Punic War, there was a large scale attempt of an invasion and raids funded by the state and privateers. With these, the Romans managed to shake the stability of the Carthaginian rule in Africa; they got Sicily.

In the Second Punic War, the invasion was at first one of the main issues: the plans of the Senate for 218 included the assigning Spain and Africa as separate fields of action for the two consuls; yet no part of this plan worked as such, but they had to rethink as soon as they saw the scale of the Carthaginian operations. The invasion became postponed for years, until the circumstances allowed its implementation and it became the strategy that ended the war.

In the Third Punic War, the invasion was again visible in a new light. In the years leading to Carthage's end, the threat of invasion was there all the time — Carthage had to put up with all kinds of demands and interference coming from Rome. There was no Punic fleet anymore that could have fought the invading Roman army, and the Romans had allies in Africa, so now the problem was no longer how to get there, but how to justify further interference in Carthaginian business? Finally, the fate of Carthage is in no way different from other areas which the Romans had already conquered and in which a military uprising was started — so why would they have treated Carthage any differently?

С. Ю. Горьков

ОПЕРАЦИИ ВОЕННО-МОРСКОЙ АГЕНТУРЫ В ХОДЕ ПУНИЧЕСКИХ ВОЙН

История применения специально подготовленных кадров для получения данных о противнике или передачи его руководству дезинформации уходит в далёкое прошлое. Подобные операции зачастую помогали одерживать победу в предстоящем сражении или даже в целой кампании. Задачей данной небольшой работы будет рассмотреть немногочисленные зафиксированные случаи использования в ходе Пунических войн как римлянами, так и карфагенянами работы агентов для нужд военно-морского командования.

Основными источниками для нас являются труды Полибия, Тита Ливия, Полиэна, Орозия и Зонары, в которых интересующие нас моменты отражены наиболее полно. Следует отметить достаточную скудность материала: как правило, античные авторы просто констатируют сам факт проведения подобной операции, не сообщая при этом подробностей. Необходимо сказать, что в известной нам научной литературе эта проблема практически не затрагивалась, так что читателя не должно смущать отсутствие ссылок на современные исследования.

Первый случай применения карфагенянами дезинформации командования неприятельской эскадры относится к 260 г. до н. э. Согласно источникам (Polyb. I. 21. 5; Oros. IV. 7. 9; Zonar. VII. 10), консул Гней Корнелий Сципион, находясь с авангардом в 17 кораблей в Мессане, получил сведения о возможности овладеть городом Липарой с помощью измены и отплыл туда со всеми судами, имевшимися в его распоряжении. Липара обладала важным стратегическим значением на Тирренском морском театре боевых действий. По всей видимости, карфагеняне получили данные о походе римлян от своей резидентуры в Мессане, набранной из числа местных жителей, и решили попытаться разбить морские силы противника по частям.

Как далее сообщает Полибий, сведения, полученные консулом, оказались непроверенными — неприятель принудил к сдаче его корабли, а самого захватил в плен (I. 21. 7–8).

Полиэн более подробно излагает историю похода: по его данным, карфагеняне «убедили некоторых из собственных граждан стать перебежчиками. Они, придя к римскому военачальнику, обещали передать ему остров Липару» (IV. 16. 5. Пер. Т. В. Антонова). Зонара (VIII. 10) также упоминает о коварстве пунийцев. Таким образом, на основании рассмотренного материала можно смело предположить разработку и успешное осуществление карфагенским военно-морским командованием плана по сознательному введению римлян в заблуждение при помощи дезинформации. Как мы видим, в операции были задействованы специально подготовленные агенты, по всей видимости, хорошо владевшие греческим языком, одетые в соответствующую одежду и успешно выдававшие себя за жителей Липары. Здесь мы имеем дело с одной из наиболее успешных операций карфагенской военно-морской разведки. Скорее всего, осуществлена она была по инициативе командующего пунийским флотом, которым, как сообщает Полибий (I. 21. 9), на тот момент был Ганнибал. Неизвестно, правда, удалось ли спастись самим перебежчикам — обманутый противник вполне мог казнить их.

В 258 г. до н. э. состоялась экспедиция римского военно-морского флота на Сардинию под командованием консула Гая Сульпиция Патеркула. Согласно сообщению Зонары (VIII. 11), римский флотоводец намеревался совершить поход к африканскому побережью — наиболее вероятно, что речь шла о проведении дальней разведки. По данным того же источника, произошла встреча римлян с карфагенским флотом — возможно, под командованием Ганнибала, — шедшим из метрополии, но сражению помешал сильный ветер, и пунийцы отошли к одной из сардинских гаваней — очевидно, к Сульцам (Zonar. VIII. 12). Зонара же свидетельствует, что Сульпиций заслал к Ганнибалу ложных дезертиров, сообщивших о намерении римлян продолжать поход в Африку. Таким образом, карфагенское командование было введено в заблуждение и, по всей видимости, дозорная служба ослабила свою бдительность. Это позволило римлянам внезапно атаковать стоящие на якоре суда и одержать победу (Zonar. VIII. 12). Вероятно, перебежчики были специально отобраны консулами из числа добровольцев. Логично предположить, что они были не римскими гражданами, а италийцами, происходившими из недавно покорённых областей — это повысило бы доверие пунийцев к сообщавшимся ими сведениям. Остаётся неясным, удалось ли этим отважным людям избежать расправы со стороны карфагенян.

В 256 г. до н. э. римское командование запланировало высадку легионов в африканских владениях Карфагена, рассчитывая на мощную поддержку флота. Корабли были сосредоточены в Мессане, а войска, как сообщает Полибий (I. 25. 7), — у мыса Экном, в устье р. Гимеры, где ожидалась их погрузка на суда. Согласно тому же Полибию, «карфагеняне пристали к Лилибею, а оттуда перешли на стоянку к Гераклею Миное» (I. 25. 9). Своевременный переход пунийцев из метрополии в воды Сицилии свидетельствует о хорошей постановке разведывательной службы, в чём вновь можно усмотреть действие агентуры, которая могла работать в Мессане и городах южного берега Сицилии — Фаларии, Плитах, Халисе. Состояла она, скорее всего, из завербованных местных жителей, связь с карфагенянами могла поддерживать на рыбацких и торговых судах, а также посредством отправки гонцов в Лилибей и другие опорные пункты пунийцев на Сицилии.

Можно предположить, что карфагенский план заключался в нападении на римский флот во время посадки десантных войск на корабли, и именно этим и объясняется тот факт, что сражение было дано впоследствии у мыса Экном. Однако замысел реализовать не удалось либо вследствие неправильного расчёта времени, либо из-за ухудшения погодных условий, повлиявших на скорость судов пунийцев.

В 249 г. до н. э., как сообщает Полибий (I. 52. 6), консул Луций Юний Пулл отправил около 60 транспортных кораблей в сопровождении конвойных судов к Лилибею под командованием квесторов. Карфагенский флотоводец Карталон вышел от Лилибея с намерением атаковать неприятельский караван в направлении Гераклеи Миноической. По всей видимости, он стал здесь на якорь. Как сообщает Полибий, «когда соглядатаи (τῶν σκολῶν) известили, что близко подошло уже множество римских судов различного вида, он вышел в море» (I. 53. 7. Пер. Ф. Г. Мищенко). Таким образом, здесь мы видим работу карфагенской агентуры в действии. Вполне возможно, что она состояла преимущественно из жителей прибрежных городов юго-западной части Сицилии, долгое время находившейся под пунийским владычеством. Скорее всего, в данном случае «соглядатаями» были люди, как-либо связанные с морем, — рыбаки или моряки торгового флота, которые разбирались в типах кораблей, представляли себе меру загруженности судов и характер грузов. Можно смело предположить, что подобный случай вовсе не был единичным, и карфагеняне имели свою резидентуру в большинстве крупных портов Сицилии. Агенты сообщали военно-морскому командованию о времени выхода римских эскадр в море, об их численности и направлении движения. Возможно, первые попытки налаживания агентурной сети были предприняты карфагенянами ещё во время войн с Сиракузами,

и теперь практические знания использовались против римлян, которые, в отличие от неприятеля, имели сравнительно малый опыт ведения морской войны на данном театре боевых действий и поэтому не всегда могли организовать наблюдение за эскадрами противника в портах острова.

В 242 г. до н. э. римляне после долгой оперативной паузы решили активизировать свои действия на море и овладеть якорными стоянками у Лилибея и Дрепана. Операция, как сообщают источники (Polyb. I. 59. 10; Oros. IV. 10. 5; Zonar. VIII. 17), удалась. Вероятно, своим успехом римляне в значительной степени были обязаны наличию хорошо налаженной агентуры, которая передала им сведения об отправке карфагенского флота на базы в Африку для ремонта, вследствие чего важнейшие стратегические пункты остались без прикрытия. Вряд ли бы римский командующий флотом Лутаций Катул рискнул дать сражение, имея в своём распоряжении неопытные экипажи. Потеря якорных стоянок практически лишала пунийцев сицилийских баз, за исключением Эрикаса, и резко ухудшала для них общую стратегическую ситуацию.

К началу Второй Пунической войны обе стороны, по всей видимости, располагали разветвлённой агентурной сетью, действовавшей для нужд флотского командования. Однако историческая традиция донесла до нас лишь отрывочные сведения о ней — основное внимание древних авторов было приковано к сухопутным сражениям, где ярко блистал гений Ганнибала и многочисленных римских полководцев.

Как сообщает Ливий, в 215 г. до н. э. пунийский военачальник «Бомилькар прибыл в Локры с воинами, слонами и провиантом, посланный из Карфагена для подкрепления» (XXIII. 41. 10–12. Здесь и далее пер. М. Е. Сергеенко). Это была одна из немногих успешных попыток доставить Ганнибалу, сражавшемуся в Италии, помощь морем. В это время сильная римская эскадра Тита Отацилия Красса, базировавшаяся в Лилибее, совершала рейды на африканское побережье. Вполне возможно, что карфагенские шпионы доложили командованию об этом, и оно смогло осуществить переброску войск в Бруттий. До этого подобная операция была практически невозможна: находясь у западного побережья Сицилии, римская флотилия, обладая господством на море, полностью блокировала подвоз грузов и войск в Италию. Таким образом, добытые агентурой сведения способствовали усилению карфагенской сухопутной группировки, действовавшей на главном театре военных действий.

Ливий также рассказывает, что в 212 г. до н. э. командующий римской эскадрой, дислоцированной в Лилибее, Тит Отацилий Красс захватил вражеский крупный транспортный караван в 130 судов (XXV. 31. 12–14).

Произошло это, по всей видимости, благодаря деятельности лазутчиков, которые отправили римлянам донесение о выходе карфагенян из порта. Продовольствие, захваченное в результате проведённой операции, вовремя было отправлено под Сиракузы, где войска терпели сильную нужду.

В 208 г. до н. э., по свидетельству Ливия (XXVII. 22. 6–12), римляне провели масштабную перегруппировку своих эскадр, отозвав корабли из вод Южной Италии и Испании к берегам Сардинии и Сицилии, а также дополнительно усилили соединение, несущее охрану западного побережья Италии за счёт ввода в строй ряда новых судов. Данные меры были приняты, «поскольку ходили слухи (*fama*), что в этом году в Карфагене готовят большой флот и рассчитывают с помощью двухсот кораблей высадиться на берегах Италии, Сицилии и Сардинии» (Liv. XXVII. 22. 8). По всей видимости, подобные сведения могли основываться не только и не столько на слухах, сколько на сообщениях римской агентуры, работавшей в Карфагене — главной базе неприятельского флота. Можно предположить, что разведчики действовали под видом торговцев, скорее всего, греческих. На римских кораблях служило много италийских греков, и некоторых из них вполне могли привлечь для выполнения подобных опасных заданий. Здесь, как мы видим, ими были собраны данные не только о количестве карфагенских кораблей, но и о предполагаемых маршрутах и планируемых объектах нападения. Вероятно, римские шпионы работали как в столице, так и в других крупных портах Пунийской державы.

Ещё раз римская агентура проявила себя в 203 г. до н. э. Эскадра Публия Корнелия Сципиона зимовала в Африке; суда, по всей видимости, были вытаснены на берег. По свидетельству Полибия, «прослышав во время зимовки в Ливии о снаряжении флота карфагенянами, Публий и сам стал готовить корабли» (XIV. 1. 2). Очевидно, данные вновь доставила римская резидентура, и на этот раз они помогли избежать нападения на неподготовленный римский флот.

Итак, мы рассмотрели, как кажется, все известные из исторической традиции случаи вероятного применения в годы Пунических войн римским и карфагенским военно-морским командованием специально подготовленных кадров для сбора сведений о противнике, а также для передачи ему дезинформации. Как мы видим, умелые действия лазутчиков в ряде случаев приводили к серьёзным успехам, включая даже выигрыш морских сражений, что оказывало значительное влияние на общий ход боевых действий на определённом театре. По всей видимости, как уже было сказано, основу агентуры составляли связанные с морем люди — рыбаки или моряки торгового флота. Не следует

исключать и вербовку граждан нейтральных государств. Если во время Первой Пунической войны карфагеняне обладали более развитой агентурной сетью в портах Сицилии, то к началу Ганнибаловой войны римское командование смогло организовать собственную службу разведки в крупных портах Пунической державы и в ряде случаев нанести благодаря полученным от неё сведениям существенный урон планам противника.

Sergey Yu. Gor'kov

THE OPERATIONS OF NAVAL AGENCY DURING THE PUNIC WARS

The article deals with the (possible) cases of using the naval agency in the course of the First and Second Punic Wars by both opposite sides. The analyses of texts of Polybius, Livy, Polyaeus, Orosius and Zonara allows to conclude, that information delivered by the spies acted on the sea (first of all, as fishermen and merchants, in a large part from the Italian Greeks) could be of very important significance and in several episodes appeared as a decisive factor in successful realization of tactic or even strategic plans. One worthy to note, that if originally the Carthaginians were disposing of much more developed spy ring in the Sicilian ports, up to the beginning of the Second Punic War the Romans had proved themselves to be able to organize their own effective agency in the seaports of the Punic power.

Раздел II

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ: ПРЕДЫСТОРИЯ, КОНТЕКСТ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПУНИЧЕСКИХ ВОЙН

Ю. Б. Циркин

ПЕРВЫЙ РИМСКО-КАРФАГЕНСКИЙ ДОГОВОР

Проблема первого римско-карфагенского договора (Polyb. III. 22. 4–13) давно привлекала внимание учёных. Долгое время под вопрос ставилась сама историчность этого договора, однако в настоящее время уже мало кто сомневается в его подлинности¹. Существует согласие и по некоторым частным, но очень важным вопросам. Так, после долгих споров была принята точка зрения, что Прекрасный мыс, дальше которого запрещалось плавать римлянам и их союзникам, находится в Африке в районе Карфагена, как и говорил в своём комментарии Полибий². Следовательно, договор имел отношение только к центральной части Средиземноморья, и действие соглашения не распространялось на его

¹ Более ранняя литература: Christ 1980, 35–36. И позже появлялись работы, в которых признаётся историчность первого римско-карфагенского договора: Acquaro 1987, 49; Huß 1990, 47–53; Wagner 1999, 487–491; Ampolo 1999, 50; Ziolkowski 2000, 127; Cornell 2008, 255–256; Scullard 2008, 521–526; Capogrossi Colognesi 2009, 131–132; Мосолкин 2009, 30–38. Историчность договора признают историки как Рима, так и Карфагена.

² Walbank 1957, 341–342; Huß 1990, 48–50; Wagner 1999, 490–491; Scullard 2008, 522–523; Мосолкин 2009, 36. Ещё существуют некоторые разногласия по поводу отождествления Прекрасного мыса с конкретным мысом современного Туниса, но в его локализации в Африке никто более не сомневается.

западную часть, как иногда полагали раньше (Wickert 1938, 353–357; Мишулин 1952, 260). Но отсюда не следует, что все проблемы, связанные с рассматриваемым договором, решены. Особенно это относится к его датировке и исторической обстановке, в которой он был заключён. Так, В. Хусс относит его подписание весьма неопределённо к первой половине V в. до н. э., но до 460-х гг., когда Таррациной овладели вольски (Huß 1990, 52–53). А. В. Мосолкин, считая, что это соглашение составлено по типу договоров с греками, относит его ко времени после поражения карфагенян на Сицилии в 480 г. до н. э. (Мосолкин 2009, 34–36). П. Бернардини, соглашаясь с тем, что подписание договора состоялось в конце VI в. до н. э., датирует его 506 г. до н. э., когда Рим был ещё не республиканским, а «этрусским» (Bernardini 2001, 153). По мнению Л. Капогресси-Колоньези, договор с Карфагеном римляне заключили вскоре после Кассиева договора Рима с латинами, т. е. после 493 г. до н. э. (Capogrossi Colognesi 2009, 132). В то же время К.-Э. Петцольд, опираясь на аргументы государственно-правового характера, утверждал, что первый договор с Карфагеном должен был предшествовать *foedus Cassianum* (Petzold 1972, 382–385). Для решения вопроса сравним эти договоры с точки зрения отражения в них исторической реальности.

Договор с латинами, текст которого приводит Дионисий Галикарнасский (AR. VI. 95. 2), был заключён на основе равенства двух сторон³. Обе стороны договорились не только о мире, но и о дружбе (φιλία): римляне и латины должны не воевать друг с другом, а заключать союзы с врагами друг друга, помогать друг другу в войне и в этом случае поровну делить добычу. Суд по частным договорам надлежало производить там, где сей последний был заключён; изменять что-либо в договоре можно было только по обоюдному решению сторон — как римлян, так и всех латинов. И всё содержание *foedus Cassianum* ясно говорит об отсутствии гегемонии Рима в Лации (Momigliano 2008, 86).

Договор же с Карфагеном (Polyb. III. 22. 4–13) производит совершенно другое впечатление. Римляне обязали Карфаген не обижать народ ардеатов, антиатов, ларентинов, цирценитов, таррацинитов и всякий иной латинский народ, подчинённый римлянам⁴. Более того, даже в слу-

³Petzold 1972, 402–405. О заключении этого договора говорит также Ливий (II. 33. 4), не раскрывая, однако, его содержания. О достоверности сообщений Дионисия и, в частности, об использовании им материалов подлинных международных или межобщинных договоров см.: Christ 1980, 35; Маяк 2005, 248–253. Ещё раньше С. И. Ковалёв не сомневался в историчности Кассиева договора, хотя и считал, что текст, приведённый Дионисием, едва ли буквально воспроизводит подлинник: Ковалёв 1986, 117–118.

⁴ Несомненно, подчинёнными были не только города, поименованные в договоре, ибо в его тексте прямо говорится и о других подчинённых латинах, сколько бы их

чае взятия карфагенянами какого-либо другого латинского города они должны передать его римлянам. Карфагенянам запрещалось сооружать укрепления в Лации и оставаться там дольше, чем на одну ночь. В договоре ясно различаются и латинские города, подчинённые (ὕληχοοι) римлянам и таковыми не являющиеся. Но договор запрещает тревожить и последние, а в случае взятия их обязывает карфагенян не вернуть им свободу, как можно было бы ожидать, а возратить (т. е. фактически отдать) римлянам. Рим здесь не только господин нескольких латинских городов, но и явный гегемон остального Лация. В этом договоре Рим выступает как от своего имени, так и от имени своих союзников, впрочем, как и Карфаген. Конкретно римские союзники в договоре не названы. Едва ли это были те же города, которые затем названы подчинёнными⁵. Как бы римляне на деле ни относились к своим подданным, в теории они ясно различали эти две категории⁶. Не могли быть этими союзниками и прибрежные этрусские города, включая Цере (Pena 1976–1978, 529). С одной стороны, этрусские города, и Цере в особенности, самостоятельно поддерживали разнообразные связи с Карфагеном и не нуждались в римском посредничестве, а с другой — в договоре нет никаких намёков на Этрурию. Союзные города надо, несомненно, искать в Лации. В первую очередь при этом вспоминаются Габии, с которыми Тарквиний Гордый заключил договор (Dionys. Hal. AR. IV. 58. 3–4). Во времена Дионисия, т. е. в правление Августа, этот договор всё ещё был выставлен в храме Юпитера Фидия, или Семона Санка, так что в его подлинности сомневаться не приходится⁷. Судя по тексту договора, габийцы сохраняли жизнь, свободу и имущество, но ставились под власть сына Тарквиния Секста⁸. Возможно, Габии были далеко не единственным городом Лация, заключившим договор с Римом и при этом считавшимся римским союзником.

ни было. Среди подчинённых городов, не названных в договоре, могли быть Колляция, покорённая ещё Тарквинием Древним, который поставил там правителем своего племянника Эгерия, и Сигния, куда вывел колонистов Тарквиний Гордый (Liv. I. 28. 1–2; 56. 3). Ливий называет одновременно Сигнию и Цирцею, а последний город в тексте договора назван среди подданных. Те города, которые непосредственно названы в тексте, располагались на побережье и поэтому в наибольшей степени могли стать, по мнению римлян, объектами карфагенских нападений: Ziolkowski 2000, 40.

⁵ Так считает В. Хусс: Huß 1990, 51. Ещё раньше такое мнение высказал С. Гзель: Gsell 1928, 70, п. 2.

⁶ Как показал К.-Э. Петцольд (Petzold 1972, 383), ὕληχοοι Полибия — это общины, «сдавшиеся» римлянам. Поэтому быть союзниками они никак не могли.

⁷ Schachermeyr 1932, 2384. О договоре Рима с Габиями упоминает и легенда монет времени Августа: Weiss 1910, 420–421.

⁸ Ливий не говорит о договоре, а лишь о переходе Габий под власть римского царя (I. 54. 10).

В то же время в Кассиевом договоре ни о каких союзниках Рима в Лации нет речи. Более того, в качестве противоположной договаривающейся стороны выступают все, как подчёркивает Дионисий, латинские города: *προῶς ταῖς τῶν Λατίνων πόλεις ἀλάσας συνθήξει*. Следовательно, договор Рима с Карфагеном мог относиться ко времени либо через довольно долгий промежуток после заключения Кассиева договора, когда Рим снова стал не только претендовать на гегемонию в Лации, но и на деле установил власть над значительной частью латинских общин, либо до заключения Кассиева договора. При этом сохраняет силу наблюдение В. Хусса, что поскольку в договоре упомянута Таррацина, а её до 60-х гг. V в. до н. э. захватили вольски, то договор, очевидно, был заключён раньше этого события. Однако в 80–70-е гг. V в. до н. э., даже судя по изложению Ливия и Дионисия, всячески деяния Рима приукрашивающих и преувеличивающих, римляне не имели ни сил, ни возможностей навязать латинам и присоединившимся к договору герникам свою гегемонию. Да и города, упомянутые в договоре как подчинённые римлянам, на деле попали под их власть гораздо позже. Так, Ардея, Цирцеи и Ланувий в самом начале V в. до н. э. были уже не подданными Рима, а членами Латинского союза (Dionys. Hal. AR. V. 61. 3). В 469 г. до н. э. Антий находился в руках вольсков, и с ними воевал консул Т. Нумиций Приск (Liv. II. 63. 5). Уже упоминалось, что в 60-х гг. V в. до н. э. вольски владели и Таррациной. Поэтому гораздо вероятнее, что первый римско-карфагенский договор был заключён до *foedus Cassianum*.

В одном фрагменте «Начал» Катона (II. 28)⁹ приведена надпись, сделанная Эгерием Бебием: «Латинский диктатор тускуланец Эгерий Бебий посвятил в Арицинском лесу священную рощу Дианы. В этом [участвовали] вместе народы тускуланский, арицинский, ланувийский, лаврентийский, коранский, тибурский, пометинский, ардеатский рутулов». Надпись эта — явно неполная, поскольку грамматика Приска, приведшего эту цитату из труда Катона, интересовала лишь форма слова *Ardeatis* (IV. 21, p. 129 Н). Можно только предполагать, какие ещё *populi* упомянуты в ней. В настоящее время никто не ставит под сомнение подлинность этой надписи. Об освящении Эгерием святилища Дианы Неморенской говорит и Фест (p. 128 L), называя, правда, Эгерия не Бебием, а Манием. Как и Приск, Фест говорит об акте Эгерия как бы между делом, ибо ему было важно объяснить происхождение поговорки «много Маниев в Ариции». Оба фрагмента, как давно считается, восходят к добротной традиции (Münzer 1905, 1982), и сомнений в их

⁹Текст фрагмента дан по изданию: Caton 1986.

историчности нет. Если сравнить содержание этой надписи с римско-карфагенским договором, то увидим, что упомянутая в договоре Ардея появляется среди общин, участвовавших в освящении святилища Дианы. То, что эта процедура имела политические цели, сомневаться не приходится. В своё время Сервий Туллий, если верить Дионисию Галикарнасскому (*AR. IV. 26. 1–4*), созвал представителей всех латинских общин и предложил им подчиниться римлянам, поскольку к ним благосклоннее божество, и создать общее святилище на Авентине¹⁰. Так как и выше, и ниже речь шла об Артемиде, то ясно, что подразумевалось общее святилище именно этой богини, т. е. Дианы. Ливий говорит, что Сервий Туллий, прославляя согласие ионийцев, объединившихся вокруг храма Дианы, добился того, чтобы римляне и латиняне совместными усилиями построили такой же храм в Риме (*I. 45. 2*). При очень вероятном (но всё же необязательном) анахронизме, содержащемся в этом сообщении, политическая цель строительства храма ясна. Святилище Дианы, будь то храм или священная роща, должно было стать не только религиозным, но и политическим центром всех латинов (Ziolkowski 2000, 40; Momigliano 2008, 85). Храм Дианы был действительно возведён на Авентине (*Dionys. Hal. AR. IV. 26. 4*) и именно около 530 г. до н. э., т. е. в правление Сервия Туллия (Ampolo 1999, 82). Хотя Авентин на тот момент находился вне померия, сам храм, несомненно, пребывал под римским влиянием, и священная роща Дианы Арицинской явно должна была ему противостоять (ср.: Ampolo 1999, 82). В этом плане посвящение *lucus sacer* хорошо вписывается в исторический контекст.

После изгнания Тарквиниев правитель Тускула Октавий Мамилий, зять Тарквиния, выступил инициатором создания союза из тридцати латинских городов во главе с Тускулом и, может быть, Арицией как традиционным культовым центром (*Liv. II. 18. 3*). Религиозным символом этого союза и стал храм, посвящённый Эгерием. Таким образом, создаётся союз недовольных Римом латинских общин, сгруппировавшихся вокруг Тускула, правитель которого предъявлял претензии на гегемонию в Лации. Правда, в надписи речь идёт об Эгерии, а не о Мамилии. Но вполне возможно, что ко времени посвящения рощи глава Тускула сменился¹¹. Как бы то ни было, именно Тускул выдвигается на первый план в качестве гегемона Лация вместо Рима. Совершенно ясно,

¹⁰ Ливий говорит о беседах Сервия Туллия с представителями аристократии различных латинских городов (*I. 45. 2*).

¹¹ В битве у Регилльского озера снова появляется Мамилий, которого там тяжело ранили (*Liv. II. 19. 3–10*; *Dionys. Hal. AR. VI. 4–12*). Однако существовал вариант традиции, согласно которому это был не зять Тарквиния, а сын этого зятя, т. е. внук свергнутого римского царя (*Dionys. Hal. AR. VI. 4. 1*).

что после создания, условно говоря, Тускуланского союза о гегемонии Рима в Лации уже не было речи.

Никакой даты в надписи (по крайней мере, в сохранившейся части текста) нет. Сейчас исследователи склоняются к тому, чтобы относить эти события ко времени около 500 г. до н. э. (Zevi 1995, 128–129; Cornell 2008, 273). Если принять эту датировку, то договор Рима с Карфагеном надо отнести ко времени до 500 г. до н. э.

Ещё до конфликта с латинами римлянам пришлось вести войну с царём этрусского Клузия Порсенной. Согласно традиции, к Порсенне обратился за помощью изгнанный Тарквиний, и тот двинулся с войсками на Рим. Ливий (II. 10–14), Дионисий (*AR.* IV. 22–34) и Плутарх (*Popl.* 16–19; *De mul. virt.* 13) рассказывают о различных подвигах римлян во время этой войны, об их благородстве, что в совокупности якобы побудило клузийского царя отказаться от своего намерения вернуть в Рим Тарквиниев, отступить от Рима и заключить с ним чрезвычайно благоприятный для римлян договор. Всё это — патриотическая легенда¹². У Тацита и Плиния Старшего сохранился вариант предания, гораздо более соответствующий прозе исторической реальности. Тацит пишет, что Порсенна разрушил сдавшийся город, оставив невредимым храм Юпитера Капитолийского (*Hist.* III. 72. 1). К этой детали стоит ещё вернуться. Плиний говорит, что Порсенна продиктовал римлянам договор, согласно которому те могли использовать железо только для обработки полей и, возможно, полицейского надзора (*NH.* XXXIV. 139). Ясно, что Рим потерпел тяжёлое поражение и был вынужден капитулировать перед Порсенной. Это отнюдь не означает, что Порсенна правил Римом и именно он сверг Тарквиния, а вслед за разгромом его армии под Арицией Рим вернул себе свободу, после чего в Риме и был установлен республиканский строй (Gjerstad 1969, 158–160; Le Glay 2005, 62): таких данных в источниках нет. Плиний говорит только о договоре, а Тацит — о разрушении Рима Порсенной, как позже — галлами. Это сообщение подтверждается археологическими данными: самым концом VI в. до н. э. датируются значительные разрушения в Риме, в том числе *regia* и храма на Бычьем форуме (Entstehung 2006, 178). Для доказательства власти Порсенны над Римом приводятся слова Орозия (II. 5. 3), что Порсенна в течение трёх лет держал в страхе, обступал, осаждал (*terrui conclusit obsedit*) трепещущий (*trepidus*) Город (Gjerstad 1969, 160). Конеч-

¹² Существует представление, согласно которому все римские герои войны с Порсенной — это божества, позже в фольклоре превратившиеся в земные фигуры: Gjerstad 1969, 150–156. При нынешнем уровне исследований такая точка зрения не может быть принята. Однако фольклорный характер всех этих героических рассказов несомненен.

но, использованный Орозием глагол *obsideo* можно понимать как «завладевать». Но, во-первых, это совершенно не обязательно, ибо данный глагол имеет также значение «теснить», «осаждать», «притеснять», а во-вторых, далее в той же фразе автор пишет, что если бы не терпение Муция и храбрость Клелии, то Риму пришлось бы претерпеть либо вражеское завоевание, либо восстановление царской власти. Таким образом, из контекста ясно следует, что речь идёт не о захвате Порсенной власти в Риме, а о страданиях римлян во время осады. Вопросы, почему Порсенна, двинувшись на Рим для восстановления на троне Тарквиния, отказался от этого намерения, сколько времени продолжалась эта война и какова была истинная цель похода Порсенны, выходят за рамки данной статьи. Для нас сейчас важно, что республиканский строй был установлен в Риме до войны с Порсенной и что клузийский царь не уничтожил его, но навязал римлянам унижительный договор. Надо согласиться с теми исследователями, которые считают, что этот договор фактически отрезал Рим от источников поставки железа и стал началом экономического упадка Рима (Токмаков 1998, 101).

Трудно сказать, сколь скрупулёзно и долго римляне выполняли условия договора с Порсенной. Тот факт, что они уже довольно скоро вступили в новую войну, говорит о возвращении к вооружению армии — это означало нарушение той статьи договора, которая запрещала использование железа для военных целей. Однако поражение римлян радикально изменило политическую ситуацию и стало толчком к антиримскому выступлению латинских городов, объединившихся вокруг Тускула. По словам Ливия, Тарквиний, пользовавшийся поддержкой этрусков, после неудачной попытки возвращения в Рим обратился к своему зятю, правителю Тускула Октавию Мамилию, и тот возглавил латинов, начавших войну с республиканским Римом. Следовательно, война с Порсенной относится к более раннему времени, чем борьба с латинами. С помощью Мамилия Тарквиний обратился к тирану Кум Аристодему, но и тот не сумел вернуть изгнанному царю трон. Говоря об этих войнах, надо сразу же возразить против всё ещё высказываемого мнения, что в рассказе о трёх войнах, ведшихся с целью реставрации в Риме монархии, отразилось использование трёх разных традиций, в действительности же о трёх войнах не может быть и речи¹³. Несколько попыток Тарквиния возвратиться в Рим вполне вписываются в исторический контекст.

¹³ Gallia 2007, 60–61. Однако такой скептицизм не разделяется исследователями, хотя, разумеется, историчность романтических рассказов о римских героях отвергается: Cornell 2008, 258.

Карфаген был заинтересован в союзе с Римом¹⁴. Вдоль тирренского побережья Италии проходил очень важный торговый путь, связывавший Этрурию с югом и востоком Средиземноморья (Tronchetti 1973, 6–12). Особенно большое значение для этрусской торговли с греками он приобрёл после разрушения Сибариса. Данные археологии показывают, что пик греческого импорта в Этрурии приходится на первую четверть V в. до н. э. (Tronchetti 1973, 6–8). Значение Тирренского моря ясно проявилось в середине VI в. до н. э., когда из-за появления фокейского форпоста в Алалии на Корсике оказались под угрозой контакты этрусков и карфагенян. Началась война, наиболее известным (но не единственным) эпизодом которой стала битва при Алалии около 535 г. до н. э. Она, по словам Геродота, закончилась «кадмейской победой» эллинов, понёвших такие большие потери, что они были вынуждены покинуть остров (I. 166). После этого этруски и карфагеняне разделили сферы влияния, причём Корсика вошла в этрусскую сферу, а Сардиния — в карфагенскую (Hoffmann 1972, 344–345). После этого карфагеняне начали подчинение острова. Об этрусском завоевании Корсики никаких сведений нет, да оно, видимо, и не имело места.

В этих условиях Рим, хотя и находившийся на некотором отдалении от морского побережья, наверняка играл значительную роль¹⁵. Археологические данные при всей их ограниченности показывают, что в VI в. до н. э. и даже ранее Рим далеко не был «медвежьим углом». Через него проходили очень важные пути, связывавшие Этрурию с Кампанией, а речной порт на Тибре был местом, где встречались греки, этруски и финикийцы (Coarelli 1999, 27–32, 39–46). Он явно поддерживал активные связи не только с итальяскими греками и этрусками, но и карфагенянами¹⁶. О значимости Рима могут говорить его размеры. Во времена Тарквиниев Рим (без Авентина и Марсова поля) занимал пространство в 320 га, что было больше, чем площадь самых процветающих городов Этрурии, как Цере (150 га) или Тарквинии (120 га) (Ziólkowski 2000, 32). К концу царского периода Рим превратился в фактического гегемона Лация (Cornell 2008, 252–254). В римско-карфагенском

¹⁴ По мнению Г. Скаларда, именно Карфаген был инициатором заключения договора: Scullard 2002, 201. Эту точку зрения разделяет А. В. Мосолкин (2009, 33).

¹⁵ В связи с этим встаёт вопрос о достоверности сообщения об основании Анком Марцием Остии, но обсуждение этого вопроса выходит за рамки данной статьи.

¹⁶ Capogrossi Colognesi 2009, 131; Drummond 2008, 124–130. Существует предположение, что в Риме, как и в Цере (точнее, в церетанском порту), какое-то время существовала финикийская или карфагенская фактория: Clavel-Lévêque 1977, 128. Исследовательница ссылается на монографию: Rebuffat 1966, 7–48. Сама эта книга нам, к сожалению, недоступна.

договоре среди подчинённых городов названа Ардея. Но и Ливий (I. 57–60), и Дионисий Галикарнасский (AR. IV. 64–85) связывают свержение Тарквиниев с осадой Ардеи, так что этот город стал подвластным римлянам уже после изгнания царя. Можно, видимо, говорить, что республиканское правительство продолжило курс царей на установление своей власти в Лации.

При последних царях Рим включился в борьбу карфагенян, некоторых этрусских городов (по крайней мере, Цере) и греков-фокейцев. Ещё Тарквиний Древний поддержал фокейскую колониальную экспедицию, приведшую к основанию Массалии, а затем заключил союз с недавно основанным городом. Это сообщение содержится у Трога-Юстина (XLIII. 3, 4; 5, 3), который использовал не римскую, а массалиотскую традицию (Циркин 2004, 51–52). Археологические данные подтверждают, что основной путь фокейских колонистов, которым следовали основатели Массалии и который обеспечивал последующие связи этой и других колоний галльского побережья, шёл вдоль западного побережья Италии, так что и посещение устья Тибра, о чём сообщает традиция, и установление дружественных связей с Римом были для фокейцев и массалиотов совершенно естественными. Сервий Туллий продолжал эту политику. Он вмешался в войну фокейцев с Карфагеном и Цере и выступил против этого этрусского города (Dionys. Hal. AR. IV. 27. 2–3; *De vir. ill.* VII. 6¹⁷). Дионисий Галикарнасский утверждает, что инициаторами войны выступили сами этруски, сначала вейнты, цериты и тарквинийцы, а затем их якобы поддержало и население остальных городов Этрурии. Хронологическое совпадение этой долгой, продолжавшейся, по преданию, 20 лет войны с войной, которую вели фокейцы против этрусков и карфагенян, не может быть случайностью. Рим и при Тарквинии Древнем, и при Сервии Туллии выступал противником многих этрусских городов. Не только со стремлением римлян установить гегемонию в Лации, но и с союзом с фокейцами связана постройка Сервием Туллием в Риме храма Дианы, причём образцом для скульптурного изображения богини послужила статуя Артемиды Эфесской (Liv. I. 45. 2; Dionys. Hal. AR. IV. 26. 4; Strabo. IV. 1. 5; *De vir. ill.* 7. 9). Едва ли в это время Рим мог иметь какие-либо контакты с Малой Азией, но известно о роли жречества Артемиды в основании Массалии и о создании массалиотами статуи той же богини по образцу эфесского изображения (Strabo IV. 1. 4; ср.: Clavel-Lévêque 1977, 11). Таким образом, создание храма Дианы, которая, по-видимому, уже в ту пору

¹⁷ Автор сочинения *De viris illustribus*, правда, говорит вообще об этрусках, не называя конкретного города.

отождествлялась или, может быть, начала отождествляться с Артемидой, и установка в нём статуи, являвшейся подражанием массалиотско-эфесскому образцу, должны были и в религиозном отношении сблизить Рим с фокейскими городами Западного Средиземноморья, закрепив тем самым политические связи.

О войнах Тарквиния Гордого с этрусками ничего не известно. Упоминается только о мире, заключённом с ними, без уточнения, о каких именно этрусках идёт речь (Liv. I. 55. 1; Eutr. I. 8. 1). Возможно, что это было завершением войны, которую вёл Сервий Туллий. Если верить традиции, то основные усилия Тарквиний Гордый сосредоточил на Лации. Но обращает на себя внимание, что после своего изгнания Тарквиний, обратившись к соседним этрусским городам, миновал Цере. Вейи и Тарквинии действительно попытались восстановить власть Тарквиния над Римом, но неудачно. И тогда изгнанный царь запросил помощи у Порсенны. Предполагается, что правитель Клузия в это время возглавлял Союз двенадцати этрусских городов, и это, казалось бы, объясняет обращение к нему изгнанного римского царя¹⁸. Однако едва

¹⁸ Немировский 1983, 112. Доказательством этого считается то, что имя «Порсенна» — титул «пуртна», каковой, как полагают, носил глава этрусского Двенадцатиградья, неправильно понятый римлянами и превращённый ими в собственное имя клузийского царя (Schachermeyr 1932, 2366; Немировский 1983, 121). В связи с этим надо заметить, что в историографии часто представляют римлян до того не понимающими своих соседей, что они путали собственные имена и властные термины. Сначала римские историки не разобрали, что в имени главы Альбы Лонги Меттия Фуфетия первое слово — название должности *меддикс* (Боданская, Чистяков 1989, 512, примеч. 83). Тарквиний Древний до своего переселения в Рим носил имя «Лукумон», переделанное римлянами в «Луций», в действительности это этрусский царский титул (Schachermeyr 1932, 2389; Боданская, Чистяков 1989, 514, примеч. 112). Теперь они снова превратили должность в имя «Порсенна». Создаётся странное впечатление, что римляне, жившие в постоянном контакте с латинами и этрусками, всё же не знали названий высших должностей у своих соседей. При этом сторонников такой путаницы не смущает, что «меддикс» — оскский термин, в то время как Альба Лонга была латинским городом. Что касается Лукумона, то сейчас в этрускологии существует мнение, что это действительно личное имя, а царя этрусски называли как-то иначе (Briquel 1999, 142). Но даже если это и не так, то будущий римский царь, являясь в Тарквиниях сыном иммигранта, несмотря на своё богатство и женитьбу на знатной этруске, не смог пробиться в ряды местной знати, что и заставило его эмигрировать (Liv. I. 34). Следовательно, никаким царём он в Тарквиниях быть не мог, и такое толкование имени невозможно. Имя «Порсенна» имеет, так сказать, вполне этрусский вид (Ehlers 1953, 315–316) и вполне может быть личным именем. К этому времени у этрусков, по крайней мере в аристократической среде, утвердился обычай иметь два имени — личное и родовое (Briquel 1999, 169), и двойное имя клузийского царя (оставляем за скобками вопрос о том, какое положение он занимал в Клузии на самом деле) Ларс Порсенна вполне соответствует этрусскому ономастикону.

ли дело обстояло таким образом. Союз двенадцати этрусских городов был в первую очередь религиозным, а не военно-политическим (Entstehung 2006, 68–71), да и вообще как некое единство он очень редко выступал во внешнем мире. Этрусские города часто вели различную внешнюю и военную политику и даже конфликтовали друг с другом. Так что если Порсенна действительно возглавлял союз, он всё равно не имел никаких средств принудить другие города Двенадцатиградья выступить в поддержку свергнутого Тарквиния, и тот не мог этого не знать. Поэтому он и обратился к Порсенне именно как правителю Клузия, города на тот момент весьма значительного и могущественного (Richardson 1976, 229). Кроме того, Клузий, если верить Дионисию Галикарнасскому (*AR*. III. 51. 4), вместе с ещё четырьмя этрусскими городами являлся союзником Тарквиния Древнего, так что внук последнего вполне мог рассчитывать на поддержку клузийцев. Эти события позволяют говорить о том, что и при последнем Тарквинии отношения между Римом и карфагенским союзником Цере были довольно напряжёнными.

К этому надо добавить и общую политическую обстановку в Средней Италии. Фокейцы, вытесненные с Корсики, после сравнительно недолгого пребывания в Регии основали Элею (Гиелу, Велию) на побережье Тирренского моря (*Hdt.* I. 167), так что могли снова угрожать карфагенским интересам. Точное время основания Элеи неизвестно, но можно предполагать, что это произошло около 530 г. до н. э.¹⁹ К этому времени в Великой Греции сложились две политические группировки: ахейская, находившаяся в союзе с этрусками, и халкидская, боровшаяся и с ахейцами, и с этрусками. Элейцы, естественно, примкнули ко второй. Авл Геллий (*NA*. X. 16. 5–6), ссылаясь на Гигина, относит основание Элеи ко времени Сервия Туллия, воевавшего с церетанами и дружившего с массалиотами. Можно полагать, что и с Элеей римский царь находился, по крайней мере, в хороших отношениях. В 524 г. до н. э. этруски попытались вытеснить халкидских греков из Кампании, напав на Кумы (Киму), но потерпели поражение (*Dionys. Hal. AR*. VII. 3–4)²⁰. Всё это не могло не встревожить карфагенян. Они предприняли усилия по укреплению связей со своими этрусскими союзниками, особенно с Цере, памятником чего являются золотые таблички с посвящением церетанского правителя Тефарие Велианаса Астарте. Их точная датировка неизвестна, но обычно их относят к рубежу VI–V вв. до н. э.

¹⁹ П. Бернадини (Bernardini 2001, 141) относит это событие к началу второй половины VI в. до н. э., Г. Радке (Radke 1958, 2400) — к периоду между 540 и 535 г. до н. э.

²⁰ Рассмотрение политической ситуации в Великой Греции является темой специальной статьи.

(Charles-Picard G. et C. 1970, 70; Bianchi-Bandinelli, Giuliano 1976, 171; Acquaro 1987, 49; Briquel 1999, 97; Cornell 2008, 256). В эту ситуацию хорошо вписывается заключение договора с Римом.

Свержение Тарквиниев вполне могло показаться Карфагену подходящим моментом для установления более тесных связей с Римом в надежде на радикальное изменение вектора его внешней политики. Для этого он был готов даже идти на некоторые уступки. Хотя обычно карфагеняне тщательно оберегали свою торговую монополию, на сей раз они разрешили римлянам вести торговлю в Ливии и на Сардинии, пусть и через посредство карфагенского чиновника — глашатая (может быть, секретаря) или писца. А на подвластной карфагенянам территории Сицилии римляне могли делать это безо всяких ограничений.

Такое различие в условиях римской торговли на Сицилии, с одной стороны, и на Сардинии и в Африке (кроме самого Карфагена) — с другой, объясняется политической ситуацией. Приблизительно в это же время спартанский царевич Доризэй попытался обосноваться на западе Сицилии, однако против него решительно выступили не только местные финикийцы, но и элимы, которых активно поддержал Карфаген. Доризэй потерпел поражение и погиб (Hdt. V. 43–48; Diod. IV. 23. 3; Iust. XIX. 1. 9). Активная поддержка и финикийцев, обосновавшихся на западе острова, и местного населения этого района позволили Карфагену довольно прочно там утвердиться и создать свою «эпархию» (Huß 1990, 29–30). Во всяком случае, дальнейшие военные действия на Сицилии карфагеняне вели, опираясь на её западную часть как на надёжную базу, независимо от успехов или неудач этих действий. Вероятнее всего, карфагеняне не видели в возможной активности римлян угрозы своему положению на западе Сицилии. Иная ситуация сложилась в Африке и на Сардинии. Ещё до своей сицилийской авантюры Доризэй старался упрочить свои позиции на африканском побережье (Hdt. V. 42), и этот эпизод надо связать с войной, которую вели карфагеняне с греками Киренаики (Sall. *Iug.* 79. 3–4; ср.: Шифман 1963, 85). Возможно, тогда же эллины пытались утвердиться и к западу от Карфагена (Hec. FGrHist. I. 343; Ps.-Scyl. 111; ср.: Treidler 1959, 257–283). Ещё более шатким было положение карфагенян на Сардинии. Хотя после битвы при Алалии остров вошёл в карфагенскую сферу влияния, до его подчинения было пока далеко. Упорное сопротивление карфагенянам оказали, пожалуй, не столько сарды, сколько местные финикийцы (Bernardini 2001, 148–152). Экспедиция Малха завершилась полной неудачей (Iust. XVIII. 7. 1); уже в начале V в. до н. э. потерпел поражение и погиб Гасдрубал (Iust. XIX. 1. 6), и лишь позже карфагенянам удалось подчинить значительную часть Сардинии, но полностью её так и не покорили (Diod. V. 15), и сис-

тема крепостей отделяла карфагенские владения от территории свободных сардов (Moscati 1977, 137). В условиях такой политической неопределённости разрешить римлянам, хотя бы только купцам, действовать бесконтрольно карфагеняне не могли. Максимумом уступок, какие Карфаген мог себе позволить, явилось разрешение торговать под довольно жёстким правительственным контролем.

Другой уступкой Карфагена, которая, впрочем, ему практически ничего не стоила, было признание особого положения Рима в Лации. Интересно отметить важное различие в обязательствах римлян и карфагенян. Всё, что касается римлян, относится к мореплаванию и торговле. Правда, Полибий пишет, что договор воспрещал римлянам плавать за Прекрасный мыс на длинных, т. е. военных, кораблях, но это содержится в комментарии самого историка (III. 23. 2). В тексте же договора о характере кораблей ничего не говорится. Всё же обязательства карфагенян связаны с военными акциями: они не должны нападать ни на какой латинский народ, подчинённый римлянам, обязаны отдать римлянам любой другой латинский город, они не имеют права сооружать в Лации какие-либо укрепления и оставаться там дольше одной ночи (Scullard 2002, 522). Создаётся впечатление, что римляне в первую очередь боялись карфагенского вторжения. Попытка Тарквиния вернуть трон собственными силами не удалась, но новые римские власти ясно сознавали, что свергнутый царь на этом не успокоится, как и показали дальнейшие события. Рим фактически оказался окружён врагами, и в этих условиях договор с Карфагеном ему был нужен не меньше, чем карфагенянам. Шаг навстречу, сделанный Карфагеном, римляне попытались использовать и для укрепления своей гегемонии в Лации, предусматривая даже возможность воспользоваться теми же карфагенянами для расширения своих владений.

Политическая ситуация, однако, очень скоро изменилась. Поражение от Порсенны и последующее выступление против Рима латинских городов, объединившихся под руководством Тускула, стали для римлян тяжёлым ударом. Потерпев ряд серьёзных неудач в войне с латинами и даже будучи вынуждены для спасения положения ввести должность диктатора, римляне сумели переломить ситуацию и добиться заключения почётного договора, но от гегемонии им пришлось отказаться. Эти войны привели не только к экономическому упадку, как об этом упоминалось выше, но и, как показывают данные цензов, к значительным людским потерям. Если в 498 г. до н. э. (или немного раньше) взрослых граждан насчитывалось более 150 тысяч, то в 493 г. до н. э., в год заключения *foedus Cassianum*, — 110 тысяч, а ещё через 20 лет — 103 тысячи человек, и только после этого численность стала медленно возрастать

(Заборовский 1985; Токмаков 1998, 96; Drummond 2008, 137). Рим на долгое время перестал быть ведущим государством Средней Италии и стал Карфагену неинтересен. Недаром римско-карфагенские отношения возобновились только более чем через полтора столетия, в середине IV в. до н. э. Таким образом, мы приходим к выводу, что первый римско-карфагенский договор был заключён в годы между изгнанием Тарквиниев и поражением от Порсенны. Следовательно, Полибиева датировка его первым годом Республики исторически достоверна и даже единственно возможна.

Теперь необходимо обратить внимание ещё на один аспект, связанный с этим договором. Полибий датирует договор не только 28 годами до вторжения Ксеркса в Элладу, но и консульством Луция Юния Брута и Марка Горация, при которых был освящён храм Юпитера Капитолийского (III. 22. 1). К этому времени в греческой историографии утвердилось датирование событий по олимпиадам. Дионисий Галикарнасский, излагая римскую историю, постоянно приводит даты по олимпиадам и по афинским архонтам. Полибий же использует именно римский способ датировки — по консулам. Это ясно говорит о том, что его информаторами были римляне. Но в связи с этим возникает проблема. По канонической версии римской историографии, как она приводится у Ливия (II. 1–7), Дионисия Галикарнасского (*AR*. IV. 1–19) и Плутарха (*Popl.* 1–19), первыми консулами были Брут и Коллатин. Вскоре Коллатин, впавший в подозрение из-за своей принадлежности к роду Тарквиниев, был не только лишён должности, но и изгнан из Рима. Его заменил П. Валерий Публикола. Скоро в бою пал Брут, и на его место консулом избрали М. Горация Пульвилла. Так что коллегой Брута Гораций быть не мог, и первый год Республики в официальном календаре не мог быть годом Юния и Горация независимо от историчности или легендарности самих этих персонажей. При нынешнем уровне наших знаний решить этот вопрос можно только гипотетически.

Одна гипотеза состоит в том, что Полибий мог использовать какой-то вариант традиции, который делал Горация коллегой Брута, фактически исключая не только Коллатина, но и Публиколу. Полибий, общаясь со Сципионом Эмилианом и его окружением, мог именно там получить сведения о ранней римской истории. И Корнелии, к которым принадлежал Эмилиан по усыновлению, и Эмилии, к которым он относился по рождению, получили доступ к высшим должностям позже, чем Валерии, и долгое время они явно уступали Валериям. Так, по традиции, первый консул из рода Валериев (Публикола) появился уже в первом году Республики, в то время как представитель Корнелиев (Серв. Корнелий Малугиненс) — только в 485 г. до н. э., а Эмилиев (Л. Эмилиий

Мамерк) — в 484 г. до н. э. В 509—441 гг. до н. э. Валерии были консулами 11 раз, Эмилии — 5, а Корнелии — 2. Однако в следующий период (444—367 гг. до н. э.) положение становится иным, и уже Корнелии опережают Валериев (Drummond 2008, 207—208). Соперничество Корнелиев и Эмилиев с Валериями в ранние времена вполне возможно. Это могло толкнуть сторонников Сципионов к созданию такого варианта традиции, в котором отрицалась роль Валериев, в том числе Валерия Публиколы. Однако, как представляется, образ П. Валерия Публиколы слишком прочно укоренился уже в римской исторической памяти, и едва ли можно было просто вычеркнуть эту фигуру, игравшую столь важную роль в первые годы Республики.

Более вероятной представляется гипотеза Г. Скалларда: договор был заключён консулом М. Горацием Пульвиллом и носил его имя. Британский учёный сравнивает его с договором с латинами, имевшим место в консульство Сп. Кассия Вецеллина и Постумия Авиния Аврунка, но назывался по имени того консула, который непосредственно этот договор заключал — *foedus Cassianum* (Scullard 2008, 521). К этому можно прибавить следующее рассуждение. В традиции можно найти намёки на напряжённость, которая существовала в отношениях между Горацием и Публиколой. Связаны они были с освящением храма Юпитера Капитолийского Горацием. Этот храм начал строить Тарквиний Древний, остановил строительство Сервий Туллий и возобновил его Тарквиний Гордый. Возможно, что само строительство завершилось ещё при царе, но освятили храм уже при Республике (Ziolkowski 2000, 57—58). Этот храм должен был стать не только главным святилищем Римского государства, но и зримым воплощением его мощи и претензии Рима на ведущее положение в Лации (Cornell 2008, 251), и его освящение стало очень важным актом. Недаром Полибий говорит о годе первых консулов как о времени не только упразднения царской власти, но и освящения храма Юпитера (Зевса) Капитолийского. Ливий (II. 8. 6—8) и Плутарх (*Popl.* 14) рассказывают, что освящение Горацием храма вызвало недовольство родственников и сторонников Публиколы, которые всячески пытались помешать совершению действия²¹. Сам Гораций мог считать заключение договора столь важным делом, что (может быть, в какой-то степени в пику своему коллеге) поместил его текст в храме, который освятил. Некоторой аналогией может служить сообщение Дионисия Галикарнасского (*AR.* IV. 48. 4) о том, что договор Тарквиния Гордого с Габиями был написан на шкуре жертвенного быка, обтягивавшей щит,

²¹ Оба автора приводят и другой вариант традиции: вопрос решался жребием, и жребий освящать храм выпал Горацию.

и выставлен в храме Юпитера Фидия (Санка). Судя по тексту Дионисия, его можно было видеть там ещё в эпоху Августа. Как подчёркивает Тацит, храм Юпитера Капитолийского не был разрушен ни Порсенной, ни галлами. Во времена Полибия договор, впрочем, уже находился не в самом храме, а рядом с ним в архиве эдилов (III. 26. 1). Полибий вполне мог познакомиться с договором, текст которого был написан на такой старинной латыни, что только чрезвычайно сведущие современники историка могли её понять (Polyb. III. 22. 3). С другой стороны, во времена Полибия уже никто не сомневался, что «отцом римской свободы» и первым консулом был Брут. Поэтому и возникло то ли у самого греческого писателя, то ли у его римских информаторов представление о Бруте и Горации как о первых консулах Римской республики, при которых и состоялось заключение этого договора. Возможны, конечно, и другие варианты объяснения.

Как бы то ни было, надо ещё раз подчеркнуть, что заключение первого римско-карфагенского договора состоялось вскоре после свержения царей и до поражения римлян в войне с Порсенной и антиримского выступления латинских городов. Это вполне соответствует первому году Римской республики.

Литература

- Боданская Н. Е., Чистяков Г. П.* Комментарии // Ливий Тит. История Рима от основания Города. Т. I. М., 1989. С. 505–575.
- Заборовский Я. Ю.* Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985.
- Ковалёв С. И.* История Рима. Л., 1986.
- Маяк И. Л.* «Римские древности» Дионисия Галикарнасского как исторический источник // Дионисий Галикарнасский. Римские древности. Т. 3. М., 2005. С. 243–269.
- Мишулин А. В.* Античная Испания до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н. э. М., 1952.
- Мосолкин А. В.* «Прекрасный мыс» и датировка первого римско-карфагенского договора // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире / отв. ред. О. Л. Габелко. Казань, 2009. С. 30–38.
- Немировский А. И.* Этруски. От мифа к истории. М., 1983.
- Токмаков В. Н.* Военная организация Рима Ранней республики. М., 1998.
- Циркин Ю. Б.* Основание Карфагена и Массалии. Некоторые аналогии // СН. Вып. IV. 2004. С. 44–61.
- Шифман И. Ш.* Возникновение Карфагенской державы. М.; Л., 1963.
- Acquaro E.* Cartagine: un impero sul Mediterraneo. Roma, 1987.
- Ampolo C.* La città riformata e l'organizzazione centuriata // Storia di Roma. Torino, Vol. I. 1999. P. 203–239.

- Bernardini P.* La battaglia del Mare sardo: una rilettura // *Rivista di Studi Fenici*. Vol. 29. 2001. No 2. P. 135–158.
- Bianchi-Bandinelli R., Giuliano A.* Etrusker und Italia. München, 1976.
- Briquel D.* La civilization étrusque. P., 1999.
- Capogrossi Colognesi L.* Storia di Roma tra diritto e potere. Bologna, 2009.
- Charles-Picard G. et C.* Vie et mort de Carthage. P., 1970.
- Christ K.* Römische Geschichte. Darmstadt, 1980.
- Clavel-Lévêque M.* Marseille grecque. Marseille, 1977.
- Coarelli F.* I santuarii, il fiume, gli empori // *Storia di Roma*. Torino, 1999.
- Cornell T. J.* Rome and Latium to 390 BC // *CAH*. Vol. VII. Cambr., 2008. Pt. 2. 2nd ed. P. 243–308.
- Drummond A.* Rome in the Fifth Century I; Rome in the Fifth Century II // *CAH*. Vol. VII. Cambr., 2008. Pt. 2. 2nd ed. P. 113–242.
- Ehlers W.* Porsenna // *RE*. 1953. Hbd. 43. Sp. 315–322.
- Entstehung von Staat und Stadt bei den Etruskern. Probleme und Möglichkeiten der Erforschung früherer Gemeinschaften in Etrurien im Vergleich zu anderen mittelmeerischen Kulturen. Gespräche einer Tagung in Sezzate, 11.–14. Juni 1998 / hrsg. von L. Aigner-Foresti, P. Siewert. Wien, 2006.
- Gallia A. B.* Reassessing the 'Cumaean Chronicle': Greek Chronology and Roman History in Dionysius of Halicarnassus // *JRS*. Vol. 97. 2007. P. 50–67.
- Gjerstad E.* Porsenna and Rome // *Opuscula Romana*. Vol. VII. 1969. P. 149–161.
- Gsell S.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. T. 3. P., 1928.
- Hoffmann W.* Karthagos Kampf um die Vorherrschaft im Mittelmeer // *ANRW*. Tl. I. 1972. Bd. 1. S. 341–363.
- Huß W.* Die Karthager. München, 1990.
- Le Glay M.* Grandeur et déclin de la République. P., 2005.
- Momigliano A.* Origin of Rome // *CAH*. Vol. VII. Cambr., 2008. Pt. 2. 2nd ed. P. 52–112.
- Moscatti S.* I Cartaginesi in Italia. Milano, 1977.
- Münzer F.* Egerius (2) // *RE*. 1905. Hbd. 10. Sp. 1982.
- Pena M. J.* La (supuesta) cláusula referente al Sudeste y al Levante peninsular en el primer tratado entre Roma y Cartago // *Ampurias*. Vol. 38–40. 1976–1978. P. 511–530.
- Petzold K.-E.* Die beiden römisch-karthaginische Verträge und das foedus Cassianum // *ANRW*. Tl. I. 1972. Bd. 1. B.; N. Y. S. 363–411.
- Radke G.* Velia (1) // *RE*. 1958. 2. R. Hbd. 16. Sp. 2399–2405.
- Rebuffat R.* Les Phéniciens à Rome. Rome, 1966.
- Richardson E. R.* Clusium // *The Princeton Encyclopedia of Classical Cities*. Princeton, 1976.
- Schachermeyr F.* Tarquinius (7) // *RE*. 1932. 2. R. Hbd. 8. Sp. 2380–2389.
- Scullard H. H.* Storia del mondo romano. Vol. I. Milano, 2002.
- Scullard H. H.* Rome and Carthage // *CAH*. Vol. VII. Cambr., 2008. Pt. 2. 2nd ed. P. 486–569.
- Treidler H.* Eine alte ionische Kolonisation in numidischen Africa // *Historia*. 1959. Bd. 8. Ht. 2. S. 257–283.

- Tronchetti C.* Contributo al problema delle rotte commerciale maritime // *Dialoghi d'archeologia*. An. VII. 1973. 1. P. 5–16.
- Wagner C. G.* Fenicios y púnicos en el norte de África y en el Madirerráneo occidental // *Blázquez J. M., Alvar J., Wagner C. G.* Fenicios y catagineses en el Mediterráneo. Madrid, 1999. P. 451–676.
- Walbank F. W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957.
- Weiss J.* Gabii // *RE*. 1910. Hbd. 13. Sp. 420–422.
- Wickert L.* Zu den Karthagerverträgen // *Klio*. 1938. Bd. 3. S. 349–364.
- Zevi F.* I santuari “federali” del Lazio: qualche appunto // *Eutopia*. Vol. IV. 1995. 2. P. 123–142.
- Ziolkowski A.* Storia di Roma. Milano, 2000.

Yulij B. Tsirkin

THE FIRST ROMAN-CARTHAGINIAN TREATY

This article discusses the historical context and chronology of the first Roman-Carthaginian treaty (Polyb. III. 22. 4–13). The author believes that the conclusion of this pact took place shortly after the overthrow of the kings and before the defeat of the Romans in the war against Porsenna and (before) the anti-Roman revolt of the Latin cities. This supposition is in full accordance with the first year of the Roman Republic, 509 B.C.

А. В. Мосолкин

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РИМА И ПОИСК «ТРОЯНСКОГО НАСЛЕДИЯ»

На первый взгляд, представленное название содержит в себе известное противоречие. Ведь что может быть более прагматичным, чем политические взаимоотношения государств, ищущих сиюминутной выгоды, и что может быть более романтичным, чем память о давно минувших событиях Троянской войны, которые отстоят от *bella Punica*, согласно Эратосфену, примерно на девять веков. Какая, казалось бы, нелепость для греческих писателей прибегать к фантазиям, чтобы связать известные им топонимы с именами героев и городов троянских времён. Чтобы показать абсурдность ситуации, можно представить, как министры иностранных дел нынешних славянских государств идут к столу переговоров, вспоминая былины про Илью Муромца, слышанные от бабушек.

И тем не менее в III в. до н. э. происходит странное: все — писатели, поэты, политики — бросились отыскивать хоть какие-то ниточки, что связали бы их с троянским прошлым, уже к тому времени покрытым благородной патиной. Не случайно уже в конце этого столетия римские историки создают первые труды, а дипломаты их внимательно читают¹. Мифическое с нынешней точки зрения прошлое оказывается важной частью той самой Полибиевой прагматики. Парадокс!

Вопрос о рождении национальной историографии естественным образом связан с более общей темой рождения исторической науки как таковой. Вопрос, является ли историей в нашем понимании этого слова то, что выходило из-под пера первых римских историков, не является темой данной статьи. Мы лишь вправе с уверенностью заявить, что их сочинения являлись попыткой осмыслить своё прошлое. Хотя, по-видимому,

¹ О связи между римскими историками и политикой см., напр.: Alföldi 1965, 123 sqq.; Momigliano 1990, 97; Frier 1999, 239.

первые римские историки были знакомы с трудами и методами, скажем, Геродота и Фукидида, однако им нужно было начать всё сначала и пройти собственный путь, полный, как нам сейчас представляется, ошибок, несмотря на доступный им опыт греческой историографии.

Неизбежно возникает вопрос: что именно заставляет человека думать о своём прошлом? Является ли это новое желание неким специфическим этапом общего развития литературных жанров? Или римляне могли видеть в этом процессе желание состязаться со своими греческими наставниками? Или, наконец, желание зафиксировать своё прошлое связано с теми значительными изменениями, которые происходили в мире? Иными словами, неужели великие исторические труды, согласно Э. Шварцу, могут появиться только во времена великих потрясений (Schwartz 1959, 319 ff.)?

Предлагая заголовок статьи, автор призывает ещё раз обратить внимание на тот очевидный факт, что интерес к своему легендарному прошлому у римлян возник во время войны, которая вывела Рим на широкую международную арену. Случайное ли это совпадение? Стало ли рождение римского историописания результатом столкновения с той смертельной опасностью, которая заставила римлян почувствовать свою самобытность, обрести то, что сейчас принято называть «национальной идентичностью»? Или же римские историки сочиняли труды, чтобы убедить греков в том, что их, римская, история является ветвью огромного эллинского древа?

Мы можем давать различные ответы на вопрос, что лежит в основе родившегося интереса римлян к своему далёкому прошлому. Очевидно, что такой интерес был всегда. Но выражался он, по-видимому, в каких-то смутных сказаниях, в преданиях о подвигах предков. Что же заставило римлян перейти от устных рассказов, которые были известны внутри одного рода, к записям, рассчитанным на гораздо более широкую аудиторию? Кроме того, устные рассказы на родном языке перешли к записям на языке чужом, т. е. греческом. Само ли быстро меняющееся время способствовало своего рода ностальгии по ушедшим никогда не виденным временам?

Если мы предположим, что рассказ римских историков о далёком прошлом является специфическим ответом на запрос дня, то важно понять, как именно предания об основании Рима могли помочь Римскому государству, истекавшему кровью в войне против Ганнибала.

Трудно сказать точно, когда именно легенда об Энее стала использоваться римлянами в политических целях. Вопрос этот сложен не только тем, что состояние сохранившихся источников оставляет желать лучшего, но ещё и тем, что трудно уловить зыбкую грань между помыс-

лами греческого ремесленника, изготавливавшего сосуд с изображением Энея, и мотивами политика, ту же самую легенду использовавшего. Оба они, вероятно, действовали с намерением расширять греческое влияние. До нашего времени сохранилось значительное количество изображений тroyанского героя, самые ранние из которых можно датировать примерно VI в. до н. э. Изображения Энея на сосудах или статуэтки выполнялись как местными мастерами, жившими в Италии, так и греческими. Вопрос о том, находился ли в Риме греческий квартал, остаётся открытым, и неясно, для чего греческие ремесленники изображали именно Энея: было ли это их собственным желанием или же местным, т. е. римским заказом. Но остановимся на том, когда впервые этот сюжет стал использоваться в политических целях — либо римлянами во внешней политике, либо другими полисами или государствами, имевшими дело с Римом.

Ещё в 1942 г. Ж. Перрэ высказал предположение, что впервые тroyанскую историю в отношениях с Римом стал использовать эфирский царь Пирр (Perret 1942, 412 *suiv.*)². Именно он, считая себя истинным потомком Ахилла, решил прибегнуть к тroyанскому сюжету в качестве повода для войны против Рима. Мы располагаем двумя источниками, которые позволяют сделать такое утверждение. Первый — «Описание Эллады» Павсания, где он рассказывает, как в 280 г. до н. э. к Пирру прибыли послы из Тарента, города, основанного спартанскими колонистами (I. 12. 1). Тарент, ведя войну с Римом, искал союзника в лице эфирского царя, соблазняя его богатствами Италии. В это-то время, как сообщает Павсаний, Пирр и вспомнил о разрушении Трои, полагая, что и ему, потомку Ахиллеса, в этой войне улыбнётся удача (ταῦτα λεγόντων τῶν πρέσβεων μνήμη τὸν Πύρρον τῆς ἀλώσεως ἐσῆλθε τῆς Ἰλίου, καὶ οἱ κατὰ ταῦτὰ ἤλιξε χωρήσειν πολεμοῦντι στρατεύειν γὰρ ἐπὶ Τρώων ἀλοίκους Ἀχιλλέως ὄν ἀλόγονος)³. Впрочем, вряд ли стоит утверждать, что именно царь был проводником этой легенды в римской среде. Ж. Перрэ пишет, что «Пирр внезапно вспомнил, словно это было некое древнее

² Из отечественных исследователей на связь между участием Ахилла в Троянской войне и походом Пирра против Рима указывал ещё Ф. Ф. Соколов (Соколов 1910, 247). Но указание это носит слишком общий характер.

³ В русском переводе С. П. Кондратьева допущена досадная ошибка. Мы читаем следующее: «При этих словах Пирру пришло на ум взять Илион, и он надеялся на подобный благоприятный исход, если он пойдёт туда воевать» (Павсаний 2002, 41). Конечно, никакого намерения брать Трои у Пирра не было, и у Павсания ничего об этом не говорится. Ещё более странно, что этот лишённый всякого смысла перевод использовал С. С. Казаров в своей недавней монографии о Пирре (см.: Казаров 2009, 454).

предание о троянском происхождении римлян, утвердившееся и ставшее уже общепринятым» (Perret 1942, 416). А. Альфельди, принимая рассказ Павсания, добавляет, что Пирр, вероятно, воспользовался тем рассказом, который уже был распространён у римлян (Alföldi 1957, 28). Второй источник — это серебряный статер Пирра, где на одной стороне изображен Ахиллес, а на другой — Фетида (см. ил. 1, см. также: ВМС 1883, 111. No. 7–8). Дополняя друг друга, данные этих двух источников позволяют предполагать, что Пирр знал о хождении троянской легенды в Риме и решил воспользоваться ею в своих внешнеполитических интересах. К. Джонс внёс существенную поправку, категорически заявив, что Пирру и не требовалось вспоминать легенду — более того, сама монета, выпущенная царём, спровоцировала соответствующее заявление тарентинских послов (Jones 1999, 46). Как бы то ни было, вырисовывалась следующая правдоподобная картина: новый Ахилл идёт войной против потомков троянцев. Это мнение после Ж. Перрэ в современной науке стало общепринятым (см., например: Bömer 1951, 44; Alföldi 1957, 28 sq.; Galinsky 1969, 96, 170–173; Mitchell 1976, 84; Franke 1989, 465; Jones 1999, 46).

Однако несколько лет назад Э. Эрскин предложил новую гипотезу, ставя под сомнение устоявшуюся точку зрения. Во-первых, как считает исследователь, неясно, на какой источник опирался Павсаний, когда описывал, о чём вспоминал Пирр (μνήμη τὸν Πύρρον τῆς ἀλώσεως ἐστῆλθε τῆς Ἰλίου). Жизнь царя и писателя разделяли более чем 350 лет — срок весьма внушительный. Источниками Павсания могли быть как сочинение Гиеронима из Кардии, так и памятные записки самого Пирра, существование которых, впрочем, подвергается сомнению (FGrHist. 229). Нельзя исключить и того, что «воспоминания» Пирра были фантазией самого автора «Описания Эллады». Однако стоит учитывать, что Плутарх, который был знаком с этими сочинениями (*Pyrrh.* 17. 7; 21. 12; 27. 8), никаких подобных мыслей Пирра не передаёт, хотя и весьма подробно повествует о визите тарентинских послов (13. 3–13)⁴. Во-вторых, Ахиллес на монете определяется только по сюжету на оборотной стороне, где изображена nereida со щитом, которая интерпретируется как Фетида. Известно, что Пирр подражал Александру, а изображение героя на монете сходно с изображениями македонского царя на его собственных монетах⁵. Отсюда Э. Эрскин делает вывод, что если это и не портрет самого Александра, то сходство между Александром и Ахиллом здесь

⁴ Воспоминания Пирра называет и Дионисий Галикарнасский (*AR.* XX. 10: αὐτὸς ὁ Πύρρος ἐν τοῖς ἰδίοις ὑπομνήμασι γράφει).

⁵ Царь Пирр не имел права чеканить собственное изображение на монетах (Franke 1989, 465).

*Ил. 1. Серебряный статер. Эпир 295–272 гг. до н. э.
(Воспр. по: Myth and Coinage. Representations, Symbolisms and Interpretations from the Greek Mythology. Athens, 2011. P. 183)*

не случайно. Наконец, в-третьих, учёный замечает, что Пирр представлял собой неподходящую фигуру для вождя нового антитроянского похода, поскольку сам постулировал своё троянское происхождение. Ведь дети его носили имена «Гелен» и «Александр» — в честь троянских героев (Erskine 2001, 157–161).

Положения, высказанные Э. Эрскином, в целом представляются очень резонными. Но всё же складывается впечатление, что действия Пирра в данном случае были слишком уж рассудочными — по крайней мере, в современном понимании этого слова. Как кажется, греки и римляне в III в. до н. э. не воспринимали соперников в Троянской войне как неких национальных врагов, как «других». В то же время нужно сказать, что сомнения Э. Эрскина по поводу изображения на монете вряд ли уместны. На ней изображён именно Ахилл, а не Александр, что обусловлено правилами эллинистического монетного искусства — обе стороны должны быть связаны сюжетно.

По всей видимости, Пирр думал о том, чтобы его участие в войне не выглядело как личная прихоть. Стоит привести любопытный фрагмент из сочинения Диона Кассия, который рассказывает, что эпирский царь был «высокого мнения о своих силах, так как чужеземцы считали, что он по силам равен римлянам. И Пирр подумал, что это как раз тот случай (приезд тарентинских послов. — *А. М.*), чтобы помочь тем, кто бежал к нему, в особенности потому, что они были эллинами. И будет это для римлян благовидным предлогом прежде, чем он жестоко от них пострадает» (πρίν τι δεινὸν ὑλ' αὐτῶν λαθεῖν) (IX. 40. 4). Последняя фраза кажется достаточно неожиданной, но Дион дальше поясняет, что

Пирр беспокоился о своей репутации и, «положив глаз» на Италию, не хотел нападать на римлян, не имея на то достаточных оснований: он пытался спровоцировать конфликт, чтобы получить моральное право на ответные действия.

Следует заметить, что, согласно Дионисию, Эней, плывя из Трои, посетил Эпир, который оказался последней длительной стоянкой перед Сицилией. Целью его высадки в Эпире, вероятно, была Додона. Получив оракул с указанием места, где он сможет заложить колонию, герой отправляется дальше (Dionys. Hal. AR. I. 51. 1–2). Но вот что любопытно: Дионисий пишет, что троянцы оставили в Додоне медные сосуды, некоторые из которых сохранились до времен Дионисия; на сосудах были надписи, сделанные на древнем языке (AR. I. 51. 1–2). Если это так, то упомянутые сосуды должен был видеть Пирр и читать надписи на них. Повлияла ли сия история на его отношение к Троянской войне, трудно сказать. Но это ещё одна ниточка, которая связывает его с троянским прошлым.

Как бы то ни было, римляне, по-видимому, никак не отреагировали на монетную пропаганду Пирра с её отсылками к легендарному прошлому. Первые римские монеты с изображением сюжетов, связанных с основанием Рима, появились позднее — уже во времена Первой Пунической войны.

Историю об использовании легенды об Энее в дипломатических делах можно дополнить случаем, который в самом начале Первой Пунической войны имел место в городе Сегеста⁶, расположенном на северо-западе Сицилии. Этот район заселяли элимы. Мы располагаем единственным сообщением об этой истории, каковое содержится в труде Иоанна Зонары, византийского компилятора XII в. Он пишет, что жители Сегесты, устроив резню карфагенского гарнизона и испугавшись последствий, обратились к римлянам за помощью, говоря, что сами они также произошли от Энея (Zonar. VIII. 9: ἀπὸ τοῦ Αἰνείου λέγοντες γεγονέναι). На это событие довольно туманно намекает Диодор, говоря, что сегестяне находились сначала под властью карфагенян, а затем перешли на сторону римлян (XXIII. 5), не поясняя ни того, по какой причине они так поступили, ни как это случилось. Мы не знаем, как отреагировали римляне на подобное заявление об «общем» родстве и догадывались ли они вообще о такой связи, но в любом случае римлянам было выгодно отпадение Сегесты от Карфагена, на какое бы общее родство им ни указывали.

Уже после Первой Пунической войны сегестяне добились права чеканить собственную бронзовую монету. И на одной из таких монет,

⁶ Вероятно, это событие произошло в 263 г. до н. э. (см.: Galinsky 1969, 173; Derose Evans 1992, 36, n. 7).

которая была пушена в обращение, вероятно, после 241 г. до н. э., изображён Эней, несущий на плечах отца Анхиса. Хотя датировка более поздняя, но монета, бесспорно, демонстрирует интерес жителей города к троянскому прошлому⁷.

Эта история находит косвенное подтверждение у Цицерона. В 70 г. до н. э. в речи против Верреса он говорит следующее: «Сегеста — это древний город на Сицилии, о судьи, который, как говорят, был основан Энеем, когда он бежал из Трои и достиг этих мест. Таким образом, сегестяне полагают, что они связаны с римлянами не только вечным союзом и дружбой, но и родством с римским народом. Когда-то этот город был захвачен и разрушен карфагенянами, когда их община от своего имени и по своему желанию вела войну с пунийцами» (*Segesta est oppidum pervetus in Sicilia, iudices, quod ab Aenea fugiente a Troia atque in haec loca veniente conditum esse demonstrant. Itaque Segestani non solum perpetua societate atque amicitia, verum etiam cognatione se cum populo Romano coniunctos esse arbitrantur. Hoc quondam oppidum, cum illa civitas cum Poenis suo nomine ac sua sponte bellaret, a Carthaginiensibus vi captum atque deletum est*) (Cic. *Verr.* II. 4. 72. Пер. А. В. Мосолкина). Сложно сказать, знали ли слушатели Цицерона об этом «родстве». Э. Эрскин уверен, что аудитория не имела никакого представления об этом, чем и обусловлен столь подробный пассаж в речи. Сам же оратор мог узнать такие подробности во время визита в Сегесту в бытность свою квестором в 75 г. до н. э. (Cic. *Verr.* II. 4. 74; см.: Erskine 2001, 180, n. 77). Это предположение не лишено правдоподобности, исходя из здравого рассуждения, что римляне в I в. до н. э., даже наделённые полномочиями, вряд ли могли помнить обо всех городах, которые взывали к общему с Римом легендарному прошлому. Тем самым мы снимаем противоречие, которое может возникнуть при сравнении текстов Зонары и Цицерона: ни в первом, ни во втором случае римляне не догадывались о «родстве» с сегестянами. Поиск общего происхождения был инициативой сицилийцев, а принятие этого происхождения исходило из особенностей текущего момента.

Допустим, что римляне не подозревали о своём троянском «родстве» с жителями Сегесты ни в 263, ни в 70 г. до н. э. Мы знаем, что у сегестян накануне Первой Пунической войны были какие-то представления об их связи с Троей. Но есть ли какие-нибудь иные литературные или археологические данные, которые могли бы подтвердить или опровергнуть то, что этот сицилийский город или сам народ элимов хранил память о Трое или о какой-то восточной миграции?

⁷ В BMC монету относят даже к I в. до н. э. (BMC 1876, 137. No 9–61). После 241 г. до н. э.: Head 1911, 166–167; Alföldi 1957, 29; Galinsky 1969, 173.

Такие сведения у нас есть. Начнём с литературных данных. Дионисий Галикарнасский сохранил сообщение Гелланика с Лесбоса, жившего в VI в. до н. э.: «Вот каким образом, как говорит Гелланик с Лесбоса, за три поколения до Троянской войны и на двадцать шестой год жречества Алкионы в Аргосе племя сикелов покинуло Италию. Он пишет, что италики переправились на Сицилию в результате двух вторжений; первое было вторжением элимов, которых, как утверждает Гелланик, изгнали энотры, спустя же пять лет второе — авсонов, которые бежали от япигов» (τὸ μὲν δὴ Σικελικὸν γένος οὕτως ἐξέλιπεν Ἰταλίαν, ὡς μὲν Ἑλλάνικος ὁ Λέσβιος φησι, τρίτῃ γενεᾷ πρότερον τῶν Τρωικῶν Ἀλυόνης ἱερωμένης ἐν Ἄργει κατὰ τὸ ἔκτον καὶ εἰκοστὸν ἔτος, δύο δὲ ποιεῖ στόλους Ἰταλικούς διαβάνας εἰς Σικελίαν· τὸν μὲν πρότερον Ἑλύμων, οὓς φησὶν ὑπ' Οἰνώτρων ἐξαναστῆναι, τὸν δὲ μετὰ τοῦτον ἔτει πέμπτῳ γενόμενον Αὐσόνων Ἰάλυγας φευγόντων) (AR. I. 22. 3. Пер. А. В. Мосолкина). Взяв временные ориентиры, приведённые Геллаником, т. е. за сто лет до Троянской войны, мы можем сказать, что события, в результате которых элимы и авсоны бежали из Италии, должны были произойти примерно в 1280 г. до н. э.

Второй источник, который задолго до Пунической войны говорит о происхождении элимов, — это «История» Фукидида: «После взятия Илиона троянцы, которым удалось спастись от ахейцев, прибыли на кораблях к Сицилии. Там они поселились по соседству с сиканами, и затем все вместе стали называться элимами. Их города — Эрикс и Эгеста. Вместе с ними поселилось и небольшое число фокейцев, которых сначала отнесло бурей от Трои в Ливию, а затем к берегам Сицилии» (Ἰλίου δὲ ἀλίσχομένου τῶν Τρώων τινὲς διαφυγόντες Ἀχαιοὺς πλοίοις ἀφικνοῦνται πρὸς τὴν Σικελίαν, καὶ ὄμοροι τοῖς Σικανοῖς οἰκήσαντες ξύμπαντες μὲν Ἑλυμοὶ ἐκλήθησαν, πόλεις δ' αὐτῶν Ἔρυξ τε καὶ Ἐγεστα. προσξυνώκησαν δὲ αὐτοῖς καὶ Φωκέων τινὲς τῶν ἀπὸ Τροίας τότε χειμῶν ἐς Λιβύην πρῶτον, ἔπειτα ἐς Σικελίαν ἀπ' αὐτῆς κατενεχθέντες) (VI. 2. 3. Пер. Г. А. Стратановского с изменениями). Таким образом, Фукидид утверждает, что племя элимов появилось после Троянской войны в результате слияния троянцев, сиканов и фокейцев — жителей города Фокея, расположенного на юге Эолии⁸.

⁸ Вероятно, Фукидид подразумевал не фокейцев (Φωκέων). Представляется более разумным предположение, что историк писал о фригийцах (Φρυγῶν). Но о причинах такой подмены нужно говорить специально. Здесь лишь стоит отметить, что элимы были, по мнению Фукидида, смесью местного племени и пришлого. См.: Rigsby 1987, 332–335. О литературной традиции см.: Суриков 2000, 97–98. Но странно, что из первых свидетельств называется только Фукидид, а про Дионисия говорится, что он следовал римской традиции (Цицерон, Фест, Овидий), хотя у историка были явно греческие источники. См. также: Sammartano 2006, 10.

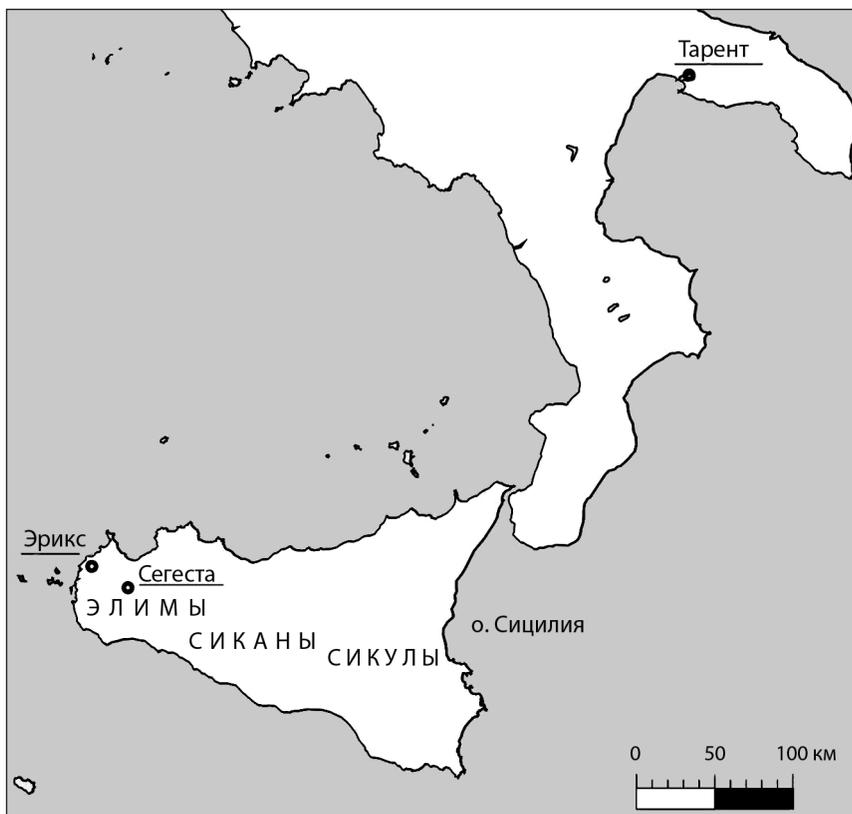
Третьим источником является загадочная поэма «Александра», написанная до Первой Пунической войны александрийским поэтом Ликофроном (ст. 951–977), где мы читаем, что «шенок, указывая путь внебрачному отпрыску Анхиса, приведёт его к самым дальним рубежам острова с тремя шеями, приплывшему на корабле из дарданских мест» (ὄς δὴ ποδηγῶν πτόρθον Ἄγχισου νόθον / ἄξει τρίδειρον νῆσον εἰς ληκτηρίαν, / τῶν Δαρδανείων ἐκ τόπων ναυσθλούμενον) (ст. 965–966. Пер. А. В. Мосолкина). Под шенком здесь следует понимать, по-видимому, Эгеста, основателя Сегесты, а под внебрачным отпрыском — Элима, сына Анхиса. Ликофрон пишет, что шенок Эгест станет основателем трёх городов (ст. 963–964), т. е., очевидно, городов Сегесты, Эрикса и Энтеллы. Таким образом, Эгест приведёт Элима к берегам Северо-Западной Сицилии после Троянской войны (см.: Fusillo, Hurst, Paduano 1991, 269; Gigante Lanzara 2000, 363; Lambin 2005, 149, n. 408) (ил. 2). По всей видимости, источником Ликофрона в данном случае является Тимей. На это наводит фраза из биографии Никия, написанной Плутархом (*Nic.* 1. 3), где со ссылкой на Тимея писатель говорит, что Геракл гневался на афинян за их помощь гражданам Эгесты, отпрыскам троянцев (ὀργίζεσθαι δὲ τοῖς Ἀθηναίοις, ὅτι τοὺς Αἰγεστέας, ἀλογόνοους ὄντας Τρώων, ἔσφζον). Так как труд Тимея часто являлся источником Ликофрона, то и здесь учёный поэт воспользовался сочинением сицилийца.

Исходя из всего этого, мы можем сказать, что существовало две традиции, связанных с элимами. Согласно одной, элимы пришли из Италии задолго до Троянской войны (Гелланик), согласно другой — приплыли из-под Трои после войны (Фукидид, Тимей, Ликофрон). Но все авторы соглашаются, что элимы — пришлый народ. Р. ван Компернолле высказал резонное предположение, что Гелланик был менее точен, чем Фукидид, поскольку в его время (VI в. до н. э.) на Сицилии государство элимов достигло пика своего могущества и охватывало почти всю территорию острова. По этой-то причине Гелланик и не называет сиканов, упомянутых Фукидидом, — ведь они в то время были неотделимы от элимов (Compernelle 1950, 216).

Что же касается археологии, то её данные, судя по всему, подтверждают версию Фукидида, а не Гелланика. Археологические находки не выявляют на Сицилии следов апеннинской культуры, которая относилась бы к XIII в. до н. э.⁹

Подведём итоги. Странное замечание Павсания не позволяет настаивать, что эфирский царь Пирр первым использовал троянский сюжет

⁹ Galinsky 1969, 78 sqq. К тем же выводам на лингвистическом материале приходит М. Лежён: Lejeune 1969, 237–242. См. также: Serrati 2000, 9–10.

Ил. 2. Южная Италия и Сицилия в контексте «Троянского мифа»

в дипломатической игре накануне Пунических войн. Поэтому мы можем утверждать, что впервые «тroyанское родство» начинает использоваться как инструмент во внешней политике с 263 г. до н. э. Инициатива в его актуализации исходила не от римлян, но от жителей Сицилии — представителей племени элимов, проживавших в Сегесте. Римляне только воспользовались случаем. Древний миф с этого времени стал «козырем» малых и слабых городов, которые в лице Рима нашли себе мощного покровителя. Как по мановению волшебной палочки, полисы, не надеясь на победу в борьбе против близкого и сильного соседа, обретали себе сильного союзника. И не просто союзника, но некоего — мифического или нет — «родственника». И даже забытая горечь поражения от ахейцев сменилась чувством гордости и надеждой на благие перспективы под крылом «большого брата».

Две большие войны двух народов, греков и римлян, с могущественным внешним врагом — персами и карфагенянами — показали в том и другом случае особое отношение к Троянской войне. Во время греко-персидских войн греки — на театральных подмостках, в исторических сочинениях или в изобразительном искусстве — радикально изменили своё отношение к троянцам, которые стали для них варварским народом. Война из-за Елены стала рассматриваться как война эллинов с не-эллинами. Отчасти перемену отношения можно объяснить тем, что, с одной стороны, Троя была географически отделена от европейской части Греции и находилась ближе к Персии, а с другой — использование мифа позволило грекам консолидироваться в сложной ситуации первой половины V в. до н. э. Война же между Римом и Карфагеном всё перевернула: вчерашний варвар в лице городов, имеющих хоть какое-то отношение к Илиону, обрёл благородные черты, став источником зависти для «менее троянских» поселений. Одна из причин такой причудливой метаморфозы заключается, вероятно, в том, что Карфаген никак не вписывался в круг троянских мифов, да и не претендовал на это. Поэтому антагонизм «троянцы-греки» потерял своё эмоциональное напряжение. Тем самым все это позволило вписаться в ставшее нужным троянское прошлое тем полисам, которые искали римского покровительства в борьбе против пунийцев.

Литература

- Казаров С. С.* История царя Пирра Эпирского. СПб., 2009.
- Соколов Ф. Ф.* Третье столетие до р. Хр. // Труды Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910. С. 243–259.
- Суриков И. Е.* Два очерка о внешней политике классических Афин // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. I / отв. ред. О. Л. Габелко. Казань, 2000. С. 95–112.
- Alföldi A.* Die trojanischen Urahnennamen der Römer. Basel, 1957.
- Alföldi A.* Early Rome and the Latins. Ann Arbor, 1965.
- BMC.* Vol. II. Sicily / ed. by R. S. Poole. London, 1876.
- BMC.* Vol. VII. Thessaly to Aetolia / ed. by P. G. Gardner, R. S. Poole. London, 1883.
- Bömer F.* Rom und Troia. Baden-Baden, 1951.
- Compernelle R. van.* Ségeste et l'Hellénisme // Phoibos. 1950. P. 183–228.
- Deroose Evans J.* The Art of Persuasion: Political Propaganda from Aeneas to Brutus. The University of Michigan Press, 1992.
- Erskine A.* Troy between Greece and Rome. Oxford, 2001.
- Franke P. R.* Pyrrhus // *CAH.* Vol. VII. 1989. Pt. 2. 2nd ed. P. 456–485.
- Frier B. W.* Libri Annales Pontificum Maximorum. The Origins of the Annalistic Tradition. Ann Arbor, 1999.

- Fusillo M., Hurst A., Paduano G.* Licofrone. Alessandra. Milano, 1991.
- Galinsky K.* Aeneas, Sicily and Rome. Princeton, 1969.
- Head B. V.* Historia numorum. Oxford, 1911.
- Jones Ch.* Kinship Diplomacy in the Ancient World. Cambr., 1999.
- L'Alexandra de Lycophon. Etude et traduction de G. Lambin. Rennes, 2005.
- Lejeune M.* La langue élyme d'après les graffites de Ségeste (Ve siècle) // CRAI. 1969. P. 237–242.
- Licofrone. Alessandra. Introduzione, traduzione e nota di V. Gigante Lanzara. Milano, 2000.
- Mitchell R. E.* Roman Coins as Historical Evidence: The Trojan Legends of Rome // ICS. Vol. I. 1976. P. 66–85.
- Momigliano A.* The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley; Los Angeles; London, 1990.
- Perret J.* Les origines de la légende troyenne de Rome (281–31). P., 1942.
- Rigsby K. J.* Phocians in Sicily: Thycydides 6. 2 // CQ. Vol. 37. 1987. P. 332–335.
- Sammartano R.* La leggenda troiana in Diodoro // Diodoro Siculo e la Sicilia indigena: atti del convegno di studi su Diodoro Siculo e la Sicilia indigena: Caltanissetta 21–22 maggio 2005 / A cura di C. Miccichè, S. Modeo, L. Santagat. Catalnissetta, 2006. P. 10–25.
- Schwartz E.* Griechische Geschichtschreiber. Leipzig, 1959.
- Serrati J.* Sicily from Pre-Greek Times to the Fourth Century // Sicily from Aeneas to Augustus / ed. by Ch. Smith, J. Serrati. Edinburgh, 2000. P. 9–14.

Alexey V. Mosolkin

ROMAN FOREIGN POLICY AND SEARCHING OF “TROJAN LEGACY”

Since III B.C. the Roman politics vigorously started to use the myth of Trojan origin of Roman people. Many of modern scholars founding on the report of Pausanius (I. 12. 1) and the image of silver stater of Pyrrhus do guess that the person who is responsible for the usage of the legend was Pyrrhus, king of Epirus, in 280 B.C. He take that story as a pretext to attack on Tarent. On the whole the author agrees with A. Erskine's opinion on this topic, but improves some points of his statements and affirms that Romans did not react to the propaganda of the king if it ever existed at all. Obviously the “Trojan kinship” was started to use by politics since 263 B.C. and it was initiative of Elyms which lived in Segesta. And the Romans politics just took this convenient occasion.

А. Л. Зелинский

**О ХАРАКТЕРЕ И ПРИЧИНАХ
ЕГИПЕТСКОГО НЕЙТРАЛИТЕТА
ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ¹**

О позиции, занятой Птолемеевским Египтом во время Первой Пунической войны (264–241 гг. до н. э.) (см., напр.: Scullard 1989, 537–569; Ager 1996, 109–110; Hölbl 2001, 54; Huß 2001, 297; Gargola 2006, 147–149), мы можем судить на основании исторического анекдота, переданного Аппианом Александрийским: «Когда и римляне и карфагеняне стали нуждаться в деньгах, то первые, истощённые военными расходами, не стали больше снаряжать флотов, но, набирая пешее войско, каждый год посылали его в Ливию и на Сицилию, карфагеняне же отправили посольство к Птолемею, сыну Птолемея, сына Лага, царю Египта, желая занять у него две тысячи талантов. У Птолемея же была дружба и с римлянами, и с карфагенянами, поэтому он попытался примирить их друг с другом. Потерпев неудачу, он сказал, что друзьям следует помогать против врагов, но не против друзей» (ὅτι ἀποροῦντες Ῥωμαῖοι τε καὶ Καρχηδόνιοι χρημάτων, οἱ μὲν οὐκ ἔτι ἐναυπήγουν, τετραμένοι διὰ τὰς εἰσφοράς, ἀλλὰ πεζὴν στρατιὰν καταλέγοντες ἐξέλεμνον ἐς Λιβύην καὶ ἐς Σικελίαν ἀνὰ ἔτος ἕκαστον, Καρχηδόνιοι δ' ἐς Πτολεμαῖον ἐπρεσβεύοντο, τὸν Πτολεμαίου τοῦ Λάγου, βασιλέα Αἰγύπτου, δισχίλια τάλαντα κηρώμενοι. τῷ δ' ἦν ἕς τε Ῥωμαίους καὶ Καρχηδονίους φίλια, καὶ συναλλάξαι σφᾶς ἐπεχείρησεν ἀλλήλοισ. οὐ δυναθεῖς δ' ἔφη χρῆναι φίλοις κατ' ἐχθρῶν

¹ В основе этой публикации лежит содержание двух докладов, сделанных автором в разное время. Первый из них — «Характер і причини єгипетського нейтралітету підчас I Пунічної війни» — был прочитан в 2006 г. на X международной научной конференции «Востоковедческие чтения А. Крымского» (Зелінський 2006, 46–47); второй — «Хронологічна локалізація розширення західних кордонів птолемейської Киренаїки» — в 2011 г. на II международной научной конференции «Актуальные вопросы истории древнего мира» (Зелінський 2012, 25–27).

συμμαχεῖν, οὐ κατὰ φίλων) (App. Sic. 1. Пер. С. П. Кондратьева). Исходя из содержания этого рассказа, подтверждаемого косвенными свидетельствами других источников, исследователи пришли к выводу, согласно которому на протяжении Первой Пунической войны Египет твёрдо придерживался нейтралитета².

В современной историографии существует несколько точек зрения на причины, побудившие царя Египта занять нейтральную позицию в этом конфликте. Подавляющее большинство учёных считает, что птолемеявская политика невмешательства в римско-карфагенский конфликт носила чисто коммерческий характер. По их мнению, Египет попросту стремился сохранить выгодные ему торговые отношения с обеими воюющими сторонами (см.: Rostovtzeff 1941, 395–397; Droysen 1955, 198–199; Roussel 1970, 64, n. 3; Fraser 1972, 152–155; Will 1979, 194–198). С точки зрения В. И. Кашеева, рассказ Аппиана о реакции Птолемея II Филадельфа (а именно к нему карфагеняне обратились за финансовой помощью) на просьбу карфагенян свидетельствует прежде всего о стремлении египетского правителя выступить в роли верховного арбитра в Первой Пунической войне³. В. Хусс пришёл к выводу, согласно которому нейтралитет Филадельфа был обусловлен желанием царя не допустить ре-

² См., напр.: Holleaux 1921, 64; Bevan 1927, 71; Droysen 1955, 198–199, 210; Will 1979, 194; Scullard 1989, 563; Ager 1996, 109–110; Hölbl 2001, 54; Huß 2001, 297; Adams 2008, 98, 100; Mori 2008a, 155. Имеются свидетельства дружеских отношений, которые Птолемей II поддерживал как с Римом, так и с Карфагеном. В первом случае это рассказы римских авторов об обмене посольствами, имевшим место между Римом и Александрией в 273–272-х гг. до н. э. (Liv. Per. 14; Val. Max. IV. 3. 19; Dionys. Hal. AR. XX. 14. 1–2; Dio Cass. Fr. 41; Eutr. II. 15; Iust. XVIII. 2. 9; ср.: Holleaux 1921, 61; Roussel 1970, 63; Will 1979, 195; Hölbl 2001, 54; Huß 2001, 294), подобие некоторых римских и египетских монетных чеканок середины III в. до н. э. (Rostovtzeff 1941, 396–397; Roussel 1970, 64, n. 6; Fraser 1972, 154–155; Will 1979, 195–198; Huß 2001, 295–296), а также произведение александрийского придворного поэта Каллимаха, посвящённое мужеству некоего римлянина Гая (Stroux 1934, 304–310; Fraser 1972, 767–768; Huß 2001, 297), и наличие некоего носителя латинского имени Диннус (или Динниус) на египетской военной службе в 252/251 г. до н. э. (Bevan 1927, 71; Hölbl 2001, 73, n. 106; Жигунин 1997, 25). О втором свидетельствует экспедиция за контролировавшиеся карфагенянами Геракловы столпы, которую совершил Тимосфен Родосский, находившийся на службе Птолемея II (ср.: Strabo. III. 1. 7; IX. 3. 10; Rostovtzeff 1941, 395; Fraser 1972, 152, 522; Hölbl 2001, 54, 73, n. 104; Huß 2001, 294, Anm. 322; Grainger 2010, 94), а также, вероятно, влияние птолемеявского Египта на культуру и религию пунийцев (Rostovtzeff 1941, 395–396; Fraser 1972, 152–153; Huß 2001, 243, Anm. 46; Зелінський 2010, 457–458, примеч. 67), равно как и наличие египетских монет на их территории (Rostovtzeff 1941, 395–396; Fraser 1972, 152–153).

³ Кашеев 1993, 260; Кашеев 1997, 429. На миротворческих интенциях Птолемея Филадельфа в данном эпизоде в свое время делал акцент и В. Д. Жигунин (Жигунин 1980, 55).

шающей победы какой-либо из воюющих сторон и тем самым сохранить *status quo* в Западном Средиземноморье. И, наконец, Ш. Агер и А. Мори считают, что отказ Птолемея II ссудить карфагенянам 2000 талантов под предложением дружбы с обеими враждующими сторонами можно объяснить его категорическим нежеланием ввязываться в столь дорогостоящее финансовое мероприятие, которое к тому же было чревато втягиванием Египта в римско-карфагенский конфликт⁴.

Вместе с тем, говоря о египетском нейтралитете во время Первой Пунической войны, нельзя не отметить, что он был намного более выгоден Риму, нежели Карфагену (см.: Droysen 1955, 198–199, 210; Huß 2001, 367). Римляне, чья военная мощь основывалась на гражданском ополчении, могли вести активные боевые действия, невзирая на финансовые затруднения, тогда как Карфаген, чьи граждане не были обязаны нести военную службу, нуждался в деньгах для содержания достаточно большого наёмного войска (Scullard 1989, 565; ср.: Mori 2008b, 169; Mori 2008a, 155). На это недвусмысленно указывает не только содержание приведённого выше текста Аппиана, но и анализ непосредственных результатов самой Первой Пунической войны, весьма плачевных для Карфагена (Polyb. I. 62. 4–9; 63. 2–3; III. 21. 2–5; 27. 1–6; 29. 2–10; Liv. XXI. XVIII–XIX; App. Sic. II. 2–3; Eutr. II. 27. 3–4) (см., напр.: Beloch 1927, 660–661; Scullard 1989, 562–569; Hölbl 2001, 54; Huß 2001, 367; Gargola 2006, 149). Собственно, именно в таком аспекте рассматривали египетское невмешательство как сами римляне, так и их союзник в войне с Карфагеном сиракузский царь Гиерон II (Polyb. I. 16–17; Diod. XXIII. 4. 5; Liv. XXIV. 4. 5; XXV. 31. 4; Liv. Per. 16; Eutr. II. 19. 2). Так, первые по окончании войны направили посольство в Египет с целью подтвердить дружеские отношения между обоими государствами, а также предложить сыну и преемнику Филадельфа, Птолемею III Эвергету, несколько запоздалую помощь в Третьей Сирийской войне (Eutr. III. 1. 1)⁵. Второй же — вероятно, в связи с голодом, начавшимся в Египте во время Третьей Сирийской войны⁶, —

⁴ Ager 1996, 109–110; ср.: Mori 2008a, 155; Mori 2008b, 132, n. 164, 169. При этом упомянутые исследователи также отмечают, что в случае удачного исхода посредничества Египет смог бы существенно повысить свой политический престиж (Ager 1996, 109–110; Mori 2008a, 155).

⁵ См. также: Hölbl 2001, 54; Huß 2001, 367–368. Третья Сирийская война, в ходе которой Птолемей Эвергет боролся против Селевка II Каллиника, происходила в 246–241 гг. до н. э. (см.: Heinen 1984, 420–421; Winnicki 1989, 78–87; Hölbl 2001, 48–51; Huß 2001, 338–354; Grainger 2010, 153–170; Жигунин 1980, 121–132), т. е. она окончилась в тот же год, что и Первая Пуническая война (ср.: Hölbl 2001, 54).

⁶ См. об этом: OGIS, I, 56, 13–19; Athen. V. 209b; Ср.: Bevan 1927 196–197; Hauben 1990, 29–37; Huß 2001, 274; Grainger 2010, 163.

отправил в дар Птолемею Эвергету огромное по меркам того времени судно с зерном (Athen. V. 206d–209b)⁷.

Таким образом, вполне возможно, что если за египетским нейтралитетом во время Первой Пунической войны и стояли какие-либо политические и экономические причины, то носили они исключительно второстепенный характер. Видимо, основная цель политики невмешательства Птолемея Филадельфа заключалась в стремлении существенно ослабить Пуническое государство⁸. При этом важно подчеркнуть, что такая политика Филадельфа носила не проримский, а именно антикарфагенский характер. Данную позицию египетского властителя в отношении западного соседа можно объяснить наличием вполне вероятной перспективы возобновления общей границы между двумя государствами (см. ниже). В этой ситуации у Птолемеев, как можно полагать, возникла возможность расширить свои владения за счёт Карфагена, в частности путём захвата небольшой полосы средиземноморского побережья к западу от Киренаики между Филеновыми алтарями (давней киренско-карфагенской границей)⁹ и Башней Евфранта. Именно там находилась конечная точка караванного пути, который вёл из глубин Африки через Феззанский оазис к морскому побережью. По этой дороге попадали в Средиземноморье богатства глубинной Африки: золотой песок, драгоценные камни, слоновая кость, страусовые перья и черные невольники (см.: Huß 2001, 103–104; Martin 2006, 69, 77).

О временной принадлежности данной территории Птолемеям нам известно благодаря рассказу Страбона. Этот автор, давая географическое описание Киренаики, говорит следующее: «Далее [на восток] возвышается башня Евфранта — граница прежних карфагенских владений и Киренаики при Птолемеях; затем идёт другое место под названием Харакс, которое служило карфагенянам портом; они привозили сюда вино, получая в обмен сильфий и его сок от торговцев, тайком доставлявших эти продукты из Кирены. Далее следуют Алтари Филенов, а за ними — крепость Автомалы, имеющая гарнизон и расположенная в глубине всего залива» (Strabo. XVII. 3. 20. Пер. Г. А. Стратановского).

⁷ Ср.: Huß 2001, 368; Bugh 2007, 276–277. О сомнениях по поводу взаимосвязи между голодом второй половины 240-х гг. до н. э. в Египте и подарком Гиерона II см.: Beuer-Rothhoff 1993, 201 (хотя подобный скепсис представляется недостаточно обоснованным).

⁸ Вместе с тем Филадельф, скорее всего, не был сторонником окончательного уничтожения Карфагенского государства.

⁹ См. источники: Ps.-Scyl. 109; ср.: Polyb. III. 39; X. 40; Sall. *Iug.* 19.3; 79; Strabo. II. 5. 20; Val. Max. V. 6. Ext. 4; Mela. I. 33; 38; Plin. *NH.* V. 4; Ptol. IV. 3–4; ср. также в историографии: Windberg 1938, 2098–2102; Goodchild 1952, 95–96, 103.

С точки зрения современных исследователей, чьё мнение автор всецело разделяет, Птолемеем, упомянутым в приведённом фрагменте Страбона, был не кто иной, как основатель Александрийской династии Птолемей I Сотер¹⁰. Следует добавить, что отрезок побережья между Филеновыми алтарями и Башней Евфранта был приобретён Птолемеем, видимо, в 308/307 г. до н. э. при возвращении Киренаики после смерти отправшего наместника вышеупомянутой области Офеллы (см.: Suda, delta, 431)¹¹. На это указывают данные источников, свидетельствующие о том, что вплоть до 309/308 г. до н. э. крайней западной точкой побережья Киренаики было укрепление Автомалы (SEG. IX. 1. 3; Diod. XX. 41–42), находившееся неподалёку от Филеновых алтарей. Также в пользу данной датировки аннексии упомянутой территории Птолемеем некоторым образом свидетельствует сложная политическая ситуация, в которой Карфаген оказался в 308/307 г. до н. э. Из-за затяжной войны с сиракузским тираном Агафоклом, усугублённой внутренними проблемами (Diod. XX. 29–34; 38–39; 43–44; 54–61; 63–70; Trog. *Prolog.* XXII; Iust. XXII. 7–8; Oros. IV. 6. 28; 31–32), Карфаген оказался как никогда ослабленным и, таким образом, представлял собой подходящий объект для территориальной экспансии со стороны восточного соседа¹².

Контроль Птолемеев над прибрежной полосой между Филеновыми алтарями и Башней Евфранта сохранялся недолго. В середине III в. до н. э. данная территория снова оказалась в составе державы карфагенян. В пользу этого обстоятельства говорят как свидетельство Эратосфена (Strabo. II. 5. 20; см. также: Huß 2001, 294, Anm. 326) — автора, акме которого приходится на 2-ю половину III в. до н. э. (ср.: Hölbl 2001, 64–65; Huß 2001, 236, 375–376), так и указание Полибия на Филеновы алтари как на восточную границу Карфагена времён Второй Пунической войны (Polyb. III. 39. 2; ср.: Meltzer 1879, 522; Kornemann 1920, 232, Anm. 2; Huß 2001, 294). О. Мельцер, а вслед за ним и В. Хусс вполне резонно предположили, что Карфаген вернул себе недавно утраченные владения во время Первой Сирийской войны (275–271 гг.)¹³, когда очередной

¹⁰ См., напр.: Meltzer 1879, 351–352, 411–412, 522, Anm. 80; Kornemann 1920, 231–232; Goodchild 1952, 103, n. 28; Huß 2001, 101–103.

¹¹ См.: Bagnall 1976, 20; Huß 2001, 179–180; Зелинский 2007, 41, примеч. 23. Детальнее о проблеме отпадения Офеллы см., напр.: Зелинский 2008, 28–37 (с историографией вопроса).

¹² Более подробно о датировке аннексии карфагенской территории Птолемеем Сотером с изложением различных точек зрения см.: Зелинский 2012, 25–27.

¹³ О хронологических рамках и ходе Первой Сирийской войны см., напр.: Heinen 1984, 416–417; Winnicki 1989, 51–57; Hölbl 2001, 38–40; Huß 2001, 265–271; Grainger 2010, 81–87; Жигунин 1980, 69–74. При этом египетскую кампанию Магаса (ср.: Paus.

наместник птолемеевской Кирены, единоутробный брат Птолемея II Магас, провозгласил себя независимым от Египта правителем (Meltzer 1879, 411–412; Huß 2001, 268, Anm. 110; 294). При этом следует отметить, что, вероятнее всего, Карфаген восстановил свою прежнюю восточную границу с молчаливого согласия Филадельфа, поскольку к тому моменту Киренаика находилась в руках враждебного Египту правителя.

Однако на момент обращения Карфагена за вышеупомянутым займом (современные исследователи считают, что это произошло не ранее 253 г. до н. э.; см.: Eckstein 1988, 416; Scullard 1989, 562–563; Ager 1996, 109; Kasceev 1997, 429; Hölbl 2001, 54; Huß 2001, 294; Mori 2008a, 155; Mori 2008b, 132, п. 164, 169; Кашеев 1993, 260) взаимоотношения между братьями значительно улучшились. Филадельф и Магас заключили соглашение, по условиям которого Киренаика после смерти последнего фактически возвращалась под власть правителей Египта (Iust. XXVI. 3. 2)¹⁴. В связи с этим возникновение общей границы с Карфагеном, а равно и актуализация вопроса о возвращении прибрежной территории между Филеновыми алтарями и Башней Евфранта наверняка представлялись Филадельфу лишь делом времени¹⁵.

Вполне очевидно, что в сложившейся ситуации для александрийских властителей гораздо выгоднее было бы иметь дело с Карфагеном, проигравшим войну с Римом, нежели её выигравшим. Вместе с тем под влиянием ряда политических и экономических факторов (см. выше) Египту было невыгодно преждевременно обострять отношения с западным соседом¹⁶, тем более что в конце 50-х и даже в начале 40-х гг. III в. до н. э. победитель в войне ещё отнюдь не определился.

I. VII. 1–3; Polyae. II. 28. 1–2), зятя Селевкида Антиоха I Сотера (Euseb. I. 249c Schoene; ср.: Iust. XXVI. 3), следует расценить как неотъемлемую составляющую этой войны.

¹⁴ Большинство современных исследователей датируют смерть Магаса 250/249 г. (ср.: Hölbl 2001, 45–46; Bennett 2003, 69; Müller 2009, 111; Grainger 2010, 146–148). Исчерпывающий источниковедческий и историографический анализ проблемы, связанной с различными датировками смерти Магаса и соответственно заключения вышеупомянутого соглашения правителя Кирены с Филадельфом (ср.: Iust. XXVI. 3), провёл К. Беннетт в рамках своего электронного проекта “Egyptian Royal Genealogy” (Bennett 2001–2012).

¹⁵ И действительно, брак Птолемея Эвергета с единственной дочерью Магаса Береникой, ознаменовавший фактическую инкорпорацию Киренаики в состав государства Птолемеев, состоялся в начале 246 г. до н. э. (Catul. LXVI; см. также: Gutzwiller 1992, 359; Ogden 1999, 80–81; Müller 2009, 111; Зелінський 2010, 504–505, примеч. 438).

¹⁶ Следует иметь в виду, что в 253/252 г. до н. э. закончилась Вторая Сирийская война, в которой Филадельф фактически потерпел поражение от правителя державы Селевкидов Антиоха II Теоса (см., напр.: Will 1979, 238–243; Heinen 1984, 418–419; Winnicki 1989, 58–77; Hölbl 2001, 44–45; Huß 2001, 286–287; Grainger 2010, 117–152).

Таким образом, выгодный Риму египетский нейтралитет, имевший место во время Первой Пунической войны, полностью себя оправдывал, поскольку отвечал на тот момент внешнеполитическим интересам государства Птолемеев.

В заключение следует отметить, что в данном случае Птолемей II Филадельф проявил себя как дальновидный и расчётливый политик. Результаты Первой Пунической войны в полной мере соответствовали его чаяниям. Победённый, но не раздавленный Карфаген сохранил способность сопротивляться попыткам установления римской гегемонии в Западном Средиземноморье, однако вряд ли смог бы дать Египту должный отпор в случае попытки последнего вернуть под свой контроль спорную территорию к западу от Киренаики. Более того, восстание наёмников 241–237 гг. до н. э. давало Птолемеям отличную возможность распространить сферу своего влияния на значительную часть Северо-Западной Африки. Единственное, чего не мог предусмотреть Филадельф, так это отказа своего сына Птолемея III Эвергета от проведения завоевательной политики. Вследствие такого решения, принятого Эвергетом после окончания Третьей Сирийской войны¹⁷, преемник Птолемея II отказался среди прочего и от возможности воспользоваться плодами политики нейтралитета, проводившейся его отцом во время Первой Пунической войны¹⁸.

Литература

- Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
- Жигунин В. Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань, 1980.
- Жигунин В. Д.* Западное Средиземноморье и эллинистический мир в середине III в. до н. э.: проблема взаимоотношений // *Античность: миры и образы* / отв. ред. В. Д. Жигунин. Казань, 1997. С. 21–26.
- Зелінський А. Л.* Три примітки до історії діадохів // *Східний світ*. 2007. № 1. С. 34–44.

¹⁷ Выявление и рассмотрение причин, побудивших Птолемея Эвергета отказаться от экспансионистской политики, выходят за рамки нашей статьи. См. об этом: Зелінський 2010, 423–440, 503–523, примеч. 434–545 (с разбором историографии).

¹⁸ Прежняя западная граница Киренаики, зафиксированная в середине III в. до н. э. (см.: выше), оставалась неизменной на протяжении определённого времени как до, так и после окончательной инкорпорации означенной области в состав Римского государства (75/74 г. до н. э. см.: Sall. *Hist.* II. 40–41; Cic. *Leg. Agr.* II. 51; App. *Mithr.* 121; App. *BC.* I. 111; Iust. XXXIX. 5. 2; Iul. Obseq. 49; Hier. Chron. 1922; 1952; ср.: Hölbl 2001, 210); Polyb. X. 40; Sall. *Iug.* 19.3; 79; Val. Max. V. 6. Ext. 4; Mela. I. 33; 38; Plin. *NH.* V. 4; Ptol. IV. 3–4; ср.: Strabo. II. 5. 20).

- Зелінський А. Л.* До питання про гіпотетичну лояльність Офелли Киренського // Сходознавство. Вып. 44. 2008. С. 28–37.
- Зелінський А. Л.* Александрійські фараони та їхні піддані. Зміщення влади перших Птолемеїв. Київ, 2010.
- Зелінський А. Л.* Хронологічна локалізація розширення західних кордонів птолемеївської Киренаїки // Вісник КНУ. Історія. Київ, 2012. В. 110. С. 25–27.
- Кащеев В. И.* Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н. э. М., 1993.
- Adams G.* The Unbalanced Relationship between Ptolemy II and Pyrrhus of Epirus // Ptolemy II Philadelphus and his World / ed. P. McKechnie, Ph. Guillaume. Leiden; Boston, 2008. P. 91–102.
- Ager Sh.* Interstate Arbitrations in the Greek World, 337–90 BC. Berkeley; Los Angeles; London, 1996.
- Bagnall R.* The Administration of the Ptolemaic Possessions outside Egypt. Leiden, 1976.
- Beloch K. J.* Griechische Geschichte. 2. Aufl. IV. 2. Leipzig, 1927.
- Bennett Ch.* Egyptian Royal Genealogy. [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://www.tyndalehouse.com/Egypt>. 2001–2012.
- Bennett Ch.* Three Notes on Arsinoe I // A Delta-Man in Yebu / ed. A. Eyma, Ch. Bennett. Parkland, 2003. P. 64–72.
- Bevan E.* The House of Ptolemy. L., 1927.
- Beyer-Rothhoff B.* Untersuchungen zur Aussenpolitik Ptolemaios' III. Bonn, 1993.
- Bugh G.* Hellenistic Military Developments // The Cambridge Companion to the Hellenistic World / ed. G. Bugh. Cambr., 2007. P. 265–294.
- Droysen J. G.* Geschichte des Hellenismus. Bd. 3. Tübingen, 1955.
- Eckstein A. M.* Rome, the War with Perseus, and Third Party Mediation // Historia. 1988. Bd. 37. Ht. 4. P. 414–444.
- Fraser P.* Ptolemaic Alexandria. Vol. I. Oxford, 1972.
- Gargola D.* Mediterranean Empire (264–134) // A Companion to the Roman Republic / ed. N. Rosenstein, R. M. Kallet-Marx. Malden (Mass.); Oxford, 2006. P. 147–166.
- Goodchild R.* Arae Philaenorum and Automalax // PBSR. Vol. 20. 1952. P. 94–110.
- Grainger J. D.* The Syrian Wars. Leiden; Boston, 2010.
- Gutzwiller K.* Callimachus' Lock of Berenice: Fantasy, Romance, and Propaganda // AJPh. 1902. 1992. No 3. P. 359–385.
- Hauben H.* L'expédition de Ptolémée III en Orient et la sédition domestique de 245 av. J.-C. Quelques mises au point // 1990. Bd. 36. P. 29–37.
- Heinen H.* The Syrian-Egyptian Wars and the New Kingdoms of Asia Minor // CAH. Vol. VII. 1984. Pt. 1. 2nd ed. P. 412–445.
- Hölbl G.* A History of the Ptolemaic Empire. L.; N. Y., 2001.
- Holleaux M.* Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au III-e siècle av. J.-C. (273–205). P., 1921.

- Huß W.* Ägypten in hellenistischer Zeit: 332–30 v. Chr. München, 2001.
- Kasceev V.* Schiedsgericht und Vermittlung in den Beziehungen zwischen den hellenistischen Staaten und Rom // *Historia*. 1997. Bd. 46. Ht. 4. S. 419–433.
- Kornemann E.* Die letzten Ziele der Politik Alexanders des Grossen // *Klio*. 1920. Bd. 16. S. 209–233.
- Martin A.*: El periplo norteafricano de Ofelas // *Gerión*. T. 24. 2006. P. 65–84.
- Meltzer O.* Geschichte der Karthager. B., 1879. Bd. I.
- Mori A.* Piety and Diplomacy in Apollonius' *Argonautica* // *Ptolemy II Philadelphus and his World* / ed. P. McKechnie, Ph. Guillaume. Leiden; Boston, 2008a. P. 149–170.
- Mori A.* The Politic of Apollonius Rhodius' *Argonautica*. Cambr.; N. Y. etc., 2008b.
- Müller S.* Das hellenistische Koenigspaar in der medialen Repraesentation: Ptolemaios II. und Arsinoe II. B.; N. Y., 2009.
- Ogden D.* Polygamy, Prostitutes, and Death: The Hellenistic Dynasties. London; Swansea, 1999.
- Rostovtzeff M. I.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I. Oxford, 1941.
- Roussel D.* Les Siciliens entre les romains et carthagenois à l'époque de la Première guerre Punique. Essai sur l'histoire de la Sicile de 276 à 241. P., 1970.
- Scullard H.* Carthage and Rome // *CAH*. Vol. VII. 1989. Pt. 2. 2nd ed. P. 537–569.
- Stroux J.* Erzählungen aus Kallimachos // *Philologus*. 1934. Bd. 89. S. 301–319.
- Will Éd.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). Nancy, 1979. T. I.
- Windberg F.* Philaenorum Arae // *RE*. 1938. Hbd. 38. Sp. 2098–2102.
- Winnicki J.-K.* Operacje wojskowe Ptolemeuszów w Syrii. Warszawa, 1989.

Andrey L. Zelinsky

THE NATURE AND REASONS OF THE EGYPTIAN NEUTRALITY DURING THE FIRST PUNIC WAR

The neutrality of Ptolemaic Egypt during the First Punic War had unambiguous pro-Roman character, as far as Alexandria was interested to weaken Carthage. The reason for that, in author's opinion, was the prospect of renewal of border between the Ptolemaic possessions and Carthage, which was about to happen with the return of Cyrenaica into the Ptolemaic Empire. In this situation the weakness of Carthage would not only guarantee the safety of the western borders of Egypt, but also allow Ptolemies to renew expansion to the west, which was started by the founder of the dynasty.

Н. Ю. Сивкина

**ДОГОВОР ФИЛИППА V С ГАННИБАЛОМ:
НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ
ОБ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ СОЮЗНИКОВ**

Летом 215 г. до н. э. македонский царь Филипп V заключил союз с Ганнибалом. Последствия этого договора для истории Македонии и всего эллинистического мира неоднократно рассматривались в историографии. Союз с Ганнибалом привёл к повороту во взаимоотношениях Рима и греческого мира, к нарушению политического равновесия на Востоке. У римлян в этот период всё более отчётливо проявлялась склонность рассматривать чужие дела как свои собственные; такое высокомерие, как правило, бывает следствием владения «непреодолимой силой» (Fields 2010, 54–55). По мнению М. Кэри (Cary 1935, 197), если бы македонский царь сохранил нейтралитет во Второй Пунической войне, было бы крайне сомнительным последующее вмешательство Рима в греческие дела. Однако, на наш взгляд, оценивать договор Филиппа с Ганнибалом следует весьма осторожно. Дело в том, что у исследователей возникает искушение считать, будто Филипп с 217 г. до н. э. имел серьёзные основания подозревать Рим в стремлении напасть на Македонию. Об этом, например, определённо говорит Н. Хэммонд (Hammond 1968, 21), и именно такая версия складывается под влиянием античной традиции. Стоит отметить, что римские писатели преувеличивали значение этого договора. Например, Юстин, упоминая о заключении союза, указывал, что корабли, которые строил македонский царь, были предназначены для переброски сил в Италию (XXIX. 4. 1–4), а Аппиан подчёркивал, что именно Филипп начал войну с римлянами «под влиянием жажды расширить свою власть» (Mac. 1). Но ещё Полибий отмечал, что этот союз свидетельствовал о планах Филиппа захватить Иллирию (V. 109–110); историк даже не исключал предположение о подготовке македонского вторжения в Италию (Eckstein 2002, 270).

Согласно Полибию, в конце так называемой Союзнической войны (220–217 гг. до н. э.), которую вела Эллинская лига, возглавляемая царём Македонии, против Этолийской федерации, Филипп V прибыл в Аргос на Немейские празднества. Здесь он получил известие о победе Ганнибала над римлянами у Тразименского озера (Polyb. V. 101. 4–5). И именно эта весть, по мнению ахейского историка, стала причиной желания царя побыстрее завершить войну в Греции, чтобы обратиться к западным делам (V. 101. 6–102. 1). Традиция рассматривает эту весть в контексте последующих событий: новые амбиции Филиппа проявились уже в заключении «внезапного» мира с Этолией в 217, а затем высадке македонских сил в Иллирии в 216 г. до н. э., где целью Филиппа была Аполлония. Следствием этой неудачной операции Н. Хэммонд считает зародившееся стремление македонского царя получить на будущее гарантии от римского нападения (Hammond 1968, 17). Такой подход не просто предполагает наличие у Филиппа неких «западных планов», но и представляет молодого царя агрессором, спровоцировавшим римлян на вмешательство в греческие дела. А текст договора между царём и Ганнибалом в изложении Тита Ливия намекает на проект раздела средиземноморского мира между Македонией и победителем в Италии (Will 1979, 70).

Как известно, после сообщения о победе Ганнибала в битве при Каннах в 216 г. до н. э. Филипп начал с ним переговоры от имени македонян и союзников (Polyb. VII. 9. 1). Подчеркнём, именно Филипп был инициатором альянса. Ливий указывает условия, на которых был заключён этот союз: «Царь Филипп переправится в Италию с флотом как можно большим (полагали, что он сможет снарядить двести кораблей) и будет опустошать морское побережье, на его долю выпадет война на суше и на море; по окончании войны вся Италия и сам Рим будут принадлежать Карфагену и Ганнибалу, и вся добыча достанется Ганнибалу; окончательно покорив Италию, они отплывут в Грецию и поведут войну, с кем укажет царь; государства на материке и острова, принадлежащие Македонии, будут принадлежать Филиппу и войдут в его царство» (XXIII. 33. 10–12. Пер. М. Е. Сергеевко).

Похожие условия упоминает Полибий, приводя текст клятвы союзников (VII. 9. 1–17), хотя имеются и отличия. По форме и содержанию именно текст Полибия кажется подлинным. В его версии хорошо видны условия общего характера, относящиеся к будущему, когда стороны договариваются помогать друг другу в предстоящих войнах, и условия, которые касаются настоящей войны. Суть последних сводится к предоставлению помощи Ганнибалу в обмен на дипломатические гарантии невмешательства в дела Иллирии (Will 1979, 70–71). Таким образом,

мир, который Карфаген как победитель подпишет с Римом, должен был включить и Филиппа; в этом соглашении Рим обязался бы не начинать войну с Македонией и отказывался от контроля над иллирийскими территориями.

Примечательно, что и Филипп, и Ганнибал, заключив договор, вели себя нечестно: Ганнибал действовал от себя лично, его правительство не брало на себя никаких обязательств (Беликов 2003, 68–69), в кампаниях македонского царя в Иллирии карфагеняне не участвовали. Филипп же, со своей стороны, не оказал реальной помощи новому союзнику. Кроме того, вызывает интерес тот факт, что македонский царь сам не отправил делегацию в Карфаген до того, как связал себя обязательствами с Ганнибалом, хотя эллинистические монархи хорошо разбирались в том, с кем следует вести переговоры. Возможно, этот документ был не чем иным, как «большой игрой», поэтому реальных обещаний в нём содержалось гораздо меньше, чем мягких и неопределённых формулировок (O'Connell 2010). По мнению Ф. Уолбанка (Walbank 1967, 72), при разборе статей союзного договора необходимо учитывать веру участников союза в близость карфагенской победы, а поскольку результат войны становился всё более отдалённым, то и условия соглашения оказывались менее существенными для обеих сторон. В связи с этим возникает вопрос: знал ли македонский царь уже при заключении договора, что оказывать помощь новому союзнику не станет, или всё же намеревался соблюдать принятые на себя обязательства, но в силу каких-либо причин изменил первоначальные замыслы?

Ответить на этот вопрос нелегко в силу неопределённости и расплывчатости формулировок условий соглашения, что, видимо, было следствием обстоятельств, в которых подписывался договор: Филипп определённо торопился заключить союз с Ганнибалом. По мнению А. П. Беликова, царь считал, что война на Апеннинском полуострове подходит к концу, и потому хотел быть включённым в мирный договор (Беликов 2003, 64–65).

Действительно, в греческом мире было принято, что после поражения в генеральном сражении любое эллинистическое государство просило мира. Так, например, Александр Македонский стал повелителем Азии после трёх крупных битв. Ганнибал, который в изображении источников предстаёт как типичный эллинистический лидер (например, после битвы при Каннах: Liv. XXII. 58. 1), видимо, ожидал, что римляне поступят в соответствии с этой традицией (Daly 2002, 46; Hoyos 2003, 125; Fields 2010, 52–53). Почему предпоследний царь Македонии должен был думать иначе? Можно также вспомнить указания источников о карфагенском посольстве к Александру Македонскому накануне его

смерти (Diod. XVII. 113. 2; Arr. *Anab.* VII. 15. 4; Iust. XII. 13. 1) (Садыков 2003, 30–45). Как известно, завоевания Александра и войны диадохов не коснулись Западного Средиземноморья. Однако военно-политические события на Востоке приковывали к себе внимание Карфагена. Этот дипломатический контакт, если он имел место в действительности (Tarn 1948, 374), следует расценивать как стремление одного из ведущих государств Запада договориться с руководителем греко-македонской державы на Востоке о разграничении сфер влияния (Seibert 1972, S. 172 f., 296 f.; Садыков 2003, 30 сл.). Вероятно, суть договора Филиппа с Ганнибалом можно считать такой же. Иными словами, македонский правитель полагал, что этот договор гарантирует ему свободу действий на Балканском полуострове.

В связи с этим затронем вопрос о западных планах Филиппа. В противоположность Ливию, нигде в тексте клятвы (Polyb. VII. 9. 1–17) нет упоминания об обещании македонского царя напасть на римские земли. На это обстоятельство историки неоднократно указывали (Walbank 1967, 71; Will 1979, 71). Есть лишь расплывчатое указание ахейского историка, что Филипп поможет Ганнибалу как союзнику (Polyb. VII. 9. 11). Именно этот пассаж можно, хотя и с трудом, интерпретировать как готовящийся поход царя не только на Иллирию, но и в Италию (Briscoe 1978, 154). Поскольку о соглашении Филиппа с Ганнибалом стало известно римлянам, когда к ним в руки попал македонский посол к Ганнибалу, то вполне вероятно, что Рим именно так и расценил замыслы царя. Более того, дальнейшие действия римлян показывают, что безотносительно фактических планов Филиппа и Ганнибала сенат явно боялся македонского вторжения в Италию (Eckstein 2010, 231). Однако это смутное условие не означало, что Филипп V действительно намеревался перенести войну на Апеннинский полуостров.

Конечно, в прежние времена не бывало случая, чтобы македонские цари не воспользовались слабостью соседей в своих целях, однако в конце III в. до н. э. ситуация отличалась от предшествовавших эпох. Начинать масштабные действия в Иллирии можно было только при твердой поддержке союзников по Эллинской лиге. Но греческие союзники едва ли принимали участие в иллирийском походе, хотя Н. Хэммонд и полагает, что царь по пути собирал греческие отряды (Hammond 1989, 338–339). Филипп имел политические разногласия со стратегом Ахейского союза Аратом, которые усугублялись оскорблением, нанесённым царём сыну Арата. Эти обстоятельства снижали влияние македонского правителя на союзников. Как известно, позднее Филипп обращался к Арату с предложением присоединиться к нему, однако получил отказ (Plut. *Arat.* 49, 51). Можно также вспомнить ещё один аргумент в пользу

отсутствия у македонского царя планов вторжения в Италию: со времён похода Александра Македонского людские ресурсы страны были серьёзно истощены, так что Филипп был не в состоянии вести войну более чем на один фронт (Bagnall 2002, 61); его дальнейшие действия показывают лишь те цели, которые были намечены в Иллирии.

Тот факт, что Филипп не желал открытой конфронтации с Римом, подтверждается и неудачным походом на Аполлонию в 216 г. до н. э. Отправившись из Македонии вокруг Пелопоннеса, Филипп достиг Керкиры. Здесь его настигло сообщение, что римский флот идёт к Аполлонии (Polyb. V. 109–110). Морской поход был прерван, никаких действий в Иллирии предпринято не было. Таким образом, Филипп был реально заинтересован не просто в активных действиях Ганнибала, отвлекавших внимание римлян от событий в Греции, а именно в победе карфагенян. Поэтому заключение союза с Ганнибалом в тот момент, когда казалось, что римляне не оправятся от потерь, понесённых в битве при Каннах, было для него вполне оправданным шагом.

Кажется справедливым замечание о том, что Филипп был настроен на длительное сотрудничество с карфагенянами на Апеннингах, ведь Ганнибал, по всей видимости, планировал понизить статус и влияние Рима на полуострове, восстановив прежние границы италийских общин и возвратив им земли, отнятые римлянами (Daly 2002, 12; Ревяко 1988, 185), или сохранить доминирующее положение Рима в центральной части Италии, сделав его карфагенским союзником (Fronda 2011, 256–257). Однако если следовать за Ливием, то сотрудничество Ганнибала с жителями Южной Италии было не только не выгодно, но, скорее, обременительно для пунийского полководца (Ревяко 1988, 185). Например, Капуя претендовала на гегемонию в Италии после победы Ганнибала и ухода его армии в Африку (Liv. XXIII. 6. 2), а Ганнибал дипломатично поддерживал эти настроения (XXIII. 10. 2), но если говорить о других союзниках — бруттиях, самнитах, тарентинцах, — то с ними сценарий взаимных условий и обещаний мог быть иным. В случае ослабления в Италии влияния Баркидов в образовавшемся вакууме власти и при непременно начавшихся бы ссорах сохранялась вероятность возрождения римского господства (Нойос 2003, 127). Подобная ситуация никак не устраивала Македонию.

В принципе, нельзя говорить, что македонский правитель поступил опрометчиво и тем самым необдуманно навёл беду на своё царство и своих союзников. Возможно, стоит задаться вопросом: чем руководствовался любой эллинистический царь или политический лидер той эпохи в своей политике? «Политические деятели древности думали и действовали, руководствуясь своего рода “социальным инстинктом”»,

т. е. представлениями своей среды, которые сформировались стихийно из длительного исторического опыта, отлились в принятые в данном кругу идеи, чувства» (Маринович 1990, 99). Так поступили в 221 г. до н. э. этолийцы: посчитав, что Македония ослабла после вступления на престол молодого Филиппа V, они попытались воспользоваться ситуацией (Полибий указывал на это обстоятельство, когда объяснял возобновление пиратских рейдов этолийцев после смерти Антигона Досона: IV. 3. 2–3); точно так же действовал и Филипп V, используя в своих интересах слабость Рима (Eckstein 2002, 230). Македонский царь едва ли предвидел отдаленные последствия своего соглашения с Ганнибалом. Следовательно, заключая договор, Филипп не мог даже предположить, как долго продлится Вторая Пуническая война, и явно полагал, что сможет осуществлять свои планы в Греции и Иллирии, не оглядываясь на Запад.

Итак, цели македонского царя при заключении союза более или менее ясны: Филипп ожидал, что Ганнибал отвлечёт римлян и даст возможность македонянам расширить сферу своего влияния в Иллирии (Hammond 1968, 17; Gruen 1984, 376). С планами Ганнибала дело обстоит сложнее. Ещё в 218 г. до н. э. он не планировал широкой международной деятельности, ограничиваясь желанием ослабить римскую военную мощь и заключить мир на карфагенских условиях, однако после победы при Каннах его мысли обратились к послевоенному урегулированию, и появление новых друзей было направлено на сдерживание Римской республики (Нойос 2003, 124–125). Но ожидал ли Ганнибал каких-либо македонских действий в войне с Римом?

Если следовать за версией Ливия (XXIII. 33. 10), то Ганнибал рассчитывал на получение от царя подкрепления. Полибий упоминает лишь об обещании быть союзниками в войне против римлян (VII. 9. 10). Н. Хэммонд полагает, что непосредственный интерес Ганнибала состоял в обеспечении себе военно-морских баз вблизи Италии, через которые он получал бы подкрепление из Африки; базы в Иллирии идеально подходили его замыслам (Hammond, Walbank 1988, 394). В этом контексте он и предлагает рассматривать строительство лемб македонским царём, нападение на Керкиру в конце 215 и атаку на Аполлонию в 214 г. до н. э.; во время последней акции Ганнибал отвлекал римлян, напав на Тарент. переброска сил из Македонии и Греции в Италию, по мнению историка, имела меньшее значение, так как македоняне не пересекли бы Адриатическое море, пока Керкира и другие порты не были в их руках. Иными словами, Хэммонд считает, что союзники все же провели совместную операцию, хотя и закончившаяся неудачно.

Однако так ли это? Стоит ли трактовать строительство лемб и нападение на Аполлонию как выполнение союзных обязательств? Возможно ли, что из-за несостоявшегося заключения мира между римлянами и Ганнибалом Филипп был вынужден помогать союзнику?

В пользу последней версии могут свидетельствовать характер и поступки македонского царя в отношении своих союзников. Есть немало свидетельств о соблюдении Филиппом принятых обязательств и внимании к мнению союзников. Упомянем хотя бы несколько. Источники не приводят ни одного случая в Греции (азиатские крепости в союз не входили), когда Филипп установил бы гарнизон вопреки воле союзников. Знаменитый инцидент на Ифоме, описанный Полибием и Плутархом (Polyb. VII. 11; Plut. *Arat.* 50), как нельзя лучше подтверждает этот тезис. В ходе Первой Македонской войны в 209 г. до н. э., когда в Македонии началось восстание, царь был вынужден уйти из Греции. Но даже в условиях, когда ему могли потребоваться все силы для подавления смуты, он оставил союзникам 2500 воинов (Liv. XXVII. 32. 10). В 207 г. до н. э. беотийцы просили у царя вспомогательных сил, с такой же просьбой обращались жители Эвбеи, акарнанцы и, вероятно, эпироты (Polyb. X. 41. 2–3). Для Македонии в тот момент угрозу представляли соседние иллирийские и фракийские племена, которые только и ожидали ухода царской армии в Грецию, чтобы совершить вторжение в Македонию (Polyb. X. 41. 4; Liv. XXVIII. 5. 7). Тем не менее Филипп обещал союзникам помощь и оказал её. Акарнанцы и эпироты единственным своим защитником считали македонского царя (Polyb. IV. 5. 10; 25. 3; 67. 2; V. 3. 7; 6. 1–3; 96. 1; VII. 12. 7), а беотийцы были благодарны Филиппу за оказанные услуги (Polyb. VII. 12. 7). Таким образом, приведённые примеры не позволяют подозревать македонского царя в коварстве по отношению к союзникам, поэтому едва ли союзнические обязательства перед Ганнибалом Филипп изначально не намеревался выполнять.

Остановимся на практической стороне македонских обязательств. Ливий указал, что македонский царь должен будет вести войну на море. Более того, в его распоряжении окажется флот в двести кораблей. Эта цифра не могла соответствовать действительности. Македония никогда не располагала такой эскадрой, более того, к началу правления Филиппа македоняне не только не имели серьёзного опыта морских сражений, но и самих профессиональных морских кадров. В ходе Союзнической войны Филипп V попытался начать морскую программу и занялся строительством судов, однако не вполне успешно (Errington 1986, 221; Кашев 1993, 167–173). К весне 216 г. до н. э. было построено всего 100 лемб (Iust. XXIX. 4. 1). Ливий, сообщая об осаде Аполлонии в 214 г. до н. э., упоминает 120 лемб, имевшихся в распоряжении царя (XXIV. 40. 2). Это

были небольшие суда с одним рядом вёсел и без тарана; в открытом море несколько римских трирем без труда потопили бы всю сотню лемб (Беликов 2003, 63–64). Едва ли подобная эскадра была опасна римлянам; даже если допустить, что карфагеняне этого не знали, то македонский царь должен был отдавать отчёт своим словам.

Как известно, в ходе первой римско-македонской войны значительных морских операций организовано не было. Ливий даже утверждает, что македонский царь сам рассчитывал объединиться с карфагенским флотом и кораблями, отправленными к нему из Вифинии царём Прусием, чтобы в решающем сражении на море разбить римлян (XXVII. 30. 16). Однако эти планы, если они в действительности имели место, пришлось изменить; события 209 и 208 г. до н. э. показали, что надеяться на помощь карфагенян царю не следует, поэтому зимой 208 г. до н. э. Филипп приступил к постройке в Кассандрии нового флота (Liv. XXVIII. 8. 14). Известно, что римляне в это время ушли из Эгейских вод и Филипп приостановил постройку кораблей из-за финансовых проблем. В целом, говоря о военно-морской деятельности македонян в 217–207 гг. до н. э., можно отметить, что македонские суда использовались главным образом для транспортировки войска (Walbank 2002, 118). Новый флот появился только к 201 г. до н. э., и битва при Хиосе в том же году была первым и последним крупным сражением этой эскадры. Филипп имел в своем распоряжении 53 палубных судна (Polyb. XVI. 3. 5–6), какое-то количество открытых кораблей и 150 более мелких — лемб и прист (Polyb. XVI. 2. 9). В этой битве македоняне потеряли 50,7% от общего количества флота (Murray 2012, 167).

Следует упомянуть ещё одну особенность македонской эскадры. «Основное боевое ядро эллинистических флотов состояло из пентер, отчасти из гептер; корабли-“гиганты” служили в первую очередь целям демонстрации военно-морского могущества той или иной эллинистической державы и высокого уровня кораблестроительной техники» (Эллинистическая техника. 1948, 330). Как показали морские сражения II—I вв. до н. э., скорость и манёвренность кораблей среднего класса были потенциальным залогом успеха. Большие суда лишались манёвренности из-за атак кораблей меньшего класса, таких как пентеры и квадриремы, поэтому крупный корабль нуждался в защитных судах. Филипп использовал с этой целью множество лемб, но такой тип судна не был эффективен в нанесении сокрушительного удара по корпусу вражеского корабля. Скорее всего, объяснить этот просчёт просто: царь испытывал недостаток в ресурсах (Murray 2012, 223–224), необходимых для того, чтобы построить, укомплектовать и поддерживать большой флот, отвечающий современным требованиям ведения морского боя.

Исходя из этого, можно заключить, что Филипп, согласно договору с Ганнибалом, имел возможность переправить к берегам Италии лишь лёгкие суда типа лемб, которые могли доставить солдат в армию Ганнибала либо использоваться для пиратских рейдов в стиле иллирийских набегов. Именно тип кораблей, а вовсе не победы Ганнибала (Walbank 1967, 71) сводили вклад македонского царя во Второй Пунической войне к простым диверсиям. Возможно, именно эту задачу и следует понимать под «опустошением морского побережья».

Но получил ли Ганнибал подкрепления от Филиппа? Есть одно сомнительное упоминание Ливия о том, что 4 тысячи македонских солдат участвовали в сражении при Заме осенью 202 г. до н. э. и попали в плен к римлянам (XXX. 26. 3). Примечательно, что ни Полибий, ни Аппиан ничего об отправке македонских войск на помощь Карфагену не сообщают. После мира в Фенике внимание Филиппа было сосредоточено на восточном направлении, он едва ли стремился возбуждать враждебность Рима и помогать карфагенянам, находившимся на грани поражения. Возможно, пассаж Ливия ложен, и это утверждение, основанное на незначительном присутствии македонян среди наёмников Ганнибала, следует отнести к акту вражеской пропаганды (Dorey 1957, 185–187). Однако не исключено, что эти македоняне могли оказаться в армии Ганнибала вскоре после заключения союза в 215, во всяком случае, до похода царя на Аполлонию в 214 г. до н. э.

По мнению Н. Хэммонда, Филипп, не имея возможности бросить вызов военно-морскому превосходству Рима, был способен нанести неожиданный удар в стратегически важном месте, например захватить порт, при условии, что вблизи не будет вражеских квинквирем (Hammond 1968, 17). Таким портом стала Аполлония. Тит Ливий сообщает, что в тот год, когда Филипп заключил союз с Ганнибалом, он не успел ничего предпринять против римлян; военные действия начались только следующим летом, т. е. в 214 г. до н. э. (XXIII. 39; 24. 40). Выйдя в море, македонский царь направился к иллирийскому городу Аполлонии. Согласно Ливию, штурм Аполлонии не увенчался успехом, ибо укрепления города были довольно мощными (XXIV. 40). Стоит вспомнить, что в III в. до н. э. подобные города обычно захватывали с помощью измены, хитрости или голода. Удачу мог принести и фактор внезапности. Однако в случае с Аполлонией ни один из указанных выше способов захвата не сработал. Тогда Филипп ночью напал на соседний Орик и захватил его гавань. Но корабли под командованием Валерия Левина отбили Орик, а затем римляне подошли к Аполлонии и вместе с её жителями напали на македонян. Вмешательство римлян побудило македонян к отступлению, в результате которого Филипп был вынужден сжечь весь

флот и по суше вернуться в Македонию. Естественно, после уничтожения кораблей македонский царь не мог оказать союзнику существенной помощи.

По мнению Н. Хэммонда (Hammond, Walbank 1988, 394–395; Hammond 1989, 339), захват Аполлонии планировался как совместная акция с Ганнибалом. В это время Ганнибал атаковал Тарент, отвлекая внимание римского флота и позволяя судам Филиппа незаметно подойти к Аполлонии. Однако новости о событиях на Иллирийском побережье всё же достигли римского флота, и Левин подоспел вовремя, чтобы спасти город.

Но едва ли следует в контексте союзных обязательств придавать большое значение стремлению македонян захватить Аполлонию. Интерес Филиппа к этому городу, и к западному побережью в целом, проявился задолго до подписания договора. По мнению Ф. Уолбанка, «морская программа Филиппа могла зародиться в ходе кампании 219 г. до н. э. Царь был поражён потенциальными возможностями Эниад, которые он укрепил» (Walbank 1984, 478). Эта кампания открыла западный путь в Пелопоннес через Амбракию и Акарнанию, нужны были лишь удобная база и флот. В ходе боевых действий Филипп получил Эниады, так что первая задача была решена; дело было за второй. Можно также добавить, что подобный путь стал бы удачной альтернативой традиционной дороге через Фермопилы, которая в самый неподходящий момент, как это было с войсками Антигона Досона в конце Клеоменовой войны, легко блокировалась врагами македонян (Polyb. II. 52. 8).

По мнению Г. Бенгтсона, в ходе Союзнической войны Филипп пытался покончить с морским разбоем, которым занимались жители Кефаллени (Бенгтсон 1982, 253). На наш взгляд, допустимо предположение, что царь планировал со временем создать на острове ещё один опорный пункт, который вместе с Коринфом, Деметриадой и Халкидой составил бы «оковы Эллады», как впоследствии их называли (Polyb. XVIII. 11. 4–14). Ведь до сих пор западное побережье не было охвачено этими «оковами». Сокрушительный разгром Ферма и затем победоносный рейд по землям Лаконии вынудили Филиппа временно отложить планы создания морских баз на западном побережье Греции.

К этим планам царь вернулся год спустя, в 217, когда война уже близилась к завершению. Пока собирался синедрион союзников, которому предстояло обсудить условия мирного договора, Филипп успел совершить плавание к Закинфу и «устроить дела острова» (Polyb. V. 102. 8–10). Хотя Полибий не сообщает никаких подробностей об этой операции македонского царя, однако можно предположить, что остров был

подчинён и должен был в будущем стать морской базой для македонского флота. Известно, что в Первую Македонскую войну Валерий Левин взял сам остров, но не его крепость (Liv. XXVI. 24. 15). Возможно, там находился македонский гарнизон, оставленный Филиппом на Закинфе в 217 г. до н. э.

Единственным удобным местом для базирования македонских кораблей на севере могли быть лишь Аполлония или Эпидамн. Выбор Аполлонии, вероятно, был обусловлен тем фактом, что из этого города в Македонию вела так называемая Эгнатиева дорога (Hammond, Hatzopoulos 1985, 128–149; 1986, 48–53); она проходила через Лихнид и Пилон — границу Иллирии и Македонии, через Гераклею и область линкестидов и эордов на Эдессу, а затем к Пелле и далее к Фессалонике (Strabo. VI. 7. 4). Исследования топографии Македонии показывают, что с IV в. до н. э. существовали дороги, связывающие Эдессу с Амфиполем, Пеллу с Бероей, Берою с Пидной (Hatzopoulos 1987, 53; Heskell 1987, 4–11). То есть все крупные города Македонии извлекли бы экономические выгоды от захвата Аполлонии. Таким образом, в случае удачи Филипп связывал два морских порта (Аполлонию и Фессалонику) сухопутным путём, что должно было заинтересовать торговцев и приносить прибыль казне от транзита товаров. Кроме того, это давало возможность македонскому правителю быстро реагировать как на социальные смуты, так и на враждебные акции противника. Такая система безопасности, если бы она приняла законченный вид, могла стать эффективным инструментом в руках Филиппа для сплочения греков под эгидой Македонии. Но в 216 г. до н. э. его замысел провалился, а вторая попытка захвата Аполлонии вызвала вмешательство римлян.

В связи с вышесказанным можно отметить, что если Ганнибал после битвы при Каннах двинулся на юг с целью установить контроль над портовым городом, который позволил бы ему наладить коммуникации с Карфагеном и регулярно получать новобранцев (Mills 2008, 76–77), то не следует считать, что год спустя из-за отсутствия порта ситуация для карфагенян стала критической. Если бы карфагенский полководец действительно остро нуждался в морских базах, то Филипп мог позволить ему воспользоваться теми, которые уже контролировал, т. е. на Закинфе или в Эниадах. Кроме того, считается, что проблема Ганнибала была в недостатке солдат — после Канн он томительно ждал подкрепления, но в Карфагене не спешили его отправлять, антибаркидская группировка называла победы Ганнибала «бесплодными» (Liv. XXIII. 11. 7–13. 8). Поэтому пунийская армия, несмотря на всё же присланное подкрепление, находилась в крайне тяжёлом состоянии, численность её уменьшалась, а время работало на римлян (Ревяко 1988. С. 178, 181). Однако

в период с 215 по 207 г. до н. э. силы Ганнибала были ещё очень крупными, даже с учётом понесённых потерь, и насчитывали 60–70 тысяч солдат; вероятно, всё же не следует недооценивать помощь его италийских союзников и широкий масштаб найма (Нойос 2003, 128–129). Сам полководец в 214 г. до н. э. атаковал Тарент, крупный порт, контролируемый римлянами; этот город мог стать «призом» после неудачи с захватом Неаполя (Mills 2008, 78–79). Возможно, карфагенский полководец сам надеялся, что атаки Филиппа в Иллирии отвлекут часть римских сил за пределы Италии (Ревяко 1988, 178).

При этом против версии о заинтересованности Ганнибала в северной базе говорит то, что он, располагая флотом, не пришел на помощь македонянам, а предпочёл операции в Сицилии. Стоит вспомнить, что в 215 г. до н. э. Ганнибал заключил союз не только с Филиппом, но и с Сиракузами, где после смерти Гиерона II, верного союзника римлян, к власти в начале 215 г. до н. э. пришел молодой Гиероним, склонившийся на сторону карфагенян. Как и Филипп V, Гиероним заключил союз с Ганнибалом, надеясь на прямую выгоду: его интересовал контроль над восточной частью Сицилии, если не над всем островом (Нойос 2003, 124). Соответственно центр тяжести военных действий перемещался в Сицилию (Ревяко 1988, 179). Таким образом, действия Ганнибала явно указывают на его приоритеты.

Дело, видимо, было не в том, что у карфагенян имелся интерес именно к северной стоянке, а в том, какой флот контролирует залив Отранто. С этой точки зрения планы Филиппа соответствовали замыслам Ганнибала, хотя македонский поход на Аполлонию в 214 г. до н. э. едва ли следует рассматривать как спланированную совместную акцию союзников. Если бы македоняне получили этот порт, они смогли бы оказывать более весомую военную помощь Ганнибалу на море. Речь по-прежнему не шла о вторжении в Италию, скорее, о частых рейдерских атаках на отдельные римские корабли или побережье.

Таковы, вероятно, были надежды карфагенского предводителя, но имелись ли у македонян желание и реальные возможности претворить их в жизнь в случае успеха в Аполлонии?

Основной интерес в этом случае представляет вопрос, кто мог быть командующим македонским флотом. Ответ очевиден — лишь тот, кто имел опыт в подобных операциях. Но среди македонян в то время такого командира не было, что заставляет вспомнить об иллирийском династе Деметрии Фарском, скрывавшемся от римлян при македонском дворе.

Деметрий Фарский начал свою карьеру при Тевте, вдове Агрона, которой в наследство от мужа досталось крупное Иллирийское царство.

Царица передала в управление Деметрию Керкиру (Polyb. II. 10. 8). В первую римско-иллирийскую войну он перешёл на сторону римлян (Polyb. II. 11. 3–6), и после победы над Тевтой римляне за оказанные им услуги оставили часть иллирийских территорий под его властью (Polyb. II. 11. 15–17). Пользуясь начавшейся войной Рима с Ганнибалом, Деметрий активно расширял сферу своего влияния. В результате его усилий к 220 г. до н. э. к востоку от Италии появляется мощная, независимая, нестабильная и потенциально опасная для римлян сила на море (Eckstein 1994, 58). Позднее Деметрий неоднократно совершал пиратские рейды на греческие земли (Polyb. IV. 16). Подобные действия в условиях, когда Рим был занят войной с Карфагеном, несли угрозу для римлян, так как могли привести к установлению иллирийского контроля над Ионийским заливом, открыв южноиталийские территории для нападения с моря. Столь оживленные действия иллирийцев вызывали в сенате серьёзные опасения, что римляне вообще могут быть вытеснены из Иллирии Деметрием; это обстоятельство могло стать причиной их решения напасть на него (Hammond 1968, 11). В ходе войны Деметрий, разбитый римлянами, бежал к Филиппу V и с тех пор сопровождал его во всех кампаниях.

Полибий называет Деметрия злым гением царя, склонявшим молодого правителя к недостойным поступкам и побуждавшим к войне с Римом (V. 12. 5–7; 101. 6–102. 2; VII. 11. 2–3; 13. 4–5). Возможно, он действительно надеялся вернуть утраченное с помощью македонских сил. Вслед за ахейским историком современные исследователи полагают, что Деметрий обратил внимание царя на Иллирию и даже подталкивал его к нападению на Италию (Walbank 1984, 481).

Именно такого человека Филипп V мог и, вероятнее всего, планировал поставить во главе своего легкого флота и поручить набеги на римское побережье. Возможно, именно Деметрий был ключевой фигурой в организации морской кампании, поэтому его неожиданная смерть могла смешать все планы македонского царя. У Полибия имеется упоминание о том, что Деметрий необдуманно и легкомысленно попытался захватить крепость мессенян в соответствии с замыслами Филиппа и погиб во время этого предприятия (III. 19. 10). Однако историк не приводит никаких подробностей этого предприятия, даже дата похода неизвестна.

Хронологию событий можно восстановить лишь приблизительно. Предположительно, подобные действия Деметрий мог организовать не ранее 216 г. до н. э., поскольку последнее упоминание о нём в источниках связано с государственным переворотом в этом городе, спровоцированным Филиппом V. Тогда он прибыл в Мессену, сопровождая

македонского царя (Polyb. VII. 11; Plut. *Arat.* 49). Кроме того, Деметрий в качестве заинтересованного лица упомянут в Полибиевой версии договора — ему должны были возвратить всех его подданных, какие находились в пределах Римского государства (Polyb. VII. 9. 14), т. е. летом 215 он был ещё жив. Нападение самого Филиппа на Мессену относится к концу 214 — началу 213 г. до н. э. (Niese 1899, 471; Roebuck 1941, 83), поскольку есть указания, что стратегом Ахейского союза был Арат, который умер в свою последнюю стратегию в 213 г. до н. э. (Polyb. VIII. 14. 1; Plut. *Arat.* 51). Таким образом, предприятие Деметрия, вероятно, могло иметь место лишь в период с конца 216 по конец 214 г. до н. э. Источники не упоминают его, говоря о походе царя на мессенские земли; видимо, это означает, что к тому времени Деметрия не было в живых.

Если вторжение самого Филиппа было ответной реакцией на уже состоявшееся отпадение мессенян от Эллинской лиги (хотя об альянсе Мессении с Этолией — старым врагом Ахейского союза и Эллинской лиги — Полибий упоминает, лишь рассказывая о событиях 210 г. до н. э. [IX. 30. 6], однако из этой цитаты следует, что союз был заключён раньше), то вполне допустимо предположение о выходе Мессении из Эллинской лиги уже в 214 г. до н. э., т. е. до похода Филиппа, но, вероятно, после нападения Деметрия. В связи с вышеизложенным дату нападения Деметрия на Мессению можно уточнить, отнеся её к лету 214 г. до н. э., т. е. непосредственно перед вторжением Филиппа в мессенские земли. В таком случае в период после заключения союза с Ганнибалом Деметрий вполне мог рассматриваться как подходящая кандидатура для предстоящих морских столкновений с римлянами.

На тот факт, что Деметрий мог командовать македонскими морскими силами, косвенно указывает на инцидент 216 г. до н. э. Тогда македонский царь отправился в первый поход против Аполлонии (Polyb. V. 109. 4–6), но получил известие о приближении римских кораблей. Испугавшись этого слуха, он отступил (V. 110. 1–6). Это «позорное» событие сам Филипп объяснил необходимостью устройства дел в Пелопоннесе (V. 110. 6): вероятно, получив сообщение о перевороте в Мессении, он поспешил туда для урегулирования конфликта в качестве гегемона Эллинской лиги (IV. 16. 1). Когда македоняне прибыли в Мессению, Деметрий советовал царю установить в мессенской крепости гарнизон, что вызвало возмущение ахейского стратега Арата, прибывшего днём позже с целью поддержки проахейской партии (Polyb. VII. 11; Plut. *Arat.* 50). В этом инциденте интересен лишь один момент: в качестве кого Деметрий находился при македонском царе? Едва ли он был просто советником, скорее всего, именно он вёл только что построенный лёгкий флот Филиппа.

В таком случае допустимо предположение, что смерть Деметрия объясняет тот факт, почему македонские суда так и не были отправлены к берегам Италии на помощь Ганнибалу, а единственная морская акция по захвату Аполлонии проходила, вероятно, уже без его участия и закончилась провалом.

Подводя итоги, можно отметить, что последствия заключения договора между Филиппом и Ганнибалом оказались катастрофичными для эллинистической Македонии. Поскольку об этом соглашении стало известно римлянам, когда македонский посол попал к ним в руки, то сенат усмотрел в слишком активных действиях царя угрозу своей восточной политике. Однако следует признать, что Филипп действовал в русле эллинистической дипломатической практики. Хотя македонский правитель, вероятно, при заключении договора не рассчитывал, что ему придётся оказывать помощь союзнику, тем не менее не следует говорить, что он, когда обстоятельства этого потребовали, вообще не собирался выполнять союзнические обязательства. Гибель Деметрия Фарского, а затем и уничтожение первого македонского флота означали объективную невозможность оказания военной помощи Ганнибалу.

Литература

- Беликов А. П.* Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003.
- Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма / пер. с нем. Э. Д. Фролова. М., 1982.
- Кашеев В. И.* Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н. э. М., 1993.
- Маринович Л. П.* Александр Македонский и становление эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура / отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1990.
- Ревяко К. А.* Пунические войны. Минск, 1988.
- Садьков М. Ш.* Межгосударственные отношения и дипломатия в Западном Средиземноморье в 323–264 гг. до н. э. Казань, 2003.
- Эллинистическая техника / под ред. И. И. Толстого. М.; Л., 1948.
- Bagnall N.* The Punic Wars 264–146 BC. Osprey Publishing, 2002.
- Briscoe J.* The Antigonids and the Greek States, 276–196 BC // Imperialism in the Ancient World / ed. P. D. A. Garnsey, C. R. Whittaker. Cambr., 1978. P. 145–157.
- Cary M.* A History of Rome down to the Reign of Constantine. L., 1935.
- Daly G.* Cannae. The Experience of Battle in the Second Punic War. L.; N. Y., 2002.
- Dorey T. A.* Macedonian Troops at the Battle of Zama // AJPh. Vol. 78. 1957. 2. P. 185–187.

- Eckstein A. M.* Polybius, Demetrius of Pharos, and the Origins of the Second Illyrian War // CIP. Vol. 89. 1994. No 1. P. 46–59.
- Eckstein A. M.* Greek Mediation in the First Macedonian War, 209–205 BC // *Historia*. 2002. Bd. 50. Ht. 3. P. 268–297.
- Eckstein A. M.* Macedonia and Rome, 221–146 BC // *A Companion to Ancient Macedonia* / ed. J. Roisman, I. Worthington. Blackwell Publishing, 2010.
- Errington R. M.* Geschichte Macedoniens: Von den Anfängen bis zum Untergang des Königreiches. München, 1986.
- Fields N.* Hannibal. Osprey Publishing, 2010.
- Fronza M. P.* Hannibal: Tactics, Strategy, and Geostrategy // *A Companion to the Punic Wars* / ed. D. Hoyos. Chichester; Malden (Mass.), 2011.
- Gruen E. S.* The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. 1–2. Berkeley; Los Angeles; London, 1984.
- Hammond N. G. L.* Illyris, Rome and Macedon in 229–205 BC // *JHS*. Vol. 58. 1968. P. 1–21.
- Hammond N. G. L.* The Macedonian State. Origins, Institutions and History. Oxford, 1989.
- Hammond N. G. L., Hatzopoulos M. B.* The Via Egnatia in Western Macedonia // *AJAHS*. Series 1. Vol. 7. 1985–1986. No 2. P. 128–149; Vol. 8. No 1. P. 48–53.
- Hammond N. G. L., Walbank F. W.* A History of Macedonia. Oxford, 1988. Vol. 3.
- Hatzopoulos M. B.* Strepssa: A Reconsideration, or New Evidence on the Road System of Lower Macedonia // *ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ*. Two studies in ancient macedonian topography. Athens, 1987.
- Heskel J.* The Foring Policy of Philip II Down to the Peace of Philocrates. Camb. (Mass.), 1987.
- Hoyos D.* Hannibal's Dynasty. Power and Politics in the Western Mediterranean, 247–183 BC. L.; N. Y., 2003.
- Mills C. W.* Hannibal. Chelsea House Publishers, 2008.
- Murray W.* The Age of Titans: The Rise and Fall of the Great Hellenistic Navies. Oxford, 2012.
- Niese B.* Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schacht bei Chaeroneia. Gotha, 1899. Tl. 2.
- O'Connell R. L.* The Ghosts of Cannae: Hannibal and the Darkest Hour of the Roman Republic. N. Y., 2010.
- Roebuck C. A.* A History of Messenia from 369 to 146 BC. Chicago, 1941.
- Seibert J.* Alexander der Grosse (Erträge der Forschung, Bd. X.). Darmstadt, 1972.
- Tarn W. W.* Alexander the Great. Vol. 2. Sources and Studies. Cambridge, 1948.
- Walbank F. W.* Philip V of Macedon. Cambridge, 1967.
- Walbank F. W.* Macedonia and the Greek Leagues // *CAH*². Vol. 7. 1984. P. 446–513.
- Walbank F. W.* Polybius, Rome and the Hellenistic World. Essays and Reflections. Cambridge, 2002.
- Will E.* Histoire politique du monde hellénistique. 2-ème. ed. Vol. 1. Nancy, 1979.

Natalya Yu. Sivkina

**THE TREATY BETWEEN PHILIP V AND HANNIBAL:
SEVERAL COMMENTS ON THE OBLIGATIONS
OF ALLIES**

In the summer of 215 B.C., the Macedonian king Philip V concluded an alliance with Hannibal. The consequences of this treaty have been disastrous to both Macedonia and the Hellenistic world, because that agreement was known to the Romans, when the macedonian ambassador was captured by enemies, the Senate found a threat to its eastern policy in too active actions of the king. However, Philip was in line with the Hellenistic diplomatic practice. Probably the Macedonian ruler, concluding a treaty, did not expect that he would have to help ally, but it cannot be said that he, in the case of necessity, does not intend to fulfill its obligations as an ally. The death of Demetrius of Pharos and then the destruction of the first Macedonian fleet meant objective impossibility of military aid to Hannibal.

А. А. Абакумов

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РЕВАНШ: ГАННИБАЛ, АНТИОХ III И СИРИЙСКАЯ ВОЙНА

Пребывание Ганнибала в царстве Селевкидов при дворе царя Антиоха III и его участие в Сирийской войне 192–188 гг. до н. э. ещё в древности стали объектом мифологизации. Античная традиция изображает Антиоха тщеславным и недалёким восточным деспотом, который не ценит великого пунийца, пренебрегает его советами, не лучшим образом использует его полководческий дар (среди прочего отправляет его, прославившегося победами на суше, командовать флотом)¹ и потому закономерно проигрывает войну с Римом. Показателен анекдот, сохранившийся у Авла Геллия: во время пышного парада селевкидских войск царь спросил Ганнибала, хватит ли этого для римлян. Оценив обилие драгоценных украшений, пуниец с иронией заметил: «Я уверен, что всего этого вполне достаточно для римлян, хотя они и необычайно жадны» (*NA. V. 5. 1–5*. Пер. А. Б. Егорова). Этот сюжет пользуется известной популярностью и среди исследователей, в первую очередь биографов Ганнибала. Однако насколько он достоверен?

Сложно судить, что было известно друг о друге Ганнибалу и Антиоху до их личной встречи и насколько последний разделял мнение античных авторов о пунийском военачальнике как о величайшем стратеге (*App. Syr. 9. 37*), который превзошёл всех в военном искусстве и перебил больше римлян, чем осталось в живых (*Liv. XXXIV. 60. 2; XXXV. 12. 14*). Враги Ганнибала, недовольные реформаторской деятельностью последнего

¹ «Полководческое искусство Ганнибала осталось без применения» (*Iust. XXXI. 4. 9*. Здесь и далее пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского). Общее мнение апологетов Ганнибала озвучил И. Ш. Шифман: «Ганнибала, сколько об этом можно судить, царь держал в тени и не позволял ему участвовать в боевых операциях. Только после разгрома при Фермопилах Антиох решил воспользоваться его опытом и... назначил его командующим наскоро собранной флотилией» (Шифман 2006, 475).

на посту карфагенского суффета, обвиняли его в том, что он сговорился с Антиохом ещё до своего бегства (Liv. XXXIII. 45. 6; Iust. XXXI. 1. 7). Неизвестно, были ли для этого основания² или Ганнибал отправился в царство Селевкидов просто потому, что счёл его последним государством в пределах досягаемости, свободным от римского влияния.

Отношения Антиоха III с римлянами установились сравнительно недавно — в конце III в. до н. э. — и в 190-х гг. до н. э. складывались не лучшим образом из-за расширения сфер влияния обоих государств и в частности из-за «македонского наследства». Поражение царя Филиппа V во Второй Македонской войне привело к «освобождению» Фламинином Греции, выходу Антиоха во Фракию³ и конфликту интересов⁴. «И римляне, и Антиох с большим подозрением относились друг к другу: римляне полагали, что Антиох не останется спокойным, находясь под обаянием величия своей власти и расцвета удач; Антиох же полагал, что только одни римляне будут особенно препятствовать расширению его могущества и помешают ему при его попытке переправиться в Европу» (App. Syr. 2.7. Здесь и далее пер. С. П. Кондратьева). Тем не менее, как отмечает Аппиан, «на тот момент у них не было явных причин для враждебных отношений» (Syr. 2.7.). О том, что селевкидский царь «ещё колебался и не мог отважиться на войну с Римом» (*fluctuantem adhuc animo incertumque de Romano bello*), сообщает и Ливий (XXXIII. 49. 7. Пер. С. А. Иванова). Ганнибал (наряду с царём Пергама Эвменом II и малоазийскими греками, апеллировавшими к Риму, и вождями этолийцев, которые ориентировались на Антиоха) ускорил начало открытой войны между двумя великими державами.

Сначала Ганнибал прибыл в Тир, где местные жители оказали ему как «соотечественнику» (*ut ab altera patria*) восторженный приём (Liv. XXXIII. 49. 5). Через несколько дней он отбыл в столицу царства Антиохию, но, не застав там царя, отправился дальше и встретился с ним в Эфесе — западной резиденции Антиоха⁵. Как сообщают источники,

² Юстин прямо называет это «ложными наветами» (*falsa nuntiata*: XXXI. 1. 9).

³ В 281 г. до н. э. права на Фракию заявил основатель династии Селевк I, разгромив царство Лисимаха; при его преемниках Фракия была потеряна. На переговорах с римлянами в Лисимахии в 196 г. до н. э. Антиох III подчеркнул, что не собирается воевать с ними и просто желает вернуть наследство Селевка (Liv. XXXIII. 40. 4–6; App. Syr. 6. 23).

⁴ Римляне считали Европу (включая Фракию и, разумеется, Грецию) своей сферой интересов, а «буферной зоной» — Малую Азию, тогда как Антиох III таковой полагал Грецию, а Фракию и Малую Азию включал в зону собственного влияния (Eckstein 2008, 313).

⁵ Liv. XXXIII. 49. 7; App. Syr. 4. Дж. Грэйнджер датирует прибытие Ганнибала в Эфес осенью 195 г. до н. э. (Grainger 2002, 112, 119). См. также: Holleaux 1908.

селевкидский царь ввёл Ганнибала в круг своих приближённых — событие беспрецедентное для «изгнанника и пунийца» (*exilem illum et Poenum esse*) (Liv. XXXV. 42. 8), не принадлежавшего к греко-македонской элите (Strootman 2011, 79). По словам Ливия, он «был у царя в великой чести (*in magno honore*) по той лишь причине, что не сыскать ему было другого человека, чьи советы были бы столь полезны в войне» (XXXIV. 60. 2). Орозий, со своей стороны, даже заявляет, что Ганнибал убедил Антиоха начать войну немедленно⁶ — тем самым он явно преувеличивает влияние Ганнибала, тем более что война началась лишь через несколько лет после его прибытия.

Что же мог Ганнибал предложить Антиоху для разрешения его конфликта с Римом? Как свидетельствуют источники, герой Второй Пунической войны продолжал мыслить её категориями, и поражение в войне здесь ничего не изменило. «Совет Ганнибала всегда был один: войну вести в Италии, ибо, когда придут враги-чужеземцы, Италия-де сама поставит им и припасы, и воинов» (*sententia eius una atque eadem semper erat, ut in Italia bellum gereretur: Italiam et commeatus et militem praebituram externo hosti*) (Liv. XXXIV. 60. 3–4. Пер. Г. С. Кнабе). Ганнибал затребовал у Антиоха для этой цели «сто палубных кораблей, десять тысяч пеших воинов и тысячу конников» (Liv. XXXIV. 60. 5; Iust. XXXI. 3. 8). Согласно Ливию, он рассчитывал с этими войсками вернуться в Карфаген и поднять соотечественников на борьбу с Римом, но в случае неудачи собирался высадиться «где-либо в Италии» (*se aliqua parte Italiae*) и начать войну там; Антиоху предлагалось отправиться с основными силами в Грецию, чтобы обозначить угрозу Риму (XXXIV. 60. 4–6). Аппиан характеризует эту идею несколько иначе: Ганнибал с самого начала намеревался воевать в Италии, а в Карфаген отправить своих доверенных лиц. «Я имею опыт с Италией, — сказал он, — и с десятью тысячами людей могу захватить в ней удобные места (*καὶ μυρίοις ἀνδράσι δύνανται καταλαβεῖν αὐτῆς τὰ ἐπιχειρεῖα*) и послать в Карфаген к друзьям с поручением поднять народ, уже давно недовольный и не имеющий никакой верности римлянам; он тотчас же исполнится смелости и надежд, если услышит, что я вновь опустошаю Италию» (App. Syr. 7. 28). Юстин добавляет, что Ганнибал прельстил селевкидского царя идеей широкой антиримской коалиции с участием не только его собственного царства и Карфагена, но и воинственных испанцев, которым «не хватает только вождя» (Iust. XXXI. 3. 10).

Оба источника сообщают, что Ганнибал смог получить согласие Антиоха и направил в Карфаген своё доверенное лицо — тирийского

⁶Oros. IV. 20. 13: *quem cum apud Ephesum inuenisset cunctantem, mox in bellum inpulit.*

купца Аристона. Но если у Аппиана он действует с санкции царя⁷, то у Ливия посылает Аристона по собственной инициативе и на своих условиях⁸. Поэтому и цели этой миссии у источников разные: если, согласно Ливию, Аристон едет только лишь «расположить в свою пользу умы сограждан», т. е. подготовить почву накануне отправки войск, то в изложении Аппиана он намерен поднять мятеж⁹. Однако сама миссия завершилась полным провалом: Аристон был разоблачён прежде, чем успел что-либо предпринять, и бежал (Liv. XXXIV. 61. 2–15; App. Syr. 8).

Согласно Корнелию Непоту, через несколько лет Ганнибал повторил эту миссию, причём отправился в Африку лично, взяв у Антиоха пять кораблей (*Hannib.* 8. 1). Не все исследователи считают это сообщение достоверным — в нём упоминается брат Ганнибала Магон, который, по Ливию (XXX. 19. 4–5), давно погиб¹⁰. Как бы то ни было, можно констатировать, что, если высадка Ганнибала в Африке и имела место, она окончилась столь же безрезультатно, сколь и миссия Аристона; тем самым пуниец лишней раз продемонстрировал селевкидскому царю своё упрямство, которое при этом не даёт положительных результатов¹¹.

Следует учитывать и то, что сами римляне ожидали именно такого развития событий и готовились к нему. Как сообщает Ливий, слухи о давнем сговоре Ганнибала с Антиохом выглядели правдоподобными, «и люди помнили о минувшей войне, которую он не только один вёл, но и один разжёг» (XXXIII. 45. 8). Многие римские сенаторы были убеждены, что Ганнибал ранее подбил на войну Филиппа V, а сейчас собирается сделать то же самое с этолийцами, сирийцами, карфагенянами и не успокоится, «пока не втянет в войну весь мир» (*haud quieturum antequam bellum toto orbe terrarum concisset*) (Liv. XXXIII. 49. 1–3). Основание новых римских колоний на юге Италии в консульство Сципиона Африканского (XXXIV. 45. 1–5) некоторые исследователи тоже связывают с угрозой нового вторжения Ганнибала (Scullard 2003, 261). Согласно Аппиану, «как это бывает при большом страхе, римляне беспокоились и за Италию,

⁷ App. Syr. 7.29: «Антиох... велел тотчас же послать людей с поручением» (αὐτίκα αὐτὸν ἐπιστέλλειν τοῖς φίλοις ἐκέλευεν).

⁸ Liv. XXXIV. 61. 2: «Много чего посулил, да без согласия царя, и уговорил поехать в Карфаген» (*spe praemiorum oneratum, quibus etiam ipse rex adnuerat, Carthaginem cum mandatis mittit*).

⁹ Liv. XXXIV. 61. 1; App. Syr. 8. Ливий говорит лишь о том, что Аристона *подозревали* в подготовке мятежа.

¹⁰ Шифман 2006, 472; ср.: Seibert 1993, 513–514 (с рассказом Непота связывается упоминаемое Павсанием (VIII. 11. 6) и Аппианом (Syr. 11. 44) пророчество оракула Зевса-Аммона о том, что Ганнибал найдёт смерть в ливийской земле).

¹¹ Впоследствии власти Карфагена выразили готовность помочь римлянам в войне с Антиохом, предоставив им зерно и корабли (Liv. XXXVI. 5–6).

будет ли она им верна и постоянна в войне с Антиохом. Поэтому они послали большое пешее войско в Тарент наблюдать за возможным вторжением, а флот должен был плавать вдоль побережья... Когда ими было приведено в порядок всё, что касается их собственной страны, они уже против самого Антиоха набрали двадцать тысяч своих граждан, вдвое больше из числа союзников» (*Syr.* 15. 64—65). Так что, вероятнее всего, 11-тысячный селевкидский десант в Италии был бы разбит гораздо быстрее, чем это произошло с экспедицией в Грецию.

Ко всему прочему в своё время Ганнибал, по справедливому замечанию М. Олло, не смог завоевать Италию с куда большими силами и в куда более благоприятной ситуации¹², а посему сомнительно, что пуниец вообще мог предложить столь авантюрный план (Holleaux 1930, 202). «В середине 190-х гг. нигде в Италии уже было невозможно поднять восстание против Рима; если Ганнибал рассчитывал найти союзников в Цизальпинской Галлии, этого явно было недостаточно», — развивает его мысль Д. Хойос (Hoyos 2003, 204—205). Как отмечает Дж. Лэйзенби, большинство италийских и все латинские общины во время Второй Пунической войны отказались поддержать Ганнибала, и причина была далеко не только в страхе перед Римом. Связи римлян с населением Италии оказались слишком прочными, а противоречия между недовольными Римом слишком сильными, чтобы они сумели выступить единым фронтом (Lazenby 1998, 234). Р. Габриэль прямо называет идею высадки в Италии «недостойной Ганнибала как тактика и стратега» (Габриэль 2012, 285); С. Лансель допускает, что этот план приписали Ганнибалу последующие историки (Лансель 2002, 304—305, 311). По предположению Г. Скалларда, Ганнибал мог рассматривать высадку в Италии как некий идеальный вариант, а свою первоочередную задачу видел в том, чтобы вернуть власть в Карфагене: так он смог бы одновременно и отомстить своим обидчикам, и помочь Антиоху отвлечь внимание римлян от Греции (Scullard 2003, 262). Вместе с тем у «грандиозного плана» в историографии есть и свои защитники; они, однако, обычно не пытаются оценить его реалистичность, а нежелание Антиоха ему следовать объясняют прежде всего происками завистников при дворе и римских послов,

¹² В том, «сколько было войска у Ганнибала после его прихода в Италию... источники совершенно не согласны друг с другом: самая высокая цифра — сто тысяч пехоты и двадцать тысяч конницы, самая низкая — двадцать тысяч пехоты и шесть тысяч конницы» (Liv. XXI. 38. 2. Пер. Ф. Ф. Зелинского). Также в армии первоначально было 37 боевых слонов (Polyb. III. 42. 11; по: Liv. XXI. 5. 10 — 40, явное округление); некоторые из них пережили переход через Альпы и битву при Требии (218 г. до н. э.: Liv. XXI. 58. 11), но почти все они погибли от зимних холодов (Polyb. III. 74. 11). В битве при Каннах участвовало около 40 тысяч карфагенских пехотинцев и 10 тысяч всадников (Polyb. III. 114. 5; Liv. XXII. 46. 6).

пытавшихся скомпрометировать Ганнибала в глазах царя (Polyb. III. 11. 1–3; Liv. XXXV. 14; App. Syr. 9; Iust. XXXI. 4. 4–10)¹³.

Насколько в этом плане был заинтересован сам Антиох? Ещё Т. Моммзен считал тёплый приём, оказанный Ганнибалу, «чем-то вроде формального объявления войны римлянам» (Моммзен 1887, 193–194); иными словами, царь развязал войну, но, завидуя громкой славе пунийца, отказался предоставить ему свободу действий и поэтому проиграл. Тем не менее из источников не следует, что Антиох всерьёз думал о войне до прибытия Ганнибала, видел её именно так, как она виделась Ганнибалу, и *сам пригласил его* именно для войны с Римом. В 1907 г. вышла статья Й. Кромайера, в которой он, полемизируя с Моммзеном, попытался оценить истинные мотивы действий селевкидского царя. Сославшись на известное высказывание К. Клаузевица о двух видах войны¹⁴, Кромайер указал, что у Ганнибала, как и у Антиоха, имелись все основания придерживаться собственной доктрины: если первый выступал за войну до полной победы, второй в конфликте с Римом преследовал сугубо частные цели — обеспечение своих прав на Фракию и чёткое разграничение сфер влияния. Не испытывая, как Ганнибал, личной ненависти к римлянам, Антиох и не собирался вступать с ними в смертельную схватку (Kromayer 1907).

Впоследствии эта точка зрения стала в историографии основной, но если западные исследователи обычно просто констатируют наличие у Ганнибала и Антиоха противоположных планов, то советские с присущей им категоричностью упрекали последнего в недалёковидности¹⁵. С другой стороны, свои апологеты есть и у позиции Антиоха — в их числе вместе с М. Олло можно назвать, в частности, Э. Бэдиана (Badian 1959) и особенно Дж. Грэйнджера (Grainger 2002). Так что та «опала»,

¹³ См., например: Dodge 1891, 612; Morris 1897, 339; Ревяко 1988, 219–220; Ковалёв 2002, 320 (при этом, отстаивая идею «единого антиримского фронта», историк сам признаёт, что его создание было невозможно в силу противоречий между его потенциальными участниками, так что Ганнибал, «несомненно, ошибался»); Шифман 2006, 472–475.

¹⁴ «Целью войны может быть сокрушение врага, т. е. его политическое уничтожение или лишение возможности сопротивляться, вынуждающее его подписать любой мир, или же целью войны могут являться некоторые завоевания у границ своего государства, чтобы удержать их за собою или же воспользоваться ими как полезным залогом при заключении мира. Конечно, будут существовать и переходные формы между этими двумя видами войны, но глубокое природное различие двух указанных стремлений должно всюду ярко выступать, а их несовместимые стороны необходимо отделять одну от другой» (Клаузевиц 1934, XIX).

¹⁵ В частности, у С. И. Ковалёва: «Антиох ошибался, а прав был Ганнибал, который хорошо знал Рим и видел лучше и дальше сирийского царя» (Ковалёв 2002, 320).

которой Антиох на какое-то время подверг Ганнибала¹⁶, могла быть связана не только с происками его врагов-римлян и недоброжелателей в царском окружении, но и с тем, что Ганнибалу просто нечего было предложить. Если царя упрекали в непонимании мотивов Ганнибала, тот же упрёк можно адресовать и самому пунийцу: он продолжал упрямо настаивать на италийском походе, который не имел ничего общего с планами Антиоха.

Вместе с тем после провала миссии Аристона царь прямо не отказал Ганнибалу в поддержке его начинания, хотя, видимо, и охладел к нему, убедившись, что карфагенян оно не прельщает. План африканской экспедиции продолжал обсуждаться в окружении Антиоха (но царь не спешил выделить Ганнибалу затребованные им корабли: Liv. XXXV. 42. 3)¹⁷ до тех пор, пока в Греции не произошло знаковое событие — этолийцы захватили сильную крепость Деметриаду, одну из тех, что называли «оковами Эллады», и пригласили царя возглавить очередное «освобождение» эллинов. В результате Антиох счёл это направление куда более перспективным, чем африканское, и лучше соответствующим его собственным планам¹⁸. Ко всему прочему после своего знаменитого «восточного анабасиса» селевкидский царь приобрёл широкую известность, снискав в греческом мире репутацию нового Александра, а воюя с фракийцами и восстанавливая греческие города, показал себя ещё и защитником

¹⁶ Ганнибала перестали приглашать на совет «друзей» царя (Liv. XXXV. 19. 1–2); Юстин добавляет, что они неоднократно проходили без его участия (XXI. 5. 1).

¹⁷ Согласно Ливию, эту линию отстаивал акарнанец Александр на совете, где сам Ганнибал не присутствовал (*Hannibalem quoque sine mora mittendum in Africam esse ad distringendos Romanos*: XXXV. 18. 8). Это показывает, что в окружении Антиоха были не только противники Ганнибала.

¹⁸ Вероятно, Антиох счёл вывод римских войск из Греции по предложению Фламинина (против которого, кстати, возражал Сципион Африканский, опасаясь именно того, что Ганнибал и этолийцы призовут туда селевкидскую армию: Liv. XXXIV. 43. 4–5) проявлением слабости римлян и переоценил антиримские настроения самих греков. Поэтому он мог рассматривать свою высадку в Греции лишь как демонстрацию силы, призванную заставить римлян возобновить переговоры и признать за ним свободу действий во Фракии и на малоазийском побережье; он не стал посылать большую армию, позиционируя себя в качестве не завоевателя, а защитника интересов греков. К тому же формально он прибыл в Грецию по приглашению этолийцев, возможно, посчитав захват Деметриады благоприятной возможностью, которую не следует упускать (Badian 1959, 96). К тому времени в Этолийском союзе партия «ястребов» уступила главенство более умеренным политикам — если первые звали Антиоха как военного вождя, вторые видели в нём исключительно посредника в урегулировании разногласий с римлянами (Liv. XXXV. 45). Тем не менее для вступления Рима в войну оказалось достаточно, чтобы этолийцы захватили союзную Риму Деметриаду, осадили Халкиду и призвали Антиоха «для войны с римским народом» (XXXVI. 3. 11–12).

эллинизма от варваров. Поэтому там он мог надеяться на куда более благожелательный приём, чем в Италии, где его имя местным жителям ничего не говорило. Практически с теми же самыми силами, которых будто бы требовал Ганнибал¹⁹, Антиох высадился в Греции. По словам Ливия, этого не хватало даже для покорения греков, не говоря уже о войне с римлянами (*vix ad Graeciam nudam occupandam satis copiarum, nedum ad sustinendum Romanum bellum*) (XXXV. 43. 6)²⁰.

Стоит отметить, что так Антиох в известном смысле выполнил ту часть изначального плана Ганнибала, которая касалась лично его: он действительно направился в Грецию, чтобы продемонстрировать римлянам всю серьёзность своих намерений. Часть, касавшаяся миссии в Карфаген, была в принципе одобрена царём, но выполнить её по причинам, от него не зависевшим, не удалось²¹. Ганнибал же остался при своём мнении.

В следующий раз пуниец выступал на военном совете зимой 191 г. до н. э. в Деметриаде; как сообщают источники, к тому времени он вернул доверие царя²². Согласно Юстину, его мнение заслушали последним (*omnibusque perrogatis postremum interrogasse: XXI. 5. 1*), и он не сказал ничего нового: «Не нравится... то, что местом военных действий избрана Греция, тогда как Италия представляет собой более богатую почву для войны... Если кто нападает на римлян в самой Италии, сможет их победить их же собственными богатствами, их же силами, их же оружием, что в своё время и удалось сделать ему, Ганнибалу... Этот самый совет он уже давал... и сам предложил свои услуги, чтобы выполнить этот план. Теперь же он повторяет его... чтобы все знали, [каков] правильный способ ведения войны с римлянами» (*ut scirent omnes rationem gerendi cum*

¹⁹ 10 тысяч пехотинцев, 500 всадников, 6 слонов (Liv. XXXV. 43. 6).

²⁰ В то же время этот контингент условно можно сравнить с двумя римскими легионами, и его оказалось вполне достаточно, чтобы к весне 191 г. до н. э. значительная часть греческих государств (с важными исключениями в виде Македонии, Афин и Ахейского союза) заявила — правда, с теми или иными оговорками — о своей поддержке Антиоха. Это могло служить демонстрацией краха той системы, которую выстраивали римляне в Греции после Второй Македонской войны (Eckstein 2008, 325–326). Б. Бар-Кохва предполагает, что Ливий уменьшил количество селевкидских войск, и численность контингента на самом деле составляла около 18 тысяч чел. (Bar-Kochva 1976, 15–17).

²¹ Как отмечает Э. Бэдиан, это вполне укладывалось в логику «холодной войны» между Римом и царством Селевкидов: официально не вмешиваясь в дела Карфагена и не помогая Ганнибалу прямо, но и не мешая ему, Антиох тем самым в случае успеха мог получить ценного союзника и рычаг давления на соперника, а в случае неудачи (как, собственно, и случилось) не терял ничего (Badian 1959, 95).

²² Именно Антиоху Ганнибал, оправдываясь, рассказал о своей знаменитой клятве в вечной ненависти к Риму (Polyb. III. 11. 4–7; Liv. XXXV. 19. 3–6).

Romanis belli) (XXXI. 5. 3–8). В изложении Ливия Ганнибал добавляет: «Если бы ты тогда меня выслушал... война сейчас полыхала бы в Этрурии, а также на побережье Лигурии и Предальпийской Галлии. Мало того, римляне услышали бы, что в Италии находится Ганнибал, а страшнее этого для них нет ничего» (XXXVI. 7. 16. Пер. С. А. Иванова).

Любопытную трактовку «италийской» части плана предлагает Я. Зайберт. По его мнению, пуниец изменил его сообразно текущей ситуации и намеревался использовать своё пребывание в Греции для того, чтобы изменить направление удара по Италии, нанеся его не с юга, а с северо-запада. На Карфаген как потенциальную базу рассчитывать больше не приходилось, к тому же сами римляне ждали удара именно с юга, а лигуры и галлы были враждебны им. При этом в данном случае Зайберт критикует не только Антиоха (следуя давней историографической традиции), но, что весьма неожиданно, и самого Ганнибала: его план не предусматривал захвата самого Рима, так что из опыта Второй Пунической войны он не извлёк надлежащего урока и не осознал, что сокрушить такого врага можно только ударом в самое сердце (Seibert 1993, 509; 516). Вместе с тем, как представляется, немецкий историк всё же переоценивает прозорливость Ганнибала. В своей речи, согласно Ливию, ранее он уже предлагал высадиться на северо-западе (XXXVI. 7. 16: *quod si tum auditus forem*)²³, из чего можно заключить, что именно таким был первоначальный план (а значит, сейчас он не менялся). На самом деле о конкретных направлениях удара тогда напрямую речь не заходила (XXXIV. 60. 6: *se aliqua parte Italiae*), т. е. никаких особых целей Ганнибал не намечал.

Тем не менее в версии Ливия (XXXVI. 7) и Аппиана (*Syr.* 14)²⁴ в речи Ганнибала содержится и ряд практических соображений. Он указал собравшимся на всю ненадёжность греческих союзников, которые признают только силу и предадут Антиоха, как только в Греции появятся римские войска. Поэтому царь должен рассчитывать прежде всего на себя самого и послать за подкреплениями в Азию. Важно не дать римлянам объединиться с Филиппом V и либо договориться с ним, либо удержать от вмешательства в войну, двинув против него армию из Фракии

²³ Возможно, Ганнибал апеллировал к опыту своего брата Магона, воевавшего в Северо-Западной Италии в конце Второй Пунической войны. Однако в распоряжении Магона находилось гораздо больше сил, чем Ганнибал запрашивал у Антиоха: сначала 12 тысяч пехотинцев и около 2 тысяч всадников (Liv. XXVIII. 46. 7), а впоследствии прибыли подкрепления и средства для найма воинов на месте: XXIX. 4. 6. Тем не менее кампания Магона закончилась безрезультатно. Он не смог поднять на восстание лигуров и галлов, поскольку те боялись помогать ему открыто (XXIX. 5. 6), и пробиться на соединение с Ганнибалом. В конце концов и Магон, и Ганнибал были отозваны из Италии, когда римляне высадились в Африке.

²⁴ Кстати, по Аппиану, пуниец выступал, наоборот, первым — *πρῶτος*.

под началом царевича Селевка (Liv. XXXVI. 7. 10–15; App. Syr. 14. 54–58). Наконец, Ганнибал призвал начать активную морскую войну, отправив часть флота²⁵ к берегам Италии (у Ливия — «туда, где оно обращено к Сардинии и Африке»: XXXVI. 7. 19), а другую — к Керкире (XXXVI. 7. 18), чтобы сковать действия римского флота. Самому Антиоху с основными силами предлагалось двинуться в Северную Грецию, чтобы угрожать римским владениям, а то и вторгнуться в них.

У Ливия план Ганнибала изложен более подробно, но, вероятнее всего, и он, и Аппиан использовали один и тот же первоисточник — утраченные фрагменты «Всеобщей истории» Полибия (Briscoe 1981, 29; Hammond, Walbank 2001, 450)²⁶. Обращает на себя внимание тот факт, что Ганнибал предстаёт здесь куда лучшим знатоком балканских политических реалий, чем сам Антиох или кто-либо из его греко-македонского окружения. Это довольно странно, учитывая, что пуниец ранее в Греции не бывал, а о том, что он каким-то образом так глубоко изучил положение в тех краях, уже находясь в эмиграции (тем более, что он с самого начала собирался воевать в Италии, а не в Греции), источники умалчивают. К тому же если у Ганнибала действительно были какие-то сомнения по поводу лояльности греков, он мог высказать их раньше — вместе с тем он не только не пытался удержать Антиоха от вмешательства в греческие дела, но и сам советовал именно это (Liv. XXXIV. 60. 6). Так что достаточно логичным, на наш взгляд, выглядит предположение Н. Хэммонда, согласно которому Ганнибал этой речи и не произносил; более вероятным её автором британский антиковед считает самого Полибия (Hammond, Walbank 2001, 450, n. 2). Не исключено, что в данном случае ближе к истине именно версия Юстина — Ганнибал в «фессалийской речи» ограничился повторением того, что говорил раньше. Так или иначе, Антиох последовал его рекомендациям лишь в том, что отправил своего флотоводца Поликсенида в Азию за подкреплением (Liv. XXXVI. 8. 1; App. Syr. 14. 59). По мнению Дж. Грэйнджера, поскольку предложения Ганнибала слишком расходились с насущными задачами (продолжение войны в Греции), он на этом совете мог не присутствовать вообще (Grainger 2002, 223–224).

Но если даже допустить, что план кампании действительно принадлежал Ганнибалу, один из его явных изъянов касается Филиппа V. Македонский царь неоднократно фигурирует в источниках как потен-

²⁵ У Аппиана (Syr. 14. 57) речь идёт о половине (ἡμίσιος) кораблей.

²⁶ При этом, как отмечает К. Бродерсен, только Аппиан настойчиво (Syr. 9. 37; 14. 59) приписывает селевкидскому царю и его окружению «зависть» (φθόρος) к славе Ганнибала; у Ливия (а следовательно, и у Полибия) этого мотива нет (Brodersen 1991, 103, 117).

циальный союзник Антиоха III²⁷, однако вряд ли в данном случае Антиох мог всерьёз рассчитывать на его поддержку. Если и можно говорить о некоем союзе двух царей в конце III в. до н. э.²⁸, то в настоящем конфликте Антиох вторгся в традиционную сферу влияния Македонии в союзе с этолийцами, заклятыми врагами Филиппа. Ко всему прочему последний недавно сам проиграл войну с римлянами, и в результате шансы Антиоха склонить его на свою сторону были крайне низкими. По мнению Э. Бивена, Антиох сам это понимал и поэтому, выбирая между Македонией и Афаманией, предпочёл договориться с царём Аминандром (Liv. XXXV. 47. 2; App. Syr. 13), осознавая, что этот выбор окончательный и любое сближение с Филиппом теперь невозможно (Bevan 1902, 77–78)²⁹. Что касается альтернативного варианта (вторжение в Македонию из Фракии), имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют судить о том, был ли он осуществим технически, т. е. располагали тогда царевич Селевк достаточными для этого силами. Насколько известно, сам Ганнибал повлиять на Филиппа V никак не пытался, хотя когда-то заключил с ним союзный договор (Liv. XXIII. 33–34).

В финале греческой кампании у Ганнибала теоретически появился шанс продемонстрировать и своё тактическое искусство. Как отмечают

²⁷ В частности, Liv. XXXV. 18. 6–7 — со слов его бывшего придворного Александра, App. Syr. 12.47 — со слов этолийцев.

²⁸ Его существование является отдельной историографической проблемой. Подробнее см.: Кашеев 1990, 44–52.

²⁹ Аминандр правил небольшим горным царством на юго-востоке Эпира, контролировавшим стратегически важные пути в Центральную Грецию. Он присоединился к Антиоху в надежде возвести на македонский престол своего родственника Филиппа, якобы потомка Александра Великого (Liv. XXXV. 47. 5–7). Этот Филипп снискал известность тем, что устроил пышные похороны македонских воинов, погибших в битве при Киноскефалах (Liv. XXXVI. 8. 3–5). Неизвестно, санкционировал ли это Антиох или же просто не стал (или не успел) ему воспрепятствовать. Так или иначе, это привело Филиппа V в ярость и ускорило его вступление в войну на стороне римлян — он ещё раньше отправлял в Рим послов с предложением помощи (*Philippo pollicente ad bellum auxilia et pecuniam et frumentum*: Liv. XXXVI. 4. 1; 3–4). Заявление Аппиана о том, что Филипп до этого инцидента колебался и не знал, на чью сторону стать (Syr. 16. 67), тем самым опровергается — царь уже принял решение и озвучил его. Со своей стороны, римляне вернули Филиппу его сына-заложника и простили дань (Liv. XXXV. 31. 5; Diod. XXVIII. 15. 1). Ф. Уолбанк в биографии Филиппа V факт этого посольства в Рим отрицает (Walbank 1967b, 200, п. 3), правда, не приводя аргументов; поэтому, для сравнения, Дж. Бриско не видит для такой категоричности достаточных оснований (Briscoe 1981, 224). К тому же Ф. Уолбанк признаёт, что Филипп в любом случае присоединился бы к римлянам, надеясь тем самым восстановить македонское влияние в Греции (Walbank 1967b, 187, 201). Антиох III не изолировал Филиппа V раньше, хотя такой финал был вполне предсказуем. Возможно, у него имелись основания считать, что последний всё же на это не решится; тем не менее здесь селевкидский царь допустил несомненный просчёт.

источники, незадолго до решающей битвы при Фермопилах в 191 г. до н. э. пуниец снова оказался в фаворе у царя (они объясняют это тем, что Ганнибаловы или же, по мнению Н. Хэммонда, приписываемые ему Полибием «пророчества» относительно перспектив кампании сбылись: Liv. XXXVI. 15. 2; App. Syr. 17. 74; Iust. XXXI. 6. 6). Если даже допустить, что Антиох III действительно стал считать Ганнибала провидцем и во всём его слушаться, у последнего, казалось бы, появилась прекрасная возможность спасти кампанию. Однако имя Ганнибала не упоминается ни при подготовке к сражению, ни при его проведении. Конечно, можно допустить, что Ганнибала при Фермопилах не было, но ни о какой порученной ему миссии источники опять-таки не сообщают: напротив, если царь настолько изменил своё отношение к пунийцу, то последний явно должен был находиться при его особе и участвовать в планировании операций. Вместе с тем можно констатировать, что на решающем этапе кампании в Греции Ганнибал никак себя не проявил³⁰.

В 190 г. до н. э. после отступления остатков селевкидского контингента из Европы и начала крупных операций на море Ганнибал получил своё знаменитое назначение, за которое часть исследователей упрекает Антиоха III до сих пор. Так, даже Д. Хойос, подвергший жёсткой критике итальянский план Ганнибала, сетует на то, что для «лучшего военачальника своего времени» селевкидский царь не нашёл ничего более подходящего, как поставить его во главе флота (Hoyos 2003, 205)³¹. Однако даже будь это действительно так, ничего странного здесь, на наш взгляд, нет: если следовать античной традиции буквально, Ганнибал в своей «фессалийской речи» так уверенно рассуждал о боевых кораблях и их операциях, что мог создать впечатление своей компетентности и в этом вопросе³².

³⁰ П. Барсело в биографии Ганнибала делает весьма странный вывод о том, что он вообще не участвовал в греческой кампании (Barceló 1998, 103).

³¹ Для И. Ш. Шифмана это назначение Ганнибала было «оскорбительным» (Шифман 2006, 475).

³² Коль скоро некоторые исследователи считают возможным сравнивать Баркидов с эллинистическими правителями (см., например: Циркин 2011, 165–170), для последних ни снаряжение эскадр, ни даже личное участие в морских битвах проблемой не было, хотя великими флотоводцами они, разумеется, не считались. Из примеров, близких хронологически, — битва при Хиосе (201 г. до н. э.), где сражались Аттал I Пергамский и Филипп V Македонский (Polyb. XVIII. 2–7), и битва при Киссунте в ходе той же Сирийской войны (191 г. до н. э.), где участвовал Эвмен II (Liv. XXXVI. 43–45. 8). Поэтому, на наш взгляд, тем более странно так настаивать на отсутствии у Ганнибала соответствующего опыта. Поликсенид, «начальник Антиохова флота» (Liv. XXXVII. 10. 1), ранее отличился на суше, причём в горной войне: в походе Антиоха III на парфян он командовал соединением критских щитоносцев (Polyb. X. 29. 6; Walbank 1967a, 239; Bar-Kochva 1976, 88, 142–145).

К тому же Ганнибал прямо назван «командующим флотом» (*qui tunc Antiochi classi praeerat*) только у Орозия (IV. 20. 22), писавшего через 600 лет после этих событий. Согласно другим источникам, задача у Ганнибала была совсем иная — он был отправлен в Финикию проконтролировать сбор новой селевкидской эскадры и привести её на соединение с основными силами флота (Liv. XXXVII. 8. 3; App. Syr. 22. 108; Nep. Hann. 8.4), т. е. здесь он выступал не как наварх, а как царский уполномоченный с особым поручением³³. У Антиоха было достаточно оснований доверить эту миссию именно ему, поскольку Финикия лишь недавно вошла в состав Селевкидского царства, а самого Ганнибала в Тире ранее тепло встретили как «земляка». По-видимому, командовать эскадрой и участвовать в военно-морских операциях Ганнибал и не должен был. По свидетельству Ливия, он сам торопился выполнить это поручение как можно скорее³⁴ — возможно, ему было обещано какое-то новое назначение.

Так или иначе, неизвестно, чем бы занялся Ганнибал при дворе Антиоха после благополучного соединения двух эскадр. Очевидно, на тот момент морское направление являлось для Антиоха приоритетным³⁵, и он счёл, что Ганнибал благодаря своему происхождению будет ему полезнее в Финикии, быстрее найдёт общий язык с местными жителями и выполнит задание успешнее, чем кто-либо другой. Ко всему прочему, согласно Ливию, на важность морской войны указывал и сам Ганнибал: после отступления Антиоха из Греции он предостерегал царя о скором вторжении римлян в Азию и прибытии из Италии нового флота — «оружие римлян на море ничуть не слабей, чем на суше» (XXXVI. 41. 3–4). Тем самым, выполняя эту миссию, Ганнибал по-прежнему оставался в ранге военного советника.

Таким образом, пуниец отбыл в Финикию и не участвовал в локальных операциях в Малой Азии — в частности против Пергама, где в боях с селевкидскими войсками отличились ахейцы во главе с Диофантом

³³ Место Ганнибала в планах Антиоха на втором этапе войны М. Олло определил так: «Геллеспонт был ключом к Азии и главным призом в войне на море. Поэтому зимой, собирая армию во Фригии, Антиох готовился разгромить союзный флот, собрав против него большой и одновременно заставив союзников разделиться. Царь увеличил эскадру Поликсенида до 90 кораблей и послал Ганнибала в Финикию, чтобы собрать там ещё одну и соединить с первой. В то же время одна сухопутная армия под началом Селевка действовала в Эолиде против Пергама, а вторая — в Ликии против родосцев. Каперы и пираты в Эгейском море должны были перехватывать конвои с припасами из Италии. Это была здравая и логичная стратегия» (Holleaux 1930, 219–220).

³⁴ Liv. XXXVII. 24. 11: *cum coniungi veteri regiae classi quam primum cuperet*.

³⁵ Liv. XXXVII. 8. 1: *classi maxime reparandae, ne tota maris possessione pelleretur, intentus fuerat*.

(Polyb. XXI. 9. 1–4; 10, 1–2; Liv. XXXVII. 20–21; App. Syr. 26. 125, 130). Завершение формирования эскадры всего за несколько месяцев стало несомненным успехом (Grainger 2002, 270), и, вероятно, именно это следует расценивать как главный вклад Ганнибала в военные усилия селевкидской монархии в ходе *bellum Syriacum*.

Участие Ганнибала в морской битве с родосцами при Сиде (лето 190 г. до н. э.) стало делом вынужденным: родосцы случайно перехватили его эскадру, чьё движение замедлилось из-за неблагоприятных ветров, и начали сражение, не успев завершить построение. Родосский наварх Эвдам оторвался от своих основных сил, атаковал левое крыло селевкидской эскадры (которым командовал Ганнибал) всего с пятью судами³⁶ и едва не попал в окружение (Liv. XXXVII. 24. 4)³⁷, но куда более опытные и искусные родосские моряки одержали победу на другом крыле и пришли ему на помощь. В поражении стоит винить не столько Ганнибала, сколько финикийские команды кораблей его эскадры³⁸. Само оно отнюдь не было катастрофическим: Ганнибал сумел вывести эскадру из боя почти без потерь, только один корабль был захвачен противником, хотя значительная часть судов получила серьёзные повреждения и нуждалась в ремонте. Он не смог выполнить свою задачу, но в то же время его противникам пришлось оттянуть часть собственных сил и заблокировать Ганнибала на его базе в Памфилии до конца войны³⁹. Вместе с тем Ганнибал упустил шанс использовать грубую ошибку противника и выиграть битву в самом начале, уничтожив превосходящими силами пять оторвавшихся судов во главе с флагманским (и тем самым, возможно, изменить ход всей кампании — Эвдам впоследствии отличился в генеральном морском сражении при Мионнесе). Быть гением морского боя, как настаивает Я. Зайберт (Seibert 1993, 520), для этого вовсе не требовалось. К тому же, согласно Фронтину, Ганнибал успел отличиться и здесь: именно в Сирийской войне он применил свой знаменитый трюк с ме-

³⁶ Всего в битве участвовало около 40 родосских и около 50 селевкидских кораблей разных классов (Liv. XXXVII. 23. 4–5).

³⁷ Напротив, у Непота Ганнибал «сам одержал победу на том фланге, которым командовал» (*Hann.* 8.4. Пер. Н. Н. Трухиной).

³⁸ Р. Бертольд предлагает этому интересное (хотя и, как представляется, чисто умозрительное) объяснение: на финикийских верфях строились новые корабли, «плавающие крепости», сражаться на которых финикийцы не умели (Berthold 2009, 158).

³⁹ По предположению Дж. Грэйнджера (правда, не подкреплённому ссылкой на источник), Ганнибал всё же сумел отправить часть своих людей Антиоху в Сарды (Grainger 2011, 136). Хотя в этом случае непонятно, почему он не вернулся лично — т. е. не поступил так, как впоследствии Поликсенид, отправившийся в Сирию пешком «с немногими спутниками» (Liv. XXXVII. 45. 2). Не исключено, что тогда исход генерального сражения при Магнезии был бы иным.

танием на палубы вражеских кораблей горшков с ядовитыми змеями (*Strat.* IV. 7. 10); впоследствии он был успешно опробован на службе у вифинского царя. Однако источники не сообщают, давал ли Ганнибал другие морские сражения, кроме как при Сиде, а здесь этот приём не упоминается. При этом его противники располагали собственным изобретением — родосской зажигательной смесью, которая с успехом использовалась в морских сражениях при Панорме и Мионнесе (*Liv.* XXXVI. 11. 13; 30. 3–5), но по неизвестной причине в этой битве опять-таки не применялась (Berthold 2009, 158, n. 26).

По большому счёту, на этой битве участие Ганнибала в Сирийской войне заканчивается; у нас даже нет сведений о его точном местонахождении в конце войны. Определённое влияние Ганнибала Б. Бар-Кохва усматривает в диспозиции армии Антиоха III в решающем сражении при Магнесии: в первую очередь это специфическое дробление селевкидской фаланги на части (как своеобразный ответ на манипулярную тактику римлян) и использование боевых слонов в глухой обороне (как результат неудачной атаки слонами римской пехоты при Заме). Однако, развивая свою мысль историк, хотя желание Антиоха отойти от привычной эллинистической тактики вполне объяснимо, в данном случае условия местности благоприятствовали именно ей (Bar-Kochva 1976, 172–173).

Несмотря на то что роль Ганнибала в Сирийской войне оказалась более чем скромной, для римлян он оставался одним из её зачинщиков⁴⁰, поэтому по условиям Апамейского договора 188 г. до н. э. Антиох был должен его выдать (*Polymb.* XXI. 42. 11; *Liv.* XXXVIII. 38. 18) — правда, с показательной оговоркой «если это будет в его власти» (у Полибия — ἐὰν ἢ δυνατὸν αὐτῷ). Ганнибал воспользовался предоставленной ему возможностью спастись бегством и нашёл пристанище сначала в Армении, а затем в Вифинии.

Таким образом, как представляется, предъявляемые как древними, так и современными историками Антиоху III упреки касательно его отношения к Ганнибалу во многом являются безосновательными. В принципе можно согласиться с мнением, что большая часть историй, связанных с пребыванием Ганнибала в Сирии, явно вымышлена или как минимум искажена в его пользу (Grainger 1997, 650–651). Если признать таковыми и идею италийского похода, и «фессалийскую речь» пунийца, неоспоримым останется лишь сам факт того, что Антиох

⁴⁰ И. Савалли-Лестрад сравнивает Ганнибала при дворе Антиоха III с Деметрием Фарским при дворе Филиппа V: убеждённый враг Рима завоевал доверие своего нового покровителя и рассорил его с римлянами, надеясь таким образом реализовать собственные цели (Savalli-Lestrade 1998, 28–29).

предоставил Ганнибалу убежище и приблизил его к себе. Если же следовать античной традиции, нельзя сказать, что царь полностью игнорировал те советы, которые приписываются Ганнибалу, — он руководствовался ими в той мере, в какой они отвечали его собственным целям. Ганнибалу в его положении чужака-эмигранта вряд ли стоило рассчитывать на большее, учитывая, что он не был (и не мог быть) единственным советником царя и ранее не имел связей с селевкидским двором. При этом изменить ход Сирийской войны в пользу Антиоха пуниец, безусловно, мог — ему самому достаточно было проявить больше интереса к греческой кампании на первом этапе войны или выполнить до конца царское поручение в Финикии на втором этапе.

Вместе с тем Ганнибал не помог Антиоху в том, в чём действительно мог помочь только он. В своём конфликте с римлянами царь двигался тем же путём, которым ранее (по крайней мере, до битвы при Каннах) Ганнибал уже прошёл: по эллинистическому обычаю Антиох рассчитывал с помощью локальных военных успехов вынудить противника вернуться к переговорам и добиться выгодного мира⁴¹. Ганнибал не только не смог доказать Антиоху, что этот путь в данном случае является тупиковым, но и не предложил серьёзной альтернативы, достойной его славы великого стратега. Создание широкой антиримской коалиции фактически закончилось уже в самом начале, с провалом миссии в Карфаген. Основной частью «великого плана» Ганнибала было возобновление войны в Италии: пунийский военачальник упрямо требовал предоставить ему второй шанс в изменившихся условиях — когда его предыдущая попытка окончилась крахом, а на успех её повторения рассчитывать уже не приходилось. Ганнибал настаивал, что только в Италии можно победить Рим, хотя его собственный пример свидетельствовал об обратном, а затребованных им войск для второго шанса явно было недостаточно. Поэтому неудивительно, что эта идея не встретила понимания у его нового покровителя. Реванш, основанный на сочетании опыта и полководческого таланта Ганнибала с огромными ресурсами Селевкидского царства, не удался, поскольку Ганнибал и Антиох III так и не поняли друг друга. Они не сумели достичь компромисса между идеями войны тотальной и войны ограниченной; обе они в конфликте с Римом не принесли желаемого результата.

⁴¹ Антиох III оставался верен этому принципу до конца, когда после поражения при Мионнесе оставил Фракию, не стал мешать переправе римских войск в Азию и инициировал переговоры о мире, в ходе которых предложил устранить непосредственный повод к войне — не посягать на Фракию и свободу римских союзников в Азии, провести чёткую границу и компенсировать римлянам половину военных расходов (Liv. XXXVII. 35. 1–7).

Литература

- Габриэль Р. А.* Ганнибал: Военная биография величайшего врага Рима. М., 2012.
- Кашеев В. И.* Договор Филиппа V и Антиоха III в интерпретации античных и современных авторов // АМА. 1990. Вып. 8. С. 44–52.
- Клаузевиц К.* О войне. М., 1934.
- Ковалёв С. И.* История Рима. СПб., 2002.
- Лансель С.* Ганнибал. М., 2002.
- Моммзен Т.* Римская история. Т. 1. М., 1887.
- Ревяко К. А.* Пунические войны. Минск, 1988.
- Циркин Ю. Б.* История Древней Испании. СПб., 2011.
- Шифман И. Ш.* Карфаген. СПб., 2006.
- Badian E.* Rome and Antiochus the Great: A Study in Cold War // CPh. Vol. 54. 1959. No. 2. P. 81–99.
- Bar-Kochva B.* The Seleucid Army: Organization and Tactics in the Great Campaigns. Cambridge, 1976.
- Barceló P. A.* Hannibal: Stratege und Staatsmann. München, 1998.
- Berthold R.* Rhodes in the Hellenistic Age. L., 2009.
- Bevan E. R.* The House of Seleucus. Vol. 2. L., 1902.
- Briscoe J.* A Commentary on Livy. Books XXXIV–XXXVII. Oxford, 1981.
- Brodersen K.* Appians Antiochike (Syriake 1,1 — 44, 232): Text und Kommentar. München, 1991.
- Dodge T. A.* Hannibal. Boston; New York, 1891.
- Eckstein A. M.* Rome Enters the Greek East: From Anarchy to Hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 270–170 BC. Malden (Mass.), 2008.
- Grainger J. D.* A Seleukid Prosopography and Gazetteer. Leiden; New York; Köln, 1997.
- Grainger J. D.* The Roman War of Antiochos the Great. Leiden; Boston, 2002.
- Grainger J. D.* Hellenistic and Roman Naval Wars, 336–31 BC. Barnsley, 2011.
- Hammond N. G. L., Walbank F. W.* A History of Macedonia. Vol. III: 336–167 BC. Oxford, 2001.
- Holleaux M.* La rencontre d'Hannibal et d'Antiochos le Grand a à Éphèse // Hermes. 1908. Bd. 43. Ht. 2. P. 296–299.
- Holleaux M.* Rome and Antiochus // САН¹. Vol. VIII. 1930. P. 199–240.
- Hoyos D.* Hannibal's Dynasty: Power and Politics in the Western Mediterranean, 247–183 BC. L.; N. Y., 2003.
- Kromayer J.* Hannibal und Antiochos der Grosse: eine politisch-strategische Studie // Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Litteratur und für Pädagogik. Bd. 19. Leipzig, 1907. S. 681–699.
- Lazenby J. F.* Hannibal's War. A Military History of the Second Punic War. Norman, 1998.
- Morris W.* Hannibal. N. Y., 1897.
- Savalli-Lestrade I.* Les philoi royaux dans l'Asie hellénistique. Genève, 1998.

Scullard H. H. A History of the Roman World: 753 to 146 BC. L., 2003.

Seibert J. Hannibal. Darmstadt, 1993.

Strootman R. Hellenistic Court Society: The Seleukid Imperial Court under Antiochos the Great, 223–187 BCE // Royal Courts in Dynastic States and Empires: A Global Perspective / ed. J. Duindam, T. Artan, M. Kunt. Leiden; Boston, 2011. P. 63–89.

Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. II. Oxford, 1967a.

Walbank F. W. Philip V of Macedon. Hamden, 1967b.

Arkady A. Abakumov

**UNSUCCESSFUL REVENGE:
HANNIBAL, ANTIOCHUS III AND THE SYRIAN WAR**

This paper considers Hannibal's participation in *Bellum Antiochicum* (192–188 B.C.). Ancient authors often depict Seleukid king Antiochus III as vainglorious and jealous Asiatic despot who finally loses the Syrian War to the Romans due to underestimating Hannibal's military genius and ignoring his wise advices. This point of view is quite common in historiography too. The author attempts to summarize Hannibal's activities as one of Antiochus' military advisors (notwithstanding his non-Greek descent) and concludes that his ambitious plan to renew his own Punic War was outdated and unrealizable by itself, not to mention its inconsistency with Antiochus' own war plans. Both Antiochus and Hannibal were following opposite strategies (that of total war and of limited war) and failed to reach some compromise.

Раздел III

ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ И РИМСКОЕ ОБЩЕСТВО

В. О. Никишин

***METUS PUNICUS*: «ФАКТОР СТРАХА» В ПРОТИВОСТОЯНИИ РИМА И КАРФАГЕНА**

Проблема межгрупповой враждебности во взаимоотношениях разных народов и культур своими корнями уходит в глубокую древность. Как писал Л. З. Копелев, «образы чужого как представления о другом народе, укоренившиеся в сознании, подсознании и ставшие предубеждением, последовательно трансформируются и перерастают в образы врага, в предрассудки, от которых человечество страдает с самого начала своего существования»; в свою очередь, предрассудки порождают «национальную ненависть» (Копелев 1994, 12 сл.). О. Д. Пуцыкович отмечает, что чувство враждебности по отношению к «чужой» культуре является «общечеловеческим на эмоциональном уровне». К «порокам» межгруппового общения он относит унифицированность восприятия «других», а также «ингрупповой фаворитизм» — явление, «для которого характерно упорное предпочтение своей группы» (Пуцыкович 1990, 42). На этой основе возникает чувство превосходства, тесно связанное с «эмоцией презрения-неуважения», направленной на представителей «чужой» культуры. Таким образом, «та или иная общественная система, выбрав свой путь в истории, вырабатывает не только идеологическое, но и психологическое обоснование своего существования. Определённая идея, воспринимаемая и переживаемая в определённом эмоциональном контексте, “оживает”, приобретая статус пограничного состояния — мотивации, ориентирующей практическое поведение» (Пуцыкович 1990, 44).

Образ «чужака», т. е. представителя другого народа и иной культуры, обычно представляет собой сочетание более или менее достоверных черт, обобщающих характеристик и устойчивых предрассудков либо стереотипов разного происхождения. Отсюда проистекают — осознанно или нет — грубые искажения реального положения вещей; именно на этой почве возникает этноцентризм¹. Речь идёт о чувстве превосходства одного народа над другими, а также о неприятии иных культур или, по крайней мере, о предубеждении по отношению к ним (Waldherr 2000, 199, Anm. 26). Подсознательная антипатия к «чужакам» универсальна, поэтому восприятие других народов с неизбежностью является негативным (Waldherr 2000, 199 f.).

В античности не существовало расизма² (см.: Snowden 1970; 1983), поэтому невозможно считать расистами и древних римлян (см.: Thompson 1989). Тем не менее им, как и другим древним народам (см.: Weiler 1983, 426 f.; 1994, 188 ff.), были присущи определённые негативно окрашенные этнические стереотипы, как бы их ни называть — «проторасизм»³, негативизм⁴ или «расовый предрассудок»⁵. «Классический» римский стереотип в отношении финикийцев и карфагенян (в этническом плане собственно финикийцев античная литературная традиция практически не отличала от карфагенян; см.: Waldherr 2000, 205, Anm. 55), о котором мы знаем благодаря трудам прежде всего Цицерона и Тита Ливия, включал в себя такие черты «национального характера», как алчность и жестокость, коварство и лживость (Isaac 2006, 324 ff.). Между тем отношения между Римом и Карфагеном развивались с VI в. до н. э., и до начала военного противостояния они были вполне

¹ Именно из этноцентризма впоследствии возник расизм.

² Под расизмом нами понимается система взглядов, в основе которых лежат идеи об изначальном разделении человечества на высшие и низшие расы (из них первые являются создателями цивилизации и призваны господствовать над вторыми) и о решающем влиянии расовых признаков на интеллект и нравственность, поведенческие особенности и черты характера как отдельной личности, так и той или иной общественной группы либо даже общества. Современный «новый расизм» делает акцент не столько на крови, сколько на культуре.

³ Б. Айзек охарактеризовал отношение греков и римлян к варварам как «проторасизм» (см.: Isaac 2006, 1–51). Поскольку этот термин применительно к античным реалиям сопряжён с известной модернизацией истории, более предпочтительным представляется термин «этнический предрассудок».

⁴ В отличие от психиатрического термина, здесь под негативизмом имеется в виду эмоционально окрашенное чувство враждебности к чужакам на подсознательном (интуитивном) уровне.

⁵ Термин А. Н. Шервин-Уайта (см.: Sherwin-White 1967). Он означает, по сути, то же самое, что и «этнический предрассудок».

«нормальными» (см.: Cassola 1983, 35; Thiel 1994, 131 f.; Palmer 1997). Ситуация изменилась — причём не сразу, а постепенно — в ходе Первой и Второй Пунических войн⁶, когда на смену в целом ровным и взаимовыгодным отношениям пришла «смертельная вражда» (Waldherr 2000, 194 f.).

Итак, на основе литературных свидетельств можно выделить следующие стереотипные качества карфагенян в восприятии римлян: *calliditas* (хитрость), *perfidia* (вероломство; о нём см.: Mantel 1991; ср.: Burck 1943, 301; Cassola 1983, 51 f.), *crudelitas* (жестокость), *libido* или *luxuria* (распушенность; см.: Dauge 1981, 64) и *avaritia* (алчность; см.: Waldherr 2000, 200; ср.: Opelt, Speyer 1992, 838 f.). Любопытно, что для римлян лишь этноним *Poenus* носил негативный характер, тогда как термин *Cartageniensis* являлся скорее публично-правовым и сам по себе был вполне нейтрален, а порой имел и позитивный смысл (Franko 1994, 153). Это хорошо видно на примере словоупотребления Цицерона: когда в трактате «О государстве» речь заходит о варварах, занимающихся разбоем, употребляется этноним *Poeni* (*Rep.* II. 9), когда же даётся позитивная оценка государственному устройству тех же самых «варваров» (*hoc triplex rerum publicarum genus*), которых Цицерон ставит на одну доску с римлянами, используется публично-правовой термин *Carthaginienses* (*Rep.* II. 42). Впрочем, порой слова *Poeni* и *Carthaginienses* употреблялись как синонимы в одном контексте, не будучи никак эмоционально окрашены (Sall. *Iug.* 79. 8).

Давние римские стереотипы, связанные с карфагенянами, нашли своё отражение в текстах Цицерона и Саллюстия. По словам Цицерона, «все письменные памятники древности и все исторические сочинения изобличают перед нами племя финикийцев (*genus Phoenicum*) как самое лживое (*fallacissimum*). Происшедшие от них пуны неоднократно воинственными выступлениями карфагенян, частыми нарушениями и попранием договоров доказали, что они не изменили родству» (*Scaur.* 42). Пунов (*Poeni, Poenuli*; ср.: Cic. *Fin.* IV. 56) оратор характеризует как «самое лживое племя» (*fallacissima gens*) (Cic. *Att.* XI. 7. 3), которое отличается хитростью и вероломством (речь идёт о пресловутой *Punica fides*; см.: Cic. *Off.* I. 38; *Har. resp.* 19; ср.: App. *Lib.* 62). Когда Цицерон говорит о «пунийских обычаях и образе мыслей» (*Balb.* 39), он имеет в виду прежде всего именно хитрость и двуличие (*Phil.* XI. 9; XIV. 9; *Off.* I. 38; III. 100; *Lael.* 28; *Senect.* 75; *Acad.* II. 98).

⁶ В промежутке между ними Рим вёл с Карфагеном интенсивную торговлю. См.: Waldherr 2000, 210 f., Anm. 81.

Все эти особенности «национального характера» карфагенян Цицерон объясняет влиянием географического фактора⁷. По его словам, «нравы людей определяются не столько их происхождением и их кровью, сколько всем тем, что сама природа предоставляет нам для нашей повседневной жизни, — тем, чем мы питаемся и благодаря чему мы существуем. Карфагеняне стали склонны к обману и лжи не по своему происхождению, а из-за естественных условий места, где они жили (*Carthaginienses fraudelenti et mendaces non genere, sed natura loci*), так как они, располагая множеством гаваней, соприкасались с многочисленными купцами и пришельцами, речи которых, возбуждая в них жажду наживы, склоняли их ко лжи» (Cic. *Leg. agr.* II. 95. Пер. В. О. Горенштейна. Ср.: Cic. *Rep.* II. 7). Пуны вели с римлянами «частые и в высшей степени ожесточённые войны» (Cic. *Scaur.* 45. Ср.: Cic. *Phil.* XIV. 33), причём эти войны велись «за владычество» (*de imperio*) (Cic. *Off.* I. 38). Цицерону вторит Ливий: Рим и Карфаген боролись «за власть и богатство» (XXVII. 39. 9). Для сравнения: с кельтиберами и кимврами римлянам приходилось воевать «из-за того, кто из противников будет существовать, а не из-за того, кто из них будет повелевать» (Cic. *Off.* I. 38. Пер. В. О. Горенштейна), а с галлами — как за господство над ними, так и порой за собственное существование (Cic. *Font.* 12; 32–35. Ср.: Cic. *Phil.* XIV. 33).

Для Цицерона карфагеняне суть варвары (*Rep.* II. 9), практикующие, подобно галлам, человеческие жертвоприношения (*Rep.* III. 15). Тем не менее, как уже говорилось, он не только высоко оценивает их государственное устройство, но даже ставит его в один ряд с римским (*Rep.* II. 42). Кроме того, как показывают философские рассуждения Цицерона, и среди пунов можно найти разумных людей (*prudentes*), которых подчас не хватает в римском сенате (II. 42. 67), тогда как среди римлян могут отыскаться недостойные люди, способные, нарушив клятву, отплатить «глупой хитростью» (*stulta calliditas*) доверившимся им пунам (*Off.* III. 113).

В текстах Саллюстия карфагеняне предстают смертельными врагами римлян (*aemula imperi Romani*) *Cat.* 10. 1). Историк упоминает о *metus Punicus* (Sall. *Hist.* I. 12) и «пунийской верности» (*Punica fides*)⁸, а также

⁷ Это т. н. «климатическая теория» (или географический детерминизм), которая устанавливала прямую зависимость физических и духовных качеств представителей общин, племён и этносов от географических и климатических условий среды их обитания. «Климатическая теория» в том или ином виде представлена в произведениях Геродота и Псевдо-Гиппократы, Платона и Аристотеля, Полибия и Посейдония, Диодора и Страбона, Цицерона и Витрувия (см.: Isaacs 2006, 52 ff.). Она была оставлена античностью в наследство Новому времени (мыслители XVI–XIX вв., от Ж. Бодена до Дж. Ст. Милля).

⁸ Sall. *Iug.* 108. 3; о *Punica fides* в целом см.: Prandi 1979, 90–97; Thiel 1994, 129 ff.

о «нечестивых поступках» (*nefaria facinora*) карфагенян в эпоху Пунических войн (*Cat.* 51. 6). В этом контексте стоит особняком рассказанная Саллюстием легенда о братьях Филенах (*Iug.* 79. 1–10), в которой карфагеняне — братья Филены — предстают в позитивном свете: здесь самоотверженность и благородство карфагенян, добровольно принёсших себя в жертву во имя интересов родины, ярко контрастируют с трусостью и коварством греков. Как отметил А. В. Короленков, подход Саллюстия «не столь прямолинеен, чтобы не признавать достоинств людей только за их национальную принадлежность». Имеет немалое значение и ещё одно обстоятельство: история с братьями Филенами произошла до той поры, когда Рим и Карфаген стали врагами (Короленков 2009, 112).

Для Саллюстия *metus Punicus* являлся тем фактором, который сплачивал римскую гражданскую общину перед лицом внешней угрозы; как только его не стало, в Риме немедленно начались внутренние распри (*Hist.* I. 12). Сама идея сплочения общества перед лицом внешней угрозы не была оригинальной: ещё Платон (*Leg.* 698 b–c) и Полибий (VI. 18. 2) рассуждали аналогичным образом (первый — применительно к афинянам, которым помог сплотиться страх перед нашествием персов, второй — применительно к римлянам, несомненно, имея в виду *metus Punicus*). Л. Альфонси считал, что Саллюстий использовал идею Платона, усвоив её, вероятно, через посредство Посейдония (Alfonsi 1973, 383 f.).

Римские интеллектуалы восприняли греческую традицию, для которой было характерно противоречивое восприятие финикийцев/карфагенян (Waldherr 2000, 208 f.; см. также: Barceló 1994, 1–14). С одной стороны, греческие авторы писали о жестокости карфагенян, что было связано, по-видимому, с политическим противостоянием между греками Запада и Карфагеном (Mazza 1988, 559 f.; Waldherr 2000, 207). С другой — они (в частности, Аристотель) испытывали неподдельный интерес к государственному устройству Карфагена, оценивая его в высшей степени позитивно (Huß 1985, 566 f.). С VIII в. до н. э. в греческой литературной традиции существовал образ лживого и вероломного финикийского купца; позднее этот стереотип был перенесён на карфагенян и воспринят римской «пропагандой» (имеется в виду всё та же *Punica fides*; см.: Prandi 1979, 93 ss.). Так, в представлении Тита Ливия карфагенян отличали в первую очередь коварство, хитрость и вероломство (XXI. 4. 9; XXII. 6. 11–12; XXV. 39. 1; XXVII. 33. 9; XXX. 22. 5–6; 32. 7; XXXIV. 31. 2–4; XLII. 47. 7).

Попытки римских интеллектуалов осмыслить причины векового противостояния двух великих держав Средиземноморья привели к появлению на рубеже III–II вв. до н. э. в римской литературной традиции мотива фатальной связи исторических судеб Рима и Карфагена. В основе

своей он вполне мог быть заимствован римлянами у греков — например, у такого авторитетного историка, как Тимей из Тавромения (см.: Balsdon 1979, 193), а впоследствии творчески развит. Так, драматический сюжет об Энее и Дидоне, появившийся в “*Bellum Punicum*” Гнея Невия и увековеченный Вергилием в «Энеиде», послужил основой для создания мифологемы о фатальной «первопричине» будущего конфликта между Римом и Карфагеном (Burck 1943, 337 f.; Waldherr 2000, 195 f.). У того же Вергилия отсутствует неприязнь к карфагенянам, хотя кое-какие стереотипы (например, расхожее представление об алчности и двуличии пунов) в тексте «Энеиды» можно обнаружить (*Aen.* I. 363; 661; подробнее см.: Starks 1999, 255–283).

В целом же, говоря об отношениях между римлянами и карфагенянами, необходимо иметь в виду следующее. 1. Нарративные источники, находящиеся в нашем распоряжении, знакомят исследователя почти исключительно с римским взглядом на проблему (Mazza 1988, 548; Waldherr 2000, 196 ff.). 2. Речь идёт о сфабрикованном враждебной стороной образе «заклятого врага». 3. Этот стереотип находит своё наиболее концентрированное выражение в образе Ганнибала — в каком-то смысле «идеального карфагенянина» (Waldherr 2000, 197). 4. Наши источники в массе своей относятся ко времени после 146 г. до н. э., когда Карфаген уже был всего лишь «исторической величиной» (Waldherr 2000, 198). Таким образом, поскольку не работает принцип *audiat et altera pars*, в полной мере объективная оценка римских страхов и стереотипов в отношении карфагенян практически невозможна.

Никаких признаков ненависти к карфагенянам не отмечено ни у Гнея Невия, ни у Фабия Пиктора (Waldherr 2000, 209 f.). Плавт в комедии «Пуниец» (*Poenulus*) создал в целом позитивный образ купца Ганнона (Franko 1995, 250; Waldherr 2000, 210, Anm. 77. Подробнее см.: Franko 1996, 425–452). Так, в тексте присутствуют свидетельства *pietas*⁹ Ганнона (Plaut. *Poen.* 1137; 1190; 1255; 1277). При этом Плавт наделяет Ганнона типичными для карфагенян в представлении римлян чертами лица, одежды, речи, поведения (об этих стереотипах см.: Burck 1943, 297–345; Dubuisson 1983, 159–167; Christ 1968, 461–495). Автор «Пунийца» в комических тонах описывает фигуру Ганнона (1309–1310), исходящий от него запах (1313–1314), его одежду (975–977; 1008; 1121; 1298; 1303), речь (990–1028), подчёркивая такие «одиозные» черты пунийского «национального характера», как пресловутая хитрость (111–113; 1032–1034; 1106–1110; 1124–1126), распушенность (106–108; 1303) и изнеженность

⁹ Благочестие (*pietas*), как и верность (*fides*), входило в число традиционных римских добродетелей (*virtutes*).

(1311). Наконец, в этом контексте появляется ещё и обвинение в кровосмешении: одна из сцен (1217–1218) прямо намекает на инцест. Причём речь здесь идёт не о случайном, совершённом по трагическому неведению, кровосмешении, а о вполне сознательном инцесте¹⁰ (Franko 1995, 252). В пьесе этот эпизод носит комический характер, однако римляне, по-видимому, относились к подобным эксцессам вполне серьёзно — со всеми вытекающими отсюда последствиями¹¹.

Впервые тема жестокости и вероломства карфагенян появляется в «Аналах» Квинта Энния (Waldherr 2000, 211). Как только внешняя политика Рима приобрела агрессивно-экспансионистский характер, образ плутоватых карфагенских купцов оказался сменён стереотипом вероломных нарушителей договоров. Это «смещение акцента» явилось следствием перемены в идеологии, происшедшей после битвы при Пидне (168 г. до н. э.), когда Рим перешёл к «жёсткой» политике экспансии, кульминацией которой явилось разрушение Карфагена, Коринфа и Нуманции (Waldherr 2000, 212). В данном контексте усилиями римской «пропаганды» и был создан «образ врага» в лице коварного, жестокого и вероломного пуна (Waldherr 2000, 212). В период между Второй и Третьей Пуническими войнами, когда в Риме решался жизненно важный политический вопрос, как следует поступить с Карфагеном, сторонники применения «решительных мер» в отношении давнего врага Рима сфабриковали «чёрный стереотип» — искажённый образ жестоких и вероломных варваров, с которыми римляне прежде вели исключительно «справедливые войны» (*bella iusta*) (Waldherr 2000, 221 f.). Как писал неизвестный автор «Риторики для Геренния»: «Пунийцев римский народ победил справедливостью, оружием и благородством» (*Poenos populus Romanus iustitia vicit, armis vicit, liberalitate vicit*) (*Rhet. Her.* IV. 19).

Вплоть до конца 1970-х гг. в историографии господствовала так называемая теория оборонительного империализма, в основе которой лежало представление о том, что «фактор страха» (имеется в виду страх — не столь важно даже, оправданный или нет — римлян перед внешней угрозой) на протяжении веков определял направление и содержание римской внешней политики. Эта теория восходит к трудам античных авторов: о страхе римлян перед карфагенянами и галлами писали Полибий (I. 10. 5–6; II. 13. 5; 21. 6; 23. 7; 31. 7; III. 75. 8; 118. 5; XXXVII. 1. 4), Тит Ливий (XXI. 16. 2–6; 57. 1; XXXVII. 51. 8–10), Саллюстий (*Hist.* 12;

¹⁰ У римлян слово *incestum* означало не только кровосмешение, но и вообще всякое прелюбодеяние и разврат.

¹¹ Согласно Законом XII Таблиц, римских граждан в наказание за инцест сбрасывали с Тарпейской скалы (Тас. *Ann.* VI. 19. 1).

Cat. 10. 1; *Iug.* 41. 2), Веллей Патеркул (II. 1. 1) и Аврелий Августин (*De Civ. Dei.* I. 30). Немалый вклад в её формирование внёс Цицерон, который сформулировал ряд положений, призванных служить своего рода нравственным оправданием римской территориальной экспансии (*Rep.* III. 34–37). В частности, он утверждал, что власть Рима над другими народами обусловлена римской доблестью (*propter virtutem omnibus nationibus imperat*) (*Verr.* II. 4. 81; ср.: *Mur.* 22) и что римляне богами и самой природой предназначены для господства (*Phil.* VI. 19; X. 20), которое в его интерпретации предстаёт в виде «протектората» Рима над подвластными народами (*patrocinium orbis terrarum*) (*Off.* II. 26–27). С этими тезисами непосредственно связаны понятия справедливости вообще и справедливой войны в частности (*Off.* I. 34–36)¹². По мнению Цицерона, римляне завоевали весь мир, ведя «справедливые войны», т. е. защищая либо самих себя, либо своих союзников (*noster autem populus sociis defendendis terrarum iam omnium potitus est*) (*Rep.* III. 35). В речи «В защиту Фонтя» (69 г. до н. э.) Цицерон намеренно создаёт для своих слушателей образ врага в лице галлов, недвусмысленно намекая на исходящую от них угрозу: «Неужели вы, судьи, ещё сомневаетесь в том, что все эти племена питают в душе и воплощают на деле природную вражду к имени римского народа? Думаете, они стоят здесь, одетые в плащи и брюки, скромные и смиренные, как обычно поступают те, кто, претерпев притеснения, моля и унижаясь, прибегают к защите суда? Нет ничего, что менее соответствовало бы истине. Напротив, они там и сям расхаживают по всему форуму, гордые и заносчивые, с какими-то угрозами и поварварски страшными и чудовищными речами на устах. Разумеется, я никогда бы в это не поверил, если бы не слышал неоднократно от самих обвинителей вместе с вами, судьи, когда они предупреждали вас, чтобы вы поостереглись вызвать оправданием этого человека (Марка Фонтя. — *В. Н.*) какую-нибудь новую войну в Галлии» (*Font.* 33). Напоминание об угрозах варваров не могло не вызвать у римлян смешанных чувств страха и ненависти по отношению к галлам, тем более что современники Цицерона отлично помнили предания о галльском погроме Рима в 390/387 гг. до н. э. и всерьёз опасались потенциальной «галльской угрозы» (*Rep.* II. 11; *Div.* I. 100; II. 69; *Cat.* III. 4; *Caec.* 88; *Dom.* 101; *Phil.* III. 20; VIII. 2).

Позиции теории «оборонительного империализма» пошатнулись с выходом в свет в 1979 г. книги У. Харриса «Война и империализм в республиканском Риме» (Harris 1979). На смену монополии «фактора

¹² О понятии *bellum iustum* у римлян в целом см.: Kroll 1933, 9 ff.; Liebs 2009, 305–318. О римском империализме см., например: Erdmann 1977, 461–477.

страха» пришёл более дифференцированный подход, объяснявший римский милитаризм и территориальную экспансию действием целого ряда факторов, в том числе и фактора экономической выгоды. Это был результат осознания того, что «войны возникают из сложных ситуаций, в которых играют роль агрессия, взаимный страх, замешательство, случайность, плохая связь, личные и политические амбиции, а также много других факторов» (North 1981, 2; ср.: Rich 2004, 50). Таким образом, пресловутый «фактор страха» становился не единственным, а лишь одним (хотя и весьма важным) из многих факторов, влиявших на формирование римской внешней политики. В частности, Дж. Рич считает, что римский империализм представлял собой сложное явление, которое нельзя объяснить какой-то одной причиной (Rich 2004, 63 f., 65 f.).

Обусловленное долготелными кровопролитными войнами чувство извечной и даже «генетической» враждебности, сопровождаемое ощущением потенциальной опасности со стороны воинственных варварских народов, не могло не оказать отрицательного воздействия на восприятие римлянами варварского мира как дикого, жестокого и неизменно враждебного (Walbank 1972, 157). Как верно отметил Т. Дж. Хаархофф, «опасность порождает страх, а страх — ненависть» (Haarhoff 1948, 20). Следствием поражения римлян при Аллии (390/387 гг. до н. э.) стало возникновение *metus Gallicus* (см.: Никишин 2007, 77–92). Так в Риме впервые возник страх перед внешней угрозой — *metus hostilis*. Страх перед Пирром можно в расчёт не принимать, поскольку он существовал недолго — по сравнению с *metus Gallicus* или *metus Punicus*, — так что позднейшую римскую экспансию в Греции и Малой Азии нельзя связывать с *metus hostilis* (Кнеппе 1994, 54, Anm. 7). В 216 г. до н. э. произошла каннская катастрофа (*clades Cannensis*), и день 2 августа в римском календаре стал *dies ater*, т. е. «чёрным днём» (Gell. *NA*. V. 17. 5). Именно тогда к прежнему страху перед галлами (*metus Gallicus*) добавился страх перед карфагенянами — *metus Punicus* (Bellen 1985, 22 f.; Кнеппе 1994, 54). Х. Беллен вполне обоснованно полагает, что *metus Punicus* явился порождением *metus Gallicus* (Bellen 1985, 9). Этот страх ещё более усугубился во время марша Ганнибала на Рим (211 г. до н. э.) и похода Гасдрубала (207 г. до н. э.), в войске которого были отряды галлов (Кнеппе 1994, 54 f.). Стоило Гасдрубалу перейти через Альпы, как в Риме немедленно возникла паника (Liv. XXVII. 39. 1). По сообщению Ливия, Гасдрубал очень рассчитывал на то, что римляне испугаются его союзников-галлов (XXVII. 48. 5).

После победы над Гасдрубалом при Метавре в Риме началось всенародное ликование: «Целых три дня народ не выходил из храмов: матроны, одетые как можно богаче, вместе с детьми благодарили богов так, словно

война уже окончена и бояться нечего»¹³. По мнению А. Кнеппе, посредством этого «словно» (*perinde ac si*) Ливий как бы даёт понять, что страх ушёл, но лишь на время, чтобы потом вернуться (Кнеппе 1994, 55).

В 228 г. до н. э. в Риме впервые были совершены человеческие жертвоприношения (Plut. *Marc.* 3.4; Dio Cass. *Fr.* 47; Plin. *NH.* XXVIII. 2. 12; Oros. IV. 13. 3; Zonar. VIII. 19. 9), обусловленные паническим страхом римлян перед варварским нашествием (впоследствии они повторились в 216 и 114/113 гг. до н. э.). Именно страх, после 390/387 гг. до н. э. ставший фактором внешней политики Рима, заставлял квиритов совершать человеческие жертвоприношения и объявлять осадное положение (Bellen 1985, 9). По словам П. А. Бранта, «реакция римлян на вероятную угрозу напоминает реакцию возбуждённого тигра, потревоженного во время еды» (Brunt 1978, 177). Практику человеческих жертвоприношений (сенат запретил их лишь в 97 г. до н. э.: Plin. *NH.* XXX. 3. 12) римляне заимствовали у этрусков (Bellen 1985, 14, Anm. 45). Принося эти жертвы, квириты желали предупредить возможное поражение в войне с галлами; спустя 12 лет, в 216 г. до н. э., они стремились уже к полному физическому истреблению врагов, т. е. галлов и карфагенян (Bellen 1985, 15). После Канн римляне, как пишет Ливий, «повинуясь указаниям Книг, принесли необычные жертвы; между прочим галла и его соплеменницу, грека и гречанку закопали живыми на Бычьем Рынке, в месте, огороженном камнями; здесь и прежде уже совершались человеческие жертвоприношения, совершенно чуждые римским священнодействиям» (XXII. 57. 6). Возникает вопрос: почему же тогда в жертву принесли не карфагенян, а вновь галлов и греков? Ведь Рим воевал с Карфагеном и галлами (XXII. 10. 2); при Каннах половина армии Ганнибала состояла из галлов (Polyb. III. 56. 4; 68. 8; 114. 5). Объяснение может быть следующим: по мнению суверенных римлян, «вооружённых» опытом событий 228 г. до н. э., если «помогло» тогда, 12 лет назад, значит, «поможет» и теперь; главное — делать всё так, как в прошлый раз (Bellen 1985, 21). Выбор жертв как в первом, так и во втором случае был символичен: галлы и греки, которых похоронили живьём на Бычьем форуме (*Forum Boarium*) в Риме, представляли «врагов» в абстрактном смысле (см.: Eckstein 1982, 69–95). В дальнейшем *metus hostilis* периодически усиливался и был сродни некой «психопатологии» (Heuß 1977, 555). По мнению Х. Беллена, «последним отголоском» жертвоприношения 216 г. до н. э. явились Третья Пуническая война и разрушение Карфагена (Bellen 1985, 32).

¹³ Liv. XXVII. 51. 9. Здесь и далее пер. М. Е. Сергеенко под ред. В. М. Смирин. Ср.: Polyb. XI. 3. 6: «Словом, бодрость духа и уверенность в себе поднялись так высоко, что никто и не думал о присутствии в Италии Ганнибала, которого перед тем так страшились». Здесь и далее пер. Ф. Г. Мищенко.

После окончания Ганнибаловой войны разрушения Карфагена не последовало, хотя в Риме, наверное, многие ждали именно такого исхода, рассматривая просьбу карфагенян о мире как *deditio*. Однако Сципион Старший проявил «великодушие» — прежде всего потому, что он ожидал преемника, Гнея Корнелия Лентула, консула 201 г. до н. э., и не стал осаждать Карфаген, поспешив заключить мир (Bellen 1985, 27), чтобы самому победоносно завершить войну. Каким образом Сципиону удалось убедить сенат ратифицировать заключённый им договор — это уже другой вопрос. Что же касается пресловутого *metus Punicus*, то он в той или иной степени сохранился ещё на полвека. В античной литературной традиции существовало мнение, будто Сципион «ради поддержания благоразумия у римлян желал навсегда оставить им соседа и соперника, внушающего страх, чтобы они, достигнув огромного счастья и безопасности, не стали высокомерными» (App. *Lib.* 65. 290. Здесь и далее пер. С. П. Кондратьева).

Итак, после 201 г. до н. э. *metus Punicus* — вне зависимости от того, стояла ли за ним реальная военная угроза со стороны Карфагена или нет (скорее нет, чем да), — продолжал оставаться фактором римской внешней политики (Bellen 1985, 30). Он исчез лишь в 146 г. до н. э. Разрушив Карфаген, Сципион Эмилиан навсегда избавил римлян от *metus Punicus* (Bellen 1985, 43). Как сообщает Аппиан, когда в Рим пришли победные вести из Африки, «все выбежали на улицы и всю ночь провели вместе, радуясь и обнимаясь, как будто только теперь они стали свободными от страха, только теперь почувствовали, что могут безопасно властвовать над другими, только теперь уверились в твёрдости своего государства и одержали такую победу, какую никогда раньше не одерживали» (*Lib.* 134. 633). Впрочем, А. Кнеппе считает, что в скрытом виде *metus Punicus* существовал вплоть до того момента, когда Гай Гракх основал на руинах Карфагена колонию Юнонию, т. е. до 122 г. до н. э. (Knepper 1994, 56, Anm. 12).

Почему же римляне всё-таки «добили» Карфаген? Представлял ли он к середине II в. до н. э. реальную угрозу для Римской республики? В историографии нет единства мнений на сей счёт (Huß 1985, 436 f.). Так, Дж. Рич полагает, что никакой «угрозы» Риму со стороны Карфагена не было и быть не могло; если римляне верили в эту мнимую «угрозу», это значит только то, что они «находились в тисках иррационального страха». Римляне, по мнению исследователя, и в самом деле испытывали страх перед Карфагеном, поэтому решили стереть его с лица земли (Rich 2004, 64). В. Хофман считал, что после 201 г. до н. э. римлянам нечего было бояться, так что объективных условий для существования *metus Punicus* не было никаких (Hoffmann 1960, 314 f.). К.-В. Вельвай

пришёл к выводу, что политика сената в отношении Карфагена до 149 г. до н. э. едва ли определялась «фактором страха» и *metus Punicus* был выбран римской правящей элитой *post factum* в качестве оправдания разрушения Карфагена (Welwei 1989, 319 f.). Напротив, Х. Беллен полагает, что страх перед Карфагеном являлся «скрытой движущей силой» римской экспансии в 216–146 гг. до н. э. (Bellen 1985, 30).

Ещё Орозий (IV. 23. 8) в своё время задался вопросом: каковы были причины Третьей Пунической войны и разрушения Карфагена? В 152 г. до н. э. состоялась поездка Катона Старшего в Карфаген, результат которой Х. Беллен оценил как «реактивирование *metus Punicus*» (Bellen 1985, 32). По возвращении из Африки престарелый цензорий зарекомендовал себя убеждённым сторонником объявления войны Карфагену (Cic. *Senect.* 18; Vell. I. 1. 13; Flor. I. 31. 4; Val. Max. VIII. 15. 2). Как пишет Аппиан, «вернувшись в Рим, они (римские послы. — В. Н.) говорили, что не столько зависти, сколько страха вызывает у них положение Карфагена, города враждебного и столь значительного, соседнего и так быстро растущего. И особенно Катон говорил, что никогда у римлян даже свобода не будет прочной, пока они не уничтожат Карфагена. ...И говорят, что Катон с того времени в сенате постоянно повторял своё мнение, чтобы Карфагена не существовало, Сципион же Назика требовал противоположного, чтобы Карфаген был оставлен целым, на страх, как он думал, для римлян, уже тогда начавшим отступать от сурового образа жизни» (App. *Lib.* 69. 313–315).

Итак, в качестве оппонента Катону в сенате выступил Сципион Назика Коркул, возглавлявший посольство в Карфаген в 152 г. до н. э. По сообщению Ливия, «опрашивается мнение сенаторов; Катон и другие виднейшие сенаторы настаивают, чтобы немедленно отправить войско в Африку, а Публий Корнелий Назика убеждает, что это ещё не законный повод к войне». Так начинается знаменитый «спор между Марком Порцием Катонем и Сципионом Назикою, из которых один слыл разумнейшим мужем в государстве, а другой даже в сенате признавался лучшим из сенаторов: Катон настаивает на войне, на разрушении и конечном уничтожении Карфагена, Назика ему противодействует» (Liv. *Per.* 48. Пер. М. Л. Гаспарова; ср.: Oros. IV. 23. 9).

Ливию вторит Плутарх: «Впрочем, он (Катон. — В. Н.) призывал к насилию и более открыто; высказывая своё суждение по какому бы то ни было вопросу, он всякий раз присовокуплял: “Кажется мне, что Карфаген не должен существовать”. Напротив, Публий Сципион Назика, отвечая на запрос или высказываясь по собственному почину, всегда говорил: “Мне кажется, что Карфаген должен существовать”» (Plut. *Cato Mai.* 27.1. Здесь и далее пер. С. П. Маркиша под ред. С. С. Аве-

ринцева). Наконец, Плутарх объясняет мотивацию сторон: «Замечая, по-видимому, что народ становится непомерно заносчив и уже совершает множество просчётов, что, упиваясь своими удачами, исполнившись гордыни, он выходит из повиновения у сената и упорно тянет за собою всё государство туда, куда его влекут страсти, — замечая это, Назика хотел, чтобы хоть этот страх перед Карфагеном был уздой, сдерживающей наглость толпы: он полагал, что карфагеняне не настолько сильны, чтобы римляне не смогли с ними совладать, но и не настолько слабы, чтобы относиться к ним с презрением. То же самое тревожило и Катона, но он считал опасной угрозой, нависающую со стороны государства и прежде великого, а теперь ещё отрезвлённого и наказанного пережитыми бедствиями, меж тем как римский народ буйствует и, опьянённый своим могуществом, делает ошибку за ошибкой; опасным казалось ему приниматься за лечение внутренних недугов, не избавившись сначала полностью от страха перед покушением на римское владычество извне» (Plut. *Cato Mai.* 27. 2–3). О том, что в сохранении страха перед внешней угрозой (*metus hostilis*) Назика видел гарантию сохранения гражданского мира в Риме, писали Диодор (XXXIV. 33. 5–6) и Аврелий Августин (*De Civ. Dei.* I. 30); впервые же в римской историографии «мотив страха» появляется у Фабия Пиктора (Vogel-Weidemann 1989, 81, п. 26).

Таким образом, оба политика исходили из факта существования *metus Punicus*, только Катон стремился окончательно избавиться от него римлян, тогда как Назика, напротив, считал сохранение «фактора страха» позитивным для римской гражданской общины, поскольку видел в нём залог политического единства (Bellen 1985, 19)¹⁴. Эта версия легла в основу выдвинутого греческими и римскими писателями-моралистами (в частности, Саллюстием — *Cat.* 10. 1) тезиса об упадке нравов в Риме, начавшемся после разрушения Карфагена (см.: Fuchs 1958, 366; Lintott 1972, 633; Frank 1976, 5; Hackl 1980, 151–166; Bellen 1985, 9). М. Гельцер считал, что Назика в 152–150 гг. до н. э., как и Сципион Старший в 201 г. до н. э., был убеждён в необходимости сохранить *metus Punicus*, видя в нём некий «стабилизирующий фактор» (Gelzer 1931, 270 ff.). Страх римлян перед возможным восстановлением былого могущества Карфагена привёл к «превентивной войне» и разрушению города. Сделав выбор в пользу экспансионистской политики, римский сенат упустил возможность решить свои внутривластные проблемы за счёт добровольного отказа от агрессии. Продолжение политики завоеваний обрекло Римскую республику на гибель (Gelzer 1931, 288; 298 f.).

¹⁴ О мнении Назики по поводу «фактора страха» см.: Lintott 1972, 632 ff.

В. Хофман выразил сомнение в том, что позиция Сципиона Старшего по вопросу о *metus Punicus*, возникнув в 201 г. до н. э., могла благополучно «дожить» до 152–150 гг. до н. э., когда её взял на вооружение Сципион Назика. Доводы, которые античные авторы приписали Назике, представлялись исследователю чересчур риторичными и явно придуманными задним числом, поэтому он отнёсся к этой традиции с недоверием (Hoffmann 1960, 309 ff.; 318 ff.). В самом деле, изложенная Назикой «теория» едва ли была актуальна в 150 г. до н. э. (Hoffmann 1960, 340; Bringmann 1977, 37; Hackl 1980, 154); по мнению У. Фогель-Вейдемана, она возникла гораздо позже (Vogel-Weidemann 1989, 84, n. 55). Вполне вероятно, что подлинным автором этой «теории» является Посейдоний (Hackl 1980, 151 ff.; Bellen 1985, 5 ff.).

Полибий и Аппиан видели причину Третьей Пунической войны в том иррациональном страхе, который римляне испытывали по отношению к Карфагену (Polyb. XXXVI. 9. 4; App. Lib. 69. 312–315). Вместе с тем те же авторы сообщают, что решение об объявлении войны созрело в сенате заблаговременно (Polyb. XXXVI. 2. 1; App. Lib. 69; 74; 75). И. Ш. Кораблёв полагал, что *metus Punicus* был инспирирован сторонниками уничтожения Карфагена «в период ожесточённых споров о направлении внешней политики» (Кораблёв 1976, 322, примеч. 178; ср.: Kornemann 1970, 324 ff.). У. Фогель-Вейдеман считает этот страх «искренним, пусть даже и ошибочным» (Vogel-Weidemann 1989, 81). Я. Буриан также делает акцент на «факторе страха», видя в нём решающую причину Третьей Пунической войны и разрушения Карфагена (Burian 1978, 174). По мнению В. Хофмана, «фактор страха» не оказывал вообще никакого влияния на римский внешнеполитический курс, а пресловутый *metus Punicus* к середине II в. до н. э. превратился в «историческую реминисценцию», чьё значение оказалось чрезмерно преувеличено в письменных источниках. Принципиальная перемена во внешней политике Рима заключалась в переходе от прежней системы зависимых, но не всегда лояльных государств к новой системе прямого господства Рима над провинциями (Hoffmann 1960, 337; 339 f.). Таким образом, развязывание римским сенатом войны с Карфагеном стало рассматриваться в историографии как вполне логичный и закономерный шаг в рамках нового внешнеполитического курса. Как бы то ни было, «законного» повода для «справедливой войны» римляне тогда так и не нашли (Liv. Per. 48).

Т. Моммзен (Моммзен 1994, 21), М. И. Ростовцев (Rostovtzeff 1957, 21) и А. Пиганьоль (Piganiol 1962, 119) считали, что причины Третьей Пунической войны были сугубо экономическими. Этот тезис поддержали У. Харрис (Harris 1979, 239, n. 4) и Э. Мароти (Maróti 1983, 225), но оспорили Ф. Э. Адкок (Adcock 1946, 117 ff.) и Э. Бэдиан (Badian 1968, 20).

У. Харрис рассматривает Третью Пуническую войну как звено в цепи завоевательных войн, которые Рим вёл в течение ряда веков, а *metus Punicus* в данном контексте не затрагивает вообще: главным мотивом здесь, по его мнению, была жажда наживы (Harris 1979, 234 ff.; 1989, 156). Версия о том, что сенат опасался не столько возрождения карфагенского могущества, сколько усиления Нумидии за счёт Карфагена (Adcock 1946, 118; Maróti 1983, 224; Huß 1985, 437, Anm. 6; Vogel-Weidemann 1989, 82), названная Э. Бэдианом «абсурдной» (Badian 1958, 134), действительно представляется несостоятельной ввиду непоколебимой верности Массиниссы союзу с Римом (Walsh 1965, 149 ff.; Astin 1967, 273 f.).

Более или менее объективную оценку иррациональным римским «страхам» можно дать лишь с учётом результатов археологических раскопок на территории современного Туниса. В результате этих исследований выяснилось, что ни о каком «истощении» и «упадке» Карфагена после окончания «Ганнибаловой войны» говорить не приходится; более того, оказалось, что в последние десятилетия своего существования Карфаген достиг небывалого расцвета (Rakob 1985, 502 f.; Vogel-Weidemann 1989, 86). Таким образом, данные археологии подтвердили сообщение Аппиана о росте могущества и богатства Карфагена в 200–152 гг. до н. э. (*Lib.* 69. 312). Недаром Полибий (XVIII. 35. 9) назвал его «богатейшим городом в мире». К середине II в. до н. э. Карфаген обладал внушительным военным потенциалом¹⁵.

В заключение подведём некоторые итоги. В 149 г. до н. э. «фактор страха», *metus Punicus*, безусловно, играл определённую роль в принятии римским сенатом судьбоносных внешнеполитических решений, равно как и в формировании общественного мнения в Риме. Катон Старший и его единомышленники, несомненно, видели в *metus Punicus* оправдание — идеологическое, моральное и политическое — «справедливой войны» (*bellum iustum*) Рима против Карфагена. Очевидно, сохранялась и потенциальная опасность для римлян со стороны их давнего врага, вполне восстановившего к тому времени свою экономическую и финансовую мощь. Таким образом, страх в Риме перед *Carthago rediviva* был в какой-то степени обоснован. После разгрома Македонии в 168 г. до н. э. римская внешнеполитическая линия год от года становилась всё более «жёсткой»; итогом этой эволюции явилась политика «железного кулака», когда грубая сила подавления стала применяться даже по отношению к потенциальному сопернику, а на смену «морали» окончательно пришёл «прагматизм» (см.: Hoffmann 1960, 330–334; ср.: Bellen 1985, 33, Anm. 127).

¹⁵ App. *Lib.* 69. 312; 80. 374–375; Plut. *Cato Mai.* 26. См.: Vogel-Weidemann 1989, 87, n. 87; Frost 1989, 131–135; Lancel 1997, 177.

Эту перемену в римской внешней политике почувствовали уже современники. К примеру, тот же Полибий писал: «Теперь войною с Персеем они (римляне. — *В. Н.*) открыли новый образ действий, когда уничтожили до основания Македонское царство, а в наши дни увенчали его уничтожением Карфагена. Невзирая на то, что за карфагенянами не было какой-либо непростительной вины, римляне приняли относительно их непоправимо жестокие меры, при всей готовности карфагенян исполнить всякое требование, подчиниться всякому приказанию их» (*Polyb.* XXXVII. 1. 7–8).

Причиной разрушения Коринфа и Карфагена в 146 г. до н. э. явился — помимо всего прочего — не в последнюю очередь политический расчёт: сенат стремился ликвидировать давние оплоты всех антиримских сил в регионе и одновременно преподать урок на будущее потенциальным «бунтовщикам» (*Vogel-Weidemann* 1989, 88). Очевидно, что саму проблему причин Третьей Пунической войны и *metus Punicus* необходимо рассматривать в контексте того внешнеполитического курса, который Римская республика стала проводить после 168 г. до н. э. Являясь, безусловно, вопиющим актом международного разбоя, разрушение Карфагена стало залогом, с одной стороны, безопасности Рима, а с другой — его господства в Средиземноморье (*App. Lib.* 134).

Литература

- Копелев Л. З.* Чужие // *Одиссей: Человек в истории.* М., 1994. С. 8–18.
- Кораблёв И. Ш.* Ганнибал. М., 1976.
- Короленков А. В.* Легенда о братьях Филенах и её место в *Bellum Iugurthinum* Саллюстия // *SH.* IX. 2009. С. 106–116.
- Моммзен Т.* История Рима. Т. II. СПб., 1994.
- Никишин В. О.* *Metus Gallicus* и его преодоление // *SH.* VII. 2007. С. 77–92.
- Пуцыкович О. Д.* Взаимодействие культур и проблема межгрупповой враждебности // *Стили мышления и поведения в истории мировой культуры* / ред. М. В. Дмитриев. М., 1990. С. 33–53.
- Adcock F. E.* “*Delenda est Carthago*” // *CHJ.* Vol. 8. 1946. P. 117–128.
- Alfonsi L.* Sul “*metus Punicus*” Sallustiano // *Athenaeum.* Vol. 61. 1973. P. 383–384.
- Astin A. E.* *Scipio Aemilianus.* Oxford, 1967.
- Badian E.* *Foreign Clientelae (264–70 BC).* Oxford, 1958.
- Badian E.* *Roman Imperialism in the Late Republic.* Oxford, 1968.
- Balsdon J. P. V. D.* *Romans and Aliens.* L., 1979.
- Barceló P.* The Perception of Carthage in Classical Greek Historiography // *AC.* Vol. 37. 1994. P. 1–14.
- Bellen H.* *Metus Gallicus — Metus Punicus: Zum Furchtmotiv in der römischen Republik* // *AAWM.* Stuttgart, 1985. Bd. 3.

- Bringmann K.* Weltherrschaft und innere Krise Roms im Spiegel der Geschichtsschreibung des zweiten und ersten Jahrhunderts v. Chr. // *A&A*. 1977. Bd. 23. S. 28–49.
- Brunt P. A.* “*Laus imperii*” // *Imperialism in the Ancient World. The Cambridge University Research Seminar in Ancient History* / ed. P. D. A. Garnsey, C. R. Whittaker. Cambridge, 1978. P. 159–191, 319–330 (notes).
- Burck E.* Das Bild der Karthager in der römischen Literatur // *Rom und Karthago* / hrsg. von J. Vogt. Leipzig, 1943. S. 297–345.
- Burian J.* “*Ceterum autem censeo Carthaginem esse delendam*” // *Klio*. 1978. Bd. 60. S. 169–175.
- Cassola F.* Tendenze filopuniche e antipuniche in Roma // *Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici*. Vol. I. Roma, 1983. P. 35–59.
- Christ K.* Zum Beurteilung Hannibals // *Historia*. 1968. Bd. 17. Ht. 4. S. 461–495.
- Dauge Y. A.* Le Barbare: Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilization / *Collection Latomus*. 176. Bruxelles, 1981.
- Dubuisson M.* L’image du Carthaginois dans la littérature latine // *Redt Tyrus / Fenicische geschiedenis: Bijdragen van de Interuniversitaire contactgroep voor Fenicische en Punische studies (National Fonds voor Wetenschappelijk Onderzoek) / Travaux du Groupe de contact interuniversitaire d’études phéniciennes et puniques (Fonds National de la Recherche Scientifique)* / ed. E. Gubel, E. Lipiński, B. Servais-Soyez / *Studia Phoenicia*. 1–2 (*Orientalia Lovaniensia Analecta*. 15). Leuven, 1983. P. 159–167.
- Eckstein A. M.* Human Sacrifice and Fear of Military Disaster in Republican Rome // *AJAH*. Vol. 7. 1982. P. 69–95.
- Erdmann E.* Römischer “Imperialismus” — Schlagwort oder Begriff? // *GWU*. 1977. Bd. 28. S. 461–477.
- Frank R. I.* The Dangers of Peace // *Prudentia*. Vol. 8. 1976. P. 1–7.
- Franko G. F.* The Use of Poenus and Carthaginiensis in Early Latin Literature // *CPh*. Vol. 89. 1994. P. 153–158.
- Franko G. F.* Incest and Ridicule in the *Poenulus* of Plautus // *CQ*. Vol. 45. 1995. P. 250–252.
- Franko G. F.* The Characterization of Hanno in Plautus’ *Poenulus* // *AJPh*. Vol. 117. 1996. P. 425–452.
- Frost H.* The Prefabricated Punic Warship // *Punic Wars: Proceedings of the Conference held in Antwerp from the 23rd to the 26th of November 1988 in cooperation with the Department of History of the “Universiteit Antwerpen” (UFSIA)* / ed. H. Devijver, E. Lipiński / *Studia Phoenicia*. 10 (*Orientalia Lovaniensia Analecta*. 33). Leuven, 1989. P. 127–136.
- Fuchs H.* Der Friede als Gefahr: Zum zweiten Einsiedler Hirtengedichte // *HSCPh*. Vol. 63. 1958. S. 363–385.
- Gelzer M.* Nasicas Widerspruch gegen die Zerstörung Karthagos // *Philologus*. 1931. Bd. 86. S. 261–299.
- Haarhoff T. J.* The Stranger at the Gate: Aspects of Exclusiveness and Cooperation in Ancient Greece and Rome, with some Reference to Modern Times. Oxford, 1948.

- Hackl U.* Poseidonios und das Jahr 146 v. Chr. als Epochenjahr in der antiken Historiographie // *Gymnasium*. 1980. Bd. 87. S. 151–166.
- Harris W. V.* War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 BC. Oxford, 1979.
- Harris W. V.* Roman Expansion in the West // *CAH*². Vol. VIII. 1989. P. 107–162.
- Heuß A.* Römische Geschichte. Braunschweig, 1977.
- Hoffmann W.* Die römische Politik des 2. Jahrhunderts // *Historia*. 1960. Bd. 9. Ht. 3. S. 309–344.
- Huß W.* Geschichte der Karthager. München, 1985.
- Isaac B.* The Invention of Racism in Classical Antiquity. Princeton, 2006.
- Kneppel A.* *Metus temporum*: Zur Bedeutung von Angst in Politik und Gesellschaft der römischen Kaiserzeit des 1. und 2. Jhdts. N. Chr. Stuttgart, 1994.
- Kornemann E.* Römische Geschichte. Stuttgart, 1970. Bd. 1.
- Kroll W.* Die Kultur der ciceronischen Zeit. Leipzig, 1933.
- Lancel S.* Carthage: A History. Oxford, 1997.
- Liebs D.* *Bellum iustum* in Theorie und Praxis // *Ars iuris*. Festschrift für O. Behrends zum 70. Geburtstag / hrsg. von M. Avenarius. Göttingen, 2009. S. 305–318.
- Lintott A. W.* Imperial Expansion and Moral Decline in the Roman Republic // *Historia*. 1972. Bd. 21. Ht. 4. P. 626–638.
- Mantel N.* *Poeni foedifragi*: Untersuchungen zur Darstellung römisch-karthagischer Verträge zwischen 241 und 201 v. Chr. durch die römische Historiographie. München, 1991.
- Maróti E.* On the Causes of Carthage's Destruction // *Oikumene*. Vol. 4. 1983. P. 223–231.
- Mazza F.* The Phoenicians as Seen by the Ancient World // *The Phoenicians* / ed. S. Moscati. Milano, 1988. P. 548–567.
- North J. A.* The Development of Roman Imperialism // *JRS*. Vol. 71. 1981. P. 1–9.
- Opelt I., Speyer W.* Barbar (I) // *RAC*. Stuttgart, 1992: s.v. Suppl. I. 5/6. S. 811–895.
- Palmer R. E. A.* Rome and Carthage at Peace. Stuttgart, 1997.
- Piganiol A.* Histoire de Rome. P., 1962.
- Prandi L.* La 'fides punica' e il pregiudizio anticartaginese // *Conoscenze etniche e rapporti di convivenze nell'antichità* (a cura di M. Sordi) // *CISA*. Vol. 6. 1979. P. 90–97.
- Rakob F.* Die internationalen Ausgrabungen in Carthago // *Gymnasium*. 1985. Bd. 92. S. 489–513.
- Rich J.* Fear, Greed, and Glory: The Causes of Roman War-Making in the Middle Republic // *Roman Imperialism: Readings and Sources* / ed. C. B. Champion. Oxford, 2004. P. 46–66.
- Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Vol. I. Oxford, 1957.
- Sherwin-White A. N.* Racial Prejudice in Imperial Rome. Cambridge, 1967.
- Snowden F. M.* Blacks in Antiquity: Ethiopians in the Greco-Roman Experience. Cambridge, 1970.

- Snowden F. M.* Before Color Prejudice: The Ancient View of Blacks. Cambridge, 1983.
- Starks J. H.* *Fides Aeneia*: The Transference of Punic Stereotypes in the Aeneid // CJ. Vol. 94. 1999. P. 255–283.
- Thiel J. H.* *Punica fides* // Studies in Ancient History / ed. H. T. Wallinga. Amsterdam, 1994. P. 129–150.
- Thompson L. A.* Romans and Blacks: Social Perceptions of Somatic Distance in the Ethiops in Roman Antiquity. L., 1989.
- Vogel-Weidemann U.* *Carthago delenda est*: ‘aitia’ and ‘prophasis’ // AC. Vol. 32. 1989. P. 79–95.
- Walbank F. W.* Nationality as a Factor in Roman History // HSCPh. Vol. 76. 1972. P. 145–168.
- Waldherr G. H.* “*Punica fides*”: Das Bild der Karthager in Rom // Gymnasium. 2000. Bd. 107. S. 193–222.
- Walsh P. G.* Massinissa // JRS. Vol. 55. 1965. P. 149–160.
- Weiler I.* Zur Xenophobie und ähnlichen Einstellungen gegenüber Fremden bei den Völkern der Alten Welt // Domus Austriae. Festschrift H. Wiesflecker / hrsg. von W. Höflechner. Graz, 1983. S. 426–435.
- Weiler I.* Ethnozentrismus und Fremdenangst aus althistorischer Sicht (II) // Wissenschaft und Verantwortlichkeit. Eine Veröffentlichung des Senatsarbeitskreises “Wissenschaft und Verantwortlichkeit” an der Universität Innsbruck / hrsg. von H. Barta et al. Wien, 1994. S. 188–218.
- Welwei K.-W.* Zum “*metus Punicus*” in Rom um 150 v. Chr. // Hermes. 1989. Bd. 117. S. 314–320.

Vladimir O. Nikishin

***METUS PUNICUS*: A «FACTOR OF FEAR»
IN THE CONFLICT BETWEEN ROME AND CARTHAGE**

This article is devoted to such a phenomenon as the “factor of fear” and its role in the conflict between Rome and Carthage. Though there was no racism in Rome, the Romans had some ethnic prejudices and stereotypes towards the Carthaginians. The author emphasizes, that in the early Roman literature an attitude to the Carthaginians was deprived of any negative features. There was neither hatred towards them nor any kind of the so-called racial prejudice in the works written by Naevius, Fabius Pictor and Plautus. The situation was changed after the Second Punic War, during which *metus Punicus* was born. As a result of that change appeared some Roman stereotypes, such as *Punica fides*, i. e. *perfidy*, *calliditas*, *crudelitas*, *luxuria* and *avaritia*, which were ascribed to the Carthaginians. Political problems gave rise to xenophobia: the negative image of the Carthaginians was finally formed, when the Roman senate discussed

the question of dealing with Carthage in the nearest future. The author comes to a conclusion, that the Roman propaganda fabricated a false image of lying and treacherous barbarians in order to justify policy of violence pursued to Carthage. Relations between Rome and Carthage developed since 4th century B.C. and remained peaceful and profitable for both sides until the beginning of military conflict. In the course of the First and the Second Punic Wars impartial attitude of the Romans towards the Carthagenians gradually was replaced by death hostility. The author mentioned, that the latin term «Chartageniensis» was neutral and even positive, while the word *Poenus* was quite negative. In 216 B.C. after the battle at Cannes *metus Punicus* was born. It came to an end only in 146 B.C., when Carthage was captured and destroyed by Scipio Aemilianus. The author considers, that *metus Punicus* served as ideological, moral and political ground for the Third Punic War. By 149 B.C. Carthage on the whole had restored its economical and military potential, that's why the Roman fear of Carthago rediviva was well founded. After the defeat of Macedonia in 168 B.C. the Roman foreign policy became more hard and cynical. As a result of such a change the policy of "iron fist" was conducted towards even the potential enemy and archaic principles of the so-called *bellum iustum* were finally replaced by political pragmatism. That change was recognized already by the contemporaries, in particular Polibius. The main reason of destruction of Corinthus and Carthage in 146 B.C. was the real political consideration: the Roman senate intended to liquidate old strongholds of all anti-Roman forces in the Mediterranean area and to prevent any hostile actions in future. The author comes to a conclusion, that it's necessary to examine the problem of reasons for the Third Punic War and *metus Punicus* in the context of that political course, which was chosen by the senate after 168 B.C. Being, of course, the terrible act of vandalism, the destruction of Carthage became the pledge, on the one hand, of security of Rome and, on the other hand, of its predominance in the Mediterranean area.

А. М. Сморгков

РИМСКАЯ РЕЛИГИЯ ВО ВРЕМЕНА ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

В годы крупных общественных бедствий религия в полной мере проявляет своё охранительно-консервативное значение, выступая в качестве фактора, сплачивающего народ и поднимающего его моральный дух. Сказанное, несомненно, относится и к событиям Второй Пунической войны, ставшей для Рима настоящей Отечественной войной, когда сражаться пришлось за само существование, или, как говорили римляне, *pro aris et focis* («за алтари и очаги»). Общественные молебствия и обеты, старые обряды и новые ритуалы — всё это и многое другое позволяло вернуть веру в победу, преодолеть трудности и сплотить гражданский коллектив перед лицом грозного врага. Наиболее остро вопрос о сохранении воли к победе и морального духа граждан вставал после крупных поражений. Важнейшим средством решения этих проблем служила культовая практика, направленная на возобновление мира с разгневанными богами (*pax deorum*)¹, составлявшего краеугольный камень римского религиозного мировоззрения. Ведь для римлян частью представлений о себе являлась вера в своё особое благочестие, наиболее угодное богам в силу свободы от заблуждений неверия и суеверия².

Два крупнейших поражения в ходе Второй Пунической войны римляне потерпели в битвах при Тразименском озере (217 г. до н. э.) и при Каннах (216 г. до н. э.). Были и другие поражения, но именно эти, случившиеся в самой Италии, произвели на общество наиболее тяжкое

¹ Подробное исследование сложных взаимосвязей между военными поражениями и сохранением «мира с богами» см.: Rosenstein 1990, 54–91.

² Cic. *Har. resp.* 19; *ND.* II. 8; III. 5; *Sall. Cat.* 12. 3–4; *Liv.* XLIV. 1. 11; *Gell. NA.* II. 28. 2. См. также наблюдения греческих (Polyb. III. 112. 9; VI. 56. 6–8; Poseid. ap. Athen. VI. 107; Dionys. Hal. *AR.* II. 18–19; *Plut. Marc.* 4–5) и христианских авторов (*Tertul. Apol.* 25; *Ad nat.* II. 17; *Aug. CD.* IV. 8–9).

впечатление, поставив его перед суровым выбором — «победа или смерть»³. Религия оказалась первым помощником против тех горестей, которые обрушились на римских граждан. После битвы при Тразименском озере был избран диктатор Кв. Фабий Максим, впоследствии прозванный Кунктатором. Точно неизвестно, почему выбор пал именно на него. Об авторитете Фабия Максима на тот момент свидетельствует избрание его цензором в 230 г. до н. э. и дважды консулом (233 и 228 г. до н. э.). Что касается военных заслуг, то в своё первое консульство он получил триумф за победу над лигурами (*Fast. tr.*; CIL. I. Ed. 2, 193 [elogia 12 et 13]; *Plut. Fab. 2*; *Comp. Per. et Fab. 2*; *De vir. ill.* XLIII. 1), но это было 16 лет назад, т. е. довольно давно, да и противник, поднявший мятеж, не относился к числу самых опасных. Плутарх предполагает даже, что это была единственная победа Фабия, одержанная в открытом бою (*Comp. Per. et Fab. 2*). Так что, скорее всего, здесь повлияли иные факторы, а именно немалую роль должен был сыграть его авгурский сан и длительное пребывание в авгурской коллегии⁴.

Авгурский авторитет Фабия оказался тем более кстати, что назначение его в силу сложившейся военно-политической ситуации было совершено необычным способом — это сделал не консул (как требовалось), а народное собрание⁵. Поскольку авгурское право регулировало процедуру назначения диктатора⁶, то необычное избрание диктатора, скорее, могло быть признано законным в случае, если избранный сам являлся весьма авторитетным авгуром. Причём речь должна идти не столько о согласовании с нормами авгурского права, сколько о признании законности этого акта в сознании граждан, что было гораздо важнее. Ту же цель преследовало обращение к народному собранию, ибо санкция со стороны гражданского коллектива уменьшала негативные (в религиозном и политическом отношении) последствия вынужденного нарушения сакрально-правовой традиции. А о наличии сомнений в правомочности этого акта, сохранявшихся даже по прошествии двух веков, свидетель-

³ Эту мысль, анализируя отказ сената выкупить римских воинов, попавших в плен после битвы при Каннах, высказали Полибий (VI. 58. 11), Цицерон (*Off.* III. 114) и Аппиан (*Hann.* 28).

⁴ К 217 г. до н. э. он уже около 48 лет состоял в авгурской коллегии: *Liv.* XXX. 26. 7; *Val. Max.* VIII. 13. 3; *Plin. NH.* VII. 156. См. также: Szemler 1972, 68, n. 2; 105. При всех возможных сомнениях, проскальзывавших уже у Ливия (ср.: Münzer 1909a, 1815–1816), ясно, что его длительный авгурат запомнился.

⁵ *Liv.* XXII. 8. 5–6; *Zonar.* VIII. 25. Ср.: *Polyb.* III. 87. 6; 9 (ῥωμαῖοι δὲ δικτάτορα μὲν κατέστησαν Κόιντον). Народ (*populus*) принял участие и в назначении диктатора в 210 г. до н. э. (*Liv.* XXVII. 5. 14–15; *Plut. Marc.* 24–25), но причины обращения к народному собранию в этом случае неясны.

⁶ Анализ см.: Сморгчов 2012, 169–171 (либо: Сморгчов 2009, 65–67).

ствуует подробный комментарий Ливия, по мнению которого Фабий всё же не был диктатором, а действовал *pro dictatore*, т. е. с диктаторской властью⁷.

Первое заседание сената Фабий начал, как было принято (*Varro ap. Gell. XIV. 7. 9; Liv. VI. 1. 9; XXXVII. 1. 1*), с дел божественных. Понятно, что невозможно говорить о достоверности передачи Ливием содержания речи диктатора перед сенатом, но примечателен избранный нашим автором аспект. В его изложении Фабий в какой-то мере реабилитировал консула Фламиния, виновника страшного поражения: «Он указал сенаторам, что Г. Фламиний повинен больше в пренебрежении обрядами и ауспигиями, чем в безрассудстве и неопытности»⁸. Такой взгляд характерен для сложившегося в традиции образа Г. Фламиния как человека, не отличавшегося пиететом ни по отношению к сенату, ни по отношению к религиозным нормам (*Liv. XXI. 63. 2–14; XXII. 1. 5–7; 3. 4–14; 9. 7; 39. 6; Plut. Marc. 4. 2–6; Fab. 2–3; Zonar. VIII. 20; Ovid. Fast. VI. 765–766; Cic. ND. II. 8; Div. I. 77; II. 21; 67; 71; Sil. Ital. V. 77–129; Flor. I. 22. 14; Val. Max. I. 6. 6; Oros. IV. 13. 14; см.: Münzer 1909b, 2500–2501; Develin 1979, 268–277*), но интересно, как центр тяжести проблемы переносится из гражданской сферы в религиозную. Затем это было повторено с Г. Теренцием Варроном, виновником разгрома при Каннах (см. ниже). Тем самым в значительной степени снимается вина с руководителей⁹, даже с тех, кто потерпел сокрушительное поражение, растёт доверие к ним и к их действиям. Итак, вина Фламиния была «ограничена» нарушением мира с богами, а для решения этой проблемы существовали веками «апробированные» методы. Другими словами, несмотря на масштабность бедствия, ничего не изменилось: ведь и раньше, случалось, боги гневались за те или иные нарушения ритуалов, но неизменное благочестие римлян восстанавливало нарушенные отношения с богами, и те возвращали милость и покровительство своему народу.

Фабий настоял (*pervicit*) на обращении к Сивиллиным оракулам, что соответствовало важности момента (*Liv. XXII. 9. 8; Plut. Fab. 4. 5*). Сенат

⁷ *Liv. XXII. 31. 8–11*. Ср.: *Lyd. Mag. I. 38* (ἀντιδικτάτορ). Но никаких сомнений не высказывал Полибий (III. 87. 6), чьё свидетельство имеет особый вес, и в фастах Кв. Фабий отмечен как *dictator*, хотя и с уникальной титулатурой *interregni causa* (CIL. I. Ed. 2, 23), которая ещё более усложняет вопрос об источниках его власти. Анализ см.: Gusso 1990, 291–333.

⁸ *Liv. XXII. 9. 7*. Здесь и далее пер. А. М. Сморгкова. Ср.: *Plut. Fab. 4. 4*. У Плутарха Фабий держит речь перед народом, что также вполне соответствует ситуации.

⁹ См. обобщающий вывод Н. Розенштейна, правда, касающийся лишь тех полководцев, которые совершили неумышленные ошибки в ритуале: *Rosenstein 1990, 72–73* (Фламиния исследователь относит к другой группе: *Rosenstein 1990, 77–79*).

отдал соответствующий приказ децемвирам священнодействий, в чьём ведении находились эти книги, а уже по их указаниям был предпринят ряд мер — как традиционных римских, так и заимствованных. В первую очередь оракулы потребовали заново и с большим великолепием исполнить обеты Марсу по поводу этой войны, ранее осуществлённые недолжным образом. Такое повторение сакральных актов (*instauratio sacrorum*) являлось характерной чертой римской религиозной практики¹⁰. К старинным ритуалам относились также «священная весна», обет великих игр в честь Юпитера и суппликация (умилостивительный ритуал с участием всего гражданского коллектива). Заимствованным греческим обрядом был лектистерний, когда с целью умилостивить богов стелились ложи для их статуй и устраивались угощения. Впрочем, лектистерний давно уже стал частью римского ритуала¹¹, так что новизна его была относительной, и в 217 г. до н. э. он вполне мог рассматриваться как часть старинных обрядов, к которым обратились в тяжёлую минуту. Отдельно стоит упомянуть обет храмов Уму (*Mens*) и Венере Эрицинской (*Venus Erycina*) (Liv. XXII. 9. 10; Ovid. *Fast.* VI. 241–246), почитавшейся на Сицилии. Культ Ума, точнее даже Здравого Ума (*Mens Bona*), обращает на себя внимание, ввиду тяжёлого поражения римлян, конкретной интерпретацией причин краха. Но и введение культа сицилийской Венеры также не лишено патриотических ассоциаций, ибо Венера считалась прародительницей римлян, являясь матерью Энея, который и основал её культ на горе Эрикс в Сицилии¹². Здесь объединились характерные для римского культа храмовые обеты¹³, римское почитание абстрактных божеств («Ум») и греческие божества (однозначно, Венера Эрицинская и, возможно, Ум; см.: Wissowa 1912, 314; 327). Дополнительно были обетованы многим богам белые быки (Юпитеру — триста) и другие жертвы (Liv. XXII. 10. 7–10). Как видим, обеты занимали центральное место в искупительных мероприятиях. Это не удивительно, ибо уже само принятие обязательства выступало как средство примирения с богами, причём немедленное, в отличие от его исполнения, которое предполагалось в будущем и порой могло весьма затягиваться. Рас-

¹⁰ Cohee 1994, 451–468. См. обобщающие наблюдения античных авторов: Cic. *Har. resp.* 23; Liv. V. 52. 9; Plut. *Cor.* 25.1; Dio Cass. Fr. 51; LX. 6. 4.

¹¹ Первый известный лектистерний состоялся ещё в 399 г. до н. э. (Liv. V. 13. 5–8; Dionys. Hal. *AR.* XII. 9. 1–3), да и в предыдущем 218 г. до н. э. этот обряд дважды имел место (Liv. XXI. 62. 6–9; XXII. 1. 19).

¹² Rohde 1932, 18; Müller-Seidel 1953, 270. Anm. 127. Сомнения в столь ранней интерпретации Венеры как прародительницы римлян см.: Koch 1955, 853–854.

¹³ Храмовый обет можно считать одним из отличий римской религии от греческой: Rohde 1932, 10–11.

сма­три­вае­мый как клятвенное обя­затель­ство (*sponsio*) перед бо­же­ством (Сic. *Leg.* II. 41)¹⁴ обет был эф­фек­тив­ным сред­ством укреп­ле­ния мо­раль­ного ду­ха, за­к­лю­чая в се­бе и не­по­сред­ствен­ные дей­ствия са­мих гра­ждан, и на­де­жду на по­мо­щ­ю св­ы­ше. Пред­ста­в­ля­ет­ся весь­ма важ­ным этот пси­хо­ло­гический ас­пект — не­мед­лен­ное осу­ществ­ле­ние ме­ро­прия­тий, обе­щав­ших спасе­ние.

Другим важ­ным пси­хо­ло­гическим ас­пек­том пред­при­ня­тых рели­ги­озно-по­ли­ти­ческих ме­ро­прия­тий, призван­ных обе­спечить ми­лость бо­гов, яв­ля­ет­ся их кол­лек­тив­ный, об­ществен­ный ха­рак­тер. На­и­бо­лее на­глядно он пред­став­лен в так на­зы­вае­мой свя­щен­ной весне — по­жалуй, са­мом мас­штаб­ном обе­те, на не­об­хо­ди­мость ко­то­рого так­же ука­зали Си­вил­ли­ны ора­ку­лы. Это един­ствен­ный ист­о­ри­чески за­фик­сирован­ный слу­чай осу­ществ­ле­ния старин­ного ита­лий­ского ри­ту­ала¹⁵. В неза­па­мят­ные вре­мена его при­ме­няли в слу­чае тя­жких бед­ствий, обе­щая бо­же­ству в жерт­ву всё жи­вое, ко­торое ро­дится бли­жай­шей вес­ной, но убий­ство че­ловеческого по­том­ства бы­ло за­ме­нено из­гна­нием юно­шей и де­ву­шек по до­сти­же­нии со­вер­шен­но­ле­тия (*Fest.* 150L, s.v. *mamertini*; 519–520L, s.v. *ver sacrum*; ср.: *Dionys. Hal. AR.* I. 16. 1–4; *Strabo.* V. 4. 12). Впро­чем, обет 217 г. до н. э. лю­дей не касался. Тем не ме­нее ввиду его мас­штаб­ности и уни­каль­ности претор М. Эми­лий об­ра­тился за кон­суль­та­ци­ями к кол­ле­гии пон­ти­фиков, и вер­хов­ный пон­ти­фик Л. Кор­не­лий Лен­тул от­ве­тил, что ре­ше­ние о «свя­щен­ной весне» сле­дует вы­не­сти на утвер­жде­ние на­рода. По­это­му обет был оформ­лен в виде за­проса к цен­туриат­ному на­род­ному со­бра­нию: «Жела­ете ли и по­ве­ле­ва­ете ли по­ступ­ить сле­ду­ю­щим об­ра­зом? Если Рес­пуб­лика рим­ского на­рода кви­ритов в те­чение бли­жай­шего пя­ти­ле­тия, как я хо­чу и обе­тую, со­хра­нит­ся в це­лос­ти и не­вре­ди­мо­сти в сих вой­нах, ка­ко­вая вой­на ве­дётся у рим­ского на­рода с кар­фа­ген­ским и ка­ко­вые вой­ны ве­дут­ся с гал­лами, жи­ву­щими по эту сто­ро­ну Аль­п, пусть то­гда рим­ский на­род кви­ритов от­даст в дар Ю­пи­теру то, что при­несут вес­ной ста­да сви­ней, овец, коз и ко­ров с то­го дня, ко­торый ука­жут сенат и на­род, и что бу­дет не­по­свя­щён­ным» (да­лее и­дёт пе­ре­чис­ле­ние ус­ло­вий ис­пол­не­ния об­ря­да во избе­жа­ние не­воль­ных на­ру­ше­ний обе­та)¹⁶. Обет при­нёс претор А. Кор­не­лий Ма­мму­ла (*Liv.* XXXIII. 44. 2). Та­ким об­ра­зом, в обе­те при­няли уча­стие все гра­ждане — в ли­це

¹⁴ Сопос­та­в­ле­ние *votum* и *stipulatio* (*sponsio*) см.: *Watson* 1992, 39–43. См. так­же: *Rohde* 1932, 10–11; *Latte* 1960, 46 (о юри­дичес­ких вы­ра­же­ниях в ла­тин­ском язы­ке касательно обе­тов); *Orlin* 1997, 35, n. 1; 50, n. 54; *Beard, North, Price* 1997, 34.

¹⁵ По­дроб­ный а­на­лиз дан­ного ри­ту­ала см.: *Eisenhut* 1955, 911–923.

¹⁶ *Liv.* XXII. 10. 2–6, ср.: *Plut. Fab.* 4. 4–6. Этот обет был вы­пол­нен че­рез 21 год, в 195 г. до н. э. (*Liv.* XXXIII. 44. 1–3), но из­за оши­бок при со­вер­ше­нии ри­ту­ала по­вто­рён на сле­ду­ю­щий год (*XXXIV.* 44. 1–3; 6).

участников комиций, вынесших это решение, поскольку религиозное обязательство распространялось на всех и каждого. Этот момент соучастия весьма важен для объединения перед лицом грозной опасности, тем более соучастия в овейанном седой древностью обряде, чья уникальность соответствовала крайним обстоятельствам, в которых оказалась римская община.

Такой же массовый обряд представляла собой суппликация¹⁷, причём, как подчёркивает Ливий, вместе с жёнами и детьми для совместного умилостивительного моления богам сошлись не только горожане, но и сельчане, которых тоже касалась общественная забота (XXII. 10. 8). Это был весьма распространённый в римской культовой практике обряд — у Ливия имеется 60 сообщений о суппликациях¹⁸. Хотя преобладающая часть их происходила по указаниям Сивиллиных оракулов, всё же есть основания говорить лишь о греческом влиянии на уже существовавший римский обычай (см.: Wissowa 1931, 948–949). Несколько экзальтированный характер молений полностью отвечает состоянию умов в дни бедствий и вполне мог иметь местное происхождение, если не абсолютизировать религиозный рационализм римлян. Единение граждан в этом религиозном порыве также должно было поддержать их моральный дух и уверенность в помощи богов.

После ещё более страшного поражения при Каннах религия также пришла на помощь обществу в его противостоянии с обрушившимися бедствиями, грозившими самому существованию Республики. О масштабе катастрофы свидетельствует решение сената, который постановил ограничить траур по погибшим тридцатью днями вместо обычных десяти месяцев (Liv. XXII. 56. 4–5; XXXIV. 6. 15; Plut. *Fab.* 18.1). Такое решение было вызвано тем, что скорбящие считались нечистыми в религиозном отношении, а поскольку траур коснулся практически каждой семьи, то под угрозой оказался регулярный культ богов.

И в этот раз обратились к Сивиллиным книгам для поиска средств умилостивления богов. Может удивить, что поводом стало не само поражение, а грех двух весталок (Liv. XXII. 57. 2–4, ср.: Plut. *Fab.* 18. 1–3). Объяснение лежит в особенностях римского религиозного мировоззрения, для которого характерно наличие чёткой грани между людскими делами (*ius*) и божественными (*fas*). Поэтому к оракулам обратились из-за религиозного преступления, которое, конечно, усугубило страхи,

¹⁷ Широкое участие народа неоднократно упоминается в источниках, см.: Wissowa 1931, 942–945.

¹⁸ Orlin 1997, 95–96. Первое упоминание сенатского постановления о *supplicatio* относится к 463 г. до н. э. (Liv. III. 7. 7).

вызванные поражением. Ведь и после разгрома при Тразименском озере Фабий порицал Фламиния именно за небрежение религией, а поводом обращения к Сивиллиным книгам Ливий называет «зловещие предзнаменования» (XXII. 9. 8: *taetra prodigia*). Что касается упомянутых весталок, то, как велел известный обычай, одна из весталок была погребена заживо (другая успела покончить с собой). По указаниям оракулов совершили несколько чрезвычайных жертвоприношений (*sacrificia extraordinaria*), из которых упомянуто лишь погребение заживо на Бычьем форуме двух пар мужчин и женщин (галлов и греков). Римляне негативно относились к человеческим жертвоприношениям, что Ливий подчеркнул и в этом сообщении (XXII. 57. 6), но, по всей видимости, масштаб бедствий потребовал особых обрядов. Такой же обряд по указаниям децемвиров священнодействий был совершён примерно за десять лет до описываемых событий. Поводом явилось вторжение в Этрурию огромного галльского войска, потерпевшего в итоге сокрушительное поражение в битве при Теламоне в 225 г. до н. э. (Plut. *Marc.* 3. 6–7; Oros. IV. 13. 3; ср. 4–10).

Ещё одной исключительной мерой стало решение отправить в Дельфы посла (Кв. Фабия Пиктора) спросить оракул Аполлона, какими молитвами и жертвоприношениями можно умиловать богов, и о том, когда же наступит конец столь великим бедам (Liv. XXII. 57. 5; Plut. *Fab.* 18. 3; App. *Hann.* 27. 116). Посол быстро выполнил поручение. Сразу же после получения оракула он совершил в Дельфах жертвоприношение ладаном и вином всем богам и богиням и в том же лавровом венке, в каком был в Дельфах, по велению храмового жреца вернулся в Рим, где снял этот венок и возложил на алтарь Аполлона (Liv. XXIII. 11. 4–6). В оракуле были названы боги и богини, коих следовало умиловать, и указано, каким образом молиться каждому из них (XXIII. 11. 1). В конце его было добавлено: «Если вы, римляне, сделаете так, положение ваше улучшится и облегчится, ваше государство больше преуспеет в соответствии с вашим пожеланием, и победа на войне достанется римскому народу. Удачно распорядившись и сохранив своё государство, да пошлётё вы дар Аполлону Пифийскому от обретенных прибылей и да почтите его от добычи, поживы и трофеев; вы должны воздержаться от веселья» (XXIII. 11. 2–3). По решению сената указанные оракулом моления (*supplicationes*) и жертвоприношения были совершены (XXIII. 11. 6). Благоприятный ответ из Дельфов явно показывал, что эллинский мир на стороне римлян. Обращением к этому авторитетнейшему в Средиземноморье оракулу сенат хотел, несомненно, не только укрепить волю к победе у сограждан, но и продемонстрировать всему миру и прежде всего союзникам решимость Рима бороться до конца (см.: Кораблёв 1976, 159–160).

Таковы сведения о принятых после Канн мерах религиозного характера, незначительное количество которых по сравнению с мероприятиями после поражения при Тразименском озере бросается в глаза, равно как и немногочисленность знамений, связанных с названными битвами (Levene 1993, 48–49). Не исключено, что в тот раз решили этим ограничиться — это следует из заключительной фразы Ливия: «Как полагали, боги достаточно умиловивлены» (XXII. 57. 7), после которой он перешёл к рассказу о других решениях (военно-политических), необходимых для продолжения войны.

Пожалуй, самый патетический момент во всём рассказе о событиях после разгрома при Каннах — это торжественная встреча консула Г. Теренция Варрона, виновника поражения, в которой приняли участие представители всех сословий — так подобало приветствовать победителей. Они благодарили его за то, что он не отчаялся в спасении государства (Liv. XXII. 61. 14; XXV. 6. 7; Val. Max. III. 4. 4; ср.: IV. 5. 2; Front. *Strat.* IV. 5. 6; Plut. *Fab.* 18. 4–5; Sil. Ital. X. 606–639; Oros. V. 5. 8–9). Восхищает мудрость такого решения, исходившего, несомненно, от сената, равно как и величие духа римского народа, не отвернувшегося от неудачника, и правящей верхушки, сумевшей переступить через свою ненависть к этому «высочке» ради общего блага. Здесь сказались множество факторов: и политическая целесообразность¹⁹, и духовная потребность в надежде, и своего рода пропаганда гражданских ценностей. Но должны были сыграть свою роль и соображения религиозного характера. Дело не в том, что Варрон, хотя и проиграл битву, не допустил при этом, по мнению Н. Розенштейна, серьёзных нарушений в области религии, в отличие от Фламиния (Rosenstein 1990, 83–85). Важнее другое: в римской политической доктрине особое внимание уделялось сакральной правомочности высших магистратов, поскольку именно они, а не жрецы несли главную ответственность за поддержание мира с богами (*pax deorum*). Наделение магистратов религиозными полномочиями происходило, скорее всего, в ходе процедуры их избрания²⁰. Таким образом, осуществлённая надлежащим образом в религиозном отношении преемственность верховной власти играла в глазах римлян ключевую роль

¹⁹ Очень точно это подметил поздний автор Орозий, сравнивая судьбу Варрона с судьбой Манцина (консул 137 г. до н. э.), который ради сохранения армии заключил позорный договор с нумантинцами и по решению сената был выдан врагам: «Знаю, римляне, то деяние Варрона вам не понравилось, но была сделана уступка ситуации, а это деяние Манцина было угодно, но в соответствии с ситуацией отвергнуто» (Oros. V. 5. 11).

²⁰ Сморгчов 2012, 39–106 (здесь рассмотрены различные аспекты этой проблемы, важной для понимания республиканской религиозно-политической организации).

в деле сохранения должных отношений с богами-покровителями римской общины. Провести выборы мог ограниченный круг магистратов (консул, диктатор, интеррекс). Поэтому наличие высшей власти в лице консула Варрона имело большое психологическое значение с религиозным подтекстом, а решение сената не нагнетать обстановку и всеми силами подчеркнуть сохранение нормальной системы управления государством было абсолютно оправданным и целесообразным²¹, не говоря уже об удивительной его нестандартности, поражавшей потомков (см., например: Liv. XXII. 61. 14–15).

Однако выборы консулов на следующий год (215 г. до н. э.) провёл не Варрон, а назначенный сразу после поражения при Каннах диктатор М. Юний Пера (Liv. XXIII. 24. 1–4). По всей видимости, назначил его единственный оставшийся в живых консул Варрон (XXIII. 14. 2), поскольку это являлось исключительно консульской прерогативой. Как отмечалось выше, Ливий подробно прокомментировал отклонение от нормы при избрании диктатора Фабия, а в данном случае ограничился стандартной формулой *dictator ex auctoritate patrum dictus* (XXII. 57. 9). Ведь тот же Варрон позднее назначил другого диктатора (М. Фабия Бутеона) для составления списка сената (XXIII. 22. 10–11). Решение о проведении выборов магистратов на 215 г. до н. э. через диктатора сенат принял после совещания с претором М. Помпонием (XXIII. 24. 1). Ничего более Ливий не сообщает — ни о причинах, по которым был предпочтён этот вариант, ни о возможных сомнениях и опасениях: о чём-то ведь сенаторы совещались. Но вряд ли речь шла о каком-либо недоверии к консулу или сомнениях в его религиозно-политической правомочности, ибо Ливий тут же говорит о собственном нежелании Варрона задерживаться в Риме ради выборов (XXIII. 23. 9), что, возможно, определялось военной ситуацией. Так что для Ливия и его источников вариант проведения выборов через консула был вполне возможен и приемлем.

Наиболее эффективным средством возвращения доверия к высшей власти и восстановления её сакральной полноценности в Риме служил своеобразный институт «междущарствия» (*interregnum*). Несколько раз Ливий в рассказе о междущарствии употребил выражение «обновление ауспий» (*renovatio auspicioium*). Ауспиции составляли сакральную базу магистратской власти, представляя собой право выяснять волю богов с помощью гадания по птицам. По всей видимости, это и было целью перехода к междущарствию, дабы неполноценные, осквернённые ауспиции не перешли к новым магистратам (подробнее см.: Сморгков 2012,

²¹ Есть даже сведения, правда, от ненадёжного автора, что Варрону предложили диктатуру, от которой он отказался: Val. Max. III. 4. 4; IV. 5. 2.

103—106). В таком случае прекращались полномочия всех магистратов с ауспигиями (так называемых патрицианских, или курульных, магистратов) (Cic. *Ad Brut.* I. 5. 4; *Leg.* III. 9; *Dom.* 38; Liv. IV. 7. 7; Dionys. Hal. *AR.* XI. 20. 5; Dio Cass. XLVI. 45. 3). В итоге на какой-то, пусть краткий, срок до избрания первого интеррекса Рим оказывался без персонального носителя общественных ауспигий. Они как бы «растворялись» на время и вновь возобновлялись в лице интеррекса, а затем избранных с его помощью магистратов. Таким образом происходило сакральное «обновление» общественных ауспигий.

Именно через междоусобицу консулом стал сам Варрон. Его избрание состоялось после разгрома при Тразименском озере и гибели консула Г. Фламиния, когда уже в полной мере проявился масштаб опасности. Ливиев рассказ о выборах на 216 г. до н. э. изобилует подробностями религиозно-политического характера, в том числе уникальными. Консулы текущего года, Гн. Сервилий и заменивший Фламиния М. Атилий, не имея возможности явиться в Рим для избрания своих преемников, резонно предложили сенату провести выборы с помощью интеррекса. Сенат же предпочёл распорядиться о назначении диктатора для проведения электоральных комиций (*dictator comitiorum habendorum causa*) — по всей видимости, оттого, что через диктатора проблема решалась быстрее, чем через интеррекса: ведь в таком случае не требовалось сложение полномочий другими магистратами. Однако назначение признали огрешным, т. е. совершённым с нарушением ритуала, а потому через 14 дней диктатор и его начальник конницы, получив соответствующий приказ, сложили свои полномочия, и дело закончилось всё же междоусобицей (Liv. XXII. 33. 9—12). Плебейский трибун Кв. Бебий Геренний, играя на противоречиях между знатью и простым народом, решил помочь своему родственнику Г. Теренцию Варрону добиться консульства (XXII. 34. 3—11). Предлог для обвинений явно был надуманным, но в тех условиях он сыграл свою роль: в отказе диктатора от должности трибун увидел сговор знати (XXII. 34. 7). Обвинял Бебий сенат и авгуров (XXII. 34. 3) — последних в том, что из-за них диктатор оказался огрешным (XXII. 34. 10). Несомненно, речь шла о решении (декрете) авгуров по этому поводу (ср.: Liv. IV. 7. 3) и о последовавшем за ним распоряжении сената.

Имелась ли какая-нибудь политическая подоплёка в отказе диктатора от должности, сказать трудно. Сомнительно, чтобы избранный диктатором патриций Л. Ветурий Филон (консул 220 г. до н. э.) был чем-то неугоден сенату. А потому не исключено, что здесь повлияли главным образом религиозные факторы. Такой вариант вполне соответствует действительности, если исходить из римского мировоззрения, а не со-

временного рационализма²². В условиях военного времени могли случиться отступления от требуемого ритуала, что вызвало у правящей элиты опасения религиозного характера, которые подогрелись крайне неудачно складывавшейся для Рима военной ситуацией и заставили в конечном итоге обратиться к междуцарствию. Другое дело, что принятое из благочестивых побуждений решение в политическом плане обернулось против самого сената. В напряжённой обстановке, усугублённой разорением Италии Ганнибалом, чему способствовала выбранная тактика сдерживания, любое решение сената, даже самое верное, легко обращалось против него же. Ничего необычного в этом нет — и ныне такое нередко случается, особенно в смутные времена.

Единого рецепта при решении религиозно-политических проблем не существовало. Например, вполне ожидаемым междуцарствие было в 208 г. до н. э., когда один консул (М. Клавдий Марцелл) погиб, а другой (Т. Квинций Криспин) был смертельно ранен. Тем не менее сенат предложил последнему назначить диктатора для проведения выборов, что он успел сделать перед смертью (Liv. XXVII. 29. 2–5; 33. 6). Удивительно, но гибель обоих консулов не повлекла за собой заметных опасений религиозного свойства, вызвав лишь скорбное удивление (XXVII. 33. 7). Для римлян в тот непростой год Ганнибаловой войны, накануне переломного сражения при Метавре, оказалось важнее без промедления избрать новых консулов; страхи же религиозного свойства были успокоены иными, чем междуцарствие, средствами. А именно назначенный Криспином диктатор Т. Манлий Торкват по поручению сената справил Великие игры в честь Юпитера, обет провести которые через пять лет был дан ещё в 217 г. до н. э., но не выполнен, и обетовал справиться их через следующие пять лет (Liv. XXII. 9. 10–11; 10. 7; XXVII. 33. 8).

В ходе Ганнибаловой войны возникла ещё одна уникальная коллизия, связанная с выборами, — в 215 г. до н. э. при избрании консула-суффекта. Один из выбранных на этот год консулов, Л. Постумий Альбин, погиб до вступления в должность. На его место доизбрали консула, каковым стал М. Клавдий Марцелл. Однако при вступлении его в должность случилось неблагоприятное знамение (прогремел гром). Авгуры пришли к выводу, что М. Клавдий Марцелл «избран огрешно» (*vicio creatus*) (Liv. XXIII. 31. 13; ср.: XXVII. 22. 1; Plut. *Marc.* 12. 1–2), после чего он добровольно отказался от консульства. По мнению сенаторов

²² О политической борьбе вокруг этих выборов (с соответствующей историографией) см.: Твуман 1984, 285–294. Религиозные обстоятельства в этих исследованиях лишь упомянуты либо рассматриваются как не более чем ширма для политических манипуляций.

(в изложении Ливия), богам было неуютно, что оба консула оказались из плебеев. Ранее такого не случалось, так что Ливием передана, видимо, действительно имевшая место версия, основанная на отсутствии прецедента. К тому же патриции даже после уравнивания сословий сохраняли особое религиозное значение, в том числе в области общественных ауспиций, что также говорит в пользу доверия к указанному мнению.

Обращает на себя внимание одно необычное обстоятельство. Ведь и на комициях, и при магистратском гадании (ауспикации) неблагоприятное знамение не влекло за собой серьёзных последствий — общественный акт и гадание по его поводу переносились на другой подходящий день²³. В данном же случае знамение привело к отказу Марцелла от должности, пусть и добровольному. Объяснение может заключаться либо в особом «качестве» знамения в силу специфики первой ауспикации магистрата²⁴, либо в особом характере ситуации. Серьёзного внимания заслуживает второй вариант — ведь это был тяжелейший для римлян год после разгрома при Каннах, причём речь шла о довыборах на место погибшего Л. Постумия Альбина, избранного в консулы, но не успевшего принять должность. Ввиду особого значения высших магистратов для поддержания миропорядка (в практическом и религиозном смысле) любое случавшееся с ними несчастье, а тем более гибель кого-либо из них, воспринималось как свидетельство недовольства богов-покровителей римской общины своими «контрагентами», как предзнаменование будущих бед²⁵. В такой ситуации пристальное внимание к требованиям религиозного характера и различным знамениям вполне объяснимо, даже если за отказом Марцелла скрывались какие-то политические противоречия и соображения²⁶. И гром, который в иных условиях привёл бы всего лишь к переносу и повторению консульских ауспиций, после крупнейших поражений римлян был воспринят обществом весьма серьёзно, в силу чего Марцелл, к тому же сам являвшийся авгуром (Liv. XXVII. 36. 5; Plut. *Marc.* 2. 3; Cic. *Div.* II. 77), решил на всякий случай не принимать должность. Консульства он удостоился уже на следующий

²³ Краткую, но полную и ясную характеристику см.: Linderski 1986, 2295.

²⁴ Linderski 1986, 2170–2171. Анализ ситуации: Linderski 1986, 2159, n. 37; 2160–2161. Историографию см.: Linderski 1986, 2159, n. 37; 2160, n. 39.

²⁵ Поэтому, когда после взятия Вей Камилл оступился и упал во время молитвы, он тут же попытался обратить дурное предзнаменование на себя лично, отвратив его от Рима (Val. Max. I. 5. 2; Liv. V. 21. 16; Plut. *Cam.* 5. 9). Интересно отметить, что в таких случаях обращали внимание на то, кого же в итоге коснулся ожидавшийся гнев богов — только магистрата или всего Рима (см., например: Liv. VIII. 30. 1; XXVII. 23. 4; 33. 12).

²⁶ Историографию и критику политических объяснений см.: Linderski 1986, 2168–2169; Levene 1993, 51, n. 42; Müller-Seidel 1953, 246–247.

год (214 г. до н. э.), ничего, таким образом, не потеряв с точки зрения своих политических амбиций. Причём выборами руководил тот самый Кв. Фабий Максим, авгур и бывший диктатор, который тогда был избран консулом вместо Марцелла, и на этих комициях он явно действовал в пользу последнего (Liv. XXIV. 7. 11 — 9. 3). Указанные обстоятельства позволяют вполне уверенно говорить о преобладании связанных с религией соображений и факторов в рассмотренных событиях²⁷, хотя, конечно, у современного исследователя есть соблазн увидеть здесь политическую подоплёку.

Как видим, принятие, казалось бы, чисто политических решений вполне могло быть обусловлено исключительно религиозными соображениями. Во всех вышеописанных случаях религиозные действия и элементы «следовали» за политическими событиями и актами — при всей, разумеется, их тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Но имела место и обратная последовательность. В первую очередь это касается многочисленных предзнаменований (продигий), свидетельствовавших о гневе богов и необходимости восстановления нарушенного *pax deorum*. Сведения о них и об их искуплении являются наиболее подробной и регулярной частью касающихся религиозной тематики данных Ливия, наверняка заимствованных из жреческих записей (подробнее см.: Klotz 1936, 84–90). Сама обстановка военной опасности и ожидания бедствий провоцировала сообщения о различных необычных явлениях природы, как верно подметил Цицерон: «Ведь во время войны испуганным людям очень много и очень часто кажется такого, на что в мирное время не обращают столько внимания» (*Div.* II. 58). Показательно замечание Ливия о начале Ганнибаловой войны: «Той зимой (218–217 гг. до н. э. — А. С.) в Риме и в округе имели место многочисленные продигии либо — как обычно происходит, когда души объаты религиозным страхом, — о многих сообщали и этому легко верили» (Liv. XXI. 62. 1. Ср.: III. 10. 6; XXII. 1. 13; XXIV. 10. 6; XXVIII. 11. 1; XXIX. 14. 2; Polyb. III. 112. 8).

Сообщения о многочисленных знамениях действовали негативно на умы римских граждан, ослабляя волю населения и способствуя распространению панических настроений, а это угрожало самому существованию общины. Посему сенат и магистраты проявляли самое пристальное внимание к этой сфере сакральных отношений, изыскивая средства искупления гнева богов и руководя их осуществлением. Решение о признании тех или иных сообщений и соответственно о проведении необходимых мероприятий принимал сенат по докладу консулов в самом начале их административного года. Ливий старательно перечисляет

²⁷ См. также: Müller-Seidel 1953, 247–249.

знамения и принятые меры²⁸. Из его повествования выпал лишь 205 г. до н. э.²⁹ (консульство П. Корнелия Сципиона) — возможно, потому что всё внимание в рассказе о начале консульского года знаменитого Сципиона сосредоточилось на дискуссиях относительно подготовки вторжения в Африку.

Искупительные обряды, проводившиеся, как правило, высшими магистратами, имели важное значение для успокоения умов, для внушения веры в помощь богов и в конечный успех на войне. Это точно подметил Ливий после рассказа о мерах, предпринятых для искупления продигий 218 г. до н. э.: «Эти искупления и обеты по Сивиллиным книгам в значительной мере избавили души от страха перед знаменами» (Liv. XXI. 62. 11). Показательно, что в проводившихся тогда мероприятиях активное участие принимали все граждане, в том числе и матроны (XXI. 62. 5; 8; 9). Преобладали традиционные, уже «доказавшие» свою эффективность способы установления «мира с богами» (Liv. XXI. 62. 6–10): очищение Рима, молебствия, жертвоприношения указанным в оракулах богам, дары в храмы. Претор этого года Г. Атилий Серран принёс обет за сохранение Республики в ближайшие десять лет (обет на такой длительный срок упомянут впервые). И даже греческого происхождения лектистернии, как отмечалось выше, давно уже стали привычной в Риме практикой. Подобные ритуалы по искуплению продигий проводились и в другие годы.

Необычные, пугающие и к тому же многочисленные продигии давали повод для инноваций в республиканской религиозно-политической системе, причины которых порой могли быть гораздо глубже. Как правило, новшества появлялись по указанию Сивиллиных книг, к которым прибегали опять-таки в исключительных обстоятельствах. Пожалуй, самой значительной инновацией, имевшей место в соответствии с Сивиллиными оракулами, было заимствование в 204 г. до н. э. из Пессинунта в Малой Азии культа Великой (Идейской) Матери богов (Кибелы), в честь которой был построен храм и учреждены Мегалесийские игры³⁰. Поводом для обращения к книгам стало знамение в виде «каменного дождя»

²⁸ Liv. XXI. 62. 1–11; XXII. 1. 8–20 (ср.: Plut. *Fab.* 2); 36. 6–9; XXIII. 31. 15; XXIV. 10. 6–13; 44. 7–9; XXV. 7. 7–9; XXVI. 23. 4–6; 8; XXVII. 4. 11–15; 11. 1–6; 23. 1–4; 37. 1–15; XXVIII. 11. 1–7; XXIX. 14. 2–4; XXX. 2. 9–13; 38. 8–12.

²⁹ Сомнительно, чтобы список знаменений этого года состоял из единственного знамения, упомянутого к тому же под конец (Liv. XXIX. 10. 4). Кроме того, ничего не сообщается об искупительных мероприятиях, как ожидалось бы, зато это знамение привело к заимствованию культа Великой Матери богов, о чём чуть ниже. Иное мнение, равно как и объяснения, см.: Levene 1993, 66, 68–69.

³⁰ Liv. XXIX. 10. 4–6; 11. 1–8; 14. 5–14; XXXIV. 54. 3; XXXVI. 36. 3–5; Varro. *LL.* VI. 15; Ovid. *Fast.* IV. 255–372; Cic. *Har. resp.* 26–27; *De vir. ill.* XLVI; Amm. Marc. XXII. 9. 5; App. *Hann.* 56. 233–237; Strabo. XII. 5. 3; Cal. Praen. ad Apr. 4.

(*de caelo lapidatum*), которое слишком часто (*crebrius*) случалось в том году (Liv. XXIX. 10. 4). Что собой представляло это природное явление — сказать трудно, но оно неоднократно упоминается в источниках начиная с 344 г. до н. э. Для его искупления всегда применялся один и тот же ритуал *sacrum novendiale* («девятидневное священнодействие»)³¹. Ливий особо подчёркивает, что указанный обряд являлся обычным в случае каменного дождя (I. 31. 4; XXIII. 31. 15; XXX. 38. 9). Почему в 204 г. до н. э. обратились к Сивилиным оракулам, источники не сообщают. Возможно, пугающей оказалась чрезмерная частота знамения, что послужило поводом для поиска иного искупительного ритуала. Логично предположить и политическую подоплёку принятых мер: война с Ганнибалом шла к завершению, римляне готовились к высадке в Африке для нанесения решающего удара, а потому не исключён интерес сената к укреплению связей с Восточным Средиземноморьем, в частности с пергамским царём Атталом. С 211 г. до н. э. он находился в союзе с Римом против македонского царя Филиппа V, принявшего сторону Ганнибала. В пользу последнего варианта говорит несоответствие между поводом (знамение) и полученным ответом. Ведь ожидалось указание на какое-нибудь искупительное мероприятие, но оракул высказался по поводу окончания войны: «Когда бы иноземный враг ни пошёл войной на землю Италии, его можно изгнать из Италии и победить, если в Рим будет доставлена из Пессинунта Идейская Мать» (Liv. XXIX. 10. 5; ср.: Cic. *Har. resp.* 27; Ovid. *Fast.* IV. 255–260; Sil. Ital. XVII. 1–4; Diod. XXXIV. 33. 2).

В этом предсказании сенат увидел подтверждение ответа, который привезли послы, отправленные в Дельфы с дарами в предыдущем году (Liv. XXVIII. 45. 12): оракул Аполлона Пифийского пообещал римлянам более великую победу, чем та, которая дала повод для принесения даров (XXIX. 10. 6). Соответственно в Малую Азию было отправлено посольство из пяти экс-магистратов (XXIX. 11. 3–4), которые по дороге также заехали в Дельфы, чтобы узнать, какая надежда есть у них и у римского народа на выполнение порученного дела (Liv. XXIX. 11. 5; ср.: Ovid. *Fast.* IV. 263–264). Оракул посоветовал обратиться к царю Атталу и добавил, что в Риме богиню должен встретить «наилучший человек» (*vir optimus*) (Liv. XXIX. 11. 6; Sil. Ital. XVII. 5–7). Дружелюбно принятые царём послы прибыли в Пессинунт во Фригии, который был центром поклонения Матери богов, и получили от царя священный камень, считавшийся самой богиней (Liv. XXIX. 11. 7). Для встречи богини, т. е. священного

³¹ Liv. I. 31. 1–4; XXI. 62. 5–6; XXIII. 31. 15; XXV. 7. 7; 9; XXVI. 23. 5–6; XXVII. 37. 1; 4; XXIX. 14. 4; XXX. 38. 8–9; XXXIV. 45. 8; XXXV. 9. 4–5; XXXVI. 37. 3–5; XXXVIII. 36. 4; XXXIX. 22. 3; XLIV. 18. 6; Obseq. 2; 3; 44; 51; 54.

камня, сенат избрал «наилучшего человека», каковым «оказался» П. Сципион, сын Гнея, двоюродный брат знаменитого Сципиона, молодой человек, ничем ещё не прославившийся³². Почему сенат свой выбор остановил на нём³³, недоумевал и Ливий (XXIX. 14. 9)³⁴.

Упомянутый Сципион Назика вместе с матронами и весталками отправился в римский порт Остию, откуда вышел на корабле и принял священный камень в открытом море, после чего на суше передал его матронам (Liv. XXIX. 14. 10–12). Камень ему вручили некие жрецы (*sacerdotes*) — очевидно, так называемые галлы, жрецы-евнухи Великой Матери богов. Матроны понесли «богиню» в Рим на руках, сменяя друг друга. Навстречу процессии вышел весь город, перед дверями домов, мимо которых её несли, выставили курильницы с благовониями и молились, чтобы она вошла в Рим охотно и благосклонно. До постройки собственного храма (191 г. до н. э.) её поместили весьма символично в храм Победы на Палатине, и день этот стал праздничным, будучи посвящён Великой Матери богов (XXIX. 14. 13). Множество людей (*populus frequens*) принесли дары на Палатин, ей устроили лектистерний и игры, названные в её честь Мегалесийскими (XXIX. 14. 14). Таким образом, принятое решение (о заимствовании культа) объединило в религиозном порыве всех граждан в тот момент, когда требовалось последнее усилие для победоносного завершения войны³⁵. Учтём и то обстоятельство, что Кибелу связывали с легендарными предками римлян — троянцами³⁶, соответственно эти празднества призваны были сплотить римлян вокруг культа богини, являвшейся их прародительницей и покровительницей. Правда, поскольку её ритуалы выглядели слишком экстравагантно для римских нравов того времени³⁷, сенат запретил гражданам принимать в них участие и становиться её жрецами (Dionys. Hal. AR. II. 19. 3–5; ср.: Obseq. 44a; Val. Max. VII. 7. 6).

³² Liv. XXIX. 14. 5–8; XXXV. 10. 9; XXXVI. 36. 3; 40. 8–9; Cic. *Har. resp.* 27; *Brut.* 59; Val. Max. VII. 5. 2; VIII. 15. 3; Vell. II. 3. 1; Sil. Ital. XVII. 10–12; Plin. *NH.* VII. 120; Amm. Marc. XXII. 9. 5; *De vir. ill.* XLIV. 1; XLVI. 3; Diod. XXXIV. 33. 2–3; App. *Hann.* 56. 236 etc.

³³ Анализ политических и религиозных обстоятельств этого выбора см.: Köves 1963, 322–335.

³⁴ Удивительно, но человек, удостоившийся такого звания, затем дважды провалился на цензорских выборах (Liv. XXXVII. 57. 9–10; ср.: 58. 2; XXXIX. 40. 2, ср.: 41. 4), так и не удостоившись именно той магистратуры, в чьи задачи входил надзор за нравственностью сограждан (*cura morum*).

³⁵ Рассказы других авторов о встрече богини: Ovid. *Fast.* IV. 291–347; Sil. Ital. XVII. 13–47; Dio Cass. XVII. 57. 61; App. *Hann.* 56. 233–237; Herod. I. II. 3–5.

³⁶ См., в частности: Rohde 1932, 19; Köves 1963, 332.

³⁷ Жрецы-евнухи, пёстрые одеяния, непривычная музыка, сбор подаяния и т. п.: Cic. *Leg.* II. 22; 40; Dionys. Hal. AR. II. 19. 4–5; Lucret. II. 600–643; Ovid. *Fast.* IV. 181–189; 350; 361; Diod. XXXVI. 13. 1; Aug. *CD.* VII. 24; 26.

Ещё одна беспрецедентная и весьма красочная церемония состоялась чуть ранее, в 207 г. до н. э., в обстановке напряжённого ожидания накануне поворотного в Ганнибаловой войне сражения при Метавре³⁸. В этой истории приняли участие и жрецы Сивиллы (децемвиры), и римские понтифики, и этрусски-гаруспики, и светские власти в лице курульных эдилов. Возможно, появление нового ритуала было обязано тому, что прежние искупительные меры показались неэффективными (Воусе 1937, 159–160). После многочисленных пророчеств, особенно ввиду рождения гермафродита, наряду с обычными обрядами понтифики распорядились трём группам девушек по девять человек обойти Рим с пением гимна, который был сочинён поэтом Ливием Андроником (Liv. XXVII. 37. 7; Fest. 446L, s.v. *scribas*). При подготовке произошло ещё одно событие, весьма показательное по своим последствиям: когда девушки разучивали этот гимн в храме Юпитера Остановителя на Форуме, в храм Юноны Царицы на Авентине попала молния. Гаруспики сочли, что это знамение «адресовано» матронам, и заявили о необходимости умоливать богиню с помощью дара (Liv. XXVII. 37. 8). Соответственно по эдикту курульных эдилов на Капитолий были созваны матроны, имевшие местожительство в Риме и в пределах десяти миль от него, и они сами выбрали из своей среды 25 человек для приёма взносов, которые женщины сделали из своего приданого. На взносы изготовили золотой таз, принесённый в дар Юноне на Авентин (XXVII. 37. 9–10). Дары вкладчину в тот же храм матроны приносили ещё в начале войны (XXI. 62. 8; XXII. 1. 18), равно как и при посвящении самого этого храма в 392 г. до н. э. (V. 31. 3; 52. 10).

В этих событиях ярко проявилось особое положение римских женщин, которым не были чужды понимание общественных проблем и стремление помочь их решению — главным образом религиозными средствами (Wardman 1982, 39; Rüpke 1990, 66–67). Они активно участвовали во всенародных молениях (*supplicationes*)³⁹, благодарственных или умоливательных, вносили собственные средства на украшение храмов и организацию религиозных празднеств⁴⁰. Подобное понимание исходило и от общества, как в данном случае, где инициативу по привлечению

³⁸ Ливий весьма живо и ярко передает эту атмосферу тревожного ожидания (XXVII. 35. 5; 36. 1–4; 38. 1–2; 39. 1–3; 40. 1–7; 44; 45. 7–10; 50. 3–6), равно как и огромную радость, охватившую Рим после известия об одержанной победе (Liv. 50. 6–11; 51. 1–10; ср.: Polyb. XI. 3. 5).

³⁹ Liv. III. 5. 14; 7. 7–8; V. 18. 11–12; 23. 3; X. 23. 1–2; XXVII. 37. 7; 11–15; 50. 5; 51. 8–9; XXIX. 14. 10–14; XLV. 2. 6–7; Dionys. Hal. AR. VIII. 39. 1; Plut. *Cor.* 33. 1.

⁴⁰ Liv. V. 25. 7–10; 31. 3; 50. 7; 52. 10; XXI. 62. 8; XXII. 1. 18; XXVII. 37. 8–10; Fest. 282L, s. v. *pilentis*; Plut. *Cam.* 8; Diod. XIV. 116. 9; ср.: App. BC. IV. 33.

матрон к выполнению требований богов проявила власть. Но на эти события можно посмотреть и с другой стороны — активные действия на благо общества снижают уровень психологической напряжённости, как тонко подметил Ливий чуть далее в рассказе об ожидании исхода битвы при Метавре, когда эта напряжённость достигла пика: «Матроны, поскольку от них самих ничего не зависело, обратились к молитвам и мольбам и бродили по всем святилищам, беспокоя богов просьбами и обетами» (Liv. XXVII. 50. 5; ср.: XXVI. 9. 7–8; Polyb. IX. 6. 3–4). Действительно, не имея возможности принимать непосредственное участие в событиях, женщины получали в религии компенсацию своих тревог, усугубленных характерной для них эмоциональностью.

После принесения упомянутого дара Юноне децемвиры сразу же назначили день для другого священнодействия той же богине (Liv. XXVII. 37. 11–15). Видимо, удар молнии в её храм привёл ещё и к тому, что именно ей была посвящена церемония, о подготовке которой речь шла в начале рассказа (Воусе 1937, 161–166). Торжественная процессия прошла от храма Аполлона на Марсовом поле через Карментальские ворота, огибая Капитолий с юга по Ярёмной улице, на Форум, откуда по Этрусской улице и по Велабру достигла Бычьего рынка и поднялась к храму Юноны Царицы на Авентине. В процессии вели двух белых коров и несли две кипарисовые статуи богини: коров децемвиры принесли в жертву перед храмом, а статуи поместили в самом святилище. Наиболее яркую часть процессии, как можно представить, составляли шедшие вслед двадцать семь девушек в длинных одеждах. За ними шли децемвиры в лавровых венках и претекстах. Девушки пели гимн в честь богини, а на Форуме, когда процессия остановилась, они же, взявшись за верёвку, прошлись, видимо, в некоем танце, отбивая такт ногами под ритм гимна⁴¹. Одержанная затем решающая победа в битве при Метавре, несомненно, способствовала включению обряда с участием упомянутых двадцати семи девушек в римскую культовую практику⁴². Юлий Обсеквент, автор книги «О продигиях», несколько раз отметил, что исполнением гимна они очищают (*lustrare*) город Рим (Obseq. 36; 48; 53). По всей видимости, и в 207 г. до н. э. целью религиозной процессии также являлось ритуальное очищение Рима, призванное вернуть милость богов и принести победу (ср.: Liv. XXI. 62. 7).

⁴¹ Употреблённое Ливием (XXVII. 37. 14) выражение *pulsu pedum* («ударом ног») похоже на обозначение священного танца в три такта (*tripudium*). Ср.: *pede candido in morem Salium ter quatent humum* (Ног. *Carm.* IV. 1. 27–28). Ливий в другом месте пишет о салиях, танцевавших трипудий под пение священных песен (I. 20. 4).

⁴² Процессия из двадцати семи дев с пением гимна как средство искупления продигий упоминается для 200, 119, 117, 104, 99, 97 и 92 г. до н. э.: Liv. XXXI. 12. 9–10; Obseq. 34; 36; 43; 46; 48; 53.

Как видим, тяжёлая и длительная война не только усилила консервативные настроения в сфере идеологии, но и породила естественное желание прибегнуть к новым, нетрадиционным методам. Некоторые симптомы идеологического кризиса имели место и в Риме во время войны с Ганнибалом, но вмешательство властей потребовалось лишь однажды (Liv. XXV. 1. 6–12). В 213 г. до н. э., как сообщает Ливий, поклонение чужеземным богам и по чужеземному ритуалу вышло за пределы частного культа и приобрело общественное значение в силу своей массовости и открытости, совершаясь даже на Форуме и Капитолии (XXV. 1. 7). Ливий логично объясняет такое нарушение традиционного культа длительной войной, шедшей с переменным успехом, и нарушением привычного образа жизни у селян, вынужденных бежать в Рим от военных бедствий. Как обычно, самое активное участие в этих новшествах принимали женщины, чьи эмоциональность и чувствительность подверглись серьёзному испытанию в эти годы. Большое значение приобрели разного рода предсказатели (*vates*), что не было свойственно римской религии, и новоявленные «жрецы» (*sacrificuli*), не имевшие отношения к старинным римским жречествам. Сенат разбранил эдилов и триумвиров по уголовным делам за попустительство, но когда те попытались удалить толпу с Форума и разбросать жертвенные принадлежности, то сами едва не стали жертвами насилия. Поскольку власти младших магистратов оказалось недостаточно, принять меры сенат поручил претору М. Эмилию, т. е. магистрату с империем. Тот зачитал на сходке (*contio*) постановление сената и приказал к определённом сроку (до апрельских календ) сдать ему все пророческие книги, а также записи молитв и предписания по осуществлению священнодействий. Речь шла о запрете совершать новые и чужеземные обряды в общественных и священных местах (*in publico sacrove loco*: Liv. XXV. 1. 12), но на собственно частный культ в соответствии с принципами римской религии запреты не распространялись. Предпринятые меры оказались действенными, и в дальнейшем проблема открыто не возникала, хотя, как показал процесс о Вакханалиях (186 г. до н. э.), она всё же оказалась загнанной вглубь, а не решённой.

Власти противодействовали тяге к новым способам общения с богами, проявившейся в годы Ганнибаловой войны, не только посредством запретов, но и с помощью частичного удовлетворения этой потребности, о чём уже шла речь выше, — но исключительно посредством решений, принятых самими общинными органами. Обращает на себя внимание, что в следующем, 212 г. до н. э., одна из книг, сданных претору М. Эмилию, была признана «истинной», и он передал её новому претору П. Корнелию Сулле. Речь идёт о пророческих стихах (*carmina*) некоего предсказателя (*vates*) Марция (Liv. XXV. 12. 2–12). Хотя Ливий

называет его известным (*inlustris*), сведения о нём практически отсутствуют (Münzer 1930, 1538; 1541). К тому же у Ливия упомянут один автор стихов⁴³, в то время как другая традиция говорит о братьях-прорицателях (Cic. *Div.* I. 89; II. 113; ср.: I. 115; Serv. *Ad Aen.* VI. 70; Symm. *Epist.* IV. 34. 3).

Признание и принятие пророческих книг в истории Римской республики — уникальное событие. В данном же случае внимание привлекло пророчество, которое расценили как предсказание поражения при Каннах, т. е. уже состоявшегося события. Это заставило обратить внимание на другое пророчество, более тёмное (*obscurius*) и путанное (*perplexius*), по выражению Ливия, обращённое в будущее: в нём речь шла о том, что для изгнания врага необходимо учредить игры в честь Аполлона. Целый день, как сообщает Ливий, пытались объяснить это стихотворение, а на следующий день сенат принял решение, чтобы по поводу игр в честь Аполлона и совершения требуемого священнодействия жрецы-децемвиры обратились к Сивиллиным книгам. После доклада децемвиоров о результатах сенат постановил обетовать и совершать игры в честь Аполлона (Liv. XXV. 12. 2–15; Macr. *Sat.* I. 17. 27–29; ср.: Fest. 436–438L, s.v. *salva res*), поручив их претору (этого требовало пророчество Марция), которому выдавали определённую сумму (12 тысяч ассов) и двух быков⁴⁴ для принесения в жертву (Liv. XXV. 12. 8–12). Другим постановлением сената децемвирам предписывалось, опять-таки в соответствии с пророчеством Марция, принести жертву по греческому обряду: Аполлону — быка с вызолоченными рогами⁴⁵ и двух таких же белых коз, Латоне — корову с вызолоченными рогами (XXV. 12. 13). Народ смотрел игры в венках, что являлось греческим обычаем (XXV. 12. 15)⁴⁶. Граждане приняли активное участие в событиях не только в качестве зрителей: в соответствии с требованием пророчества Марция претор издал указ, чтобы народ сделал взносы Аполлону (т. е. на игры); матроны возносили молитвы; все пировали под открытым небом, распахнув настежь двери; совершались в этот день и другие неназванные обряды всякого рода (XXV. 12. 15). Столь широкое участие граждан, само по себе в рим-

⁴³ Liv. XXV. 12. 3. Другие авторы: Fest. 162L. 6 (указывает его преномен — Гней); 184L. 18; 185L. 4; 438L. 16; Plin. *NH.* VII. 119; Amm. Marc. XIV. 1. 7; Macr. *Sat.* I. 17. 25; 28; Zonar. IX. 1.

⁴⁴ У Ливия — *duas hostias maiores*, т. е. «двух взрослых животных». Животным Аполлону являлся бык: Liv. XXV. 12. 13; Verg. *Aen.* III. 119; Macr. *Sat.* I. 17. 29; III. 10. 4 (со ссылкой на 68-ю книгу Лабеола, вероятно, на сочинение юриста М. Антистия Лабеола «О понтификальном праве»); 5.

⁴⁵ О толковании понятия *aurato* см.: Marquardt 1878, 175. Anm. 2; Wissowa 1912, 416.

⁴⁶ Рассказ Ливия практически дословно повторён Макробием (*Sat.* I. 17. 28–29; ср.: Fest. 438L. 11–16).

ской религиозной практике не редкое (Сморчков 1991, 49–58), всё же свидетельствует о стремлении правящей верхушки дать ответ на духовные запросы общества, обострившиеся и изменившиеся под влиянием тяжелейших обстоятельств, противопоставить частной инициативе (непредсказуемой, а потому опасной) общественную санкцию.

Таким образом, игры в честь Аполлона были учреждены по двойному указанию, полученному как из пророчества только что признанной книги Марция, так и из старинных Сивиллиных книг, ставших частью римской религиозно-политической системы ещё в царскую эпоху, при Тарквиниях. В 211 г. до н. э. по предложению претора Г. Кальпурния Пизона сенат принял решение обетовать Аполлоновы игры ежегодно (Liv. XXVI. 23. 3), а в 208 г. до н. э. претор П. Лициний Вар по приказу сената предложил на утверждение народа закон о ежегодном праздновании этих игр в определённый день, после чего он же принёс соответствующий обет (XXVII. 23. 5–7). Тем самым завершился процесс учреждения постоянных игр в честь Аполлона. Как подчёркивают Ливий (XXV. 12. 15) и Макробий (*Sat.* I. 17. 27), опровергая, видимо, распространённое мнение, введены они были ради победы, а не ради здоровья, т. е. связаны с событиями Ганнибаловой войны.

Несколько слов необходимо сказать о храмовом строительстве, резкий подъём которого в Риме начался на рубеже IV–III вв. до н. э. По вполне понятным причинам в годы Ганнибаловой войны оно приостановилось. Было построено всего лишь четыре храма. Как уже упоминалось выше, после поражения при Тразименском озере были обетованы в соответствии с Сивиллиными оракулами храмы Венеры Эрицинской и Ума (217 г. до н. э.). Обет возвести первый храм по требованию тех же оракулов дал диктатор Кв. Фабий, второй — его родственник претор Т. Отацилий (Liv. XXII. 10. 10), а в 215 г. до н. э. они же посвятили храмы (каждый свой), построенные на Капитолии (XXIII. 30. 13–14; 31. 9; 32. 2). Чуть позже, в том же 217 г. до н. э., возник страх перед гневом богов из-за годичной задержки в выполнении обета относительно храма Согласия (*Concordia*), данного в 218 г. до н. э. претором Л. Манлием (XXII. 33. 7–8). Хотя прямо не сказано, но, по всей видимости, озаботился этим сенат, ибо в данной главе у Ливия речь шла именно о его решениях. Уже на следующий год храм был посвящён в Крепости (XXIII. 21. 7). То, насколько быстро по римским меркам строились эти храмы, тем более в условиях военного времени и тяжелейших поражений, ясно указывает, что речь шла о скромных по размерам постройках.

Долгая история была связана с последним храмом, возведённым в годы Ганнибаловой войны, — храмом Доблести у Капенских ворот. Обет построить храмы Чести (*Honos*) и Доблести (*Virtus*) дал знаменитый М. Клавдий

Марцелл во время своего первого консульства (222 г. до н. э.) в битве с галлами при Кластидии, но, по всей видимости, даже не начинал его выполнять, поскольку в 211 г. до н. э. во время осады Сиракуз Марцелл повторил свой обет. Однако и с его исполнением он не торопился, пока каким-то образом в 208 г. до н. э. его не побудили приступить к исполнению уже двойного обета⁴⁷. Он попытался посвятить обоим божествам имевшийся храм Чести, посвящённый Кв. Фабием (Кунктатором) во время войны с лигурами в 233 г. до н. э. (Cic. *ND*. II. 61), однако по требованию понтификов был вынужден дополнительно построить храм Доблести. Посвятил его в 205 г. до н. э. сын Марцелла, к тому времени погибшего (Liv. XXIX. 11. 13). Оба храма были богато украшены добычей, захваченной в Сиракузах: в этом Ливий видел начало упадка нравов (чему способствовало восхищение произведениями греческого искусства) и религиозности (к чему вела распущенность при грабеже священного и несвященного имущества) (Liv. XXV. 40; ср.: Plut. *Marc*. 21. 6; Polyb. IX. 10).

Упадок активности в храмовом строительстве во время тяжелейшей войны не вызывает удивления. Удивляет другое — крайне незначительное количество храмовых обетов, данных во время войны. Их насчитывается всего пять: обеты уже упоминавшихся храмов Уму, Венере Эрицинской и Великой Матери богов, а также храма Юности (*Juventas*) и храма Фортуны Первородной (*Fortuna Primigenia*). Первый был обетован консулом М. Ливием во время переломной битвы при Метавре (207 г. до н. э.) и посвящён в Большом Цирке в 191 г. до н. э. (Liv. XXXVI. 36. 5–7) одновременно с храмом Великой Матери богов (XXXVI. 36. 3–4). Храм Фортуны был обетован в самом конце войны, в 204 г. до н. э., консулом П. Семпронием в битве с самим Ганнибалом и посвящён на Квиринальском холме в 194 г. до н. э. (XXIX. 36. 8; XXXIV. 53. 5–6). В тот год, через семь лет после окончания Второй Пунической войны, был нарушен своеобразный мораторий на новые храмы: помимо названного посвятили ещё три храма уже по послевоенным обетам (XXXIV. 53. 3–7), и далее обетование и строительство храмов становится в Риме обычным делом, чуть ли не ежегодным. Как показывает пример с тем же Марцеллом, обет отнюдь не предполагал немедленного его осуществления, которое нередко весьма затягивалось. Через 21 год был выполнен и упомянутый ранее обет «священной весны», принятый после разгрома при Тразименском озере. Поэтому практически полное от-

⁴⁷ Liv. XXV. 40. 2–3; XXVII. 25. 7; XXIX. 11. 13; Cic. *Verr*. II. 4. 123; Val. Max. I. 1. 8; Plut. *Marc*. 28. 2. Ливий упоминает только первый обет, Цицерон — только второй (впрочем, это соответствовало задачам его речи), Валерий Максим — оба. Возражения против принесения второго обета см.: Aberson 1994, 147.

существование храмовых обетов нельзя объяснить тяготами войны: здесь действовали какие-то другие соображения.

Таковы основные (хотя далеко не все) события из области религии, имевшие место в Риме в годы Второй Пунической войны. Проведённый анализ позволяет утверждать, что эта война, обрётшая Рим на тяжелейшие испытания, показала высокую степень устойчивости и эффективности республиканской религиозно-политической организации. Несмотря на серьёзнейшие потрясения, римская религия справилась со своими главными задачами — дать народу надежду на лучшее и мобилизовать его на борьбу. Общественно признанная сакральная практика сумела оказать противодействие разброду и шатанию в умах сограждан, тем факторам, которые вели к расколу единого гражданского коллектива. Сплочение вокруг старинных ценностей шло рука об руку с введением необходимых новшеств под надзором общественных органов власти. При этом следует подчеркнуть, что в Риме отсутствовал какой-либо формальный механизм контроля за религиозными вопросами, который всегда начинал бы действовать при сходных обстоятельствах и приводил к немедленной реализации соответствующих решений. Вмешательство политической власти в сакральные дела определялось обычаем и ситуацией, подчиняясь общественным религиозным опасениям и страхам. Тем не менее при всей ненавязчивости неформализованного контроля за идеологическими процессами правящей верхушке удалось удержать их в рамках существующей системы, которая хотя и подверглась некоторым изменениям, но относительно небольшим, если принять во внимание масштабы разразившегося военно-политического кризиса⁴⁸. Умелое сочетание здравого консерватизма и необходимых новшеств, отличавшее политику римской элиты в эпоху расцвета Республики, в полной мере проявилось и в годы Второй Пунической войны, явившись одним из важных факторов в деле достижения победы.

Литература

Кораблёв И. Ш. Ганнибал. М., 1976.

Сморчков А. М. Взаимодействие общественных и частных празднеств в римской религии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1991. № 5. С. 49–58.

⁴⁸ Иное мнение высказал Г. Виссова, считавший Вторую Пуническую войну (и особенно 217 г. до н. э.) началом нового этапа в развитии римской религии, содержанием которого является эллинизация римского культа: Wissowa 1912, 60–64. Не вдаваясь в дискуссию по этому вопросу, укажем на более осторожную оценку ситуации: Müller-Seidel 1953, 271.

- Сморчков А. М. Сакральные основы раннеримской диктатуры // ВДИ. 2009. № 1. С. 54–74.
- Сморчков А. М. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М., 2012.
- Aberson M. Temples votifs et butin de guerre dans la Rome republicaine. Genève, 1994.
- Beard M., North J., Price S. Religions of Rome. Vol. I. Cambridge, 1997.
- Boyce A. A. The Expiatory Rites of 207 BC // TAPhA. Vol. 68. 1937. P. 157–171.
- Cohee P. *Instauratio sacrorum* // Hermes. 1994. Bd. 122. Ht. 4. P. 451–468.
- Develin R. The Political Position of C. Flaminius // RhM. 1979. Bd. 122. Ht. 3–4. P. 268–277.
- Eisenhut W. Ver sacrum // RE. 1955. Reihe 2. Hbd. 15. Sp. 911–923.
- Gusso M. Appunti sulla notazione dei Fasti Capitolini *interregni caus(sa)* per la (pro)dittatura di Q. Fabio Massimo nel 217 a. C. // Historia. 1990. Bd. 39. Ht. 3. P. 291–333.
- Klotz A. Über die Stellung des Cassius Dio unter den Quellen zur Geschichte des zweiten Punischen Krieges // RhM. 1936. Bd. 85. S. 68–116.
- Koch C. Venus // RE. 1955. R. 2. Hbd. 15. Sp. 828–887.
- Köves Th. Zum Empfang der Magna Mater in Rom // Historia. 1963. Bd. 12. Ht. 3. S. 321–347.
- Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1960.
- Levene D. S. Religion in Livy. Leiden; New York; Köln, 1993.
- Linderski J. The Augural Law // ANRW. Tl. II. 1986. Bd. 16. 3. P. 2146–2312.
- Marquardt J. Römische Staatsverwaltung. Leipzig, 1878. Bd. 3.
- Müller-Seidel I. Q. Fabius Maximus Cunctator und die Konsulwahlen der Jahre 215 und 214 v. Chr. // RhM. 1953. Bd. 96. S. 241–281.
- Münzer F. Fabius (116) // RE. 1909a. Bd. 6. Sp. 1814–1830.
- Münzer F. Flaminius (2) // RE. 1909b. Bd. 6. Sp. 2496–2502.
- Münzer F. Marcius (2) // RE. 1930. Hbd. 28. Sp. 1538; 1541.
- Orlin E. M. Temples, Religion and Politics in the Roman Republic. Leiden; New York; Köln, 1997.
- Rohde G. Die Bedeutung der Tempelgründungen im Staatsleben der Römer. Marburg, 1932.
- Rosenstein N. *Imperatores victi*. Military Defeat and Aristocratic Competition in the Middle and Late Republic. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1990.
- Rüpke J. *Domi militiae*. Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom. Stuttgart, 1990.
- Szemer G. J. The Priests of the Roman Republic. Bruxelles, 1972.
- Twyman B. L. The Consular Elections for 216 BC and the *Lex Maenia de Patrum Auctoritate* // CPh. Vol. 79. 1984. No 4. P. 285–294.
- Wardman A. Religion and Statecraft among the Romans. L., 1982.
- Watson A. The State, Law and Religion. Pagan Rome. Athens; L., 1992.
- Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. Aufl. 2. München, 1912.
- Wissowa G. Supplicationes // RE. 1931. 2. R. Hbd. 7. Sp. 942–951.

Andrey M. Smorchkov

ROMAN RELIGION IN THE SECOND PUNIC WAR

The article highlights the role of the Roman religion during the war with Hannibal. Public prayers and vows, ancient ceremonies and new rites all this and many other things returned the faith in victory, overcome difficulties and joined the civil community in the face of the formidable foe. Religious acts were psychologically significant, inflated hope for the help of gods. Immediate execution of acts that promised salvation, the publicity and emotionality of such acts as well really encouraged. Due to the above mentioned upon the most overwhelming defeats of the roman troops (at the Trasimene lake and at Cannes) the reasons of defeats were transmitted to the religious sphere of life from the civil one, that is analyzed in detail in the present article.

In the roman politic doctrine the special emphasis put on the sacral powers of the high magistrates, because only such authorities, but not the priests bore the main responsibility for the *pax deorum*. Vesting the religious powers on the magistrates, first of all the right of auspices, took place during the magistrates elections. In the time of the Second Punic War during the high magistrates elections religious and political problems happened numerous times especially in the beginning of war. The analysis showed that religious but not political reasons and factors prevailed in the events of 217–215 B.C.

In such situations religious events followed political ones. However the vice versa took place as well. Expiatory rites held by magistrates in respect of numerous *prodigia* were significant for infusion of faith in the help of gods and final success at war. Traditional means for setting of *pax deorum* prevailed, however *prodigia* provided an opportunity to innovate the religious system of the Roman republic. Anyhow such innovates one way or another related to the roman cult and roman legendary history. During the war with Hannibal some symptoms of ideological crisis took place, notwithstanding the interference of the authorities needed just once (in 213 B.C.). The measures taken that time appeared to be efficient so there was no the problem arisen in future. Including but not limited bans the authorities used the other measures to resist the need for new means of contact with the gods *i.e.* partial satisfaction of the need. Thus the ruling class succeeded to hold the different religious innovations within the existing structure, the structure which was amended relatively little taking the scope of the military and political crisis into consideration. Notwithstanding the most serious shocks, the roman religion reached the main goals *i.e.* it gave the hope for a better to the people and mobilized the people for struggle.

В. А. Квашнин

***LEX OPIA DE SUMPTU* 215 г. до н. э.:**
ПРАВО, РЕЛИГИЯ И ВОЙНА
В ЖИЗНИ РИМСКОЙ ОБЩИНЫ

Источники и историография

Закон Оппия (*lex Oppia de sumptu*) был внесён в народное собрание плебейским трибуном 215 г. до н. э. Гаем Оппием. Текст самого закона не сохранился, поэтому о его содержании мы можем судить лишь по фрагментарным свидетельствам, самое подробное из которых принадлежит Ливию. Он пишет: «Этот закон провёл народный трибун Гай Оппий в консульство Квинта Фабия и Тиберия Семпрония, в самый разгар Пунической войны; закон запрещал римским женщинам иметь больше полуунции золота, носить окрашенную в разные цвета одежду, ездить в повозках по Риму и по другим городам или вокруг них на расстоянии мили, кроме как при государственных священнодействиях» (пер. Г. С. Кнабе)¹. Некоторым, хотя и незначительным дополнением к данным Ливия являются сведения, содержащиеся в сочинениях Тацита, Валерия Максима, Орозия и Зонары. Так, Тацит, описывая предложение сенатора Цецины Севера о воспрещении уезжающим в провинцию сенаторам и магистратам брать с собой жён, приписывает ему слова о женщинах, которые «некогда были обузданы Оппиевыми и другими законами, а теперь освободились от этих оков и норовят распоряжаться не только дома и на форуме, но и в войсках»². Валерий Максим, описывая

¹ Liv. XXXIV. 1. 3: *Tulerat eam C. Oppius tribunus plebis Q. Fabio Ti. Sempronio consulibus in medio ardore Punici belli, ne qua mulier plus semunciam auri haberet neu vestimento versicolori uteretur neu iuncto vehiculo in urbe oppidoue aut propius inde mille passus nisi sacrorum publicorum causa veheretur.*

² Tac. Ann. III. 33. 4: *...pervicacibus magis et impotentibus mulierum iussis quae Oppiis quondam aliisque legibus constrictae nunc vinclis exolutis domos, fora, iam et exercitus regerent.*

события, связанные с отменой закона Оппия в 195 г. до н. э., сообщает: «Римские матроны дерзновенно взяли в осаду дом Брута, который решился воспрепятствовать отмене Оппиева закона, запрещавшего то, чего так жаждали женщины: ведь им не было дозволено владеть ни разноцветной одеждой, ни золотом свыше полуунции, ни пользоваться повозками ближе чем на милю от Рима, за исключением [поездок для совершения] жертвоприношений»³. Сохранилось описание тех же событий у Орозия: «Тогда же был отменён по прошествии двадцати лет закон, предложенный плебейским трибуном Оппием, по которому женщины не могли обладать более чем полуунцией золота, пользоваться разноцветной одеждой и ездить по Риму в повозках»⁴. Зонара упоминает о законе Оппия, описывая консулат Катона Старшего: «После поражения, понесённого римлянами при Каннах, был принят закон, запрещавший женщинам носить золотые украшения и роскошные одеяния; и вот теперь люди задумались, не стоит ли отменить этот закон»⁵.

Как можно заметить, перечисленные авторы упоминают о законе Оппия в контексте событий 195 г. до н. э., а это явно указывает на то, что они используют один и тот же источник, скорее всего, следуя Ливиевой традиции. Исключением является лишь Тацит, который сообщает о неких Оппиевых законах, что позволяет предположить его знакомство с иной традицией. В то же время упоминание о законе Оппия в речи римского сенатора, посвящённой «женскому вопросу», заставляет заподозрить наличие элемента подражания Ливиевой традиции и у Тацита.

В литературе, посвящённой закону Оппия (далее — ЗО), нет такого разброса мнений, как в случае с законами Клавдия или Метилия, хотя и здесь единство взглядов относительно авторства и датировки закона отсутствует. С середины XIX в. ЗО идентифицируется как один из первых законов о роскоши. Точка зрения Л. Ланге, связавшего принятие ЗО с военными поражениями начального периода войны (Lange 1877, 174, 670), была поддержана многими исследователями (Long 1875, 1077; Rotondi 1912, 254; Kübler 1931, 902, 904; Savio 1940, 176; Lippold 1963, 100; Crawford 1978, 79; Ляпустин 1991, 51). Можно говорить о том, что Л. Ланге

³ Val. Max. IX. 1. 3: *Quo tempore matronae Brutorum domum ausae sunt obsidere, qui abrogationi legis Oppiae intercedere parati erant, quam feminae tolli cupiebant, quia his nec veste varii coloris uti nec auri plus semunciam habere nec iuncto vehiculo propius urbem mille passus nisi sacrificii gratia vehi permittebat.*

⁴ Oros. IV. 18. 14: *Tunc etiam lex quae ab Oppio tribuno plebi lata fuerat ne qua mulier plus quam semunciam auri haberet, neve versicolori vestimento, nec vehiculo per Urbem uteretur, post viginti annos abrogata est.*

⁵ Zonar. IX. 17. 1: νόμου δεθέντος μετὰ τὴν ἐν Κάννας τοῖς Ῥωμαίοις συμβᾶσαν ἦτταν, νῆτε χρυσοφορεῖν τὰς γυναῖκας μήτε διφοφορεῖσθαι μήθ' ὄλως ἐσθῆτι καταστικτο κερῆσθαι, ὁ δῆμος, εἰ χρὴ καταλύσαι τὸν νόμον, βουλὴν ἐποιεῖτο.

заложил определённую историографическую традицию, в рамках которой ЗО рассматривался как одно из проявлений борьбы с внешними проявлениями роскоши (в данном случае женской), неуместными в условиях сокрушительных поражений и тягот первых лет войны. К первым законам о роскоши относит ЗО Й. Бляйкен: по его мнению, издание этого закона было обусловлено тем напряжением, с которым Римское государство вело борьбу с Ганнибалом (Bleicken 1955, 67). Как полагает О. Ори, в основе ЗО находились не морально-этические категории, а экономические и финансовые соображения, связанные с необходимостью ограничения в условиях войны оттока из Италии драгоценных металлов, которые шли на закупку дорогостоящих импортных предметов женской роскоши (Nauri 1976, 429–431). По мнению И. Зауэрвайн, ЗО был порождён бедственной ситуацией, в которой Рим оказался в 215 г. до н. э. Одним из путей выхода из неё стал нажим властей на женщин, среди которых социальная и имущественная дифференциация проявлялись особенно отчётливо. Вид разодетых и разукрашенных женщин, как полагает исследовательница, был нестерпим для простых римлян, страдавших от тяжких податей и иных тягот войны. Поэтому, даже если поводом к принятию ЗО стали внешние обстоятельства (неудачи начального периода Ганнибаловой войны), он преследовал цель, характерную для всех законов о роскоши, — стирание межгрупповых границ внутри римской общины в самое тяжёлое для неё время (Sauerwein 1970, 40–46). В том же духе высказываются Хр. Виршубский, Г. Клементе, Э. Грюэн, Э. М. Агати-Мадейра, Хр. Кунст, К. Вильямсон, Ж.-Ж. Обер, Т. Ньяко-дель-Ойо (Wirszubski 1968, 28; Clemente 1981, 1–14; Gruen 1993, 69–70, n. 118; Agati Madeira 2004, 88–99; Kunst 2005, 133–134; Williamson 2005, 26; Aubert 2006, 169; Naco del Hoyo 2011, 380). Довольно подробно останавливается на ЗО Э. Балтруш, который присоединяется к исследователям, оценивающим этот закон как первый настоящий закон о роскоши. В то же время он признаёт, что причиной его принятия в тяжёлое время Ганнибаловой войны не было такое явление, как роскошь (*sumptus*). «Моральная» оценка ЗО, как считает немецкий историк, была дана позже, вероятно, Катонем Старшим, и уже через труды анналистов попала в последующую традицию. При интерпретации ЗО исследователи, как правило, отталкиваются от даты его принятия, указывая на бедственную ситуацию начального периода войны. Эта связь, признаёт Э. Балтруш, является неоспоримой, поскольку только крайне тяжёлое финансовое состояние государства могло породить призыв к населению решиться на новые жертвы, причём высшие слои были обязаны не только показывать пример, но и в наибольшей степени нести фискальную нагрузку. Угрожающее положение, вызванное войной, требовало напря-

жения всех сил и общественного согласия. Не должно было создаваться впечатления, замечает Э. Балтруш, что народ несёт на себе основную тяжесть борьбы, в то время как знать не желает подчиняться никаким ограничениям. Вид украшенных золотом и пурпуром женщин, явно принадлежащих к высшему слою, вредил авторитету политического руководства и лишал легитимности те экстраординарные налоги, уплата которых требовала от населения особенно больших жертв. Среди причин, почему именно городские женщины попали под ограничения ЗО, необходимо, по мнению исследователя, отметить изменение их правового и социального статуса в годы войны, значение женщин в религиозной жизни римской общины в период войны, а также возросшую свободу их поведения, вызванную войной и отсутствием мужчин. Тем не менее для реализации положений ЗО решающее значение имела военная ситуация. Вмешательство в частноправовую сферу, предполагаемое законом, могло быть осуществлено только в ситуации, когда требовалась концентрация всех сил. То, что автором ЗО являлся плебейский трибун, а сам закон приобрёл форму плебисцита, свидетельствует, по мнению Э. Балтруша, о его цели — легитимизировать военные и политические решения римских властей путём демонстрации самоограничения, пусть даже и вынужденного (Baltrusch 1989, 52–59). Близкую позицию занимает А. Боттильери, согласно которой необходимость действий Гая Оппия и его сторонников вытекает из экономических последствий Ганнибаловой войны, потребовавшей от Рима беспрецедентных усилий. Ограничение расходов женщин на украшения и иные сколь дорогостоящие, столь и бесполезные вещи было частью программы общего сокращения невоенных расходов в условиях критического состояния Римского государства. Таким образом, в ЗО следует видеть попытку римских властей ограничить внешние проявления роскоши, просто необходимую в ситуации, когда для поддержания военных расходов стало неизбежным значительное увеличение фискальной нагрузки на малообеспеченные слои населения (Bottiglieri 2002, 106–108).

Вместе с тем существуют и иные подходы к проблеме ЗО. Так, в историографии можно выделить особое направление, обозначив его как «феминистское». Оно восходит к вышедшей в 1937 г. статье Э. Эбечерли-Бойс, в которой ЗО рассматривается в контексте религиозных обрядов и ритуалов, осуществлявшихся римскими женщинами в период Ганнибаловой войны. Причиной, вызвавшей принятие закона, стали чрезмерные расходы, возникавшие в связи с богатыми дарами, приносившимися богам. Как полагает исследовательница, именно эти траты, которые позволяли себе представительницы знатных родов Рима, потребовали вмешательства властей, выразившегося в принятии ЗО (Abaecherli-Boyce

1937, 168). Идеи, высказанные Э. Эбечерли-Бойс, не нашли отклика среди специалистов того времени, но оказались востребованы спустя несколько десятилетий. В несколько утрированном виде они были представлены в книге К. Херрманн, посвящённой правовому и политическому положению римской женщины в период Республики. Исследовательница рассматривает принятие и отмену ЗО как столкновение между борющимися за свои права римскими феминистками и «реакционно» настроенными представителями политической власти⁶. В целом работа выполнена на таком низком уровне, что следует согласиться с данной в литературе оценкой положений К. Херрманн как «фантастических»⁷. С феминистских позиций написана и книга С. Поумрой, которая, опираясь на сведения Ливия, рассматривает ЗО как один из способов перекачки частных средств в казну. По её мнению, главной целью закона являлась конфискация золота, которым обладали римские женщины, для нужд войны. Рассмотрение ЗО как единовременной меры конфискационного характера приводит её к заключению, что после 215 г. до н. э. закон фактически не соблюдался (Pomeroy 1975, 171–181). Выводы С. Поумрой подверглись детальному разбору и критике в статье Ф. Гулхем. По её мнению, главная ошибка предшествующих исследователей заключается в некритичном отношении к сведениям Ливия, который «навязывает» нам представление о конфискационной природе ЗО. Как полагает Ф. Гулхем, такое понимание закона просто бессмысленно, поскольку большинство женщин не были лицами *sui iuris* или находились под властью мужей, в связи с чем не обладали правом собственности на какое-либо имущество. В поисках альтернативного объяснения она обращается к построениям, высказанным в своё время Э. Эбечерли-Бойс, хотя и объявляет их «слишком громоздкими». Ф. Гулхем также обращает внимание на то, что обязанности по выполнению религиозных обрядов в период Ганнибаловой войны легли в значительной степени на римских женщин. С другой стороны, война способствовала тому, что женщины были освобождены от многих ограничений мирного времени. Возрастание религиозной активности женской части римской общины, по мнению исследовательницы, сопровождалось демонстративно щедрыми дарами и тратами. Таким образом, уход мужчин из внутренней

⁶ Herrmann 1964, 52–64. Показательно, что § 1 главы, посвящённой закону Опция, имеет говорящее название «Антифеминистская реакция, 217–216 гг. до н. э.» (р. 52–54).

⁷ Baltrusch 1989, 54, Anm. 109. Тем не менее следует отметить воскрешение этих идей в книге Р. Баумана, который расценивает борьбу за отмену ЗО как появление в Риме феминистского движения (Bauman 1992, 29, 34). Подробнее о работе Р. Баумана см.: Квашнин 2007, 50–71.

жизни общины вызвал рост общественной активности женщин, нашедшей своё выражение в религиозной форме. Одним из последствий этого стала борьба за престиж между представительницами различных семейств путём демонстрации роскоши. В качестве доказательства Ф. Гулхем привлекает комедию Плавта «Клад» (“*Aulularia*”), в которой отразилось недовольство части римского общества проявлениями роскоши со стороны некоторых женщин⁸. В целом, как полагает исследовательница, ЗО был обычным законом о роскоши, а не вызванной нуждами войны конфискационной мерой. Необходимость в таком законе появляется по мере того, как римские женщины предстают в новой роли на общественном поприще, особенно в области религии (Gulham 1982, 786–793). Следует отметить, что выводы, к которым приходит Ф. Гулхем, в свою очередь довольно слабо обоснованы. В поисках новых аргументов она ссылается на пьесу Плавта, написанную около 195 г. до н. э., т. е. спустя примерно два десятилетия после принятия ЗО. В результате ситуация, характерная для римского общества начала II в. до н. э., опрокидывается на начальный период Ганнибаловой войны. Кроме того, исследователями данного направления явно преувеличивается масштаб «ухода» мужской части римской общины. Порой складывается впечатление, что вызванное войной отсутствие мужчин в самом Риме имело чуть ли не абсолютный характер. Безусловно, борьба Рима с Карфагеном потребовала мобилизации римской армии в беспрецедентных для античного мира масштабах. Если в период с 200 по 168 г. до н. э. примерно каждый шестой взрослый мужчина находился в армии, то в период Ганнибаловой войны этот показатель был ещё выше (Lendon 2007, 511). По некоторым оценкам, за всё время войны было мобилизовано до 70 % римлян призывного возраста (Rosenstein 2011, 412). Однако эти данные одновременно свидетельствуют о том, что отсутствие мужского населения в Риме не имело и не могло иметь абсолютного характера. Очевидно, что увеличение количества призванных на военную службу граждан одновременно приводило к уменьшению числа налогоплательщиков, на чьи деньги содержалась армия (Naso del Noyo 2011, 385). Поэтому призыв на военную службу всех мужчин призывного возраста привёл бы к полному коллапсу римской общины, поскольку в этом случае некому было бы работать на полях и платить трибут. Именно это обстоятельство определяло логику действий римских властей, покупавших для армейской службы рабов, но не трогавших свободных граждан, занятых в сельском хозяйстве

⁸ Стоит отметить, однако, что Плавт почти не использует термин *sumptus* в своих сочинениях, хотя он действительно употребляет его в “*Aulularia*”. Не пользуется он и термином *luxus* («роскошь»), хотя в его пьесах один раз встречается слово *luxuriarii* (*Pseud.* 1107) и дважды *luxuria* (*Trin.* 8; *Asin.* 819). См.: Hauri 1976, 429–430.

(особенно из числа младших сыновей). По оценке Н. Розенштейна, до половины граждан, относившихся к ассидуям, вообще не призывалось на военную службу в период Ганнибаловой войны (Rosenstein 2008, 25).

Наконец, многие исследователи вообще не считают ЗО законом о роскоши. По мнению У. Харриса, ЗО следует рассматривать как отдельный случай, поскольку он имеет особый характер и не похож на последующие законы о роскоши (Harris 1979, 89, n. 2). Е. М. Штаерман также, по-видимому, не относит ЗО к группе законов о роскоши, поскольку начинает список этих законов с *lex Orchia* 184 г. до н. э. (Штаерман 1996, 62). Отрицает принадлежность ЗО к законам о роскоши и Л. де Лигт, согласно которому его следует рассматривать в качестве чрезвычайной меры военного времени, целью которой было не ограничение избыточного потребления как такового, а «подчёркивание внутриобщинной солидарности путём подавления индивидуального экстравагантного самовыражения» (De Ligt 2002, 16, Nr. 12). Как можно заметить, такой подход является своего рода компромиссом между восходящей к Л. Ланге оценкой ЗО как закона о роскоши, порождённого тяготами войны, и взглядами тех авторов, которые отрицают его принадлежность к *leges sumptuariae*. В общем-то, такая точка зрения имеет право на существование, поскольку, как отмечалось в литературе, термин «сумптуарный» применительно к данному закону не используется ни Авлом Геллием, ни Валерием Максимом, хотя он явно был им известен (Nauri 1976, 429). Но в то же время никто из них не отрицает прямо принадлежность ЗО к законам о роскоши. В данном случае следует согласиться с Э. Балтрушем, отметившим, что хотя ни один из античных авторов, упоминавших о ЗО, не называет его законом о роскоши, все они воспринимали его именно в качестве такового (Baltrusch 1989, 52, Anm. 96). В качестве объяснения необходимо обратить внимание на то, что в фокусе внимания античных авторов периода принципата, писавших о *leges sumptuariae*, находились законы, ограничивавшие приобретение и потребление продуктов питания и вина, постоянно издававшиеся на протяжении II—I вв. до н. э. Напротив, законы, ограничивавшие женскую роскошь, носили единичный характер. До эпохи Цезаря помимо самого ЗО к ним можно отнести лишь цензорские эдикты Катона Старшего, который ввел высокие налоги на отдельные предметы роскоши, а также Л. Юлия Цезаря и П. Лициния Красса, устанавливавшие запрет на ввоз в Рим *unguenta exotica* (по-видимому, дорогостоящих благовоний или масел)⁹. Как

⁹ Plin. *NH*. XIII. 24: *Certum est Antiocho rege Asiaque devictis, urbis anno DCLXV P. Licinium Crassum L. Iulium Caesarem censores edixisse ne quis venderet unguenta exotica*. Т. Франк датирует этот закон 189 г. до н. э. (Frank 1933, 174). Д. Кинаст, однако,

справедливо отмечалось в историографии, причиной этого была не растущая свобода женщин (тезис, лежащий в основе исследователей феминистского направления), а то, что вид богато одетых женщин с окончанием Ганнибаловой войны уже не был так оскорбителен и неуместен для населения Рима (Baltrusch 1989, 57).

Проблема авторства ЗО

Как принято считать, проект ЗО поставил на голосование плебейский трибун 215 г. до н. э. Гай Оппий (Niccolini 1934, 92; Münzer 1939, 729; Broughton, Patterson 1950, 255). О самом Г. Оппии мало что известно, помимо того что Оппии были плебеями, по всей видимости, родом из Пренесте (Münzer 1939, 726). П. Дизедери обратил внимание на то, что Ливий упоминает о принятии ЗО при описании событий не 215 г. до н. э., когда он был принят, а 195 г. до н. э., когда было внесено предложение о его отмене. Из этого он делает вывод, что принятие ЗО не вызвало ни бурного обсуждения, ни сопротивления, будучи событием не слишком ярким, иначе Ливий или анналисты об этом обязательно упомянули бы (Desideri 1984, 63; ср.: Lippold 1963, 100, Anm. 98; Aubert 2006, 169). По мнению Й. Бляйкена, в основе ЗО лежал магистратский эдикт или решение сената. Развивая свою идею об отсутствии независимой трибунской инициативы в этот период, он высказывает предположение о том, что ЗО приняли по предложению какого-либо влиятельного магистрата или сената (Bleicken 1955, 67). И. Зауэрвайн также считает, что ЗО появился по инициативе сената. После того как политика группировки Гая Фламиния и Теренция Варрона была дискредитирована поражениями при Тразименском озере и Каннах, сенатская аристократия могла позволить себе жест благородства по отношению к погибшему на войне политическому противнику. По мнению исследовательницы, рассматривать деятельность Г. Оппия в качестве «реликта» партийной группировки Гая Фламиния, а ЗО как антисенатский закон не позволяют ни данные источников, ни анализ социально-политической ситуации того времени. Как полагает И. Зауэрвайн, ЗО — одно из проявлений

обратил внимание на то, что в сообщении Плиния, с одной стороны, упоминается поражение Антиоха в 189 г. до н. э., а с другой — говорится о цензорах 665 г. от основания Города (= 89 г. до н. э.) Луции Юлии Цезаре и Публии Лицинии Крассе. По его мнению, это объясняется тем, что в оригинале XIII книги Плиния была утрачена одна или несколько строк. В них, как считает Д. Кинаст, могло говориться о том, что после победы над Антиохом возросшая в Риме роскошь и её неприемлемые формы сделали, в конце концов, необходимым введение запрета на импорт предметов роскоши для женщин (Kienast 1979, 150, Anm. 77).

одобренной сенатским большинством «политики согласия», необходимость которой для укрепления единства римской общины стала очевидной после поражения при Каннах (Sauerwein 1970, 40—41, Anm. 5). Э. Балтруш также обращает внимание на полное отсутствие упоминаний о Г. Оппии у Ливия при описании событий 215 г. до н. э., однако приходит к диаметрально противоположному выводу. По его мнению, это указывает на то, что 30 не был акцией действующего политика из круга сенатской аристократии. Скорее, Г. Оппий принадлежал к числу политиков, группировавшихся вокруг Гая Фламиния, которые и после его гибели продолжали ту же политическую линию, вынуждая к уступкам знать. В то же время исследователь признаёт, что 30 был своего рода компромиссом между сенатом и демократически ориентированными политиками. Несколько противореча себе, он пишет: поскольку автором 30 являлся плебейский трибун, а сам закон приняли в форме плебисцита, это указывает на то, что целью Г. Оппия и его вдохновителей была легитимизация военных и политических решений римских властей путём демонстрации добровольного самоограничения, пусть даже вынужденного (Baltrusch 1989, 54—55). Как можно заметить, практически все исследователи признают несамостоятельный характер действий Гая Оппия. Он предстаёт своего рода «технической» фигурой, необходимой для проведения определённой политической линии. Молчание источников, возможно, действительно указывает на отсутствие у него ярких личных качеств, крупных успехов на военном или общественном поприще или хотя бы таланта демагога, что позволило бы поставить Гая Оппия наравне с Гаем Фламинием, Теренцием Варроном и другими крупными фигурами того времени.

Время принятия 30

Подавляющее большинство исследователей датируют 30 215 г. до н. э. Однако в историографии встречаются попытки пересмотреть эту датировку, связанные с тем, что в традиции время, когда 30 был принят, чётко не определено. Как уже отмечалось, Ливий упоминает о принятии 30 при описании событий 195 г. до н. э., когда внесли предложение о его отмене. При этом он сообщает, что Гай Оппий предложил свой закон в консульство Кв. Фабия и Тиб. Семпрония. Ж. Эргон обратил внимание на то, что Тиб. Семпроний Гракх был консулом не только в 215, но и в 213 г. до н. э., когда его коллегой стал Кв. Фабий, сын Кв. Фабия Максима. С другой стороны, первоначально коллегой Тиб. Семпрония Гракха по консулату 215 г. до н. э. был Л. Постумий Альбин, а не Кв. Фабий. Это позволило ему предложить иную дату принятия 30 — 213 г. до н. э. (Neurgon 1961, 163 [= Эргон 2009, 157]; Neurgon 1965, 76). Действительно,

Л. Постумий Альбин был заочно избран консулом 215 г. до н. э., но погиб в бою, не успев вступить в должность. На его место избрали в качестве консула-суффекта М. Клавдия Марцелла, однако из-за погрешности на выборах он отказался от должности, в результате чего вместо него был избран Кв. Фабий Максим (Broughton, Patterson 1950, 253–254). Таким образом, гипотетически ЗО мог быть принят как в 215 г. до н. э., когда консулами были Тиб. Семпроний Гракх и Кв. Фабий Максим — старший, так и в 213 г. до н. э., когда высшую магистратуру получили тот же Тиб. Семпроний Гракх и Кв. Фабий Максим — младший. Ситуация усугубляется тем, что почти неизвестны имена плебейских трибунов этих лет: среди магистратов 213 г. до н. э. представлен лишь Л. Цецилий Метелл, а 215 — Г. Оппий, трибуна́т которого ставится теперь под сомнение (Broughton, Patterson 1950, 255, 264). Критический анализ гипотезы Ж. Эргона предпринял О. Ори, по мнению которого более поздняя датировка ЗО является неточной, поскольку ей противоречат и сообщение Ливия, и исторический контекст. Хотя 213 г. до н. э. и является «тёмным» для историков из-за недостатка источников, в целом он был удачным для Рима. Напротив, в 215 г. до н. э. Рим пожинает горькие плоды военных катастроф и внешнеполитических провалов. Кроме того, в этом году Рим находился в состоянии острого финансового и экономического кризиса. На его значение в истории Ганнибаловой войны косвенно указывает распределение материала Ливием, у которого описание событий 215 г. до н. э. более чем в три раза превышает материал, относящийся к событиям 213 г. до н. э. (Nauri 1976, 427–428). Ф. Гулхем в данной связи обращает внимание на то, что первым решением сената в 215 г. до н. э. стало удвоение размеров трибута, что красноречиво свидетельствует об особой остроте финансового кризиса. По её мнению, ЗО был принят в самом начале 215 г. до н. э., скорее всего, до начала сезона боевых действий (Gulham 1982, 786). Э. Балтруш также отмечает, что все интерпретации ЗО закономерно увязываются с датой его принятия, поскольку она ясно указывает на бедственную ситуацию начального периода войны. Эта связь, по его мнению, является неоспоримой, поскольку именно последствия крайне тяжёлого финансового состояния государства породили призыв к самопожертвованию и самоограничению со стороны населения Рима (Baltrusch 1986, 54). Следует также отметить, что в сочинениях Ливия и Орозия присутствует достаточно чёткая привязка ко времени: ЗО был отменён спустя 20 лет после его принятия, т. е. в 215 г. до н. э.¹⁰ Конечно, учитывая относительно невысокий разброс

¹⁰ Liv. XXXIV. 6. 9: *viginti ante annis latam*; XXXIV. 8. 3: *viginti annis post abrogate*; Oros. IV. 18. 14: *post viginti annos*.

дат, как и общее состояние хронологии Ганнибаловой войны, такое доказательство не является решающим, однако это ещё один аргумент в пользу традиционной датировки 30.

Содержание 30

Хотя текст 30 не сохранился, сведения Ливия и других античных авторов дают достаточно полное представление о его содержании. Напомним, что 30 вводил следующие ограничения в отношении римских женщин:

- 1) владение золотыми изделиями весом более полуунции (13,5 г);
- 2) ношение окрашенной одежды;
- 3) использование повозок для передвижения по Риму и другим городам, а также в их окрестностях на расстоянии одной римской мили (1481 м), за исключением дней, когда совершались публичные священнодействия.

А. “Auri plus semunciam habere”

Как сообщают античные авторы, 30 запрещал женщинам владеть изделиями из золота в размере более 0,5 унции¹¹. Это, казалось бы, предельно ясное указание источников тем не менее стало предметом оживлённой дискуссии среди специалистов. В основе её лежит спор относительно значения глагола *habere*, используемого древними авторами. Помимо прочего он употреблялся в значении «носить что-либо» (Дворецкий 1976. s.v. *habeo*, 456; Lewis & Short. s.v. *habeo*, 834; Oxford Latin Dictionary 1968. s.v. *habeo*, 781). Кроме того, Ульпиан в XLIX книге «Комментариев к Сабину» указывает: «Слово “иметь” понимается двояко: ведь мы говорим, что имеет и тот, кто является собственником вещи, и тот, кто даже не является собственником, но держит вещь. Таким образом, мы обычно говорим, что имеем вещь, если она находится у нас»¹². Это указание дало основание некоторым исследователям высказать предположение о том, что истинное значение *habeo* в сообщении Ливия и других античных авторов было понято неправильно: в действительности античные авторы писали о том, что женщины в Риме *не могли носить* на себе золота весом более полуунции, а не о том, что им было запрещено владеть им.

Одной из первых сомнения в правильности традиционной интерпретации 30 высказала И. Зауэрвайн. Она обратила внимание на то, что

¹¹ См. примеч. 1, 3–5.

¹² D. 45. 1. 38. 9: “*Habere*” *dupliciter accipitur: nam et eum habere dicimus, qui rei dominus est et sum, qui dominus quidem non est, sed tenet: denique habere rem apud nos depositam solemus dicere.*

если бы ЗО уже в 215 г. до н. э. установил запрет на обладание золотом в размере 0,5 унции, то были бы невозможны массовые передачи золота в казну населением в 210 г. до н. э. Поэтому, по её мнению, в соответствии с ЗО запрещалось не обладание золотом сверх установленного размера, а лишь ношение золотых украшений (в доказательство она ссылается на текст Зонары). В некотором противоречии с основным своим выводом И. Зауэрвайн заключает, что в целом ЗО не был эффективным, скорее, он способствовал, хотя и косвенно, добровольным пожертвованиям со стороны женщин, отдавших лишнее золото (Sauerwein 1970, 43–44; ср.: Giraudias 1910, 212). По мнению Ф. Гулхем, запрет на обладание золотом не мог затронуть большую часть женщин в Риме, поскольку юридически собственниками используемых ими золотых украшений были их мужья. С формально-юридической точки зрения женщины, не являющиеся лицами своего права, не обладали правом собственности на имущество, которым они пользовались. Поэтому, заключает Ф. Гулхем, ЗО содержал лишь запрет на ношение римскими женщинами золотых украшений весом более полуунции. Вслед за И. Зауэрвайном исследовательница обращает внимание на события 210 г. до н. э., когда даже после очередной конфискации частных средств женщинам было позволено хранить у себя больше золота, чем это предписывалось ЗО (Liv. XXVI. 36. 5–8; Gulham 1982, 787, п. 7). А. Гуарино также полагает, что в ЗО содержался лишь запрет появляться на публике с золотыми украшениями более установленного законом веса. В качестве доказательства он ссылается всё на тот же эпизод 210 г. до н. э., который, по его мнению, показывает, что по крайней мере среди женщин сенаторских фамилий золото имелось в изобилии и это не противоречило закону. Если же предположить, что ЗО запрещал женщинам владеть золотом, то он мог быть адресован только тем из них, кто был лицом *sui iuris*, способным обладать собственным имуществом. Как считает А. Гуарино, в Риме эпохи Республики муж обычно сам покупал жене, как находящейся под его властью, так и самовластной, драгоценности, украшения, косметику и прочие подобные вещи. В силу этого он оставался собственником всего этого, а супруга приобретала права собственности на них только после смерти мужа, и лишь в том случае, если он оставлял соответствующее указание в завещании. Как отмечает А. Гуарино, отсутствуют указания источников на то, что женщины передавали в эрарий или иное учреждение золото, чья масса превышала пределы, установленные ЗО. Он связывает это с тем, что ЗО принадлежал к *leges imperfectae*, т. е. не предполагал за нарушение своих предписаний каких-либо чётко установленных санкций, а виновные лица наказывались цензорами, эдилами или плебейскими трибунами. Поэтому, полагает исследователь, вопреки

рассказу Ливия можно утверждать, что римские женщины и после 215 г. до н. э. могли обладать золотыми вещами весом более 0,5 унции (Guarino 1985, 210–211). Э. Балтруш в событиях 210 г. до н. э. не видит отхода от положений ЗО или сознательного их игнорирования, как это понимается некоторым исследователями. По его мнению, к этому времени закон был либо смягчён, либо с самого начала было запрещено только ношение, но не владение золотом (Baltrusch 1989, 53, Anm. 101). А. Боттильери также считает, что ограничения, введённые ЗО, действовали до 195 г. до н. э., поскольку в ином случае необъяснимым выглядит активное противодействие со стороны Катона его отмене. Сообщение Ливия, по её мнению, следует понимать в том смысле, что женщинам было запрещено выставлять напоказ их богатство, в частности украшения, оценивавшиеся в половину унции (Bottiglieri 2002, 106). Кр. Кунст также считает, что ЗО не запрещал владение ювелирными украшениями и пурпурной одеждой, а лишь их использование в общественной жизни (Kunst 2005, 133–134; ср.: Norwood 2001, 129).

Те из исследователей, которые отстаивают традиционную точку зрения, как правило, исходят из того, что к 210 г. до н. э. положения ЗО были изменены или они не соблюдались (Mommsen 1871, 218; Frank 1933, 90; Schmähling 1938, 54, Anm. 27; Savio 1940, 177; Krüger 1940, 65; Clemente 1981, 5). Как полагает Э. Эбечерли-Бойс, ЗО ограничивал количество золота, которым могла *владеть* женщина (ср.: Voigt 1890, 247, Anm. 7). Однако то, что в 210 г. до н. э. вновь произошла передача в казну золота, серебра и бронзы, принадлежавших гражданам (Liv. XXVI. 36. 5–12), позволило ей рассматривать действия должностных лиц этого времени как развитие и ужесточение ограничений, заложенных в ЗО. Как полагает исследовательница, для этого использовалось два пути: 1) изъятие приданого; 2) расширение территории, в пределах которой осуществлялась юрисдикция эдилов. «Дар» римских матрон, передавших в казну золото из своего приданого в 207 г. до н. э., Э. Эбечерли-Бойс рассматривает как модификацию действий римских должностных лиц по ограничению собственности римских граждан в 215 и 210 г. до н. э. (Abaecherli-Boysse 1937, 168–170). По мнению С. Поумрой, главной целью ЗО была конфискация золота, которым обладали женщины. Она отмечает следующие события как звенья единого целого: собирание налогов со вдов и сирот в 214 г. до н. э., изъятие золота у представительниц сенаторских семейств в 210 и передачу женщинами золота из приданого в 207. Всё это указывает, по её мнению, на то, что ЗО не слишком строго соблюдался после 215 г. до н. э. (Pomeroy 1975, 171–181, п. 8). Г. Клементе считает, что к 210 г. до н. э. ЗО уже перестал применяться (Clemente 1981, 5–6). Как полагает Э. М. Агати-Мадейра, речь шла о по-

дати, которой государство обложило женщин в поисках новых средств для ведения войны. Она предлагает своего рода компромиссный вариант: ЗО запрещал как носить золотые украшения, так и владеть золотом в размере более 0,5 унции (Agati Madeira 2004, 88–90).

Если от современных интерпретаций вернуться к источникам, то можно заметить, что они воспринимаются двояко, в зависимости от того, как конкретный исследователь понимает смысл глагола *habere*, использованного в древних текстах. Обращаясь к сообщению Ульпиана, необходимо иметь в виду, что оно представляет собой сугубо юридическую конструкцию, связанную с рассмотрением спорных вопросов римского вещного права. Если применить её конкретно к положениям ЗО, то, буквально следуя Ульпиану, получается, что женщинам запрещалось быть как собственницами, так и фактическими держателями определённого количества украшений из золота. Строго говоря, ни о какой публичной его демонстрации или праве женщин на ношение украшений, как это понимают некоторые исследователи, речь не идёт. Следует согласиться с Э. М. Агати-Мадейрой, которая заметила, что мы не можем требовать точности в употреблении юридических терминов от Тита Ливия, но не стоит, в свою очередь, опираться только на сообщение Ульпиана, жившего значительно позднее эпохи, породившей ЗО (Agati Madeira 2004, 88). Кроме того, если ЗО запрещал только ношение женщинами золотых украшений, возникают многочисленные вопросы, не находящие удовлетворительного объяснения в литературе. Во-первых, непонятно, являлись 0,5 унции суммарным весом украшений, допускаемых ЗО к ношению, или имелся в виду вес отдельно взятого украшения. И в том и в другом случае возникает проблема контроля за тем, какой вес имели украшения, надетые римской матроной. Во-вторых, неясно, почему запрет затронул только золотые вещи, но разрешил к ношению украшения из серебра, бронзы или сплава нескольких металлов¹³. Стремясь доказать отсутствие в ЗО запрета на владение золотом, исследователи неоднократно отмечали то обстоятельство, что если в 215 г. до н. э. женщинам запрещалось иметь более 0,5 унции, то в 210 это была уже 1 унция. Однако не исключено, что речь здесь идёт о разных категориях лиц. Если в 215 г. до н. э. ограничения подверглись женщины, оказавшиеся в результате массовых военных потерь лицами *sui iuris*¹⁴, то в 210

¹³ Ср.: Sauerwein 1970, 43. Как представляется, добавление даже незначительной доли серебра в золотые украшения позволило бы обойти запрет, установленный ЗО.

¹⁴ Как отмечает С. Поумрой, одним из последствий Ганнибаловой войны стало массовое наследование женщинами имущества своих погибших родственников по мужской линии (Pomeroy 1975, 177–178, n. 15).

это могли быть римлянки, остававшиеся под властью домовладыки (*alieni iuris*) (Рерре 1984, 48 ss.). Между 30 и событиями 210 г. до н. э., безусловно, существует прямая связь, на чём справедливо настаивает большинство исследователей. По сути они являются составными элементами политики, проводившейся высшими римскими магистратами в начальный период Ганнибаловой войны с целью выхода из острейшего финансового и военного кризиса (Pomeroy 1975, 171 ff.; Baltrusch 1989, 58–59; Williamson 2005, 26).

Л. Пеппе обратил внимание на переключку двух источников, относящихся к периоду Римской республики (Рерре 1984, 48). Первым является приводимая Аппианом речь римской матроны Гортензии эпохи второго триумvirата, в которой содержится следующее свидетельство: «Наши матери, — правда, всего один раз, вопреки нашему полу — собрали налог: это когда грозила опасность всему вашему господству и даже самому Городу, когда нам угрожали карфагеняне. Но и тогда женщины вносили налог добровольно и притом не с земель, имений или домов, без чего не может существовать свободная гражданка, но только из своих украшений, к тому же не подвергавшихся оценке, не под угрозой указчиков или доносчиков, не по принуждению или под воздействием насилия, а вносили столько, сколько сами пожелали»¹⁵ (пер. С. П. Кондратьева). Второй источник — это передаваемая Ливием речь плебейского трибуна Луция Валерия при обсуждении вопроса об отмене 30 в 195 г. до н. э., в которой говорится: «Все мы по примеру сенаторов отдавали государству сколько у кого было золота и серебра; вдовы и сироты несли свои деньги в казну; был установлен предел хранимому дома — будь то вещи из золота или серебра, будь то чеканная монета, серебряная или медная»¹⁶. Они показывают, что «заём» 210 г. до н. э. (также как, вероятно, и 30) основывался на определённом имущественном минимуме, которым дозволялось владеть домовладыке. Одновременно события 210 г. до н. э. показывают, что дело не ограничивалось установлением имущественного миниму-

¹⁵ App. BC. IV. 33: Τί δὲ ἐσφέρωμεν αἱ μήτε ἀρχῆς μήτε τιμῆς μήτε στρατηγίας μήτε τῆς πολιτείας ὅλως, τῆς ὑμῖν ἐς τοσοῦτον ἤδη κακοῦ περιμαχήτου, μετέχουσαι; ὅτι πατέ πόλεμον εἶναι; καὶ πότε οὐ γεγόνασι πόλεμοι; καὶ πότε γυναῖκες συνεισηνεγκαν; ἃς ἡ μὲν φύσις ἀπολύει παρὰ ἄλλασιν ἀνθρώποις, αἱ δὲ μητέρες ἡμῶν ὑπὲρ τὴν φύσιν ἐσήνεγκάν ποτε ἄλλαξ, ὅτε ἐκινδυνεύετε περὶ τῆ ἀρχῆς πάσῃ καὶ περὶ αὐτῆ τῆ πόλει, Καρχηδονίων ἐνοχλοῦντων. καὶ τότε δὲ ἐσήνεγκαν ἐχοῦσαι, καὶ οὐκ ἀπὸ γῆς ἢ χωρίων ἢ προικὸς ἢ οἰκιῶν, ὧν χωρὶς ἀβίωτόν ἐστιν ἐλευθέρας, ἀλλὰ ἀπὸ μόνων τῶν οἴκοι κόσμων, οὐδὲ τούτων τιμωμένων οὐδὲ ὑπὸ μηνυταῖς ἢ κατηγοροῖς οὐδὲ πρὸς ἀνάγκην ἢ βίαν, ἀλλ' ὅσον ἐβούλοντο αὐτά.

¹⁶ Liv. XXXIV. 6. 14: *Aurum et argentum omne ab senatoribus eius rei initio orto in publicum conferebamus; viduae et pupilli pecunias suas in aerarium deferebant; cautum erat quo ne plus auri et argenti facti, quo ne plus signati argenti et aeris domi haberemus.*

ма — за ним следовало изъятие имущества, превышавшего установленные пределы. Возможно, что и в 215 г. до н. э. происходило нечто подобное. В этом случае ЗО не просто запрещал римским женщинам владеть золотом более установленного предела — он создавал основания для изъятия того, что выходило за рамки предусмотренного максимума. Во всяком случае, ничтожный для богатых семей размер «золотого минимума» в 0,5–1 унцию золота заставляет усомниться, что ЗО был принят для обуздания женской роскоши. Показательно признание, которое Ливий вкладывает в уста Луция Валерия: «Ужели в такое время помыслы женщин были так заняты роскошью и украшениями, что понадобился Оппиев закон, дабы обуздать их? [...] Кто же не видит, что лишь горести и нищета государства, когда каждый должен был отдать последнее на общие нужды, породили этот закон?» (пер. Г. С. Кнабе)¹⁷. Цензоры, при содействии которых принимались законы эпохи Ганнибаловой войны, располагали данными об имущественном положении каждой римской фамилии. Другое дело, что особенности античного государства, представлявшего собой гражданскую общину, не позволяли напрямую изымать необходимые для войны средства у населения, заставляя публичную власть искать механизмы для организации «добровольно-принудительного» внесения гражданами этих средств в казну. Одним из таких механизмов, видимо, и являлись законы о роскоши того времени. Они создавали ограничения для владения определённым имуществом, подготавливая возможность для дальнейшего изъятия той его части, которая выходила за создаваемые законом пределы. В этом смысле в законах Клавдия и Оппия обнаруживаются следы одной юридической «техники».

В. “*Vestimento versicolori*”

Используемый античными авторами термин (*vestimento versicolori* у Ливия, *veste varii coloris* у Валерия Максима, *versicolori vestimento* у Орозия) буквально переводится как «разноцветная, пёстрая одежда»¹⁸. Юристы классического периода использовали этот термин для обозначения окрашенной одежды: Dig. 32. 70. 12 (Ulp.); 34. 2; 32. 6 (Paul.). Таким образом, это положение ЗО можно трактовать как относящееся к любой окрашенной одежде (Giraudias 1910. Et. 22; Fraccaro 1956, 119). Однако

¹⁷ Liv. XXXIV. 6. 15–16: *Tali tempore in luxuria et ornatu matronae occupatae erant, ut ad eam coerendam Oppia lex desiderata sit... cui non apparet inopiam et miseriam civitatis, [c. et] quia omnium privatorum pecuniae in usum publicum uertendae erant, istam legem scripsisse tam diu mansuram quam diu causa scribendae legis mansisset?*

¹⁸ Дворецкий 1976. s.v. *versicolor*. С. 1068, s.v. *vestmentum*, 1072. Lewis & Short. s.v. *versicolor*, 1975, s.v. *vestmentum*, 1981; Oxford Latin Dictionary, 1968. s.v. *uersicolor*, 2039, s.v. *vestmentum*, 2049.

в историографии возобладало иное мнение. Как отмечает И. Зауэрвайн, ЗО в передаче Ливия касался явно не всех римских женщин, а лишь наиболее зажиточных из них. Поэтому, по её мнению, под *vestimento versicolori* Ливия следует понимать не любую разноцветную одежду, а только окрашенную с помощью пурпура (Sauerwein 1970, 42, 44–45; ср.: Houwing 1883, 58–59; Ляпустин 1997, 241–242). Этой точки зрения придерживаются также Ф. Гулхем и Э. Балтруш (Gulham 1982, 786, n. 1; Baltrusch 1989, 55). Как полагает Э. М. Агати-Мадейра, в глазах мужчин окрашенные пурпуром женские платья вызывали нежелательные ассоциации с одеждой магистратов и жрецов. По её мнению, возможны, по крайней мере, ещё два объяснения запрета, введённого ЗО на окрашенную пурпуром женскую одежду. Первое из них связано с религиозно-психологической мотивацией такого запрета: яркая одежда смотрелась вызывающе в условиях траура в связи с поражениями начального периода войны, в том числе и среди высших сословий (ср.: Цветаев 1887, 119). Второе имеет идеологический характер: тяжёлое положение Рима, вызванное Ганнибаловой войной, требовало не только напряжения всех сил, но и общественного согласия в *civitas*. Вид разряженных в пурпур и золото представительниц высших сословий был явно неуместен в такое время, мешая сплочению гражданского коллектива (Agati Madeira 2004, 90). Как отмечает Б. С. Ляпустин, ЗО имел для Рима ещё и «ценностный» смысл, поскольку он фактически уравнивал в повседневном поведении женщин из богатых семейств с представительницами низших слоёв плебса, а через это в определённой мере влиял и на место незнатных фамилий в жизни общины (Ляпустин 1997, 241–242).

Аргументом в пользу «узкого» толкования термина *vestimento versicolori* может служить выдержка из XXII книги «Комментариев к Сабину» Ульпиана, содержащаяся в XXXII книге Дигест Юстиниана. В ней Ульпиан останавливается на вопросе, возможно ли отнести к понятию *versicolorum* ткань, окрашенную пурпуром. Как указывает Ульпиан, к *versicolorum* не может быть отнесена та ткань, которая не окрашена, т. е. имеет естественную окраску, будь то белая, чёрная или какая-то иная. Поскольку цвет пурпура не является естественным¹⁹, окрашенная им ткань должна быть отнесена к разряду *versicolorum* (Dig. 32. 70. 12). При этом Ульпиан специально оговаривает, что это правило действует в отношении всех видов окрашенных пурпуром тканей²⁰.

¹⁹ Пурпур (лат. *purpura*, греч. порфи́ра) — краситель различных оттенков от багряного до фиолетового цвета, изготавливавшийся в Финикии путём вытяжки из морских брюхоногих моллюсков-иглянок. В настоящее время идентифицирован как 6,6'-диброминдиго.

²⁰ Dig. 32. 70. 13: *Purpurae autem appellation omnis generis purpuram contineri puto...*

Кроме того, можно заметить определённую преемственность 30 и положений закона Метилия, принятого двумя годами ранее. Если закон Метилия регламентировал использование дорогостоящих материалов, необходимых для отбеливания одежды, то 30 ввёл запрет на ношение одежды, окрашенной пурпуром. Показательно, что и в том и другом случае закон был предложен плебейским трибуном и принят в форме плебисцита.

С. “Vehiculum”

Ещё одним ограничением, введёвшимся 30, стал запрет на использование женщинами повозок в городской черте и окрестностях. Все древние авторы употребляют термин *vehiculum* (букв. «воз», «повозка») ²¹. Однако в Риме применялись разные виды повозок. Поэтому не совсем понятно, какой именно вид повозки попал под запрет 30. Как заметил О. Ори, среди прочих ограничений, введённых 30, запрет на использование повозок особенно непонятен, учитывая, что подобное право было предоставлено римским женщинам М. Фурием Камиллом в 395–394 гг. до н. э. (Nauri 1976, 429). Ливий сообщает, что «матронам было предоставлено право выезжать в четырёхколёсных повозках (*pilentum*) к священнодействиям и на игры, а в двухколёсных повозках (*carpentum*) как по праздничным, так и по будним дням» (пер. С. А. Иванова) ²². Исходя из этих сведений, можно предположить, что разные типы повозок использовались в строго определённых ситуациях: *pilentum* во время проведения публичных священнодействий и игр, также имевших сакральное значение, *carpentum* — в повседневной жизни ²³. В этом случае 30 полностью запрещал использование двухколёсных повозок (ср.: Baltrusch 1989, 53, Anm. 105) и ограничивал пользование четырёхколёсными повозками временем проведения публичных священнодействий. Показательно, что Ливий употребляет только термин *carpentum* при описании обсуждения римскими магистратами предложения об отмене 30 ²⁴.

²¹ Дворецкий 1976. s.v. *vehiculum*. С. 1059; Lewis & Short. s.v. *vehiculum*, 1962; Oxford Latin Dictionary, 1968. s.v. *uehiculum*, 2020–2021. Любопытно, что у Ливия, Валерия Максима и Орозия этот термин используется в одном склонении — *vehiculo*.

²² Liv. V. 25. 9: *Grata ea res ut quae maxime senatui unquam fuit; honoremque ob eam magnificentiam ferunt matronis habitum ut pilento ad sacra ludosque, carpentis festo profestoque uterentur*. Ср.: Diod. XIV. 116; Vell. Pat. II. 94. 2.

²³ Следует отметить, что в период Принципата правом использовать *carpentum* для езды по Риму обладали лишь немногие замужние женщины, принадлежавшие, как правило, к императорской семье. Как показывают данные нумизматики, наиболее часто *carpentum* представлены на монетах как составная часть похоронной процессии, связанной с апофеозом и посмертными почестями.

²⁴ Мне ответят: «Мы хотим блистать золотом и пурпуром, мы хотим разъезжать по городу в повозках в дни празднеств и чтобы везли нас как триумфаторов,

По-видимому, в Риме действительно существовала некая традиция использования женщинами в Городе повозок, прерванная 30 в период с 215 по 195 г. до н. э. (Ogilvie 1965, 741; Briscoe 1981, 50). Следует отметить, что существует несколько версий, объясняющих происхождение этой традиции. Одна из них представлена Ливием, другую можно обнаружить в сочинениях Овидия и Плутарха (Ovid. *Fast.* I. 617–624; Plut. *QR.* 56). В рамках второй версии возникновение права римских женщин пользоваться повозками увязывается с культом богини Карменты, италийского божества с очень древними корнями. В этой связи Овидий связывает происхождение слова *carpentum* с именем богини, по всей видимости, воспроизводя вульгарное этимологическое объяснение, бытовавшее в Риме (Ovid. *Fast.* I. 620). Очевидно, что в Риме существовала древняя религиозно-мифологическая традиция, связанная с культом Карменты, который позже был «рационализирован» античными авторами. Это указывает на религиозное происхождение «права» римских женщин на использование повозок, которое реализовывалось ими первоначально только в ритуальных целях. Однако впоследствии, сохраняя религиозную оболочку, оно, видимо, действительно стало применяться представительницами знатных родов как одно из средств борьбы за престиж и влияние в римской общине (Gulham 1982, 790; Agati Madeira 2004, 91). Версия Ливия, напротив, производит впечатление полностью искусственной конструкции. Она увязывает получение римскими женщинами ряда привилегий с событиями политической и военной истории начала IV в. до н. э., которые, однако, также имели религиозную подоплёку. Согласно Ливию, женщинам было даровано право ездить на повозках по Риму после того, как они передали в казну все свои золотые украшения, необходимые для исполнения обета, данного Аполлону (V. 25. 4–10). Скепсис исследователей усиливает то обстоятельство, что в той же V книге Ливия содержится ещё один рассказ о римских женщинах, датированный 391 г., согласно которому они вновь передали всё имевшееся у них золото, чтобы помочь выплатить дань галлам (V. 50. 6–7). Эта линия рассказа увязывается Ливием со святилищем Юпитера. Как полагает Р. Огилви, происхождение этих сюжетов относится ко времени Второй Пунической войны. По его мнению, они использовались в пропагандистских целях в тот период, когда добровольные жертво-

одержавших победу над законом, отвергших его, поправших ваши решения. Да не будет больше предела тратам нашим и нашей развратной роскоши» («ut auro et purpura fulgamus» inquit, «ut carpentis festis profestisque diebus, velut triumphantes de lege victa et abrogata et captis ereptis suffragiis vestris, per urbem vectemur: ne ullus modus sumptibus, ne luxuriae sit.») (Liv. XXXIV. 3. 9. Пер. Г. С. Кнабе). Ср.: Ovid. *Fast.* I. 619: *...nam prius Ausonias matres carpenta vehebant.*

вания со стороны граждан были жизненно необходимы для Римского государства²⁵. Трудно сказать с определённой ясностью, является ли сюжет о римских матронах изобретением периода Ганнибаловой войны или же были использованы и получили новую жизнь какие-то предания, относящиеся к более раннему времени. Однако обращает на себя внимание общий контекст событий 394 (391) и 215 г. до н. э. Прежде всего, это тяжёлая война, в ходе которой Рим терпит унижительные поражения и несёт огромные потери: в первом случае — с галлами, во втором — с войском Ганнибала, в состав которого входило значительное число кельтов²⁶. Совпадает и сюжетная линия, связанная с посольством римлян в святилище Аполлона в Дельфах в 395–394 и 216 г. до н. э. Заслуживает внимания присутствие в обоих посольствах представителей одной из ветвей рода Фабиев. Речь идёт о Кв. Фабии Пикторе и его прадеде Фабии Амбусте, которым традиция приписывает участие в поездках в Дельфы (Liv. XXII. 57. 5; XXIII. 11. 1–6; App. *Hann.* 27. 116; Plut. *Fab.* 18. 3; *Cam.* 4. 5). С известной долей риска можно предположить, что Кв. Фабий Пиктор и был создателем этой традиции. Во всяком случае, Дионисий Галикарнасский, описывая посольство римлян в Дельфы при Тарквинии Гордом, дважды ссылается на Фабия (AR. IV. 64. 3, 69. 2–4; ср. VII. 71. 1). Ливий также использовал его сочинение в своей работе (Walsh 1961, 133–134), в том числе при описании событий 216 г. до н. э. (Мосолкин 2001, 144). Скорее всего, Ливий поместил сюжет о римских матронах в описание событий 395–394 гг. до н. э. для того, чтобы объяснить смысл одного из запретов, установленных 30 (ср.: Agati Madeira 2004, 90). Поскольку его содержание раскрывается им в контексте событий, связанных с отменой 30, свой смысл обретает (и тем самым решается художественная задача, стоявшая перед Ливием) рассказ о жертвенности римских матрон²⁷. В свою очередь, нам это позволяет использовать данные Ливия для реконструкции содержания 30.

²⁵ Ogilvie 1965, 741. Как отмечает О. Ори, финансовое положение государства, не требующее заимствования средств у граждан, восстанавливается в Риме только после битвы при Метавре в 207 г. до н. э. (Naugl 1976, 433).

²⁶ Р. Огилви предполагает, что сюжет с матронами 395–394 гг. до н. э. дублирует похожую ситуацию 391–390 гг. (Ogilvie 1965, 684). В любом случае они явно связаны друг с другом, подчиняясь определённой задаче, стоявшей перед Ливием.

²⁷ Как полагает Р. Огилви, в своих источниках Ливий обнаружил несколько примеров передачи матронами принадлежавшего им имущества казне. Это обусловило необходимость так сконструировать материал, чтобы женщины получили награду в обоих случаях (Ogilvie 1965, 741). Кроме того, эти сюжеты явно перекликаются с аналогичными примерами периода Ганнибаловой войны, что делает весьма вероятным предположение о том, что кто-то из ранних анналистов (Фабий Пиктор?) создал ту традицию, которую в свою очередь использовал Ливий.

Наконец, следует обратить внимание на оговорку, сделанную Ливием относительно запрета женщинам передвигаться на повозках «по Риму и другим городам» (*in urbe oppidove*). Не совсем ясно, распространялся этот запрет только на Рим или на всех римских граждан, проживавших на территории Италии, либо же он затронул также италийские союзнические общины (*civitates foederatae*). Валерий Максим и Зонара пишут только о Риме. Ливий, однако, при описании дебатов по поводу отмены 30 упоминает о женщинах, которые приходили из «окрестных городков и селений»²⁸. В то же время он сообщает, что ограничения, вводившиеся 30, не распространялись на женщин, имевших латинское гражданство²⁹.

Как принято считать, на жителей союзнических общин нормы римского частного и публичного права не распространялись, за исключением ряда правовых институтов вещного и обязательственного права, открытых для peregrini (Wlassak 1891, 154 ff.; Harris 1972, 639–645; Clemente 1981, 6). Впервые *lex Didia* 143 г. до н. э. распространил действие одного из предшествующих законов о роскоши (*lex Fannia* 161 г. до н. э.) на всю Италию (против: Harris 1972, 639–645). Принятие *lex Didia* показывает, что предыдущие законы о роскоши не распространялись на жителей *civitates foederatae* или, как полагают некоторые исследователи, не соблюдались ими (Sauerwein 1970, 89–91; Baltrusch 1989, 85). Формально под действие римских законов подпадали все *cives Romani*, проживавшие на территории Италии (Bleicken 1975, 193; Baltrusch 1989, 85). Однако, учитывая характер данного запрета 30, очевидно, что было лишено смысла введение его в общинах, где римские граждане составляли лишь незначительную часть населения. Остаются те общины, населению которых были предоставлены права римского гражданства. В свете описания Ливия это были близлежащие населённые пункты Лация и Этрурии, жители которых обладали римским гражданством. Как полагает Э. Эбечерли-Бойс, за соблюдением положений 30 следи-

²⁸ Liv. XXXIV. 1. 6: «Толпы женщин росли с каждым днем, так как приходили женщины из окрестных городков и селений» (*Augebatur haec frequentia mulierum in dies; nam etiam ex oppidis conciliabulisque conveniebant*). Лат. слово *conciliabulum* имеет несколько значений, обозначая рыночную площадь, место для судебных разбирательств или просто место для сбора.

²⁹ Liv. XXXIV. 7. 5–6: «Но сколько же, клянусь богами, рождается в их сердцах боли и негодования, когда они видят, что женам наших союзников-латинов оставлено право носить украшения, а им это запрещено; когда видят, как те, блистая золотом и пурпуром, разъезжают по Городу в пышных повозках, а наши жены за ними идут пешком, будто не Рим владыка державы, а города-союзники» (*at hercule univervis dolor et indignatio est, cum sociorum Latini nominis uxoribus vident ea concessa ornamenta quae sibi adempta sint, cum insignes eas esse auro et purpura, cum illas vehi per urbem, se pedibus sequi, tamquam in illarum civitatibus non in sua imperium sit*) (пер. Г. С. Кнабе).

ли курульные эдилы³⁰. Она обратила внимание на то, что в период Ганнибаловой войны территория, в пределах которой осуществлялась их юрисдикция, была расширена до расстояния 10 миль от границ Рима³¹. Вполне возможно, что это была как раз та территория, на которой действовали ограничения, вводившиеся ЗО³².

Заключение

Как неоднократно отмечали исследователи, история Ганнибаловой войны даёт пример единства экономики, политики и войны в действиях римских властей того времени (Serrati 2007, 485; Naco del Noyo 2011, 377). Полностью соглашаясь с этим мнением, укажем на необходимость учёта религиозного компонента, без чего вряд ли возможно уяснение феномена римского законодательства периода Второй Пунической войны.

Исследователи редко обращаются к вопросу, были специфические «законы о роскоши» эпохи Ганнибаловой войны чисто римским изобретением или законодатели того времени следовали каким-то уже существующим моделям. Последнее представляется более вероятным. В литературе неоднократно звучала мысль о том, что в условиях острейшего финансового кризиса, вызванного Второй Пунической войной, римляне начинают использовать греческий институт литургий (Nicolet 1976, 75–76, 206; ср.: Levi 1969, 241; Marchetti 1977, 122; Harris 2008, 513). Как отметил К. Николе, кризис, порождённый Ганнибаловой войной, «заставил римлян прибегнуть к различным хитростям, хорошо знакомым греческому миру, но в Риме использовавшимся впервые» (Nicolet 1987, 255). Действительно, в греческом мире существовала достаточно давно сложившаяся и хорошо известная практика изъятия денег у населения. Многочисленные примеры различных хитроумных способов подобного рода содержит вторая книга приписываемой Аристотелю «Экономики», датированная последней четвертью IV в. до н. э. (Reger 2008, 481). Примечательно, что некоторые из них фактически воспроизводят положения ЗО.

³⁰ Tac. Ann. III. 52. 2. Подробнее см.: Abaecherli-Boyce 1937, 168–169.

³¹ Liv. XXVII. 37. 9–10: «Курульные эдилы созвали на Капитолий матрон, живших в Риме и на расстоянии десяти миль от него; они выбрали двадцать пять женщин, которым каждая должна была принести взнос из своего приданого. На эти деньги изготовили золотую лохань, которую и отнесли на Авентин; жертву матроны принесли в чистоте и благочестии» (*aedilium curulium edicto in Capitolium convocatae quibus in urbe Romana intraque decimum lapidem ab urbe domicilia essent, ipsae inter se quinque et viginti delegerunt ad quas ex dotibus stipem conferrent; inde donum peluis aurea facta lataque in Auentinum, pureque et caste a matronis sacrificatum*) (пер. С. А. Иванова).

³² В этом случае объяснимым становится появление женщин из окрестностей Рима, поддержавших предложение об отмене ЗО. Ср.: Gulham 1982, 791.

Так, в одном из эпизодов сочинения «эфесцы, ввиду того что им понадобились деньги, издали закон, по которому женщинам запрещалось носить золотые украшения и предписывалось всё имевшееся у них в данное время отдать взаймы полису» (здесь и далее пер. Г. А. Тароняна)³³. Другой эпизод связан с тираном Сиракуз Дионисием Старшим: «Сиракузянин Дионисий, желая собрать денег, созвал народное собрание и сказал, что он видел Деметру и она велела снести все украшения женщин в храм, что сам он уже сделал это с украшениями женщин своего дома, и требовал того же от остальных, чтобы не было никакой причины для гнева со стороны богини, а тот, кто не сделает этого, сказал он, будет повинён в святотатстве. Когда все принесли то, что у них было, из страха перед богиней и перед ним, он, принеся эти украшения в жертву богине, забрал их себе, как бы взяв взаймы у богини»³⁴.

В этой связи М. Бонаменте высказала предположение, что принятие ЗО было связано с заимствованием Римом греческого института гинекономии (Bonamente 1980, 67–92). Гинекономами (γυναικονόμοι — «определяющие законы для женщин») именовались члены коллегии, в чьи обязанности входил контроль за расходами частных лиц на свадьбах, похоронах, пиршествах, а также за приобретением предметов женской роскоши. Институт гинекономии существовал во многих греческих городах, в том числе в Афинах, где, вероятно, он был введён при Деметрии Фалерском, но наибольшее развитие получил в Сиракузах³⁵. Именно с Сицилии он, скорее всего, и был заимствован римлянами. Сомнения в возможности такого заимствования высказал Э. Балтруш. Главная проблема, считает учёный, заключается в том, что греческий институт охранял не только женскую нравственность, но и общественную мораль — это выражалось в ограничениях, устанавливавшихся в отношении определённых продуктов, числа гостей на празднествах и т. д. Кроме того, эти ограничения предполагали наказание в виде штрафа до 1000 драхм и общественное порицание с опубликованием имени нарушителя (Baltrusch 1989, 58). Следует отметить, что ЗО, будучи *lex imperfecta*, также предполагал использование механизма общественного осуждения,

³³ Ps.-Arist. *Oecon.* 1349a. 19: Ἐφέσιοι δεηθέντες χρημάτων νόμον ἔθεντο μὴ φορεῖν χρυσὸν τὰς γυναῖκας, ὅσον δὲ νῦν ἔχουσι δανεῖσαι τῇ πόλει.

³⁴ Ps.-Arist. *Oecon.* 1349a. 20a: Διονύσιος Συρακούσιος βουλόμενος χρήματα συναγαγεῖν, ἐκκλησίαν ποιήσας ἔφησεν ἑωραχέναι τὴν Δήμητραν, καὶ κελεύειν τὸν τῶν γυναικῶν κόσμον εἰς τὸ ἱερὸν ἀποκομίζειν. αὐτὸς μὲν οὖν τῶν παρ' αὐτῷ γυναικῶν τὸν κόσμον τοῦτο πεποιχέναι: ἠξίου δὲ καὶ τοὺς ἄλλους, μὴ τι μὴνιμα παρὰ τῆς θεοῦ γένηται: τὸν δὲ μὴ τοῦτο ποιήσαντα ἔνοχον ἔφησεν ἱεροσυλίας ἔσεσθαι. ἀνενεργάντων δὲ πάντων ἃ εἶχον διὰ τε τὴν θεὸν καὶ δι' ἑξείνων, θύσας τῇ θεῷ τὸν κόσμον ἀπηνέγκατο ὡς παρὰ τῆς θεοῦ δεδανεισμένους.

³⁵ Athen. VI. 245b. Подробнее см.: Wehrli 1962, 33–38.

хотя и не предусматривал конкретных санкций за нарушение. Однако дальнейшее развитие римских законов о роскоши показывает наличие в них тех особенностей, на которые указывает Э. Балтруш. В 181 г. до н. э. по предложению плебейского трибуна Г. Орхия был принят закон, ограничивавший число гостей на званых обедах, устраивавшихся городской знатью (Macr. *Sat.* III. 17. 2). В 161 г. до н. э. по инициативе консула Г. Фанния Страбона был принят более строгий закон, ограничивавший расходы на пиры 100 ассами в праздники и 10 ассами в обычные дни, а число гостей — 3–5 (III. 17. 4). Незадолго до принятия закона Фанния был издан сенатусконсульт, требовавший, чтобы представители городской элиты (*principes civitatis*) клялись перед консулами не тратить во время Мегалесийских игр, когда они угощали друг друга, более 120 ассов за один обед, не считая овощей, хлеба и вина, причём вино должно было употребляться не импортное, а произведённое в Италии (Gell. *NA.* II. 24. 2). Закон Лициния Красса, точная датировка которого остаётся спорной, разрешал в дни календ, нон и нундин тратить на еду 30 ассов, а в остальные дни потреблять не более 3 фунтов (около 980 г) сухого и копчёного и 1 фунта (327,4 г) солёного мяса (Macr. *Sat.* III. 17. 7–9). *Lex Iulia* 46 г. до н. э. запрещал использование окрашенной пурпуром одежды и украшений из жемчуга незамужним и бездетным женщинам, не достигшим возраста 45 лет (Suet. *Caes.* 43. 1).

Э. Балтруш прав в том, что речь не должна идти о буквальном копировании в Риме института гинекономии. Скорее, опыт развития Сиракуз и других греческих полисов позволил римлянам заимствовать саму модель, которая была наполнена специфическим римским содержанием. Возникает закономерный вопрос, почему именно Сицилия может претендовать на роль передаточного звена в процессе освоения Римом правовых и идеологических моделей, выработанных греческим миром. Как представляется, 30 был каким-то образом связан с «религиозной программой» Кв. Фабия Максима³⁶. Своё начало она берёт в событиях 217 г. до н. э., когда Фабий, став диктатором, объявил о необходимости религиозного очищения Рима. Судя по сочинению Ливия, Фабий подобным образом пытался закрыть вопрос о причинах поражений Рима в начальный период войны, перенося акцент с персонального на коллективный уровень ответственности. В передаче римского историка это

³⁶ В этой связи следует обратить внимание на высказывавшуюся в литературе точку зрения, согласно которой запрет, введённый 30 на окрашенную пурпуром женскую одежду, имел религиозное обоснование: яркая одежда и украшения были неуместны в условиях траура, вызванного огромными потерями римлян в неудачных сражениях начального периода войны — прежде всего, конечно, в битве при Каннах (Agati Madeira 2004, 90).

выглядит следующим образом: «Консул Фламиний, сказал Фабий сенаторам, больше виноват в пренебрежении к обрядам и ауспициям, чем в дерзкой неосмотрительности; и надо спросить самих разгневанных богов, как их умиловать» (пер. М. Е. Сергеенко)³⁷. Обращает на себя внимание строительство в рамках развёрнутой Фабием кампании храма Венеры Эрицины. Согласно Ливию, о необходимости посвятить храмы Венере и божеству Благоразумия (*Mens*) заявили децемвиры, сверившиеся с книгами Сивиллы (Liv. XXII. 9. 9)³⁸.

О коллегии жрецов священнодействий известно немного. Основу её деятельности составляло толкование Сивилиных оракулов, что делало коллегию одним из самых значительных проводников греческого влияния на римскую религию (Сморчков 2001, 272). Состав этой коллегии на 217 г. до н. э. неизвестен, посему нельзя исключать возможности того, что данное решение было напрямую инспирировано Фабием (ср.: Сморчков 2001, 273, 285). Обет о строительстве храмов был дан Кв. Фабием Максимом и Т. Отацием Крассом, претором 217 г. до н. э., в течение практически всей войны, вплоть до своей смерти, командовавшим римским флотом, находившимся на Сицилии (Liv. XXII. 10. 10). В конце 216 г. до н. э. Фабий запросил у сената разрешения освятить построенный на его средства храм Венеры (Liv. XXIII. 30. 13). В начале 215 г. до н. э., т. е. одновременно с принятием 30, если следовать версии Ф. Гулхем, Кв. Фабий Максим и Т. Отаций Красс были избраны дуумвирами для освящения храмов Венеры Эрицины и Благоразумия, построенных на Капитолии и разделённых лишь рвом. После этого Отаций отправился на Сицилию, где он вновь возглавил римский флот.

Следует отметить, что Ливий пять раз упоминает храм Венеры Эрицины в XXII и XXIII книгах своего труда, явно придавая ему особое значение (Liv. XXII. 9. 7; 10. 10; XXIII. 23. 31; 30. 13; 32. 20). Чем же он был так важен для Фабия, что Ливий вновь и вновь возвращается к эпизоду со строительством храма? Как справедливо заметил Р. Майлз, в 215 г. до н. э. Рим был заинтересован не в культе Венеры как таковой, а именно Венеры Эрицины, чей храм тогда впервые появляется в Риме (*Miles*

³⁷ Liv. XXII. 9. 7: *Q. Fabius Maximus dictator iterum quo die magistratum iniiit vocato senatu, ab dis orsus, cum edocuisset patres plus negligentia caerimoniarum quam temeritate atque incscitia peccatum a C. Flamio consule esse quaeque piacula irae deum essent ipsos deos consulendos esse...*

³⁸ Сивилины книги (*Sibyllini libri*), хранившиеся в святилище храма Юпитера на Капитолии, находились в ведении жреческой коллегии священнодействий, согласно традиции, с 367 г. до н. э. состоявшей из десяти человек (Liv. VI. 37. 12; 42. 2). Подробнее см.: Сморчков 2001, 269–286; а также статью А. М. Сморчкова в данном сборнике (с. 219–243).

2011, 276). При этом его построили в самом сердце Рима, на Капитолии, т. е. в границах померия. Как показывает название культа, речь идёт о Венере, почитавшейся на Сицилии на горе Эрик, где находился храм, воздвигнутый, согласно римской версии, ещё Энеем после смерти Анхиза (Verg. *Aen.* V. 759). По мнению Р. Майлза, культ Венеры Эрицины был создан после того, как римляне отбили у карфагенян сицилийский город Эрикс. В силу этого он являлся одним из символов успешной борьбы Рима с Карфагеном, в частности с Баркидами, поскольку отец Ганнибала, Гамилькар Барка, участвовал в борьбе за Эрикс (Polyb. I. 56–58; II. 7–8; Diod. XXIV. 8). Не случайно ранние изображения этой богини представляли её в виде Победительницы (Смирин, Чистяков 1991, 456–457, примеч. 63). С другой стороны, Эрикс долгое время был одним из мест поклонения пунийской Астарте и одновременно отождествлённой с ней греческой Афродите. Превращение Афродиты/Астарты в её римский эквивалент, Венеру, демонстрирует, по мнению исследователя, попытку не только «романизировать» древний культ, но и одновременно интегрировать Рим в культурное пространство греческого мира (Miles 2011, 274–277).

Возможно, неоднократное возвращение к теме строительства храма Венеры Эрицины было обусловлено источниками Ливия. Полибий, описывая борьбу за Эрикс, использует сочинение Кв. Фабия Пиктора, который, видимо, подробно останавливается на данном эпизоде (I. 58. 5). Как известно, в ходе работы над 4-й и 5-й декадами своего труда Ливий использовал сведения как Полибия, так и Фабия Пиктора (Soltau 1897, 21–46; Klotz 1915, 481–536; Walsh 1961, 133–134). Как представляется, существует связь передаваемого Полибием рассказа Фабия Пиктора с событиями 217–215 гг. до н. э. в изложении Ливия, поскольку римский анналист был прямо заинтересован в освещении эпизодов, связанных с деятельностью Фабиев. Описывая итоги битвы у Тразименского озера, Ливий сообщает, что прочим источникам он предпочитает Кв. Фабия Пиктора, называя его «весьма осведомлённым автором» (XXII. 7. 4: *...Fabium, aequalem temporibus huiusce belli, potissimum auctorem habui*). В любом случае, очевидно, что в Риме этого времени проявлялся особый интерес к Великой Греции, причём ключевая роль в распространении греческой религиозной практики принадлежит именно коллеги жрецов священнодействий. Книги Сивиллы, к которым обращались децемвиры, были составлены в Кумах (по другой версии — в Эритрах, находившихся в Малой Азии) (Dionys. Hal. *AR.* IV. 62. 1–6; Gell. *NA.* I. 19; Plin. *NH.* XIII. 88; Serv. *Ad Aen.* VI. 36, 72, 321; Zonar. VII. 11; Tzetz. *Ad Lycophr.* 1279). Культ божества Благоразумия (*Mens*) также почитался в греческих полисах Южной Италии. В 218 и 217 г. до н. э. децемвирами

были устроены по греческому образцу лектистернии. В 216 г. до н. э., после поражения римских войск под Каннами, по указанию Сивиллиных книг принесли в жертву богам галлов и греков — их заживо зарыли на Бычьем форуме. В 212 г. до н. э. по инициативе коллегии жрецов священнодействий были учреждены игры, посвящённые Аполлону. В 204 г. до н. э., вновь по их инициативе, в Риме ввели малоазийский культ Великой Матери богов (Кибелы). Как и в случае с Венерой Эрициной, храм Кибелы был построен на Палатине, в пределах померия³⁹. Показательно, что, хотя первый храм Венеры Эрицины появляется в Риме только в 215 г. до н. э., по крайней мере ещё один был построен за Коллинскими воротами на Соляной дороге к 181 г. до н. э. (Liv. XXX. 38. 10).

Всплеск интереса к греческим религиозным культам и практикам, разумеется, не был случайным. Как показывает исследование Р. Майлза, религиозные образы и сюжеты в годы Ганнибаловой войны подверглись многочисленным трансформациям и переосмыслению, играя роль идеологического оружия в борьбе за умы и лояльность народов Италии, большинство которых в той или иной степени было эллинизировано. Так, грекоязычные советники Ганнибала всячески подчёркивали, в том числе с помощью монетной чеканки, его связь с Гераклом/Мелькартом, тогда как Рим в глазах прокарфагенской пропаганды ассоциировался с Каком и Гидрой. Поход Ганнибала, таким образом, уподоблялся странствиям Геракла по Италии, уничтожавшего мифических чудовищ и разбойников, которые стали олицетворением власти Рима над италиками. Римским ответом Ганнибаловой пропаганде стала деятельность коллегии жрецов священнодействий, направленная на всяческое подчёркивание связей Рима с греческим миром и его прошлым (Miles 2011, 261–279). Есть основания думать, что её деятельность была связана с определённой группой лиц, а именно Кв. Фабием Максимом и его окружением. В этом же ключе следует рассматривать поездку Кв. Фабия Пиктора в 216 г. до н. э. в Дельфы, что не исключает и иных, военно-дипломатических, целей его миссии (Liv. XXII. 57. 5). Как уже отмечалось, на Сицилии в 217–211 гг. до н. э. находился Т. Отацилий Красс, коллега Фабия по дуумвирату 215 г. до н. э.⁴⁰ Начало «религиозной программы» Кв. Фабия

³⁹ По-видимому, и в том и в другом случае был использован один и тот же способ интеграции чужеземного божества в римское культурно-религиозное пространство: подобно тому как сицилийская Астарта / Афродита превратилась в Венеру, Кибела была отождествлена с целой группой италийских богинь (Masc. *Sat.* I. 12. 20–21; Arnob. III. 32).

⁴⁰ Помимо прочего, Фабия и Отацилия связывали родственные отношения. Согласно Ливию, Т. Отацилий Красс был женат на дочери сестры Кв. Фабия Максима (Liv. XXIV. 8. 11). По мнению Ф. Мюнцера, Фабии покровительствовали

Максима, отражавшей реакцию наиболее дальновидных и опытных представителей римской элиты на поражение армии Г. Фламиния при Тразименском озере, относится к 217 г. до н. э. Её активизация в 216–215 гг. до н. э. была вызвана новым сокрушительным поражением римских армий в битве при Каннах, усугубившим и без того бедственное положение Римского государства. Одновременно «религиозная программа» Фабия послужила своего рода пусковым механизмом, позволившим обосновать, используя религиозно-идеологические механизмы, заведомо непопулярные действия римских властей. В этой связи бросаются в глаза многочисленные параллели между политикой Дионисия Старшего, нашедшей отражение в псевдоаристотелевой «Экономике», и деятельностью римских магистратов в 215–210 гг. до н. э. Так, дважды проведённый в Риме сбор денег с граждан на оснащение флота в 214 и 210 г. до н. э. имеет прямой аналог в действиях Дионисия (Ps.-Arist. *Oecon.* 1349a. 20b; 1353a; Liv. XXIV. 11. 7–9; XXVI. 35. 1–2). Осуществлённое в Сиракузах изъятие средств, принадлежавших сиротам, соответствует событиям 214 г. до н. э. в Риме, когда в казну были переданы средства, принадлежавшие вдовам и сиротам (Ps.-Arist. *Oecon.* 1349b. 20sq.; Liv. XXIV. 18. 13–14). Находят параллели в греческом источнике выкуп рабов для военной службы и редукция асса, имевшая место, согласно Плинию Старшему, во время диктатуры Фабия (Ps.-Arist. *Oecon.* 1348b. 16b; 1349b. 20h; 1349b. 21b; Liv. XXIV. 6. 12; Val. Max. VII. 6. 1; Plin. *NH.* XXIII. 45). Исследователи неоднократно отмечали связь между принятием 30 в 215 г. до н. э. и новой передачей гражданами золота в казну в 210 г. до н. э. Дионисий также под предлогом требований религиозного характера, конфисковав золото, принадлежавшее женщинам Сиракуз, через какое-то время провёл новое изъятие средств (Ps.-Arist. *Oecon.* 1349a. 20a; Liv. XXVI. 36. 5–8). Правивший после него в Сиракузах Агафокл, по некоторым сведениям, также использовал принудительные займы, «сиротские» деньги и конфискацию женских украшений (Берве 1997, 295–296, 550).

Принятие 30 заставляет обратить внимание на такую сторону проблемы контактов Рима и эллинистического мира, как влияние греческого права на римскую правовую систему. Если в поле зрения отечественных исследователей попал такой аспект этой чрезвычайно сложной и запутанной проблемы, как греческий след в децемвиральном своде,

Отацилиям, способствуя их вхождению в «политический класс» Рима. В качестве одного из аргументов исследователь использует сведения Феста, который сообщает о том, что преномен *Numerius*, необычный для рода Фабиев, появился в честь одного из Отацилиев, связанного с Фабиями браком (Münzer 1920, 69).

известном как Законы XII таблиц, то подобное влияние в последующий период практически не рассматривалось (Кофанов 2002, 38–39). Между тем контакты Рима с южноиталийскими и сицилийскими полисами должны были иметь своим следствием знакомство римлян с правовой традицией, сложившейся в греческом мире, и в частности в Великой Греции. В данной связи показательно отмеченное выше сходство мер, использовавшихся тиранами Сиракуз IV–III вв. до н. э. для финансирования военных мероприятий полиса, с римским законодательством периода Пунических войн. Более того, подобная практика, вызванная трудностями военного времени, существовала и в других полисных центрах как Восточного, так и Западного Средиземноморья (см.: Chaniotis 2005, 115–120). Думается, рассмотренный материал позволяет поставить вопрос о существовании определённых образцов ограничительного законодательства, на которые ориентировались авторы первых законов о роскоши в Риме. Возможным объяснением является рецепция норм греческого права, которому меры, ограничивавшие роскошь, были известны по крайней мере с архаического периода (Берве 1997, 33–34). К сожалению, о греческих законах подобного рода известно очень мало. Как показало исследование Р. Бернхардта, причиной этого является прежде всего неудовлетворительное состояние источников. Передача греческих законов о роскоши в традиции фрагментарна, полна сомнительных мест и во многих случаях неясна как в отношении содержания, так и датировки (Bernhardt 2003, 5–6). И хотя недостаток сведений в источниках не позволяет с полной уверенностью говорить о влиянии на римскую правовую систему эпохи Пунических войн соответствующего греческого законодательства, возможность подобного заимствования, судя по косвенным свидетельствам, достаточно высока.

Литература

- Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд. М., 1976.
- Квашнин В. А. Римские женщины в политической жизни средней Республики // Адам&Ева: Альманах гендерной истории. 2007. № 14. С. 50–71.
- Кофанов Л. Л. Древнегреческое право и законы XII таблиц: проблема заимствований и влияния // *Ius antiquum* / Древнее право. 2002. № 1(9). С. 38–49.
- Ляпустин Б. С. Экономическое развитие Древнего Рима в свете закона Оппия о роскоши // ИИАО. 1991. Вып. 1. С. 50–62.
- Ляпустин Б. С. Фамилия и римская *civitas* в III в. до н. э.: пути развития // Власть, человек, общество в античном мире / отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1997. С. 241–242.

- Мосолкин А. В. Фабий Пиктор и римское посольство в Дельфы в 216 г. до н. э. // Жебелевские чтения-3. Тезисы докладов научной конференции 29–31 октября 2001 г. СПб., 2001. С. 140–144.
- Смирин В. М., Чистяков Г. П. Комментарий // Ливий Тит. История Рима от основания Города. М., 1991. С. 440–520.
- Сморчков А. М. Коллегия жрецов священнодействий // Жреческие коллегии в Раннем Риме: К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2001. С. 269–286.
- Цветаев И. В. Погребальные обычаи древних римлян // Русский вестник. 1887. Т. 187. Кн. 3–4 (март). С. 106–157.
- Штаерман Е. М. История крестьянства в древнем Риме. М., 1996.
- Эргон Ж. Повседневная жизнь этрусков. М., 2009.
- Abaecherli-Boyce A. The Expiatory Rites of 207 B.C. // TAPhA. Vol. 68. 1937. P. 157–171.
- Agati Madeira E. M. La *lex Oppia* et la condition juridique de la femme dans la Rome républicaine // RIDA. T. 51. 2004. P. 88–99.
- Aubert J.-J. The Republican Economy and Roman Law: Regulation, Promotion or Reflection // The Cambridge Companion to the Roman Republic / ed. H. Flower. Cambridge, 2006. P. 160–178.
- Baltrusch E. *Regimen morum*: Die Reglamentierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserzeit. München, 1989.
- Bauman R. Women and Politics in Ancient Rome. L., 1992.
- Bernhardt R. Luxuskritik und Aufwandsbeschränkungen in der griechischen Welt. Stuttgart, 2003.
- Bleicken J. Das Volkstribunat der Klassischen Republik: Studien zu seiner Entwicklung zwischen 287 und 138 v. Chr. München, 1955.
- Bleicken J. *Lex publica*. Gesetz und Recht in der römischen Republik. B.; N. Y., 1975.
- Bonamente M. Leggi suntuariae e loro motivazione // Tra Graecia e Roma. Temi antichi e metodologie moderne. Roma, 1980. P. 67–92.
- Bottiglieri A. La legislazione sul lusso nella Roma repubblicana. Napoli, 2002.
- Briscoe J. A Commentary on Livy. Books XXXIV–XXXVIII. Oxford, 1981.
- Broughton T. R. S., Patterson M. L. The Magistrates of the Roman Republic. N. Y., 1950. Vol. I.
- Chaniotis A. War in the Hellenistic World: A Social and Cultural History. Oxford, 2005.
- Clemente G. Le leggi sul lusso e la società romana tra il IIIe il II secolo a. C. // Società romana e produzione schiavistica / A cura di A. Giardina, A. Schiavone. T. III.: Modelli etici, diritto e trasformazioni sociali. Bari, 1981. P. 1–14.
- Crawford M. H. The Roman Republic. Sussex (N. J), 1978.
- De Ligt L. De Romeinse leges sumptuariae in vergelijkend perspectief // Tesserae Romanae. Opstellen aangeboden aan Hans Teitler / ed. L. de Ligt, J. Blok, J.-J. Flinterman. Utrecht, 2002. P. 9–22.

- Desideri P.* Catone e le donne (Il dibattito Liviano sull'abrogazione della *lex Oppia*) // Opus. 1984. No 3. P. 63–74.
- Fraccaro P.* Opuscula. Vol. 1. Pavia, 1956.
- Frank T.* An Economic Survey of Ancient Rome. Vol. 1. Baltimore, 1933.
- Giraudias E.* Etude historique sur les lois somptuaires. Poitiers, 1910.
- Gruen E. S.* Culture and National Identity in Republican Rome. L., 1993.
- Guarino A.* Iusculum iuris. Napoli, 1985.
- Gulham P.* The *lex Oppia* // Latomus. T. 41. 1982. P. 786–793.
- Harris W.* Was Roman Law Imposed on the Italian Allies? // Historia. 1972. Bd. 31. Ht. 4. P. 639–645.
- Harris W. V.* War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 BC. Oxford, 1979.
- Harris W.* The Late Republic // The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World / ed. W. Scheidel, I. Morris, R. Saller. Cambridge, 2008. P. 511–539.
- Hauri A.* Une “année de la femme” à Rome, 195 avant J.-C.? // L'Italie préromaine et la Rome républicaine. Mélanges offerts à J. Heurgon. Vol. I. Roma, 1976. P. 427–436.
- Herrmann C.* Le rôle judiciaire et politique des femmes sous la république romaine. Bruxelles, 1964.
- Heurgon J.* La vie quotidienne chez les Étrusques. P., 1961.
- Heurgon J.* Essais sur le rire et le sourire des Latins. P., 1965.
- Hopwood B.* Livy and the Repeal of the *lex Oppia* // Stele: Text, Artifact Context: The Interaction of Literature, Material Culture and Mentality in the Ancient World. Vol. 5. 2001. P. 121–139.
- Houwing J. F.* De Romanorum legibus sumptuariis. Leiden, 1883.
- Kienast D.* Cato der Zensor. Seine Persönlichkeit und seine Zeit. 3. Aufl. Darmstadt, 1979.
- Klotz A.* Zu den Quellen der Vierten und Funften Dekade des Livius // Hermes. 1915. Bd. 50. S. 481–536.
- Krüger M.* Die Abschaffung der *lex Oppia* (Liv. 34. 1–8. 3) // Neue Jahrbücher für Antike und deutsche Bildung. 1940. N. F. 3. S. 65–81.
- Kübler B.* Sumptus // RE. 1931. Hbd. 16. Sp. 901–908.
- Kunst Ch.* Ornamenta Uxoriam. Badges of Rank or Jewellery of Roman Wives? // MHJ. Vol. 8. 2005. No 1. P. 127–142.
- Lange L.* Römische Alterthümer. Bd. II. B., 1877.
- London J. E.* War and Society // The Cambridge History of Greek and Roman Warfare. Vol. I: Greece, the Hellenistic World and the Rise of Rome / ed. by Ph. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Cambridge, 2007. P. 498–516.
- Levi M. A.* L'ellenismo e l'ascesa di Roma. Torino, 1969.
- Lippold A.* Consules: Untersuchungen zur Geschichte des römischen Konsulates von 264 bis 201 v. Chr. Bonn, 1963.
- Long G.* Sumptuariae leges // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities / ed. by W. Smith. L., 1875. P. 1076–1077.

- Marchetti P.* A propos du tributum romain: impôt de quotité ou de repartition? // *Armées et fiscalité dans le monde antique.* P., 1977. P. 107–131.
- Miles R.* Hannibal and Propaganda // *A Companion to The Punic Wars* / ed. by D. Hoyos. Oxford, 2011. P. 260–279.
- Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Leipzig, 1871. Bd. I.
- Münzer F.* Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920.
- Münzer F.* Oppius // RE. 1939. Hbd. 35. Sp. 726, 729.
- Ñaco del Hoyo T.* Roman Economy, Finance and Politics in the Second Punic War // *A Companion to the Punic Wars* / ed. D. Hoyos. Chichester; Malden (Mass.), 2011. P. 376–392.
- Niccolini G.* I fasti dei tribuni della plebe. Milano, 1934.
- Nicolet C.* Le métier de citoyen dans la république romaine. P., 1976.
- Nicolet C.* Rome et la conquête du monde méditerranéen 264–27 avant J.-C. T. I: Les structures de l'Italie romaine. 3 ed. P., 1987.
- Ogilvie R. M.* A Commentary to Livy: Books 1–5. Oxford, 1965.
- Oxford Latin Dictionary* / ed. by P. G. W. Glare. Oxford, 1968.
- Peppe L.* Posizione giuridica e ruolo sociale della donna romana in eta repubblicana. Milano, 1984.
- Pomeroy S. B.* Goddesses, Whores, Wives and Slaves: Women in Classical Antiquity. N. Y., 1975.
- Reger G.* Hellenistic Greece and Western Asia Minor // *The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World* / ed. W. Scheidel, I. Morris, R. Saller. Cambridge, 2008. P. 460–483.
- Rosenstein N.* Aristocrats and Agriculture in the Middle and Late Republic // *JRS*. Vol. 98. 2008. P. 1–26.
- Rosenstein N.* Italy: Economy and Demography after Hannibal's War // *A Companion to The Punic Wars* / ed. by D. Hoyos. Oxford, 2011. P. 412–429.
- Rotondi G.* Leges publicae populi Romani. Milano, 1912.
- Sauerwein I.* Die leges sumptuarie als römische Maßnahme gegen den Sittenverfall. Hamburg, 1970.
- Savio E.* Intorno alle leggi sumptuarie romane // *Aevum*. 1940. N. 14. Fasc. I. P. 174–194.
- Schmähling E.* Die Sittenaufsicht der Censoren. Stuttgart, 1938.
- Serrati J.* Warfare and the State // *The Cambridge History of Greek and Roman Warfare*. Vol. I: Greece, the Hellenistic World and the Rise of Rome / ed. by Ph. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Cambridge, 2007. P. 461–497.
- Soltau W.* Livius Geschichtswerk: Seine Komposition und seine Quellen. Leipzig, 1897.
- Voigt M.* Über die *lex Cornelia sumptuaria* // *Berichte über die Verhandlungen der kgl. Sächs. Akademie der Wissenschaften*. Kl. 42, phil.-hist. Leipzig, 1890. S. 244–290.
- Walsh P.-G.* Livy: His Historical Aims and Methods. Cambridge, 1961.
- Williamson C.* The Laws of the Roman People: Public Law in the Expansion and Decline of the Roman Republic. Ann Arbor, 2005.

Wirszubski Ch. Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambridge, 1968.

Wlassak M. Römische Prozessgesetze. Ein Beitrag zur Geschichte der Formularverfahrens. Bd. II. Leipzig, 1891.

Vladimir A. Kvashnin

THE LEX OPPIA DE SUMPTU 215 B.C.:
RIGHT, RELIGION AND WAR IN ROMAN COMMUNITY

The article focuses on the famous sumptuary law of the Hannibal war, namely *lex Oppia de sumptu* 215 B.C. The author discusses the determination of the time when this law was passed, the problem of its authorship and the veracity of the ancient evidence. He devotes special attention to the content and observation of *lex Oppia* including some restrictions for roman women. The most important involved possession of golden jewelry and purple-colored clothes. Moreover the author discusses how Greek legal and ideological patterns influenced Roman *leges sumptuariae* during the period of the Hannibal war.

Р. В. Лапырёнок

РИМСКИЙ ЦЕНЗ И ГАННИБАЛОВА ВОЙНА: ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ

Победа во Второй Пунической войне потребовала от Рима мобилизации всех его людских и финансовых ресурсов. Масштаб военной катастрофы первых лет боевых действий на территории Италии наглядно демонстрирует ценз 209/208 гг. до н. э., по результатам которого было зафиксировано лишь 137 108 римских граждан, что контрастирует с данными Полибия для 225 г. до н. э.¹ Рациональные организация и использование людских ресурсов находились в прямой зависимости от степени компетентности сената и магистратов. Особая роль при этом отводилась римским цензорам, на отчётах которых основывались военное планирование и финансовая политика государства. Данное обстоятельство определяет интерес исследователей к проблеме переписи населения в Риме военного времени.

Труд Тита Ливия является единственным источником, в котором содержатся сведения о результатах цензов в период Ганнибаловой войны. Ценз 214 г. до н. э. не был завершён по причине смерти одного из цензоров — П. Фурия Фила. Его коллеге М. Атилию пришлось отказаться от должности (Liv. XXIV. 43. 4). Легитимность ценза могла быть обеспечена лишь в том случае, если оба цензора участвовали в его проведении.

¹ Liv. XXVII 36. 7–8: *censa civium capita centum triginta septem milia centum octo, minor aliquanto numerus quam qui ante bellum fuerat*. Polyb. II. 24. 14: Ῥωμαίων δὲ καὶ Καμπανῶν ἢ πληθὺς πεζῶν μὲν εἰς εἴκοσι καὶ πέντε κατελέχθησαν μυριάδες, ἰππέων δ' ἐπὶ ταῖς δύο μυριάσιν ἐπῆσαν ἔτι τρεῖς χιλιάδες. Автор не разделяет скептицизма К. Ю. Белоха (Beloch 1886, 349), который видит здесь ошибку переписчика. Точку зрения К. Ю. Белоха поддержал и П. Брант (Brunt 1971, 62–63: Manifestly the first figure [209/208 гг. до н. э. — P. L.] cannot be used... It must either be corrupt or represent a gravely defective registration).

Данные второго из них (209/208 гг.) многие исследователи считают недостоверными (Beloch 1886, 349; Brunt 1971, 62–63). Наиболее подробно римский историк освещает перепись 204/203 гг. до н. э., хотя и здесь он ограничивается лишь несколькими фразами по существу и занимательной историей о вражде цензоров М. Ливия Салинатора и Г. Клавдия Нерона (Liv. XXIX. 37. 5–17). Специфика указанной проблематики, к сожалению, не допускает использования других видов источников, что ещё больше затрудняет работу исследователя. Кроме того, античная традиция не сохранила данных последнего предвоенного ценза, на который вплоть до проведения первой полноценной переписи населения в условиях военного времени (209/208 гг.) ссылались римские должностные лица: «Все чаще стали поговаривать о том, что в Сицилии идёт война. Титу Отацилию велено было отправиться туда с флотом. Так как моряков не хватало, то консулы по распоряжению сената издали указ: тот, кто при цензорах Луции Эмилии и Гае Фламинии имел имущество (сам или его отец) на сумму от пятидесяти до ста тысяч ассов, выставляет одного моряка и дает шестимесячное его жалованье; тот, у кого от ста тысяч до трехсот тысяч, — трех моряков и дает годовое их жалованье; тот, у кого от трехсот тысяч и до миллиона, — пятерых моряков; у кого больше миллиона — семерых; каждый сенатор выставляет восьмерых моряков и дает годовое их жалованье. Повинуясь этому указу, хозяева моряков вооружили их и снабдили месячным запасом продовольствия; впервые римский флот был снаряжен на частные средства» (Liv. XXIV. 11. 7–9. Пер. М. Е. Сергеевко). Впрочем, мы располагаем сведениями о количестве войск, которые римляне могли мобилизовать в 225 г. до н. э.² С большой долей вероятности они базируются на данных одного из цензов 20-х годов III в. до н. э. (230/229 или 225/224 гг. до н. э.)³.

Итак, Полибий сообщает, что в 225 г. до н. э. римский сенат имел в своём распоряжении армию, насчитывавшую 250 тысяч пехотинцев и 23 тысячи всадников. Таким образом, общая цифра военнообязанных римлян и кампанцев должна была составлять 273 тысячи человек. Упоминание греческим историком кампанцев в числе собственно римских войск стало предметом широкой научной дискуссии, которая продолжается и по сей день. Мнение автора по этому поводу приводится в двух

² Благодаря Полибию (II. 24. 14). Общее число военнообязанных Римско-италийского союза составляло около 800 тысяч чел. (Polyb. II. 24. 16. 17; Diod. XXV. 13; Plin. *NH*. III. 138; Eutrop. III. 5; Oros. IV. 13. 6). См. дискуссию к проблеме: Beloch 1886, 355–370; Afzelius 1942, 98–135; Toynbee 1965, I, 479–518; Brunt 1971, 44–60; Shochat 1980, 16–17.

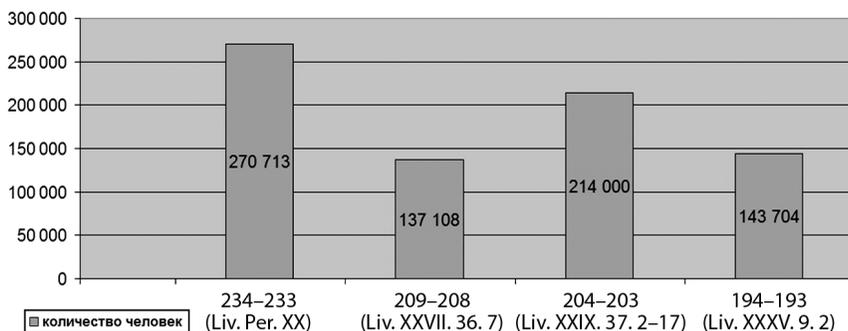
³ Beloch 1886, 348; Afzelius 1942, 98; Shochat 1980, 36. К. Ю. Белох полагает, что эти сведения Полибий заимствовал из исторического труда Фабия Пиктора (Beloch 1886, 348, 355).

недавних статьях⁴. Суть его сводится к тому, что у нас нет достаточных оснований для сомнений в достоверности рассказа Полибия (Лапырёнок 2011, 139–140; Laryonok 2012, 34–37). Главным свидетельством в пользу этой точки зрения является тот факт, что данные Полибия практически совпадают с результатами ценза 234/233 г. до н. э. (Beloch 1886, 363. См. ил. 1). Данные о населении Кампании (*Campani* в римских источниках)⁵ были отражены в итоговом отчёте римских цензоров в отдельной рубрике⁶. Некоторый прирост числа военнообязанных к 225 г. до н. э. при этом может быть связан с последствиями аграрного закона Гая Фламиния 232 г. до н. э. В силу отсутствия в источниках сведений о последнем предвоенном цензе (220 г.) именно эта цифра (273 тыс. чел.) должна стать отправной точкой при изучении демографической ситуации в Риме накануне и в ходе Второй Пунической войны, несмотря даже на то, что она с большой долей вероятности была округлена.

⁴ Лапырёнок 2011, 131–140; 2012, 124–142. Данная проблема также рассматривается и в монографии: Laryonok 2012, 31–36. Я. Шохат (Shochat 1980, 16) отмечает, что Полибий представляет единые сведения о количестве военнообязанных сабинов и этрусков (II. 24. 5–6: τὸν δ' ἐκ τοῦ κατὰ τοῦ προσβουθησάντων εἰς τὴν Ρώμην Σαβίνων καὶ Τυρρηῶν ἰπλεῖς μὲν ἦσαν εἰς τετραχιλιῖους, περὶ δὲ πλείους τῶν πενταχιμυρίων). Сабини к этому времени уже являлись *cives optimo iure*, вследствие чего вышеозначенный факт с юридической точки зрения выглядит по меньшей мере странным. Сабини должны были находиться в списках римских граждан. Я. Шохат не учитывает контекста данного высказывания греческого историка. Речь здесь идёт о военном контингенте, который уже был отправлен на помощь римлянам, а не о числе военнообязанных в сабинских и этрусских общинах. Сабини были, несомненно, учтены в числе 273 тысяч римских граждан.

⁵ Жители Капуи, Ателлы, Калатии и Казилина.

⁶ Brunt 1971, 24–25. П. Брант считал, что римские цензоры включали данные о числе *cives sine suffragio*, представленные в так называемых *tabulae Caeritum*, в свой итоговый отчёт о количестве римских граждан. *Tabulae Caeritum*: Gell. NA. XVI. 13. 7 (*primos autem municipes sine suffragii iure Caerites esse factos accepimus concessumque illis, ut civitatis Romanae honorem quidem caperent, sed negotiis tamen atque oneribus vacarent pro sacris bello Gallico receptis custoditisque. Hinc 'tabulae Caerites' appellatae versa vice, in quas censores referri iuebant, quos notae causa suffragiis privabant*); Strabo V. 2. 3. См. о процедуре ценза у Варрона: LL. VI. 86–93. Т. Моммзен (Mommsen 1879, 404), а вслед за ним и Г. Ниссен (Nissen 1902, 112–113) считали, что данные республиканских цензоров составлены на основе так называемых *tabulae iuniorum*. *Seniores* при нормальных условиях не должны были служить в легионах, вследствие чего их число не учитывалось римскими цензорами. Т. Моммзен не учёл, впрочем, то обстоятельство, что *seniores* обязаны были платить *tributum*. Это делало их присутствие в цензорских списках обязательным. В источниках данная гипотеза не находит достаточной поддержки (см.: Brunt 1971, 21). Я. Шохат полагает, что кампанцы были впервые включены в итоговый отчёт римских цензоров в 233 г. до н. э. Данные о количестве военнообязанных римских граждан в 225 г. до н. э., которые мы находим у Полибия, как известно, содержат также и сведения о числе кампанцев. К вышеозначенному заключению исследователь приходит на основе анализа сообщений Полибия и Орозия (Shochat 1980, 32–36). Эта гипотеза, впрочем, не находит поддержки в источниках.

Ил. 1. Данные римских цензов 234–193 г. до н. э.

Представляется необходимым дать определение критериев римского ценза. Со времени учреждения ценза римское общество пережило значительные социальные изменения, что отразилось на развитии всех его институтов. Это развитие затронуло и римский ценз. Изначально в нём учитывались только военнообязанные граждане, разделённые на имущественные и возрастные классы (*iuniores* и *seniores*), которым предписывалось выплачивать трибут. Последний был отменён после Третьей Македонской войны (Val. Max. IV. 3. 8; Plin. NH. XXXIII. 56; Plut. Aem. 38. 1), вследствие чего исчезло первое препятствие на пути к включению пролетариев в ценз. Второе и последнее стало неактуальным после так называемой военной реформы Гая Мария. С этого момента цензоры начинают вносить малоимущих граждан в свои списки, и именно тогда появляется новое, неофициальное определение для этой группы населения — *capite censi*. В отличие от К. Ю. Белоха автор статьи считает, что *cives sine suffragio* не учитывались при проведении римского ценза. Исключения составляли лишь кампанцы, которых римляне наказали за измену в ходе Второй Самнитской войны (см.: Лапырёнок 2011, 131–140). Таким образом, в период Ганнибаловой войны переписи подлежали все римские граждане, относившиеся к пяти имущественным классам (*assidui*) и достигшие 17-летнего возраста.

Как уже отмечалось выше, наука не располагает данными о результатах ценза 214 г. до н. э. Таким образом, первые данные о последствиях первых лет Ганнибаловой войны для римской гражданской общины мы получаем из рассказа Ливия о цензе 209/208 гг. до н. э. Его результаты вызвали немало споров. Согласно Ливию, число военнообязанных римских граждан составило всего 137 108 человек (см. ил. 1). В первую очередь это могло быть связано с последствиями первых лет Ганнибаловой войны, т. е. с большими людскими потерями. Ливий, впрочем,

не утруждает себя объяснением столь значительной разницы в цифрах, лишь констатируя её наличие (Liv. XXVII. 36. 7).

Данная ситуация могла также обуславливаться техническими трудностями при проведении ценза в военное время: не все римские граждане, принимавшие участие в боевых операциях против армии Ганнибала, были учтены цензорами. Более радикальное решение вопроса предложил П. Брант. Оно заключается в том, что римские граждане, к тому моменту находившиеся в действующей армии, вообще оказались не учтены при составлении итогового отчёта цензоров. Британский историк отмечает, что их количество достигало 75 тысяч человек (Brunt 1971, 63). Таким образом, общее число военнообязанных должно было приблизиться к результатам ценза 204/203 гг. до н. э. Это якобы косвенно свидетельствует в пользу предложенной Брантом гипотезы. Впрочем, подобная ситуация представляется маловероятной. Ценз считался бы в данном случае незавершённым, а его результаты — нелегитимными. Кроме того, Ливий не сообщает о каких-либо трудностях подобного рода при проведении переписи населения в 209/208 гг. до н. э. Он лишь указывает, что римских граждан было меньше, чем до начала Второй Пунической войны⁷. Эпитоматор дополняет рассказ Ливия предложением, в котором недвусмысленно даёт понять, что такая ситуация была связана с большими военными потерями римлян⁸.

К. Ю. Белох сомневается в достоверности сведений перихо, считая, что потери не могли составлять половину всего военнообязанного населения Рима. Он предположил, что в случае с цензом 209/208 гг. до н. э. мы имеем дело с ошибкой переписчика. Немецкого историка не смущает и тот факт, что цифра, которую мы находим в “*Ab urbe condita*”, повторяется в перихогах (Beloch 1886, 350). Последнее обстоятельство является достаточно весомым свидетельством в пользу её достоверности. Не стоит забывать и о примечании, которое сделал эпитоматор, объясняя итоги этого ценза. Хотя предложенный Белохом вариант и не стоит исключать, вероятность того, что он соответствует действительности, достаточно невелика. На мой взгляд, ошибку переписчика можно констатировать лишь в случае с цензом 194/193 гг. до н. э., поскольку разумных объяснений столь низкой цифре просто нет (см. ил. 1).

Впрочем, возможные решения этой проблемы не ограничиваются рассмотренной гипотезой К. Ю. Белоха. Одно из них предполагает судьба

⁷ Liv. XXVII. 36. 7–8: *censa civium capita centum triginta septem milia centum octo, minor aliquanto numerus quam qui ante bellum fuerat.*

⁸ Liv. Per. XXVII: *ex quo numero apparuit, quantum hominum tot proeliorum adversa fortuna populo R. abstulisset.*

жителей Капуи и союзных ей кампанских городов. В том случае, если кампанцы ко времени начала Второй Пунической войны действительно проходили регистрацию в Риме, на основе этого вносились в итоговые отчёты римских цензоров отдельной рубрикой и учитывались таким образом при передаче общего числа римских граждан, то после их перехода на сторону Ганнибала они по вполне понятным причинам больше не отправляли данные своей переписи в Рим⁹. После капитуляции Капуи и её союзников ситуация вряд ли могла измениться кардинальным образом. А. Тойнби полагает, что за кампанцами сохранилась обязанность платить трибут, но при этом они не должны были поставлять военные контингенты в римскую армию. По его мнению, потребность в финансах для ведения войны заставила римлян учитывать их число при проведении ценза (Toynbee 1965, I, 475). П. Брант выступил с обоснованной критикой этой точки зрения (Brunt 1971, 63–64). Он предположил, что кампанские общины потеряли статус *cives sine suffragio* и рассматривались римлянами уже в качестве *dediticii*. Довоенный статус-кво в их отношении был восстановлен, видимо, только в 189 г. до н. э., когда они обратились к римскому сенату с просьбой об определении процедуры ценза¹⁰. Данный факт вполне может свидетельствовать о том, что до этого времени они не проводили переписи населения, по крайней мере в её прежнем варианте. Кроме того, земельные владения кампанцев были конфискованы римлянами и образовали фонд *ager Campanus*: «...земля была наиболее плодородной в Италии, город сохранили как пристанище для земледельцев. Чтобы он был людным, оставили в нем множество отпущенников — ремесленников и мелких торговцев; все земли, все общественные постройки отошли к римскому народу. Жить в Капуе и заселять её было разрешено, но город был городом только по имени: не было в нем ни гражданства, ни сената, ни народного собрания, ни должностных лиц» (Liv. XXVI. 16. 7–9. Пер. М. Е. Сергеенко)¹¹.

⁹ В 189 г. до н. э. кампанцы обратились к сенату с просьбой определить для них процедуру ценза (Liv. XXXVIII. 28. 4). Это вполне может означать, что с 216 по 189 г. до н. э. римские цензоры не получали сведений об их числе. См.: Frank 1924, 330–331; Toynbee 1965, I, 475.

¹⁰ Liv. XXXVIII. 28. 4: *Campani, ubi censerentur, senatum consuluerunt; decretum, uti Romae censerentur.*

¹¹ Часть конфискованной земли по решению сената была сдана в аренду консулом Кв. Фульвием Флакком (Liv. XXVII. 3. 1–2: *Capuae interim Flaccus dum bonis principum vendendis, agro qui publicatus erat locando — locavit autem omnem frumento — tempus terit, ne deesset materia in Campanos saeviendi, novum in occulto gliscens per indicium protractum est facinus*). Вскоре после этого цензоры М. Корнелий Цетег и П. Корнелий Тудитан повторили процедуру (Liv. XXVII. 11. 7–8: *creati censores ambo qui nondum consules fuerant, M. Cornelius Cethegus P. Sempronius Tuditanus. ii censores ut agrum Campanum fruendum*

Доводы П. Бранта представляются более убедительными, поскольку они напрямую подтверждаются сообщениями источников. Это относится и к критике гипотезы А. Тойнби, согласно которой в числе 34 тысяч кампанцев Ливия были учтены лишь *iuniores* (Тоунбее 1965, I, 477). Трудно поверить в то, что римский историк не счёл необходимым поставить в известность об этом факте своего читателя. Таким образом, «дефицит» ценза 209/208 г. до н. э. частично мог быть обусловлен отсутствием в списках римских граждан кампанцев. Подобное решение, впрочем, объясняет причины упомянутого «дефицита» лишь в малой мере. Разница между данными Полибия для 225 г. до н. э. и результатами первого ценза в условиях военного времени даже с учётом вышеизложенных аргументов составляет около 100 тысяч человек. Кроме того, необходимо учитывать и естественный прирост населения, который остаётся важным источником восполнения людских ресурсов даже во времена самых кровопролитных войн.

Наиболее значимым в рассматриваемый период демографическим фактором, несомненно, были военные потери. Сведения античных источников позволяют сделать некоторые выводы относительно их масштаба. Согласно Аппиану, в первые два года Ганнибаловой войны римляне и их союзники потеряли 100 тысяч человек¹². Полибий сообщает, что только в битве при Каннах число погибших достигло 75 630 римских граждан и италиков (III. 117. 2–5). Ливий и Аппиан передают более скромные цифры, хотя и они весьма красноречиво свидетельствуют о небывалом масштабе потерь римской армии¹³. А. Тойнби считает, что

locarent ex auctoritate patrum latum ad plebem est plebesque scivit). В 206 г. до н. э. квесторы продали часть земли на побережье Кампании (Liv. XXVIII. 46. 4–6: *et quia pecunia ad bellum deerat, agri Campani regionem a fossa Graeca ad mare versam vendere quaestores iussi, indicio quoque permissio qui ager civis Campani fuisset, uti is publicus populi Romani esset; indicii praemium constitutum, quantae pecuniae ager indicatus esset pars decima*). Впрочем, глагол *vendere* в республиканское время мог также иметь значение «отдать в пользование», если речь шла об *ager publicus populi Romani* (см. дискуссию: Rudorff 1852, 288; Gargola 1995, 118–119; Campbell 2000, 473–474; Roselaar 2010, 123). Кроме того, в 194 г. до н. э. были основаны три колонии *civium Romanorum* (*Volturnum, Liernum* и *Puteoli*), о чём сообщает Ливий (XXXIV. 45. 1: *coloniae civium Romanorum eo anno deductae sunt Puteolos Uolturnum Liernum, treceni homines in singulas*). См. к проблеме *ager Campanus* после капитуляции Капуи: Bozza 1938, 25–27; Cardinali 1965, 116–118; Curreri 1971, 35–37; Johannsen 1971, 190–192; Chouquer, Clavel-Lévêque, Favory, Vallat 1987, 215–216; Gargola 1995, 120–121; Manzo 2002, 138–139; Sacchi 2002, 71–75; 2006, 159–162; Roselaar 2008, 579; 2010, 116–118, 130 ff. Попытки точной локализации *ager Campanus*: Levi 1978, 67–70; Sacchi 2002, 32–34.

¹² App. Hann. 25. 110: καὶ Ῥωμαῖοι δύο ἔτεσιν ἤδη περὶ τὴν Ἰταλίαν Ἀννίβηα πολεμοῦντες ἀπολωλέκεισαν ἀνδρῶν ἰδίων τε καὶ συμμάχων ἐς δέκα μυριάδας.

¹³ Liv. XXII. 49. 15: «убито было, говорят, сорок пять тысяч пятьсот пехотинцев и две тысячи семьсот конников — граждан и союзников почти поровну» (*quadraginta*

в начальный период войны и до 205 г. до н. э. число римских граждан уменьшилось на 66,6 тысяч (Тоунбее 1965, I, 477). Данные подсчёты, впрочем, отражают потери лишь среди *iuniores*. *Seniores* традиционно привлекались только к гарнизонной службе и не участвовали в крупных сражениях. Таким образом, некоторая часть римских военных потерь остаётся вне учёта, хотя и отражается в результатах ценза. Их число трудно оценить на основе имеющихся в нашем распоряжении источников. В наибольшей степени от нашествия Ганнибала пострадали, видимо, *seniores* римских *fora et conciliabula*, т. е. сельское римское население Италии, которому при защите своих общин от врага часто приходилось рассчитывать только на собственные силы. Особенно это было актуально в первые годы войны, когда инициатива находилась в руках карфагенян.

Кроме того, наши знания в этой области основываются на подсчётах, которые производила победившая сторона. Можем ли мы быть совершенно уверены в том, что они соответствуют действительному масштабу потерь, которые римляне понесли в период Второй Пунической войны? Полибий, Ливий и Аппиан, произведения которых содержат наиболее полное описание событий 218–201 гг. до н. э., использовали один и тот же источник, а именно исторический труд Фабия Пиктора. Несмотря на это, масштабы римских потерь при Каннах каждый из них оценивает по-разному (Polyb. III. 117. 2–5; Liv. XXII. 49. 15; ср.: Тоунбее 1965, II, 66–67). Наиболее высокую цифру мы находим у Полибия, подсчёты которого в данном случае содержат некоторые неточности¹⁴. В подобного рода разночтениях нет ничего необычного, поскольку среди названных историков мы не находим ни одного современника описываемых событий. Однако главный вопрос заключается всё же в другом, а именно: насколько достоверны передаваемые ими (или их источником в лице Фабия Пиктора) данные о римских потерях? Число жертв в среде римского гражданского коллектива могло быть по каким-либо причинам занижено. При всём уважении к достоинствам трудов первого римского историографа и его коллег более позднего времени такой возможности исключать нельзя.

Таким образом, нет видимых причин сомневаться в достоверности сведений Ливия о цензе 209/208 гг. до н. э. Помимо всего этого нельзя

quinque milia quingenti pedites, duo milia septingenti equites, et tantadem prope ciuium sociorumque pars, caesi dicuntur; App. Ann. 25. 109: «в эти часы у них погибло пятьдесят тысяч» (ἀπέθανον γὰρ αὐτῶν ἐν ταύτῃ ταῖς ἡμέραις πεντακισμύριοι).

¹⁴ Тоунбее 1965, II, 66–67. См. по поводу рассказа Полибия о битве при Каннах: Walbank 1957, 439–441.

совершенно исключать и трудностей в работе цензоров, связанных с условиями военного времени, когда некоторая часть римских граждан, проживавших, например, в Южной Италии, могла остаться неучтённой. Скорее всего, низкие результаты переписи населения 209/208 гг. до н. э. объясняются в первую очередь общими потерями римлян в период с 218 по 208 г. до н. э., причём это относится не только к служившим в легионах *iuniores*, но и к *seniores*.

Не меньше вопросов вызывают и данные следующего ценза, который проводился в 204/203 гг. до н. э. (Liv. XXIX. 37. 2—17). Здесь мы сталкиваемся с проблемой противоположного характера: по его результатам число римских граждан не уменьшилось, а значительно увеличилось (см. ил. 1). Ливий сообщает, что цензоры приложили все усилия для того, чтобы его итоги были полными. Перепись произвели и в легионах, которые дислоцировались в провинциях¹⁵. Это замечание римского историка совсем необязательно рассматривать в качестве свидетельства того, что в предыдущие годы они не учитывались, на что совершенно справедливо указывает К. Ю. Белох (Beloch 1886, 349). Античные источники не знают случаев, когда при проведении ценза не были учтены римские граждане, находившиеся в действующей армии. Особый интерес представляет рассказ Ливия о наказании 12 колоний латинского права, которые в 209 г. до н. э. не пожелали предоставить римлянам военные контингенты и денежные средства, сославшись при этом на истощение людских и финансовых ресурсов¹⁶. Есть предположение, что жители этих колоний были внесены в итоговый отчёт римских цензоров (Лапырёнок 2011, 131—140). Данное обстоятельство могло обусловить высокие результаты ценза 204/203 гг. до н. э. Оно позволяет объяснить то значительное увеличение числа римских граждан, которое произошло в промежуток времени с 208 по 203 г. до н. э.

К сожалению, сведения по данной проблеме ограничиваются, по сути дела, лишь несколькими пассажами из труда Тита Ливия. Кроме того, нам неизвестна точная численность населения в упомянутых 12 колониях. П. Брант полагает, что по самой высокой оценке в 225 г. до н. э. она не могла превышать 42,4 тысячи человек. В 203 г. до н. э. эта цифра вследствие военных потерь должна была быть ещё ниже (Brunt 1971, 57). Британский историк производит свои расчёты, исходя из сведений

¹⁵ Liv. XXIX. 37. 5—6: *lustrum conditum serius quia per prouincias dimiserunt censores ut civium Romanorum in exercitibus quantus ubique esset referretur numerus.*

¹⁶ См. к проблеме: Beloch 1886, 311; Salmon 1936, 60; Galsterer 1976, 110; Маяк 1971, 103—104; Квашнин 2006, 18.

Ливия о числе воинов, которое провинившиеся общины должны были предоставлять римлянам. Как известно, воинские контингенты формировались прежде всего из *iuniores*. Сложно поверить в то, что, начиная с 203 г. до н. э., воинскому набору в этих колониях подлежали *все iuniores*. Определённое их количество должно было оставаться в качестве резерва. Таким образом, общее число *assidui* в 12 колониях латинского права (как *iuniores*, так и *seniores*) даже с учётом военных потерь, на которые в 209 г. до н. э. ссылались их магистраты, могло быть больше, чем обозначенные П. Брантом 42,4 тысячи человек. Немаловажную роль в высоких результатах ценза 204/203 гг. до н. э. сыграло возвращение Италии к мирной жизни и постепенное восстановление её инфраструктуры. После освобождения территории Апеннинского полуострова от карфагенских войск цензоры получили возможность провести перепись населения в её полном масштабе и с тщательностью, которой прежде препятствовали условия военного времени. Это обстоятельство, вне всяких сомнений, должно было отразиться на конечном результате. Также не следует забывать и о естественном приросте населения. Его влияние на результаты ценза 204/203 гг. до н. э. не стоит приуменьшать, так как именно в промежуток времени с 208 по 203 г. до н. э. призывного возраста достигло поколение 20-х гг. III в. до н. э., которое мало пострадало от войн. Данные факторы, вероятно, и обусловили цифру в 214 тысяч человек, которую мы находим у Ливия.

Вторая Пуническая война сопровождалась не только большими людскими потерями, но также и крайним напряжением финансовой системы Римского государства. Потребность в материальных ресурсах для обеспечения всем необходимым действующей армии вынуждала римлян обращаться к практике порчи монеты. Это привело в итоге к пересмотру стандартов римского асса, что нашло своё отражение в переходе с либральной на секстантарную систему¹⁷. Как известно, римский ценз проводился на основе оценки имущества граждан, так что упомянутое событие так или иначе должно было отразиться на его критериях. Переход на секстантарный асс¹⁸ мог отразиться на составе римских имущественных классов, а тем самым и на числе граждан, регистрировавшихся при переписи населения. Последнее относится прежде всего к римским

¹⁷ Mattingly 1937, 105. К проблеме развития римской денежной системы и финансовой политики Рима в период поздней Республики: Mattingly 1937, 99–102; Crawford 1970, 40–41; Lo Cascio 1981, 76–79; Rathbone 1993, 123–124.

¹⁸ В данном случае речь шла о секстантарном ассе весом в две унции. Десять таких ассов равнялись одному денарию: Crawford 1974, II, 596, 625, 628; 1985, 60 ff.; Rathbone 1993, 123.

proletarii, которые при понижении имущественной границы для 5-го класса могли стать *assidui*.

Согласно Ливию, минимальный размер имущества для *assidui* составлял 11 тысяч ассов¹⁹. У Полибия он равен 4 тысячам ассов²⁰, у Цицерона — 1500²¹. В источниках, к сожалению, нет сведений о том, когда и вследствие каких причин произошли указанные изменения. Э. Габба предположил, что данная ситуация была обусловлена снижениями минимального ценза для *assidui*. Первое из них имело место во время Второй Пунической войны, когда после катастрофических потерь первых лет римляне особенно нуждались в солдатах для легионов. Второе же произошло в 130–129 гг. до н. э., в период борьбы сената с гракханцами (Gabba 1976, 6–7; De Ligt 2008, 126; Molthagen 1973, 445; Nicolet 1979, 305; Shochat 1980, 9–12; *contra*: Lo Cascio 2008, 237). Впрочем, эти изменения могли произойти и вследствие денежной реформы.

Проблема финансовой политики Рима в период Ганнибаловой войны наиболее подробно освещена в работах Г. Мэттингли, М. Крофорда, Дж. Рича, Э. Ло Кашо, Д. Разбоуна (Mattingly 1937, 99–101; Crawford 1974, II, 596, 625, 628; Rich 1983, 310–311; Lo Cascio 1988, 273–275; Rathbone 1993, 121–123). По мнению М. Крофорда, переход к секстантарному стандарту произошёл в 212/211 гг. до н. э. (Crawford 1974, II, 596, 625; 1985, 60; ср.: Rathbone 1993, 123). В соответствии с этой реформой был введён новый минимальный ценз для 5-го имущественного класса, равный 4000 ассов, который мы находим у Полибия. Подобное

¹⁹ Liv. I. 43. 7–8: *quinta classis aucta; centuriae triginta factae; fundas lapidesque missiles hi secum gerebant; [in] his accensi cornicines tubicinesque in duas centurias distributi; undecim milibus haec classis censebatur*. Ср. с данными Дионисия Галикарнасского (AR. IV. 17. 2): *τὴν δὲ πέμπτην μοῖραν, οἷς ἐντὸς εἴκοσι καὶ πέντε μῶν ἄχρι δώδεκα καὶ ἡμίσεος μῶν ὁ βίος ἦν, εἰς τριάχοντα συνέταξε λόχους*. См. к проблеме: Toynbee 1965 I, 513 f.; Thomson 1980, 146–149; Rathbone 1993, 124–125. Д. Разбоун полагает, что нижние границы имущественного ценза для всех пяти классов у Ливия даны уже в секстантарном стандарте (Rathbone 1993, 140). В данном вопросе современная историография следует точке зрения Г. Мэттингли (Mattingly 1937, 106), который пришёл к этому выводу на основе исследования сообщений Полибия и Ливия. К минимальному цензу у Ливия и Дионисия Галикарнасского: Rich 1983, 306–310; Lo Cascio 1988, 276–279; Rathbone 1993, 137–139.

²⁰ Polyb. VI. 19. 2–3: *τοὺς δὲ πεζοὺς ἕξ καὶ (δέκα) δεῖ στρατείας τελεῖν κατ' ἀνάγκην ἐν τοῖς τετταράχοντα καὶ ἕξ ἔτεσιν ἀπὸ γενεᾶς πλὴν τῶν ὑπὸ τὰς τετρακοσίας δραχμὰς τετμημένων*

²¹ Cic. Rep. II. 40: *In quo etiam verbis ac nominibus ipsis fuit diligens; qui cum locupletis assiduos appellasset ab asse dando, eos, qui aut non plus mille quingentos aeris aut omnino nihil in suum censum praeter caput attulissent, proletarios nominavit, ut ex iis quasi proles, id est quasi progenies civitatis, expectari videretur*.

снижение ценза могло привести к тому, что многие римские пролетарии приобретали статус *assidui*. Если при проведении ценза учитывалось только число последних, то данное новшество должно было непременно отразиться на количестве римских граждан в итоговом отчёте цензоров. В этом случае предложенная М. Крофордом датировка монетной реформы отнюдь не бесспорна²². Данные ценза 209/208 гг. до н. э. демонстрируют не увеличение числа римских граждан, а его значительное уменьшение по сравнению с последней довоенной переписью. С другой стороны, в 203 г. до н. э. ситуация изменилась в противоположную сторону. Таким образом, переход на секстантарную систему теоретически можно было бы датировать периодом с 208 по 204 г. до н. э. Впрочем, в наших источниках отсутствуют сведения о подобного рода изменениях.

Помимо этого, указанная реформа могла иметь место и позже, уже во времена самого Полибия. Дж. Рич считает, что установление в качестве минимального ценза для 5-го класса суммы в 4 тысячи ассов, а вместе с тем и снижение его по сравнению с 11 тысячами ассов, которые мы находим у Ливия, произошло во второй половине II в. до н. э. (Rich 1983, 312). Не менее вероятен и другой сценарий: если пролетарии всё же учитывались при проведении ценза, то переход на секстантарную систему мог и не отразиться на передаваемых античными источниками данных о численности римских граждан. Здесь датировка М. Крофорда представляется возможной. Однако в данном случае не стоит видеть в монетной реформе причину колебаний в цензовой статистике.

Итак, нет видимых причин сомневаться в достоверности сведений Ливия и других античных источников о цензах Второй Пунической войны. «Дефицит» ценза 209/208 гг. до н. э. и увеличение числа римских граждан по результатам последующего вполне могут быть объяснены с учётом событий Ганнибаловой войны. Указанный «дефицит» частично мог быть обусловлен также и отсутствием в списках римских граждан кампанцев. Помимо этого, нельзя совершенно исключать и трудностей в работе цензоров, связанных с условиями военного времени. Наиболее же важным фактором, несомненно, являлись военные потери. Высокие результаты ценза 204/203 гг. до н. э. обуславливались прежде всего включением в итоговый отчёт римских цензоров граждан 12 колоний римского права, а также постепенным возвращением Италии к мирной жизни и естественным приростом населения.

²² См. дискуссию: Crawford 1974, II, 625–627; Rich 1983, 310–311; De Martino 1985, 84; Lo Cascio 1988, 299–301.

Литература

- Квашин В. А.* Политика, право и религия в жизни римской гражданской общины (III–II вв. до н. э.). Вологда, 2006.
- Лапырёнок Р. В.* *Cives sine suffragio* и римский ценз // ШН. 2011. XI. С. 131–140.
- Лапырёнок Р. В.* Проблема ценза 125/124 г.: старые-новые решения // ВДИ. 2012. № 1. С. 124–142.
- Маяк И. Л.* Взаимоотношения Рима и италийцев в III–II вв. М., 1971.
- Afzelius A.* Die römische Eroberung Italiens (340–264 v. Chr.). Kopenhagen, 1942.
- Beloch K.-J.* Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Leipzig, 1886.
- Bozza F.* La possessio dell'ager publicus. Napoli, 1938.
- Brunt P.* Italian Manpower, 225 BC — AD 14. Oxford, 1971.
- Campbell B.* The Writings of the Roman Land Surveyors. Introduction, Text, Translation and Commentary. L., 2000.
- Cardinali G.* Studi graccani. Roma, 1965.
- Chouquer G., Clavel-Lévêque M., Favory F., Vallat J.-P.* Structures agraires en Italie centro-méridionale: cadastres et paysage rural. Roma, 1987.
- Crawford M. H.* Money and Exchange in the Roman World // JRS. Vol. 60. 1970. P. 40–48.
- Crawford M. H.* Roman Republican Coinage. Vol. I–II. Cambridge, 1974.
- Crawford M. H.* Coinage and Money under the Roman Republic. Berkeley and L. A.: University of California Press, 1985.
- Curreri D.* Capua e l'Ager Campanus nella legislazione agraria e coloniarica di Gaio Gracco // Epigraphica. Vol. 33. 1971. P. 33–47.
- De Ligt L.* Roman Manpower and Recruitment // A Companion to the Roman Army / ed. P. Erdkamp. Oxford, 2008. P. 114–131.
- De Martino F.* Wirtschaftsgeschichte des Alten Rom. München, 1985.
- Frank T.* Roman Census Statistics from 225 BC to 28 BC // CPh. Vol. 19. 1924. P. 329–341.
- Gabba E.* Republican Rome, the Army and the Allies. Oxford, 1976.
- Galsterer H.* Herrschaft und Verwaltung im republikanischen Italien // Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte. 1976. Bd. 68.
- Gargola D.* Lands, Laws, & Gods. Magistrates & Ceremony in the Regulation of Public Lands in Republican Rome. Chapel Hill NC, 1995.
- Johannsen K.*: Die *Lex agraria* des Jahres 111 v. Chr. Text und Kommentar. München, 1971.
- Lapyrionok R.* Der Kampf um die *lex Sempronia agraria*: Vom Zensus 125/124 v. Chr. bis zum Agrarprogramm des Gaius Gracchus. Bonn, 2012.
- Levi M. A.* Il tribunato della plebe e altri scritti su istituzioni pubbliche romane. Milano, 1978.
- Lo Cascio E.* State and Coinage in the Late Republic and Early Empire // JRS. Vol. 71. 1981. P. 76–86.

- Lo Cascio E.* Ancora sui censi minimi delle cinque classe ‘serviane’ // *Athenaeum*. Vol. 66. 1988. P. 273–302.
- Lo Cascio E.* Roman Census Figures in the Second Century BC and the Property Qualifications of the Fifth Class // *People, Land and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC — AD 14* / ed. L. De Ligt, S. J. Northwood. *Mnemosyne Suppl.* 303. Leiden, 2008. P. 239–257.
- Manzo A.* L’ager Campanus. Dalla deditio di Capua alla redazione della forma agri Campani di Publio Cornelio Lentulo // *La romanizzazione della Campania antica* / ed. G. Franciosi. Napoli, 2002. P. 125–160.
- Mattingly H. B.* The Property Qualifications of the Roman Classes // *JRS*. Vol. 27. 1937. P. 99–107.
- Molthagen J.* Die Durchführung der gracchischen Agrarreform // *Historia*. 1973. Bd. 22. S. 423–458.
- Mommsen Th.* Römische Forschungen. B., 1879. Bd. II.
- Nicolet C.* Les Gracques. Crise agraire et révolution à Rome. P., 1967.
- Nicolet C.* Rome et la conquête du monde méditerranéen. T. I. P., 1979.
- Nissen H.* Italische Landeskunde. B., 1902. Bd. II. 1.
- Rathbone D.* The Census Qualifications of the *Assidui* and the *Prima Classis* // *De agricultura: in memoriam Pieter Willem De Neeve* / ed. H. Sancisi-Weerdenburg et al. Amsterdam, 1993. P. 121–152.
- Rich J. W.* The Supposed Roman Manpower Shortage of the Later Second Century BC // *Historia*. 1983 Bd. 32. S. 287–331.
- Roselaar S. T.* People, Land and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC–AD 14 / ed. by L. De Ligt, S. J. Northwood. *Mnemosyne Suppl.* 303. Leiden, 2008. P. 573–604.
- Roselaar S. T.* Public Land in the Roman Republic. A Social and Economic History of *Ager Publicus*, 396–89 BC. Oxford, 2010.
- Rudorff A. A. F.* Gromatische Institutionen // *Die Schriften der römischen Feldmesser* / hrsg. von F. Blume, K. Lachmann, Th. Mommsen. Bd. II. Berlin, 1852. S. 229–464.
- Rudorff A. A. F.* Römische Rechtsgeschichte. Leipzig, 1857. Bd. I.
- Sacchi O.* Limiti geografici, cenni di storia ed organizzazione dell’ager Campanus fino alla deditio del 211 a. C. // *La romanizzazione della Campania antica* / ed. by G. Franciosi. Napoli, 2002. P. 19–86.
- Sacchi O.* Regime della terra e imposizione fondiaria nell’età die Gracchi. Testo e commento storico-giuridico della legge agraria del 111 AD. Napoli, 2006.
- Salmon E. T.* Roman Colonization from the Second Punic War to the Gracchi // *JRS*. 1936. Vol. 26. No. 1. P. 47–67.
- Shochat Y.* Recruitment and the Programme of Tiberius Gracchus. Bruxelles, 1980.
- Thomsen R.* King Servius Tullius. Copenhagen, 1980.
- Toynbee A.* Hannibal’s Legacy. The Hannibalic War’s Effects on Roman Life. Vol. I–II. London; New York; Toronto, 1965.
- Walbank F. W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957.

Roman V. Lapyrionok

**THE ROMAN CENSUS AND HANNIBAL'S WAR:
THE CENSUS OF THE POPULATION
IN AN EXTREME SITUATION**

The article considers the demographic development of Roman Italy in the Hannibalic war. The author discusses the ancient evidence concerning this historical problem and its modern interpretations. He demonstrates the impact of various factors on the demographic situation in Roman Italy. The most important one were the military losses during the Second Punic War. An ancient evidence reflects the losses among the *iuniores*. On the contrary, the number of the *seniores* fallen in the Hannibalic war is actually unknown, because they did not serve in the legions. Nevertheless, their losses were present in the census figures. However, the Roman demography of this period was influenced by many factors such as exclusion of the Campanians from the census figures, inclusion of assidui of 12 Latin colonies in the census and technical problems. The conclusion is that the census figures of this period were generally correct.

А. В. Коптев

PRIVATI CUM IMPERIO
В ГОДЫ ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

По данным античных авторов, в годы войны с Ганнибалом резко возросло число продлений полномочий магистратам на срок до трёх и более лет. С 217 по 201 г. до н. э. исследователи насчитывают 116 продлений должностных полномочий и 21 предоставление (с последующим продлением) военного империя частному лицу (Jashemski 1950, 18–19, 101–102; Schleussner 1978, 126, 140)¹. Наиболее продолжительные сроки военная власть находилась в руках Публия Корнелия Сципиона Африканского (211–201), Марка Клавдия Марцелла (216–208), Квинта Фульвия Флакка (215–207). Это противоречие конституционному принципу пребывания в должности в течение одного года обычно объясняется особыми условиями напряжённой войны, в ходе которой наряду с другими проблемами обнаружился недостаток лиц, облечённых магистратской властью для командования войсками. В результате в современной науке сложилось представление, что военным империем могли обладать не только магистраты, но и частные лица — *privati cum imperio* (Jashemski 1950, 17–39; Kloft 1977, 11–16, 30–35; Schleussner 1978, 127–130; Feig Vishnia 1996, 62–68; Brennan 2000, 37, 143; Pelikan Pittenger 2008, 55–62).

В роли *privati cum imperio* могли выступать три категории лиц. Во-первых, это те бывшие высшие магистраты, которые получили продление (*prorogatio*) своих полномочий, не слагая их (ср.: Mommsen 1876, I,

¹ Г. Бек насчитывает 139 пророгаций за годы войны с Ганнибалом, т. е. по восемь пророгаций в год (Beck 2005, 109–110; 2011, 88). Считается, что, став привычным актом, пророгация вскоре стала осуществляться простым декретом сената (Kloft 1977; Kunkel 1995, 305–306). Однако сенат лишь принимал решение о пророгации, которое требовало утверждения комициями, поскольку консулы и преторы были магистратами *populi Romani*, а не сената.

619–622; Richardson 1991, 3). Такая практика известна у римлян со времён Самнитских войн². Эта категория лиц может считаться *privati* только в том смысле, что они не были городскими магистратами. Однако они действовали «в качестве / вместо магистратов» (*pro consule, pro praetore*) по приказу народа (*iussu populi*), поскольку за продление полномочий обычно голосовали трибы³. Во-вторых, бывшие магистраты с империем, которые сложили с себя полномочия и стали частными лицами, а потом, не будучи избранными на новую должность, оказались в роли командующих также «вместо магистратов» (*pro consule, pro praetore*). Возвращение их на командные посты выглядит дальнейшим развитием продления полномочий консулов и преторов и считается адекватным ответом римской политической системы на нехватку должностных лиц в условиях расширения внешней экспансии с конца IV в. до н. э. (см.: Jashemski 1950, 36–39). И, наконец, в-третьих, *privati cum imperio*, так сказать, в чистом виде — это лица, не избравшиеся на должность с империем, но получившие последний *sine magistratu* от народа, сената или делегацией высшего магистрата благодаря своим личным качествам (см.: Schleussner 1978, 126–128; Bleicken 1981, 48–50). Считается, что практика наделения военной властью частных лиц получила особое развитие в 218–198 гг. до н. э. Она выглядит следующей ступенью в развитии римской системы промагистратур в условиях кризиса и нехватки магистратов.

Нет сомнения, что при определённых условиях частное лицо, обладавшее соответствующими способностями и опытом, могло оказаться у руководства римскими войсками. Как известно, Гней Помпей в 23 года выступил на помощь Сулле и победил марианских военачальников, действуя по своей инициативе и без империя (Plut. *Pomp.* 6–7). Аппиан (*BC. I.* 101) рассказывает о другом молодом сподвижнике Суллы, Квинте Лукреции Афелле (Офелле), взявшем Пренесте, хотя он не отправлял ни квесторской, ни преторской должности. Ко времени Второй Пунической войны относится деятельность талантливого командира Луция Марция, возглавившего римские войска в Испании

² Первое продление консульских полномочий действующему магистрату имело место в 327 г. до н. э., когда консул Квинт Публилий Филон осаждал Неаполь и ему было разрешено продолжить боевые действия «вместо консула» (*pro consule*) до завершения войны. См.: Liv. VIII. 23. 11–12; 26. 7. Продление полномочий Титу Квинкцию, консулу 465 г. до н. э. (Liv. III. 4. 10), вряд ли является достоверным фактом. Подробнее см.: Jashemski 1950, 3–4; Develin 1975, 716–722; Kloft 1977, 19–26, 95–99.

³ Трибы не предоставляли империй, как часто считают (Richardson 1986, 65; Brennan 2000, 645; Vergaet, Naco del Noyo 2007, 26), а лишь утверждали по предложению сената, переданному через трибунов, продление должности или отправку в провинцию того или иного кандидата, уже имевшего империй.

после гибели проконсулов братьев Сципионов в 211 г. до н. э. В течение полугода успешно руководя римской армией, Марций, однако, не был признан носителем империя и не получил его, несмотря на все свои заслуги (Liv. XXVI. 2. 1–2; Val. Max. II. 7. 15). Не имел империя и центурион Марк Центений Пенула, служивший под началом претора Публия Корнелия Суллы, когда он получил от сената под свою команду особый отряд в 8 тысяч солдат и самостоятельно вывел его против Ганнибала (Liv. XXV. 19. 9–17; ср.: Brennan 2000, 644). Очевидно, командование войсками и обладание военным империем были у римлян совершенно разными вещами. Полководец обозначался термином *dux* (от глагола *duco*, *-ere* — «предводительствовать», «руководить войсками»)⁴. Ливий прямо указывал, что «в качестве полководца мы признаём только того, под чьими ауспигиями ведётся война» (*nec ducem novimus nisi cuius auspicio bellum geritur*) (IV. 20. 6). Например, квесторы могли быть облечены полномочиями легатов *pro consule* или *praetore*, но это не означало, что у них был консульский/преторский империй⁵. Поэтому есть сомнение в самой возможности частному лицу обладать военной властью (*imperium militiae*).

Наделение военным империем высшего магистрата, избранного центуриатными комициями, оформлялось специальной процедурой утверждения его в куриатных комициях (*lex curiata*) и комплексом обрядов на Капитолии (Liv. XXI. 63. 1–11; XXII. 1. 6–7; XLI. 10. 1–13; Magdelein 1968, 41). Цицерон в этой связи даже писал о двойном голосовании за каждого кандидата (*Leg. agr.* II. 26–27). По мнению Т. Моммзена, консул или претор сам проводил закон о собственном империи, ибо только магистрат мог собирать комиции (Mommsen 1876, I, 187–188)⁶. А. Магделен считал, что куриатный закон, посредством которого магистрат вводился в должность и получал право обращаться за империем к Юпитеру, проводил его предшественник (Magdelain 1968, 26). В источниках нет речи о куриатном законе для промагистратов, поэтому их империй мог быть только продолжением магистратского, который они не сложили. Магистрат слагал свой военный империй, пересекая римский померий. Если же он не мог отлучиться с театра военных действий, империй

⁴ О соединении в одних руках *ductu* и *imperio* см.: Plaut. *Amph.* 196: *gesserit rem publicam ductu imperio auspicio suo*; CIL. I. 541 = I². 626 = ILS. 20 = ILRP. 122: *duct(u) auspicio imperioque eius Achaia capt(a)*.

⁵ В 212 г. до н. э. после гибели консула Тиб. Семпрония Гракха командование перешло к квестору Гн. Корнелию Лентулу (Liv. XXV. 17. 7; 19. 4). Квестор был магистратом без империя. О ситуации см.: Jashemski 1950, 47, 58–60, 86–88.

⁶ Моммзен основывался на утверждении Цицерона, что каждый римский царь после своего избрания «отцами» сам проводил куриатный закон о своей власти (*ipse de suo imperio curiatam legem tulit*) (*Rep.* II. 25; 33; 35; 38). Ср.: II. 31: *de imperio suo... populum consuluit curiatim*.

продолжал оставаться у него даже по окончании магистратского срока. Со времени Самнитских войн римляне вынуждены были прибегать к продлению (*prorogatio*) военных полномочий таких полководцев, не имевших возможности пересечь римский померий, чтобы расстаться с военным империем⁷. В роли *pro consule* или *pro praetore* носитель империя уже не являлся частным лицом, хотя и не был магистратом. Он получал возможность завершить выполнение задачи, определённой ему сенатом, и слагал империй, вступая в Рим. В Риме такой проконсул или пропретор не обладал никакими полномочиями и был частным лицом⁸. Так что вся его власть состояла в военной империи, поэтому Ливий пишет о продлении империя (*imperium prolongare / dare / prorogare*)⁹.

Империй продлевался на определённый срок — «пока не закончится война с греками», «до конца года», на год, на шесть месяцев¹⁰. Обычной практикой считается продление империя (*imperii prorogatio*) на год, как, например, ежегодно продлевался империй Сципионам в Испании (Jashemski 1950, 39). Следует иметь в виду, что *imperii prorogatio* — словоупотребление времён поздней Республики. Под этими словами подразумевалось продление магистратской власти. Строго говоря, продлевался не военный империй, а пребывание в статусе магистрата (*pro consule* или

⁷ В 327 г. до н. э. консулу Кв. Публилию Филону продлили полномочия вынужденно, поскольку он не мог оставить войска, осаждавшие Неаполь, и вернуться в Рим, чтобы, перейдя померий, сложить свой империй. Именно потому что империй оставался в руках Публилия, сенат был вынужден продлить ему полномочия. Эта проблема, по-видимому, не возникала до тех пор, пока римляне вели войны в пределах Лация, и магистраты имели достаточно времени, чтобы завершить кампанию и вернуться в Город для сложения и полномочий, и империя.

⁸ Консулы и проконсулы имели по 12 *fascies*, которые символизировали равенство их *potestas* (Cic. *Verr.* V. 142; Plut. *Aem.* 4.2). См.: Staveley 1963, 472; Kunkel 1995, 121. С точки зрения *auctoritas* консулы были выше промагистратов, которые по определению не являлись ординарными магистратами. Ср.: Beck 2011, 88, 90.

⁹ Liv. VIII. 23. 12; 26. 7; IX. 42. 2; X. 16. 1; 22. 9; XXII. 22. 1; 34. 1; XXIV. 10. 3–4; 12. 8; 44. 3–4; XXV. 3. 5–6; 6. 7; 41. 13; XXVI. 1. 6; 28. 9; XXVII. 7. 8, 15, 17; 22. 4, 6, 9, 10; XXVIII. 10. 11, 15; 45. 9–10; XXIX. 13. 3–4; XXX. 1. 3, 7, 10; 2. 3; 27. 6, 9; 41. 1, 3; XXXI. 8. 9; XXXII. 1. 6; 8. 3; XXXIII. 25. 11; 43. 6; XXXV. 20. 6, 11; XXXVI. 6. 9; XXXVII. 2. 11; XXXVIII. 35. 3; XL. 1. 6, 8; 18. 6; 25. 1; 36. 7, 13; 44. 4; XLI. 6. 2; 14. 6, 11; 21. 2; XLII. 4. 3; 27. 6; XLV. 17. 2.

¹⁰ Liv. VIII. 23. 12: *pro consule rem gereret quoad debellatum cum Graecis esset*; IX. 42. 2: *in insequentem annum prorogavit imperium*; X. 16. 1: *prorogato in sex menses imperio*; X. 22. 9: *prorogatum in annum imperium est*. Ср.: Jashemski 1950, 15. На 209 г. до н. э. «Сципиону и Силану власть продлили не на год, а до тех пор, пока их не отзовет сенат» (Liv. XXVII. 7. 17: *non in annum Scipioni Silanoque, sed donec revocati ab senatu forent prorogatum imperium est*). В 203 г. до н. э. Сципиону власть продлили не на определённый срок, но до окончания войны в Африке (Liv. XXX. 1. 10: *P. Scipioni non temporis, sed rei gerendae fine, donec debellatum in Africa forent, prorogatum imperium est*).

praetore), чтобы избежать ситуации, когда империй оказывается у частного лица. Лицо, однажды получившее империй, могло пользоваться им до тех пор, пока не пересекало римский померий¹¹. В раннем Риме, возможно, магистрат получал империй только один раз для проведения военной кампании и слагал его в конце своего срока (и это указывает на то, что значительную часть года по крайней мере один из консулов, первоначально именовавшихся преторами, проводил вне Рима). Позднее установленный срок консулата и претуры позволял обладателю империя возобновить его, когда он снова отправлялся на войну. Для этого нужно было провести ауспиции на Капитолии с целью выяснения воли Юпитера и иные обряды. Магистрат или промагистрат, срок полномочий которого, определённый ему народом, истёк, по возвращении в Рим слагал военный империй. Если же он не пересекал померия, империй мог оставаться у него сколь угодно долго¹². В таком случае он оказывался действительно *privatus cum imperio*. В раннем Риме продлевать империй, видимо, не было нужды. Но в эпоху средней Республики с её длительными войнами такая потребность появилась. Во времена поздней Республики для предотвращения злоупотреблений империем Сулла установил 30-дневный срок возвращения наместников провинций в Рим после окончания их полномочий (Carney 1959, 72). Однако пример Цицерона, который сохранял империй по окончании наместничества в Киликии с 50 до конца 48 г. до н. э., показывает, что это правило соблюдалось с оговорками (*Att.* VII. 7. 4; 11. 5). Уважительной причиной, которая позволяла сдавшему провинцию наместнику не пересекать померий и сохранять империй, было ожидание триумфа. Квинт Цецилий Метелл Критский ждал триумфа вне городских стен, не слагая империя, около трёх лет в 65–62 гг. до н. э. (*Sall. Cat.* 30. 3–4;

¹¹ До закона Августа 19/18 г. до н. э. империй проконсула практически был продлённым *imperium consulare*. Различие между консульским и проконсульским империями стало формироваться в период между 52 и 19 г. до н. э., но проявилось в источниках только ко времени Тиберия. См.: Girardet 1992, 179.

¹² В этой связи интересен вопрос о сложении империя (*abrogatio imperii*). Огилви полагает, что империй не мог быть отобран у его носителя, поскольку тот получал его от народа. Первое лишение консула империя сенатом он относит к случаю с Цинной в 87 г. до н. э. (см.: Ogilvie 1965, 239). Бауман указывает на случаи с избранным консулом Гортензием в 108 г. до н. э. и с *lex Cassia* 104 г. (*Ascon.* 78 Cl.: *ut quem populus damnasset cuive imperium abrogasset in senatu ne esset* — «тот, кого народ подверг осуждению или чей империй был отобран, не должен быть сенатором»), принятым в отношении проконсула Кв. Сервилия Цепиона. Однако в текстах конца Республики речь шла не о лишении военного империя, а об отрешении от должности (см.: Vell. II. 20. 3: *consulatus abrogates est*; Liv. XXI. 63. 2; Liv. Per. 111: *abrogatio magistratu*; ср.: Vauman 1966, 129–141; 1968, 36–50).

Plut. *Pomp.* 29). А Квинт Марций Рекс в таком же положении провёл три года, так и не добившись своего, и умер в 62 г. до н. э. (Sall. *Cat.* 30. 3–4; 32–34; Cic. *Att.* I. 16. 10). Сохраняя империй в период ожидания, оба они по поручению сената приняли участие в подавлении волнений на территории Италии, в том числе в борьбе с катилинариями. Гай Помптин после претуры в 63 г. до н. э. победил аллоброгов в 61 и по возвращении из Нарбонской Галлии в 58 ожидал триумфа до 54 г. до н. э. (Dio Cass. XXXVII. 47–48; XXXIX. 65).

Но совершенно непонятны основания для предоставления империя частным лицам, не избравшимся консулами или преторами. Недавно К. Бреннан попытался представить, как на практике выглядело наделение империем такого частного лица (Brennan 2000, 143)¹³. Выражая достаточно распространённое представление, он пишет, что городской претор выбирал подходящее лицо и проводил для него куриатный закон, который наделял его империем. Однако в источниках нет данных о проведении куриатного закона за другое лицо¹⁴. С точки зрения римских норм наделение частного лица империем выглядело сомнительно. Один пассаж Ливия показывает, что существовал единственный легальный способ наделить частное лицо империем — назначить его диктатором. В начале 386 г. до н. э. в Рим явилась толпа беженцев из Помптинской области с известием о нападении вольсков из Антия. Согласно Ливию, «сенат возблагодарил богов, что Камилл в должности консулярного трибуна, ибо, будь он частным лицом, его пришлось бы назначить диктатором» (VI. 6. 4–6). По сообщению Цицерона (*Phil.* XI. 18), в 131 г. до н. э. народ отказался поручить войну против Аристоники Сципиону Эмилиану, который в тот момент был частным лицом. Частное лицо не могло пользоваться *auspicia publica* (Varro apud Non. Marc. 131 L.: *de caelo auspiciari ius nemini est praeter magistratum*), и потому командование войсками могло осуществляться им на основании не собственного империя, а под руководством высшего магистрата (хотя бы и номинальным). Магистрат выбирался комициями и, таким образом, выступал представителем римского народа, а обладание *auspicia publica* позволяло ему представлять римскую общину перед богами. Военный империй давался ему как представителю народа за пределами Рима. Пророгация означала продление его представительских функций. Частное же лицо, назначенное для выполнения определённой задачи

¹³ О *lex curiata* при назначении промагистрата и *privatus* также писали: Marshall 1972, 894–895; Richardson 1991, 3.

¹⁴ Роль городского претора в ряде случаев, описанных Ливием (XXIII. 34; XXVIII. 46; XXXV. 23; XLII. 35), выражалась лишь в наборе войска и выборе подходящего для него командира.

по решению сената или отдельного магистрата, римский народ не представляло. В роли военного командира частное лицо могло быть лишь легатом сената либо высшего магистрата.

Легаты в роли *privati cum imperio*

Хотя римские авторы относили появление легатов к эпохе ранней Республики, Моммзен считал, что практика их назначения широко распространилась только после битвы при Каннах¹⁵. Его последователи первым известным легатом считают Квинта Фабия Максима в 213 г. до н. э. (Schleussner 1978, 143; Thomasson 1991, 10). Из-за потери второй декады Ливия с её данными за III в. до н. э. наши сведения на сей счёт весьма ограничены. Согласно гипотезе Б. Шлэйснера, первоначально легатов посылал сенат для контроля действий магистратов с империем¹⁶. С увеличением числа легионов в период Самнитских и Пунических войн консулы стали использовать помощников, также получивших название легатов. Шлэйснер полагает, что до конца III в. до н. э. термин «легат» обозначал только военных трибунов с особыми полномочиями. Основываясь на этом, можно представить, как развивался этот институт.

С 367 г. до н. э. каждый из римских консулов стал командовать одним легионом, и теперь в его руках оказывались и империй, и командование войсками¹⁷. К 312 г. до н. э. число римских легионов выросло до четырёх (Liv. IX. 30. 3), и у консулов появилась возможность передавать один легион доверенному лицу, легату¹⁸. Теперь сенат мог продлить империй бывшему консулу, так чтобы это не ущемляло полномочий вновь избранного консула. К 207 г. до н. э. число легионов выросло уже до 23 (Liv. XXVII. 36. 12). Только для четырёх консульских легионов за военных

¹⁵ Varro. *LL.* V. 16. 87; Liv. II. 20; III. 5. 70; IV. 17. 27; V. 8; VII. 7; Dionys. Hal. *AR.* VI. 12; IX. 11; 12; 14; 34–35; 63; Mommsen 1876, I, 113, 696; ср.: Schleussner 1978, 101–102, Anm. 2.

¹⁶ Schleussner 1978, 101–146. О легатах также см.: Jashemski 1950, 89–91; Marshall 1972, 904–921.

¹⁷ Ливий пишет, что шесть трибунов легиона впервые были выбраны народным собранием в 362 г. до н. э., имея в виду, что прежде они назначались консулами (см.: Liv. VII. 5. 9).

¹⁸ Консулам зачастую помогали их родственники, имевшие опыт участия в боях и обладания империем (Marshall 1972, 915, n. 110; Schleussner 1978, 112, Anm. 45; 113–114, Anm. 50). Например, братья магистрата нередко служили его легатами. См.: Broughton 1951, I, 334 (Л. Квинций Фламинин); 358 (П. Корнелий Сципион Африканский); 364 (Л. Манлий Вульсон, Г. Валерий Левин); 491 (Кв. Фабий Максим Эмилиан); 544 (А. Постумий Альбин, Кв. Минуций Руф); 1952, 105 (Г. Фонтей); 170 (Г. Лициний Мурена). Кв. Фабий Максим Веррукоз был легатом у своего сына (Broughton 1951, I, 265).

трибунов голосовали комиции (Liv. XXVII. 36. 14). Остальных офицеров набирали консулы, и это создавало условия для выдвижения на должности своих родственников, друзей и клиентов. Шлэйснер считает, что после 190-х гг. до н. э. сенат перестаёт контролировать назначение легатов со стороны магистратов с империем (Schleussner 1978, 176).

Вслед за Моммзенем исследователи полагают, что консул наделял своим империем легатов на время своего отсутствия¹⁹. В основном считается, что, хотя практика делегирования империя восходит к средней Республике, легаты стали получать его только в период Республики поздней²⁰. На наш взгляд, выполняя поручения магистрата с империем, сами легаты в империи не нуждались, действуя под его ауспигиями. Они могли иметь империй лишь в том случае, если до того были магистратами и не сложили его с истечением срока должности²¹. Прочие же, действуя по поручению консула, не обладали ни правом ауспигий, ни империем²². Передача империя по воле консула была вообще невозможна, ведь он сам получал его в результате проведения куриатного закона в комициях. Появление легатов означало разделение между обладанием империем и командованием войсками, которые совпадали в ранний период. Этому способствовало удаление театров военных действий от Лация. В новых условиях магистраты с империем перестали

¹⁹ Mommsen 1876, I, 681–682; Jashemski 1950, 36–39; Kloft 1977, 58, Anm. 48; Develin 1980, 355–364; Richardson 1991, 3; Brennan 2000, 640–647.

²⁰ См.: Jashemski 1950, 89–91. Р. Девлин полагает, что консул мог делегировать империй только меньший, чем его собственный, уже с 295 г. до н. э. (см.: Develin 1980, 355). К. Бреннан недавно выступил против мнения о делегировании империя частным лицам городским претором, хотя поддерживает идею его делегации консулами (Brennan 2000, 642–647).

²¹ В 193 г. до н. э. в сенате имел место спор по поводу письма консула Луция Корнелия Мерулы, сообщавшего об удачном сражении с боями, тогда как его легат Марк Клавдий частным порядком отправил многим сенаторам письма, в которых обвинял консула в некомпетентности и халатности. Когда Корнелий явился в Рим для проведения выборов, оставив Клавдия при войске, ряд сенаторов восприняли это как попытку рассмотреть дело без свидетеля. Квинт Метелл заявил, что у консула помимо Клавдия был легатом ещё Тиберий Семпроний, который занимал консульскую должность в прошлом году (Liv. XXXV. 5. 1) и сохранял империй в этом, так что ему было гораздо сподручнее оставить войско, чем простому легату Клавдию (Liv. XXXV. 8. 6: *cum etiam verius esset Ti. Sempronio imperium habenti tradi exercitum quam legato* — «уместнее было бы передать войско Титу Семпронию, который облечён империем, а не легату»).

²² Отсутствие у легатов империя следует из слов Цицерона о Македонии, которую римляне охраняли при помощи небольшого отряда, «даже без империя, при посредстве легатов, одним только именем римского народа» (*de cons. provin.* II. 5: *sine imperio per legatos nomine ipso populi Romani tuebatur*); *Verr.* II. 4. 5. 9: *qui cum potestate aut legatione in provinciam esset* («кто выезжал в провинцию, облечённый властью или как легат»); 10: *qui esset cum imperio ac potestate* («лицо, облечённое империем и властью»).

быть единственными военачальниками, число и разнообразие которых стремительно росло. Посылая в войска вместо себя легатов, консул придавал ему ликторов с тем, чтобы подтвердить его полномочия (см.: Cic. *Fam.* XII. 21; 30. 7; *Att.* X. 4. 9). Наличие у облаченного в военный плащ (*paludatus*) легата ликторов с топорами, обычно сопровождавших магистратов с империем, создавало впечатление, что магистрат делегировал («ссужал») ему свой империй. В эпоху поздней Республики, как свидетельствуют Цицерон и Цезарь, промагистраты в провинциях подчас придавали ликторов своим приятелям, что позволяло тем изображать собой носителей империя.

Ошибочное представление о возможности делегирования империя магистратом другому лицу подчас заставляет исследователей рассматривать в качестве *privati cum imperio* консульских легатов. Обратим внимание, например, на такой случай. В 217 г. до н. э. перед битвой при Тразименском озере, согласно Ливию (XXII. 8. 1), консул Сервилий Гемин, стоявший у Аримина, решил соединить все свои войска с войсками своего коллеги Гая Фламиния и для начала отправил к нему 4 тысячи всадников под командой Гая Центения, *propraetore*. Они были окружены Ганнибалом в Умбрии и частью истреблены, а частью взяты в плен (Liv. XXII. 8. 1; Polyb. III. 86. 3–5). Корнелий Непот (*Hann.* 4. 3) называет Центения претором, то же и у Зонары (VIII. 25 — στρατηγός). У Аппиана, несколько иначе описывавшего назначение Центения, он — частное лицо (*Hann.* II. 9. 37: Κεντήμιον αὐτοῖς τινὰ τῶν ἐλιφανῶν ἰδιωτῶν, οὐδὲμιός ἀρχῆς παρούσης — «во главе их поставили Центения, одного из выдающихся частных лиц». Пер. Ф. Г. Мищенко). Поскольку сведений о претуре Центения нет у Полибия (III. 86. 3), то В. Яшемская причисляет его к частным лицам с империем (Jashemski 1950, 33–34). По мнению К. Бреннана, консул Гней Сервилий Гемин делегировал преторский империй не-магистрату Центению (Brennan 2000, 193–194). Однако из Полибия и Ливия следует, что Центений действовал здесь в роли легата и, поскольку выполнял приказ Сервилия, не обладал собственным империем (см.: Develin 1980, 359). Выражение *pro praetore* (так же как и *praetor* у Непота и опосредованно Зонары) фигурирует здесь в значении «в роли командира», а не «в роли магистрата-претора».

Два других случая относятся к периоду командования Сципиона в Южной Италии и Сицилии. В 205 г. до н. э. избранный консулом Сципион велел военным трибунам Марку Сергию и Публию Матиену привести под Локры из Регия 3 тысячи солдат, а Квинт Племиний был назначен наместником — *pro praetore* (Liv. XXIX. 6. 9) или ἡγεμῶν (Diod. XXVII. 4). К. Бреннан видит в Племинии держателя империя, делегированного консулом, поскольку командовал в Регии обычно облеченный империем

магистрат (Brennan 2000, 141–142; ср.: Jashemski 1950, 34–35). Однако Ливий называет Племиния *pro praetore* только один раз (что, исходя из ситуации, можно рассматривать как указание на его противопоставление военным трибунам), дальше везде легатом (XXIX. 8. 5; 9. 6; 19. 2; 21. 2)²³. Взяв Локры и оставив там Племиния с отрядом, Сципион вернулся в Мессану. Ливий пишет, что общее командование в Локрах принадлежало Племинию, и часть солдат, которых сам он привёл из Регия, подчинялась ему непосредственно, а другой командовали трибуны. Это вызвало конфликт между ними, а потом и между Племинием и локрийцами (см.: Liv. XXIX. 8. 5–9; 9. 1–12; 16. 4–7; 17. 10–20; 18. 10–14, 19–20; 19. 2–5). В творившихся грабежах и насилиях пытались обвинять и Сципиона, поскольку Племиний являлся не самостоятельным носителем власти, а порученцем консула. Арестовал Племиния то ли легат Сципиона, то ли специально присланный претор (Liv. XXIX. 21. 2–12), что в обоих случаях было бы проблематично при наличии у него империя.

В 203 г. до н. э., удаляясь в Африке от побережья, Сципион оставил начальником флота и своим заместителем Луция Бебия (Polyb. XV. 4. 1: Πόβλιος δὲ τὰ περὶ τὴν ναυτικὴν δύναμιν ἀσφαλίσάμενος καὶ καταλιπὼν Βαίβιον ἀντιστράτηγον, αὐτὸς μὲν ἑλετορεύετο τὰς πόλεις — «Публий, озабоченный оградить флот от опасностей, назначил Бебия его начальником вместо себя, а сам пошёл на города». Пер. Ф. Г. Мищенко). Несколько раньше тот находился в числе послов Сципиона в Карфаген (Polyb. XV. 1. 3; Liv. XXX. 25. 2). Командуя флотом, Бебий явно действовал как легат Сципиона (ср.: Thomasson 1991, 13). Поскольку об этом человеке больше ничего не известно, в нём видят частное лицо, получившее в качестве легата Сципиона империй *pro praetore* или даже *pro consule*, поскольку он был делегирован консулом Сципионом (Jashemski 1950, 35–36; Brennan 2000, 641). Представляется, однако, что *pro consule* Бебия можно назвать лишь в том смысле, что он, будучи назначен консулом, действовал по его поручению. Власть (империй), которой пользовался Бебий, с точки зрения римлян, принадлежала не ему, а Сципиону. Это означало, что, как и в случае с Племинием, ответственность за действия Бебия лежала на Сципионе, а, одержи Бебий крупную победу, она не дала бы ему права на триумф, ибо он действовал не самостоятельно, а от имени (*sub imperio*) Сципиона.

В 198 г. до н. э. консул Тит Квинкций Фламинин вёл войну против Филиппа Македонского, а его брат Луций Квинкций (претор 199 г. до н. э.)

²³ Т. Моммзен считал Племиния легатом Сципиона, оставленным в Италии перед походом в Африку (см.: Mommsen 1876, I, 681, Anm. 5). Т. Броутон повторяет терминологию Ливия, и у него Племиний выглядит *legatus pro praetore* (см.: Broughton 1951, I, 304; ср.: Thomasson 1991, 13).

был назначен сенатом командовать флотом и обеспечивать безопасность морского побережья Греции (Liv. XXXII. 16. 1–2: *L. Quinctius frater consulis, cui classis cura maritimaeque orae imperium mandatum ab senatu erat* — «брат консула Луций Квинкций, которому сенатом была поручена власть (империй) и забота о флоте и морском побережье»). В 197 г. до н. э. Титу Фламинину сенат продлил командование *pro consule* в Македонии, а его брату Луцию — руководство флотом (XXXII. 26. 10–11). Очевидно, что полномочия Луция Квинкция основывались на пророгации его преторской власти (Brennan 2000, 644–645). Однако утверждение Ливия о получении им империя от сената (*imperium mandatum ab senatu*) позволяет некоторым исследователям считать Луция *privatus cum imperio* (Jashemski 1950, 28). Практически командующий флотом был подчинён своему брату-консулу и, не имея он преторской империя, вполне мог бы считаться его легатом.

После 197 г. до н. э. число случаев, когда исследователи считают возможным говорить о *privati cum imperio*, существенно сокращается. В 192 г. до н. э. сенат предписал претору Марку Фульвию послать флот в 20 кораблей для охраны сицилийского побережья во главе с командующим, облечённым империем. Флот повёл Луций Оппий Салинатор, который в минувшем году был плебейским эдилом (Liv. XXXV. 23. 6–7), а по исполнению своей задачи был избран претором на следующий год (XXXV. 24. 6). Следуя рассказу Ливия, казалось бы, нужно признать, что Оппий Салинатор был наделён империем, не достигнув ещё магистратуры, позволявшей на него претендовать, т. е. будучи частным лицом (Jashemski 1950, 40, n. 1; Schleussner 1978, 128). К. Бреннан отмечает, что если речь шла о делегировании империя Салинатору городским претором, то его процедурные детали совершенно непонятны (Brennan 2000, 643). Если же исходить из сути случившегося, то Оппий только отвёл корабли к берегам Сицилии, где передал их претору Луцию Валерию — командующему с империем, который, видимо, подразумевался в сенатском распоряжении. Поэтому кажется вероятным, что Ливий, следуя своему представлению о *privati cum imperio*, изменил акцент, «передав» полномочия претора Сицилии Валерия Салинатору, на самом деле выступавшему только в роли легата Марка Фульвия.

Бывшие магистраты в роли *privati cum imperio*

Смещение представлений об империи — как общем обозначении магистратской власти, как обозначении военного командования и как особой военной власти высших магистратов — зачастую затрудняет исследователям анализ ситуаций, представленных в античных источни-

ках. Марк Клавдий Марцелл был консулом в 222 г. до н. э. (Polyb. II. 34. 1; Plut. *Marc.* 6.1) и второй раз претором в 216 г. до н. э. (Liv. XXII. 35. 6). После Канн Ганнибал занял Капую, где провёл зиму 216/215 г. до н. э. В это время римляне стали срочно стягивать в Кампанию свежие силы, два городских легиона и два легиона, вызванных с Сицилии (Liv. XXIII. 25. 9–10). Ситуация осложнялась тем, что в Галлии погиб Луций Постумий, избранный консулом на 215 г. Рассказывая о распределении магистратских полномочий в марте 215 г. до н. э., Ливий сообщает, что «народ дал Марку Марцеллу проконсульскую власть, поскольку после каннского поражения он единственный из римских полководцев удачно воевал в Италии» (*Marcello pro consule imperium esse populus iussit*) (XXIII. 30. 19). Марцелла отправили к Ноле отвести городские легионы и принять войска, прибывавшие с Сицилии, которые, согласно Ливию, должны были поступить в распоряжение консула, избранного на место Постумия. Чуть позже Ливий называет Марцелла пропретором и (устаи врага) претором (XXIII. 39. 8; 43. 12). Это позволяет считать, что он командовал войсками под Нолой в ранге пропретора с проконсульскими полномочиями (*pro praetore pro consule*). По Ливию, претора Марцелла назначили *pro consule*, чтобы он служил консулам примером того, как надо вести войну, однако, скорее, его положение *pro consule* было обусловлено тем, что под Нолой он занял место, предназначавшееся для консула, которому предстояло сражаться с самим Ганнибалом.

Во время подготовки военной кампании Марцелл отправляется из военного лагеря в Рим для участия в консульских выборах на место погибшего Постумия. Благодаря своей популярности он был избран, но из-за прогремевшего грома авгуры объявили, что он выбран огрешно, и Марцелл предпочёл отказаться от должности (Liv. XXIII. 31. 12–14; Plut. *Marc.* 12. 2)²⁴. После этого он возвратился к войску, которое стояло под Свессулой, чтобы охранять Нолу, согласно Ливию, с проконсульскими полномочиями, а по Плутарху — полководцем в ранге консула (Liv. XXIII. 32. 2: *pro consule ad eum exercitum... missus*; Plut. *Marc.* 12. 2–3: αὐτὸς ἐξωμόσατο τὴν ἀρχήν. Οὐ μὲντοι τὴν στρατείαν ἔφυγεν, ἀλλ' ἀνθύπατος ἀναγορευθεὶς καὶ πάλιν πρὸς Νῶλαν ἐπανελθὼν εἰς τὸ στρατόπεδον — «(Марцелл) сам сложил с себя власть. Но от командования он не отказался и полководцем в ранге проконсула вернулся в лагерь под Нолой»). Если принять, как считается некоторыми, что Марцелл получил проконсульские полномочия только после своего

²⁴ Согласно Ливию (XXIII. 31. 13), в сенате высказывалось недовольство из-за нарушения обычая избирать одного консула из патрициев, ибо в случае избрания Марцелла оба консула оказались бы плебеями.

отказа от консулата, его положение *pro consule* означало не приобретение нового (консульского) империя, а исполнение задачи, которую предполагалось возложить на избранного консулом.

По мнению многих учёных, в результате отказа от консулата Марцелл вновь стал частным лицом и как *privatus* был наделён проконсульским империем (Jashemski 1950, 21; Feig Vishnia 1996, 62, 221, n. 45, 46; Brennan 2000, 192; Pelikan Pittenger 2008, 56–57; ср.: Vervaeet 2012, 88–89, 92–93: *legatus pro praetore*). Ведь он принял должность консула, согласно Ливию, прежде чем отказаться от неё, и, следовательно, уже не имел прежнего статуса *pro consule*. Однако, судя по рассказу Ливия, участие в консульских выборах никак не изменило положение Марцелла и его империй. По мнению Р. Девлина, Марцелл получил статус *pro consule* до выборов как продление своей претуры и, отказавшись от консулата, он сохранил свой преторский империй (Develin 1980, 357, n. 12; Beck 2005, 310–311). Выборы проходили на Марсовом поле, и Марцеллу, спешно прибывшему из Нолы для участия в них, не нужно было пересекать померий. Приняв консульство, Марцелл оказался в положении *designatus*, но для вступления в должность ему надлежало прибыть в Город, пройти процедуру утверждения куриатными комициями и провести серию обрядов на Капитолии. Однако всего этого не произошло, и он вернулся к войскам с тем же империем, какой у него был.

Во многих случаях командиры выглядят *privati cum imperio* в силу недостатка сведений об их предшествующей карьере. В 215 г. до н. э. Тит Отацилий Красс был послан на Сицилию руководить флотом. В рассказе Ливия говорится об освящении в этом году Отацилием храма Менс на Капитолии (XXIII. 32. 9 и 20). Отацилий был претором Сицилии в 217 г. до н. э., и получается, что, вступив на Капитолий, он сложил свой преторский империй. Поэтому когда Ливий говорит, что Отацилия отправили «с империем» командовать флотом (XXIII. 32. 20: *in Siciliam cum imperio qui classi praeesset missus* — «отправлен на Сицилию командовать флотом»), К. Бреннан трактует это как специальное предоставление империя частному лицу с помощью *lex curiata*, проведённого городским претором (Brennan 2000, 139–140, 643). Однако исследователь не учитывает, что Ливий дважды (в XXIII и XXIV книгах) рассказывает о назначениях на 214 г. до н. э. Поэтому у него получается, что летом-осенью 215 г. до н. э. Отацилия отправили командовать флотом как *privatus cum imperio*, а к концу года он вновь оказывается в Риме, участвует в консульских выборах и избирается претором на 214 г. до н. э. для руководства тем же флотом на Сицилии. На самом деле, видимо, последовательность событий была иной. Во время претуры и при её продлении на Сицилии в 216–215 гг. до н. э. Отацилий уже командовал флотом, оставленным

ему консулом Гнеем Сервилием (Liv. XXII. 31. 1–6; 37. 13; 56. 6–8; XXIII. 21. 1–5). В 215-м он сложил полномочия на Сицилии и вернулся в Рим для участия в консульских выборах на 214 г. до н. э. Согласно Ливию (XXIV. 7. 12), первая центурия уже подала голос за него, но тут вмешался диктатор Кв. Фабий Максим, раскритиковавший Отацилия (мужа своей племянницы) как недостаточно инициативного руководителя флота (XXIV. 8. 11–16). Консулами были избраны сам Фабий и Клавдий Марцелл, а Отацилий во второй раз получил претуру на 214 г. до н. э. (Liv. XXIV. 9. 4; 10. 5). Как сообщает Ливий (XXIII. 41. 8–9), в роли претора Отацилий и командовал флотом, который стал его провинцией; только происходило это не в 215, а в 214 г. до н. э. Так что в конце 215 г. до н. э. он был послан командовать флотом *cum imperio* не как частное лицо, а как претор.

В том же 215 г. до н. э. ввиду болезни претора Квинта Муция Сцевола, получившего в управление Сардинию, сенат предписал городскому претору Квинту Фульвию Флакку набрать легион и переправить его на остров, до выздоровления Муция, поставив во главе по своему выбору человека, облечённого империем (Liv. XXIII. 34. 14: *mitteretque cum imperio quem ipsi videretur*). Выбор пал на Тита Манлия Торквата, консула 235 и 224 г. до н. э., покорившего в своё время Сардинию (Liv. XXXIV. 13–15). По решению сената Манлий теперь направлялся туда вместо претора (*pro praetore*) Муция. Роль Фульвия Флакка состояла в том, что он набрал легионы и нашёл подходящего командира. Нет никаких сведений, что он проводил постановление центуриатных комиций о выборах Манлия Торквата и куриатный закон, наделявший его империем. Т. Моммзен поэтому считал, что Манлий действовал по поручению и под ауспигиями Фульвия. Однако В. Кункель обратил внимание на то, что по возвращении из провинции Манлий отчитывался не перед Фульвием, а перед сенатом (см.: Kunkel 1995, 19, Anm. 48; ср.: Brennan 2000, 642). Ливий называет Манлия Торквата претором, который принял на себя заботу о провинции претора Квинта Муция и управлял ею (XXIII. 40. 1). Поскольку полномочия по управлению Сардинией были продлены Муцию на следующий год *pro praetore* (Liv. XXIV. 10. 4; ср.: XXIII. 41. 7), ситуация выглядит так, что он продолжал оставаться в должности во время болезни. В таком случае, казалось бы, закономерен вывод, что Манлий Торкват был послан на Сардинию как частное лицо, облечённое империем, чтобы временно заменить больного претора (Jashemski 1950, 54). Однако поименование Манлия претором и его отчёт перед сенатом указывают на другое. Муций Сцевола был десигнирован как претор и потому являлся законным претором, даже не отправляя должности: это давало ему право на пропреторство. Но поскольку из-за болезни он

не мог управлять Сардинией, Манлий Торкват был выбран новым претором на 215 г. и в конце года сложил полномочия, уступив провинцию Муцию, принявшему её в качестве пропретора. То, что сведения о претуре Манлия Торквата на Сардинии сохранились не полностью, не делает его *privatus cum imperio*.

В 208 г. до н. э. для доставки заложников из Арреция отправили облечённого империем Гая Теренция Варрона (Liv. XXVII. 24.1–9); он был консулом 216 г. до н. э., проконсулом в 215–213 гг. (XXIII. 32. 19; XXIV. 10. 3; 44. 5). Однако у нас нет данных, продолжал ли Варрон оставаться облечённым империем промагистратом в 212–209 гг. до н. э., поэтому кажется, что его, ставшего уже *homo privatus*, заново наделили империем в 208 г. до н. э. (Jashemski 1950, 26; Brennan 2000, 644). Но для сохранения им консульского империя было достаточно, чтобы он не пересекал римского померия в 212–209 гг. до н. э., и это вполне представимо в силу того, что поражение при Каннах сделало Варрона символом несчастья — такого человека лучше было держать за пределами Города. В 207 г. до н. э. его командировали в Этрурию в качестве пропретора на смену пропретору Гаю Гостилию Тубулу (претор 209 г.), чтобы тот смог отправиться командовать войском в Тарент (Liv. XXVII. 35. 2). Оказавшись в Арреции, Варрон в донесении сенату представил положение в Этрурии крайне опасным и получил приказ взять город под свой контроль, а Гай Гостилий, с которым Гай Теренций поделил легионы, поддерживал порядок в остальной части Этрурии. В 206 г. до н. э. Варрон, названный в источнике пропретором (Liv. XXVIII. 10. 11), передал проконсулу Марку Ливию два легиона из рабов-добровольцев.

В 205 г. до н. э. пропретора Квинта Клавдия Фламена сменил в Таренте Тит Квинкций Фламинин, который до этого не занимал какой-либо магистратуры и имел в активе лишь службу в качестве военного трибуна в армии Марцелла около 208 г.²⁵ Фламинин получил командование в Таренте с пропреторской властью²⁶. В этой роли Фламинин рассматривается в числе *privatus cum imperio* (Jashemski 1950, 35; Brennan 2000, 190,

²⁵ Фламинин получил консулат на 198 г. до н. э., не достигнув 30 лет (см.: Liv. XXXII. 7. 9–12; Plut. *Flam.* 2. 1–2). О квестуре Фламинина и её датировке см.: Badian 1971, 105–107; Beck 2005, 371–375.

²⁶ Liv. XXIX. 13. 6: *T. Quinctius Tarentum, C. Hostilius Tubulus Capuam pro praetoribus, sicut priore anno, cum vetere uterque praesidio obtinerent* («как и в предыдущем году, в качестве пропреторов Тит Квинкций и Гай Гостилий Тубул получили Тарент и Капую соответственно со старыми гарнизонами»). Plut. *Flam.* 1. 4: *Τίτος δὲ τῆς περὶ Τάραντα χώρας καὶ Τάραντος αὐτοῦ τὸ δεύτερον ἠλωκότος ἑπαρχος ἀποδειχθεὶς εὐδοκίμησεν οὐχ ἥττον ἐπὶ τοῖς δικαίοις ἢ κατὰ τὴν στρατείαν* («Тит был назначен правителем вновь отбитого у врага Тарента и его окрестностей и прославился своим правосудием не меньше, чем военными подвигами»).

194; Beck 2005, 371). Однако был ли у него империй? Пост Фламинина, возможно, принадлежал к числу *praefecti praesidii*, а последние не являлись носителями империя²⁷. Следует иметь в виду, что должности пропретора в это время ещё не существовало, а понятие *pro praetore* вне юридического контекста о пророгации означало, скорее, «вместо претора», т. е. обозначало начальствующее лицо без указания на империй.

В 205 г. до н. э. П. Семпрония Тудитана *pro consule* с двумя легионами и флотом послали на помощь союзным этолийцам в Диррахий, но они в это время уже заключили мир с Филиппом Македонским. Семпронию удалось принудить Филиппа к перезаключению нового мира с римлянами (Liv. XXIX. 12. 2–16; Zonar. IX. 11; App. *Mac.* 3). Находясь в провинции, он заочно был избран консулом и по возвращении в Рим вступил в должность на 204 г. до н. э. (Liv. XXIX. 11. 10–12; 12. 2–16). Семпроний занимал претуру в 213 г., после чего ему дважды продлевали империй (XXIV. 43. 6; 44. 3; 47. 14; XXV. 3. 5; XXVI. 1. 5). В 209 г. до н. э. он был избран цензором, не побывав ещё в консульской должности (XXVII. 11. 6–16; 36. 6–8). В 205 г. до н. э. в роли *pro consule* Тудитан выглядит частным лицом, получившим проконсульский империй для войны в Эпире (Jashemski 1950, 32–33, 108–109). Однако мы не знаем всех обстоятельств цензуры Семпрония. Он мог сохранять свой преторский империй, не вступая в Рим, если *lustrum* войска и *lectio* сената проводились за померием — на Марсовом поле и в храме Беллоны²⁸.

В 205 г. до н. э. городскому претору Гнею Сервилию поручили набрать в Городе два легиона и поставить над ними командира по своему усмотрению (Liv. XXVIII. 46. 13: *duas urbanas legiones imperio cui videretur dato ex urbe duci iuberet*). В Арреций эти легионы повёл Марк Валерий Левин, который после своего второго консульства в 210 г. до н. э. (XXVI. 22. 12) был проконсулом на Сицилии до конца 206 г. до н. э. (XXVIII. 10. 16)²⁹. По-видимому, он ещё сохранял консульский империй, вернувшись в Рим. В выражении *imperio cui videretur dato* термин *imperium* понимается Ливием в широком смысле «командование» (ср.: Brennan 2000, 643

²⁷ О *praefectus praesidii* в Таренте в 214–209 гг. до н. э. см.: Broughton 1951, I, 261, 270, 281, 288. Ср.: в Неаполе в 216 г. до н. э. (р. 251), Локрах в 215 (р. 257), Фуриях в 212 (р. 270–272), Энне на Сицилии в 213 (р. 265). Вероятно, те же полномочия были у Племиния, оставленного Сципионов в Локрах в 205 г. до н. э.

²⁸ Сообщение Варрона (*LL.* VI. 93) о том, что войско на комиции могли собирать цензор, консул, диктатор, интеррекс, позволяет некоторым исследователям предполагать, что в раннюю эпоху цензоры тоже обладали империем (см.: Magdelain 1968, 490). Вряд ли, однако, соседство с консулом и диктатором в данном контексте уравнивает с ними интеррекса и цензора и в отношении империя.

²⁹ В. Яшемская полагает, что до 207 г. до н. э., и потому считает его частным лицом (Jashemski 1950, 27).

и 645–646). В 201 г. до н. э. по окончании Второй Пунической войны консулу Публию Элию было предписано сенатом послать подходящего человека с империем во главе флота в Македонию. Выбор опять пал на Марка Валерия, получившего пропреторские полномочия (Liv. XXXI. 3. 2–3; 5. 5). Поскольку о деятельности Валерия в 204–202 гг. до н. э. сведений нет, считается, что к моменту получения империя и флота он был частным лицом (Jashemski 1950, 27). Однако не менее вероятно, что Валерий продолжал сохранять всё тот же империй, полученный в 210 г. до н. э.

Под 187 г. до н. э. Ливий называет проконсулов Марка Фульвия и Гнея Манлия (консулы в 189 г.) «частными лицами» (XXXVIII. 42. 10: *si exercitus in his terris esse placeat, consules iis potius quam privatos praeesse oportere*). Однако это выражение в данном случае не более чем фигура речи. Консул Эмилий Лепид проводит здесь мысль о том, что консульской армией, действующей в Азии, должны командовать консулы — преемником Манья Ацилия (*cos.* 191) был Луций Сципион (*cos.* 190), его сменили Марк Фульвий и Гней Манлий (*cos.* 189), а их преемниками должны были стать Гай Ливий и Марк Валерий (*cos.* 188). Перед нами попытка упорядочить управление восточными провинциями в катонском духе — подчёркивается, что за два года своего проконсулата Марк Фульвий и Гней Манлий настолько оторвались от родины, что превратились в настоящих царей — один в Европе, другой в Азии, они словно заместили Филиппа V и Антиоха III. С этой точки зрения недавно сложившие полномочия консулы 188 г. до н. э. Гай Ливий и Марк Валерий, получив в управление их провинции, в большей степени выглядели бы как римские магистраты. Несущественная в общем-то обмолвка Ливия, назвавшего законных проконсулов *privati*, не кажется случайной. Представляется, что он осознанно стремился представить все спорные случаи приобретения империя в качестве наделения им частных лиц (*privati*).

На самом деле в III–II вв. до н. э. в роли *privati cum imperio*, по-видимому, оказывались не частные лица, получившие империй для решения какой-либо задачи, а бывшие магистраты, сложившие полномочия, но не утратившие империя. До середины III в. до н. э. римляне ежегодно имели трёх ординарных носителей империя — двух консулов и претора. В 246–244 гг. до н. э. появилась магистратура *praetor peregrinus* (Liv. *Per.* 19; Lyd. *De mag.* I. 38 et 45; Dig. I. 2. 3. 28; ср.: Brennan 2000, 85–89). Затем в 227 г. до н. э. были учреждены претуры для Сицилии и Сардинии, а в 197 г. — для Ближней и Дальней Испаний. Должность пропретора (*propraetor* вместо прежней пролонгации *pro praetore*) появляется только с 146 г. до н. э., когда были образованы провинции Македония и Ахайя, но для управления ими не создавалось новых должностей преторов, как

прежде для Сицилии, Сардинии и обеих Испаний. Таким образом, с середины III до середины II в. до н. э. ежегодное число ординарных носителей империя выросло до восьми. В дополнение к ним носителями империя являлись бывшие магистраты разных лет, либо получившие продление своих полномочий *pro consule* и *pro praetore*, либо просто не успевшие сложить империй. Отказ от учреждения новых претур в 146 г. до н. э. показывает в противовес распространённому мнению, что число носителей империя вполне обеспечивало и, возможно, даже превышало потребности республики. В течение всего двух поколений с 246 по 197 г. до н. э., на которые приходилась и Вторая Пуническая война, число преторов увеличилось в шесть раз (Веck 2011, 84–85). Это показывает, что потребность в магистратах с военным империем римляне свободно удовлетворяли конституционным путём.

Испанское командование в 218–197 гг. до н. э.

Среди данных источников о *privati cum imperio* особое место занимает серия назначений проконсулами Испании, начало которой было положено братьями Гнеем и Публием Сципионами. По версии Полибия, которой следовал и Ливий, в 218 г. до н. э. Гней служил легатом своего брата Публия, занимавшего должность консула и назначенного для войны с Карфагеном в Испании. Братья Сципионы вместе прибыли в Массилию и узнали о переходе Ганнибала через Пиренеи. Публий не сумел воспрепятствовать переправе Ганнибала через Родан и поэтому решил вернуться и защищать Цизальпийскую Галлию, а Гнея направил в Испанию во главе двух легионов (Polyb. III. 49; 56; Liv. XXI. 32. 1–4; Zonar. VIII. 23). Чуть дальше по тексту Ливий устами Публия определяет Гнея как своего легата, действовавшего, однако, по поручению сената и комиций: «Это войско было набрано для провинции Испании; под началом моего брата Гнея Сципиона и под моими ауспигиями; оно воюет там, где ему велели воевать римский сенат и народ»³⁰. Гней Сципион привёл римскую армию в Испанию и руководил ею в 218 г. до н. э., но его собственный статус остаётся загадкой. Как отмечает А. М. Экстайн, передача консулом войск под командование брату сама по себе ещё не подразумевала, что последний становился носителем империя (см.: Eckstein 1986, 189–190). Другие исследователи считают, что полномочия Гнея как командующего основывались на империи, каким-то

³⁰ Liv. XXI. 40. 3: *nunc quia ille exercitus, Hispaniae provinciae scriptus, ibi cum fratre Cn. Scipione meis auspiciis rem gerit ubi eum gerere senatus populusque Romanus voluit*; ср.: App. Hann. 5. 18; Iber. 14. 55.

образом делегированном братом, под чьими ауспигиями он служил (Mommsen 1877, II, 652; Sumner 1970, 85; Develin 1980, 356–357; Richardson 1986, 35; Feig Vishnia 1996, 64–65; Vervaeet, *Ñaco del Hoyo* 2007, 22, n. 2). Остаётся неясным, был империй Гнея самостоятельным или делегированным, *pro consule* или *pro praetore*. Если в Испанию армию послали по решению сената, то Гней являлся скорее легатом сената, нежели консула. Как бывший консул 222 г. до н. э. он теоретически мог сохранять империй *pro consule*. Если за него голосовал народ, это указывает либо на продление его империя (трибами), либо на избрание его магистратом (центуриями). Некоторые исследователи предполагают, что Гней имел независимый империй как *privatus* уже в 218/217 г. до н. э. (Jashemski 1950, 6–7; Roddaz 1998, 343–344).

После окончания своего консулата Публий отправился в Испанию с проконсульскими полномочиями (Polyb. III. 97. 2; Liv. XXII. 22. 1; App. *Iber.* 15. 57). Проконсульский империй затем продлевался обоим братьям Сципионам вплоть до их гибели в 211 г. до н. э. (Liv. XXII. 22. 3; XXIII. 26. 2; 48. 4; XXIV. 10. 3; 41. 4; 48. 1; XXV. 3. 6; 36. 14). Гней отправлял консульскую магистратуру в 222 г. до н. э., так что к моменту его легатства при брате-консуле его считают частным лицом (Jashemski 1950, 23). Если Гней был легатом в 218 г. до н. э., логично полагать, что он оставался в этой роли при брате и в последующие годы. Для покорения Испании Публию Сципиону продлевался его консульский империй, а Гней командовал частью его войск *pro consule* по поручению брата (Feig Vishnia 1996, 65). Если строго следовать этой версии, то носителем империя должен считаться Публий Сципион.

Согласно другой точке зрения Гней имел империй *pro consule* уже в 218 г. до н. э., командуя консульской армией в Испании (Jashemski 1950, 22–23; Broughton 1951, I, 245, 247, n. 10, 250, 260; Sumner 1970, 86, 88; Roddaz 1998, 343–344). Источники показывают, что он скорее поделил власть с Публием, нежели утратил империй после приезда брата в 217 г. до н. э. (Liv. XXII. 22. 3: *communi animo consilioque gerebant bellum*): в 216 г. до н. э. Гней возглавил сухопутные силы, а Публий — флот (XXIII. 26. 2). Ливий обоих называет «императорами» (XXV. 32. 1; 35. 4; 37. 9; XXVI. 2. 5; XXVII. 4. 6). Иначе говоря, ситуация выглядит так, будто сенат определил два империя для одной провинции (Richardson 1986, 55–57). Современные исследователи склоняются к тому, что Гней получил самостоятельное командование по решению народа с 217 г. до н. э. в качестве пропретора (Brennan 2000, 155) или проконсула (Jashemski 1950, 22–24; Sumner 1970, 85–86; Kloft 1977, 16; Develin 1980, 356; Beck 2005, 337). К. Бреннан предположил, что Гней обрёл империй на основе специального куриатного закона в 217 г. до н. э. (Brennan 2000, 155).

Но ауспиции и империй можно было получить только находясь в Риме (Liv. XXI. 63. 1–11; XLI. 10. 1–13).

Гораздо меньше сомнений в случае с назначением сына Публия и племянника Гнея, будущего победителя Ганнибала, проконсулом Испании (см.: Ehrenberg 1953, 125; Richardson 1986, 45). Это назначение П. Корнелия Сципиона считается первым предоставлением империя частному лицу, не успевшему побывать ни претором, ни консулом (Mommsen 1876, I, 73; Versnel 1970, 343–344; Develin 1977, 111–112; 1978, 433; 1980, 359–360; Zecchini 2002, 89; Beck 2005, 342; Drogula 2007, 434, n. 113; Pelikan Pittenger 2008, 56–58; Сморгчов 2003, 24–39). К моменту отправки в Испанию Сципион имел в активе лишь курульный эдилитет в 212 г. до н. э. (Liv. XXV. 2. 6–7; XXVI. 18; 19. 1–2; XXVIII. 38. 1–5). Естественно, что такое необычное назначение порождает много вопросов. Ведь при наличии сведений об империи и ауспициях Сципиона (Liv. XXVI. 18. 9; 19. 1; 41. 18; XXVIII. 27. 4; 32. 7; 38. 1; 43. 11) нет никаких данных о проведении им куриатного закона, зато говорится о его избрании проконсулом в народном собрании. Назначение проконсулом *iussu populi* стало практиковаться между 146 и 81 г. до н. э., когда проконсулат стал самостоятельной магистратурой по отношению к консулату. Однако назначить частное лицо проконсулом было невозможно, ибо оно не имело ни ауспиций, ни империя. В ситуации гражданских конфликтов последних десятилетий Республики это, видимо, делалось, но такие «промагистраты» не были законными, как следует из сетований Цицерона (*De div.* II. 36. 76; *Deor. nat.* II. 3. 9) и Цезаря (*BC.* I. 6. 5–6). Поэтому прежде чем делать выводы на основе столь необычной ситуации, следует выяснить, насколько сообщаемые Ливием сведения об избрании Сципиона соответствуют действительности. Попытку такого рода недавно предпринял В. Блэзель, и мы последуем за ним (см.: Blösel 2008, 326–347).

Нет сомнения, что образ Сципиона был героизирован в римской историографии. Античные авторы вообще очень любили приписывать великим людям необычные способности и поступки уже в раннем возрасте. Для римлян поздней Республики, когда по *lex Villia annalis* 180 г. до н. э. консулат получали после 40 лет, облечение проконсульским империем Сципиона в 24 (или 27) года выглядело удивительным (Rögler 1962, 76–123; Develin 1979, 81–95; Evans, Kleijwegt 1992, 181–195). Однако Тацит сообщает, что в древности возрастных ограничений на занятие высших должностей не существовало (*Ann.* XI. 22. 3: *ac ne aetas quidem distinguebatur quin prima iuventa consulatum et dictaturas inirent*). И это подтверждает сенатусконсулт 199 г. до н. э. по поводу избрания консулом Т. Квинкция Фламинина, не достигшего ещё 30 лет (Liv. XXXII. 7. 9–12; Plut. *Fam.* 2.2).

Ничем не проявивший себя до 210 г. до н. э. Сципион, по всей видимости, был отправлен в Испанию из уважения к заслугам его отца и дяди, заложивших основы римских провинций на отвоёванных у Карфагена территориях³¹. После гибели братьев Сципионов командование римскими войсками в Испании перешло к Тиберию Фонтею, легату Публия Сципиона, и Луцию Марцию, римскому всаднику при Гнее Сципионе, которого Валерий Максим называет военным трибуном (II. 7. 15; ср.: Cic. *Balb.* 34: *primi pili centurio*). Хотя статус Марция не совсем ясен, а Фонтей был легатом, общее командование, по-видимому, осуществлял Марций, которого избрали предводителем (*dux pro praetore*) солдаты за его выдающиеся подвиги (Liv. XXV. 36–39; Plin. *NH.* II. 241). Ливий сообщает, что именно он написал сенату отчёт о положении в провинции, который подписал «пропретор сенату» (*propraetor senatui*) (XXVI. 2. 1). Согласно Ливию (XXVI. 2. 2) и Валерию Максиму (II. 7. 15), это вызвало замешательство в сенате, ведь Марций ни выбирался на должность в комициях, ни получал власть постановлением сената. Но так ситуация виделась, скорее, самому Ливию или служившему ему источником Валерию Антиату, которые пользовались термином «пропретор», не учитывая, что в описываемые времена пропреторской должности ещё не существовало, а в провинции посылали *pro praetore*³². В 211 г. до н. э. подпись *pro praetore* означала, видимо, не более чем «вместо претора» (т. е. за командира). Более полугода Марций командовал испанской армией при участии Фонтея, фактически не имея империя, который можно было получить только в Риме и только будучи магистратом³³. Затем в Испанию был послан Гай Клавдий Нерон, бывший претором в 212 г. до н. э. и в ранге пропретора отличившийся при осаде Капуи³⁴.

³¹ О Сципионах см.: Liv. XXI. 17; 32. 3–4; 60–61; XXII. 19–22; XXIII. 26–29; 48. 4–49; XXIV. 41–42; 48–49; XXV. 32–36.

³² См.: Giovannini 1983, 56–72. Использование термина *propraetor*, появившегося не ранее второй половины II в. до н. э., указывает на поздний анналистический источник этой истории (см.: Richardson 1986, 44, п. 60).

³³ Луций Марций получил власть по решению солдатского собрания (Liv. XXV. 37. 5: *comitibus militibus*), но сенат отказался признать его полномочия (Liv. XXVI. 2. 1–2). В речи за Лигария Цицерон подчёркивает, что не мог быть действительным империй Публия Атия Вара, предоставленный частному лицу собранием людей, а не официальным постановлением комиций (Cic. *pro Lig.* 3: *cupiditate adripuit imperium, si illud imperium esse potuit, quod ad privatum clamore multitudinis imperitae, nullo publico consilio deferebatur*). В 217 г. до н. э. консул Гай Фламиний был обвинён сенаторами в том, что задумал вступить в должность не в Риме, а в Армии, где стояли его войска. Поэтому высказывалось мнение, что консульский империй Фламиния недействителен, поскольку получать его надлежало в Риме, чего не произошло (Liv. XXI. 63. 1–11).

³⁴ О претуре Клавдия (одновременной с эдилитетом Сципиона) — Liv. XXV. 2. 5; о его деятельности в Испании — Liv. XXVI. 17. 1–16. Аппиан (*Iber.* 17. 65) сообщает,

Ливий (XXVI. 17. 1) пишет, что Клавдия отправили в Испанию после взятия Капуи, т. е. летом 211 г. до н. э. В Испании он столкнулся с Гасдрубалом Баркидом и, если верить Ливию, поймал его в западню, но тот хитростью сумел ускользнуть от него. О дальнейших его действиях в тех краях Ливий не сообщает, и через несколько месяцев пребывания Клавдия в Испании в конце 211 г. до н. э. по неизвестной причине был поднят вопрос о посылке в Испанию нового командующего.

Согласно Ливию, ввиду отсутствия подходящих фигур было решено дать комициям самим выбрать проконсула³⁵. Поскольку никто не решался принять империй для ведения действий в Испании, молодой Сципион предложил свою кандидатуру и был единогласно избран центуриями³⁶. Многие, однако, полагают, что вопрос об избрании Сципиона рассматривался трибами, а не центуриями³⁷. Основанием для этого служит замечание Ливия (XXVI. 2. 5), что после получения письма Марция сенат предложил трибунам обсудить вопрос, кого послать командующим в Испанию. Однако это место у Ливия относится не к Сципиону, а к его предшественнику Клавдию Нерону, который сохранял свою претуру продлённой и нуждался не в избрании, а в утверждении своей кандидатуры для посылки в Испанию. Трибы не предоставляли империй даже с правильно проведённым *lex curiata*, как пишет К. Бреннан (Brennan 2000, 645), а лишь утверждали по предложению сената, переданному через трибунов, продление должности или отправку в провинцию того или иного кандидата, уже имевшего империй. Поэтому выборы Сципиона происходили в центуриатных комициях, как и указывает Ливий. Это был обычный порядок в эпоху средней Республики, а не экстраординарный перенос голосования из триб в центурии, как полагает Ф. Верваат (Vervaet 2012, 46–50). При этом, как отмечает С. Стэйвли, успех людей, которые не выставляли своих кандидатур на выборы заранее, мог иметь место только потому, что председательствовавший магистрат пользовался своим правом называть соответствующее лицо непосредственно перед голосованием (Staveley 1972, 146). Видимо, кандидатура молодого

что после гибели братьев Сципионов в Испанию были посланы Марцелл с Клавдием, которые не совершили там ничего выдающегося. По-видимому, Аппиан спутал Марция, которому на помощь был послан Клавдий, с Марцеллом. Ср.: Front. *Strat.* I. 5. 19; Zonar. IX. 7.

³⁵ Liv. XXVI. 17. 4: *postremum eo decursum est ut proconsuli creando in Hispaniam comitia haberentur.*

³⁶ Liv. XXVI. 17. 6: *nemo audeat in Hispaniam imperium accipere; [...]* 9: *iussi deinde inire suffragium ad unum omnes non centuriae modo, sed etiam homines P. Scipioni imperium esse in Hispania iusserunt.* Ср.: Liv. XXVI. 19. 10.

³⁷ См.: Mommsen 1877, II, 652, 659, Anm. 4; Brennan 2000, 155–156; подробнее с указанием литературы см.: Blösel 2008, 328.

Сципиона была предложена всё же не им самим, как то изображала закрепившаяся в античной литературе легенда, а одним из консулов, проводившим выборы (Vervaet, *Ñaco del Hoyo* 2007, 24, п. 5).

В то же время вместе со Сципионом в Испанию был отправлен в ранге пропретора более опытный Марк Юний Силан. Полибий называет Силана *συνάρχων* (X. 6. 7), а у Ливия Сципион замечает, что Силан послан в Испанию с равной ему властью (XXVIII. 28. 14: *M. Silanus eodem iure eodem imperio tecum in provinciam missus*)³⁸. Силан занимал должность претора в 212 г. до н. э. одновременно с Гаем Клавдием Нероном, а затем его полномочия в Этрурии были продлены на 211 г. (Liv. XXVI. 1. 5). В Испанию, таким образом, он отправился с полномочиями *pro praetore* (Brennan 2000, 157–159). Ливий (XXVI. 20. 4) замечает, что Клавдий передал командование Силану, тогда как Сципион присоединился к не имевшему империя Луцию Марцию. Поэтому можно подумать, что в паре Силан — Сципион первоначально главная роль принадлежала старшему и более опытному Марку Юнию, а Сципион лишь подкреплял его авторитет своим родством со знаменитыми героями (о настроениях в сенате против избрания Сципиона см.: Vervaet 2012, 48–49, п. 6)³⁹.

Однако нельзя обойти вниманием утверждение Полибия (X. 6. 7; XI. 20. 3; 23. 1) и Ливия (XXVI. 19. 10–11) о главенстве Сципиона (ср.: Zecchini 2002, 91). За ним стоял клан, в своё время пославший его отца и дядю в Испанию и, без сомнения, имевший немалые выгоды от этого. Гибель обоих Сципионов была большой потерей не только для Римского государства, но и для их сородичей, клиентов, друзей. В рассматриваемый период Корнелии были широко представлены на ключевых постах Республики⁴⁰. Ведущее положение среди них Корнелиев Сци-

³⁸ По мнению В. Яшемской, в статусе *pro praetore* Силан мог получить проконсульский, как и Сципион, империй для командования в Испании (Jashemski 1950, 25–26). Механизм его получения обсуждает ныне Ф. Верваат (Vervaet 2012, 50–53). По мнению же Р. Девлина, *eodem iure eodem imperio* указывает лишь на наличие у обоих империя (Develin 1980, 359).

³⁹ Вполне вероятно, что соотношение полномочий Силана и Сципиона было переосмыслено в пользу последнего авторами поздней Республики. Подробнее см.: Blösel 2008, 344–346.

⁴⁰ 222 г. до н. э. — Гн. Корнелий Сципион Кальв (консул); 221 г. — П. Корнелий Сципион Азина (консул); 218 г. — П. Корнелий Сципион (консул); 212 г. — П. Корнелий Сципион, впоследствии Африканский (курульный эдил); 209 г. — Л. Корнелий Лентул Каудин (курульный эдил); 205 г. — П. Корнелий Сципион, впоследствии Африканский (консул), Гн. и Л. Корнелии Лентулы (курульные эдилы); 204 г. — М. Корнелий Цетег (консул); 203 г. — П. Корнелий Лентул Каудин (претор); 201 г. — Гн. Корнелий Лентул (консул); 199 г. — Л. Корнелий Лентул (консул), П. Корнелий Сципион Африканский (цензор), Г. Корнелий Цетег (курульный эдил); 198 г. — Л. Корнелий Мерула (претор); 197 г. — Г. Корнелий Цетег (консул), П. Корнелий

пионов укрепилось благодаря завоеваниям в Испании. Именно поэтому за Пиренеи и направили молодого Сципиона. Вероятно, дело было не в том, что у государства не нашлось более подходящего командира: его не нашлось у Корнелиев Сципионов. Действительная нехватка командиров в конце 212 — первой половине 211 г. до н. э. служила здесь только поводом, да и проблема эта была уже преодолена после взятия Капуи. Молодой Публий ещё не успел проявить себя в качестве полководца, так что никто не знал о его дарованиях. Скорее, его отправляли для присмотра за «испанским наследством», оставшимся от отца и дяди в 218–211 гг. до н. э. П. и Гн. Сципионы, действовавшие по образцу Баркидов, заключили ряд частных союзов с местными династами и приобрели клиентелу среди испанского населения (Roddaz 1998, 349–356, ср.: Haywood 1933, 48). Эти союзные Риму иберийцы могли признать в качестве нового патрона только прямого наследника погибших братьев. Успешная испанская кампания сделала из молодого Сципиона настоящего вождя своего клана. В 206–205 гг. до н. э. слухи о смерти Сципиона Африканского вызвали отпадение его клиентов от Рима. Как показывают последующие события, представители той или иной ветви Корнелиев продолжали руководить покорением Испании и после возвращения Сципиона — Луций Корнелий Лентул в 205–201 гг., Гай Корнелий Цетег в 200 г., Гней Корнелий Блазион в 199–196 гг. (ср.: Sumner 1970, 92). Так что, по всей видимости, центуриатные комиции отнюдь не случайно проголосовали за смелого юношу.

В этом контексте обращает на себя внимание чрезвычайно короткий срок пребывания Гая Клавдия в Испании⁴¹. Некоторые считают причиной отзыва тот факт, что он упустил Гасдрубала из западни (Vervaeke, *Nasci del Nouo* 2007, 24; Vervaeke 2012, 48). Однако сходное событие с худшими последствиями имело место в 218 г. до н. э., когда Гасдрубал переправился через Ибер и у Тарракона внезапно атаковал римскую морскую пехоту,

Сципион Назика (курульный эдил); 195 г. — Л. Корнелий Сципион (курульный эдил); 194 г. — П. Корнелий Сципион Африканский (консул), Г. Корнелий Цетег (цензор), П. Корнелий Сципион Назика (претор), Гн. Корнелий Меренда (претор), Гн. Корнелий Блазион (претор); 193 г. — Л. Корнелий Мерула (консул), Л. Корнелий Сципион (претор); 191 г. — П. Корнелий Сципион Назика (консул), А. Корнелий Маммула (претор); 190 г. — Л. Корнелий Сципион (консул). О клановых группировках в Риме 218–201 гг. до н. э. см.: Scullard 1973, 39–78.

⁴¹ Исследователи предлагают самые разные объяснения возвращения Клавдия — проявив себя в позиционной войне в Кампании, он оказался непригоден для Испании (Jashemski 1950, 28–29); или, наоборот, он требовался в Италии, так как был слишком хорош для Испании (Haywood 1933, 48); его посылали в Испанию временно, поскольку, уже будучи проконсулом, он не нуждался в избрании (Feig Vishnia 1996, 66–67).

перебив немало вражеских воинов. Гней Сципион с армией направился к Тарракону, но Гасдрубал успел ускользнуть за Ибер (Polyb. III. 76; Liv. XXI. 60–61). Тем не менее сенат никак не прореагировал на этот промах Сципиона. Клавдий же не потерпел поражения, и не в обычае римлян было отзываться полководца раньше окончания срока его командования⁴². Скоротечное возвращение из провинции никак не отразилось на его репутации. Клавдий, бледной тенью исчезнув из повествования Ливия об Испании, успешно продолжил карьеру в Риме: был выбран консулом на 207 г. до н. э. и одержал знаменитую победу в битве при Метавре (Polyb. XI. 1–2; Liv. XXVII. 34; XXVII. 43–51)⁴³. Это заставляет думать, что при описании рассматриваемых событий Ливий несколько сместил акценты. К тому же хронология событий 211 и 210 г. до н. э. у него несколько запутанна (Liv. XXVI. 20. 7)⁴⁴. Он пишет: «В конце того лета, когда взята была Капуя, а Сципион прибыл в Испанию»; однако после взятия Капуи в Испанию отправился Клавдий, а Сципион был послан туда позднее. Источник Ливия, возможно, объединил события двух разных лет, пытаясь элиминировать факт пребывания Клавдия в Испании⁴⁵. Высказывалось предположение, что причиной краткости пребывания Клавдия в Испании являются несообразности хронологии у Ливия, а фактически он пробыл там по крайней мере до осени 210 г. до н. э. (Richardson 1986, 44–46; Eckstein 1986, 209).

Вероятно, отправка Клавдия в Испанию не очень понравилась Корнелиям, но они нашли способ заменить достаточно опытного пропретора на малоизвестного Сципиона. Обратим внимание на то, что у Ливия не раз подчёркивается наличие у Сципиона собственного империя и ауспий (XXVI. 18. 9; 19. 1; 41. 18; XXVIII. 27. 4; 32. 7; 38. 1; 43. 11)⁴⁶. А согласно Цицерону, нельзя «без всяких комиций получить империй

⁴² Сомнения в историчности эпизода с Гасдрубалом см.: Eckstein 1986, 208–209, п. 81.

⁴³ Характеризуя Клавдия в качестве кандидата на консульских выборах на 207 г. до н. э., Ливий писал: «Сенаторы искали, кого выбрать в консулы: среди прочих особенно выделялся Гай Клавдий Нерон — ему и подыскивали сотоварища. Считалось, что он человек превосходный, но более пылок и скор, чем требуется в такое время и против такого врага, как Ганнибал: рядом с таким консулом должен стоять и его сдерживать разумный и осмотрительный человек» (XXVII. 34. 1–3. Пер. М. Е. Сергеенко).

⁴⁴ Ливий (XXVII.7. 5–6) сам упоминает о возможной хронологической ошибке в его источниках. О проблеме с хронологией у Ливия под 211–210 гг. до н. э. см.: Sumner 1970, 86; Richardson 1986, 39–41, 44–45; Brennan 2000, 313, n. 1.

⁴⁵ Возможно, Ливий «унаследовал» свои ошибки от Валерия Антиата, чьим трудом он пользовался (см.: Sumner 1970, 87).

⁴⁶ Об императорской аккламации Сципиона в 207 г. до н. э. см.: Beck 2005, 341–342.

или гражданскую власть» (*Leg. agr. II. 29: nullis comitiis imperium aut potestatem adsequi possit*). Следовательно, Ливий не случайно акцентирует внимание на том факте, что Сципион получил полномочия благодаря решению комиций. Упоминание Ливием центурий, избравших Сципиона, свидетельствует о том, что выборы происходили в обычных центуриатных комициях, выбиравших консулов и преторов. Причём Ливий — вероятно, цитируя свой источник — упоминает, что за Сципиона голосовали и центурии, и *homines* (XXVI. 18. 9: *iussi deinde inire suffragium ad unum omnes non centuriae modo, sed etiam homines P. Scipioni imperium esse in Hispania iusserunt*). Понятием *genera hominum* обозначались куриатные комиции (Lel. Felix ap Gell. XV. 27: *cum ex generibus hominum suffragium feratur, curiata comitia esse*). Иначе говоря, центуриатные комиции осуществили выбор Сципиона, а куриатные наделили его империем. Так что Сципион получил империй, являясь, скорее, не частным лицом, а избранным комициями на какую-то должность — Ливий называет её проконсульской, но логика сопутствующих обстоятельств позволяет предполагать, что, будучи эдилом в 212 г. до н. э., в следующем году Сципион мог претендовать только на преторскую магистратуру⁴⁷. Однако к числу четырёх обычных преторов 210 г. до н. э. Сципион не принадлежал — ими были: Публий Манлий Вольсон, Луций Манлий Ацидин, Гай Леторий и Луций Цинций Алимента (Liv. XXVI. 23. 1)⁴⁸. Это противоречие позволяет объяснить традиционный рассказ об экстраординарном избрании Сципиона, следуя которому учёные считают, что он (и все его преемники в Испании до 197 г. до н. э.) были обладателями специально дарованного империя (*imperium extra ordinem*) в качестве *privati* (Mommsen 1877, II, 652; Jashemski 1950, 30).

В связи с особым статусом Гнея Сципиона при брате-проконсуле исследователи выдвинули предположение, что после определения Испании в качестве провинции Публию Сципиону в 218 г. до н. э. для неё была учреждена и должность наместника⁴⁹. В то время римляне имели две провинции, управлявшиеся преторами, — Сицилию и Сардинию.

⁴⁷ Тот факт, что пропреторы в Испании назывались проконсулами, объясняют тем, что а) Испания была проконсульской провинцией с 218 г. до н. э., б) в Испании размещалось четыре легиона (Liv. XXVII. 36. 12), в) Валерий Антиат (источник Ливия) предпочитал использовать термин «проконсул» вместо пропретора, как было принято в 81–52 гг. до н. э. См.: Jashemski 1950, 29–30; Walsh 1961, 133.

⁴⁸ В 211 г. до н. э. преторами были Луций Корнелий Лентул, Марк Корнелий Цетег, Гай Сульпиций, Гай Кальпурний Пизон (Liv. XXV. 41. 12).

⁴⁹ Т. Моммзен предполагал, что уже в 218 г. до н. э. Гней Сципион, возможно, был отправлен в Испанию по решению комиций (Mommsen 1877, II, 652, Anm. 2), т. е. в определённой должности, поскольку позднее у Ливия о нём говорится как об «императоре» (XXV. 32. 1; XXVI. 2. 5).

Однако для Испании на первых порах возникла неопределённость со статусом её наместника. Она уже была объявлена проконсульской провинцией для Публия Сципиона. В 218 г. до н. э. там воевал его легат Гней Сципион. Когда Публий прибыл в свою провинцию в 217 г. до н. э., должность командующего занимал Гней. Он был старшим братом Публия и раньше него стал консулом (222), а посему вполне вероятно, что Гней фактически играл главную роль в управлении Испанией. Поэтому сенат предоставил проконсульский империй обоим братьям Сципионам: Публию продлили полномочия проконсула, а Гнея, по всей видимости, утвердили в качестве наместника Испании (ср.: Richardson 1986, 39–43). Дж. Ричардсон обратил внимание на тот факт, что две *provinciae* в Испании упомянуты Ливием (XXV. 3. 6) уже под 212 г. до н. э., Гней Сципион представлен у Ливия (XXV. 32. 1; XXVI. 2. 5; XXVII. 4. 6) как носитель империя наряду с братом, а роковое решение братьев разделить силы, возможно, имело отношение к изменению статуса Испании (Richardson 1986, 39–41). Поэтому он полагал, что в 218–212 гг. до н. э. Испания была единой провинцией, управлявшейся на основании проконсульского империя Публия Сципиона, а в 212–211 гг. до н. э. братьям предоставили равные полномочия (Richardson 1986, 55–56; ср.: Vervaet, Naco del Hoyo 2007, 23, n. 3).

Сципионы погибли в тот момент, когда римляне осаждали Капую. В течение полугода испанской армией командовали военачальники без империя. Как только Капуя капитулировала, в Испанию отправили Клавдия в ранге пропретора с империем. По мнению Г. Самнера, Клавдий был послан на место Публия Сципиона, тогда как войсками Гнея продолжал командовать Марций (Sumner 1970, 88). В конце 211 г. до н. э. состоялись выборы, на которых молодого Сципиона избрали первым претором Испании. Испания ещё была единой проконсульской провинцией, не поделённой на Ближнюю и Дальнюю до 197 г. до н. э. (Liv. XXXII. 27. 6; 28. 11; App. *Iber.* 38. 152)⁵⁰, посему направлявшийся туда претор получал полномочия *pro consule*. Это предположение позволяет объяснить практически все конституционные несообразности в вопросе о назначении Сципиона, возникающие в том случае, если считать его *privatus cum imperio*. Выдвинувшие его Корнелии не очень беспокоились по поводу того, что неопытный полководец может попасть в трудное положение. С одной стороны, предполагалось, что на деле командовать будет Луций Марций: ведь Сципион был выбран на место своего дяди

⁵⁰ Против гипотезы Г. Самнера о существовании двух провинций с 218/217 г. до н. э. (Sumner 1970, 85, 87–89, 92) см.: Develin 1980, 364–367; Brennan 2000, 154–181; Vervaet, Naco del Hoyo 2007, 29–30, n. 20.

Гнея, и ему предстояло принять войска у Марция. Младший Сципион направлялся в Испанию в ранге римского магистрата и носителя империя, чтобы обеспечить Корнелиям контроль за богатствами Испании. Получить полномочия можно было только в Риме, почему Марций и не имел их. С другой стороны, в качестве помощника юного Сципиона вместе с ним посылался более опытный (*propraetor adiutor ad res gerendas*) пропретор Марк Юний Силан (Liv. XXVI. 19. 10; Richardson 1986, 46; Eckstein 1986, 209, n. 82; Zecchini 2002, 91). Он занял место Клавдия Нерона (Liv. XXVI. 20. 4). Как представляется, должность претора вводилась для Сципиона именно с той целью, чтобы обеспечить его первенствующее положение в паре с пропретором Силаном.

Это предположение позволяет объяснить и отсутствие сведений о претуре у Корнелиев, которые наследовали командование в Испании после Публия Корнелия Сципиона — Луция Корнелия Лентула, Гая Корнелия Цетега и Гнея Корнелия Блазиона (Beck 2011, 84, n. 33). В источниках и литературе они и их коллеги в Испании 206—197 гг. до н. э. представлены *cum imperio*, но *sine magistratu* (Richardson 1986, 64—75). С нашей точки зрения, именно наместничество в Испании было преторской ступенью в магистратской карьере каждого из них.

В конце 206 г. до н. э. Публий Корнелий Сципион передал Испанию пропреторам Луцию Корнелию Лентулу и Луцию Манлию Ацидину (Liv. XXVIII. 38. 1; Zonar. IX. 11). В этой паре особое внимание обращает на себя Лентул, который, судя по тому, что после Испании получил консулат (в отличие от Манлия), играл в ней ведущую роль. В 213 г. до н. э. Корнелий Лентул стал децемвиром священнодействий (Liv. XXV. 2. 2), но о его последующей карьере ничего не известно. В источниках Лентула, возможно, путали с его двоюродным братом Луцием Корнелием Лентулом Каудином, который занимал должность курульного эдила, вероятно, в 209 г. до н. э. (Liv. XXVII. 21. 9; Sumner 1970, 89—90). Ливий называет его пропретором, но сведения о претуре Лентула отсутствуют.

Луций Манлий Ацидин был городским претором в 210 г. до н. э. (Liv. XXVI. 23. 1; XXVII. 4. 4); в 209 г. его направили в Грецию, чтобы призвать сицилийских изгнанников вернуться на родину (XXVII. 35. 4); в 207 г. во время битвы при Метавре Ацидин командовал присланными из Рима войсками, стоявшими в качестве заслона в Нарнии (XXVII. 43. 9; 50. 8). Нет сведений о том, как он получил это командование: предполагается, что в 209—208 гг. до н. э. Ацидин был частным лицом, однако он выполнял поручение сената в Греции, а потому должен рассматриваться, скорее, как легат с пропреторскими полномочиями. Тогда и в Испанию Манлий отправился в качестве *pro praetore*.

Испанию объявили проконсульской провинцией в 218 г. до н. э., когда она была назначена консулу Публию Корнелию Сципиону. С тех пор отправлявшиеся туда из Рима наместники получали проконсульские полномочия (см.: Vervaet, *Ñaco del Noyo* 2007, 24–29; Vervaet 2012, 53–58), хотя все они по прежде занимаемой должности могли иметь только преторский империй. Ф. Верваат полагает, что фигурирующее в источниках словосочетание *praetor pro consule* обозначало претора, обладавшего консульским империем, а после пророгации его полномочий он становился *pro praetore pro consule* (Vervaet 2012, 58–69). Дело, однако, в том, что тогда ещё не существовало разницы между консульским и преторским военным империем. Империй предполагал право вести войну от имени римского народа. Консулы и преторы различались своими магистратскими полномочиями. В 218–197 гг. до н. э. Испания была ареной завоевательной войны, а их ведение являлось прерогативой консулов, тогда как преторы использовали свой империй для охраны Рима и *ager Romanus*. Поэтому, отправляясь в Испанию, носители преторского империя получали полномочия *pro consule*. В отличие от избрания магистратом с империем, которое осуществлялось в центуриатных комициях, назначение уже имевшего империй претора (или с продлённым *pro praetore* империем) в провинцию проводилось трибами по решению сената, который распределял провинции.

В конце 206 г. до н. э. Лентул и Ацидин появляются в Испании с полномочиями проконсулов (как Сципион в 211 г.). Полномочия Лентула и Ацидина в Испании начинали действовать с 205 г. до н. э.⁵¹ В рассказе о распределении полномочий на 204 г. до н. э. Ливий пишет: «Народу предложено было решить, кому вручить Испанию и каких двух проконсулов туда послать. Все трибы назначили тех же проконсулов — Луция Корнелия Лентула и Луция Манлия Ацидина — в те же провинции, что и в прошлом году» (XXIX. 13. 7. Пер. М. Е. Сергеенко). На практике это означало, что трибам были предложены кандидатуры Лентула и Ацидина и комиции утвердили их. Фактически им продлили командование в Испании. Некоторые исследователи предполагают, что и империй прежде также даровали трибутные комиции, так что обладатели выглядят как *privati cum imperio* (Jashemski 1950, 31; Sumner 1970, 90; Feig Vishnia 1996, 66–68; Pelikan Pittenger 2008, 59). Однако данные о назначении Лентула и Ацидина отсутствуют (ср.: Brennan 2000, 159–160).

⁵¹ Ливий (XXIX. 11. 10–12), рассказывая о выборах на 204 г. до н. э., упоминает Луция Корнелия Лентула как курульного эдила, который к тому же заочно получил провинцию Испанию, находясь там. По мнению Г. Самнера, речь здесь идёт о его брате Публии (см.: Sumner 1970, 89–90; Brennan 2000, 160–161).

Лентул пробыл в Испании до 201, а Манлий до 199 г. до н. э. (Liv. XXX. 2. 7; 41. 4; XXXI. 20. 1; 50. 11; Jashemski 1950, 26–27). Лентул просил разрешения на триумф, и сенат, согласно Ливию (XXXI. 20. 3–6), ответил, что по делам своим он заслуживает триумфа, но триумф ещё ни разу не присуждался полководцу, не облечённому магистратскими полномочиями диктатора, консула или претора. Лентул же управлял Испанией не как консул или претор, а «вместо консула» (*pro consule illum Hispaniam provinciam, non consulem aut praetorem obtinuisse*). Поэтому Лентулу разрешили вступить в Город только с овацией. Плебейский трибун Тиберий Семпроний Лонг воспротивился было и этому решению, но сенат настоял на предоставлении Лентулу овации. Это объяснение Ливия основано на представлении, что Лентул действовал в Испании как *privatus cum imperio*. На самом же деле, возможно, он не получил триумфа потому, что военные действия в Испании ещё не закончились и его армия осталась там. Из Испании в Рим Лентул привёз 43 тысячи фунтов серебра и 2450 фунтов золота, а кроме того, роздал из добычи каждому воину по 120 ассов. На следующий 199 г. до н. э. Лентула избрали консулом (Liv. XXXI. 49. 12). Испанская (предполагаемая) претура и добыча, видимо, сыграли в этом свою роль.

В 200 г. до н. э. в Испании Корнелия Лентула сменил Гай Корнелий Цетег, который, находясь в этой провинции, был заочно избран в эдилы (Liv. XXXI. 50. 6). Согласно Ливию (XXX. 41. 4–5; XXXI. 49. 7), в Испании проконсул Цетег разбил в землях седетанов большое вражеское войско, в этом бою было убито 15 тысяч испанцев и взято 78 боевых знамён. Сообщение Ливия показывает, что Цетег мог претендовать на триумф, но, учитывая пример своего предшественника Лепида, этой почести не получившего, он пошёл другим путём, чтобы завоевать симпатии народа. Трибунные комиции постановили послать в Испанию двух мужей с империем, чтобы дать возможность Цетегу вернуться в Рим и вступить в должность эдила (а также чтобы сменить Луция Манлия Ацидина) (Liv. XXXII. 7. 14). В качестве эдила Цетег получал возможность произвести известные траты для поднятия своей популярности у народа — в частности, вместе с Гаем Валерием Флакком они с размахом провели Римские игры — и на 197 г. до н. э. он был избран консулом (Cic. *Brut.* 73; Liv. XXXII. 27. 5). После избрания Цетег устроил для народа раздачу вина (Plin. *NH.* XIX. 45. 156). О его претуре сведений нет, поэтому он и выглядит частным лицом, получившим проконсульские полномочия для управления Испанией. Однако тот факт, что его посылали в Испанию трибунные комиции (XXXI. 49. 7; 50. 10), указывает на наличие у него претуры (возможно, продлённой) или, по крайней мере, несложного империя.

В 199–198 гг. до н. э. Испанией управляли Гней Корнелий Блазион и Луций Стертиний, посланные туда *pro consulibus*⁵². По возвращении оттуда оба постарались произвести на народ благоприятное впечатление богатыми дарами. Блазион, управлявший Ближней Испанией до Гая Семпрония Тудитана, получил от сената овацию. «Перед ним несли 1515 фунтов золота, 20 000 фунтов серебра, чеканного серебра 34 540 денариев. Луций Стертиний из Дальней Испании, даже не прося о триумфе, внёс в казну 50 тысяч фунтов серебра и из добычи возвёл две арки на Бычьем форуме перед храмами Фортуны и Матери Матуты, а ещё одну — в Большом цирке; на арках он поставил золочёные статуи» (Liv. XXXIII. 27. 1–4. Пер. С. А. Иванова). О предшествующей карьере «проконсулов» ничего не известно, поэтому они выглядят как *privati*, получившие империй (Sumner 1970, 91; Brennan 2000, 162–163).

После Испании Корнелий Сципион получил консулат в 205 г. до н. э., Корнелий Лентул в 199, Корнелий Цетег в 197, а Корнелий Блазион был отправлен с дипломатической миссией на Восток и в 194 г. до н. э. получил в управление Сицилию. Возвращаясь из Испании, каждый из них претендовал на триумф, но ни один как будто не получил его. Ливий объясняет это тем, что в Испании они правили как *privati cum imperio* и потому триумф им был не положен. В речи по возвращении, излагаемой Ливием, Сципион замечает, что «за всё, им свершённое, он надеется получить триумф, но не домогается его, поскольку известно, что до сего дня ни один человек, не занимавший ещё должностей, триумфа не получал» (пер. М. Е. Сергеевко)⁵³. Однако такая позиция могла иметь и иное объяснение. Сципион явился в Рим к самым консульским выборам на 205 г. до н. э., и перед ним встала дилемма — либо почётное шествие, либо консулат⁵⁴. Подобно Цезарю в 60 г. до н. э., Сципион был вынужден пожертвовать триумфом ради консулата⁵⁵. Лентул и Блазион вместо триумфа получили овацию, но не из-за статуса *privati*, а потому

⁵² Liv. XXXI. 50. 11: *plebes Cn. Cornelio Lentulo et L. Stertino pro consulibus imperium esse in Hispania iussit*. Лентулом здесь ошибочно назван Гней Корнелий Блазион, о котором речь идёт далее (см.: Liv. XXXIII. 27. 1).

⁵³ Liv. XXVIII. 38. 4: *ob has res gestas magis temptata est triumphi spes quam petita pertinaciter, quia neminem ad eam diem triumphasse qui sine magistratu res gessisset constabat*. Val. Max. II. 8. 5; Dio Cass. Fr. 56, 57.

⁵⁴ Полибий (XI. 33. 8) сообщает, что Сципион оставил испанскую армию на попечение Силана и Марция, поскольку спешил на консульские выборы, и не стал дожидаться, когда Лентул и Анцидий, их с Силаном преемники, придут в провинцию (Liv. XXVIII. 38. 1).

⁵⁵ Существует и другая версия, согласно которой Сципион всё-таки справил триумф. См.: Polyb. XI. 33. 7; App. Iber. 38.156; историографию проблемы см.: Pelikan Pittenger 2008, 58, n. 17; ср.: Beck 2005, 343–344.

что война в Испании не закончилась и их армии оставались там, а триумф можно было получить только вернувшись с победоносным войском. Подобным образом Валерий Максим (II. 8. 5) утверждал, что Сципион не получил триумфа за Испанию, а Марк Марцелл — за взятие Сиракуз потому, что оба были наделены империем, будучи частными лицами. Однако Марцелл осаждал Сиракузы в ранге проконсула (см.: Liv. XXIV. 44. 4; XXV. 3. 6; 7. 4), а вместо триумфа он получил овацию по той причине, что взятием Сиракуз война на Сицилии не была закончена (XXVI. 21. 2—4; подробнее см.: Beck 2005, 315—317). В то же время коллеги Корнелиев — Марк Юний Силан и Луций Стертиний — даже не претендовали ни на триумф, ни на овацию, видимо, потому, что не они были главными носителями империя в Испании. Луций Манлий Ацидин (привезя 1200 фунтов серебра и 30 фунтов золота) обратился к сенату за разрешением вступить в Рим с овацией, но плебейский трибун Публий Порций Лека воспротивился этому, и Ацидин вошёл в город как частное лицо (Liv. XXXII. 7. 4).

В. Яшемская считала, что с 197 г. до н. э. практика назначения в провинции *privati cum imperio* уступила место назначению преторов, которым предоставлялся проконсульский империй (Jashemski 1950, 39, ср.: Mommsen 1887, II, 647; Rishardson 1986, 76). Ныне Ф. Верваат развивает идею, согласно которой практика наделения преторов консульским империем была распространена для провинций, где велись внешние войны, тогда как в относительно мирных провинциях претор довольствовался преторским империем (Vervae 2012, 73—79). Однако его идея, что постановление трибунных комиций или решение сената могли модернизировать преторский империй в консульский, не кажется продуктивной (Vervae 2012, 82). Порочен здесь сам подход, ибо ни сенат, ни трибы не могли предоставить империй, а назначали носителя империя (который у него мог быть *praetorium*, *pro praetore*, *consulare* или *pro consule*) в провинцию в зависимости от её статуса, *pro praetore* или *pro consule*.

Заключение

В исходном значении *privati cum imperio* — это те лица, чьи магистратские полномочия истекли и не были продлены, но по каким-то причинам они не сложили своего империя. Сенат мог использовать таких держателей империя для решения государственных задач и прежде всего для командования вооружёнными силами. В таком случае они получали продление своих полномочий *pro consule* или *pro praetore* либо новое назначение, скреплённое сенатским решением

и утверждённое трибутными комициями. Не будучи магистратами, такие носители империя выполняли поручения государства с соответствующими полномочиями и потому не могут считаться частными лицами.

Сама идея предоставления империя частному лицу была чужда римлянам. Критикуя действия помпеянцев в 49 г. до н. э., Цезарь старательно подчёркивал, что они завладели империем, будучи частными лицами (Caes. BC I. 6. 5; Ps.-Caes. *Hisp.* 42. 6). Опытный политик знал, на чём следует делать акцент, чтобы произвести нужное впечатление на аудиторию. Ливий, рассказывая о вторых децемвирах, узурпировавших власть в 449 г. до н. э., описывает их неудачную попытку собрать заседание сената (III. 38. 8–10). В период своего законного правления децемвиры обладали империем и всеми полномочиями высших магистратов, но как только срок их полномочий истёк, по закону они стали частными лицами, и сенаторы проигнорировали призыв глашатая явиться в курию. Ливий отмечает, что «плебеи истолковали неявку сенаторов тем, что частным лицам запрещено созывать сенат» (III. 38. 10: *quia privatis ius non esset vocandi senatum*).

Из некоторых пассажей Цицерона (*Pro Lig.* 3; *Phil.* XI. 16–18) следует, что римляне негативно воспринимали идею получения империя частным лицом. Искушённый в конституционных тонкостях Цицерон обращал внимание, что в древности войны всегда поручалось вести только облечённым империем магистратам (*Phil.* XI. 17). Перечисляя исключения из этого правила в одиннадцатой филиппике, он не называет Сципиона Африканского Старшего, отправленного в Испанию, согласно Ливию, частным лицом с империем⁵⁶. Вместо этого он ссылается на случай, имевший место в 131 г. до н. э., когда народ отказался поручить войну против Аристоники Сципиону Эмилиану, который в тот момент был частным лицом (*Phil.* XI. 18). В 66 г. до н. э., выступая в поддержку законопроекта Манилия, Цицерон восклицает: «Что может быть более необычным, чем предоставление империя и войска очень молодому человеку?» (*Manil.* 61), имея в виду Помпея, Цицерон ни разу не упомянул его сверстника Сципиона, по версии Ливия, тоже получившего империй *sine magistratu* в том же самом возрасте.

⁵⁶ По мнению В. Блёзеля, представление об избрании молодого Сципиона проконсулом Испании сложилось между 66 и 43 г. до н. э. Ливий мог заимствовать его из сочинения Валерия Антиата. Блёзель основывается на том, что в пятой филиппике, говоря о консулате молодого Октавиана, Цицерон (*Phil.* V. 48) упоминает в качестве его предшественников Тита Фламинина и Сципиона Старшего (см.: Blösel 2008, 346–347).

Согласно Полибию, Сципион принял участие в испанских кампаниях на 27-м году жизни (X. 6. 10). Он же рассказывает, что при Тицине в 218 г. до н. э. Сципион спас своего отца, будучи юношей «на семнадцатом году». Получается, что в 210 г. до н. э. Сципион отправился в Испанию в возрасте 24 лет (Polyb. X. 3. 4 и 9. 1; Liv. XXVI. 18. 7; App. *Iber.* 18.68). Иначе говоря, Полибий не даёт точного возраста Сципиона. О 17 годах он упоминает потому, что с этого времени римляне начинали служить в армии, т. е. таким образом он называет Сципиона «новобранцем». К 27 годам знатный юноша успевал принять участие в десяти военных кампаниях в качестве *eques* и мог начинать магистратскую карьеру⁵⁷. Другими словами, Полибий называл возраст Сципиона, исходя не из конкретных сведений, а из общих соображений о карьере представителей знати. В известной степени это подкрепляет наше предположение об ординарности назначения Сципиона в Испанию.

Анализ данных о *privati cum imperio* в годы войны с Ганнибалом показывает, что большинство носителей империя не были частными лицами, а некоторые случаи остаются сомнительными из-за недостатка сведений. Сципион, наиболее яркий пример *privatus cum imperio* в источниках, вовсе не был частным лицом. Мы предполагаем, что его избрали на должность претора, учреждённую для проконсульской провинции Испании уже в 210 г. до н. э. Согласно Аппиану (*Iber.* 38. 152), со времени побед Сципиона, «немного раньше 144-й олимпиады, у римлян установился обычай посылать ежегодно преторов для Иберии в захваченные под их власть области, с тем чтобы во время мира они были гармостами, или наместниками в ней». Аппиан считал Сципиона *privatus cum imperio*, поэтому он совмещал учреждение испанских преторов с его уходом из Испании в 206 г. до н. э. Но всё-таки это не 197 г., как у Ливия. Предлагаемая гипотеза порождает вопрос: почему сведения об этой претуре оказались утрачены, а предполагаемые преторы представлены у Ливия в качестве *privati cum imperio*? Как представляется, дело в том, что идеи, которыми руководствовался Ливий, соответствовали не реалиям Второй Пунической войны, а были продуктом эпохи кризиса Римской республики и принципата Августа, в условиях которых он жил. Поэтому чтобы верифицировать его сведения о *privati cum imperio*, необходимо исследовать скрывающиеся за этим выражением реалии поздней Республики. Но это уже задача другой статьи.

⁵⁷ Сципион получил эдилитет раньше времени, видимо, потому, что его брат показал себя не слишком способным исполнять должность, нужную их клану (см.: Nicolet 1980, 88–109).

Литература

- Сморчков А. М. Куриатный закон об империи и ауспиции магистратов // *Ius antiquum / Древнее право*. 2003. № 11. С. 24–39.
- Badian E. The Family and Early Career of T. Quinctius Flamininus // *JRS*. Vol. 61. 1971. P. 102–111.
- Bauman R. A. The Abdication of ‘Collatinus’ // *AC*. Vol. 9. 1966. P. 129–141.
- Bauman R. A. The Abrogation of Imperium: Same Cases and a Principle // *RhM*. 1968. Bd. 111. P. 37–50.
- Beck H. Karriere und Hierarchie: die römische Aristokratie und die Anfänge des cursus honorum in der mittleren Republik. B., 2005.
- Beck H. Consular Power and the Roman Constitution: The Case of Imperium Reconsidered // *Consuls and Res Publica: Holding High Office in the Roman Republic* / ed. by H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Polo. Cambridge, 2011. P. 77–96.
- Bleicken J. Zum Begriff der römischen Amtsgewahl. *Auspicium — potestas — imperium*. Göttingen, 1981.
- Blösel W. Die «Wahl» des P. Cornelius Scipio zum Prokonsul in Spanien im Jahre 210 v. Chr. // *Hermes*. 2008. Bd. 136. S. 325–347.
- Brennan T. C. The Praetorship in the Roman Republic. Oxford, 2000.
- Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. N. Y., 1951–1952. Vol. I–II.
- Carney T. F. The Promagistracy at Rome 121–81 BC // *AC*. Vol. 2. 1959. P. 72–77.
- Develin R. Prorogation of Imperium before the Hannibalic War // *Latomus*. T. 34. 1975. P. 716–722.
- Develin R. Scipio Africanus Imperator // *Latomus*. T. 36. 1977. P. 110–113.
- Develin R. Tradition and the Development of triumphal Regulations in Rome // *Klio*. 1978. Bd. 60. P. 429–438.
- Develin R. Patterns in Office-Holding, 336–49 BC (Collection Latomus 161). Brussels, 1979.
- Develin R. The Roman Command Structure and Spain, 218–190 BC // *Klio*. 1980. Bd. 62. P. 355–367.
- Drogula F. K. *Imperium, Potestas, and the Pomerium in the Roman Republic* // *Historia*. 2007. Bd. 56. P. 419–452.
- Eckstein A. M. Senate and General. Individual Decision Making and Roman Foreign Relations 264–194 BC. Berkeley; Los Angeles; London, 1986.
- Ehrenberg V. Imperium Maius in the Roman Republic // *AJPh*. Vol. 74. 1953. P. 113–136.
- Evans R. J., Kleijwegt M. Did the Romans Like Young Men? A Study of the *Lex Villia Annalis*: Causes and Effects // *ZPE*. 1992. Bd. 92. P. 181–195.
- Feig Vishnia R. State, Society, and Popular Leaders in Mid-Republican Rome, 241–167 BC. L.; N. Y., 1996.

- Giovannini A.* Consulare imperium. Basel, 1983.
- Girardet Kl. M.* Zur Diskussion um das imperium consulare militiae im 1. Jh. v. Chr. // *Cahiers du Centre G. Glotz*. 1992. T. III. P. 213–220 = *Girardet Kl. M.* Rom auf dem Weg von der Republik zum Prinzipat. Bonn, 2007. P. 425–433.
- Haywood R. M.* Studies on Scipio Africanus. Baltimore, 1933.
- Jashemski W. F.* The Origins and History of the Proconsular and Propraetorian Imperium to 27 BC. Chicago, 1950.
- Kloft H.* Prorogation und ausserordentliche imperien 326–81 v. Chr. Untersuchungen zur Verfassung der römischen Republik. Meisenheim am Glan, 1977.
- Kunkel W.* Staatsordnung und Staatspraxis der Römischen Republik. 2. Abschn. Die Magistratur. München, 1995.
- Magdelain A.* Recherches sur l' *Imperium*, la loi curiate et les auspices d'investiture. P., 1968.
- Marshall A. J.* The Lex Pompeia de provinciis (52 B.C.) and Cicero's Imperium in 51–50 BC: Constitutional Aspects // *ANRW*. Tl. I. 1972. Bd. 1. P. 887–921.
- Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Zweite Aufl. Leipzig, 1876–1877. Bd. I–II.
- Nicolet C.* The World of the Citizen in Republican Rome / transl. by P. S. Falla. Berkeley; Los Angeles, 1980.
- Ogilvie R. M.* A Commentary on Livy. Books 1–5. Oxford, 1965.
- Pelikan Pittenger M. R.* Contested Triumphs: Politics, Pageantry, and Performance in Livy's Republican Rome. Berkeley; London, 2008.
- Richardson J. S.* Hispaniae: Spain and the Development of Roman imperialism, 218–82 BC. Cambridge, 1986.
- Richardson J. S.* *Imperium Romanum*: Empire and the Language of Power // *JRS*. Vol. 81. 1991. P. 1–9.
- Roddaz J.-M.* Les Scipions et l'Hispanie // *RÉA*. T. 100. 1998. P. 341–358.
- Rögler G.* Die Lex Villia Annalis // *Klio*. 1962. Bd. 40. S. 76–123.
- Schleussner B.* Die Legaten der römischen Republik: decem legati und ständige Hilfsgesandte. München, 1978.
- Scullard H. H.* Roman politics, 220–150 B.C. Oxford, 1973.
- Staveley E. S.* The Fasces and Imperium Maius // *Historia*. 1963. Bd. 12. Ht. 3. P. 458–484.
- Staveley E. S.* Greek and Roman Voting and Elections. L., 1972.
- Sumner G. V.* Proconsuls and Provinciae in Spain, 218/7–196/5 BC // *Arethusa*. Vol. III. 1970. P. 85–102.
- Thomasson B. E.* *Legatus*: Beiträge zur römischen Verwaltungsgeschichte. Stockholm; Göteborg, 1991.
- Versnel H. S.* *Triumphus*. An Inquiry into the Origin, Development and Meaning of the Roman Triumph. Leiden, 1970.
- Vervaeet Fr. J.* The Praetorian Proconsuls of the Roman Republic (211 G. Urso (52 BCE). A Constitutional Survey // *Chiron*. 2012. Bd. 42. P. 45–96.

Vervaeke Fr. J., Naco del Hoyo T. War in Outerspace: Nature and Impact of the Roman War Effort in Pre-Provincial Spain, 218/217–197 BCE // The Impact of the Roman Army (200 BC — AD 476): Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects / ed. L. de Blois, E. Lo Cascio. Leiden; Boston, 2007. P. 21–46.

Walsh P. G. Livy: His Historical Aims and Methods. Cambridge, 1961.

Zecchini G. Scipione in Spagna: un approccio critico alla tradizione polibianoliviana // Hispania terris omnibus felicior: Premesse ed esiti di un processo di integrazione; Atti del convegno internazionale, Cividale del Friuli, 27–29 settembre 2001 / ed. G. Urso. Pisa, 2002. P. 87–103.

Alexander V. Koptev

PRIVATI CUM IMPERIO
DURING THE SECOND PUNIC WAR

After 327 B.C., the Romans used non-magistrates (*i.e.* private citizens) with the *imperium* of magistrates *pro consule* or *pro praetore*. The *privati* are considered in scholarship to be invested with an *imperium* either by prorogation of an already existing command, or by delegation of power from a high magistrate to his lieutenant, or by gift made in the popular assembly on the order of the Senate. However, the former magistrates in the position *pro consule* or *pro praetore* were no longer private persons, because they acted according to the order of the Senate and the people. The prolongation of their *imperium* seems to have been namely established to avoid the situation a private man to act as the holder of an *imperium*. The situation was possible when the former magistrate was unable to cross the Roman *pomerium* after his magisterial year expired.

According to Livy, a *privatus* could be invested with an *imperium* only being appointed as dictator. Otherwise nobody could be given an *imperium* not being elected as a praetor or a consul (*sine magistratu*). It was impossible for a consul to delegate his (or lower) *imperium* to his legate, because the latter did not perform the rites of the investiture and could not use the auspices, not being a magistrate. Legates acted on behalf of the Senate or a consul as military commanders, not *imperatores*. A legate could be the holder of an *imperium* only if he was a former high magistrate who did not cross the Roman *pomerium*. The idea of private person with *imperium* was irrelevant to the Romans and gained a public significance only in the last decades of the Republic. The Augustan historiography expanded it to the time of the Punic Wars. Modern scholarship has to follow the idea because of incompleteness of our knowledge about Roman

magisterial careers and confusion of the magisterial *imperium* with regular military command in preserved evidence.

It is why Scipio Africanus could not be a *privatus cum imperium* but was rather elected to the new office of praetor established for the Spanish province between 217 and 210 B.C. The Spanish governors in the rank of praetor or *pro praetore* were sent to their province *pro consule* because from the beginning Spain was a joined consular province, not divided for Citerior and Ulterior until 197 B.C. The Spanish governorship was a stage in the careers of P. Cornelius Scipio, L. Cornelius Lentulus, and C. Cornelius Cethegus, every of whom received the consulship after his return from Spain. The lack of evidence for their and Cn. Cornelius Blazio's praetorship allows seeing them as *privati cum imperio* during their Spanish command, although it seems more probable that Spain was the praetorian stage in their careers.

Раздел IV

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОЧНИКАХ

Е. Г. Тейтельбаум

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОЛИБИЯ О РЕГУЛЕ: К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ИСТОРИКОМ НЕКОТОРЫХ СТОРОН РИМСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Общеизвестно, что для анализа восприятия римлян греками в эллинистическую эпоху ключевое значение имеет «Всеобщая история» Полибия¹. На страницах этого труда можно встретить немало характеристик как отдельных римлян, так и политики Римского государства в целом. Вместе с тем для более полного рассмотрения данного вопроса помощь может оказать обращение к некоторым местам из труда Полибия, которые раньше не изучались исследователями в подобном ракурсе. Особенность этих фрагментов состоит в том, что на первый взгляд в них отсутствуют прямые суждения о римской политике; однако авторская методика подачи материала и наличие некоторых обобщающих выводов, высказанных зачастую косвенным образом, заставляют предположить наличие у историка определённых суждений на этот счёт — пусть и завуалированных². Одним из ярких примеров подобного рода являются рассуждения Полибия о судьбе римского полководца Марка Атилия Регула, разбитого карфагенянами в 255 г. до н. э., попавшего к ним в плен (I. 35) и впоследствии там умершего.

¹ О взглядах Полибия на римлян см.: Walbank 1957–1979; 1963; 1974; Pédech 1964, 421–425; Candau-Morón 2005.

² Об иносказательности в произведении Полибия вообще см.: Champion 2004a, 24–29. По мнению автора, Полибий относится к числу так называемых косвенных историков (*indirect historians*), чьи взгляды можно понять, читая их произведения «между строк».

Отдельные стороны интересующей нас проблемы уже были проанализированы в историографии. Так, Ф. Уолбанк исследовал заимствования в труде Полибия из несохранившегося произведения Филина, значительное внимание уделив рассказу о кампании Регула. Вместе с тем он оставил открытым вопрос о том, что именно Полибий хотел сказать, критикуя этого консула (Walbank 1945, 7–10). Анализу античных представлений о Регуле посвящена новейшая статья Э. У. Лич (Leach 2014, 243–268). Автор констатирует существенное расхождение между Полибием и римской традицией в освещении этой личности (Leach 2014, 250), но не задается вопросом о причинах подобных разногласий. Мы же в предлагаемой статье хотели бы проследить те цели и мотивы, которыми греческий историк руководствовался в своей критике римского полководца.

В повествовании Полибия о Первой Пунической войне африканская экспедиция Регула является одним из ключевых событий и знаменует переход от блестящих успехов римлян на начальном этапе к тяжёлой борьбе, продолжавшейся 15 лет и лишь с огромным трудом завершённой ими в свою пользу (Bleckmann 2000, 30). Как известно, основным источником как для Полибиева рассказа об этой кампании Регула, так и для его размышлений об этой личности являлся недошедший до нас труд историка Филина из Акраганта (Walbank 1957, 89–93). При этом, как мы увидим ниже, заимствования не ограничиваются фактологией.

Рассказ о действиях Регула делится на четыре части: сперва Полибий описывает первоначальные успехи консула (I. 29–30), переходя затем к рассказу о неудачных переговорах (I. 32) между римлянами и карфагенянами и последующем поражении римлян от армии карфагенян, руководимых лакедемонским наёмником Ксантиппом (I. 32–34). В завершение повествования следуют рассуждения об участии Регула (I. 35).

Полибий излагает события в драматическом ключе: в течение короткого времени Регул проходит путь от человека, близкого к триумфу в войне (в результате его успешных действий сам Карфаген оказался под угрозой), к положению пленника. Тем самым историк побуждает читателя сделать выводы, которые, собственно говоря, и представляют для нас наибольший интерес.

Итак, на чём же делает акцент Полибий, говоря о Регуле? Ахейский историк усматривает тесную взаимосвязь между беспощадностью (βαρύτης) Регула к карфагенянам и его поражением: имея возможность закончить войну выгодным миром, он предложил финикийцам слишком суровые условия, которые были отвергнуты (Polyb. I. 31. 5–6). Бесспорно, тут на историка повлиял мотив, присутствовавший уже у Филина и восходящий ещё к эпохе архаики — герой наказывается за своё высокомерие (ὑβρις) (Walbank 1945, 5, 8; Romilly 1977, 42–61). Помимо этого,

для Полибия участь Регула является нравственным уроком, необходимым для исправления человека — ἐλαγόρθωσις (Walbank 1945, 8). Эта идея, тоже, видимо, восходящая к Филину, отражает традиционные для античной историографии взгляды, целью которой было преподать читателям нравственные уроки (Fornara 1983, 65–89). У Филина заимствовано и подчёркивание роли Ксантиппа в разгроме римской армии, что для ахейского историка является очередным подтверждением тезиса о решающей роли военачальника.

Вместе с тем нельзя не отметить и некоторые различия во взглядах двух историков. Полибий считал поражение Регула примером переменчивости Судьбы, чьи капризы могут стать причиной падения даже тех, кто находится на вершине успеха (I. 35. 3). Филин же писал, что Регул был наказан богами за своё высокомерие (Diod. XXIII. 15).

Ещё более оригинальным и отражающим собственные воззрения Полибия является следующий факт: подводя итог своим размышлениям об участи Регула, он ясно говорит (I. 35. 9–10) о необходимости извлечения его читателями опыта (ἐμλερία)³ из прагматической истории (πραγματικῆ ἱστορία), чтобы учиться на чужих ошибках (Walbank 1945, 8). В то же время хорошо известно, что термин πραγματικῆ ἱστορία⁴ для него подразумевал политическую и военную сферы. Видно, что участь Регула для Полибия является не только нравственным, но и политическим уроком.

Подобное освещение событий не может не вызвать вопросов. Прежде всего удивительной является солидарность ахейского историка с Филином в критическом отношении к Регулу⁵. А ведь в других случаях Полибий яростно и не всегда справедливо (Meister 1975, 129–142) критиковал сицилийца за ошибки и противоречия при освещении военных действий и вообще за прокарфагенскую направленность⁶ (I. 15. 1). Ещё более удивительным представляется следующее: отношение Полибия к личности

³ Примечательно, что Полибий в значительной степени предназначал свой труд и для римской элиты (Scala 1890, 289–290; Champion 2004b, 212).

⁴ Более подробно о терминах «прагматическая история» и «аподейктическая история» у Полибия см.: Pedech 1964, 21–32; 43–52; Mohr 1977, 8–28; Sacks 1981, 171–185; Самохина 1995, 128–133; 161–175; Кашеев 2002, 23–30.

⁵ Заметим, что в других случаях Полибий, заимствуя из Филина даже большее количество фактов, чем из Фабия Пиктора, воспроизводил их в критическом духе (см.: Ambaglio 2005, 205–222). В связи с этим ошибочной является точка зрения, согласно которой критика Регула у Полибия (восходящая, при всех нюансах, к антиримскому автору Филину) отражает первоначальные римские взгляды на личность этого консула (Leach 2014, 250–253).

⁶ Полибию вообще было присуще враждебное отношение к карфагенянам: Champion 2004a, 77–78, 87, 95, 102–111, 117–122, 141–143, 186, 241–242.

Регула радикально отличалось от того, какое господствовало в римской традиции⁷. Если ахейский историк оценивал этого военачальника отрицательно, то римлянам было свойственно воспринимать Регула как образец героя и воплощение римской *fides* (Liv. XXVII. 11. 3; Verg. Aen. IV. 39. 8; Enn. Ann. 293; Naev. Fr. 50–51)⁸. Столь сильное отличие взглядов Полибия от того, что думали на сей счёт римляне (наряду со следованием антиримскому источнику), вряд ли является случайным. В связи с этим для анализа критики Регула Полибием ключевое значение имеет рассмотрение взглядов историка на современную ему внешнюю политику Рима. При этом особое внимание следует уделить проблеме приобретения и удержания господства над побеждёнными странами, а также поведению по отношению к врагам после достигнутых успехов. С этим связан и вопрос об отношении историка к римскому господству.

В глазах Полибия стремление государства к экспансии само по себе не заслуживает осуждения: он не порицал стремления к захвату чужих территорий (III. 6. 12; V. 106. 5–6; VI. 50; VIII. 10. 6), причём считал его присущим любому государству (Brown 1964; Eckstein 2006, 91, 104). В его глазах война была меньшим злом, нежели чрезмерные и неоправданные уступки (Polyb. IV. 31. 3). Надо сказать, что взгляды Полибия на естественность экспансии для любого государства мало отличались от воззрений, господствовавших в классический период (Thuc. II. 63. 3; V. 89; Plato. Rep. 373a). Война как средство разрешения межгосударственных противоречий если и не воспринималась как что-то само собой разумеющееся (Plat. Leg. 626a), то, во всяком случае, считалась более предпочтительной, чем подчинение требованиям враждебной стороны (Thuc. I. 120. 1). Нормой в глазах греков классического периода было право государств-победителей по своему усмотрению определять участь побеждённых (V. 105. 3).

⁷ Это представляется ещё более удивительным, если учесть, что для современных исследователей проримские симпатии Полибия не вызывают сомнений. Обзор современной историографии см.: Baronowski 2011, 5–10.

⁸ Fröhlich 2000, 412–414. В римской традиции сложилась легенда о том, что Регул был отпущен карфагенянами из плена, чтобы он изложил сенату карфагенские предложения мира и вернулся в том случае, если воюющим сторонам не удастся договориться. Римляне отказались заключать мир, но Регул, имевший возможность остаться в Риме, тем не менее возвратился в Карфаген и был там замучен карфагенянами. Впрочем, в современной историографии рассказы о насильственной смерти этого военачальника вызывают сомнения (Klebs 1896, 2089; Mix 1970, 22–23; Bleckmann 1998, 65–66; Fröhlich 2000, 307). Более подробно о восприятии римлянами образа Регула см.: Mix 1970, 19–32; Fröhlich 2000, 79–81; 118, 184–302; Leach 2014, 243–249; 254–265. Примечательно, что современные исследователи относят время возникновения римских преданий о Регуле уже к III в. до н. э. (Bleckmann 1998, 64). Если это так, то Полибий, писавший свой труд во II в. до н. э., не мог не знать об отношении римлян к Регулу.

С другой стороны, уже в эпоху поздней классики появились другие концепции международных отношений, наиболее развёрнуто изложенные в «Киропедии» Ксенофонта (III. 1). Согласно этим воззрениям, для сохранения господства необходимо гуманное отношение к завоёванным странам, чтобы привлечь их на свою сторону (Heldmann 1993, 64–66). Стоит отметить, что взгляды Полибия на природу экспансии и удержания господства испытали определённое влияние этих новых воззрений.

По мнению историка, успешная завоевательная политика любого государства проходит два этапа — сначала идут приобретение и расширение господства, а потом его сохранение (Baronowski 2011, 87–90). Каковы же методы, которыми достигается господство? По словам Полибия, Филипп II после битвы при Херонее в 338 г. до н. э. завоевал расположение афинян благодаря умеренности (ἐπιείκεια, μετρίότης), благодеяниям (φιανθρωπία), доброте (εὐγνώμοσύνη) и великодушию (μεγαλοψυχία) (V. 10. 1–5)⁹. Аналогичным образом историк описывал поведение Антигона Досона после битвы при Селласии в 222 г. до н. э. (II. 70. 7). Всё это позволило упомянутым правителям привлечь эллинов на свою сторону и достичь политической гегемонии.

С другой стороны, жестокость по отношению к зависимым государствам и народам лишь усиливала их сопротивление (V. 9. 1–7; 10. 9–12. 4). Ярким примером подобного рода Полибий считал действия македонского царя Филиппа V, которого историк обвинил в нечестии (ἀσέβεια) и совершении противозаконных действий (παρανομία, παρασπόνδημα), отмечая очевидную взаимосвязь между злодеяниями Филиппа V и последующим крушением его государства (VII. 7; XV. 24; XXIII. 12. 7)¹⁰. Примечательно, что его действия Полибий противопоставлял вышеуказанному гуманному обращению Филиппа II с побеждёнными врагами. Другим отрицательным примером, по его мнению, были афиняне и спартанцы (VI. 48), а также карфагеняне (IX. 11). Их погубили, как считает ахейский историк, собственные жадность (πλεονεξία)¹¹ и властолюбие (φιλαρχία). Таким образом, мы наблюдаем у Полибия определённую тенденцию: государства, возвысившиеся до господства над другими, терпят крушение по причине своей неумеренности и жестокости по от-

⁹ Впрочем, существует точка зрения, что на подобное отношение Полибия к Филиппу II повлияла его поддержка аркадян против спартанцев (Welwei 1963, 22–28).

¹⁰ Более подробно об этом, а также вообще об отношении Полибия к личности Филиппа V см.: Walbank 1938, 55–68; 1967; Welwei 1963, 38–52.

¹¹ Примечательно, что употребление Полибием термина πλεονεξία отличается от Фукидида, для которого он не имеет негативного значения и является свойством политики любого государства (III. 45. 4). Использование данного термина в негативном смысле роднит Полибия с Аристотелем (*Eth. Nic.* 1129b; *Pol.* 1282b). О восприятии этого слова в классическую эпоху см.: Van Wees 2004, 34–36.

ношению к завоёванным. В связи с этим интересно обратиться к такой проблеме, как отношение историка к римскому империализму.

По мнению Полибия (I. 1. 5; I. 2. 7; III. 3. 9), становление римского господства над другими странами закончилось после Третьей Македонской войны (Varonowski 2011, 88) и принесло эллинам пользу. Говоря о последствиях Первой Иллирийской войны, он отмечал, что победа римлян над иллирийцами была благом для греков (Polyb. II. 12. 5–6). Полибий описывал восхищение, вызванное заявлением Тита Фламинина об освобождении Греции (XVIII. 46). По словам историка, римская политика способствовала прекращению варварских нашествий и междоусобиц среди греков (III. 3. 5; XVIII. 47. 2). Он считал, что греки во время Третьей Македонской войны проявили неблагодарность по отношению к Риму (XXVII. 9–10). По его мнению, эллины как будто не замечали тех выгод (συμφέρωντος), которые несёт с собой римское владычество (XVIII. 37. 1; XXVII. 10. 3). Как полагает Полибий, оно было благом и для македонян — римляне проявляли по отношению к ним гуманность (φιλάνθρωπία), освободив их от деспотической власти монархов и избавив от междоусобиц (XXXVI. 17).

Типичным свойством римлян как этноса Полибий считал умеренность (μετρίότης) (XXVII. 8. 8); в связи с этим он приводит слова Тита Фламинина о том, что победитель должен быть великодушным (μεγαλοψυχός) и умеренным (μέτριος) (XVIII. 37). Интересны представления Полибия о взаимосвязи государственного устройства Рима с характером его граждан. По его мнению, римская конституция регулирует не только внутреннее устройство государства, но и поведение граждан за его пределами, в том числе и применительно к внешней политике (VI. 50. 4). В связи с этим историк специально противопоставлял государство римлян спартанскому (VI. 48. 6): спартанцы отличались добродетелями в частной жизни, но Ликург не позаботился, чтобы и общее устройство государства было самодовлеющим (νονευχεστάτους) и умеренным (ἀφιλοτιμωτάτους) (VI. 48. 8). В результате спартанцы, свободные от честолюбия внутри своего государства, по отношению к остальным эллинам оказались переполненными жадности власти и любостыжания. Римляне же избежали тех недостатков, которые роковым способом сказались на судьбе спартанского владычества¹².

Стоит отметить ещё один момент. При всей неоднозначности отношения Полибия к роли Судьбы (Walbank 1957, 18–20) во «Всеобщей истории» в некоторых случаях можно обнаружить тенденцию

¹² Впрочем, высказывалось мнение о том, что спартанская конституция не была несовместима с политической экспансией. См. более подробно: Shimron 1964, 147–155.

к рационализации данного мотива¹³. Ярким проявлением подобного подхода является одобрение историком мысли Эмилия Павла о том, что лучший способ обезопасить себя от непостоянства Судьбы — это даже во время успехов ни с кем не вести себя нагло и безжалостно. Напротив, на вершине удачи необходимо сохранять умеренность (Polyb. XXIX. 20). Аналогичных похвал удостоился от Полибия Сципион Африканский за поведение в конце Второй Пунической войны — даже после победы при Заме он помнил о переменчивости Судьбы и предложил карфагенянам приемлемые условия мира (XV. 17. 4). По мнению историка, умение помнить о непостоянстве Судьбы — одно из важнейших качеств великого человека (VI. 2. 5–6).

В связи с этим вряд ли случаен следующий факт: в глазах Полибия те военачальники, которые закончили судьбоносные для Рима войны — Вторую Пуническую и Третью Македонскую, — вели себя гуманно по отношению к побеждённым, и поэтому их участь противоположна Регуловой.

Особенный интерес для нас представляет анализ отношения историка к римской политике после 168 г. до н. э., когда, по мнению Полибия, начался следующий этап в эволюции римского господства. Как уже отмечалось ранее, рассуждения историка о Регуле были написаны в те же годы.

Сразу стоит сказать, что по отношению к этому периоду взгляды Полибия на внешнеполитические акции Рима после 168 г. до н. э. были несколько сложнее. В целом историк и на этом этапе оценивал поведение римлян позитивно. Он подчёркивал, что благодаря римлянам прекратились этолийские грабежи (XXX. 11. 1–3) и македоняне смогли вздохнуть свободно (XXVII. 1. 11–12). Даже после окончания Ахейской войны в 146 г. до н. э., по мнению Полибия, римский военачальник Муммий проявил гуманность и умеренность по отношению к эллинам. Историк называл его воздержанным (ἐγκρατής), бескорыстным (καθαρός), а его правление мягким — πρᾶως (XXXIX. 6. 3).

Вместе с тем Полибий фиксировал уже некоторые тревожные явления в римской внешней политике. Историк обвинял римлян в стремлении ослабить Селевкидов (XXXI. 12) и Птолемеев (XXXI. 18) и провоцировании династических междоусобиц в Пергамском царстве (XXX. 1–3). Полибий отмечал, что в этих случаях квириды руководствовались исключительно собственными интересами (συμφέρον)¹⁴, а не прежней гуманностью по отношению к эллинам. Конечно, по мнению историка, это были лишь

¹³ В связи с этим примечательна точка зрения, что Полибию свойственно преуменьшать роль Судьбы и видеть главную причину неудач военачальников или политических деятелей в их собственном поведении (Pomeroy 1986, 415).

¹⁴ Об использовании этого термина у Полибия см.: Eckstein 1995, 155, 158, 166.

отдельные эпизоды, не менявшие в целом его положительного отношения к римской внешней политике. Тем не менее есть основания полагать, что Полибий не считал подобные эпизоды случайными.

Прежде всего сложно пройти мимо критических замечаний ахейского историка о внутреннем состоянии Римского государства. По его мнению, уже после Третьей Македонской войны в Рим начала проникать роскошь, началась порча нравов (XVIII. 34–35; XXXI. 21–22). Полибий ясно давал понять: современное ему внутреннее положение Рима уже не является таким блестящим, как раньше (VI. 57. 10). В римлянах того времени историк находил такие качества, как властолюбие (φιλαρχία), спесь (ἀλαζονεία) и расточительность (πολυτέλεια), являвшиеся для него признаком кризиса государства (VI. 57. 6–7)¹⁵. Во многих современных ему римлянах он отмечал склонность к наживе нечестными средствами. Даже его похвала нравам Эмилия Павла и Сципиона Эмилиана свидетельствует о том, что в глазах историка эти люди сильно отличались от большинства их соотечественников (Baronowski 2011, 99).

В своей критике внутреннего состояния Рима Полибий идёт дальше. В VI книге, считающейся апологией римского государственного устройства, он неоднократно указывал на неизбежность прохода всех без исключения государств через стадии зарождения, расцвета и гибели (VI. 4. 12; 9. 12–13; 51. 4). С этими мыслями перекликается и передаваемая Полибием фраза Сципиона Эмилиана, произнесённая им на развалинах Карфагена (XXXVIII. 21). По мнению этого военачальника, жертвой превратностей судьбы пали многие великие государства (в их числе Мидия, Персия и Македония). Вслед за этим он выразил обеспокоенность тем, что подобная участь постигнет и римлян.

Таким образом, можно предположить, что Полибий был озабочен преимущественно внутривосточными проявлениями кризиса. Но это лишь одна сторона вопроса. Как мы уже отмечали, ахейский историк видел несомненную связь между состоянием дел внутри державы и ведением её внешней политики: если государство устроено разумно, то оно и по отношению к побеждённым будет вести себя соответствующим образом. В то же время деградация внутреннего устройства государства неизбежно должна привести к изменениям и во внешней политике не в лучшую сторону.

У нас есть ещё одна причина предполагать определённый критицизм Полибия в отношении римской политики 168 г. до н. э. В пользу этого предположения говорит и пассаж из I книги, написанной вскоре после окончания Третьей Македонской войны, где содержатся

¹⁵ О взглядах Полибия на порчу римских нравов см.: Eckstein 1995, 142; 149; 182; 260–262; Champion 2004a, 144–173.

вышеупомянутые рассуждения о судьбе Регула (I. 83). В этом отрывке он хвалит мудрую дипломатию сиракузского царя Гиерона II по отношению к Риму (I. 83. 3–4). Тем самым Полибий, с одной стороны, одобрял честное исполнение обязательств перед Римом, а с другой — независимую политику в рамках существующих договоров (Eckstein 1985, 265–282). Но чувствуется и определённая настороженность автора в отношении того, к чему со временем может привести римская политика (Polyb. I. 83. 4). По мнению Полибия, усиление одного государства влечёт за собой нарушение «исконных прав народов» — τῶν ὁμολογουμένων ἐξέσται δικαίων ἀμφοβητέϊν (I. 83. 3). Всё это говорит о том, что, несмотря на вполне лояльное восприятие римского господства в целом, греческий историк не мог не видеть нарастания в нём негативных тенденций.

Наконец, чтобы прояснить отношение Полибия к римской политике после 168 г. до н. э., следует учесть и факты из его биографии. Как известно, он был в числе прочих знатных ахейцев отправлен в Рим в качестве заложника (Самохина 1995, 38; Walbank 1974, 3). Находясь в Италии, Полибий принял участие в подготовке бегства царевича Деметрия, чтобы дать тому возможность занять селевкидский престол. Историк изображает себя одним из организаторов побега (Polyb. XXXI. 12; 19–23). В то же время, по мнению современных исследователей, он сильно преувеличил свою роль в этих событиях: без поддержки членов сципионовской группировки Деметрию не удалось бы бежать (Briscoe 1969, 60–63). Но в данном случае нас больше интересует не фактическая сторона событий, а их освещение Полибием. Анализ Полибиева повествования об этом эпизоде говорит о наличии у него определённого недовольства действиями римлян, сознательно ослаблявших государство Селевкидов (Eckstein 1995, 100–103). В связи с этим у нас есть основания полагать, что, несмотря на относительно комфортабельные условия жизни в Риме, его превращение из второго человека в Ахейском союзе в заложника вряд ли способствовало одобрению им римской внешней политики (Walbank 1963, 9; 1974, 14).

Вернёмся к Регулу. На рассуждения Полибия о нём повлияли как общая ситуация в Восточном Средиземноморье, сложившаяся после 168 г. до н. э., так и обстоятельства жизни самого историка: ужесточение римской политики в Греции, разгром Ахейского союза и депортация в Рим в качестве заложника естественным образом ухудшили его отношение к Риму. В этой ситуации он, оставаясь в целом позитивно настроенным по отношению к Риму, счёл возможным заимствовать некоторые взгляды даже у антиримских авторов, которых обычно осуждал. Топосы предшествующей историографии были использованы Полибием для изложения актуальных политических идей, согласно которым

для утверждения господства над побеждёнными территориями военачальник и тем более целая держава должны вести себя умеренно даже в случае успеха. Перипетии судьбы Регула оказались в глазах историка наиболее подходящей иллюстрацией для подобных рассуждений. Ведь в 255 г. до н. э. римляне были буквально в шаге от победы в Первой Пунической войне, но поражение Регула не только значительно продлило конфликт, но и заставило их вплоть до конца следующей Пунической войны отказаться от верно выбранной тактики перенесения военных действий в Африку (Tirps 2003, 375–385).

Таким образом, Полибий использовал пример Атилия Регула, чтобы предупредить римлян о возможных последствиях их нынешнего поведения. Ведь даже в те годы, когда, по словам ахейского историка, Римское государство находилось в образцовом состоянии, неумеренность Регула в отношении карфагенян привела к продлению войны на полтора десятка лет и огромным потерям для римлян. А чем обернётся жестокое отношение к побеждённым в той ситуации, когда в самом Риме нарастают трудности? Государство, сталкивающееся с внутренними проблемами, должно быть умеренным, чтобы не превращать подвластные и зависимые территории во врагов — таков подтекст рассуждений Полибия. Историк считает неправильной ту точку зрения, что одни средства надо использовать для завоевания власти над другими народами, а другие — для её сохранения. По мнению Полибия, лучший способ достичь господства — это гуманное обращение с побеждёнными (εὖ ποιούντες), которым для сохранения господства нужно внушить надежду на лучшую долю (τὴν ἀγαθὴν ἐλπίδα), а вот если завоеватели со временем изменяют своё поведение и начинают угнетать подвластных им (κακῶς ποιῶσι καὶ δεσποτικῶς ἄρχωσι), тогда и последние начинают испытывать иные чувства (X. 36. 5–7). Полибий ясно даёт понять, что это относится к каждому народу, приобретшему господство над другими странами. Долговечным может быть только то владычество, которое основано на привлечении к себе завоёванных и взаимном отказе от крайностей — таков лейтмотив рассуждений греческого историка. Взаимная выгода завоевателей и подвластных им народов — вот политический идеал Полибия. Обращаясь к историческому контексту, нельзя не отметить сходства подобных взглядов на природу гегемонии с концепциями философов-стоиков Посейдония (Sen. Ep. 90. 4; FGtHist, 2A, 87, F8) и, возможно, Панетия¹⁶. Воспринятые

¹⁶ Воззрения Панетия и Посейдония на сущность политической гегемонии исследуются в статье: Capelle 1932, 93–104. По мнению автора, эти мыслители считали римлян нравственно превосходящими другие народы и поэтому достойными

римлянами как минимум со времён Цицерона (*Rep.* III. 25) подобные эллинистические концепции господства впоследствии стали неотъемлемой частью официальной римской имперской идеологии (Walbank 1965, 1–16).

Литература

- Кащеев В. И. Полибий и его «прагматическая история» // АМА. 2002. Вып. 11. С. 23–30.
- Самохина Г. С. Полибий. Судьба. Эпоха. Труд. СПб., 1995.
- Ambaglio D. Fabio e Filino. Polibio sigli storici della Prima guerra Punica // *The Shadow of Polybius* / ed. by G. Schepens, J. Bollansée. Leuven, 2005. P. 205–222.
- Baronowski W. Polybius and Roman Imperialism. L., 2011.
- Bleckmann B. Regulus bei Naevius: zu frg. 50 und 51 // *Philologus*. 1998. Bd. 142. Hft. 1. S. 61–70.
- Bleckmann B. Römische Nobilität in die Erster Punisches Krieg. B., 2000.
- Briscoe J. Eastern Policy and Senatorial Politics // *Historia*. 1969. Bd. 18. Hft. 1. P. 56–68.
- Brown T. S. Polybius' Account of Antiochus III // *Phoenix*. Vol. 18. 1964. No. 2. P. 124–131.
- Candau-Morón J. Polybius and Plutarch on Roman Ethos // *The Shadow of Polybius* / ed. by G. Schepens, J. Bollansée. Leuven, 2005. P. 306–328.
- Capelle W. Griechische Ethik und Römischer Imperialismus // *Klio*. 1932. Bd. 25. S. 86–113.
- Champion C. Cultural Politics in the Histories of Polybius. Berkeley; Los Angeles; London, 2004a.
- Champion C. Polybian Demagogues in Historical Context // *HSCPh*. Vol. 102. 2004b. P. 199–212.
- Eckstein A. M. Polybius, Syracuse, and the Politics of Accommodation // *GRBS*. 1985. P. 265–282.

господствовать над другими. В. Капелле считал, что эти взгляды повлияли на идеи Цицерона, выраженные им наиболее полно в его трактате «О государстве» (III. 3. 27), согласно которым римское правление несёт с собой благо ввиду нравственного превосходства римлян. Впрочем, заимствование Цицероном воззрений Панетия и Посейдония оспаривается современными исследованиями (Strasburger 1965; 1966). Х. Штрабургер, например, полагает, что подобные мысли принадлежат самому оратору, поскольку фрагменты из сохранившихся произведений не позволяют говорить об их признании нравственного превосходства и безоговорочной поддержки римского владычества (Strasburger 1965, 44–47; 1966, 64–65). Впрочем, даже если идея об оправдании римского владычества через нравственное превосходство и не принадлежала Панетию и Посейдонию, то нет ничего невозможного в том, что римская мысль заимствовала их исходные тезисы, используя в собственных целях.

- Eckstein A. M.* Moral Visions in the Histories of Polybius. Berkeley; Los Angeles; London, 1995.
- Eckstein A. M.* Mediterranean Anarchy in Interstate Relations and the Coming of Rome. Berkeley; Los Angeles; London, 2006.
- Fornara C. W.* Nature of History in Greece and Rome. Berkeley, 1983.
- Fröhlich U.* Regulus, Archetyp römischer Fides. Tübingen, 2000.
- Heldmann K.* Sallust über die römische Weltherrschaft. Eine Geschichtsmodell in Catilina und seine Tradition in der hellenistischen Historiographie. Stuttgart, 1993.
- Klebs E.* Marcus Atilius Regulus // RE. 1896. Bd. II. Sp. 2086–2092.
- Leach E. W. M.* Atilius Regulus — Making Defeat into Victory: Diverse Values in an Ambivalent Story // Valuing the Past in the Greco-Roman World. Proceedings from the Penn-Leiden Colloquia on Ancient Values VII / ed. by J. Ker, Chr. Pieper. Leiden; Boston, 2014. P. 243–268.
- Meister K.* Historische Kritik bei Polybios. Wiesbaden, 1975.
- Mix E. R.* Marcus Atilius Regulus: exemplum historicum. Hague, 1970.
- Mohm S.* Untersuchungen zu den historiographischen Anschauungen des Polybios. Saarbrücken, 1977.
- Pedech P.* La méthode historique de Polybe. P., 1964.
- Pomeroy A.* Polybius' Death Notices // Phoenix. Vol. 40. 1986. No. 4. P. 407–423.
- Romilly J.* Rise and Fall of States According to Ancient Authors. Ann Arbor, 1977.
- Sacks K.* Polybius on the Writing of History. Berkeley, 1981.
- Scala R. von.* Die Studien des Polybios. Stuttgart, 1890.
- Shimron B.* Polybius and the Reforms of Cleomenes III // Historia. 1964. Bd. 13. Ht. 1. P. 147–155.
- Strasburger H.* Poseidonios on Problems of the Roman Empire // JRS. Vol. 55. 1965. P. 40–53.
- Strasburger H.* Der "Scipionenkreis" // Hermes. 1966. Bd. 94. S. 60–72.
- Tipps G.* The Defeat of Regulus in Africa // CW. Vol. 96. 2003. P. 375–385.
- Van Wees H.* Greek Warfare. Myths and Realities. L., 2004.
- Walbank F. W.* Philippos tragodoumenos: A Polybian Experiment // JHS. Vol. 58. 1938. Pt 1. P. 55–68.
- Walbank F. W.* Polybius, Philinus and the First Punic War // CQ. Vol. 39. 1945. No. 1/2. P. 1–18.
- Walbank F. W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1–3. Oxford, 1957–1979.
- Walbank F. W.* Polybius and Rome's Eastern Policy // JRS. Vol. 53. 1963. P. 1–13.
- Walbank F. W.* Political Morality and Friends of Scipio // JRS. Vol. 55. 1965. P. 1–16.
- Walbank F. W.* Philip V of Macedon. Cambridge, 1967.
- Walbank F. W.* Polybius between Greece and Rome // Entretiens sur l'antiquité classique. T. 20. 1974. P. 1–31.
- Welwei K.-W.* Könige und Königtum im Urteil des Polybios. Herbede, 1963.

Eugene G. Teitelbaum

**POLYBIUS' REFLECTIONS ON REGULUS:
A STUDY OF SOME ASPECTS
OF HISTORIAN'S ATTITUDE TO ROMAN IMPERIALISM**

This paper is dealing with Polybius' reflections on Regulus within the context of historian's views of gaining and preserving political domination. In his account of Regulus Polybius stressed his harshness and arrogance after gaining initial successes. Such qualities contributed greatly to his final defeat from the hands of Carthaginian army lead by Spartan Xanthippus. That's why Polybius considered his fate an important political lesson. It can be found a scheme in Polybius, according to which an imperialist state (and generals, which represent this state) must behave humanly towards their enemies and defeated opponents. In the opposite case, they will met disaster. And Regulus was typical example of such behavior.

Such reflections were caused by the general political conditions after the end of the Third Macedonian War. General hardening of Roman policy alongside with historian's deportation to Italy as a hostage added some critical notes in his attitude to Rome. Polybius found some traits of degradation both in home and foreign policy of the Roman republic. He accused modern Romans in corruption, arrogance and love of power. By this way, in his opinion, they departed from their original virtues. Initially, Roman constitution made Romans moderate in their home and foreign policy. But situation gradually began to change in Polybius's eyes. He considered that, being initially benevolent to Greeks, Romans after the Third Macedonian war gradually began to forget about their previous moderation. In this situation, remaining loyal to Rome, Polybius remind the Romans that the necessary condition of preserving is human behavior towards the defeated. The upheavals of Regulus s fate were in this case ideal for bringing such reflections.

In this case historian's thoughts on Regulus were a political warning for contemporary. Even when Rome was in ideal state, Regulus s arrogance caused prolongation of war for 15 years and numerous victims. And what devastating effects will have political arrogance in the conditions of contemporary Rome, which faced with symptoms of growing crisis? For historian' s view, the best way of preserving gained domination was a mutual cooperation between the conqueror and conquered, based on the abandoning of extremeties and giving chances for improving life conditions. Taken in historical context, such views have some similarity with those of philosophers Panaetius and and Poseidonius. According to their conceptions, only morally superior state have a right to dominate over the others. Such Hellenistic conceptions of power and domination at least from the times of Cicero were adopted by Roman thought and later became an integral part of Roman state ideology.

Е. В. СМЫКОВ

***SERRANUS SERENS:*
НЕСУЩЕСТВОВАВШИЙ ПОЛКОВОДЕЦ
ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ?**

Совершая вместе с Энеем и тенью его покойного отца экскурсию по Элисию, читатель, более или менее знакомый с римской историей, среди Дециев, Друзов, Гракхов, «Сципионов, как молния, грозных» и других известных имён вдруг натывается на имя, которое странным образом ничего ему не говорит:

...vel te sulco, Serrane, serentem?

Серрана, что ниву
Сам засевал?¹

То, что этот персонаж помещён среди хрестоматийных героев, наводит на мысль, что и сам он совершил нечто выдающееся. Действительно, в комментарии к указанным строкам сообщается: «Серран — выдающийся полководец времён Первой Пунической войны (264–241 гг. до н. э.). О своём избрании консулом он узнал в то время, как заседал свое поле»². Этот комментарий только усугубляет недоумение: при изложении истории Первой Пунической войны о «выдающемся полководце» с таким именем не говорится нигде и ничего. Обратившись к комментариям к шестой книге «Энеиды», составленным Р. Г. Остином³,

¹ Verg. *Aen.* VI. 844. Пер. С. А. Ошерова под ред. Ф. А. Петровского.

² Старостина 1971, 429. Этот же комментарий повторён и в издании Вергилия в серии «Библиотека античной литературы» в 1979 г. (с. 510).

³ Р. Кастер считает Г. Атилия Регула самой подходящей кандидатурой, если принять за истину, что прозвище относится к Атилиям Регулам. В то же время он называет его этимологию почти наверняка вымышленной (false) и отмечает, что

мы узнаём, что Серран — это прозвище консула 257 г. до н. э. Г. Атилия Регула (Austin 1977, 260), более удачливого брата знаменитого «чести бога».

На чём основана эта идентификация? Обратимся к источникам. Имя Серрана не относится к числу тех, которые часто упоминаются римскими авторами (у греческих писателей о нём речи нет вообще). Самые ранние намёки на его историю делает Цицерон, у которого интересующий нас персонаж упоминается дважды. В начале своей ораторской карьеры, в 80 г. до н. э., в речи «За Секста Росция» он, обращаясь к одному из обвинителей, говорит: «Раз ты считаешь земледелие унижительным занятием, ты, конечно, признал бы глубоко опозорившимся и утратившим всякое уважение человеком знаменитого Атилия, которого посланцы застали бросавшим своей рукой семена в землю» (*sua manu spargentem semen*) (Cic. *Rosc. Am.* 50). Почти через четверть века, в 56 г. до н. э., в речи «За Сестия» он мимоходом упоминает: «Другой же, Серран — не тот знаменитый Серран, [взятый] от плуга...» (*non ille Serranus ab aratro*) (Cic. *Sest.* 72)⁴. Схолия Гроновия к Цицерону поясняет: «М. Атилий Серран всегда усердно трудился в имении (*semper ruri dabat operam*). В то время как он бросал в землю семена (*dum terrae semina mandaret*), к нему были отправлены посланцы; он был избран консулом. Пыль от вспашки он вытер ладонью (*aratorium pulvere palma detersit*)» (*Schol. Gron. ad Sest.* 50).

Хронологически следующее за Цицероном упоминание Серрана — это уже цитированный текст Вергилия, к которому Сервий даёт следующий комментарий: «Некий Атилий был сенатор, который, когда он возделывал свое поле, был призван [на должность] по причине доблести, удостоился диктатуры. Серраном же назван от слова *serrendo* (вспашка)» (*Atilius quidam senator fuit, qui cum agrum suum coleret, evocatus propter virtutem meruit dictaturam. Serranus autem a serendo dictus est*) (*Aen.* VI. 844). Те же сведения находим у Плиния Старшего: «Серрана [назначение на] предоставленную ему должность застало пашущим, откуда и его прозвище» (*serentem invenerunt dati honores Serranum, unde ei et cognomen*) (*NH.* XVIII. 20).

Самый большой по объёму текст о Серране принадлежит Валерию Максиму: «Атилия же те, кто были посланы сенатом призвать его [и] вручить власть над римским народом, увидели разбрасывающим семена [по полю]. Но эта истёртая в сельских трудах рука обеспечила общественное спасение, уничтожила огромное вражеское войско и, совсем недав-

прозвище «Серран» впервые надёжно фиксируется для представителей другой ветви рода Атилиев (Kaster 2006, 279).

⁴Здесь и далее речи Цицерона цитируются в переводе В. О. Горенштейна.

но управлявшая парой пашущих быков, теперь держала поводья триумфальной колесницы, и не было для него постыдным, отложив жезл из слоновой кости, вернуться к грубой рукоятке плуга пахаря» (IV. 4. 4).

В дальнейшем Серран упоминается несколько раз позднеантичными авторами. Как об образцовом *rusticus magistratus* о нём говорится у Кв. Аврелия Симмаха, который вопрошает адресата своего письма Проба: «Уж не думаешь ли ты, что Атилию было приятно то, что он, крестьянин-магистрат, сменил плуг на фасции и посреди посевных работ остановил усталых быков?»⁵ Сидоний Аполлинарий побуждает своего друга Сиagriя следовать примеру «Серранов и Камиллов» не только в сельском труде, но и в стремлении к славным деяниям⁶. Наконец, в уже привычном риторическом контексте, как человек, вознесённый к славе от плуга, у которого нива, засеянная крупными семенами, взошла урожаем почестей, Серран упоминается в панегирике Эннодия Теодориху⁷. Совершенно очевидно, что эти упоминания можно не принимать в расчёт: их авторы, получившие образование, основанное на сочинениях Цицерона и Вергилия, несомненно, знали процитированные тексты и опирались на них⁸.

Итак, упоминания о Серране довольно немногочисленны и при этом очень сумбурны. Никто не называет его полного имени, кроме схолии

⁵ Symm. *Epist.* I. LVIII (LII): *Libenter Atilio factum putas, quod fascibus aratro mutavit et in medio sementis opere anhelos boves statuit rusticus magistratus?* В письме V. LXVIII (LXVI) Симмах желает своим адресатам заниматься сельским трудом с Атилием (*vos malo cum Atilio rusticari*), а в VII. 15 говорит об Атилиях во множественном числе, используя это имя (как и имя Катонов) в качестве нарицательного: *Catonnes et Atilios, quos vomes et stiva ad consulares misit secures.*

⁶ Sid. *Apoll. Epist.* VIII. 8. 2: *Qui Serranorum aemulus atque Camillorum cum regas stivam, dissimilas optare palmatam?* Интересно, что Сидоний, не одобряя поглощённости своего друга сельскохозяйственным трудом в ущерб общественным делам, не без иронии поминает Цинциннату, советуя Сиagriю, если уж того так привлекает образ жизни легендарного диктатора, сразу же обзавестись и Рациллой, которая будет запрягать ему быков, т. е. женой (VIII. 8. 2). Для оценки взглядов Сидония на соотношение сельского труда и общественной жизни см.: Amherdt 2004, 378–379 (о Серране и Цинциннате — 380–381).

⁷ Ennod. *Paneg.* IV: *Serranum scipionibus aratra peperunt, qui dum grandia sulcis semina commendaret, honorum ei messis oborta est.*

⁸ Тюленев 2011, 169, примеч. 7. Думается, и недоумение В. М. Тюленева, почему в качестве примера избран Серран, а не более известный Цинциннат, вполне разрешимо, если учесть характер книжной образованности наших авторов: Серран избран в качестве примера именно потому, что он служит таковым для образцовых авторов, Цицерона и Вергилия. Интересно отметить, что в схолиях к «Сатирам» Персия Цинциннату приписывается прозвище «Серран», причём в подтверждение приводится интересующая нас строка «Энеиды» (*Schol. ad Pers. Sat. I. 74*).

Гроновия⁹; нигде не говорится, с каким врагом ему предстояло воевать, но из приведённого выше текста Валерия Максима следует, что он отпраздновал над ним триумф; более того, ни один из авторов, за исключением Валерия Максима, не говорит ничего не только о том, что он одержал победу, но и о том, что он вообще с кем-либо воевал! Действительно, Цицерон пишет о Серране, чтобы напомнить, каким почтением пользовался труд земледельца у предков современного ему нобилитета, Серран у него не победоносный полководец, а, скорее, образцовый гражданин, подобный тому, о котором писал ещё Катон¹⁰. Фактически то же самое говорится у Вергилия, Плиния и позднеантичных авторов. Показательно, что о должности, которую получил Серран, говорят только сходя к Цицерону и Сервий, причем эти два текста расходятся в её определении¹¹.

Схолиаст утверждает, что Серран был избран консулом, но это совершенно не вяжется с тем, что мы знаем о консульских выборах. Во-первых, в рассказе о Серране отсутствует даже намёк на его выдвижение в качестве кандидата и голосование, во время которого кандидат должен был находиться в Риме; во-вторых, строго говоря, консульскую власть не вручали, победитель на выборах вступал в должность в установленном порядке. Наконец, консулов избирал римский народ, и непонятно, почему известие об этом Серрану должны были сообщить представители сената¹². Это, конечно, банальности, но их почему-то не учитывают, когда говорят о Серране-консуле. С другой стороны, Сервий, человек

⁹ Э. Клебс указывает, что Симмах приводит личное имя Гай (Klebs 1896a, 2095), но это, видимо, ошибка: он именует интересующего нас персонажа просто «Атилий».

¹⁰ «И хорошего человека, когда хвалили, то хвалили его так: “Хороший земледелец и хороший землевладелец (*bonum agricolam bonumque colonum*)”. Считалось, что кого так похвалили, тот взыскан наивысшей похвалой. [...] Из земледельцев выходят самые верные люди и самые стойкие солдаты» (Cat. *De agri cult.* Praef. 2–3. Пер. М. Е. Сергеев с изменениями).

¹¹ Косвенно о ней свидетельствуют также Валерий Максим и Симмах, причём если у первого власть над римским народом, вручённая Серрану, очень напоминает диктатуру, то у второго под «фасциями» почти наверняка понимаются консульские знаки отличия (I. LVIII (LII)).

¹² Впрочем, эти соображения могут быть отвергнуты, если представить себе несколько иную картину. Посланцы, о которых идёт речь, это не сенаторы, вручившие Серрану должность прямо в поле, что, кажется, предполагает традиция, а *viatores*, пригласившие его на заседание сената (Landgraf 1914, 114). Ср. описание их функций: «В ту пору на полях, бывало, находились сенаторы, то есть старики; [...] Из усадеб в сенат вызывали Курия и других стариков; на этом основании тех, кто вызывал, стали называть “посланцами”» (Cic. *Cat. Maj.* 56); «В те времена, как мы уже говорили раньше, знатные люди жили по своим усадьбам, и, когда требовалось созвать совет, их приглашали в сенат прямо из усадеб; поэтому тех, кто их вызывал, и называли виаторами» (Colum. *Praef.* 18. Пер. М. Е. Сергеевко); «таковы были даже тогда виаторы, потому что и само имя им дано, так как они зачастую призывали сенат и воз-

образованный, сведущий в древностях, как и все грамматики, говорит о том, что Серран был назначен диктатором. В этом случае все отмеченные несообразности снимаются, но мы натываемся на один совершенно непреодолимый факт: ни среди Атилиев Регулов, ни среди Атилиев Серранов диктаторов не было, и, таким образом, интересующая нас фигура совершенно утрачивает связь с реальностью.

Из затруднения пытается выйти Т. Уайзмен, который справедливо отмечает, что Валерий Максим различает Серрана и Регула (Wiseman 1996, 67, п. 67). Действительно, в одном случае он говорит просто об Атилии (IV. 4. 5), а в другом — об Атилии Регуле, который принадлежал «к тому же имени и крови» (*eiusdem nominis et sanguinis*) (IV. 4. 6). Хотя во втором случае речь идёт не о Г. Атилии Регуле, а о его брате Марке, ясно, что, по мнению автора, Атилиий не является Атилием Регулом. Поэтому Уайзмен считает вероятным, что Серран — это Г. Атилиий, консул 245 и 235 г. до н. э. и цензор 234 г. до н. э. (Klebs 1896b, 2078; Broughton 1951, 217, 223, 224). Ссылаясь на Орозия (IV. 12. 2) и Евтропия (III. 3), исследователь указывает, что в ливианской традиции он носил прозвище Бубульк (*Bubulcus*), что перекликается со словами Валерия Максима: «Тех, кого опасности, угрожающие государству, обращали в победоносных полководцев, скудость имущества... принуждала делаться погонщиками волов» (IV. 4. 4: *quos pericula rei publicae imperatores adserebant, angustiae rei familiaris... bubulcos fieri cogebant*).

Однако предложенная Уайзменом интерпретация покоится на ряде натяжек. Прежде всего Евтропий не называет Г. Атилия Бубульком, у него этот когномен звучит как Бульк (*Bulcus*), так что «ливианская традиция» сводится к одному Орозию. Кроме того, и тот и другой противоречат Капитолийским фастам, где Г. Атилиий трижды назван *C. Atilius A. f. A. n. Bulbus* (Klebs 1896b, 2078). Но даже если путаницу с когноменами можно как-то объяснить, остаются два важных момента. Во-первых, Бубульк уже имел когномен, произведённый от его сельскохозяйственных трудов. Трудно представить, чтобы, уже нося когномен *Bubulcus*, он добавил к этому ещё и *Serranus*. Во-вторых, Г. Атилиий Бульб был личностью вполне ординарной, за ним не числится никаких славных дел, и как он мог встать в один ряд с такими образцами доблести, как Фабриций, «Косс и великий Катон», Фабий, «кто нам промедлением спас государство», — совершенно неясно¹³. Таким образом,

дей [прямо] с полей» (Plin. *HN*. XVIII. 21). Но в этом случае, разумеется, речь идёт не о вручении консульского звания, а всего лишь о приглашении на заседание сената.

¹³ Т. Уайзмен отмечает, что в Капитолийских фастах не идёт речи о триумфе Г. Атилия, который подразумевает Валерий Максим (Wiseman 1996, 67), но никак не объясняет этого факта. Между тем проблема здесь существует лишь в том случае,

и идентификация, предложенная Т. Уайзменом, не может быть признана удовлетворительной.

Откуда же взялся в источниках этот странный персонаж? Здесь мы вступаем на зыбкую почву догадок. Прежде всего Регулы и Серраны, две самые известные семьи, принадлежавшие к разветвлённому плебейскому *gens Atilia*, далеко не равны по своей известности. Атилии Регулы — семья, которая в IV—III вв. до н. э. дала Риму не менее девяти консулов. Три её представителя занимали должность консула один раз и ещё трое — по два раза; восемь из девяти консулатов приходятся на III в. до н. э. «Звёздный час» Атилиев приходится на время Первой Пунической войны. С. Лансель отметил, что это была война Атилиев, как в начале III в. до н. э. война с этрусками была войной Фабиев — между 267 и 245 г. Атилии становились консулами семь раз¹⁴. Четыре из этих семи консулатов принадлежат Атилиям Регулам.

Однако затем эта семья исчезает из источников, и после М. Атилия Регула, городского претора 213 г. до н. э., о ней ничего не слышно¹⁵. Наступает время Атилиев Серранов; первый известный нам представитель этой ветви рода исполнял должность претора в 218 г. до н. э. Семья эта настолько неясного происхождения, что даже такой знаток просопографии римского нобилитета, как Ф. Мюнцер, не хочет проследивать её связи с более древними Атилиями, а К. Бреннан считает её боковой ветвью Атилиев Регулов, не вдаваясь в подробности их родового древа¹⁶. Однако сделать кое-какие предположения здесь всё-таки возможно.

если считать, что Г. Атилий Бульб — это Г. Атилий Бубульк, который в свою очередь является Серраном. Основано это на некоторой натяжке: исследователь приводит в подтверждение своей мысли ссылку на параграф Валерия Максима, где речь идёт о триумфе Атилия (IV. 4. 5), а затем отсылает к финальной части предыдущего параграфа, где присутствует слово *bubulcos*, причём не как прозвище, а как обозначение рода деятельности. Но это слово отнюдь не обязательно относится к Атилию. Ср.: «В роде Юниев назвали Бубульком того, кто превосходно правил волами» (*Juniorum <e>familia Bubulcum nominarunt, qui bubus optime utebatur*) (Plin. NH. XVIII. 10).

¹⁴ Лансель 2002, 30. Это были «чести бог» М. Атилий Регул (267 и 256 г.), его брат Гай (257 и 250 г.), Авл Атилий Калатин (258 и 254 г.), Г. Атилий Бульб (245 г.). К этому ещё следует добавить диктатуру Авла Калатина, первого диктатора, который повел войска за пределы Италии, в 247 г. до н. э.

¹⁵ Впрочем, личность этого претора вызывает сомнения. У Тита Ливия он назван просто Гай Атилий, «Регул» дополняют на основе сопоставления (XXIV. 43. 6; ср.: XXIV. 44. 2). Однако ещё в XIX в. П. Виллемс предлагал считать его Серраном (Willems 1878, 328, по 84), а в преторских фастах у К. Бреннана его когномен даётся с вопросительным знаком (Brennan 2000, 727).

¹⁶ Münzer 1920, 82, Anm. 1; Brennan 2000, 896. Вывод делается на основе двух аргументов: во-первых, сопоставления текстов Валерия Максима IV. 4. 5 (речь идёт об Атили Серране) и IV. 4. 6 (Г. Атилий Регул — того же имени и той же крови); во-вторых, Кассиодор называет консула 257 г. до н. э. С. Atilius Erranus. Оба эти

Первоначально имя семьи было Сараны (Сарраны). Именно так оно звучит в надписях и на монетах¹⁷, причем происхождение его остается неясным. *Sarranus* — это человек, происходящий из города *Sarra*, т. е. из Тиры, «Тириец»¹⁸, но каким образом могут быть связаны между собой римская семья и финикийский город, можно сказать только предположительно. Возможно, её родоначальник действительно происходил из Тиры, будучи вольноотпущенником кого-либо из Атилиев, а его потомки смогли достигнуть высокого положения. Конечно, обычным пределом для амбиций потомков вольноотпущенников был статус всадника. Но традиция знает и исключения — стоит вспомнить попытку Аппия Клавдия ввести вольноотпущенников в сенат в 312 г. до н. э. или эдилитет Гн. Флавия, сына вольноотпущенника, в 304 г. до н. э. Эти события меньше чем на сто лет отстоят от появления среди римских магистратов Атилиев Серранов, но уже до этого появления мы имеем упомянутую выше надпись III в. до н. э. Вполне естественно, что это не вполне понятное (а также, возможно, и не вполне почтенное, учитывая скверную репутацию финикийцев у римлян) прозвище трансформировалось в более понятное *Serranus*.

Серраны достигли консулата в 170 г. до н. э., затем высшую должность занимали ещё два представителя этой семьи¹⁹. В целом же место Атилиев Серранов в римской элите было, как кажется, гораздо более скромным в сравнении с тем значением, которое имели Атии Регулы в предыдущем веке. Думается, здесь и потребовалась генеалогическая легенда — герой-

аргумента сильными не назовёшь: поскольку род подразумевал общее происхождение, слова «того же имени и той же крови» можно отнести к любому члену рода Атилиев, указаний на особенно близкую связь они сами по себе не заключают. Уникальное же свидетельство Кассиодора, автора очень позднего, вполне может быть ошибкой, поскольку противоречит всей остальной традиции.

¹⁷ CIL. I.42: *Atilies Saranes C(ai) M(arci) filii* (надпись III в. до н. э. на бронзовом завершении тарана). Монеты: Crawford 1974, 245 (№ 199, легенда: *SAR*), 254 (№ 214, легенда: *M ATILI SARAN*).

¹⁸ Klebs 1896a, 2094. Р. Г. Остин, правда, пишет, что, как «обычно считают» (generally held), имя произошло от умбрийского городка *Saranum* (Austin 1977, 260). Однако это утверждение, скорее всего, неверно. Автор ссылается на комментарий К. Ландграфа к речи Цицерона «За Росция» (Landgraf 1914, 114) (других авторов, которые так считают, автор не называет!). Ландграф, в свою очередь, ссылается на статью в RE: Klebs 1896a, 2095. Но дело в том, что никакой умбрийский город Саранум в этой статье не упоминается. Более того, города с таким именем в этой энциклопедии вообще не зафиксировано.

¹⁹ 170 г. до н. э.: Авл Атилий Серран (Broughton 1951, 419–420); 136 г. до н. э.: Секст Атилий Серран (Broughton 1951, 486); 106 г. до н. э.: Гай Атилий Серран (Broughton 1951, 553). Первую попытку добиться консулата сделал Г. Атилий Серран, претор 218 г. до н. э., выставив свою кандидатуру на 216 г. до н. э. (Liv. XXII. 35. 2).

первопредок объяснял и легитимизировал социальный статус потомков (Мельникова 2004, 5). О. В. Сидорович отмечает, что политические амбиции многих родов, оказавшихся во власти относительно недавно, породили вымышленных предков, консулов и триумфаторов (Сидорович 2005, 147). Действительно, Цицерон сетовал на то, что «из-за этих похвальных слов даже наша история полна ошибок, так как в них написано многое, чего и не было: и вымышленные триумфы, и многочисленные консульства, и даже мнимое родство: например, говорится о переходе предка из патрициев в плебеи, когда люди низкого происхождения производят себя от знатного рода, носящего то же имя, — вот как если бы я сказал, будто происхожу от патриция Манья Туллия, который был консулом вместе с Сервием Сульпицием на десятый год после изгнания царей» (*Brut.* 62. Пер. И. П. Стрельниковой). Однако для Серранов трудность состояла в том, что к этому времени традиция в основном уже сложилась, и ввести в историю славных деяний римского народа представителя своей семьи было непросто, тем более что никто из них не мог похвастаться значительными военными достижениями. Не с этим ли связано то, что никто из авторов, упоминающих Серрана, не знает, чем он, собственно говоря, прославился в своей государственной деятельности?

Но Серраны нашли выход, сделав своего предка образцовым гражданином, не связанным ни с какими конкретными событиями. Пытаться найти исторического Серрана — занятие настолько же бесплодное, как искать в дебрях римской истории следы Пруса, брата императора Цезаря Августа. В отличие от других героев «римского мифа», Серран — это не персонаж из плоти и крови, а, скорее, имя-символ, магистрат-сельчанин, который способен и на военный, и на мирный труд (что, впрочем, не исключает, что в рамках семьи существовали какие-то более развёрнутые предания, не повлиявшие на общеримскую традицию). Именно о таких людях вспоминал Плиний Старший: «Руками самих полководцев возделывались в то время поля, так что позволительно думать, земля ликовала о лаврами увенчанном плуге и пахаре-триумфаторе, потому ли, что посев они вели так же заботливо, как войны, разбивали участки с той же тщательностью, как и лагеря, или потому, что под почтенными руками всё прозябает пышнее, так как и усерднее возделывается» (*NH.* XVIII. 19. Пер. М. Е. Сергеенко).

Как же именно этот образ попал всё-таки в число *exempla*? Ответ можно дать только гипотетический. Можно предположить, что произошло это не без влияния «Анналов» Кв. Энния. Прежде всего стоит обратить внимание на то, что единственные авторы эпохи Республики, упоминающие Серрана, это Цицерон и Вергилий, причем оба они знают о Серране одно и то же, а именно что он сам заседал свое

поле²⁰. Первый из них славился как знаток произведений Энния²¹; что же касается влияния эпоса Энния на поэму Вергилия, то это факт общепризнан и не требует особых доказательств. При этом в «Энеиде» стих, являющийся непосредственной цитатой из «Анналов», следует сразу же за упоминанием Серрана²². Наконец, аллитерация, которая присутствует в словах о Серране, была поэтическим приёмом, широко распространённым в архаической римской поэзии, и Энний охотно им пользовался (Дуров 2000, 58). Всё это делает вполне вероятным предположение, что упоминание о Серране (но именно упоминание, а не развёрнутый рассказ!) Вергилий нашел в стихах своего предшественника. Видимо, он, как и Цицерон, знал генеалогическую легенду, бытовавшую в семье Серранов, и упомянул её представителя среди славных римлян (то, что был избран он, а не более известный Цинциннат, можно объяснить, например, тем, что Серрана было легче ввести в стихотворный ритм). Однако вряд ли поэт и сам представлял себе, где конкретно отличился упомянутый им персонаж, да такое знание ему в данном случае и не требовалось. Так в наследство будущим читателям и осталась загадочная фигура «засевавшего свою ниву Серрана».

Литература

Дуров В. С. История римской литературы. СПб., 2000.

Лансель С. Ганнибал. М., 2002.

Мельникова Е. А. Предисловие // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004.

Сидорович О. В. Анналисты и антиквары: Римская историография конца III — I в. до н. э. М., 2005.

Старостина Н. Комментарий // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971.

Тюленев В. М. Герои и образы прошлого в «Панегирике Теодориху» Эннидия // *Antiquitas Aeterna*. Н. Новгород, 2011. Вып. 3. С. 168–173.

²⁰ Правда, Цицерон упоминает неких «послов», которые к нему пришли, но он не уточняет их цели (*Rosc. Am.* 50). Здесь вполне возможна контаминация с историей Цинцинната, причем общий смысл остается прежним: для оратора важно не то, что Серран совершил на государственном поприще, а его образ как землепашца. Ещё рельефнее эта грань образа выступает у Вергилия — сельский труд Серрана упоминается на фоне «великого Катона», «Сципионов, как молния грозных», Фабриция, «кто, довольствуясь малым, был столь могуч» (*Aen.* VI. 841–844).

²¹ Подробнее см.: Elliott 2014, 5–10.

²² Точнее, он находится через строчку, но в данном случае это несущественно: предыдущая строчка связана с ним теснейшим образом: «О Фабии, вас назову и усталый... / Максим, и ты здесь, кто нам промедленьями спас государство!» (*Aen.* VI. 845–846).

- Amherdt D.* “Rusticus politicus”: Esprit de caste? L’agriculture et la politique chez Sidoine Apollinaire. Réalité et lieux communs // *Hermes*. 2004. Bd. 132. Ht. 3. P. 373–387.
- Austin R. G.* Commentary // *P. Vergili Maronis Aeneidos Liber Sextus*. Oxford, 1977.
- Broughton T. R. S.* *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. I. N. Y., 1951.
- Brennan T. C.* *The Praetorship in the Roman Republic*. Vol. 1–2. Oxford, 2000.
- Crawford M.* *Roman Republican Coinage*. Vol. 1. Cambridge, 1974.
- Elliott J.* Ennius’ Annales and Allusion in the Roman Historiographical Tradition // *Histos Working Papers*. 2014.02 <http://research.ncl.ac.uk/histos/documents/2014WP02ElliottEnniusAnnales.pdf>
- Kaster R. A.* Commentary // *Marcus Tullius Cicero*. Speech on Behalf of Publius Sestius / transl. with introd. and comm. by R. A. Kaster. Oxford, 2006.
- Klebs E.* Atilius Saranus (57–71) // *RE*. 1896a. Hbd. 4. Sp. 2094–2096.
- Klebs E. C.* Atilius (33) // *RE*. 1896b. Hbd. 4. Sp. 2078.
- Landgraf C.* *Kommentar zu Ciceros Rede Pro Sex. Roscio Amerino*. Leipzig; Berlin, 1914.
- Münzer F.* *Römische Adelsparteien und Adelsfamilien*. Stuttgart, 1920.
- Willems P.* *Le Sénat de la république romaine. Sa composition et ses attributions*. T. 1. Louvain; Paris, 1878.
- Wiseman T. P.* The Minucii and their Monument // *Imperium Sine Fine: T. Robert S. Broughton and the Roman Republic*. Stuttgart, 1996. P. 57–74.

Evgeny V. Smykov

**SERRANUS SERENS:
A NON-EXISTENT GENERAL OF PUNIC WAR?**

In the list of heroes of Roman history Virgil mentions some Serranus, who is usually referred to the time of the First Punic War and considered representative of the family of Atilii Reguli. The article deals with the entire range of information about this man that has reached our days and demonstrates that we have only a few mentions of this Serranus, and they are very contradictory. We do not know nor his nomen, nor the office he held, nor whom he defeated and if this victory was gained at all. The article suggests that this Serranus was one of the ancestors from which originated the Atilii Serrani. This family joined the Roman nobility quite late and reached the Consulate only in 170 B.C. The genealogical legend had to refine her early history, its hero acted as an exemplary “rusticus politicus”, but was not associated with any specific events. Virgil and Cicero might have borrowed a mention of Serranus from the poem of Q. Ennius, and later writers relying on their texts gave Serranus features of some other characters of the legendary Roman history, particularly of Cincinnatus and G. Regulus and his brother M. Regulus.

А. В. Короленков

АППИАН О ПРОТИВОСТОЯНИИ ФАБИЯ МАКСИМА И ГАННИБАЛА

Изображение Второй Пунической войны у Аппиана, весьма отличающееся от описаний Полибия и Ливия, не раз привлекало внимание учёных. Рассматривались и весь этот сюжет целиком, с большей (Klotz 1936) или меньшей (Hose 1994, 178–194) степенью подробности, и его отдельные аспекты, будь то особенности «Ганнибаловой книги» (Leidl 1993, 428–462) или образ Ганнибала (Hahn 1972, 95–121). Однако рассказ об одном из интереснейших эпизодов войны — диктатуре Квинта Фабия Максима Веррукоза и его борьбе с карфагенянами (App. *Hann.* 11. 48–16. 68) — изучался очень мало¹. Проанализируем это повествование и постараемся выявить особенности изложения Аппиана в соответствующих главах и то, как оно соотносится с материалом других глав «Ганнибаловой книги».

Фабий Максим появляется на сцене в критический момент, когда в Городе ожидают нападения Ганнибала после его победы при Тразименском озере. Сообщается об этом очень буднично: «И как это бывало в минуты крайней опасности, [римляне] выбрали диктатором Фабия Максима» (δικτάτορά τε, ὡς ἐν κινδύνῳ, Φάβιον εἴλοντο Μάξιμον) (App. *Hann.* 11. 48. Здесь и далее пер. С. П. Кондратьева, иногда с изменениями). По-видимому, факт введения диктатуры интересует Аппиана гораздо больше, чем личность самого диктатора, и в итоге он даже не объясняет, почему выбор пал именно на Фабия, как это делают Полибий (III. 87. 6) и Плутарх (*Fab.* 3. 7)², восхваляющие его качества (но, к слову

¹А. Клотц, например, уделяет этому сюжету у Аппиана всего две страницы (Klotz 1936, 37–39). Ещё более краток, хотя и весьма интересен, анализ, предпринятый в статье П. Эрдкампа (см.: Erdkamp 1992, 146).

²Ливий лишь указывает, что Фабий стал диктатором вторично (XXII. 9. 7), но характеристику его качеств он мог давать в несохранившихся книгах.

сказать, не прежние подвиги). Заметим, что в некоторых других случаях александрийский историк хотя бы кратко, пусть намёком, но называет причину назначения тех или иных лиц в Риме на определённые посты: так, Луция Эмилия Павла выбрали консулом за воинскую славу, которую он снискал себе в войне с иллирийцами (App. *Hann.* 17. 74: δόξης πολεμικῆς Λεύκιον Αἰμίλιον, τὸν Ἰλλυριοῖς), а о Сципионе, будущем победителе Ганнибала, в аналогичной ситуации сообщается, что он завоевал Иберию (*Hann.* 55. 228). Подобно Полибию и Плутарху, ни словом не упоминает Аппиан и о том, что избрание Фабия и его начальника конницы Марка Минуция Руфа комициями противоречило традиции, ибо это обычно делал консул, в связи с чем Ливий и называет данный случай небывалым (*nunquam ante eam diem factum erat*) (XXII. 8. 6; см. также: 31. 8–11). Наконец, ничего не пишет Аппиан о религиозных мероприятиях Фабия — обращении к Сивиллиным книгам, обещании Юпитеру *ver sacrum, magni ludi* и др. О них просто как о жертвоприношениях (θύσας τοῖς θεοῖς) упоминает Полибий (III. 88. 7), «вряд ли относившийся к ним иначе как с цинизмом» (Walbank 1957, 405), но подробно пишут Ливий (XXII. 9–11) и старший современник Аппиана Плутарх (*Fab.* 4. 4–7). Сомнительно, что это можно объяснить равнодушием александрийского автора к подобным темам, поскольку чуть ниже он упоминает о том, что Фабий отлучился в Город для жертвоприношений (*Hann.* 12. 52), в 56-й главе подробно рассказывает о доставке в Рим изображения Матери богов, в «Гражданских войнах» не проходит мимо зловещих знамений (I. 83. 377–378; II. 36. 144–145; IV. 14–15) и т. д. Можно лишь предположить, что Аппиан следовал здесь краткому изложению Полибия, из которого слова о совершённых Фабием жертвоприношениях, естественно, выпали.

Любопытно отметить, что про сами высшие силы Аппиан вспоминает, объясняя, почему Ганнибал не пошёл на Рим после битвы при Тразименском озере — «бог отвратил его от этого намерения» (θεοῦ παράγοντος αὐτόν) (*Hann.* 12. 49)³, — случаи божественного вмешательства у Аппиана, в целом настроенного достаточно рационалистически, как известно, весьма редки⁴, и это, видимо, призвано подчеркнуть как ошибочность поведения Ганнибала (Goldmann 1988, 35), так и опасность

³ Правда, Ганнибала всё же не поражает «божественное ослепление» (θεοβλάβεια), как других врагов Рима — Антиоха III (*Syr.* 28. 141) и Персея (*Mac.* 18.1); М. Хозе, сопоставивший три указанных эпизода, этой детали не отмечает (см.: Nose 1994, 348).

⁴ Goldmann 1988, 32. У Силия Италика прямо говорится о том, что сам Юпитер отвратил Ганнибала от похода на Рим, а заодно и внушил римлянам идею избрать диктатором Фабия Максима (VI. 589–640).

положения, в котором оказался Рим, а тем самым и *volens nolens* — ответственность задачи, которая легла на диктатора.

Затем Аппиан переходит к описанию тактики Фабия: «Следуя по пятам за Ганнибалом, он не вступал с ним в сражение, хотя тот часто его вызывал на это, но не позволял Ганнибалу осаждать какой бы то ни было город, сторожа его и мешая ему. Так как страна была опустошена, то Ганнибал стал испытывать недостаток в продовольствии и, опять обходя её, каждый день выстраивал войско в боевом порядке, вызывая на бой противника. Но Фабий не вступал с ним в сражение» (*Hann.* 12. 50–51). В этом кратком изложении налицо отличие от других подобных текстов: ничего не сообщается о приказе эвакуировать неукреплённые места, а дома и урожай уничтожить (*Liv.* XXII. 11. 4; Erdcamp 1992, 146); ни Полибий, ни Ливий не пишут, что у Ганнибала в столь короткий срок стало не хватать продовольствия⁵; нет у них сведений и о том, будто Фабий помешал карфагенянам осаждать какой-то город — позднее Аппиан сам упомянет о захвате Геруния (*Hann.* 15. 66; см. ниже)⁶. Возможно, причиной этого расхождения является то, что в источнике Аппиана говорилось о воспрепятствовании осадам и созданию трудностей с провиантом у врага как о целях Фабия, а историограф превратил их в свершившийся факт. Недаром в другом своём описании этой тактики (возможно, позаимствованном из иного источника) александрийский автор уже более осторожен: «Фабий опять, как и прежде, сторожил Ганнибала и мешал ему опустошать страну, не вступая с ним в сражение со всем войском, но нападая только на рассеявшихся отдельными отрядами фуражиров и вполне определённо зная, что скоро Ганнибал *будет* испытывать недостаток продовольствия (ἀπορήσουσα τροφῶν)» (*Hann.* 13. 57) (курсив мой. — А. К.).

Аппиан не упоминает, что важнейшей целью диктатора было сохранение войска (см.: Polyb. III. 89. 2; Liv. XXII. 12. 10; Polyen. VIII. 14. 1–2) — возможно, ему казалось это слишком очевидным и не заслуживающим специального упоминания. Характерно его умолчание о том, как Фабий за свой счёт выкупил около 250 пленных (*Liv.* XXII. 23. 6–8; Plut. *Fab.* 7. 5–8; Dio Cass. XIV. 57. 15). С одной стороны, это случай слишком незначительный, чтобы Аппиан рассказал о нём в своём достаточно кратком описании войны, однако дело, думается, не только в этом: автор настолько отрицательно настроен к самой идее выкупа пленных, что

⁵ У Ливия о нехватке продовольствия у Ганнибала говорится лишь применительно к весне 216 г. до н. э. (XXII. 40. 8–9; Erdcamp 1992, 135).

⁶ У Аппиана — Герония (Γερωνία), имеются и другие варианты чтения: Гереоний, Героний, Герон (Weiss 1910, 1285).

приписывает сенату отказ от выкупа после битвы при Каннах даже на частные средства, а не за государственный счёт, как это было в действительности (*Hann.* 28. 120). Очевидно, милосердие Фабия, который за свой счёт избавил от плена стольких сограждан, вряд ли вызывало у него одобрение.

Зато о конфликте Фабия с его помощником Аппиан рассказывает очень охотно: «Минуций Руф, который был у него начальником конницы, порицал его и даже писал в Рим друзьям, что Фабий медлит со сражением вследствие своей трусости. Когда Фабий временно отлучился в Рим ради каких-то жертвоприношений, Минуций, начальствуя над войском, завязал как-то битву с Ганнибалом и, преувеличивая свою славу, тем решительнее написал донесение в Рим сенату, обвиняя Фабия в том, что тот не хочет победить. И сенат постановил, когда Фабий уже вернулся в лагерь, чтобы начальник конницы имел с ним одинаковую власть» (12. 51–52).

Рассказ Аппиана заметно отличается от того, что мы читаем в других источниках. У него Минуций не произносит зажигательных речей с острой критикой диктатора⁷, а лишь шлёт письма в Рим с жалобами на него. Первое, несомненно, является куда более грубым нарушением субординации, Аппиан же (или его источник?) «избавил» начальника конницы от столь серьёзного обвинения. Не пишет он и о другом невыгодном для Минуция обстоятельстве (по крайней мере, с формальной точки зрения), а именно о том, что последний, дав бой карфагенянам, нарушил приказ диктатора, который перед отъездом в Рим для совершения жертвоприношений велел ему воздерживаться от столкновений с неприятелем (*Polyb.* III. 94. 9–10; *Liv.* XXII. 18. 8–10; *Plut. Fab.* 8. 1–2). Само сражение Аппиан описывать, разумеется, не стал⁸, зато указал не только на то, что Минуций в письме сенату преувеличивал славу совершённого им (δόξας πλέον ἔχειν)⁹, но и что он приписал диктатору нежелание победить (ἐπέστελλε τῇ βουλῇ, τὸν Φάβιον αἰτιώμενος οὐκ ἐθέλοντα νικῆσαι), т. е. Минуций предстаёт не просто хвастуном, а ещё и злостным клеветником. Наконец, Аппиан, умалчивая о том, что постановление об уравнивании полномочий Фабия

⁷ См.: *Polyb.* III. 90. 6; *Liv.* XXII. 12. 12; 14. 4–15; *Plut. Fab.* 5. 5–6. Это весьма напоминает ситуацию во время Югуртинской войны, когда Марий поносил Метелла, причём у Саллюстия он уверяет, будто завершил бы войну, имея хотя бы половину войска (*Iug.* 64. 5), что делает параллель ещё более наглядной.

⁸ Между тем ещё Г. Де Санктис не без основания счёл, что Минуций проявил в этом бою мудрую осторожность (*De Sanctis* 1916, 52).

⁹ Перевод С. П. Кондратьева «считая, что победил» (*Аппиан* 1998, 93) представляется неудачным.

и Минуция¹⁰ было принято комициями (Liv. XXII. 25. 17), сообщает лишь об уведомлении диктатора о нём сенатом (ἡ βουλή... ἀλέφηνεν) — может возникнуть впечатление, будто он же и принял решение¹¹.

И ещё одно достаточно важное обстоятельство. В источниках удачному бою Минуция с Ганнибалом и разделу власти предшествует история с прорывом под Калликулой, где Ганнибал оказался в ловушке (Polyb. III. 93–94; Liv. XXII. 16–18; Sil. It. VII. 268–380; Front. *Strat.* I. 5. 28; Plut. *Fab.* 6–7). У Аппиана она происходит значительно позже, после того как Минуций помирился с Фабием и вернулся к исполнению обязанностей начальника конницы (см. ниже). И. Ш. Шифман пишет просто о путанице в изложении (Кораблёв 1981, 323, примеч. 77). В. Н. Пирогов, в целом склоняясь к такому же объяснению, допускает, однако, что имеет место сознательная подтасовка, ибо в таком случае эта неудача Фабия не может служить некоторым оправданием своевольным действиям Минуция (Пирогов 1878, 171, примеч. 1) и, добавим, уравнению в полномочиях последнего с диктатором. У Полибия и Плутарха говорится о возмущении Фабием, которое вызвал у римлян прорыв Ганнибала под Калликулой¹², и успех Минуция в бою под Герунием оказывается лишь последней каплей, которая переполнила чашу терпения римлян, решившихся на «вотум недоверия» диктатору. У Аппиана же прорыв под Калликулой из этой причинно-следственной цепочки выбывает.

Дальнейшее Аппиан излагает в целом так же, как Полибий и Ливий, хотя, как обычно, не без умолчаний и преувеличений. Указав, что Минуций пожелал решить дело битвой и вступил в неё, он в то же время ничего не говорит о тщательной подготовке Ганнибала к бою, расположившего засады на месте предполагаемого столкновения. К тому же из рассказа Аппиана следует, что Минуций немедленно дал генеральное сражение, тогда как на деле он собирался ограничиться

¹⁰ ἴσων ἰσχύειν αὐτῷ τὸν Ἰππάρχον. Заметим, что здесь Аппиан придерживается традиционной точки зрения, а не следует за Полибием, который пишет о провозглашении обоих равноправными диктаторами; это же, казалось бы, подтверждает и посвящение диктатора Минуция Геркулесу (CIL. I². 2. 607). Однако оно, скорее всего, было сделано Минуцием в 221 г. до н. э., когда он был *dictator comitorum habendorum causa* (Dorey 1955, 92–96), хотя мнение о диктатуре Минуция в 217 г. до н. э. встречается в литературе и ныне (см., напр.: Лансель 2002, 167; Roller 2011, 190).

¹¹ Именно так это и понял С. П. Кондратьев, в переводе которого читаем: «сенат постановил» (Аппиан 1998, 93). Валерий Максим (III. 8. 2) прямо сообщает о решении сената (*dictatori ei magistrum equitum Minucium iure imperii senatus aequaverat*) (см.: Münzer 1932, 1960).

¹² Polyb. III. 94. 8; Plut. *Fab.* 7. 3–5. Плутарх критикует Фабия и от своего имени (правда, не в самой биографии, а в синкрисисе), указывая, что его «напарник» Перикл таких ошибок не совершал (*Fab.* 29. 2).

частной операцией — отбить у врага близлежащий холм, да и вообще, как отмечает Полибий, всё делал примерно так, как и в прошлый раз (III. 104. 7)¹³, когда ни о какой решающей битве не шло и речи (и это при том, что тогда в распоряжении Минуция было *всё* войско, а не его половина). Другое дело, что Ганнибал, по-видимому, сумел превратить локальное столкновение в более крупное.

«Когда Минуций вступил в битву, Фабий, предвидя, что случится, поставил своё войско поблизости и воинов Минуция, обращённых в бегство, принимал под свою защиту, воинов же Ганнибала, которые преследовали бегущих, оттеснил» (App. *Hann.* 13. 54). В изложении других античных авторов во время сражения войско Фабия не стоит на месте, а спешит на помощь разбитой армии Минуция (Polyb. III. 105. 5–6; Liv. XXII. 29. 3; Sil. It. VII. 588–589; Plut. *Fab.* 12. 4). Однако если, согласно Полибию (III. 105. 6) и Ливию (XXII. 29. 4–5), Фабий в бой не вступает, лишь принимая в строй бегущих солдат Минуция и побуждая Ганнибала к отходу просто своим присутствием, то у Силия Италика он атакует врага и наносит ему поражение¹⁴. Аппиан, таким образом, в целом придерживается версии основных источников, употребив расплывчатое *ἀλεξιούετο*. Впрочем, указание на то, что накануне битвы Фабий «поставил [своё] войско неподвижно» (*τὴν στρατὶὸν ἀτρεμοῦσαν ἔστησε*), позволяет думать, что оно пребывало в таком состоянии и во время боя, поскольку об обратном не сообщается¹⁵.

От трогательной сцены примирения Фабия и Минуция, которую мы встречаем у других авторов¹⁶, у Аппиана осталось совсем немного (у Полибия об этом не сказано вовсе): он лишь указывает, что Фабий пошёл на помощь начальнику конницы, «нисколько не питая на него зла за клевету» (*οὐδὲν ἐπιζητίσας τῆς διαβολῆς*). «Минуций же, осознав свою неопытность, сложил власть и свою часть войска передал Фабии, считавшему, что для вступления в битву с человеком, который является мастером военного дела, есть одно только обстоятельство: необходи-

¹³ Между прочим, Минуций действовал в рамках тактики самого же Фабия (Де Бир 2005, 181; без ссылки на эту работу [1-е изд. — 1969]).

¹⁴ Sil. It. VII. 567–704; Plut. *Fab.* 12. 4–5. У Силия Италика описывается по всем правилам эпического жанра грандиозная битва с участием самого Фабия, которому придаёт силы Геркулес, с подробным изложением многочисленных подвигов, совершённых различными воинами, *etc.*

¹⁵ Ещё Г. Де Санктис резонно отмечал, что опасность, которой подверглось войско Минуция, в источниках преувеличена (De Sanctis 1916, 54), и описание Аппиана является косвенным тому подтверждением.

¹⁶ Liv. XXII. 30. 2–6; Sil. It. VII. 732–750; Plut. *Fab.* 13. Полибий же, напротив, ничего не пишет о добровольном подчинении Минуция Фабии, отметив лишь, что теперь всё войско вернулось под командование Фабия (III. 105. 10).

мость» (App. *Hann.* 13. 55). Вообще отсутствует у Аппиана приписываемое Ганнибалу сравнение Фабия с тучей, которая долго лежала на горах и теперь разразилась ливнем (см.: Liv. XXII. 30. 10; Plut. *Fab.* 12. 6). Зато александрийский историк не отказывает себе в удовольствии сослаться на авторитет первого императора в подтверждение правильности осторожной тактики Фабия: «Об этом впоследствии часто вспоминал Август, который и сам не любил быстро решаться на сражения, предпочитая руководствоваться скорее искусством, чем смелостью» (App. *Hann.* 13. 56). Надо ли говорить, что мнение столь авторитетного и, что самое главное, удачливого правителя в глазах лояльного чиновника из Александрии звучит здесь как высшая похвала Фабию (см.: Leidl 1993, 443)?

После этого, как пишет Аппиан, диктатор и дальше придерживался своей тактики, «вполне определённо зная, что скоро Ганнибал будет испытывать недостаток продовольствия» (к этим его словам мы ещё вернёмся), а затем, наконец, переходит к рассказу об уже упоминавшемся прорыве Ганнибала под Калликулой. Стоит отметить, что Аппиан берёт этот сюжет в отрыве от всей обстановки — речь шла о достаточно сложной операции, когда Фабий, по-видимому, заманил Ганнибала в ловушку, но тот сумел вырваться из неё в два этапа (см., напр.: Де Бир 2005, 177–180), вторым из которых и явился рассмотренный случай. Александрийский автор описывал войну в Италии кратко, а потому неудивительно, что из всей операции он выбрал лишь эту поражающую воображение и всем известную стратегему¹⁷.

У Аппиана отсутствует явно легендарный рассказ о том, как проводник привёл карфагенянина к Казилину вместо Казина из-за неправильного произношения карфагенского полководца, за что был высечен и казнён¹⁸. Просто говорится, что, «когда оба войска приблизились к узкому горному проходу, которого Ганнибал не предвидел, Фабий, послав вперёд четыре тысячи воинов, занял его, а сам с остальными стал лагерем на укрепленном холме с другой стороны. Ганнибал же, когда заметил, что он попал в середину между Фабием и теми, которые стерегли теснины, почувствовал страх, как никогда раньше: он не видел никакого другого прохода — всё состояло из отвесных и непроходимых скал, и он не надеялся победить Фабия или стоящих у теснин ввиду укрепленности их позиций» (*Hann.* 14. 58–59).

Здесь Ганнибал посрамлён вдвойне. Во-первых, как писал Полибий, «полководцу говорить в своё оправдание “Я этого не думал” или “Кто мог

¹⁷ См. подборку источников о ней: Walbank 1957, 429.

¹⁸ Liv. XXII. 13. 6–9; Plut. *Fab.* 6. 1–2 — Плутарх пишет о нескольких проводниках, но о казни кого-либо из них не сообщает.

ожидать, что так случится” значит давать неоспоримое доказательство своей неопытности и неспособности» (X. 32. 12. Пер. Ф. Г. Мищенко). Именно в такой ситуации оказался Ганнибал, попавший в ловушку из-за своей непредусмотрительности (προεἶδeto). Во-вторых, он «испугался, как никогда раньше» (ἔδεισε μὲν ὡς οὐ ποτὲ πρότερον) — характеристика тоже, прямо скажем, не слишком лестная. Всё это сообщается как бы между делом, но нетрудно догадаться, что Аппиан тем самым воздаёт хвалу Фабию, который заманил хитроумного пунийца в незнакомое место и нагнал на него такого страха, какого тот прежде не ведал.

Однако добить Ганнибала не удаётся, ибо он, перебив до 5 тысяч пленных, чтобы они не восстали в самый неподходящий момент, и погнав на неприятеля стада быков с подожжённым у них на рогах сеном, приводит римлян в смятение, и карфагеняне ускользают (*Hann.* 14. 60 — 15. 66).

Нельзя не отметить, что Аппиан почти не пытается смягчить вину Фабия: «Римляне и с той и с другой стороны, видя, что в лагере Ганнибала темно и тихо, а в горах много всяких огней, не могли, как это бывает ночью, точно понять, что происходит. Фабий подозревал здесь какую-то хитрость Ганнибала, но не мог разгадать её, держал войско неподвижно (συνεῖναι μὴ δυνάμενος ἀτρέμα συνεῖχε τὴν στρατίαν), считая, что ночью всё подозрительно» (*Hann.* 15. 62) *etc.*, в результате неприятель прорвался¹⁹ — как указывает Аппиан, «сверх ожидания (ἀέλλτου)» (15. 66), что напоминает Полибиеву насмешку над недалёковидными военачальниками. Тем не менее сам автор, по-видимому, далёк от неё, нисколько не осуждая Фабия и при этом не забывая приписать Ганнибалу недостойное истинного воина²⁰, но явно неправдоподобное²¹ избивание нескольких тысяч пленных²², которых у него тогда просто не было²³. Происшедшее представлено как частная неудача, искупаемая

¹⁹ См. также: Liv. XXII. 18. 1; Polyb. III. 94. 4; Front. *Strat.* I. 5. 28. Любопытно заметить, что современные учёные, в отличие от Аппиана, далеко не всегда отмечают нераспорядительность Фабия, предпочитая писать о поведении простых воинов (Кораблёв 1981, 105; Лансель 2002, 165–166).

²⁰ «Яркий пример бесчеловечности Ганнибала» (Hahn 1972, 118).

²¹ Об этом эпизоде пишет помимо Аппиана только Зонара (VIII. 26. 1), тогда как Полибий и Ливий о нём ничего не знают (Klotz 1936, 38; Hahn 1972, 118, Anm. 72).

²² Об убийстве Ганнибалом пленных Аппиан пишет также в 5. 17 и 28. 161–162. X. Лейдль относит сюда также эпизоды в 31. 132 и 44. 190 (Leidl 1993, 442, Anm. 73), однако это особые ситуации, ибо в первом случае речь идёт о казни членов семьи изменившего ему Дасия, а во втором — виновников отпадения Тисий.

²³ Пленённых при Тразименском озере римлян Ганнибал уже продал, а в отсутствие крупных боёв такому множеству новых взяты бы было неоткуда (Klotz 1936, 38).

верностью всей стратегии Фабия. (Действуя совершенно в его духе, т. е. с максимальной осторожностью, впоследствии избегает засады Ганнибала при осаде Капуи Квинт Фульвий Флакк, причём соответствующий эпизод этот описан ничуть не менее подробно²⁴, являя собой что-то вроде частичного «реванша» за прорыв под Калликулой.) О возмущении в Риме, вызванном неудачными действиями диктатора (см. выше), естественно, не сообщается.

И всё же не чуждый объективности Аппиан позволяет себе ещё один штрих, весьма невыгодный для Фабия: Ганнибал, «двинувшись к Геронию, находившемуся в Япигии, в котором было полно хлеба, взял его и, имея всего в изобилии, спокойно зимовал» (ἐν ἀφθόνοις ἀδεῶς ἐχειμαξεν) (*Hann.* 15. 66). Здесь обращают на себя внимание сразу несколько обстоятельств. Прежде всего несовпадение с данными Полибия, который относит потерю Геруния к началу диктатуры Фабия, но при этом также указывает, что в городе находились запасы зерна (III. 100. 3–4). Однако более важно, конечно, другое — падение Геруния знаменовало собой бессилие попыток Фабия помешать осаде «какого бы то ни было города» (πολιοριεῖν δ' οὐδένα εἶα) (12. 50) — а здесь не «какой бы то ни было», а весьма важный для снабжения пункт. Но главное — налицо крах всей стратегии диктатора, стремившегося оставить пунийцев на голодном пайке. У Аппиана, судя по его бесстрастному тону, случившееся вызывает скорее уважение к Ганнибалу как полководцу, нежели сожаление по поводу полной неудачи римлян и уж тем более недовольство неумелыми действиями Фабия. Понимал ли он, насколько эти сведения противоречат его в целом положительной оценке диктатора как военачальника? Похоже, что нет. Аппиан, судя по всему, весьма заботился об объективности (или хотя бы её иллюзии)²⁵, однако зачастую не задумывался над тем, как излагаемые им факты соотносятся с его же оценками. Рассказ александрийского историка позволяет читателю самому сделать выводы, в том числе и противоречащие его позиции.

Дальнейшее Аппиан описывает столь же немногословно, но конкретно: «Фабий, и после этого продолжая придерживаться своей тактики, следовал за ним (Ганнибалом. — А. К.) и стал лагерем на расстоянии десяти стадий от Геронии, имея между собой и Ганнибалом реку Ауфид.

²⁴ Эти эпизоды сопоставляет в таком контексте Х. Лейдль: Leidl 1993, 435.

²⁵ Гуленков 2000, 76. К. Л. Гуленков на примере «Митридатовой книги» показывает, как с этой целью Аппиан чередует сообщения противоположной направленности, не слишком заботясь об их согласовании и не принимая чью-либо сторону (Гуленков 2000, 69–76). В нашем случае его симпатии, несмотря ни на что, явно на стороне Фабия.

Так как окончились шесть месяцев, на которые римляне выбирают диктаторов²⁶, то консулы [217 г.] Сервилий [Гемин] и Атилий [Регул] вернулись к исполнению своих обязанностей и прибыли в лагерь, а Фабий отбыл в Рим» (*Hann.* 16. 67–68). Таким образом, Аппиан придерживается более распространенной версии (*Liv.* XXII. 31. 7; *Zonar.* VIII. 26. 12, см. также: *Plut. Fab.* 14. 1), согласно которой Фабий и Минуций сложили свои полномочия до вступления новых консулов в должность, вывод о чём можно сделать на основе текста Полибия (III. 106. 1)²⁷.

В качестве постскриптума отметим, что о дальнейшей деятельности Фабия ничего не сообщается. Рассказывая о взятии его сыном Арп (Ар-гирипп), Аппиан не уточняет, что речь идёт о Фабии-младшем (*Hann.* 31. 132)²⁸ — возможно, не по неосведомлённости, а просто не сочтя это необходимым. Бывший диктатор не упомянут даже при описании взятия Тарента в 209 г. до н. э. (*Hann.* 49. 211–213), которым, как известно, он руководил и который оказался единственным серьёзным успехом полководца за всю войну. Нельзя, конечно, исключить, что историк поступил так просто по забывчивости и неаккуратности — по сравнению с тем, что он упоминает о Марцелле лишь в связи с его гибелью, умолчав о боях последнего с Ганнибалом (Пирогов 1878, 95), это и вовсе мелочь. Однако видеть здесь случайность мешает одно обстоятельство: переход Тарента в руки карфагенян (*Hann.* 32) описывается вдвое подробнее (да и то если не считать очень детального рассказа о борьбе за тарентский акрополь — гл. 33–34), чем возвращение под власть римлян, хотя в обоих случаях ситуация сходная — измена. И это при том, что стратегическое значение города Аппиану было прекрасно известно (*Hann.* 49. 213). Возникает впечатление, что автор хочет поскорее покончить с этим сюжетом и перейти к следующему (гибель Марцелла), который, как уже давно замечено, описывает также несколько подробнее (Klotz 1936, 62). Причина, возможно, в том, что взятие Тарента не лучшим образом сказалось на репутации Фабия (прижизненной или посмертной — в данном случае значения не имеет). Дело даже не столько в том, что он вопреки представлениям многих римлян III в. до н. э. о «честной» войне²⁹ овла-

²⁶ Характерное для Аппиана разъяснение римских государственно-правовых реалий (Hose 1994, 330).

²⁷ Klotz 1936, 38–39. Вероятно, Фабий и Минуций сложили полномочия в ноябре (Walbank 1957, 435).

²⁸ См.: *Liv.* XXIV. 45. 2; *Front. Strat.* III. 9. 2. Это указано и в комментарии к «Ганнибаловой книге» (Аппиан 1998, 653, примеч. 78), что, однако, не помешало составителю указателя Л. Л. Кофанову считать обоих Фабиев одним и тем же лицом (Аппиан 1998, 722).

²⁹ См. известный пассаж Полибия (XIII. 3. 7).

дел городом с помощью изменников — в глазах Аппиана это отнюдь не предосудительно, достаточно вспомнить аналогичный случай со взятием Арп. Хуже другое — Фабий перебил знатнейших тарентинцев за их «излишнюю» осведомлённость, чем навлёк на себя обвинения в вероломстве и жестокости (Plut. *Fab.* 22.5; ср.: Liv. XXVII. 16. 6). Во II в. н. э. об этих событиях ещё хорошо помнили, и не только римляне, коль скоро нам сообщает о них Плутарх; эллинов, чьим городом был Тарент, они интересовали явно больше, чем, например, судьба Капуи. Аппиан, заметим, об убийстве виднейших граждан города не упоминает. Весьма вероятно, что такой подход восходит к его источнику, автор которого мог куда более щепетильно относиться к вопросу об использовании услуг предателей и умерщвлению знатнейших граждан, а потому в «отместку» и не упомянул Фабия — впрочем, как и об измене и убийствах тех, кто её совершил, ибо в таком случае ответственность за всё это падала на римлян как таковых.

Не вызывает сомнений, что перед нами сугубо положительный, с точки зрения автора, образ. Он занимает в его сочинении особое место. Как пишет Х. Лейдль, «ведя речь о противостоявших Ганнибалу римских [военачальниках], Аппиан прежде всего обращает внимание на следование правильной стратегии в борьбе с Ганнибалом. Этой основополагающей мысли он последовательно придерживается при обращении к существовавшим в традиции оценкам и методам, не имеющим места при описании других войн, вырабатывает критерий в отношении полководцев: только стратегия Фабия, как показано в *Hann.* 13–16, может быть успешной» (Leidl 1993, 443). Не исключено, что именно этим среди прочего объясняется отсутствие в «Ганнибаловой книге» рассказов об имевших весьма спорный исход боях Марцелла с пунийским полководцем³⁰ — в стратегию Фабия они не вписывались.

Какими же материалами пользовался Аппиан? Он весьма редко называет свои источники — у него обнаружено всего 18 ссылок на таковые (из них только 2 в интересующей нас «Ганнибаловой книге») (Hahn 1982, 261–262) или, если выразаться точнее, мест, которые могут содержать ссылки. Дело в том, что, как отмечал ещё А. Клотц, не все подобные места в тексте могут с уверенностью рассматриваться как указания на источники: то, что в *Iber.* 88. 382 говорится о Рутилии Руфе, а в *Hann.* 27. 116 — о Фабии Пикторе, не означает, что оба они напрямую использовались нашим автором — их характеристика просто как людей, описавших

³⁰ В. Н. Пирогов объясняет молчание Аппиана в данном случае тем, что рассказы о мнимых победах — результаты «баснословия позднейшего происхождения», в котором «добросовестный Аппиан» не захотел разбираться (Пирогов 1878, 95).

эти события³¹, позволяет полагать, что Аппиан обращался к их трудам не напрямую (Klotz 1936, 8–9). Правда, как считает И. Хан, ничто не свидетельствует против знакомства александрийского историка с трудом Фабия Пиктора — в его времена труды римских писателей II–I вв. до н. э. были в библиотеках и вызывали интерес: Фронто писал заметки о литературных особенностях сочинений Фабия Пиктора и Клавдия Квадригария, а Авл Геллий видел в книжной лавке «Анналы» Фабия и наблюдал спор их продавца с неким грамматиком на предмет описок в тексте³². «Александрийский историк хорошо знал, что писатели — современники событий являются лучшими источниками и что ссылки на них — исключительно на современные происходившему источнику! — в значительной мере повышают достоверность исторического труда» (Hahn 1982, 265–266). Некоторые суждения Аппиана, его система датировки, отсутствие риторики, особенности изображения событий свидетельствуют, по мнению И. Хана, о том, что именно Фабий Пиктор был главным источником при описании Аппианом Второй Пунической войны (Hahn 1972, 106–113). Однако это ещё не доказывает, что его труд послужил для александрийца опорой в нашем случае. Аппиан, как указывает И. Хан, только до 216 г. до н. э. приводит имена консулов, что нехарактерно для Фабия³³; но рассматриваемые события укладываются именно в этот хронологический отрезок, что свидетельствует не в пользу использования отца римского историописания.

Ещё один момент — упоминание об избииении 5 тысяч пленных по приказу Ганнибала (см. выше). И. Хан считает, что этот рассказ содержался у Фабия, но впоследствии его стали обходить молчанием. Аппиан, сообщая не о 15 тысячах, как у Ливия (со ссылкой на Фабия Пиктора: XXII. 7. 2), а 20 тысячах павших при Тразименском озере римлян (Hann. 10. 42), включил в число убитых 5 тысяч якобы умерщвлённых Ганнибалом пленных, откуда и взялась указанная цифра; впрочем, Хан не исключает влияния источника-посредника (Hahn 1972, 118). Он не уверен в том, что данный эпизод взят именно у Фабия Пиктора — А. Клотц видит здесь влияние писавшего более ста лет спустя Валерия Антиата,

³¹ Этот факт Аппиан отмечает в одинаковых выражениях: *Κοίντων μὲν Φάβιον, τὸν συγγραφεὰ τῶνδε τῶν ἔργων* и *Ῥοῦτίλιον Ῥοῦφον, συγγραφεὰ τῶνδε τῶν ἔργων*.

³² Hahn 1982, 264–265. И. Хан, умалчивая о споре грамматика с продавцом, ошибочно пишет, будто Авл Геллий купил этот экземпляр за большие деньги, однако в тексте последнего говорится как о покупателе (*emptor*) о другом человеке (V. 4. 2). Любопытно, что Геллий пишет о латинском тексте «Анналов» Фабия, первоначально написанных на греческом.

³³ App. *Hann.* 5. 18; 6. 23; 8. 32; 17. 74; Hahn 1972, 111–112. Об отнюдь не анналистическом характере труда Фабия см.: Сидорович 2005, 108–109.

и хотя это тоже не более чем предположение, оно кажется достаточно убедительным, учитывая страсть Валерия к завышенным цифрам и прямым измышлениям³⁴. К нему же, по мнению А. Клотца, во многом восходит рассказ об обстоятельствах назначения Фабия диктатором (как и в случае с Сицием Италиком), хотя частично Валерий мог воспроизводить при этом версию Фабия Пиктора (Klotz 1936, 37–38). Думается, эти предположения в отсутствие текстов обоих авторов и прямых ссылок на них в соответствующих пассажах обречены остаться не более чем гипотезами.

Любопытна другая ссылка, которую приводит в нашем случае Аппиан, — на мнение Августа, который, подобно Фабию Максиму, не любил без крайней нужды давать сражения. Понятно, что первый принцепс не являлся источником александрийского автора при описании Пунических войн, однако это может свидетельствовать об использовании здесь Августовой традиции, но не Ливия, у которого подобная ремарка отсутствует — по крайней мере при описании Второй Пунической войны³⁵.

П. Эрдкамп указывает в изложении Аппиана примеры сходства с Полибием — безоговорочное принятие им факта избрания Фабия комициями, а не назначения консулом, а также указание на то, что зимой 217–216 гг. до н. э. Ганнибал не испытывал недостатка в провианте и что римляне стали вести себя более агрессивно, вступая в стычки с пунийцами (Polyb. III. 106. 11; App. Hann. 16. 69). В то же время предыстория Каннской битвы, когда Ганнибала будто бы вновь стал беспокоить недостаток провианта, а Эмилий Павел старался одолеть карфагенян измором (Hann. 17–18), ближе к рассказу Ливия (XXII. 38–43), в то время как у Полибия Ганнибал как раз накануне сражения захватывает продовольственные склады римлян в Каннах, и потому голод его армии не грозит, Павел же, на которого возлагают надежды соотечественники, ободряет воинов и выступает против боя в тех местах не по принципиальным соображениям, а из-за неудобств местности (III. 107–110) (Erdkamp 1992, 146). Следует, однако, заметить, что большинство этих событий относятся ко времени уже после диктатуры Фабия, да и упомянутые версии их (особенно Ливиева) могли быть позаимствованы Аппианом из других авторов, хотя, конечно, использование Аппианом Полибия и Ливия здесь не исключено.

³⁴ На это жаловался ещё Ливий: XXVI. 49. 3; XXX. 19. 11; XXXIII. 10. 8.

³⁵ В связи с этим М. Б. Роллер отмечает (Roller 2011, 206, п. 93), что оценка Фабия как *dux cautissimus* содержалась в элогии полководцу на Форуме Августа: CIL. VI. 40953 (римский фрагмент), II. 1828 = ILS. 56 (копия из Арреция).

Таким образом, мы можем лишь с большой долей уверенности предполагать, что в данном случае Аппиан пользовался материалами раннеримской историографии, но чьи именно труды он привлекал — сказать трудно, как нет уверенности и в прямом привлечении Полибия и Ливия. При этом стоит отметить одну тенденцию, которая наблюдается в «Ганнибаловой книге» в целом и рассматриваемых её главах в частности. Аппиан не рассказывает о совете идти на Рим, данном Ганнибалу после Канн и упреке в неумении побеждать (Hahn 1972, 99–100), но приписывает ему оценку победы при Каннах как пирровой, в других источниках отсутствующую (*Hann.* 26. 111–112; Hahn 1972, 99); он не сравнивает Фабия с нависшей тучей, зато рассказывает об умерщвлённых Ганнибалом 5 тысячах римских пленных (см. выше). Не найдём мы у него упоминаний о религиозных мероприятиях Фабия в начале его диктатуры, и в то же время не в пример другим источникам говорится, будто едва ли не сразу после перехода Фабия к тактике выжженной земли карфагеняне стали испытывать недостаток в провианте. У Аппиана нет анекдота о проводнике, заведшем карфагенян по недоразумению в теснины под Казилином, а вот рассказ о прорыве Ганнибала из этих теснин отнесён ко времени уже после истории с разделом командования между Фабием и Минуцием. Иными словами, Аппиан ставил перед собой цель поведать читателю «неканоническую» версию Второй Пунической войны, причём рассчитанную на среднеобразованного грека, знавшего собственную историю до времён Александра включительно, но не слишком осведомлённого в прошлом Рима, да и многих современных ему римских реалиях (см.: Nose 1994, 330–334). Пересказывать Полибия и Ливия он не счёл нужным, предпочтя в духе характерного для II в. антикварного подхода обратиться к римским первоисточникам, примером чего, видимо, и является проанализированный текст.

Литература

- Гуленков К. Л. Митридатовы войны в освещении Аппиана // *Античность: эпоха и люди* / отв. ред. О. Л. Габелко. Казань, 2000. С. 69–76.
- Де Бир Г. Ганнибал. Смоленск, 2005.
- Кораблёв И. Ш. Ганнибал. М., 1981.
- Лансель С. Ганнибал. М., 2002.
- Пирогов В. Исследования по римской истории преимущественно в области третьей декады Тита Ливия. СПб., 1878.
- Сидорович О. В. Анналисты и антиквары: Римская историография конца III — I в. до н. э. М., 2005.
- De Sanctis G.* Storia dei Romani. Vol. III. Torino, 1916. Pt. 2.
- Dorey T.* The Dictatorship of Minucius // *JRS*. Vol. 45. 1955. P. 92–96.

- Erdcamp P.* Polybius, Livy and the 'Fabian Strategy' // *AncSoc.* Vol. 23. 1992. P. 127–147.
- Goldmann B.* Einheitlichkeit und Eigenständigkeit der *Historia Romana* des Appian. Hildesheim; Zürich; New York, 1988.
- Hahn I.* Appian und Hannibal // *AAASH.* 1972. Bd. 20. S. 95–121.
- Hahn I.* Appian und seine Quelle // *Romanitas — Christianitas.* Untersuchungen zur Geschichte und Literatur der römischen Kaiserzeit. Johannes Straub zum 70. Geburtstag am 18. Oktober 1982 gewidmet / hrsg. von G. Wirth, K.-H. Schwarte, J. Heinrichs. B.; N. Y., 1982. S. 251–276.
- Hose M.* Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart; Leipzig, 1994.
- Klotz A.* Appians Darstellung des Zweiten Punischen Krieges. Paderborn, 1936.
- Leidl Ch.* Appians 'Annibaike': Aufbau — Darstellungstendenzen — Quellen // *ANRW.* S. B.; N. Y., 1993. Tl. II. Bd. 34. 1. S. 428–462.
- Münzer F.* Minucius (52) // *RE.* 1932. Hbd. 30. Sp. 1957–1962.
- Roller M. B.* The Consul(ar) as Exemplum: Fabius Cunctator's Paradoxical Glory // *Consuls and res publica. Holding High Office in the Roman Republic* / ed. H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Polo. Cambridge, 2011. P. 182–210.
- Walbank F. W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957.
- Weiss J.* Gerunium // *RE.* 1910. Hbd. 13. Sp. 1285.

Anton V. Korolenkov

APPIAN ON THE MILITARY CONFRONTATION BETWEEN HANNIBAL AND FABIUS MAXIMUS

The author explores Appian's narration on a military confrontation between Hannibal and Fabius Maximus in 217 B.C. Appian is favorable to Fabius, though he doesn't hide his ineffectual actions, but these facts don't damage Fabius' reputation for the Greek historian. Then, Appian who sympathizes to Hannibal tells about his skilful commanding actions. Greek historian brings forward the facts not mentioned in other sources, but at the same time oversees well-known details. Appian's sources in this case are uncertain. Possible influence of Fabius Pictor and Polibius recognized by many specialists can hardly be noticed here. Appian's sources in the case were probably roman annalists. His goal was apparently to give a non-canonical version of Second Punic War.

А. Б. Никольский, А. В. Короленков

ГАЙ ТЕРЕНЦИЙ ВАРРОН — АНТИГЕРОЙ РИМСКОЙ ИСТОРИИ¹

Гай Теренций Варрон вошёл в историю как виновник каннской катастрофы 216 г. до н. э., и неудивительно, что отзывы о нём у античных авторов далеко не самые лестные. Полибий пишет о его неопытности и добавляет, что это человек, «власть употребивший во зло собственной родине» (ἀλυσιτελή δὲ τὴν ἀρχὴν τὴν αὐτοῦ τῇ πατρίδι λελοημένος) (III. 110. 3; 116. 13. Здесь и далее пер. Ф. Г. Мищенко); Ливий рисует образ недалёкого популиста, заигрывающего с толпой и именно по этой причине избранного на высшую должность, человека «торопливого и безрассудного», погубившего армию и бежавшего с поля боя (XXII. 34–35; 38. 6–7); в таком же духе характеризует Варрона Плутарх, по словам которого тот был известен «своей самонадеянностью и искательством перед народом» (*Fab.* 14. 2. Здесь и далее пер. С. П. Маркиша).

Отрицательные качества Варрона отмечаются и в антиковедческой литературе Нового и Новейшего времени. Справедливости ради отметим, что хлёсткие высказывания в его адрес встречаются не так часто² — напротив, в историографии не раз подвергались сомнению критические оценки Гая Теренция в античной традиции, прежде всего как главного

¹ Авторы выражают благодарность А. Д. Соловкиной, Л. М. и А. В. Рудневым, О. Л. Габелко и А. М. Сморгочку за помощь в работе над статьёй.

² «Бездарный человек, который приобрёл себе известность только своей злобной оппозицией сенату», — писал о консуле 216 г. до н. э. Т. Моммзен (1994, 474). Ему вторит Г. Де Бир, в чьих глазах Варрон — «грубый человек и беззастенчивый демагог», который к тому же «был бездарным военачальником» (Де Бир 2005, 184). Т. А. Бобровникова некритически повторяет оценки Ливия и Плутарха, говоря, что Варрон, «сын лавочника», «был самонадеян и умел заискивать перед народом» (Бобровникова 2009, 41). Другие авторы, воздерживаясь от подобных публицистических характеристик, тем не менее признают ответственность Варрона за разгром при Каннах: Dodge 1891, 379; Pais 1935, 250–255; Трухина 1986, 66; Ревяко 1988, 162.

виновника Каннского разгрома³, однако при этом отсутствует развёрнутая аргументация и, что особенно важно, не учитываются весьма существенные сообщения источников. Посему вопрос об истинной роли Варрона во Второй Пунической войне, как представляется, требует дополнительного рассмотрения.

Начнём с ранних этапов биографии Гая⁴ Теренция Варрона. Он принадлежал к числу *homines novi*. Его отец носил также имя Гай (*Fasti Cap.*) и будто бы был мясником, «сам разносил свой товар, и сын прислуживал ему в этом рабском занятии» (*in servilia eius artis ministeria*) — правда, сам Ливий до конца в этом не уверен, отмечая, что так лишь «передают» (*ferunt*) (*Liv. XXII. 25. 18*. Здесь и далее пер. М. Е. Сергеенко; ср.: Münzer 1934, 682; Кораблёв 1981, 116). Валерий Максим прямо пишет, что Варрон «удивительным образом возвысился от отцовской мясной лавки до консулата» (*ad consulatum macellaria patris taberna conscendit*) (*III. 4. 4*). Не исключено, однако, что обозначение профессии отца Варрона, «мясник» (*lanius*), — не более чем оскорбительное прозвище⁵, тогда как на самом деле отец римского консула (да и сам он) вполне мог быть крупным торговцем⁶. Вот и всё, что нам известно о происхождении Гая Теренция.

Сведений о его политической карьере несколько больше. Как сообщает Сервий, опираясь на Марка Варрона, первый Теренций, носивший когномен Варрон, получил его за то, что сумел взять в плен противника с таким же именем во время Иллирийской войны (*Serv. Aen. XI. 743*). Исследователи предполагают, что здесь имеется в виду именно консул 216 г. до н. э. (Münzer 1934, 676, 681; Arkenberg 1993, 327; Сидорович 2005, 178), а сами события относятся к 229/228 гг. до н. э. (Münzer 1934, 676, 681; Arkenberg 1993, 327), хотя, по мнению Ф. Мюнцера, «обретение когномена благодаря славному деянию его первого носителя представляется не очень вероятным, поскольку, как кажется, выдуманно

³ См., например: Hallward 1930, 52; Münzer 1934, 680–690; Lazenby 1978, 74; Ковалёв 1986, 229; Briscoe 1989, 51; Коннолли 2000, 182 и др.

⁴ У Евтропия (*III. 10. 1*) и Орозия (*IV. 16. 1*) ошибочно «Публий».

⁵ М. Гельцер в связи с этим напоминает (Gelzer 1969, 15), как Антоний уверял, будто отец консула 45 г. до н. э. Требония — шут (*Cic. Phil. XIII. 23*), прадед Октавиана — вольноотпущенник, занимавшийся канатным делом, а дед — ростовщик (*Suet. Aug. 2. 3*). Посему, когда К. Нойман пишет, что Варрон происходил «из самых низов плебейства» (Neumann 1883, 358), то это является результатом слишком буквально-го понимания риторических пассажей Ливия.

⁶ De Sanctis 1917, 56; Hallward 1930, 52; Scullard 1951, 52; Gelzer 1969, 17; Ковалёв 1986, 229, *etc.* Вспомним, как Аристофан насмехается над Клеоном, от которого несёт кожей (*Eq. 892–893*), «хотя вряд ли он за всю свою жизнь выдубил своими руками хоть одну кожу» — этим занимались его работники (Суриков 2011, 75).

в соответствии с известной схемой» (Münzer 1934, 676). Так или иначе, если принять предположение об активном участии консула 216 г. до н. э. в Иллирийской войне, то тогда становятся ясны причины стремительного возвышения Гая Теренция — ими стали его военные успехи.

О дальнейшей карьере Варрона мы узнаём из труда Тита Ливия. Излагая события 217 г. до н. э., римский историк представляет своему читателю Гая Теренция и сообщает, что он был квестором, плебейским и курульным эдилом и претором (XXII. 25. 18; 26. 3)⁷; судя по молчанию Ливия, плебейским трибуном, чего было бы логично ожидать от такого демагога, каким его изображает этот автор, Варрон не избирался (Ihne 1870, 194, Anm. 22). О его претуре мы можем сказать лишь, что она имела место в 218 г. до н. э. Некоторые исследователи предполагают, что Гаю Теренцию было поручено управление Сардинией (Broughton 1951, 238; Arkenberg 1993, 327). Исходя из данных источников, мы можем сделать, в общем, только один вывод: во время своей претуры Варрон ничего достойного упоминания не совершил. Но нужно учитывать, что его деятельность в роли претора пришлась на начало Ганнибаловой войны, а этот год был наполнен яркими событиями, и на их фоне его претура могла просто не привлечь к себе внимания.

Следует заметить, что в этот период Сардиния имела важное значение для Рима — она снабжала Республику зерном (Mastino 2005, 177; Prag 2013, 60; Квашнин 2006, 71). Между тем управление ею было делом отнюдь не лёгким, на острове происходили постоянные восстания, и задача претора заключалась также и в том, чтобы пресекать их, учитывая непростую обстановку на Сардинии (Mastino 2005, 66–67; Квашнин 2006, 70–71). В 218 г. до н. э. на острове никаких восстаний не произошло. Таким образом, если Гай Теренций управлял этой провинцией, то он не упустил ситуацию из-под контроля.

В следующем 217 г. до н. э. Варрон не занимал должностей, но, пользуясь поддержкой народа, оказал содействие начальнику конницы Минуцию⁸, которого комиции наделили равными с диктатором Фабием полномочиями (Liv. XXII. 24–26). К этому эпизоду мы ещё вернёмся, пока только отметим, что в некоторых источниках отмечается популярность Гая Теренция у простых людей⁹, его влияние на плебейских трибунов.

⁷ О предполагаемых датировках квестуры и эдилитета Варрона см.: Broughton 1951, 233, 234, 236.

⁸ Р. Фейг-Вишня ошибочно пишет, что Варрон в это время был претором (Feig Vishnia 1996, 57).

⁹ Возможно, этому способствовало помимо прочего и то, что он занимал должность и плебейского, и курульного эдила (Patterson 1942, 322).

Трагический 216 г. до н. э. стал пиком карьеры Гая Теренция. В этом году он вступает в должность консула. Рисуемая у Ливия и Плутарха картина такова: народ, подстрекаемый своими вождями, среди которых был и сам Гай Теренций, избирает тех, кто обещает ему скорую победу (Liv. XXII. 34–35; Plut. *Fab.* 14. 2). Знать, недовольная результатами выборов, проводит в консулы своего ставленника Луция Эмилия Павла (Liv. XXII. 35. 3–4). Тем самым оказывается, что между высшими магистратами 216 г. до н. э. изначально существовало противостояние. Варрон выступал за то, чтобы как можно скорее закончить войну победоносным генеральным сражением, Эмилий же ратовал за более осторожную тактику. Таким образом, последний выступает сторонником стратегии Фабия¹⁰ (Liv. XXII. 38–40; Plut. *Fab.* 14. 4–7; De Sanctis 1917, 56, n. 89; Scullard 1951, 52, n. 4; Briscoe 1989, 52).

Поскольку между полководцами не было согласия, то консулы разделили командование по дням (Polyb. III. 113; Liv. XXII. 41. 3; Plut. *Fab.* 15. 1). В тот день, когда командующим был Теренций Варрон, он решил на битву с Ганнибалом. Результат всем известен — самый сокрушительный за историю Древнего Рима разгром. Консул Варрон, «виновник поражения», бежал, а консул Эмилий, хотя у него была возможность спастись, остался на поле боя и погиб (Polyb. III. 116. 9; 116. 13; Liv. XXII. 49. 7–12; 49. 14; Plut. *Fab.* 16. 9; App. *Hann.* 23. 104; 24. 106–107).

Однако изложенная версия вызывает множество вопросов. Для того, чтобы определить степень ответственности Гая Теренция за каннскую катастрофу, необходимо, на наш взгляд, рассмотреть все имеющиеся источники в хронологическом порядке.

Итак, самый важный и самый близкий к описываемым событиям источник — Полибий. Ахейский историк по-своему представляет события 216 г. до н. э. Конфликт между Марком Минуцием и Фабием Максимом он представляет не как конфликт между нобилитетом и плебсом, а как соперничество внутри римской политической элиты. Хотя Полибий отмечает, что стратегию Марка Минуция поддержали все трибуны и центурионы (χιλίαρχοι καὶ ταξίαρχοι) (III. 92. 4), а о Фабии шла дурная слава из-за недостатка у него мужества (III. 90. 6; 94. 8), это ещё не свидетельствует о противоречиях народа с нобилитетом; скорее, здесь показана непопулярность политики диктатора и объясняются причины ослабления его позиций.

¹⁰ Таковым его считают вслед за Ливием и многие историки Нового и Новейшего времени: Dodge 1891, 345; Пирогов 1878, 239; Кораблёв 1981, 323, примеч. 79; Ревяко 1988, 153; Де Бир 2005, 184.

Далее, по мнению ахейского историка, выборы консулов 216 г. до н. э. происходят вполне обыденно: мы не обнаруживаем во «Всеобщей истории» никакой острой борьбы между народом и знатью, консулами избираются Луций Эмилий и Гай Теренций. Говоря о выборах, Полибий называет первым Эмилия Павла (III. 106. 1). Сенат предлагает произвести дополнительный набор в армию (III. 107. 9) и тем самым продолжить активные военные действия, сенат также высказывается за битву с неприятелем и даёт перед отправкой консулов к армии инструкции о том, как нужно вести боевые действия (III. 108. 1). Вообще, когда у Полибия идёт речь о консулах 216 г. до н. э., Эмилий оказывается на первом месте. Это и понятно: военный опыт делал его в глазах общественности главным в консульской паре. Сам Полибий приводит рассказ об успешных действиях Павла в Иллирии (III. 107. 8), т. е. никакого конфликта между консулами с момента выборов не наблюдается. Лишь когда римская армия прибывает к Каннам, между консулами начинаются споры о том, где лучше дать битву. Полибий порицает Варрона за то, что он неправильно выбрал место для будущего сражения: поле боя было ровным и потому удобным для действий конницы, в которой Ганнибал имел перевес (III. 110. 2–4).

Затем разногласия между консулами нарастают: Гай Теренций выступает за скорейшее генеральное сражение (III. 112. 4), а Луций Эмилий, наоборот, за осторожность (III. 110. 2). Командование войском они разделяют по дням, и в тот день, когда командовать должен Гай Теренций, он выводит войска из лагеря и выстраивает их для битвы (III. 113. 1). Из-за плана Варрона армия строится слишком плотно; Полибий сообщает, что «манипулы поставлены были теснее, чем прежде, и всему строю была дана больше глубина, чем ширина» (III. 113. 3–4). Так же неумело Гай разместил союзническую конницу, расположив её возле реки и тем самым лишив манёвренности. Далее следует само сражение, в результате которого римляне терпят полный разгром.

Каждый из консулов по-разному проявляет себя в этой битве: Луций Эмилий сражается на самых опасных участках боя, а Гай Теренций, наоборот, по версии Полибия, спасается вместе с союзнической конницей. Автор гневно обличает его как «человека с низкой душой» (*ἀνὴρ αἰσχροῦν μὲν τὴν ψυχῆν*) (III. 116. 13).

Весьма суров к Варрону Тит Ливий. Он называет будущего консула 216 г. «защитником подлого люда» (*proclamando pro sordidis hominibus causisque*), который «чернил доброе имя порядочных» (*adversus rem et fatam bonorum*) (XXII. 26. 2). Именно Гай Теренций, по мнению римского историка, был главным виновником того, что командование делится между Марком Минуцием и Квинтом Фабием: Варрон был единственным

оратором, «высказавшимся за предложение об уравнивании власти» (XXII. 25. 18). Далее Ливий подробно описывает выборы, где в самых резких словах осуждает чернь, поддержавшую человека «без роду и племени» (*sui generis hominem*), «происхождения не то что низкого, но просто подлого» (*non humili solum sed etiam sordido ortus*)¹¹. Нобилитет, увидев, что избран такой консул, выдвигает своего кандидата — Луция Эмилия Павла, считая его опытным в военных делах (XXII. 35. 7). Ливий добавляет, что Луций Эмилий Павел избран был не столько в товарищи Гаю Теренцию, сколько в противники (XXII. 35. 4). Поэтому Варрон даже после своего избрания выступает в Риме против своего коллеги и обещает народу быструю победу. Луций Эмилий вынужден, по версии Ливия, созвать народное собрание и оправдаться — он заявляет, что предпочитает «продуманные решения, сулящие безопасность» (XXII. 38. 13).

Именно Ливий изображает Эмилия Павла сторонником Квинта Фабия. И Фабий обращается к Луцию Эмилию, говоря, что тому придётся бороться с Варроном не меньше, чем с Ганнибалом, и Варрон-полководец обратит против него его же солдат (XXII. 39. 5) — повторяется ситуация противостояния Фабия и Минуция¹². Далее Ливий описывает, как «торопливый и безрассудный консул» (*temeritati consulis ac praepropero ingenio*) после удачного боя, прекращённого Павлом из опасения попасть в ловушку (XXII. 41. 1–2), рвётся в битву, и лишь Луций Эмилий удерживает его от дальнейшего наступления, в результате которого армия попала бы в засаду, устроенную Ганнибалом. Свою роль сыграли неблагоприятные знамения, и Варрон, помня о судьбе Фламиния, ими пренебрегшего, не решается в этот день продолжать активные действия (XXII. 42. 7–8)¹³.

Однако на военном совете Варрон выступает за генеральное сражение, и весь штаб его поддерживает, исключение составляет лишь Луций Эмилий Павел. Последний проявляет в бою чудеса храбрости, предпочитая «славную смерть позорной жизни». Ливий подробно описывает гибель консула¹⁴, практически ничего не сообщая о Варроне (XXII. 50. 7).

¹¹ До Варрона *homo novus* в последний раз добился высшей магистратуры 64 (!) года назад — это был знаменитый юрист Тиберий Корунканий, консул 280 г. до н. э. (Gelzer 1969, 51). И после Гая Теренция ни одного из «новых людей» среди консулов в годы Второй Пунической войны больше не будет (Beck 2005, 138).

¹² Варрон выступает у Ливия, по выражению Дж. Брискоу, как *spiritual successor* Минуция (Briscoe 1989, 52). См. примеч. 13.

¹³ Это противоречит мнению о том, что образ «демагога Варрона» создан у Ливия по образу Фламиния (Goldsworthy 2003, 199).

¹⁴ Достоверность этого рассказа вызывает серьёзные сомнения (Daly 2005, 215, п. 34).

Плутарх, давая оценку каннской катастрофе, следует в основном Титу Ливию, но не упоминает о роли Варрона в конфликте Фабия Максима с Марком Минуцием. Излагая события, предшествовавшие сражению, Плутарх уверяет, будто Варрон «в собрании всякий раз кричал, что войне до тех пор не будет конца, пока командование поручают Фабиям, а что-де сам он разобьёт противника в тот же день, как его увидит» (*Fab.* 14. 2). Он отмечает, что лишь к Эмилию Павлу, опытному в делах войны, обращается Квинт Фабий с призывом быть осторожным (*Fab.* 14. 4–7)¹⁵. Таким образом, Эмилий Павел также изображается сторонником Фабия Кунктатора, хотя, если опираться на Полибия, он таковым не являлся. Подводя итог вышесказанному, Плутарх вкладывает в уста Эмилия Павла слова о том, что он «был побеждён сначала Варроном, а потом Ганнибалом» (*Fab.* 16. 8).

Во многом в духе Полибия характеризует Варрона Аппиан¹⁶: Гай Теренций — «самый худший, виновник этого несчастья, [как только] началось бегство, скрылся» (ὁ δὲ φαυλότατός τε καὶ τῶν συμφροῶν αἴτιος) (*Hann.* 25. 109. Здесь и далее пер. С. П. Кондратьева; ср.: Polyb. III. 116. 13), но при этом ободряет убитых отчаянием солдат после сражения (*App. Hann.* 26. 114).

Как видим, образ Гая Теренция Варрона с течением времени «эволюционировал» в худшую сторону. Начало этому процессу, судя по имеющимся у нас данным, положил Полибий. Ахейский историк стремился снять вину за каннскую катастрофу с Луция Эмилия Павла, поскольку был дружен с представителем этого дома — Сципионом Эмилианом, внуком Луция, что сказывалось на его оценках (*De Sanctis* 1917, 56, n. 89; *Hallward* 1930, 52; *Scullard* 1951, 51–52; *Lazenby* 1978, 75; *Briscoe* 1989, 51; *Daly* 2005, 120), и поэтому изобразил Варрона человеком неопытным и неискусным в военном деле, самоуверенным и трусливым. Здесь необходимо также указать, что речь идёт, скорее, не о фальсификации исторического материала, а об излишнем доверии к семейной традиции Эмилиев.

Тит Ливий придал образу Варрона дополнительные отрицательные черты. «Герой его истории — сенат, а потому “народные” вожаки — такие, как Фламиний, Минуций и Варрон — изображаются [им] не в лучшем свете» (*Daly* 2005, 24). В труде этого историографа Варрон — наглядный пример для современников, которые на себе испытали все тяготы гражданских войн. Ливий переносит реалии поздней Республики в конец

¹⁵ Э. Пайс пишет, что придерживаться тактики Фабия Павлу советовал сенат (*Pais* 1935, 245), но такого нет даже у Ливия.

¹⁶ Полибий, в отличие от Ливия, явно был одним из главных источников Аппиана при написании «Ганнибаловой книги» (см.: *Leidl* 1993, 453–455).

III в. до н. э., и Гай Теренций превращается у него в вождя толпы, смущающего своими речами начальника конницы Минуция, плебейского трибуна Метилия¹⁷, народ и сенат; он делает карьеру с помощью фантастических обещаний, подталкивая государство к катастрофе. Этот «выскачка» противопоставляет себя нобилитету и сенату, и Каннский разгром становится закономерным финалом его «безумств». Если у Полибия Варрон лишь по-мальчишески самоуверен и совершает ошибки по неосторожности, то у Ливия это демагог, проводящий вопреки всякому здравому смыслу политическую линию из желания противопоставить себя «лучшим людям». Правда, делает он это, скорее, в силу искреннего заблуждения (наследие Полибиевой трактовки), и изредка у Ливия мелькают черты иного образа — так, Варрон из-за неблагоприятных знамений останавливает наступление, помня о судьбе Клавдия и Фламиния (XXII. 42. 9; см. выше). Упоминается (но без Полибиевых lamentаций) и о его трусости — он назван *fugiens consul* (Liv. XXII. 50. 3)¹⁸ и в какой-то момент не решается (но лишь предположительно) присоединиться к остаткам своей армии — очевидно, боясь испытать на себе гнев воинов (XXII. 49. 14). Но временами Ливий, движимый неприязнью к Варрону, пишет откровенные нелепости. Сообщив, например, что под началом консула в Венузии собралось около 4,5 тысяч уцелевших воинов, причём подчеркнув, что это была не толпа, а «некое подобие консульского войска» (XXII. 54. 1; 6: *iam aliqua species consularis exercitus erat*), он, видимо, забыв об этом, далее пишет о «немногих плохо вооружённых» воинах (XXIII. 5. 1: *cum paucis ac semiermibus*), которые остались у Варрона (Münzer 1934, 688). Гай Теренций произносит перед капуанскими послами достойную презрения речь, после которой те предпочитают перейти на сторону Ганнибала (Liv. XXIII. 5. 4–15). Вполне возможно, что требования от них воинов и денег усилили желание капуанцев отпасть от Рима (Де Бир 2005, 195; Hallward 1930, 56), но вряд ли Варрон говорил, будто «судьба не оставила нам ничего, что было бы можно восполнить... Всё погибло в день битвы [при Каннах] или на следующий день, когда мы потеряли оба лагеря. Вам, кампанцы, придётся не помогать нам, а почти что воевать вместо нас» (Liv. XXIII. 5. 6–7)¹⁹ — как резонно замечает

¹⁷ Некоторые авторы придерживаются чтения «Метелл» (Hoffmann 1942, 35; Кораблёв 1981, 111–112), которое представляется менее предпочтительным (см.: Lazenby 1978, 72).

¹⁸ Так же потом напишет и Орозий (IV. 16. 3): *Varro consul (...) fugit*. О замечании Флора на сей счёт см. примеч. 20.

¹⁹ Хотя сомнительность рассказа Ливия о встрече Варрона с капуанцами очевидна (Лансель 2002, 185; Goldsworthy 2003, 224), И. Ш. Шифман принимает его безо всяких оговорок (Кораблёв 1981, 134–135), а Т. А. Бобровникова и вовсе доводит

В. Гёрлиц, Варрон «ни в коей мере не был законченным дураком» (Görlitz 2005, 159). Между тем именно глупость, опрометчивость, торопливость в его образе у Ливия (XXII. 41. 1: *temeritati consulis ac praepropero ingenio*) преобладают над прочими качествами. И хотя, как мы видели, у этого автора немало многозначительных недомолвок и оговорок в отношении Варрона, они не особенно бросаются в глаза и потому не делают погоды.

Но была и другая точка зрения на личность Гая Теренция. Отголоски её упомянутой версии нашли своё отражение в труде Луция Аннея Флора, который задаётся вопросом, кто «проявил большее величие духа — устыдившийся Павел или не впавший в отчаяние Варрон» (II. 6. 75)²⁰. Некоторые авторы, признавая Варрона виновником каннской катастрофы, отмечают его достойное поведение после неё. Так, Валерий Максим, хотя и пишет о Варроне как виновнике Каннского разгрома (III. 4. 4), в другом месте с похвалой отзываясь о его отказе (под влиянием *pudor* и *modestia*) от диктатуры, сенатом и народом ему предложенной (IV. 5. 2; III. 4. 4 — о предложении диктатуры, но без упоминания об отказе со стороны Варрона)²¹. Согласно Фронтину, Варрон всей последующей жизнью доказал, «что остался жить не из привязанности к жизни, а ради государства» (*Strat.* IV. 5. 6). Возможно, подобный взгляд восходит к труду знаменитого антиквара Марка Теренция Варрона, исторические труды до нас, к несчастью, не дошли.

Как видим, лишь поведение Варрона после Канн заслуживало у некоторых авторов похвалы (об этом ещё пойдёт речь), но мнение о нём как о виновнике крупнейшего в римской истории разгрома оставалось

до абсурда, уверяя, будто Гай Теренций, «сломленный отчаянием», «пал духом настолько, что рыдал (! — *Авт.*) перед послами Капуи, умоляя их спасти Рим» (Бобровникова 2009, 48). Между тем ни о каких «рыданиях» и «отчаянии» Ливий не пишет (у Аппиана консул сам ободряет упавших духом воинов — см. выше), а речь Варрона в его труде отнюдь не является стенограммой. Следует обратить внимание на то, что Ливий не называет имени Варрона — он у него просто консул (XXII. 5. 2; 6. 1; ему следует: Hoffmann 1942, 54). Никак не порицается и его поведение, несмотря на то что все основания к тому, казалось бы, есть — в XXII книге римский историограф себе в этом не отказывает. Похоже, Ливий (как и его информатор?) не был до конца уверен, что переговоры с капуанцами вёл именно Варрон, хотя о других консулах на тот момент и неизвестно, а критика магистрата, даже имени которого он не мог назвать, выглядела бы по меньшей мере странно.

²⁰ Правда, при описании битвы при Каннах Флор пишет, имея в виду Варрона, что «один из полководцев бежал» (*ducum fugit alter*) (II. 6. 17) — деталь, не слишком лестная для Гая Теренция, но имя его не названо.

²¹ Здесь усматривается параллель с легендой о том, как Сципион Африканский отказался от бессрочного консульства и диктатуры (Liv. XXXVIII. 56. 12; Münzer 1934, 689).

неизменным. Очевидно, влияние Эмилиев — Корнелиев оказалось достаточно сильным, чтобы именно такая трактовка стала господствующей, чему в немалой степени способствовал и труд Полибия, а в результате дальнейшей риторической обработки с учётом опыта гражданских войн она обрела новые и убедительные на первый взгляд черты, которые нашли отражение в сочинении Ливия.

Виновник перед лицом истории был определён, и мало кого интересовал вопрос обоснованности этих обвинений. Множество нестыковок, присутствующих в трудах обличителей Варрона, прежде всего Полибия и Ливия, внимания к себе не привлекали. А между тем анализ античных текстов даёт возможность по-иному взглянуть на Каннскую битву и личность Варрона в целом.

Первый вопрос, который необходимо рассмотреть, — был ли Варрон плебейским вожаком, каким его изображает Тит Ливий. Этот вопрос тесно связан с разделением армии между Марком Минуцием и Фабием Максимом и ролью в этих событиях Теренция Варрона, а также избранием последнего в консулы и конфликтом его с собственным коллегой — Эмилием Павлом.

Говоря о конфликте Квинта Фабия и Марка Минуция, мы должны отметить, что у Полибия роль Гая Теренция не отмечается вообще; об этом лишь сообщает Тит Ливий, остальные историки о Гае Теренции в связи с данными событиями умалчивают. Это резонно, поскольку наиболее активную роль (по крайней мере, внешне) в тех событиях играл плебейский трибун Марк Метилий, а причина, по которой он заступает за Минуция, проста — они состояли в родстве (Plut. *Fab.* 7. 5).

Во время консульских выборов, как уверяет Ливий, Варрон выступал как ярый сторонник плебса: «Он подладил к плебейцам нападками на знать (*insectatione principum*) и простонародными ухватками (*popularibus artibus*), а особенно расположил их к себе травлей Фабия и старанием ограничить его диктаторскую власть. Чернь (*volgus*) старалась вытащить его в консулы, а сенаторы (*patres*) всячески этому противились, чтобы люди, желающие сравняться со знатью, не привыкали её преследовать» (XXII. 34. 1–2). К. Нойман даже писал в связи с этим об «охлократических элементах», а в избрании преторами трёх консуляров²² видел решительный ответ верхов на победу «высочки» Варрона (Neumann 1883, 359, 361, 362), что, конечно, явное преувеличение²³. Как предполагают

²² М. Клавдия Марцелла, П. Фурия Филадельфа и Л. Постумия Альбина (Broughton 1951, 248–249).

²³ Г. Бек считает, что избрание преторами трёх консуляров свидетельствовало о стремлении народа и сената как можно скорее закончить войну победоносным генеральным сражением (Beck 2005, 290).

другие исследователи, речь шла о борьбе не нобилитета и плебса, а различных аристократических группировок²⁴. Г. Скаллард считает, что на начало Второй Пунической войны в сенате доминировала «партия» Эмилиев — Сципионов, поддерживавшаяся Ливиями, Минуциями и Сервилиями (Scullard 1951, 39). Разумеется, никакой борьбы между народом и знатью в конце III в. до н. э. в том виде, в каком её рисует Ливий, не было и быть не могло (Staveley 1954, 206), тем более что видеть в нобилитете некую монолитную массу, игнорируя различия позиций разных его групп, явно неверно (Münzer 1920, 125). Следовательно, Варрон не являлся выдвинутым плебса (хотя, несомненно, пользовался его расположением) в противовес кандидату сената, иначе он, *homo novus*, просто не стал бы консулом.

Конечно, это не означает, что никакой борьбы на выборах 216 г. до н. э. не было. Но речь идёт не о борьбе «низов» и «верхов», «знати» и «народа»²⁵, а двух соперничавших группировок — Фабиев, с одной стороны, и Эмилиев — Сципионов — с другой, из которых вторая пользовалась явно большей поддержкой простых людей, поскольку выступала за скорейшее окончание войны путём разгрома врага в генеральном сражении. Варрон, судя по всему, был не противником сената, а союзником Эмилиев — Сципионов. В пользу этого говорит то, что на выборах именно под его председательством избирают Эмилия Павла²⁶, причём, возможно, *in absentia* (Patterson 1942, 322). Представители этой «партии», несомненно, были заинтересованы в поддержке такой популярной личности, как Варрон, а потому, надо полагать, помогли ему добиться победы на выборах; он же, в свою очередь, сделал всё от него зависящее для успеха не слишком популярного (Plut. *Fab.* 14. 4) выдвинутого своих союзников — Эмилия Павла²⁷ и ослабления влияния Фабиев. Иными

²⁴ Münzer 1920, 124–126; Patterson 1942, 340; Staveley 1954, 206–207.

²⁵ Этот тезис господствовал в старой литературе: Моммзен 1994, 474; Ihne 1870, 194; Neumann 1883, 358–362; De Sanctis 1917, 55–56; Hallward 1930, 52; Pais 1935, 244. Но и после работ Ф. Мюнцера, Г. Скалларда, Э. Стэйвли у него сохраняется немало сторонников. Г. Де Бир называет Варрона «врагом сената и аристократов-патрициев» (Де Бир 2005, 184) (! — к тому времени уже не только патриции входили в состав нобилитета), И. Ш. Шифман в данной связи пишет о борьбе сената с оппозицией и победе «плебейской линии» (Кораблёв 1981, 116–117), К. А. Ревяко — о «политической борьбе между патрициями и плебеями» (! — она уже осталась в прошлом) или аристократии и плебса (Ревяко 1988, 153–154), С. Лансель — о «неприкрытой враждебности народной партии к аристократии» (Лансель 2002, 172).

²⁶ Ситуация обретает ещё большую ясность, если верно предположение, что Варрон служил в Иллирии под командованием Павла (Lazenby 1978, 74).

²⁷ И. Ш. Шифман, полемизируя с Г. Скаллардом, пишет: «То обстоятельство, что Варрон и после Канн занимал ответственные посты, не свидетельствует о невозможности разногласий между ним и Эмилием, между ним и сенатом до Канн» (Кораблёв

словами, Гай Теренций олицетворял собой народную поддержку Эмилиев — Сципионов. Как пишет Дж. Лэйзенби, «избрание Варрона консулом стало триумфом “народа” не более, чем в случае с Фламинием — это был триумф тех сенаторов, которые хотели отказаться от стратегии Фабия и сделать всё возможное, чтобы разгромить Ганнибала на поле битвы» (Lazenby 1978, 74–75).

Второй вопрос, который необходимо рассмотреть, кто же именно командовал римской армией на поле битвы при Каннах 2 августа 216 г. до н. э. П. Коннолли высказал предположение, что Гай Теренций не мог руководить римским войском, поскольку во время сражения он оказался на левом крыле, в то время как полководец обычно находился на правом, где стояла конница римских граждан, или, в крайнем случае, в центре римской армии, опять-таки вместе с согражданами (Коннолли 2000, 184). Этот вывод основывается на данных Вегеция, согласно которым полководец во время сражения должен находиться на правом крыле, левый же фланг был третьим по значимости после правого и центра (III. 18; ср.: Махлаюк, Негин 2009, 178–179). Именно этим «непрестижным» флангом, где находилась союзническая конница, и командовал Гай Теренций. Вегеций также сообщает, что полководец должен появляться на самых важных участках боя, т. е. постоянно находиться в движении. Именно так во время Каннской битвы вёл себя Луций Эмилий Павел. С правого фланга он переместился в центр, где и нашёл свою смерть.

Возникает вопрос, насколько данные Вегеция, писавшего на исходе античности, соотносимы с реалиями конца III в. до н. э.²⁸ В целом нет ничего невозможного в том, что они отражают среди прочего и положение времён Ганнибаловой войны, но не более; доказательной силой сведения Вегеция в нашем случае не обладают, а потому мнение П. Коннолли нуждается в дополнительной аргументации.

Наши основные источники говорят о том, что консулы, объединив свои войска, командовали армией по очереди (Polyb. III. 110. 3; Liv. XXII. 41. 3; Plut. *Fab.* 15. 1). В день сражения руководство армией взял на себя

1981, 323, примеч. 79). Однако Г. Скаллард не считает разногласия невозможными в принципе, а лишь допускает, что они не имели места или что их острота преувеличена античными авторами. Так или иначе, Варрон был явно связан с Эмилиями как до Канн (см. выше о консульских выборах на 216 г. до н. э.), так и после (Трухина 1986, 109) и не раз занимал различные должности вместе с представителями группировки Эмилиев — Сципионов.

²⁸ В том, что пребывание командующего на том фланге, где стояла римская конница, было характерно для конца III в. до н. э., сомневается, в частности, А. Голдсуорти (Goldsworthy 2003, 205). Он ссылается на то, что Нерон в битве при Метавре стоял на правом фланге, тогда как командовал в тот день Ливий Салинатор (Liv. XXVII. 48. 4 — у Голдсуорти ошибочно XXVII. 98; Goldsworthy 2003, 382, n. 11).

Варрон (Polyb. III. 113; Liv. XXII. 45. 5; Plut. *Fab.* 15. 1). Лишь более поздний автор, Аппиан, сообщает несколько иную версию: по его словам, в день битвы должен был командовать Гай Теренций, но он уступил свою очередь более опытному коллеге — Луцию Эмилию (*Hann.* 19. 84). Конечно, к Аппиану как к источнику по истории Второй Пунической войны у исследователей немало претензий²⁹, но его слова находят подтверждение в трактате Цицерона «О дивинации»: «Фламиний не подчинился ауспiciям, поэтому погиб вместе с войском. А хотя год спустя Павел подчинился, разве он не погиб вместе с войском в битве при Каннах?» (*Flaminius non paruit auspiciis, itaque periit cum exercitu. At anno post Paulus paruit; num minus cecidit in Cannensi pugna cum exercitu?*) (II. 71. Пер. М. И. Рижского с изменениями).

Этот текст заставляет по-иному взглянуть на вопрос о том, кто командовал римской армией в битве при Каннах. Дело в том, что при объединении войска объединялось и командование, так что империй, естественно, концентрировался в одних руках. При этом, как отмечает А. М. Сморгчов, «власть высших магистратов воспринималась римлянами как неразрывное единство политических и религиозных полномочий» (Сморчков 2012, 35). Соответственно за полководцем закреплялось право выяснять волю богов. При этом ауспiciи перед боем проводил тот консул, в чьих руках сосредоточивался империй. У Цицерона, правда, прямо не сказано, что Эмилий Павел сам совершал ауспiciи, но вполне логично, что если он *paruit [auspiciis]*, то речь идёт не просто о его участии в бою вместе со всеми, а именно о принятии им решения дать битву, тем более что он поставлен в один ряд с Фламинием, который, бесспорно, был командующим.

К тому же косвенное подтверждение сведений Аппиана мы находим у Полибия. Ахейский историк сообщает, что Эмилий Павел приказал части солдат оставаться в лагере для охраны (Polyb. III. 117. 8). В лагере осталось 10 тысяч солдат — число весьма значительное, оставить так много воинов в преддверии решающего сражения мог только сам командующий, и вряд ли этот вопрос самостоятельно решал полководец, наделённый меньшими полномочиями, каковым изображается Эмилий Павел³⁰. Таким образом, предположение П. Коннолли представляется нам достаточно правдоподобным.

²⁹ Применительно к битве при Каннах см.: Lazenby 1978, 260–261; Дельбрюк 1994, 242; Daly 2005, 25.

³⁰ Т. Додж, критикуя Варрона, якобы передоверившего командование легионами подчинённым, пишет, что Павел, несмотря на ранение в голову, вёл себя весьма активно (Liv. XXII. 49. 1–2) и «пытался делать то, что Варрон должен был делать сам» (Dodge 1891, 379). На деле, однако, он брал на себя не чужие

Третий вопрос касается «некомпетентности» Гая Теренция в военном деле. Выше мы уже обрисовали карьеру Варрона. Он прошёл традиционный *cursus honorum* (Neumann 1883, 358), прежде чем стать консулом. Сомнительно, что он достиг высшей магистратуры, не обретя при этом достаточного опыта в делах войны, и уж как строить войско и определять место для сражения, не зная не мог. Что касается высказанного Полибием в адрес Варрона обвинения в неправильном выборе места для битвы, то оно звучит несколько странно, даже если считать, что 2 августа 216 г. до н. э. командовал всё-таки он. Предыдущие сражения римлян прошли как раз в местности, совершенно не похожей на равнину под Каннами — неровной и гористой, и итог их был для римской армии неутешительным (Montagu 2000, 178–179; Разин 1994, 178–180). Поэтому вполне вероятно, что выбор римлян в этом случае был осознанным — они опасались засад, которые им мог устроить Ганнибал, и военный совет римской армии не возражал против того, чтобы сражаться на равнине. И римляне, и Ганнибал считали её пригодной для осуществления своих планов. Так что обвинение в неправильном выборе места для сражения беспочвенно: это было общее решение римского командования.

Далее тот же Полибий пишет, что войско было выстроено неправильно, слишком плотно (см.: Judeich 1927, 16). Однако в справедливости этого упрека позволительно усомниться. Войско римлян строилось *традиционно*; чтобы построить армию по-другому, её надо было переобучать. Чтобы научить свою пехоту в Испании по-другому выстраиваться и сражаться, П. Сципиону Африканскому пришлось потратить несколько месяцев на дополнительные тренировки³¹, да и то сей сомнительный эксперимент больше не повторялся — во всяком случае, при Заме его пехота была построена традиционно для римской армии.

Приходится констатировать, что «виновницей» не самого подходящего построения можно считать римскую военную систему, не приспособленную для борьбы с таким противником, как Ганнибал; как у консулов, так и у других римских полководцев не было опыта управления столь многочисленным войском³². Не исключено, что из-за большой плотности легионеров в строю Эмилий Павел и оставил часть солдат в лагере.

обязанности, а выполнял свои собственные, ибо обязанности командующего в тот день лежали на нём.

³¹ См. подробнее: Scullard 1970, 68–85.

³² Плутарх (*Fab.* 14. 3) изображает дело так, будто набор столь огромной армии, не вызывавший одобрения Фабия и его единомышленников, был делом рук одного Варрона, что, конечно, не соответствует действительности (Feig Vishnia 1996, 220, п. 33).

Как бы то ни было, упреки Полибия в адрес Варрона как человека, несведущего в военном деле, беспочвенны — последний обладал не столь уж малым боевым опытом, а место сражения и способ построения войска определялись не им, или, вернее сказать, не только им, и взваливать ответственность лишь на него в данном случае как минимум не совсем справедливо, тем более что командование находилось не в его руках.

И, наконец, ещё один вопрос, имеющий прямое отношение к репутации Варрона — история с его бегством с поля боя. Полибий и Аппиан, как мы видели, упрекали его за это в трусости. Особенно серьёзно такое обвинение звучит, если учитывать поведение Луция Эмилия Павла, который, если верить Ливию, отказался спастись и погиб вместе со своими солдатами — это, несомненно, куда больше соответствовало образцу поведения аристократа в случае поражения (Rosenstein 1990, 140). И всё же не будем спешить с обличениями. Возможно, в пылу сражения, когда его фланг начал беспорядочно отступать в результате прорыва правого крыла римской армии (Daly 2005, 181), консулу ничего другого просто не оставалось, как отходить вместе со всеми. Ведь то, что на левом фланге правильное сражение перешло в банальную свалку, мы можем предполагать, если вспомним историю с ноланцем Луцием Бандием, которую излагает Плутарх. Этот человек доблестно проявил себя во время битвы при Каннах, он сражался, очевидно, на левом фланге, поскольку именно там находились союзники, но каким-то образом попал в центр и был ранен, пытаясь спасти Луция Эмилия (Plut. *Marc.* 10. 3–9). Что же касается Варрона, то в источниках (в целом, напомним, враждебных ему) нет сведений, что он бежал, бросив оружие и/или инсигнии — речь идёт просто о том, что он остался жив³³, остальное «доделала» враждебная ему традиция³⁴. Напомним, что Ганнибала, бежавшего из-под Замы с немногими всадниками, античные авторы в трусости не обвиняли³⁵.

³³ В. Гёрлиц ошибочно пишет о том, что он был тяжело ранен (Görlitz 2005, 169).

³⁴ Опять вспоминается Клеон, который, по словам ненавидевшего его Фукидида (V. 10. 9), при вражеской атаке, не думая удерживать позиции, будто бы сразу же удрался в бегство.

³⁵ Причём описание Ливием того, как Ганнибал покинул поле битвы при Заме, сильно напоминает ситуацию при Каннах: «Ганнибал, выбравшись с несколькими всадниками из этой свалки, укрылся в Гадрумете (*cum paucis equitibus inter tumultum elapsus Hadrumetum perfugit*); он покинул поле сражения лишь после того, как всё возможное было испытано и до боя, и после боя» (XXX. 35. 4; явно под влиянием Полибия: Polyb. XV. 15. 3). О том, всё ли сделал Варрон, чтобы избежать катастрофы, мы не знаем, но в том, что он не мог спасти армию, сомневаться не приходится.

В самом Риме консула встретили торжественно и поблагодарили за то, что он не потерял присутствия духа (Liv. XXII. 61. 14; Val. Max. III. 4. 4; Front. *Strat.* IV. 5. 6; Flor. II. 6. 17)³⁶. Иными словами, при возвращении в Рим никто его, в тот день всей армией не командовавшего, в поражении не обвинял³⁷, а подтверждением этому служит тот факт, что ему не раз продлевали империй и давали ответственные поручения. Конечно, в Древнем Риме республиканского времени поражение на поле боя отнюдь не означало окончания политической карьеры (Rosenstein 1990, 156), но трусость полководца во время сражения могла привести к большим неприятностям для него — достаточно вспомнить суд над Гнеем Фульвием Флакком, претором в 212 г. до н. э., в результате которого ему, не только допустившему разгром своего войска, но и проявившему, по мнению сограждан, трусость на поле боя, пришлось удалиться в изгнание (Liv. XXVI. 3. 10). А карьера Варрона продолжилась (Scullard 1951, 52; Rosenstein 1990, 35).

Любопытно также отметить, что если, например, виновникам крупнейших поражений — при Дрепане П. Клавдию Пульхру и при Тразименском озере Гаю Фламинию — античные авторы приписывали пренебрежительное отношение к продигиям, то к Варрону претензий такого рода не было (Rosenstein 1990, 84–85). Между тем, если бы его с самого начала считали ответственным за каннскую катастрофу, то вряд ли он избавился бы от упреков в неуважении к богам. Молчание источников может служить косвенным аргументом в пользу того, что Варрон в глазах сограждан виновным в разгроме не являлся — как и на деле, поскольку современники не могли не знать, кто был командующим в день битвы.

Вернёмся к карьере Гая Теренция после Канн. В 215 г. до н. э. ему продлеваются консульские полномочия, и он защищает Апулию (Liv. XXIII. 25. 10), остаётся Варрон проконсулом также в 214 (XXIV. 10. 3; 11.3) и 213 г. (XXIV. 44. 5), а в 208 г. до н. э. его отправляют в Этрурию в ранге пропретора (XXVII. 24. 1–2), где он раскрывает заговор (XXVII.

³⁶ Возможно, эта сцена, заключительная в XXII книге Ливия, завершала ещё I книгу труда Целия Антипатра (Hoffmann 1942, 44).

³⁷ Лишь Силий Италик сообщает, что Варрона в Риме встретила бушующая толпа (X. 602–622) и Фабий Максим был вынужден защищать Гая Теренция, но в данном случае мы имеем дело с поэзией, где художественный вымысел куда более позволен, чем в исторических сочинениях — также, впрочем, как мы могли убедиться, от него не свободных. По мнению В. Н. Пирогова (1878, 241), в поведении сената у Ливия выражается «не одно великодушное предание забвению непоправимых ошибок, но в гораздо большей степени сознание, что сам сенат был причастен к этим ошибкам».

24. 1–9), его полномочия продлеваются и в 207 г. (XXVII. 35. 2). В 203–202 гг. до н. э. Варрон входит в состав посольства к македонскому царю к Филиппу V (XXX. 26. 2–4), а в 200 г. до н. э. — в Карфаген (XXXI. 11. 4–18; 19. 1–6). Затем Варрон входит в комиссию по выведению колонии в Венузии вместе с Титом Квинкцием Фламинином и Публием Корнелием Сципионом (XXXI. 49. 6)³⁸.

Вполне логично, что после 216 г. до н. э. Варрон находился на второстепенных участках Второй Пунической войны. Военными талантами он не отличался и сам это, видимо, осознавал, что нашло отражение в анекдоте о его отказе от диктатуры (см. выше). Но, думается, сообщения Фронтини и отчасти Валерия Максима с сочувственными отзывами о деятельности Варрона в послеканнские годы отражают и тот факт, что с поручениями сената в указанный период он справлялся вполне успешно, иначе не получал бы раз за разом соответствующих назначений (Patterson 1942, 322). Однако всё это не спасло Варрона от обвинений со стороны писателей последующего времени. Его стали изображать не просто главным виновником поражения при Каннах, но и безответственным демагогом, одним из предшественников «возмутителей спокойствия» времён поздней Республики. Тем не менее даже во враждебной ему традиции сохранилось немало фактов, которые позволяют пересмотреть эту точку зрения.

Литература

- Бобровникова Т. А.* Сципион Африканский. М., 2009.
- Де Бир Г.* Ганнибал: борьба за власть в Средиземноморье. Смоленск, 2005.
- Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. I. СПб., 1994.
- Квашнин В. А.* Политика, право и религия в жизни римской гражданской общины (III–II вв. до н. э.). Вологда, 2006.
- Ковалёв С. И.* История Рима. Л., 1986.
- Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.
- Кораблёв И. Ш.* Ганнибал. М., 1981.
- Лансель С.* Ганнибал. М., 2002.
- Махлаюк А. В., Негин А. Е.* Римские легионы в бою. М., 2009.
- Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. СПб., 1994.

³⁸ Плутарх (*Flam.* 1.6) путает эту комиссию с теми, что должны были выводить колонию в 199 г. до н. э. в Нарнии (XXXI. 2. 6–7) и в 197 г. до н. э. в Коце (XXXIII. 24. 8–9), и ошибочно считает Фламинина её главой (Broughton 1951, 326, п. 7; Beck 2005, 377, Anm. 51).

- Пирогов В. Н.* Исследования по римской истории, преимущественно в области третьей декады Ливия. СПб., 1878.
- Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 1. М., 1994.
- Ревяко К. А.* Пунические войны. Минск, 1988.
- Сидорович О. В.* Анналисты и антиквары: Римская историография конца III — I вв. до н. э. М., 2005.
- Сморчков А. М.* Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М., 2012.
- Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011.
- Трухина Н. Н.* Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986.
- Arkenberg J. S.* *Licini Murenae, Terentii Varrones, and Varrones Murenae*: I. A Prosopographical Study of Three Roman Families // *Historia*. 1993. Bd. 42. Ht. 3. P. 326–351.
- Beck H.* *Karriere und Hierarchie. Die römische Aristokratie und die Anfänge des cursus honorum in der mittleren Republik*. B., 2005.
- Briscoe J.* *The Second Punic War* // *CAH²*. Vol. VIII. Cambridge, 1989. P. 44–80.
- Broughton T. R. S.* *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. I. 509 BC — 100 BC. N. Y., 1951.
- Daly G.* *Cannae: Experience of Battle in the Second Punic War*. L.; N. Y., 2005.
- De Sanctis G.* *Storia dei Romani*. Vol. III. Torino, 1917.
- Dodge T. A.* *Hannibal*. Vol. II. Boston; New York, 1891.
- Feig Vishnia R.* *State, Society and Popular Leaders in Mid-Republican Rome 241–167 BC*. L.; N. Y., 1996.
- Gelzer M.* *Roman Nobility*. Oxford, 1969.
- Goldsworthy A.* *The Fall of Carthage: The Punic Wars 265–146 BC*. L., 2003.
- Görlitz W.* *Hannibal, eine politische Biographie*. Stuttgart, 2005.
- Hallward B. L.* *Hannibal's Invasion of Italy* // *CAH¹*. Vol. VIII. Cambridge, 1930. P. 25–56.
- Hoffmann W.* *Livius und der Zweite Punische Krieg*. B., 1942.
- Ihne W.* *Römische Geschichte*. Bd. II. Leipzig, 1870.
- Judeich W.* *Cannae* // *Historische Zeitschrift*. 1927. Bd. 136. Ht. 1. P. 1–24.
- Lazenby J. F.* *Hannibal's War. A Military History of the Second Punic War*. Warminster, 1978.
- Leidl Ch.* *Appians 'Annibaikē': Aufbau — Darstellungstendenzen — Quellen* // *ANRW*. 1993. Tl. II. Bd. 34.1. S. 428–462.
- Mastino A.* *Storia della Sardegna antica*. Nuoro, 2005.
- Montagu J. D.* *Battles of the Greek and Roman Worlds*. L., 2000.
- Münzer F.* *Römische Adelsparteien und Adelsfamilien*. Stuttgart, 1920.
- Münzer F.* *Terentii Varrones; Terentius Varro* // *RE*. 1934. 2. R. Hbd. 9. Sp. 676–677, 680–690.
- Neumann C.* *Das Zeitalter der Punischen Kriege*. Breslau, 1883.
- Pais E.* *Storia di Roma durante le guerre Puniche*. Vol. I. Torino, 1935.

Patterson M. L. Rome's Choice of Magistrates during the Hannibalic War // TAPhA. Vol. 73. 1942. P. 319–340.

Prag J. Sicily and Sardinia — Corsica: The First Provinces // A Companion to Roman Imperialism / ed. D. Hoyos. Leiden; Boston, 2013. P. 53–66.

Rosenstein N. *Imperatores victi*: Military Defeat and Aristocratic Competition in the Middle and Late Republic. Berkeley, 1990.

Scullard H. H. Roman Politics 220–150 BC. Oxford, 1951.

Scullard H. H. Scipio Africanus: Soldier and Politician. L., 1970.

Staveley E. S. The Conduct of Elections during an “Interregnum” // *Historia*. 1954. Bd. 3. Ht. 2. P. 193–211.

Andrey B. Nikolsky, Anton V. Korolenkov

**GAIUS TERENCEUS VARRO —
AN ANTI-HERO OF ROMAN HISTORY**

In the article the career of cos. 216 B.C. Caius Terentius Varro as a whole and his role in the battle of Cannae in particular are considered. The authors believe that Varro's image of a popular leader hostile to senate created by Livius and accepted by many historians is not correct. He was not in command of Roman army in the day of *pugna Cannensis* and *eo ipso* was not responsible for this defeat. According to Cicero (*Divin.* II. 71), Aemilius Paulus, and not Varro, made *auspicia* in that day. But latest tradition taking into account an influence of Aemilii and Cornелиi laid the responsibility for the disaster at Cannae on Varro.

В. А. Леус

ИЗ РАННЕЙ БИОГРАФИИ СЦИПИОНА АФРИКАНСКОГО

Ключевое событие в жизни Публия Корнелия Сципиона произошло во время его испанского проконсульства: успешный штурм Нового Карфагена в 209 г. до н. э. не только принёс лично ему славу искусного полководца, но и вселил в простых людей Рима уверенность в его богоизбранности. «Легенда о Сципионе» зародилась именно благодаря чудесному захвату пунийской крепости в Испании. Явление Сципиону во сне Нептуна (Посейдона) и предсказание ему отлива близ города упоминает множество античных авторов начиная с Полибия. Кроме как случайностью невозможно убедительно объяснить отступление воды, обнажившее до того неприступные стены Нового Карфагена. Ореол любимца богов, способного разговаривать с ними во сне, закрепился за Сципионом на всю жизнь, но и после смерти «легенда» развивалась, обрастая новыми «подробностями» из жизни римского героя (от божественного зачатия, «отсылающего» к истории Александра, до сообщения Плиния Старшего о драконе, стерегущем его могилу, и вознесения на небо у Цицерона).

Если принять захват Нового Карфагена за начало и ядро «легенды о Сципионе», то необходимо понять, как он в юном возрасте в 210 г. до н. э.¹ добился назначения командующим римскими войсками в Испании. Ведь объяснение Ливия, будто восхищение людей, в том числе и весьма влиятельных, вызванное мистическими рассказами, доставило Сципиону такую власть (XXVI. 19. 9), едва ли может быть принято: история о божественном зачатии от змея — анахронизм, относящийся уже к эпохе Августа (Hoffmann 1942, 77; Taeger 1942, 27; Classen 1963, 319). К тому же сенат должен был иметь веские политические причины для

¹ Дискуссию о хронологии назначения и отправки Сципиона в Испанию см.: Walbank 1967, 191–192; Кораблёв 1981, 329, примеч. 143.

назначения Сципиона. Перед полководцем в Испании стояла трудная задача — наладить отношения с местным населением и очистить полуостров от пунийцев. Испанский фронт во Второй Пунической войне не считался завидным назначением. Рассмотрим само избрание Сципиона проконсулом в Испанию в 210 г. до н. э. и предшествующие события его юности.

Избрание Сципиона проконсулом

Избрание Сципиона проконсулом — уникальное событие в истории Римской республики. Наиболее подробно его описывает Тит Ливий (XXVI. 18–19). Сенат решил, что командующего в Испании нужно избрать в народном собрании. В назначенный день никто из нобилей не готов был принять на себя такую ответственность, и только П. Корнелий Сципион выставил свою кандидатуру. Народ единогласно наделил проконсульскими полномочиями 24-летнего юношу, не имевшего опыта самостоятельного командования войсками. В описании Ливия основной движущей силой выступает народ, а сенат без возражений принимает решение комиций. В изложении Аппиана (*Iber.* 18) и Диона Кассия (IX. 7. 3) можно обнаружить явные намёки на сопротивление некоторых сенаторов. Силий Италик унаследовал у Ливия тенденцию к апологии сенаторов (XV. 129–148), хотя ему явно известна и другая традиция: Сципион, выступая в сенате в 205 г. до н. э., упрекает Фабия Максима в том, что тот противился его назначению в Испанию в 210 г. до н. э. (XVI. 645–697; ср.: Tedeschi 1998, 58–65). Таким образом, Ливий маскировал противодействие сената избранию Сципиона. По мнению В. Блэзеля, это было реакцией римского историографа на крайне неблагоприятную для сенаторов версию «избрания» Сципиона, автором которой называется Валерий Антиат (Blösel 2008).

Можно утверждать, что без принципиального согласия сената Сципион не мог быть отправлен в Испанию. Его «избрание» состоялось в комициях, но только потому, что так постановил сенат: ответственность за столь экстраординарное назначение должны были разделить и народное собрание, и сенат. И если на народ могла производиться впечатление «боговдохновенность» юного Сципиона, то нобилитету были нужны более веские основания для назначения его на столь важный пост.

Немалое значение должна была сыграть родовая преемственность: братья Публий и Гней Сципионы сражались с пунийцами в Испании более пяти лет, и их сын и племянник выглядел в глазах сената естественным мстителем за гибель отца и дяди. Кроме того, сам Сципион уже смог показать себя как отважный и рассудительный воин и политик.

Спасение отца

Вокруг эпизода о спасении будущим победителем Ганнибала своего отца ещё в античности сложилась обширная традиция. Полибий обращается к битве при Тицине дважды: первый раз в ходе хронологического изложения событий Второй Пунической войны, а затем в характеристике Сципиона, предваряющей изложение его подвигов в Испании (III. 65; X. 3. 3–7). И как раз в десятой книге Полибий дополняет рассказ о сражении важной подробностью — П. Сципион спасает своего раненого отца, действующего консула. Полибий даёт прямое указание на источник своего повествования: это — друг Сципиона и его ближайший соратник Гай Лелий (X. 3. 1–2), который с юности находился с ним при всяком деле.

Неясно, почему Полибий умалчивает о героическом поступке юного Сципиона в третьей книге. Стремление сэкономить место (Wölfflin 1888, 309), как кажется, не слишком убедительный аргумент. Так, дважды с различных точек зрения историк передаёт рассказ о коротких лестницах при взятии Мелитии (Polyb. V. 97. 5; IX. 18. 5). Но в основном изложении начала Второй Пунической войны нет места для такого сюжета, хотя Полибию было бы, вне всякого сомнения, важно сообщить о первом жизненном испытании, выпавшем на долю П. Сципиона. Вероятно, он считал свидетельства Г. Лелия недостаточно надёжными, чтобы принять их и поместить в серьёзном историческом изложении, а при психологическом исследовании личности Сципиона источники отбирались не по столь жёстким критериям².

Повествуя о битве при Тицине, Ливий совсем кратко касается подвигов Публия и заключает общим замечанием о решающей роли юного Сципиона в дальнейшем ходе войны (XXI. 46. 3–9). Ливий также передаёт сообщение Целия Антипатра, будто консула спас лигурийский раб (XXI. 46. 10 = Fr. 17 Peter), но сам склоняется к точке зрения сторонников просципионовской традиции, исходя из того, что её придерживается множество авторов. По-видимому, Ливий не был знаком с более ранними сочинениями об этих событиях, чем труд Целия. Можно предположить, что Ливий пользовался тем же источником, что и Полибий в основном изложении битвы при Тицине (Polyb. III. 65), только не напрямую, а через Целия. Поэтому можно заключить, что в источнике,

² Анализ рассказов о характере Ганнибала показывает, что Полибий прибегал к сомнительным описаниям, когда они служили только иллюстрацией психологической характеристики героя. См., напр., его сообщение о каннибализме: Polyb. IX. 24. 4–8. В целом о характеристиках персонажей у Полибия см.: Dihle 1987, 48.

общем для Полибия и Ливия, роль юного Сципиона ещё не учитывалась (Tränkle 1977, 224).

Очевидно, что античная традиция поддержала в основном версию Полибия³, а вариант, переданный Целием Антипатром, встречается помимо изложения Ливия ещё лишь у Макробия (*Sat.* I. 11. 26). Чтобы понять, почему Макробий принял версию Целия, возможно, надо учитывать, что именно в этой части своего труда Макробий описывал множество важных подвигов, совершённых рабами в Риме (Herrmann 1979, 100; Whittaker 1923, 21).

Некоторые исследователи предполагают, что если бы Сципион действительно спас отца, то история с рабом никогда не возникла (Wölfflin 1888; Meyer 1924, 430). Но при этом не учитывается возможность того, что речь могла идти о попытках политических противников Сципиона подорвать его репутацию. Принимая во внимание опалу Сципиона в последние годы его жизни, вполне возможно, что рассказ о спасении консула рабом был призван лишить Сципиона славы его первого подвига. Впрочем, переданная Полибием версия в равной степени могла возникнуть для возвеличивания Сципиона, ведь спасение отца нашим героем ставит его в один ряд с легендарным Энеем, вынесшим на плечах своего отца из горящей Трои.

«Клятва» Сципиона

Как сообщает Ливий, после поражения близ Канн в 216 г. до н. э. римляне из двух лагерей бежали в городок Канузий (XXII. 50. 4–12; 52. 4). Там с общего согласия главное командование было возложено на двух военных трибунов П. Сципиона и Ап. Клавдия Пульхра (XXII. 53. 1–3). На пришедшее известие о желании нескольких знатных юношей во главе с Л. Цецилием Метеллом покинуть Италию и отправиться ко двору некоего эллинистического царя быстрее прочих отреагировал «судьбой назначенный быть вождём в этой войне» Сципион. Он отправился с немногими сторонниками к Метеллу и, выхватив меч, произнёс клятву, что он никогда не оставит Рим и не допустит, чтобы это совершил кто-то другой. Перепуганные заговорщики поклялись той же клятвой и сами себя отдали под стражу Сципиону (XXII. 53. 4–11)⁴.

³ Val. Max. V. 4. 2; Sen. *De benef.* III. 33. 1; Flor. I. 22. 10–11; Amp. 46.5; *De vir. ill.* 49. 4. Рассказывая о почётных венках, Плиний Старший сообщает, что Сципион отказался принять от отца венки за его спасение (*NH.* XVI. 14).

⁴ По мнению Р. Эванса, источником Ливия послужили «Начала» Катона (Evans 1989, 119; см. также: Klotz 1949, 58–70). Сохранившаяся нарративная традиция, вероятно, опирается на рассказ Ливия (см.: Val. Max. V. 6. 7; Sil. It. X. 415–448; Dio

Об участии Сципиона в самой битве при Каннах ничего не известно, он появляется только после её печального для римлян завершения и сразу становится одним из главных действующих лиц. Но его участие в Каннском сражении несомненно. Не стал бы Ливий (или его источник) выдумывать весь эпизод с присягой, если бы Сципиона вовсе не было при Каннах. К тому же Аппиан и Зонара сообщают, что консул Г. Теренций Варрон передал Сципиону командование над бежавшими в Канузий, но вовсе не упоминают «заговор» Метелла (App. *Hann.* 26; Zonar. IX. 2. 1).

Кроме нескольких нарративных источников и одной надписи в нашем распоряжении имеется ещё и нумизматический материал. Сохранилось несколько экземпляров монеты, отчеканенной в Канузии примерно в конце III — начале II в. до н. э. На аверсе изображена голова юноши, повёрнутая влево, а на реверсе — всадник на коне, обращённый вправо, под ним надпись: KAN(YΣ)INΩ(N). Портрет на лицевой стороне обычно определяют как изображение Сципиона Африканского (Robinson 1956, 41–42, fig. 4. C, D; Vollenweider 1958, 37–38, табл. III, 2–6, 8–9; Scullard 1970, fig. 2, 16, n. 18; Hafner 1972, 483, fig. 12). Основной аргумент — сходство между этим портретом и изображением на монете из Нового Карфагена, которая чётко датируется 209 г. до н. э. В монетной серии Нового Карфагена сохранилось прежнее изображение на оборотной стороне монет (лошадь и пальма), а на лицевой стороне впервые появилось изображение римлянина: до сей поры на монетах можно было видеть профили с чертами пунийских вождей. Естественно допустить, что перед нами изображение П. Сципиона. По предположению Г. Скаларда, чеканка могла осуществляться даже без приказа самого Сципиона, а по решению руководства монетного двора, желавшего выказать тем самым почтение новому правителю (Scullard 1970, n. 18; ср.: Robinson 1956, 41–43; Vollenweider 1958, 37). Таким образом, изображение Сципиона на монете из Канузия свидетельствует о желании канузийцев связать каннский эпизод с их местной историей путём посвящения ему монетной серии. Однако доказать, что на монете изображён именно Сципион, невозможно.

Полибий ничего не сообщает об участии Сципиона в Каннской битве и событиях после неё: судя по всему, ему неинтересна эта история. Пассаж Полибия о юности Сципиона подчинён одной задаче: развеять «легенду», оспорить мнение историков, которые изображали римлянина баловнем судьбы, предприятия которого удавались не благодаря

Cass. XV. 57. 28–29; *De vir. ill.* 49. 5; Oros. IV. 16. 6; более подробный обзор источников: Ridley 1975, 161–163; Zimmerman 1997, 472–474).

расчёту, а из-за благосклонности богов (X. 2. 5–6). Таким образом, каннский сюжет, хотя он и достаточно ярко показывает патриотизм Сципиона, просто не нужен Полибию⁵.

Итак, к раскрытию «заговора» Метелла Сципион или непричастен вовсе, или сыграл менее значительную роль, чем об этом рассказывает нарративная традиция. Возможно, возникновение легенды относится к периоду политического противостояния Сципиона Эмилиана и Метелла Македонского (Evans 1989, 119, n. 12, 13; Zimmerman 1997, 481; см. также: Astin 1967, 24, 312–315). Сохранившиеся источники не могут дать окончательного ответа на вопросы о подлинности «клятвы Сципиона» и времени зарождения связанного с ней литературного сюжета. Участие же Сципиона в битве при Каннах вполне вероятно.

Избрание в эдилы

Через три года после Каннских событий Публий Сципион добивается должности курульного эдила. Обязательным отправлением эдилитета для достижения претуры и консулата, похоже, не было (Mommsen 1864, 97–102), и только связь с народной массой и возможность влиять на неё путём организации игр и городского довольствия заставляли молодых нобилей добиваться этой магистратуры. Как известно, от них ожидали блистательного исполнения эдилитета (Cic. *De off.* II. 57). Эта должность, думается, важна была Сципиону именно возможностью прямого воздействия на народ.

Рассказ Ливия (XXV. 2. 6–8) прост и ясен: Сципион был избран эдилом в 22 года, и народные трибуны не смогли ему помешать, ибо тот пользовался любовью народа. Неизвестно, основывалась ли попытка трибунов воспрепятствовать Сципиону на законе или на зависти и политическом соперничестве, ведь не совсем ясно, существовал ли в это время возрастной ценз для занятия должности курульного эдила⁶. В лю-

⁵ Молчание Полибия исследователи оценивают по-разному. Так, Э. Мейер считал, что если бы рассказ о клятве был историчным, то Полибий непременно бы его использовал, так как положение Сципиона, по мнению исследователя, было более выигрышным в ситуации после Каннской битвы, чем в истории с эдилитетом. Рассказ же он называет выдумкой поздних анналистов (Meyer 1924, 429–430, Anm. 2). Р. Брутон назвал аргументацию Э. Мейера спорной (Broughton 1986, I. 253, n. 5), а Г. Скаллард объяснял отсутствие соответствующих сведений в тексте Полибия плохой сохранностью сочинения (Scullard 1970, 30).

⁶ «Законный возраст» (*legitima aetas*) для занятия магистратур был установлен *lex Villia* в 180 г. до н. э. Минимальным признавался возраст в 36 лет (Liv. XL. 44. 1). Авторы закона, по мнению А. Астина, опирались на традицию, сложившуюся десятилетиями и веками (Astin 1958, 31). В то же время Тацит пишет, что *apud maiores*

бом случае юный Сципион был слишком молод, чтобы претендовать на должность эдила.

В десятой книге, вслед за рассказом о подвиге Сципиона у Тицина, Полибий рисует несколько иную картину его избрания в эдилы (X. 4–5). Изложение Полибия отличается от того, что пишет Ливий: Сципион-де был эдилом четырьмя годами раньше, когда его отец отправился в Испанию в 217 г. до н. э. (τὸν μὲν γὰρ πατέρα τότε πλεῖν συνέβαινεν εἰς Ἰβηρίαν)⁷; коллегой Сципиона по эдилитету являлся М. Корнелий Цетег⁸, а не родной брат Луций, который назван старшим⁹.

Если считать изложение Ливия соответствующим истине, то расхождение с текстом Полибия можно объяснить тем, что греческий историк передал своё впечатление о «Сципионовой легенде». Полибий знал, что говорят о Публии в народе, и попытался показать, каких результатов можно достичь, умело воспользовавшись настроением окружающих. В противовес людям, превозносившим богов и судьбу как причину происходившего, Полибий изображает Публия Сципиона, обладавшего проницательностью, расчётом и предусмотрительностью (X. 5. 8).

Итак, при всей уникальности назначения в Испанию Публия Корнелия Сципиона, он к 24 или 26 годам¹⁰ имел некоторый опыт участия в битвах и управлял войсками в должности военного трибуна. Его героический поступок — спасение отца в битве при Тицине — был хорошо известен в Риме, а исполнение эдилитета могло увеличить его популярность у народа. Таким образом, сенат назначал на высокую должность не просто юношу, не занимавшего высших магистратур и не имевшего опыта самостоятельного командования, но представителя

(возрастные ограничения) на занятие даже высших должностей отсутствовали (Ann. XI. 22. 3).

⁷ Г. Скаллард посчитал эту ошибку не столь серьёзной и предположил, что она могла быть допущена из-за неясности в источнике, которым пользовался Полибий (Scullard 1970, n. 21; см. также: Walbank 1967, II, 199–200; Mommsen 1864, 97–98; Seidel 1908, 22, 31).

⁸ Кроме Ливия (XXV. 2. 6–8) о его избрании эдилом более никто не сообщает. Известно, что в том же году М. Корнелий Цетег был избран понтификом (Liv. XXV. 2. 2; 5.2). Более никаких сведений о том, что жизненные пути П. Сципиона и М. Цетега пересекались, в источниках не сохранилось. Брат же Луций Сципион исполнял эдилитет, возможно, в 195 г. до н. э. (на основе восстановления надписи: Inscr. Ital. XIII. 3. 15).

⁹ О старшинстве братьев см.: Marmorale 1964, 1009–1025; Scullard 1970, 251.

¹⁰ С возрастом Сципиона ясности нет. Полибий пишет о том, что он взял на себя испанское командование на 27-м году жизни (X. 6. 10), а в другом — что ему было 17 лет, когда он спас отца при Тицине, а потому выходит, что испанское командование он получил в 24 года (X. 3. 4 и 9. 1; то же см.: Liv. XXVI. 18. 7; Val. Max. III. 7. 1) (Henze 1901, 1463). В любом случае к началу политической деятельности ему ещё не было 30 лет.

знатной фамилии, уже показавшего себя на поле боя и в общественных делах. В условиях тяжёлой войны в Италии назначение такого проконсула в отдалённую и, как казалось, малозначимую в тот момент Испанию выглядело приемлемым.

Литература

- Кораблёв И. Ш.* Ганнибал. М., 1981.
- Astin A. E.* The Lex Annalis before Sulla. Brussels, 1958.
- Astin A. E.* Scipio Aemilianus. Oxford, 1967.
- Blösel W.* Die "Wahl" des P. Cornelius Scipio zum Prokonsul in Spanien im Jahr 210 v. Chr. // *Hermes*. 2008. Bd. 136. Ht. 3. P. 326–347.
- Broughton T. R. S.* The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. Atlanta, 1986.
- Classen C. J.* Gottmenschentum in der römischen Republik // *Gymnasium*. 1963. Bd. 70. S. 312–338.
- Dihle A.* Die Entstehung der historischen Biographie. Heidelberg, 1987.
- Evans R. J.* Was M. Caecilius Metellus a Renegade? A Note on Livy XXII. 53. 5 // *AC*. Vol. 32. 1989. P. 117–121.
- Hafner G.* Das Bildnis des P. Cornelius Scipio Africanus Maior // *AA*. 1972. Bd. 72. S. 474–492.
- Henze W.* Cornelius (336) // *RE*. 1901. Bd. IV. Sp. 1462–1470.
- Herrmann W.* Die Historien des Coelius Antipater. Fragmente und Kommentar. Meisenheim am Glan, 1979.
- Hoffmann W.* Livius und der Zweite Punische Krieg. B., 1942.
- Klotz A.* Dichtung und Wahrheit in der livianischen Erzählung von der Schlacht bei Cannae // *Gymnasium*. 1949. Bd. 56. S. 58–70.
- Marmorale E. V.* Primus Caesarum // *Syntelesia*. Vol. 2. 1964. P. 1009–1025.
- Meyer Ed.* Ursprung und Entwicklung der Überlieferung über die Persönlichkeit des Scipio Africanus und die Eroberung von Neukarthago // *Kleine Schriften*. Halle (Saale), 1924. Bd. II. S. 423–457.
- Mommsen T.* Roemische Forschungen. Bd. I. B., 1864.
- Ridley R. T.* Was Scipio Africanus at Cannae? // *Latomus*. Vol. 34. 1975. P. 161–163.
- Robinson E. S. G.* Punic Coins of Spain and Their Bearing on the Roman Republican Series // *Essays in Roman Coinage presented to H. Mattingly* / ed. R. A. G. Carson, C. H. V. Sutherland. L., 1956. P. 34–53.
- Scullard H. H.* Scipio Africanus: Soldier and Politician. L., 1970.
- Seidel J.* *Fasti aedilicii*: von der Einrichtung der plebejischen Ädilität bis zum Tode Ceasars. Breslau, 1908.
- Taeger F.* Probleme der Livianischen Scipio-Überlieferung. Padova, 1942.
- Tedeschi A.* Lo storico in parola. Livio, Scipione l'Africano e le tecniche dell'argomentazione. Commento a Liv. XXVIII, 43–44. Bari, 1998.
- Tränkle H.* Livius und Polybios. Basel; Stuttgart, 1977.
- Vollenweider M.-L.* Das Bildnis des Scipio Africanus // *MH*. 1958. Bd. 15. P. 27–45.

Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. II. Oxford, 1967.

Whittaker Th. Macrobius. Cambridge, 1923.

Wölfflin E. Die Rettung Scipios am Tessin // *Hermes*. 1888. Bd. 23. S. 307–310.

Zimmerman K. Scipios Eid nach Cannae — eine propagandistische «Retourkutsche»? // *Chiron*. 1997. Bd. 27. S. 472–474.

Vladimir A. Leus

**FROM THE EARLY BIOGRAPHY
OF SCIPIO AFRICANUS**

A key event in the life of Scipio was a successful capture of New Carthage in 209 B.C., which gave rise to the Scipionic Legend. The purpose of this article is to analyse the reasons why the Roman state gave young Scipio proconsular *imperium* in Spain. The dynastic continuity was also important: Scipio's father and uncle commanded in Spain, and Scipio was a natural *successor* of them. In addition, three episodes from the early biography of Scipio show him as a brave and rational soldier and politician: (1) the salvation of his father in battle, (2) the command at Cannes as military tribune, (3) successful aedilship.

В. Хофман

СЦИПИОН АФРИКАНСКИЙ В ИСПАНИИ: НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ ГЛАЗАМИ ЛИВИЯ¹

Взятие Нового Карфагена стало первым крупным деянием Сципиона, которое повлияло на ход войны. Традиция рано украсила его чертами чудесного, и в его изображении мы можем видеть всю ту любовь, которая окружала Сципиона, когда он появлялся на людях, и всё то воодушевление, которое вызывали его действия. Благодаря убедительным исследованиям Э. Мейера мы знаем о характере этого первого рассказа и одновременно о том, как он изменялся под влиянием преувеличений и чудес, претивших Полибию. Таким образом, нет нужды повторять трактовку этой самой ранней стадии традиции. Но, по-видимому, необходимо проследить изменения в ней со 150 г. до Ливия, поскольку до сих пор они ещё не стали предметом серьёзного анализа. Линия ведёт от Полибия через Целия Антипатра к Ливию²; связи явно чувствуются как в членении рассказа, так и деталях мотивации. Сейчас мы продемонстрируем с помощью сравнительной интерпретации, чем отличается восприятие и объяснение этого эпизода у Ливия от Полибия³.

Обе версии присутствуют в речи, которую Сципион произносит перед своими солдатами накануне перехода через Эбро. У Полибия Сципион призывает их подумать о том, что в своё время они были побеждены не из-за недостатка доблести (ἀρετή), но из-за измены кельтиберов и неудачного разделения сил (X. 6. 1–6). Однако теперь то же самое относится и к противнику. Его войска стоят отделённые друг от друга, и среди их предводителей чаще всего нет единого духа; кроме того, владность карфагенян очень тягостно для испанских племён, они только

¹ Фрагмент из книги: Hoffmann 1942, 80–88. Пер. с нем. А. В. Короленкова.

² Kahrstedt 1913, 289–290; Scullard 1930, 19–20; Klotz 1936, 73–80; 1940–1941, 178.

³ Он описан у Полибия в X. 6–20, у Ливия — в XXVI. 41–50.

и ждут перехода римлян через Эбро, чтобы отпасть от них. Поэтому воины должны быть мужественными и доверять ему, как и другим своим полководцам. Речь определённо настраивает на последующие события; не говорится ни единого слова, которое не относилось бы к делу и выпадало бы из общей последовательности. Изложение этой речи у Ливия содержит, в особенности в последних предложениях, те же мотивы (XXVI. 41, особ. 20–24), но по двум вопросам вносятся важные дополнения. Прежде всего Сципион говорит о собственных потерях, которые он понёс в Испании из-за смерти отца и дяди, и тем самым о своём личном долге сражаться в этой стране. Таким образом, он выступает в начале карьеры не только как воин и полководец, но и как член своего рода (*gens*), за чью честь и славу он вступился. Здесь звучит мотив, полностью отсутствующий у Полибия — *pietas*. Кроме того, идею о том, что римская *virtus* не была побеждена карфагенянами, Сципион распространяет на всю войну⁴. От битвы при Требии до появления Ганнибала у стен Города Рим постоянно терпел поражения, но «и среди этих бедствий стояла несокрушимо одна только доблесть народа римского; она подняла и воздвигла из праха всё повергнутое наземь» (*in hac ruina rerum stetit una integra atque immobilis virtus populi Romani; haec omnia strata humi erexit ac sustulit*) (Liv. XXVI. 41. 12. Здесь и далее пер. М. Е. Сергеенко). Именно благодаря ей достигнуты успехи, начиная с удачных испанских кампаний и до последних побед в Италии и на Сицилии (XXVI. 41. 13–16). Теперь это касается и испанской армии, которая успешно сражалась с врагом, когда всё считалось потерянным, и ныне её воины занимают своё место в этом ряду победителей (XXVI. 41. 17–25). Сципион излагает закон войны, как он был сформулирован во введении, когда говорит: «Нам дан судьбою особый жребий, чтобы во всех войнах мы, будучи побеждены, побеждали» (*ea fato quodam data nobis sors est ut magnis omnibus bellis victi vicerimus*) (Liv. XXVI. 41. 9; ср.: XXI. 1. 2). Эти мысли являются не только пустопорожней риторикой, но и своеобразным фоном, на котором будут выделяться новые деяния Сципиона. Вспоминается 37-я глава той же книги, где через перечисление потерь карфагенян и римлян продемонстрировано состояние равновесия в войне. Сципион таким же образом называет в своей речи римские победы и поражения, причём оба ряда заканчиваются походом Ганнибала на Рим и взятием Капуи, но картина приобретает глубину благодаря тому, что он добавляет к ним тяжёлые поражения начала войны. Это делает особенно

⁴ Э. Бурк приводит это место как мнение самого Ливия (Burck 1935, 474). Формулировка действительно ливиевская, но мысль о непобедимости римской *virtus* утвердилась уже ко времени Полибия.

заметной динамику войны; для Сципиона речь идёт не только о том, чтобы продемонстрировать положение равновесия, но и указать с помощью этой ссылки на восходящую линию судьбы Рима. Различие между отделёнными друг от друга 37-й и 41-й главами знаменательно: в 37-й главе говорит историк, чей взгляд объективен и взвешен, теперь же звучит голос Сципиона, стоящего в центре бурных событий. Сам лично он уже почувствовал решительный поворот в войне, и уверенность, которую благодаря этому он ощущает, придаёт ему и его воинам силы для совершения деяний, ведущих ко всеобщему осознанию этого поворота. Так он обретает надежду и твёрдую убеждённость в том, что победит. «И душа моя, верная до сей поры вещунья, предсказывает: Испания — наша, все карфагеняне скоро будут отсюда изгнаны и с позором побегут по морям и суше. Предугаданное духом подтверждено трезвым разумом» (*animus quoque meus, maximus mihi ad hoc tempus vates, praesagit nostram Hispaniam esse, brevi extorre hinc omne Punicum nomen maria terrasque foeda fuga impleturum. quod mens sua sponte divinat, idem subicit ratio haud fallax*) (XXVI. 41. 19–20). В этих словах не нужно видеть лишь отзвук воззрений Полибия на предмет, согласно которым Сципион, ссылаясь на божественное, сумел завоевать сердца людей; такому пониманию препятствует всё содержание речи. Сципион считает движущей силой исторических событий не только *virtus* и *ratio* — выше обеих стоит для него Судьба. Когда он призывает помощь богов, то это не кажется неуклюжим манёвром, но, напротив, естественным образом вытекает из его понимания предопределённого с самого начала хода событий. Мы чувствуем, что его вдохновляет подлинная вера и что он способен повлиять на дальнейшее именно потому, что воодушевлён ею.

Уже вводные слова демонстрируют отличие образа Сципиона у Ливия от полибиевского. В этом и состоит духовная перемена, случившаяся за прошедшие 130 лет, когда люди учились постигать ту мысль, что человеческая сила только в сочетании с божественным предопределением исхода событий может добиться успеха. Обозначенные здесь различия влияют на следующее затем описание взятия Нового Карфагена. Полибия интересует стратегический аспект. Мы получаем от него подробные сведения о положении города и подготовке к штурму, которую проводит Сципион (X. 6. 7–10, 13). Перед нами предстаёт образ полководца, обдумывающего каждую деталь. Уже в Риме он составил мнение о ситуации в Испании и причинах катастрофы. Он отлично представлял состояние карфагенских войск и слабость укреплений Нового Карфагена. Он сам описал свои мероприятия в письме к Филиппу Македонскому, как то особо подчёркивает Полибий (9.3). Но, поскольку Сципион был предусмотрительным полководцем, ничего не упускавшим из виду, Полибий счи-

тает несправедливым приписывать его успех Τύχη или богам. Из всех этих обстоятельств Ливий намекает лишь на то, что Сципиону в сложившейся ситуации борьба с карфагенским войском кажется слишком рискованной, а потому он предпочитает внезапное нападение на Новый Карфаген (XXVI. 42. 2 sqq.)⁵. Хотя Сципион у него предусмотрительный полководец, который тщательно обдумывает всё, что делает, мы не находим здесь, что расчёт и счастливая случайность взаимоисключаемы. По Полибию, предприятие должно закончиться удачно, поскольку подготовка велась правильно, у Ливия же мы уверены в конечном успехе потому, что за ним стоит Судьба. В следующей главе первоначальное единство изложения разрушается из-за преувеличения Полибием рационального в характере Сципиона, как признавал ещё Э. Мейер (Meyer 1924, 452). Отдельные фазы борьбы известны. Прежде всего Сципион тщетно пытается штурмовать город со стороны суши (Polyb. X. 12. 1–13. 11; Liv. XXVI. 44. 1–45. 5), но атака терпит крах из-за неприступности высоких стен. После паузы он приступает ко второму штурму (Polyb. X. 14. 1 sq.; Liv. XXVI. 45. 6). Одновременно начинается отлив в лагуне, со стороны которой враг не опасался удара. Благодаря тому, что Сципион уже вёл туда свои войска, ему удалось занять город (Polyb. X. 14. 7–15. 10; Liv. XXVI. 45. 7–46. 10). Полибий уже задолго до этого сообщает, что Сципион строил свой план атаки с учётом отлива (8. 6 sq.), однако в таком случае первая атака со стороны суши, стоившая немалых потерь, выглядит довольно бессмысленной. Но если Полибий не в состоянии устранить это противоречие, то Ливий стремится найти объяснение возникающему затруднению в том, что избегает утверждений о наличии у Сципиона с самого начала точного плана. Мы можем проследить у него первую атаку на город, и вопрос о том, почему она была проведена, у нас не возникает. О явлении отлива мы впервые узнаём, когда в начале второго штурма Сципиону сообщают об этом (45. 7). Хотя Сципион и понимает тотчас, насколько это важно для исхода операции, поскольку об этом, как добавляет Ливий, он уже слышал от рыбаков в Тарраконе, у нас, как и участников штурма, сохраняется ощущение неожиданности случившегося. С 500 человек Сципион направляется к месту отлива, чтобы, воспользовавшись им, подойти к городу. Поднимается ветер, который отгоняет воду настолько, что она доходит солдатам, преодолевающим её вброд, только до груди, а местами даже до колен. Здесь Ливий пишет: «Узнав об этом заранее, Сципион объявил происшедшее

⁵ У Ливия в XXVI. 42. 2 сказано не о внезапном нападении, а просто о штурме — *Carthaginem Novam interim oppugnare statuit urbem* (в переводе М. Е. Сергеенко *oppugnare* передано как «осадить», что не вполне верно). — *Примеч. пер.*

знамением: боги-де отвели для римлян море, чтобы они перешли его... и велел следовать за Нептуном» (*hoc cura ac ratione compertum in prodigium ac deos vertens Scipio qui ad transitum Romanis mare verterent et stagna auferrent viasque ante nunquam initas humano vestigio aperirent, Neptunum iubebat ducem itineris sequi*) (XXVI. 45. 9). Это, видимо, означает спонтанный выход из ситуации: явление, происхождение которого полководец прекрасно знает, преподносится как вмешательство Нептуна. Выражение *in prodigium* («во знамение») соответствует *in religionem vertere* («обращать в вещий знак») и попадаетея у Ливия нередко; его можно передать так: рассматривать или толковать как знамение. В сущности, он говорит, что даже на самого инициатора такого толкования этого явления оно произвело сильное впечатление. И такое понимание дополнительно подтверждается тем фактом, что в начале штурма этого события предвидеть было нельзя. Но Ливий не предлагает здесь однозначного решения и противопоставлением «узнав заранее, объявил знамением» оставляет не прояснённым образ мыслей самого Сципиона. Но тем, что он объединяет в этой сцене Полибиево толкование с первоначальной популярной версией, на что указывал уже Э. Мейер (Meyer 1924, 449–450, 453, Anm. 2), Ливий сблизил элементы, которые Полибий чётко отделял друг от друга, — истинный ход мыслей Сципиона и его рассчитанное на солдат объяснение случившегося — и благодаря этому восстановил утерянную целостность личности Сципиона.

Начавшееся со взятием Нового Карфагена развитие достигает своей наивысшей точки с окончанием покорения Испании, о котором мы слышим к началу XXVIII книги. Ливий особо подчёркивает при этом благоразумие Сципиона и вместе с тем величие его достижений в словах: «Под водительством и ауспигиями Сципиона карфагеняне были изгнаны из Испании на четырнадцатом году после начала войны, на пятом — после того, как Сципион принял эту провинцию и войско» (*hoc maxime modo ductu atque auspicio P. Scipionis pulsi Hispania Carthaginenses sunt, quarto decimo anno post bellum initum, quinto quam P. Scipio provinciam et exercitum accepit*) (XXXVIII. 16. 14). И мы чувствуем, как нарастает напряжение. Под влиянием победы у Сципиона возникает план переноса войны в Африку (17. 2 sqq.); в то время как другие радуются достигнутым успехам, человек, благодаря которому их удалось добиться, считает покорение Испании слишком малым для своей славы. Его взгляд обращается на Африку и Карфаген. Он страстно желает, чтобы его имя оказалось связано с окончательной победой⁶. Значение этой фразы ощущается

⁶ Дословно это место звучит так: «Радостная толпа превозносила этот подвиг, и только один человек — тот, кто его совершил, — не удовлетворённый своей славой

сразу. Переправа в Африку с самого начала рассматривается как вполне реальная возможность закончить войну. Сципион вновь оказывается единственным приверженцем этого нового неслыханного плана. Следует подчеркнуть противопоставление: другие удовлетворены прежними успехами, тогда как он думает о том, что можно извлечь из этой победы в будущем. До сих пор его деятельность разворачивалась исключительно на испанском театре, теперь же она перерастает прежние рамки, и пробуждается надежда, что ему удастся победоносно закончить всю войну⁷. В этот момент, когда, казалось бы, весь ход войны благоприятствует Сципиону, происходит одно непредвиденное событие. Сципиона поражает тяжёлая болезнь, и теперь под угрозой оказываются все прежние достижения: войско поднимает бунт, а объединившиеся испанские князья восстают (Liv. XXVIII. 24–29).

Солдатский мятеж был для Рима того времени чем-то неслыханным. Ливий сам ссылается на выступление мамертинцев в 280 г. до н. э. в Регии, которое, однако, носило совершенно иной характер; помимо этого эпизода в качестве мятежа можно рассматривать лишь волнения в войске Л. Манлия в 218 г. до н. э. Этот инцидент произвёл тогда на Рим глубочайшее впечатление, и враги Сципиона в борьбе с ним неоднократно ссылались на него⁸. На такой почве легенды не возникают, здесь отсутствовала всякая возможность для идеализации победителя Нового Карфагена. Тем легче при описании этого события могли дать знать о себе ненависть и мелкое недоброжелательство. Что же возражала на это просципионовская традиция?

и своей деятельностью, считал покорение Испании делом ничтожным по сравнению с тем, на что надеялась его великая душа. Он уже созерцал славу, во всей полноте осенявшую его, покорителя Африки и великого Карфагена» (*et cum ceteri laetitia gloriaque ingenti eam rem volgo ferrent, unus qui gesserat, inexplebilis virtutis veraeque laudis, parvum instar eorum quae spe ac magnitudine animi concepisset receptas Hispanias ducebat. Iam Africam magnamque Carthaginem et in suum decus nomenque velut consummatam eius belli gloriam spectabat*)» (Liv. XXXVIII. 17. 2–3).

⁷ У Полибия Сципион принимает решение о переправе в Африку также в это время (XI. 24a. 1–3). Тех, кто радуется испанским победам, Сципион считает счастливыми, тогда как сам он обдумывает то, каким образом повести войну против самого Карфагена; если до сих пор карфагеняне побеждали римлян, то теперь волею Судьбы обстоятельства таковы, что можно начать наступление на Карфаген. Связь с картиной событий у Ливия очевидна; здесь дальновидный Сципион также противопоставляется окружающим, которых переполняет радость. И всё же в восприятии этой сцены обнаруживается характерное различие. У Полибия мы видим полководца, никогда не поддающегося настроению и всегда исходящего из требований необходимости; у Ливия же в нём больше чисто человеческого. Достигнутого успеха Сципиону мало; теперь, побуждаемый честолюбием, он стремится связать со своим именем славу окончательной победы.

⁸ Ср. в связи с этим упреки Фабия в адрес Сципиона (Liv. XXIX. 19. 3–4).

Соответствующий фрагмент Полибия начинается с самого факта восстания и замечания, что никогда прежде Сципион не оказывался в столь опасном положении (XI. 25–30). Однако прежде чем описать то, как Сципион преодолел эти трудности, Полибий рассказывает о возникновении мятежа. Причины, приведшие к нему, по своей сути подобны подрыву основ государства или болезни человеческого тела (XI. 25. 2–7). Их определяет повторяющаяся закономерность; как врач выявляет симптомы болезни и благодаря этому лечит её, так и для политика важно, насколько ясны мотивы, если он хочет побороть недуг. С такой точки зрения греческого историка интересует прежде всего способ, с помощью которого Сципион усмирил бунтовщиков. Он хитростью заманивает в Новый Карфаген вожаков войска, изолирует их и получает возможность учинить расправу. При этом он произносит перед солдатами речь, и её содержание весьма примечательно (XI. 28–29). Она весьма необычно излагается Полибием в двух главах. В согласии с общим характером изложения можно было бы ожидать увидеть в её манере образец обращения к восставшему войску; но в этом отношении Полибий разочаровывает. Сципион у него даёт разбор причин, породивших мятеж, и доказывает своим людям, что не давал ни малейшего повода для таких действий с их стороны, так что взбунтовались они без каких-либо оснований. Кроме того, их поступок лишён всякого смысла, поскольку восстали они в тот момент, когда дела Рима стали улучшаться, в то время как надежды взбунтовавшихся испанцев беспочвенны. Так как они не знают, что привести в свою защиту, он сам хотел бы сказать о том, что могло бы пойти им на пользу (XI. 29. 8). Толпа подобна морю, которое кажется спокойным и мирным, но во время бури становится ужасным; то же самое происходит и с нею⁹. За случившееся несёт ответственность не она, но люди, подстрекавшие её. Поэтому он хотел бы простить воинов; их же вожаков, напротив, привлечь к самой суровой ответственности (XI. 29. 9–13). После этих слов Сципион приказал привести в исполнение смертный приговор зачинщикам на глазах у собравшихся солдат.

Перед собранием восставших солдат речь Сципиона не имеет смысла. Невозможно себе представить, чтобы полководец подчёркивал в связи с этим, что не несёт ответственности за мятеж; он поднял бы таким образом вопрос, по которому командующий никогда не должен дискутировать со своими подчинёнными. Кроме того, невероятно, чтобы

⁹ Тот же мотив вновь встречается в речи афинянина Леонта в 189 г. до н. э., который ссылкой на это пытался оправдать поведение этолийцев перед римлянами (Liv. XXXVIII. 10. 4–6).

Сципион пожелал обосновывать перед мятежниками не только свою суровость в отношении осуждённых, но и свою мягкость. Однако даже если кто-либо, ссылаясь на иначе устроенный военный порядок, решил бы на такое, то он должен был бы признать, что полководец, высказывая подобные мысли, обнаруживающие его слабость, никогда не смог бы подавить восстание. Эти факты показывают, что мнимая речь Сципиона предназначалась не для солдат, а для совсем иной аудитории. Но если мы вспомним, что в Риме Сципиона сурово упрекали за мятеж (Liv. XXIX. 19. 3 sqq., 10 sq.), всё сразу становится ясно. Его слова представляются теперь защитой от этих упреков — как в том, что он виновен в возникновении мятежа, так и в относительной мягкости наказания, которое понесло войско. Так как мы знаем, сколь сурово два поколения назад был наказан взбунтовавшийся легион в Регии, о жестокости, с которой во время уже Второй Пунической войны неоднократно карались значительно меньшие проступки, то очевидно, что в глазах римского общества поведение Сципиона нуждалось в [серьёзном] обосновании. В этом отношении переданная Полибием речь несёт на себе отчётливые следы того времени, когда приходилось бороться за признание величия Сципиона; как и её автор, мы, вероятно, можем представить себе одного из сторонников Сципиона, который попытался бы таким образом дать ответ на обвинения. Для Полибия затронутые в этой речи проблемы уже отошли на второй план; в то время уже не нужно было больше оправдывать Сципиона; Полибий беспристрастно рассматривает его действия во время мятежа и даже в самом способе, каким он предотвращает страшную опасность, автор видит доказательство его величия.

Ливий начинает своё изложение с известия о том, что Сципиона сразила тяжёлая болезнь. Молва преувеличивает опасность, уже ходят слухи о его смерти. Такое положение особенно ясно показывает, что всё покоится на нём одном. Ожидание кончины Сципиона приводит к нарушению порядка как у испанских союзников, так и в его собственном войске. Дело доходит до мятежа; солдаты поднимаются против своих командиров и назначают на их место новых. Однако в тот момент, когда волнение достигает высшей точки, приходит известие о выздоровлении Сципиона, и восстание начинает идти на убыль¹⁰. То, что происходит в дальнейшем, представляет собой, по сути, лишь эпилог.

¹⁰ «Мятеж начал угасать: верные люди приносили известия сначала о том, что Сципион жив, потом, что он даже здоров, и тут семь военных трибунов прибыли от самого Сципиона. Солдаты сначала встретили их враждебно, потом успокоились, видя, как ласково разговаривают трибуны со знакомыми им воинами» (*stupenti ita seditione cum vivere primo, mox etiam valere Scipionem certi auctores adferrent, tribuni militum septem ab ipso Scipione missi supervenerunt. ad quorum primum adventum exasperati animi*

В своё оправдание воины приносят жалобу на то, что им не выплатили в установленный срок жалование и что не были вознаграждены их труды последних лет¹¹. В таком положении Сципион опасается лишь того, чтобы войско не преступило меру в прегрешениях, а сам он — в суровости наказания¹². Таким образом, первоначальное содержание истории совершенно меняется. Решающим фактором в её новом толковании становится болезнь Сципиона. Полибию этот мотив ещё не знаком, поскольку он нигде не только не намекает на него, но, напротив, представляет дело так, что восстание объясняется указанными выше общими причинами¹³. Его интерес всецело направлен на то, как Сципион стал господином положения, в рассказе же Ливия всё внимание сосредоточено на окончательной ликвидации инцидента.

Это изменение традиции через отдельное событие сказалось на всём образе Сципиона. Во второй части третьей декады, как было уже показано выше (Hoffmann 1942, 66–70), ход событий всё больше и больше связывается с судьбой Сципиона, и потому его деяния располагаются во всё большей взаимосвязи. Первоначально история с мятежом должна была противоречить этому плану, поскольку в изображении Полибия она означала неудачу или, в лучшем случае, эпизод без особых последствий. У Ливия, напротив, выздоровление Сципиона является кульминацией. Это впечатление достигается благодаря тому, что особо подчёркнут мотив болезни. Нет лучшего доказательства связи общих успехов с личностью этого человека, чем тот факт, что во время его болезни всё рухнуло, а с вестью о его выздоровлении положение выправилось почти само собой. Таким образом, прежние деяния Сципиона органически сочетаются с этим событием, и одновременно с новой энергией излучается единственная в своём роде сила его личности. Сам Ливий при описании всего эпизода не выступает новатором в отношении традиции. Выявление тесной связи между болезнью Сципиона и основным содержанием второй части третьей декады предполагает указание на создателя истории о болезни Сципиона. Это позволяет идентифицировать его с историком, который, имея в виду Сципиона, уже предпринял хроно-

mox ipsis placido sermone permulcentibus notos cum quibus congressi erant, leniti sunt) (Liv. XXIX. 25. 3–4).

¹¹ Liv. XXIX. 25. 6. Особо следует отметить слово *vulgo*, благодаря которому жалоба выглядит лишь как повод, истинною же причиной является то, о чём мы только что слышали.

¹² Это соображение Сципиона свидетельствует об изменениях в общественном мнении. В то время как Полибию приходилось извинять мягкость наказания, Ливий должен был оправдывать его суровость.

¹³ См.: Mommsen 1923, 637, из недавних работ — Scullard 1930, 147–148, где болезнь признаётся имевшей место в действительности.

логическую перестановку событий 213–209 гг. до н. э., т. е. с Целием Антипатром. Его авторство, если не касаться общего характера изложения, доказывается ещё и тем фактом, что Ливий, как он это обычно делал, не обнаруживает принципиальных разногласий с предыдущей традицией.

Сам Ливий выражает собственное мнение о высокой оценке, полученной здесь Сципионом в изображении Целия, в речи, которую он вкладывает в уста своего героя. Несмотря на некоторое сходство с картиной, которую мы наблюдаем у Полибия, главные идеи становятся совершенно иными. У него Сципион идёт не только на то, что объясняет солдатам бессмысленность их действий, но снова и снова показывает им тяжесть их преступления, состоявшего в передаче священных знаков военной власти людям недостойным (27. 4 sq.). Вина смутьянов, конечно, смягчается тем, что в глубине души они не желали полководцу смерти и не осознавали до конца возможных последствий своего поведения, но даже и сегодня они сами, прежде, видимо, не осведомлённые, так до конца и не поняли тяжести содеянного.

При этом Сципион желает умолчать о себе самом, но сказать только об их прегрешениях перед отечеством. Узурпировав священную власть полководца, солдаты совершили нечто такое, что можно смыть только кровью. Бунтовщики поступили ещё хуже, чем мятежники в Регии, поскольку те, по крайней мере, не вступали в союз с врагом, как сделали они сами. И разве могли мятежники всерьёз поверить, что отторгнут Испанию от Рима только потому, что им показалось, будто сам он близок к смерти (28. 9–10)? Разве римская мощь покоится лишь на его персоне? Разве не переживёт Рим, согласно воле Юпитера, все времена, как то ясно показывает война, в ходе которой Город, несмотря на потерю столь многих вождей, стоит непоколебимо? Разве не одержана победа в самой Испании, невзирая на гибель обоих Сципионов? Когда-то *pietas* удержала Кориолана от наступления на Рим, хотя он и был изгнан; но они подобной привязанности не знают и восстают против Рима только потому, что хотят жалованья. Он желает всё это забыть и не заниматься этим больше. В качестве искупления достаточно смерти их предводителей, при которой они должны присутствовать. Характерно, что здесь нет никакого извинения неведению солдат, полководец находится на недосягаемой для своих людей высоте, и его *auctoritas*, коей нет в изложении Полибия, обретает здесь наивысшую значимость. Но кроме того, его речь становится возвышенной песнью величию Рима, которому каждый гражданин должен быть верен, несмотря на все трудности. Сам Сципион становится выразителем этих мыслей или излагает их в тот момент, когда его личное влияние, как кажется, достигает апогея, поскольку

мятеж свидетельствует о том, что абсолютно всё держится на нём одном. В контрасте с преходящестью человеческой жизни видится ему вечность Рима, которая только и придаёт смысл существованию отдельного человека.

Предлагаемая Ливием характеристика поведения Сципиона выходит за рамки концепции Целия Антипатра и Полибия. Величие человеческой личности переживает здесь свой последний взлёт благодаря тому, что в момент, когда Сципиона превозносят как человека, которому подчиняется весь ход событий, сам он добровольно подчиняется ещё более великому Риму. Это глубокое толкование соотношения отдельного человека и государства несёт на себе характерные черты первого столетия. Лишь в то время, когда стали очевидными величие и пределы возможностей отдельной личности, величие Рима могло противопоставляться ничтожеству одного.

Литература

- Burck E.* Livius als Augusteischer Historiker // Die Welt als Geschichte. Zeitschrift für universalgeschichtliche Forschung. Stuttgart, 1935. Bd. 1. S. 446–487.
- Hoffmann W.* Livius und der Zweite Punische Krieg. B., 1942.
- Kahrstedt U.* Geschichte der Karthager von 218–146. B., 1913.
- Klotz A.* Appians Darstellung des Zweiten Punischen Krieges. Paderborn, 1936.
- Klotz A.* Livius und seine Vorgänger. Leipzig, 1940–1941.
- Meyer Ed.* Ursprung und Entwicklung der Überlieferung über die Persönlichkeit des Scipio Africanus und die Eroberung von Neukarthago // Kleine Schriften. Halle (Saale), 1924. Bd. II.
- Mommsen Th.* Römische Geschichte. B., 1923. Bd. I.
- Scullard H. H.* Scipio Africanus in the Second Punic War. Cambridge, 1930.

Wilhelm Hoffmann

SCIPIO AFRICANUS IN SPAIN: LIVIOUS' VIEW ON SOME EPISODES

The article which is an abstract from the book «Livius und der Zweite Punische Krieg» (1942) examines the image of Scipio Africanus in the writing by Livius. The author traces its peculiarities including the distinctions from Polibius' character of Scipio through the case study of Scipio's address to the army on his arrival in Spain, capture of New Carthage and his behavior during the mutiny in 206 B.C. The author shows how current imagery could influence the shaping of Scipio's character by Livius.

Раздел V ЭХО В ВЕКАХ

Н. С. Колоколова

ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ В КИНО: МЕЖДУ ЭПОСОМ И МЕЛОДРАМОЙ

Кинематограф как самый массовый вид искусства практически с момента его создания и до сегодняшних дней оказывает колоссальное влияние на зрителей, в том числе и на формирование представлений об историческом прошлом. Исторический жанр прошёл довольно долгий и извилистый путь: претерпевая со временем определённые изменения, он обретал новые формы и использовался с различными намерениями — от целенаправленного формирования представлений о прошлом или даже пропаганды до коммерческого подхода. Не стала исключением и античная тематика: не имея прямых связей с современными событиями, сюжеты из древней истории не раз переосмысливались, а порой и откровенно модифицировались для тех или иных целей, и потому изучение рецепции античного наследия в кинематографе, несомненно, представляет большой интерес.

Каждый исторический сюжет, который используется в кино, появляется там не случайно, и среди изобилия событий прошлого, как правило, выбирается несколько исторических личностей и сюжетов, которые в целом формируют представление зрителей о конкретной исторической эпохе. Тему Пунических войн едва ли можно назвать популярной — среди древнеримских сюжетов, представленных в кинематографе, она занимает довольно скромное место. Это и понятно: сказалось отсутствие интереса к ней у американских кинематографистов, которые в значительной степени повлияли на отбор тематики и формирование кинематографических представлений о Риме. Однако в первой половине (а в особенности первой четверти) XX в., когда американское кино ещё не было

столь массовым, лидером по производству кинокартин о Древнем Риме являлась Италия, и в киноистории именно этой страны фильмы о войнах римлян и карфагенян сыграли очень важную роль — хотя, как может показаться на первый взгляд, небольшую.

Исторический фильм о Древнем Риме, так называемый *неплум*, возникает именно в Италии вскоре после появления там национального кинематографа, что во многом было обусловлено претензиями итальянцев на роль наследников славного прошлого Древнего Рима. По подсчетам Карла Мора, за период с 1905 по 1926 г. итальянцы сняли 19 фильмов на историческую тему, причём подавляющее большинство из них было посвящено именно Вечному городу (Мора 1997, 222). Следует отметить, что исторические кинофильмы начала XX в. были очень популярны как на родине их создателей, так и за рубежом, поэтому они сделали итальянское кино по-настоящему знаменитым. По словам известного французского киноведа Жоржа Садуля, «зрителей уже заранее пленяют фильмы, посвящённые великим событиям европейской истории, особенно эпохе величия и упадка Рима. К тому же красоты итальянской природы и её исторических памятников значительно содействуют успеху фильмов, выпускаемых крупными кинопромышленниками» (Садуль 1958, 203–204).

Известные кинокартины того времени, среди которых «Последние дни Помпеи» (1908), «Нерон» (1909), «Агриппина» (1910), «Брут» (1910) и др., по сути представляют собой десяти-пятнадцатиминутные схематичные зарисовки на известные сюжеты. Расцвет же итальянского кино того времени приходится на 1912–1914 гг. — именно в этот период создаются такие фильмы-гиганты, как «Quo vadis?» (1912), «Марк Антоний и Клеопатра» (1913), «Кай Юлий Цезарь» (1914) Энрико Гуаццони, «Последние дни Помпеи» (1913) Марио Казерини. Среди всей этой вереницы красивых, помпезных, по-своему интересных, но при этом несколько однотипных картин выделяется знаменитый кинофильм Джованни Пастроне «Кабирия» (1914), который во многом повлиял на развитие итальянского кинематографа.

Действие фильма, первоначально названного режиссёром «Симфония огня», приурочено ко времени Пунических войн. Этот выбор, вероятно, был подсказан Триполитанской войной, которая в то время волновала всю Италию и служила националистам поводом для воспоминаний о завоевании Африки Сципионом. «Они пытались извинить неудачи своей колониальной экспедиции в Ливию ссылкой на бесплодные победы Ганнибала. Ещё не окрепший итальянский империализм, на первых порах очень пылкий и необузданный, громко требовал превращения Средиземного моря в *Mare Nostrum*» (Садуль 1958, 213).

Историк итальянского кино Карло Лидзани подчеркивает: «Столкновение двух цивилизаций — римской и карфагенской — было показано со всем блеском, со всей силой мастерства художественного изображения и фантазией, на которые только могли быть способны в те годы представители наиболее авантюрно настроенных кругов нашего общества». Благодаря этому фильму легенда Древнего Рима «проникла в сердца итальянцев» (Лидзани 1956, 48). Победы Рима, его история воспринимались в те годы итальянцами как славное прошлое их народа, противостоящее скромной повседневной действительности и должное вдохновлять на подвиги в настоящем и будущем.

Формально участие в написании сценария к фильму «Кабирия» принял известный литературный деятель того времени Габриеле д'Аннунцио (позднее активно поддерживавший Муссолини), однако, по свидетельству его биографов, причина его участия была лишь материального свойства, и он даже не смотрел картину (Лидзани 1956, 45). При этом в интервью, которые сопровождали премьеру, он отзывался о картине таким образом: «...Речь идёт о широчайшем полотне; более того, вряд ли вообще когда-нибудь создавалось полотно шире, выписанное более тщательно во всех деталях, с большим уважением к археологическим данным и истории, с большей гармоничностью движения и более совершенным построением массовых сцен... Это несколько широких исторических произведений, связанных между собой приключенческим сюжетом, рассчитанных на самые простые чувства широкого зрителя» (Лидзани 1956, 47). К. Лидзани справедливо отмечает и то, что использование имени д'Аннунцио было для «Кабирии» чем-то вроде дворянского титула и как бы гарантом высоких художественных качеств картины.

Характерной чертой фильма, отличающей его от других постановок, была многоплановость действия. События разворачиваются почти одновременно в Карфагене, Нумидии, Сицилии и Италии, а весь сценарий построен на приёме параллельного монтажа. Самыми запоминающимися и растиражированными в прессе, по словам Лидзани, были следующие сцены: осада Сиракуз, Ганнибал в Альпах, карфагенский рынок, осада Карфагена, жертвоприношение Молоху. Многие технические приёмы, впервые использованные Пастроне, позже заимствовались и другими режиссёрами. Реклама «Кабирии» по своей масштабности не отставала от картины. Известный лётчик Джованни Виднер четыре раза описал круг над Римом, засыпая его листовками, извещавшими о торжественной премьере фильма — 22 апреля 1914 г.

Ж. Садуль оценивает фильм положительно, однако к достоинствам картины относит прежде всего её техническое совершенство, а не оригинальность сценария. Итальянский критик Джузеппе Феррара объясняет

популярность «Кабирии» лишь модой и «своеобразными вкусами» той эпохи. По его словам, «это были “фильмы-мастодонты” на псевдоримские темы, недолго продержавшиеся на экранах» (Феррара 1959, 10). Ему вторит советский критик А. Вилесов, называя подобные фильмы «пышными псевдоисторическими постановками, проникнутыми шовинизмом и национализмом» (Вилесов 1956, 8). Предвзятость подобных мнений вполне очевидна — несомненно, «Кабирия» стала ярким событием итальянской культуры того времени.

Что касается её «псевдоисторичности», то это, конечно, явная несправедливость. Применительно к кино понятие «историчность» вообще очень размыто; порой к фильму предъявляют завышенные требования, соответствующие, скорее, научному труду, совершенно не учитывая того, что это всё-таки художественное произведение, автор которого имеет право на вымысел и даже на анахронизмы¹. Действие в «Кабирии» во многом построено по схемам, которые сложились в европейском историческом романе со времени Вальтера Скотта. Для этого романа история, масштабные события являются фоном, на котором развивается судьба главных героев, более или менее вовлечённых в события. Однако если романы В. Скотта стимулировали развитие европейской историографии, то для кино эта задача была заведомо невыполнима: его целью было воспроизведение образа античности, как он сложился к тому времени². В этом смысле «Кабирия» находилась на достаточно высоком уровне.

Безусловно, создатели фильма не ставили себе целью воспроизвести сколько-нибудь полную историю Второй Пунической войны и достаточно вольно следовали той грандиозной картине, которая была представлена Титом Ливием³. Они взяли из неё лишь несколько эпизодов, сыгравших важную роль в судьбе героев, но показали их зрелищно и масштабно, с эпическим размахом. Особенности подхода к материалу

¹ Как пишет М. Уайк, исторические фильмы «редко рассматривались профессиональными историками и другими критиками как механизм для конструирования прошлого, которое может иметь собственную легитимность. С самого начала кино многие интеллектуалы выражали обеспокоенность очевидным падением вкуса публики из-за представления на экране исторических романов» (Уйке 1997, 10).

² Хорошей иллюстрацией здесь может служить сравнение романа Г. Сенкевича “*Quo vadis?*” с очень рельефным и исторически достоверным показом культурного конфликта между уходящим античным миром и нарождающимся христианством и его многочисленных экранизаций, даже самые хорошие из которых не достигают и не могут достигнуть уровня литературного первоисточника. Они всего лишь демонстрируют путь, при помощи которого «каждый период рассматривает, видит и понимает античность» (Skwara 2013, 173).

³ Наряду с Ливием источником фильма могла служить написанная на латинском языке эпическая поэма Петрарки «Африка» (Bondanella 2009, 10).

определены уже подзаголовком: «историческое видение третьего века до н. э.» (*visione storica dell'è terzo secolo a. C.*). Как «видение» фильм строится на вымышленном сюжете, но слово «историческое» обращает нас к реальности, связанной с величием и мощью Древнего Рима (Rhodes 2000, 319). Поэтому и мелодраматическая линия, столь важная для исторического кино последующих десятилетий, является здесь лишь одной стороной сюжета. Вторая сторона — это демонстрация преимуществ римской цивилизации, победа которой представляет несомненное благо. Моральной силе римлян противостоят здесь грубые, вероломные, лживые и непостоянные карфагеняне с их бесчеловечными обычаями. Характерно, что уже первые два эпизода строятся по контрасту: изображению мирного, цивилизованного образа жизни семьи Кабирии на Сицилии (прерванного извержением Этны) противопоставлена картина Карфагена с царящей на улицах нищетой и жестокими жертвоприношениями Молоху (Wyke 1999, 202).

К. Лидзани подчеркивает, что «Кабирия» явилась одновременно и исходной, и конечной точкой в развитии итальянского кинематографа: с одной стороны, она стала образцом, примером, стимулом к дальнейшему развитию итальянского кино, открывшим для него окончательно мировой рынок, а с другой — сближалась с идеологическими течениями «не только не революционными, но и реакционными и вредными» для Италии (Лидзани 1956, 49). Д'Аннунцио, чьё имя постоянно фигурировало при прокате «Кабирии», стал одним из первых настоящих итальянских пропагандистов. Как пишет Энтони Родс, он презирал современную ему Италию, «с её стремлением к безопасности и преклоняющимся перед собственностью буржуазным обществом». В его намерения входило оживить славное средиземноморское прошлое Италии: «Я славлю тот факт, что я — римлянин, и признаю в каждом неримлянине варвара» (Родс 2008, 67)⁴. Муссолини, придя к власти в 1922 г., во многом воспринял идеи и атрибутику д'Аннунцио, в которых значительную роль играл культ Древнего Рима, провозгласив возврат к военной силе, которая когда-то сделала Рим великим.

Тот абсолютистский режим, который установил Муссолини, был основан на идее героической личности, вдохновляемой судьбой, — дуче, ведущей других сильных людей. А одним из его лозунгов был: «Цезарь вновь возродился в лице дуче!» (Родс 2008, 67). В ход шло всё: римское приветствие, римские цифры для исчисления лет своего правления,

⁴ Видимо, в столь чётко выраженной авторской позиции, недвусмысленной аналогии прошлого и современности, кроется и одна из причин грандиозного успеха этого фильма (Bondanella 2009, 10).

римские эмблемы, широкое празднование юбилеев римских политических деятелей и литераторов, выпуск марок с их изображениями и т. д. Казалось бы, итальянцы должны были использовать возможности для удачной пропаганды путём обращения к Риму на языке кино, однако кинематограф был задействован ими в целом не столь активно, как немцами: кинокомпании оставались в частных руках, а публика предпочитала американское кино «о красивой жизни» политическим картинам⁵. Тем не менее новое эпическое обращение к теме Пунических войн состоялось. Это был фильм «Сципион Африканский» режиссёра Кармине Галлоне (1937), снятый дорого и помпезно: на него было потрачено 12,6 млн лир — больше, чем на какой-либо другой итальянский довоенный фильм. В создании картины приняли участие сразу несколько министерств — народной культуры, финансов, внутренних дел, военное (Wyke 1997, 21).

В отличие от «Кабирии», где внимание создателей было сосредоточено на личных взаимоотношениях героев, в исторической картине «Сципион» на первый план выходят военные действия, а ключевой сценой фильма становится битва при Заме — событие, которое произошло чуть позже завершения сюжета «Кабирии». По своей значимости эта битва гораздо важнее событий, составляющих исторический фон «Кабирии», и, казалось бы, можно было провести судьбы героев и через неё. Но для исторической мелодрамы это было бы лишним. Иное дело — эпос, где на первом плане находится римский полководец, победитель грозного Ганнибала. Само противостояние Сципиона и Ганнибала представлено как борьба не на жизнь, а на смерть, за национальное выживание, наградой в которой является власть над Средиземноморьем, *mare nostrum*, как его называли римляне и как вновь стал именовать Муссолини (Ricci 2008, 96–97). В осуществлении этой великой задачи Сципион пользуется поддержкой всей «итальянской нации»⁶. Таким образом, главный герой в фильме предстает не столько римским аристократом-военачальником, каким он был на деле, сколько прототипом лидера масс, вождя нации (Bondanella 2009, 47).

Как «вождь нации» Сципион в фильме представляет явную и открытую параллель Муссолини. Подобно дуче, низложившему «слабое» либеральное правительство, Сципион уже в начале фильма принимает на себя заботу об исторической миссии Рима, которая не по плечу находящемуся в вечных раздорах сенату. Затем на протяжении фильма его не-

⁵ В 1937 г., например, в Италии демонстрировалось 187 американских фильмов и всего 37 итальянских (Caprotti 2009, 387).

⁶ Её мнение выражает в фильме обмен репликами между гражданами Рима, причём обычно в диалогах они представляют разные регионы Италии, т. е. всю нацию (Ricci 2008, 98).

однократно показывают в профиль — один из любимых ракурсов на фотографиях Муссолини (Caprotti 2009, 392). По поводу этой параллели была развернута достаточно активная пропагандистская кампания. Так, в августе 1939 г. целый выпуск кинематографического журнала “*Bianco e Nero*” был посвящён эссе, которые школьники писали под впечатлением от просмотра фильма. Министр национального образования Джузеппе Боттаи высказался по этому поводу: «Для детей Сципион не римский герой, это — Муссолини. Благодаря подсознательному могуществу переноса действия Сципиона делаются действиями Муссолини. Аналогия превращается в идентичность» (Wyke 1997, 22).

Наряду с военными талантами режиссёр показывает зрителю и другие добродетели Сципиона. «После триумфа над Ганнибалом финальная сцена показывает Сципиона вновь в его поместье, изучающим урожайность и получающим удовольствие от занятий земледельца и нежного семьянина. Эта развязка подкрепляет образ Сципиона как простого гражданина, который отвечает на призыв своего государства в минуту грозной опасности, а когда враг уничтожен, возвращается к мирной жизни. И вновь речь шла о том, чтобы представить Сципиона как Муссолини своего времени, и, наоборот — Муссолини как защитника своей нации в традициях древних римских патриотов», — пишет К. Мора (Mora 1997, 223)⁷.

Подобно «Кабирии», фильм построен на контрастах. Благородному Сципиону противопоставлен Ганнибал, наделённый не только отвратительными моральными качествами, но и довольно отталкивающими внешними чертами: он тучен, с всклокоченными непослушными волосами и повязкой, закрывающей отсутствующий глаз. Не лучше и его соотечественники: карфагеняне бесчестные и жестокие насильники и убийцы. Они появляются на четырнадцатой минуте фильма в сцене разграбления римской виллы и представляют собой скорее банду, чем организованное войско (Caprotti 2009, 393, 395). Этот контраст выражен и чисто кинематографическими средствами: на всем протяжении фильма римлянам сопутствует свет, а карфагеняне находятся в тени или темноте (Ricci 2008, 100).

Неудивительно, что имеющий столь важную идейную нагрузку фильм получил главную награду основанного по инициативе дуче Венецианского

⁷ Здесь возможна ещё одна параллель с деятельностью Муссолини. Одним из его масштабных проектов, осуществлённых в Италии, явилось осушение Понтинских болот, исстари бывших рассадником малярии. В результате почти безлюдная местность была заселена и стала пригодна для ведения хозяйства. Возможно, именно об этих работах должны были напомнить зрителю последние слова Сципиона в фильме: «Зерно хорошее! И завтра, с помощью богов, мы начнём сажать его!» Подробнее о связи содержания фильма с внутренней колонизацией Италии см.: Caprotti 2009.

кинофестиваля «Кубок Муссолини». Однако ни масштабы, ни идейная нагрузка, ни аналогии с современностью ему не помогли, и он провалился в прокате. Видимо, причина была в том, что создатели фильма не смогли соблюсти меру в идеологизации, что повредило общей концепции фильма. Так, вызывало ироническую улыбку уже то, что Сципиона играл актёр, носивший имя его врага — Аннибале Нинчи (Caprotti 2009, 393); комический эффект производило назойливое, к месту и не к месту, вскидывание руки в «римском салюте» (Bondanella 2009, 48) и т. п.

«Сципион» стал последним довоенным итальянским фильмом о Древнем Риме и, по мнению Карла Мора, последней серьёзной попыткой связать историю Древнего Рима с современной Италией. Далее последовал понятный перерыв, однако к римской тематике обращаются вновь уже в 1949 г. Казалось бы, после поражения в войне итальянцы должны были на долгие годы забыть о Древнем Риме и связанных с ним милитаристских идеях и образах; однако, напротив, в кинематографе стал расти интерес к нему, и на итальянских экранах 50–60-х гг. появляется колоссальное количество пеплумов. При этом тематика их несколько меняется. Среди них можно условно обозначить следующие группы:

- легендарное основание Рима и его ранняя история;
- переход от республики к империи;
- императорский Рим.

Характерным образом «эпоха великих завоеваний» из тематики фильмов исчезает: видимо, кинофильмы, подобные «Кабирии» и «Сципиону», чьи сюжеты были связаны с внешней экспансией Рима, слишком прочно ассоциировались с недалёким и драматическим прошлым Италии. При этом, безусловно, доминируют картины, посвящённые Империи: она представлена примерно 30 фильмами, тогда как на две первые темы снято всего 16 кинолент.

Хотя Пунические войны не исчезают с экрана, их трактовка резко изменяется: на смену исторической мелодраме или эпосу приходит «чистая» мелодрама, обрамлённая историческим сюжетом, который имеет довольно слабое отношение к реальности. Ярким примером подобного обращения с историческим материалом служит кинофильм «Карфаген в огне» (1960). Характерно, что фильм этот снял тот самый Кармине Галлоне, который за 23 года перед тем представил зрителям великого Сципиона. Формально эта лента рассказывает о времени Третьей Пунической войны и её драматическом финале, суть которого и вынесена в название. Однако безусловным центром киноповествования является не историческое событие, а непростая судьба римлянки Фульвии, любящей карфагенянина Хирама. Данный фильм со множеством мелодраматических поворотов, погонями и клише является типичным при-

мером псевдоисторического боевика-мелодрамы, столь популярного в те годы в Италии⁸. Немного больше «истории» в фильме «Ганнибал» Карло Людовико Брагалли и Эдгара Дж. Улмера (1959), повествующем о знаменитом переходе карфагенского войска через Альпы и о событиях Второй Пунической войны в целом. Тем не менее кинофильм создан по всё тем же развлекательным канонам, и на первый план выходит любовная линия римлянки Сильвии и Ганнибала. Казалось бы, в фильмах, посвящённых ключевым событиям истории республиканского Рима, должно было найтись больше места для героев и подвигов, чем для любовных перипетий зачастую выдуманных персонажей, однако время было уже иным, и та же история предстаёт уже в контексте совершенно иных ценностей и интересов. История как таковая полностью подчинена здесь любовной истории. Отдав должное зрелищности при показе перехода войск Ганнибала через Альпы, режиссёр далее даёт волю своей фантазии, так что в последующем действии фильма сложно искать какую-либо хронологию, историчность или просто логику.

Ещё одним примером кинофильма, в котором масштабное историческое событие трактуется через призму мелодрамы, является «Осада Сиракуз» режиссёра Петра Франчиши (1959). Любовные перипетии на сей раз касаются знаменитого сиракузянина Архимеда, который влюбляется в танцовщицу, хотя с детства был обручён с дочерью царя Сиракуз. По всей видимости, неутомимые итальянцы, производящие кинофильмы в эти годы бесконечным потоком, стремились собрать воедино самые популярные элементы кино тех лет — исторические темы и мелодраму, сделав подобные фильмы популярными для максимально широкой аудитории. Чтобы понять, как создатели фильма относились к проблеме исторической достоверности, достаточно сказать, что Архимед у них — мужчина в полном расцвете сил, а погибает в конце фильма не он, а римлянин Марцелл.

Любопытной чертой всех этих фильмов является полное изменение их ценностной направленности. Если «Кабирия» ставила в центр внимания конфликт цивилизации в лице римлян и варварства в лице карфагенян, если «Сципион» был посвящён харизматическому лидеру, герою, который сражается во имя своей родины, то теперь, как правило, главный герой борется против Рима, будь то Хирам, Ганнибал или Архимед. Симпатии зрителей привлекаются не к своему прошлому, как то

⁸ Справедливости ради следует отметить, что режиссёр при этом следовал за литературной основой — одноимённым романом Э. Сальгари, популярного в Италии писателя, литературные достоинства произведений которого находятся намного ниже среднего уровня.

было во времена националистических иллюзий и имперской экспансии, а к представителям противоположного стана. Видимо, это та цена, которую пришлось заплатить Италии в сфере идеологии за свой фашистский эксперимент.

С середины 1960-х гг. на смену масштабным постановкам приходят фильмы о Пунических войнах, снятые в жанре документального кино, ставшего популярным в последние десятилетия. Центральной фигурой кинолента вновь становится Ганнибал: о нём снято несколько британских фильмов с красноречивыми названиями “Hannibal: The Man Who Hated Rome” (2001), “The True Story of Hannibal” (2005), “Hannibal — Rome’s Worst Nightmare” (2006) и американский «Ганнибал. Враг Рима». Довольно популярен одноимённый британский фильм BBC Эдварда Базалгетта (2006), в котором автор акцентирует внимание прежде всего на военных доблестях знаменитого полководца. Кроме того, Ганнибалу посвящены фильмы из серии “Ancients Behaving Badly” (2009) и “Battles BC” (2009), снятые в стилистике фильма «300 спартанцев» (2007). Следует отметить, что при довольно высоком интересе к военным талантам знаменитого карфагенского полководца его римскому антагонисту внимание совершенно не уделяется, и отдельных фильмов о Сципионе, где именно он бы являлся центральным героем, а борьба была представлена «с римской стороны», не существует⁹.

В современном кинематографе «пальму первенства» по съёмке фильмов о Риме итальянцы окончательно уступили Голливуду. Однако в США не сняли и, по всей видимости, не планируют снимать эпических фильмов о знаменитом противостоянии римлян и карфагенян — ведь американцев в силу множества причин всегда больше интересовал императорский период римской истории. Правда, периодически появляются новости о том, что известный актёр боевиков Вин Дизель всё-таки исполнит свою мечту и снимет фильм о Ганнибале (с собой в главной роли), однако студии денег на такой проект не выделяют, считая его неперспективным.

Таким образом, тема Пунических войн, не будучи самой востребованной в историческом жанре, становится определённым маркером времени, довольно чётко демонстрируя как трансформации представлений итальянцев о части своего исторического прошлого, так и некоторые тенденции развития и возможности исторического жанра в кинематографе.

⁹ Ещё одним полем для рецепции античного наследия и в частности темы Пунических войн становятся компьютерные игры, сюжеты для которых черпаются из античной истории. Так уже в 1997 г. появляется игра “The Great Battles of Hannibal”, посвящённая периоду Второй Пунической войны.

Литература

- Вилесов А.* Предисловие // Лидзани К. Итальянское кино. М., 1956.
- Лидзани К.* Итальянское кино. М., 1956.
- Родс Э.* Пропаганда. Плакаты, карикатуры и кинофильмы Второй мировой войны 1939–1945. М., 2008.
- Садуль Ж.* Всеобщая история кино. Т. 2. Кино становится искусством. 1909–1914. М., 1958.
- Феррара Д.* Новое итальянское кино. М., 1959.
- Bondanella P.* A History of Italian Cinema. N. Y., 2009.
- Caprotti F.* Scipio Africanus: Film, Internal Colonization and Empire // Cultural Geographies. Vol. 16. 2009. P. 381–401.
- Mora C.* The Image of Ancient Rome in the Cinema // Film-Historia. Vol. VII. 1997. No 2. P. 221–243.
- Rhodes J. D.* “Our Beautiful and Glorious Art Lives”: The Rhetoric of Nationalism in Early Italian Film Periodicals // Film-History. Vol. 12. 2000. No 3. P. 308–321.
- Ricci S.* Cinema and Fascism: Italian Film and Society, 1922–1943. Berkeley, 2008.
- Skwara E.* QUO VADIS on Film (1912, 1925, 1951, 1985, 2001), the Many Faces of Antiquity // Classica — Revista Brasileira de Estudos Clássicos. Vol. 26. 2013. No 2. P. 163–174.
- Wyke M.* Projecting the Past: Ancient Rome? Cinema and History. N. Y.; L., 1997.
- Wyke M.* Screening Ancient Rome in the New Italy // Roman Presences: Receptions of Rome in European Culture 1789–1945 / ed. C. Edwards. Cambridge, 1999.

Natalya S. Kolokolova

THE PUNIC WARS IN THE CINEMA: BETWEEN AN EPIC AND MELODRAMA

This article discusses embodiment of the Punic Wars in the cinema of the twentieth century (Italian, American and Britain). Two of the most ambitious film on this topic, «Cabiria» (1914) and «Scipio Africanus» (1937), appeared in the time of domination imperialistic and nationalistic sentiments in Italy. The first of these films contrasts barbarous Carthage and civilized Rome, the second praises charismatic leader, the savior of the motherland. On the contrary, in the films produced after World War II the main characters fight against Rome, and the pictures dramatically enhanced features of melodrama to the detriment of the history. At present, the Punic Wars (especially Second Punic War) provide subjects for documentaries, and if Hannibal is the main hero of several films, the figure of Scipio did not cause interest.

В. А. Гончаров

ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ И ИХ ГЕРОИ В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

В последние десятилетия у отечественных и зарубежных исследователей-антиковедов растет интерес к проблеме так называемой рецепции античности, т. е. — в самом общем виде — использования в современной культуре «идей, материалов, мотивов из греко-римского наследия»¹. На эту тему написан уже целый ряд обобщающих трудов², а также множество статей³. При этом их авторы в силу вполне объективных причин уделяют наибольшее внимание рецепции античного наследия в сфере права, а также в литературе и изобразительном искусстве. Конечно, не остается без внимания и музыкальная культура, однако ей посвящено гораздо меньшее количество работ⁴. Это тоже вполне естественно — хронологические рамки этих трудов ограничиваются почти исключительно серединой XIX — началом XX в., тогда как музыка современного периода (особенно выходящая за рамки академизма), к сожалению, пока не становилась объектом научного исследования⁵. Подобное положение дел достаточно несправедливо, поскольку, как верно отмечает Е. А. Чиглинцев, «в XX веке в условиях господства массовой коммуникации и массовой культуры любое обращение к античности приобретает обще-

¹ Словарь античности 1989, 484.

² См., напр.: Jauss 1982; 1987; Martindale 1993; Грабарь-Пассек 1966; Летяев 2001; Чиглинцев 2009а; Кнабе 2011.

³ См., напр., статьи в тематических сборниках: Античность в культуре и искусстве последующих веков 1984; Античность в контексте современности 1990; Античное наследие в культуре России 1996, а также обобщающий труд: A Companion to Classical Reception 2008.

⁴ См., напр.: Кривошеева 2000; Чиглинцев 2009б.

⁵ Нам известна лишь одна статья, так или иначе посвящённая рецепции античности в музыкальной культуре конца XX — начала XXI в.: Янушкевич 2003.

ственно значимый характер» (Чиглинцев 2009а, 24) и соответственно является достойным изучения⁶.

А между тем античная (и, в частности, древнеримская) тема в музыкальной культуре последних десятилетий представлена на удивление широко и разнообразно. Прежде всего существует целый ряд музыкальных коллективов, занимающихся реконструкцией античной музыки (немецкая “Musica Romana”, итальянская “Synaulia”, французский “Ensemble Kerylos” и т. д.) с использованием «аутентичных» инструментов и произведений⁷. Кроме того, представители целого ряда направлений современной музыки не просто вскользь ссылаются на отдельные сюжеты, образы и символы из греческой и римской истории (вспомним, к примеру, «шестнадцать дев-весталок» из классической песни “Procol Harum” группы “Whiter Shade of Pale”), но ставят эти сюжеты, образы и символы в центр своего творчества, что нередко находит проявление в так называемых концептуальных альбомах, полностью посвящённых античности, — от собственно музыки до художественного оформления обложки диска и от лирики до видеоклипов⁸.

Наиболее яркие примеры подобного обращения к древнеримской тематике — это, без сомнения, альбомы канадской дэт-металлической группы “Ex Deo” “Romulus” («Ромул») и “Caligula” («Калигула»), альбом голландского неоклассического коллектива “HERR” “XII Caesars” («Двенадцать цезарей»), альбомы итальянской группы “Ade” “Prooemium Sanguine” и “Spartacus” («Спартак»), альбом немецкой блэк-металлической группы “Imperious” “Vagus” («Вар»), альбом коллектива “Triumvirat” “Spartacus” («Спартак»), альбомы швейцарской фолк-металлической группы “Eluveitie” “Everything Remains As It Never Was” («Все остается таким, каким никогда не было») и “Helvetios”, посвящённые Галльским войнам Цезаря, а также творчество таких коллективов, как

⁶ Ярким примером обращения антиковедов к сфере массовой культуры являются выходящие в последние годы весьма многочисленные исследования, посвящённые древнеримской теме в современном кинематографе. См., напр.: Elley 1984; Classics and Cinema 1991; Mora 1997, 221–243; Wyke 1997; Imperial Projections: Ancient Rome in Modern Popular Culture 2001; Cyrino 2005; Winkler 2009; Theodorakopoulos 2010. На эту тему рассуждает автор статьи «Пунические войны в кино: между эпосом и мелодрамой», помещённой в данном сборнике (с. 407–417).

⁷ Подробнее см., напр.: <http://www.tforum.info/forum/lofiversion/index.php?t10322.html>. Используя терминологию Е. А. Чиглинцева, это т. н. латентная рецепция античности, представляющая собой «простое воспроизведение отдельных сюжетов античного культурного наследия... без всякой интерпретации, без попытки надления новыми смыслами и ассоциациями» (Чиглинцев 2009а, 67–68).

⁸ Попытка предварительного обобщения данного материала была предпринята нами в статье: Гончаров 2011, 20–31.

“Cain”, “Anguish Force”, “Centurion”, “Dominion Caligula”, “Martiria”, “Neron Kaiser”, “Rukkanor”, “Triarii”, “Pantheon Legio Musica”, “Suidakra”, “Furor Gallico”, “Heidevolk” и т. д.

Конечно, в таких условиях не могла остаться без внимания и эпоха Пунических войн, богатая стремительными взлётами и падениями, блеском побед и трагедией поражений. Обращение к различным событиям, личностям и мотивам, связанным со столкновением Рима и Карфагена, в современной музыке идёт достаточно активно.

С одной стороны, некоторые деятели современной музыкальной культуры используют в своём творчестве лишь отдельные образы и мотивы подобного рода, причём нередко — в переносном смысле. Прежде всего достаточно часто в текстах и названиях песен встречаются поговорки и крылатые выражения, восходящие ко временам Пунических войн, — в первую очередь, конечно, знаменитое изречение Катона Старшего «Карфаген должен быть разрушен» (*Carthago delenda est* или *Delenda est Carthago*)⁹. Как известно, в публицистике Нового и Новейшего времени данная фраза использовалась по сути дела в своем изначальном значении — как настойчивый призыв к войне (как, например, в речи графа Энтони Эшли Купера: Cooper 1712) или в прямо противоположном смысле — как столь же настойчивый призыв к миру (как, например, в одноимённой статье Л. Н. Толстого: Толстой 1956, 216–224). В песенной же лирике начала XXI в. — к примеру, в одноимённых композициях таких групп, как “Burrow”, “Sorry About Dresden”, “Olympus Mons”, “Million Dead” — рассматриваемое изречение выступает в качестве символа безысходности человеческого существования («Карфаген должен быть уничтожен... Мы все прокляты... Стены рушатся, Карфаген в огне...» — “Burrow”)¹⁰ или стремления человека сбросить оковы повседневности («Каждый вечер, когда я прихожу домой... *Carthago Est Delenda* — и тротуары вновь становятся песчаными пляжами...» — “Million Dead”)¹¹.

Столь же востребованным в современной музыкальной культуре является выражение «Ганнибал у ворот» (*Hannibal ante portas* или *Hannibal ad portas*): оно фигурирует в названиях и текстах композиций таких групп и исполнителей, как “General Lee”, “Hearts in Pencil”, “This Morn’ Omina”, Дэвид Холлманн, Алан Азар и т. д., и в отличие от предыдущего изречения чаще всего используется в традиционном значении, т. е. как указание на близость серьёзной опасности (ср.: Cic. *Phil.* I. 5. 11).

⁹ Подробнее см.: Little 1934, 429–435.

¹⁰ <http://ilyrics.eu/music/Burrow+Carthage.html>

¹¹ http://www.allthelyrics.com/lyrics/million_dead/carthago_est_delenda-lyrics-413816.html

Достаточно часто представители различных направлений современной музыки обращаются к образу Карфагена. Впрочем, подчас образ этот воспринимается достаточно расплывчато — например, композиции таких коллективов, как “Green Paper”, “Mother and the Addicts”, “Euclid”, “Cruel Circus”, хотя и носят название «Карфаген», но напрямую с древним городом никак не связаны и посвящены совсем другим темам. Не исключено, что в некоторых случаях имеется в виду один из Карфагенов, расположенных на территории США — благо их больше десятка (тоже рецепция особого рода!).

Песня “Carthage” («Карфаген») французского шансонье Жюльена Клерка уже более близкая к античной тематике, представляет собой своеобразное признание в любви к прекрасной карфагенянке, а сам Карфаген в этом произведении рассматривается как символ «притягательной чужеродности», выступающий в качестве своеобразной альтернативы знакомому нам западному миру («Не все дороги ведут в Рим»)¹². Подобный подход можно усмотреть и в композиции ливанского исполнителя Эли Ашкара “Carthage Éternel” («Вечный Карфаген»). Это инструментальное произведение, сыгранное на традиционных ближневосточных инструментах, из чего можно сделать вывод, что его автор, вероятно, рассматривает упомянутый город как яркий (и вечный!) центр восточной культуры и цивилизации в широком смысле. Представители африканской и афро-американской музыкальной культуры также «предъявляют претензии» на античное наследие — так, например, в песне доминиканского рэгги-исполнителя Пола Сент-Хилэра Карфаген показан как «город чёрных», а коллектив “African Tribal Orchestra”, играющий традиционную африканскую музыку, не без юмора озаглавил одну из своих композиций “Scipio Africanus” («Сципион Африканский»). К слову заметим, что представители афро-американской общественности в последнее время достаточно широко обсуждают вопросы типа «Были Ганнибал чёрным?»¹³.

Наконец, в песне «Карфаген» шотландской дэт-металлической группы “Nergrus Kor” рассматриваемый город представлен в ещё более зловещем свете: безумные, дикие, бесчеловечные орды в исступлении толпятся у ужасного алтаря, бросая в огонь невинных младенцев. Важно, что подобный взгляд (в отличие от вышеперечисленных) напрямую

¹² http://www.paroles-musique.com/paroles-Julien_Clerc-Carthage-lyrics,p17600

¹³ См., напр.: <http://ancienthistory.about.com/od/hannibal/f/Was-Hannibal-Black.htm>. Лекция афро-американского учёного Мвалиму Хеперы на эту тему: <http://www.youtube.com/watch?v=z2xQPuI5M4U>. Обсуждение этого вопроса в научной литературе: Snowden 1997, 28–50.

восходит к античной литературной традиции (Diod. XX. 14. 4–6; Sil. It. IV. 768; Plin. *NH.* XXXVI. 39), хотя авторы анализируемой композиции, скорее всего, вдохновлялись не сочинениями Диодора или Плиния, а «вторичными источниками» типа фильма «Кабирия» или книги Э. Сальгари «Гибель Карфагена», «Саламбо» Г. Флобера, где также ярко показаны жертвоприношения пунийским богам.

В отдельных случаях образы, восходящие к эпохе Пунических войн, используются, скажем так, для красного словца и никак не раскрываются ни в музыке, ни в тексте — такова, например, инструментальная композиция американского исполнителя Avila Santo “Punic Wars” («Пунические войны») или произведение бельгийского электронного коллектива “The Subs” “Hannibal and the Battle of Zama” («Ганнибал и битва при Заме»). Впрочем, гораздо чаще представители целого ряда направлений современной музыки — прежде всего таких, как дэт-метал, фолк-метал, пэган-метал и т. п. — обращают на противостояние Рима и Карфагена более пристальное внимание. Результатом этого иногда становятся произведения, посвящённые сразу всем трём Пуническим войнам — например, эпическое семиминутное «полотно» американской хэви-металлической группы “Knights of Tethys” “The Punic Wars” («Пунические войны»); однако в большинстве случаев в центре внимания, что вполне естественно, оказывается Вторая Пуническая война, наиболее богатая яркими событиями и личностями и соответственно гораздо лучше отражённая и в античной исторической традиции, и в европейской культуре позднейших периодов. Так, событиям 218–201 гг. до н. э. посвящён альбом ливанской дэт-металлической группы “Lagrima” “Hannibal ad Portas”, а также отдельные композиции таких коллективов, как “Antiquus Scriptum” («Вторая Пуническая война»), “Forgotten Horror” («Ганнибал» и «Сны Сципиона»), “Martiria” («Сыны Африки»), “Pyropoesy” («Ганнибал»), “Thronar” («Hannibal ad Portas»), “Heathen Foray” («Конец Карфагена»).

При этом рассматриваемый военный конфликт обычно характеризуется как «битва титанов» (“Antiquus Scriptum”)¹⁴ — столкновение между двумя сильнейшими цивилизациями Древнего мира, которые являются непримиримыми врагами. Подобный взгляд мы находим ещё в античной традиции (например, у Ливия «борьба сильнейших на земле народов» (*dimicatio duorum opulentissimorum in terris populorum*) (Liv. XXIII. 33. 1. Здесь и далее пер. М. Е. Сергеев)). Кроме того, в некоторых текстах звучит и осуждение войны («война — это грязь и злоба» — “Mar-

¹⁴ Здесь и далее тексты группы “Antiquus Scriptum” цитируются по сайту: http://www.metal-archives.com/albums/Antiquus_Scriptum/Conclamatum_Est/280102

tiria”)¹⁵, очень напоминающее «дидактический» антивоенный пафос, хорошо заметный, например, в исторических романах А. И. Немировского и Г. Д. Гулиа.

Конечно, обращаясь ко Второй Пунической войне, упомянутые выше представители современной «металлической» сцены, подобно своим предшественникам в литературе и научно-популярном кинематографе, уделяют основное внимание личности Ганнибала¹⁶. При этом его жизнь и деятельность описываются достаточно подробно — нам рассказывают и о знаменитой клятве (“Lagrima”, “Heathen Foray”, “Thronar”), и о взятии Сагунта (“Lagrima”), и о переходе через Альпы (“Thronar”), и обо всех основных битвах (“Lagrima”, “Thronar”, “Martiria”). Конечно, в отдельных случаях Ганнибал именуется «хищником» (“Forgotten Horror”)¹⁷, его вторжение в Италию сравнивается с «развершимся Адам» (“Lagrima”)¹⁸, а развязанная им война характеризуется как «конец Карфагена» (“Heathen Foray”)¹⁹, однако чаще всего сыну Гамилькара даётся весьма положительная характеристика, тоже вполне традиционная для западной культуры Нового и Новейшего времени (Кораблёв 1997, 21): Ганнибал именуется «одним из величайших воинов всех времён» (“Heathen Foray”), «величайшим полководцем» (“Forgotten Horror”), оставившим позади даже самого Пирра (“Martiria”), «повелителем тактических сражений», бросившим вызов великой державе (“Thronar”)²⁰, «непобедимым героем», память о котором будет жить в веках (“Pyopoesy”)²¹. Более того, иногда образу карфагенского полководца придаётся поистине эпический размах: «Посмевавший, дерзнувший завоевать весь мир, взобраться на горные вершины, дотронуться до неба...» (“Lagrima”) или «Он вознёсся над ничтожеством людей» (“Pyopoesy”).

¹⁵ Здесь и далее тексты группы “Martiria” цитируются по сайту: http://www.metal-archives.com/albums/Martiria/Roma_S.P.Q.R./354551

¹⁶ Как писал И. Ш. Шифман: «Но странное дело: несмотря на то что Рим победил, II Пуническая война неизменно связывается в нашем сознании с именем побеждённого карфагенского полководца» (Кораблёв 1997, 15).

¹⁷ Здесь и далее тексты группы “Forgotten Horror” цитируются по сайту: http://www.spirit-of-metal.com/parole-groupe-Forgotten_Horror-nom_album-The_Serpent_Creation-1-en.html

¹⁸ Здесь и далее тексты группы “Lagrima” цитируются по сайту: <http://www.reverbnation.com/lagrima>

¹⁹ Здесь и далее тексты группы “Heathen Foray” цитируются по сайту: http://www.metal-archives.com/albums/Heathen_Foray/Armored_Bards/281770

²⁰ Здесь и далее тексты группы “Thronar” цитируются по сайту: http://www.metal-archives.com/albums/Thronar/Unleash_the_Fire/197527

²¹ Здесь и далее тексты группы “Pyopoesy” цитируются по сайту: http://www.metal-archives.com/albums/Pyopoesy/...alea_iacta_est.../229002

Впрочем, в некоторых текстах звучит и мотив тщетности всех земных побед: «Легионы и фаланги, не важно, что ты сделал. Подует ветер — и уже нет ничего» (“Martiria”) или «Все наши деяния, все наши подвиги — теперь уже ничто не имеет значения, и лишь пески пустыни заносят мёртвых» (“Lagrime”).

Поражения Ганнибала — если их существование вообще признаётся — обычно приписываются предательству союзников (“Lagrime”) и отсутствию подкреплений (“Forgotten Horror”), что опять же напоминает нам слова, которые вложил в уста самого Ганнибала Тит Ливий: «Уже без хитростей, уже открыто отзывают меня те, кто давно уже силится меня отсюда убрать, отказывая в деньгах и солдатах. Победил Ганнибала не римский народ, столько раз мною битый и обращённый в бегство, а карфагенский сенат своей злобной завистью» (XXX. 20. 2–3). Правда, отдельные авторы всё же воздают должное и победителю великого пунийца — Сципиону. Так, например, в песне “Abhore the Antagonists” («Ненависть к врагу») группы “Lagrime” мы встречаем такие слова: «За 16 лет никто не смог превзойти гений Ганнибала. Кроме одного человека, которого потом назвали Сципионом Африканским». Ещё более лестную оценку можно найти в песне финского коллектива “Forgotten Horror” «Сны Сципиона»: «Превосходная воинская тактика римлян, введённая Сципионом, возвестила начало новой эпохи... Его имя будет отдаваться эхом в веках». При этом противостояние римского и карфагенского полководцев вполне в античном духе представлено как сражение двух людей, решающих «судьбы мира». Завершается же рассматриваемая песня латинскими словами *Vincit qui se vincit* («Побеждает тот, кто побеждает себя»).

Впрочем, подобный взгляд встречается нечасто, и в современной музыкальной культуре образ Ганнибала явно затмевает образ Сципиона. Видимо, и в XXI в. не потеряли актуальности слова Бэзила Лиддел Гарта о том, что «вспышка метеора поражает человеческое воображение сильнее, чем отдалённый блеск звезды, неподвижно сияющей высоко в небесах» (Лиддел Гарт 2003, 5).

Особенно любопытно, что в подобном свете Рим, который, по сути дела, является фундаментом западной цивилизации, показывается не в самом выгодном свете. Так, Вечный Город именуется «надменным и высокомерным» (“Ruoroesy”), на него же возлагается и вина за развязывание войны (“Knights of Tethys”). В песне группы “Heathen Foray” упоминаются «интриги Рима», которых «не стерпел» Ганнибал, а в альбоме группы “Lagrime” римские войска, высадившиеся в Африке, сравниваются с «колоссальным зверем». И, конечно, ещё более негативные эпитеты используются применительно к действиям римлян во время

Третьей Пунической войны. Особенно яркая картина подобного рода рисуется в композиции португальской группы “Antiquus Scriptum” “A Necatombe of Slaves” («Гекатомба рабов»): из Италии прибывает «зловещая орда», и «безжалостные легионы» обрушиваются на беззащитный город, жители которого в конечном итоге предпочитают броситься в огонь, лишь бы не сдаваться на милость победителей (ср.: Polyb. XXXIX. 4; App. *Lyb.* 29. 131). Примерно та же история — но в более иронической форме — рассказывается в песне американской группы “Poor Saddam” “Carthage” («Карфаген»): «Run, children, run from the fire. Run from the evil Roman empire» («Бегите, детки, бегите от огня. Бегите от зловещей Римской империи»). Подобный взгляд находит параллели и в других сферах современной культуры — достаточно вспомнить хотя бы научно-популярный фильм с очень характерным названием «Карфаген. Римский холокост» (“Carthage. The Roman Holocaust”)²².

Наконец, в песне греческой группы “Septic Flesh” “Return to Carthage” («Возвращение в Карфаген») перед нами предстаёт некогда «гордый город», ныне «поруганный» и разрушенный. При этом звучат слова: «Слава — блудница... но лишь немногим удаётся познать вкус её поцелуя»²³.

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что в современной музыкальной культуре такое важное событие истории Древнего мира, как Пунические войны, рассматривается как столкновение поистине мирового масштаба, причём карфагеняне в этом столкновении чаще всего предстают как своего рода «романтические герои», одержавшие множество славных побед и затем потерпевшие столь же славное поражение, а римляне, по сути дела заложившие основы европейской цивилизации, показаны как жестокие завоеватели. Думается, что подобный взгляд, с одной стороны, основан на уже упомянутой выше склонности людей романтизировать «ослепительные катастрофы» и забывать о «долгосрочных успехах» (Лидделл Гарт 2003, 5), а с другой — связан с наблюдающимся в последнее время «исчерпанием и преобразованием» древнеримского «слагаемого европейской культуры» (Кнабе 2011, 107 и далее).

Литература

- Античное наследие в культуре России / ред. Г. С. Кнабе. М., 1996.
Античность в контексте современности / ред. А. А. Тахо-Годи, И. М. Нахов. М., 1990.
Античность в культуре и искусстве последующих веков / ред. И. Е. Данилова. М., 1984.

²² <http://www.youtube.com/watch?v=mpaR6Sx3ZRg>

²³ http://www.metal-archives.com/albums/Septicflesh/Mystic_Places_of_Dawn/10109

- Гончаров В. А. Древнеримская тема в современной музыкальной культуре: Предварительные замечания // Учёные записки колледжа «Номос». Воронеж, 2011. Вып. 8. С. 20–31.
- Грабарь-Пассек М. Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966.
- Кнабе Г. С. Европа с римским наследием и без него. СПб., 2011.
- Кораблёв И. Ш. Ганнибал. Ростов-на-Дону, 1997.
- Кривошеева И. В. Античность в музыкальной культуре Серебряного века (музыкально-театральные искания): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2000.
- Летяев В. А. Рецепция римского права в России XIX — начала XX в. (историко-правовой аспект). Волгоград, 2001.
- Лиддел Гарт Б. Г. Сципион Африканский. Победитель Ганнибала. М., 2003.
- Словарь античности / сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне. М., 1989.
- Толстой Л. Н. *Carthago Delenda Est* (Карфаген должен быть разрушен) // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 39. М., 1956. С. 216–224.
- Чиглинецв Е. А. Рецепция античности в культуре конца XIX — начала XXI вв. Казань, 2009а.
- Чиглинецв Е. А. Конструирование античности в музыкальном творчестве Игоря Стравинского // Чиглинецв Е. А. Рецепция античности в культуре конца XIX — начала XXI вв. Казань, 2009б. С. 128–147.
- Янушкевич М. А. Проблема изучения античных реминисценций в русской бард-рок-поэзии // Гуманитарий. Журнал филологического факультета ТГУ. № 2. Ноябрь. Тверь, 2003. <http://blackalpinist.com/scherbakov/Praises/antic.html>
- A Companion to Classical Reception / ed. L. Hardwick, Ch. Stray. Oxford, 2008.
- Classics and Cinema / ed. M. M. Winkler. Lewisburg [Pa.], 1991.
- Cooper A. A. *Delenda Est Carthage: Or The Lord Chancellor Shaftsbury's Speeches in Parliament about the Second War with the Dutch in 1672, and 1673*. L., 1712.
- Cyrino M. S. Big screen Rome. Malden, MA., 2005.
- Elley D. The Epic Film: Myth and History. London; Boston, 1984.
- Imperial Projections: Ancient Rome in Modern Popular Culture / ed. S. R. Joshel, M. Malamud, D. T. McGuire. Baltimore; London, 2001.
- Jauss H. R. Toward an Aesthetic of Reception. Minneapolis, 1982.
- Jauss H. R. Die Theorie der Rezeption, Rückschau auf ihre unerkannte Vorgeschichte. Konstanz, 1987.
- Little C. E. The Authenticity and Form of Cato's Saying 'Carthago Delenda Est' // CJ. Vol. 29. 1934. P. 429–435.
- Martindale Ch. Redeeming the Text: Latin Poetry and the Hermeneutics of Reception (Roman Literature and its Contexts). Cambridge, 1993.
- Mora C. J. The Image of Ancient Rome in the Cinema // Film-Historia. Vol. VII. 1997. No 2. P. 221–243.

Snowden F. M. Misconceptions about African Blacks in the Ancient Mediterranean World: Specialists and Afrocentrists // *Arion*. Third Series. Vol. 4. 1997. No. 3. Winter. P. 28–50.

Theodorakopoulos E. *Ancient Rome at the Cinema: Story and Spectacle in Hollywood and Rome*. Exeter, 2010.

Winkler M. *The Roman Salute: Cinema, History, Ideology*. Columbus, 2009.

Wyke M. *Projecting the Past: Ancient Rome, Cinema, and History*. N. Y., 1997.

Vladimir A. Goncharov

THE PUNIC WARS AND THEIR HEROES IN CONTEMPORARY MUSIC CULTURE

The reception of Antiquity is widely represented in contemporary culture, including music. There are lots of albums and songs dedicated to ancient themes and motives, including the Punic Wars. First of all, many songwriters use a number of sayings dating back to that period (*Carthago delenda est* or *Hannibal ad portas*), as well as several associated images — e.g. the image of Carthage, which is considered as a symbol of exoticism, a center of Eastern culture and as a terrible place of human sacrifices (a point of view connected with ancient representations of Carthage). The proper events and heroes of the Punic Wars are lyricized in works of such groups as *Lagrima*, *Antiquus Scriptum*, *Forgotten Horror*, *Martiria*, *Pyopoesy*, *Thronar*, *Heathen Foray*, etc. Of course, most of these songs are dedicated to the Second Punic War and to Hannibal. The latter is described as the ‘greatest warlord’ and the ‘undefeatable hero’. In this light, the Romans are shown as the ‘evil horde’ and the ‘colossal beast’. Perhaps, such a view is based on the fact that people are prone to romanticize dazzling catastrophes and defeated heroes. Another probable reason is the recent process, which G. S. Knabe called ‘depletion and transformation of the Roman element of European culture’.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аврелий Августин*. О Граде Божием. М., 2000.
- Аппиан Александрийский*. Римская история / отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1998.
- Аристотель*. Политика // Сочинения в четырёх томах. М., 1983. Т. 4 / пер. С. А. Жебелева.
- Аристотель*. Этика. М., 2006.
- [*Аристотель*]. Экономика / пер. Г. А. Тароняна // ВДИ. 1969. № 3. С. 215–242.
- Аристофан*. Комедии. Т. 1. М., 1983.
- Асклепидот*. Тактическое искусство / пер. А. К. Нефёдкина // *Rara bellum*: Военно-исторический журнал. СПб., 2004. № 2 (22). Апрель — июнь. С. 5–36.
- Бухарин М. Д.* Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: Текст, перевод, комментарий, исследования. СПб., 2007.
- Вергилий Марон Публий*. Собрание сочинений / отв. ред. С. В. Чистобаев. СПб., 1994.
- Властелины Рима / пер. С. П. Кондратьева под ред. А. И. Доватура. М., 1992.
- Геллий Авл*. Аттические ночи. Т. 1–2 / пер. с лат. под общей ред. А. Я. Тыжова. СПб., 2007–2008.
- Геродиан*. История императорской власти после Марка / пер. А. И. Доватура, Н. М. Ботвинника, А. К. Гаврилова и др. М., 1996.
- Геродот*. История / пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
- Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. I–VIII. М., 2001–2006.
- Дион Кассий Коккеян*. Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. с др.-греч. под ред. А. В. Махлаюка. СПб., 2011.
- Катон, Марк Порций*. Земледелие / пер. М. Е. Сергеенко. М.; Л., 1950.
- Квинт Курций Руф. История Александра Македонского / пер. В. С. Соколова, А. Ч. Козаржевского и др. М., 1963.
- Колумелла, Луций Модерат*. Сельское хозяйство. Кн. I–III, XI // Ученые земледельцы древней Италии / введ., пер. и примеч. М. Е. Сергеенко. Л., 1970.
- Корнелий Непот*. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / пер. и комм. Н. Н. Трухиной. М., 1992.
- Ксенофонт*. Анабасис / пер. М. И. Максимовой. М.; Л., 1951.

- Ксенофонт*. Киропедия / пер. В. Г. Боруховича, Э. Д. Фролова // Ксенофонт. Сократические сочинения. Киропедия. М., 2003. С. 345–629.
- Ливий Тит*. История Рима от основания Города. Т. I–III / отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1989–1993.
- Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампелий. Памятная книжица / изд. подг. А. И. Немировский. М., 1995.
- Павел Орозий*. История против язычников / пер., вступ. ст., комм. и указ. В. М. Тюленева. СПб., 2004.
- Павсаний*. Описание Эллады. Т. I–II / пер. С. П. Кондратьева. М., 1994.
- Павсаний*. Описание Эллады. Т. I–II / под ред. Е. В. Никитюк; отв. ред. Э. Д. Фролов. Пер. С. П. Кондратьева. М., 2002.
- Плавт Тит Макций*. Комедии / пер. А. В. Артюшкова. Т. 1–2. М., 1987.
- Платон*. Государство // Древнегреческая философия: От Платона до Аристотеля / пер. А. Н. Егунова. М.; Харьков, 2003. С. 91–438.
- Платон*. Законы / пер. А. Н. Егунова // Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 2. СПб., 2007. С. 89–513.
- Платон*. Сочинения / под общей ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. Т. III–IV. М., 1994.
- Плутарх*. Сравнительные жизнеописания / изд. подг. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. Т. I–II. М., 1994.
- Полибий*. Всеобщая история / пер. Ф. Г. Мищенко. Т. I–III. СПб., 1994–1995.
- Полиэн*. Стратегемы / под общей ред. А. К. Нефёдкина. СПб., 2002.
- Саллюстий Крисп Гай*. Сочинения / пер. В. О. Горенштейна. М., 1981.
- Светоний Транквилл Гай*. Жизнь двенадцати цезарей / изд. подг. М. Л. Гаспаров, Е. М. Штаерман. М., 1988.
- Сенека Луций Анней*. Нравственные письма к Луцилию / пер. С. А. Ошерова. М., 2004.
- Страбон*. География / пер. Г. А. Стратановского. М., 1964.
- Фронтин Секст Юлий*. Военные хитрости (Стратегемы) / пер. А. Б. Рановича. СПб., 1996.
- Фукидид*. История / изд. подг. Г. А. Стратановский, А. А. Нейхардт, Я. М. Боровский. Л., 1981.
- Цицерон Марк Туллий*. О старости. О дружбе. Об обязанностях / пер. В. О. Горенштейна под ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1993.
- Цицерон Марк Туллий*. Диалоги: О государстве. О законах / изд. подг. В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек, С. Л. Утченко. М., 1994.
- Цицерон Марк Туллий*. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков / пер. Н. А. Фёдорова. М., 2000.
- Цицерон Марк Туллий*. Речи / пер. В. О. Горенштейна. Т. I–II. М., 1993.
- Цицерон Марк Туллий*. Письма / пер. В. О. Горенштейна. Т. I–III. М., 1994.

- Цицерон Марк Туллий*. Учение академиков / пер. Н. А. Фёдорова. М., 2004.
- Цицерон Марк Туллий*. Философские трактаты / отв. ред. Г. Г. Майоров. М., 1985.
- Цицерон*. О государстве / пер. В. О. Горенштейна // Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах // М., 1966. С. 70–88.
- Юстин*. Эпитома сочинения Помпея Трога Трога «Historiarum Philippicarum» / пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского. М., 2005.
- Aelianus Tacticus*. De militaribus ordinibus instituendis. Venice, 1852.
- Aeneas Tacticus. Asclepiodotus, and Onasander / English transl. by members of the Illinois Greek Club. Cambr. (Mass.); L., 1923.
- Aesopus*. Fabulae. Epigrammata et proverbial / ed. A. Hausrath, H. Hunger. T. I–II. Leipzig, 1959–1970.
- Ambrosii Theodosii Macrobiani Saturnalia* / ed. I. Willis. Lipsiae, 1970.
- Amianus Marcellinus*. Römische Geschichte и т. д. Lat. und Dt. und mit einem Kommentar vers. von W. Seyfarth. In 4 Teilen. B., 1986–1988.
- Appellius Lucius*. Liber Memorialis / ed. J. N. Andrews. Lipsiae, 1935.
- Apollinaris Sidonius*. Gai Sollii Apollinaris Sidonii epistulae et carmina / rec. et emend. Ch. Luetjohann. München, 1985.
- Appian's Roman History* / with an Engl. transl. by H. White. Vol. 1–4. Cambridge (Mass.); L., 1953–1958.
- Aristoteles*. Ethica Nicomachea / ed. I. Bywater. Oxford, 1894 (repr. 1962).
- Aristoteles*. Politica / ed. W. D. Ross. Oxford, 1957 (repr. 1964).
- Aristotelis de animalibus historia* / Textum recognovit L. Dittmeyer. Lipsiae, 1907.
- Arnim H. v.* Ineditum Vaticanum // Hermes. 1892. Bd. 27. Ht. 1. S. 118–130.
- Arrianus Flavius. Anabasis of Alexander. Indica / with an Engl. transl. by P. A. Brunt. Vol. I–II. Cambr. (Mass.); L., 1976–1983.
- Athenaeus*. The Deipnosophists / with an Engl. transl. by Ch. B. Gulick. Vol. 1–7. Cambr. (Mass.); L., 1927–1941.
- Casson L. The Periplus Maris Erythraei / with introd., transl. and comment. Princeton, 1989.
- Catalogue of Greek Coins in British Museum. Sicily / ed. H. S. Poole. Bologna, 1963.
- Caton*. Les Origines / ed. M. Chassignet. P., 1986.
- Catullus C. Valerius*. Carmina / ed. W. Eisenhut. München, 1975.
- César*. Guerre d'Afrique / texte établi et traduit par A. Bouvet. P., 1946.
- Cicero Marcus Tullius*. Brutus / with an Engl. transl. by G. L. Hendrickson. Orator / with an Engl. transl. by H. M. Hubbell. Cambr. (Mass.); L., 1942.
- Cicero Marcus Tullius*. De Lege Agraria contra Rullum // Cicero. Orationes / ed. A. Clark. Oxford, 1909.
- Cicero Marcus Tullius*. De natura deorum, academica / with an Engl. transl. by H. Rackham. Cambr. (Mass.); L., 1979.
- Cicero Marcus Tullius*. De officiis / with an Engl. transl. by W. Miller. Cambr. (Mass.); L., 1975.

- Cicero Marcus Tullius*. De re publica, de legibus / with an Engl. transl. by C. W. Keyes. Cambr. (Mass.); L., 1977.
- Cicero Marcus Tullius*. De Senectute, de Amicitia, de Divinatione / with an Engl. transl. by W. A. Falconer. Cambr. (Mass.); L., 1979.
- Cicero Marcus Tullius*. Oratio pro P. Sestio / ed. T. Maslowski // M. Tullius Cicero scripta quae manserunt omnia. Leipzig, 1986. Fasc. 22.
- Cicero Marcus Tullius*. Oratio pro Sex. Roscio Amerino / recogn. A. Klotz // M. Tullii Ciceronis scripta quae manserunt omnia. Leipzig, 1949. Fasc. 8.
- Cicero Marcus Tullius*. The Letters to his Brother Quintus / with an Engl. transl. by W. G. Williams. The letters to Brutus / with an Engl. transl. by M. Cary. Handbook of electioneering. Letter to Octavian / with an Engl. transl. by M. Henderson. Cambr. (Mass.); L., 1979.
- Cicero Marcus Tullius*. The Speeches. Pro Archia poeta. Post reditum in senatu. Post reditum ad quirites. De domo sua. De haruspicum responsis. Pro Planco / with an Engl. transl. by H. H. Watts. Cambr. (Mass.); L., 1935.
- Cicero Marcus Tullius*. The Verrine orations / with an Engl. transl. by L. H. G. Greenwood. In 2 vol. Cambr. (Mass.); L., 1928–1935 (vol. 1. L.; N. Y.).
- Cicero*. Collected works. Vol. I–XXIX / with an English transl. Cambr. (Mass.); L., 1913–2010.
- Ciceronis M. Tulli scripta quae manserunt omnia*. Brutus / ed. H. Malcovati. Fasc. 4. Lipsiae, 1965.
- Corippi Africani Grammatici libri qui supersunt / rec. I. Partsch. Berolini, 1879.
- Cornelii Taciti libri qui supersunt / iterum ed. E. Koestermann. Vol. II. Fasc. 1. Lipsiae, 1969.
- Dessau H*. Inscriptiones Latinae Selectae. 1892–1916.
- Dig., Gaius, Ulp. Corpus iuris civilis. Vol. I. Institutiones / rec. P. Krüger; Digesta, T. Mommsen. B., 1908. Fontes iuris antejustiniani. Part II. Florential, 1968.
- Digesta Iustiniani Augusti / recog. Th. Mommsen. Vol. I–II. Berolini, 1870.
- Dio Cassius*. Roman History. Vol. I–IX / with an Engl. transl. by E. Cary, H. B. Foster. Cambr. (Mass.); L., 1914–1927.
- Diodorus of Sicily*. Works / with an Engl. transl. by C. H. Oldfather, C. L. Sherman, R. M. Geer, F. R. Walton. Vol. 1–12. Cambr. (Mass.); L., 1939–1967.
- Dionysius of Halicarnassus*. The Roman Antiquities / with an Engl. transl. by E. Cary. In 7 vol. Cambr. (Mass.); L., 1943–1986.
- The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia / ed. by J. Bidez and L. Parmentier. L., 1898.
- Ennius*. Annales / ed. O. Skutsch. Oxford, 1985.
- Ennodius*. Der Theoderich-Panegyricus des Ennodius / ed. Ch. Rohr (Monumenta Germaniae Historiae, Studien und Texte. Vol. 12). Hannover, 1995.
- Eusebius*. Chronicon // Eusebi Chroniconum canonum quae supersunt. Vol. I / ed. A. Schoene. Berolini, 1967.

- Eutropii Breviarium ab condita / recog. C. Santii. Stutgardiae; Lipsiae, 1992.
- Fasti Capitolini / ed. A. Degrassi. Torino, 1954.
- Fl. Cresconii Corippi* Johannidos sive de bellis Libycis Libri VII / ed. P. Mazzuchelli. Mediolani, 1820.
- Flavii Vegetii Renati*. Epitoma rei militaris / recensuit C. Lang. Lipsiae, 1885.
- Florus Lucius Annaeus*. Epitome of Roman History / with an Engl. transl. by E. S. Forster. Cambr. (Mass.); L., 1929.
- Frontinus Gaius Iulius*. Strategematon libri IV. De aquaeductibus urbis Romae / with an Engl. transl. by C. E. Bennett, M. B. McElwain. Cambr. (Mass.); L., 1925.
- G. Sallustius Crispus*. Historia: Orationes et epistulae de Historiarum libris excerptae / ed. V. Paladini. Bologna, 1967.
- Gellius Aulus*. The Attic Nights / with an Engl. transl. by J. C. Rolfe. Vol. I–III. Cambr. (Mass.); L., 1927 (vol. 3. L.; N. Y.).
- Geonica sive Cassiani Bassi scholastici de re rustica eclogae / ed. H. Beckh. Leipzig, 1895.
- Haupt M.* Excerpta ex Timothei Gazaei libris de animalibus // Hermes. 1869. Bd. 3. S. 5–30.
- Heliodori* Aethiopicarum libri decem ab I. Bekkero recogniti. Lipsiae, 1855.
- Herodotus*. Selected Works / with an Engl. transl. by A. D. Godley. Vol. I–IV. Cambr. (Mass.); L., 1981–1982.
- Herodian*. History of the Empire / with an Engl. transl. by C. R. Whittaker. In 2 vol. Cambr. (Mass.); L., 1969–1970.
- Hieronymus Sanctus*. Chronica // Hieronymi Chronicorum codicis floriacensis fragmenta leidsia, parisina, vaticana phototypice edita / ed. L. Traube. Lugduni Batavorum, 1902.
- Historicorum Romanorum reliquiae / ed. H. Peter. Vol. I–II. Stutgardiae, 1967.
- Horace*. The Odes and Epodes / with an Engl. transl. by C. E. Bennett. Cambr. (Mass.); L., 1978.
- Isaakiou kai Ioannou tou Tzetou Scholia eis Lykophrona. Vol. I–III. Lipsiae, 1811.
- Jacoby F. et al. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin; Leiden, 1923–1999.
- Ioannis Zonarae* Epitome Historiarum. Vol. I–VI / ed. L. Dindorf. Lipsiae, 1868–1875.
- Iustinus Marcus Junianus*. Epitoma Historiarum Philippicarum / ed. M. Arnaud-Lindet. Lipsiae, 2003.
- L. Annaeus Seneca iunior*. Epistulae Morales ad Lucilium (L. Annaei Senecae ad Lucilium Epistulae Morales. Vol. 1–2, ed. L. Reynolds, 1965).
- Lelius Felix in: Aulus Gellius, Noctes Atticae / with an Engl. transl. by John C. Rolfe. Cambr. (Mass.), 1946–1952.
- Licofrone*. Alessandra / a cura di V. G. Lanzara. Milano, 2000.

- Livius Titus*. Roman History. Vol. I–XIV / with an Engl. transl. by B. O. Foster, F. G. Moore, E. T. Sage, A. C. Schlesinger. Cambr. (Mass.); L., 1963–1988.
- Lucanus Marcus Annaeus*. De Bello Civili / ed. G. Bassus. Lipsiae, 1997.
- Lucretius Titus Carus*. De rerum natura / with an Engl. transl. by W. H. D. Rouse. Cambr. (Mass.); L., 1924.
- Lydus*. On Powers or the Magistracies of the Roman State / introduction, critical text, transl., comm. and indices by A. C. Bandy. Philadelphia, 1983.
- Nepos Cornelius*. On Great Generals. On Historians / trans. J. C. Rolfe. Cambr. (Mass.), 1929.
- Obsequens Iulius*. Prodigiorum liber // Livy. In 14 vol. Vol. XIV. Summaries, fragments and Obsequens / with an Engl. transl. by A. C. Schlesinger. Cambr. (Mass.); L., 1959. P. 238–319.
- Orose*. Histoires contre les païens. T. I–III / éd. et trad. M.-P. Arnaud-Lindet. P., 1991–1992.
- Ovid*. Fasti / with an Engl. transl. by J. C. Frazer. Cambr. (Mass.); L., 1976.
- Pausanias*. Graeciae descriptio. Vol. 1 / ed. M. H. Rocha-Pereira. Lipsiae, 1973.
- Periochae Omnium Librorum Fragmenta Oxyrhynchi Reperta Iulii Obsequentis Prodigiorum Liber / ed. O. Rossbach. Leipzig, 1910.
- Plato*. Leges // Platonis opera. Vol. 5 / ed. J. Burnet. Oxford, 1907 (repr. 1967).
- Plato*. Republic / with an Engl. transl. by Ch. Emlyn-Jones, W. Preddy. Cambr. (Mass.); L., 2012.
- Plautus*. The Little Carthaginian. Pseudolus. The Rope. Vol. IV / with an Engl. transl. by W. de Melo. Cambr. (Mass.); L., 2012.
- Pliny*. Natural History / with an Engl. transl. by H. Rackham, W. H. S. Jones, D. E. Eichholz. Cambr. (Mass.); L., 1947–1979. Vol. 1–10.
- Plutarch*. Lives. Vol. I–IX / with an Engl. transl. by B. Perrin. Cambr. (Mass.); L., 1948–1959.
- Polyaeni Strategematon libri octo / rec. E. Woelfflin. Lipsiae, 1860.
- Polybius*. The Histories. Vol. I–VI / with an Engl. transl. by W. R. Paton. Cambr. (Mass.); L., 1976–1980.
- Pompeius Trogus*. Prolegomena ad Historiam Philippicam // Pompei Trogi fragmenta / coll. O. Seel. Lipsiae, 1956.
- Pomponius Mela*. De Chorographia libri tres / ed. C. Frick. Berolini, 1880.
- Posidonius*. Fragmenta / ed. W. Theiler. Vol. 1. B., 1982.
- Procopii Caesarienses* opera omnia / recog. J. Haury. Vol. I–II. Lipsiae, 1905.
- Pseudo-Scylax*. Periplus // Geographi graeci minores. Vol. 1 / ed. C. Mueller. P., 1855.
- Ptolemaeus Claudius*. Geographia / ed. C. F. A. Nobbe. Hildesheim, 1966.
- Pubblicazioni Società italiana per la ricerca dei papiri greci e latini in Egitto. Vol. 4. Firenze, 1917.
- Q. Aurelii Symmachi* quae supersunt / ed. O. Seeck. München, 1883 (repr. 2001).
- Q. Curtius Rufus*. De rebus gestis Alexandri Magni libri qui superstites ed. F. Schmider. Vol. I–IV. Londinii, 1825.

- Quinti Septimii Florentis Tertulliani Opera omnia* / ed. J. P. Migne. T. 1–2. P., 1878–1879.
- Quintus *Curtius Rufus*. History of Alexander. Vol. I–II / with an Engl. transl. by J. C. Rolfe. Cambr. (Mass.); L., 1971–1976.
- Saint Augustine*. The City of God against the Pagans / with an Engl. transl. by G. E. McCracken, W. M. Green, D. S. Wiesen, Ph. Levine, E. M. Sanford. In 7 vol. Cambr. (Mass.); L., 1965–1981.
- Sallust*. War with Catiline. War with Jugurtha. Selections from the Histories. Doubtful Works / with an Engl. transl. by J. C. Rolfe. Cambr. (Mass.); L., 1921.
- Sancti Isidori*, Hispalensis episcopi, opera omnia. Parisiis, 1878. (Patrologia cursus completus. Series Latina. T. LXXXII). T. III–IV.
- Scholia antiqua // Auli Persii Flacci Satirarum liber cum Scholiis antiquis / ed. O. Iahn. Lipsiae, 1843.
- Scholiasta Gronovianus // M. Tullii Ciceronis Scholiastae / ed. C. Orelli, G. Baiter. Turici, 1833.
- Scriptores Historiae Augustae (SHA). Vol. I–II / ed. E. Hohl. Lipsiae, 1955.
- Seneca, Lucius Anneus. On Benefits / transl. by M. Griffin and B. Inwood. Chicago, 2011.
- Servii* Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii / rec. G. Thilo, H. Hagen. Vol. I–III. Lipsiae, 1878–1887.
- Sexti Aurelii Victoris* Liber de Caesaribus. Praecedunt origo gentis Romanae et liber de viris illustribus urbis Romae. Subsequitur epitome de Caesaribus / rec. Fr. Pichlmayr. Lipsiae, 1966.
- Sexti Pompei Festi* de verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome / ed. W. M. Lindsay. Lipsiae, 1913.
- Sidonius. Poems, Letters. Vol. I–II / with an Engl. transl. by W. B. Anderson. Cambr. (Mass.); L., 1956.
- Silius Italicus*. Punica / with an Engl. transl. by J. D. Duff. Vol. 1–2. Cambr. (Mass.); L., 1961.
- Stephani Byzantini* ethicorum quae supersunt / ex recensione A. Meinekii. Berolini, 1849.
- Strabo*. The Geography / with an Engl. transl. by H. L. Jones. In 8 vol. Cambr. (Mass.); L., 1944–1961.
- Suda* // Suidae lexicon / ed. A. Adler. Vol. 1–4. Leipzig, 1928–1935.
- Suetonius. Lives of the Caesars. Vol. I–II / ed. and transl. by J. C. Rolfe. Cambr. (Mass.); L., 1997–1998.
- Tertullian*. Apology. De spectaculis / with an Engl. transl. by T. R. Glover. Cambr. (Mass.); L., 1977.
- The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia / ed. J. Bidez, L. Parmentier. L., 1898.
- Thucydidis* historiae / ed. H. S. Jones and J. E. Powell. Vol. 1–2. Oxford, 1942.
- Valerius Maximus*. Memorable Doings and Sayings. Vol. I–II / with an Engl. transl. by D. R. Shackleton Bailey. Cambr. (Mass.); L., 2000.

- Varro Marcus Terentius*. On the Latin Language / with an Engl. transl. by R. G. Kent. In 2 vol. Cambr. (Mass.); L., 1977–1979.
- Varro *Rerum Humanarum lib. XX* // Nonius Marcellus, *De compendiosa doctrina, libros XX* / ed. Wallace M. Lindsay. Lipsiae, 1903.
- Velleius Paterculus*. Compendium of Roman History. *Res Gestae Divi Augusti* / with an Engl. transl. by F. W. Shipley. Cambr. (Mass.); L., 1924.
- Victor Vitensis*. *Historia persecutionis Africanae provinciae sub Geiserico et Hunirico regibus Wandalorum* / recensuit C. Halm // *Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. T. III. Berolini*, 1878. P. I. P. 1–58.
- Virgil*. *Eclogues. Georgics. Aeneid. Appendix Vergiliana. Vol. I–II* / with an Engl. transl. by H. Rushton Fairclough. Cambr. (Mass.); L., 1916–1918.
- The Works of Lucian: in 8 vols. / ed. and transl. by A. M. Harmon, K. Kilburn and M. D. Maclead. Cambr. (Mass.); L., 1913–1967.
- Xenophon*. *Cyropaedia* // *Xenophontis opera omnia. Vol. 4* / ed. E. C. Marchant. Oxford, 1910 (repr. 1970).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМА — Античный мир и археология. Саратов.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ИИАО — Из истории античного общества. Нижний Новгород.
А&А — Antike und Abendland: Beiträge zum Verständnis der Griechen und Römer und ihres Nachlebens. В.; N. Y.
АА — Archäologischer Anzeiger. В.
ААASH — Acta antiquae Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest.
ААWM — Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Mainz.
АС — Acta Classica. Pretoria.
АЖАН — American Journal of Ancient History. Cambr. (Mass.).
АJPh — American Journal of Philology. Baltimore.
AncSoc — Ancient Society. Leuven.
АНRW — Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. В.; N. Y.
АW — Antike Welt. Mainz.
ARV² — *Beazley J. D. Attic Red-Figure Vase-Painters*. 2nd ed. Oxford, 1963.
BAR — British Archaeological Reports. Oxford.
ВМС — Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. L.
САН — The Cambridge Ancient History. Cambr.
СНЖ — Cambridge Historical Journal. Cambr.
СIL — Corpus inscriptionum Latinarum (1863—). Berolini.
СIP — Classical Philology. Chicago.
СISA — Contributi dell'Istituto di storia antica. Milano.
СJ — The Classical Journal. Ashland (Va.).
СPh — Classical Philology. Chicago (Ill.).
СQ — The Classical Quarterly. Oxford.
СRAI — Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. P.
СW — Classical World. N. Y.
ÉC — Études Classiques. P.
Fast. tr. — Fasti triumphales.

- FGrHist — Die Fragmente der griechischen Historiker / hrsg. von F. Jacoby.
Berlin; Leiden.
- GRBS — Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham (N. C.).
- G & R — Greece and Rome. Oxford.
- GWU — Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. Velber (BDR).
- HSCPh — Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge (Mass.).
- ICS — Illinois Classical Studies. Champaign (Ill.).
- ILRP — Inscriptiones Latinae Liberae Rei Republicae / ed. A. Degrassi.
Florence, 1963.
- ILS — *Dessau H.* Inscriptiones Latinae Selectae (1892–1916). Berolini.
- Ined. Vat. — Ineditum Vaticanum.
- JEA — The Journal of Egyptian Archaeology. L.
- JHS — The Journal of Hellenic Studies. L.
- JMH — Journal of Military History. Baltimore.
- JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago (Ill.).
- JRMES — Journal of Roman Military Equipment Studies.
- JRS — The Journal of Roman Studies. L.
- LCL — Loeb Classical Library. Cambridge.
- Lewis & Short — A Latin Dictionary Founded on Andrew's Edition of Freund's
Latin Dictionary / rev., enl. and rewritt. by Ch. T. Lewis, Ch. Short.
Oxford, 1958.
- LSJ — A Lexicon: Abridged from Liddell and Scott's Greek-English Lexicon.
Oxford, 1843.
- MH — Museum Helveticum: schweizerische Zeitschrift für klassische Alter-
tumswissenschaft. Basel.
- MHJ — The Medieval History Journal.
- OGIS — *Dittenberger W.* Orientis Graeci inscriptiones selectae. Vol. I–II. Lipsiae,
1903–1905.
- PBSR — Papers of the British School at Rome. L.
- RAC — Reallexicon für Antike und Christentum. Stuttgart.
- RE — Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly —
Wissowa — Kroll. Neue Bearbeitung. Stuttgart.
- REA — Revue des études anciennes. Talence.
- RhM — Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt am Main.
- RIDA — Revue internationale des droits de l'antiquité. Bruxelles.
- SEG — Supplementum Epigraphicum Graecorum. Leiden.
- SH — Studia historica. M.
- TAPhA — Transactions of the American Philosophical Association. Philadelphia.
- ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумов Аркадий Алексеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, arc79@yandex.ru.

Алексинский Дмитрий Павлович, научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, alexinsky@xlegio.ru.

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета, gabelko@mail.ru.

Гончаров Владимир Александрович, кандидат исторических наук, преподаватель Воронежского колледжа «Номос», 01011978@mail.ru.

Горьков Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Москва, cardinal5577@mail.ru.

Зелинский Андрей Леонидович, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Лондон, z-al@ukr.net.

Квашнин Владимир Александрович, доктор исторических наук, доцент кафедры конституционного, международного права и политологии юридического факультета Вологодского государственного университета, kvashnin195@mail.ru.

Козак Андрей Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Черновицкого факультета Национального технического университета «Харьковский Политехнический институт», carthaginian@ya.ru.

Колоколова Наталия Сергеевна, аспирантка кафедры истории Древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, 12.natalia@mail.ru.

Коптев Александр Викторович, доктор исторических наук, доцент римской истории Университета Тампере, a_koptev@mail.ru.

Короленков Антон Викторович, кандидат исторических наук, сотрудник Академиздатцентра «Наука», sallust@list.ru.

Лапырёнок Роман Викторович, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Иркутск, nervousbreakdown@yandex.ru.

Леус Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права Саратовской государственной юридической академии, vladimir.leus@mail.ru.

Махлаюк Александр Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, makhl@imomi.unn.ru.

Мосолкин Алексей Владиславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры древних языков исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, mosolkin@mail.ru.

Нефёдкин Александр Константинович, доктор исторических наук, главный редактор военно-исторического журнала “Parabellum novum”, Санкт-Петербург, nefiodkin@mail.ru.

Никишин Владимир Олегович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, cicero74@mail.ru.

Никольский Андрей Борисович, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Астраханского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, anikolskyant@mail.ru.

Сивкина Наталья Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, natalia-sivkina@yandex.ru.

Сморчков Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета, smorchkovtuber@yandex.ru.

Смыков Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, smukov61@list.ru.

Стейнби Криста, доктор филологии, приглашенный исследователь в SAXO-Institute, Университет Копенгагена, christa.steinby@gmail.com.

Тейтельбаум Евгений Григорьевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Казань, teghist@yandex.ru.

Хофман Вильгельм (1909–1969), профессор Гамбургского, Гисенского и Тюбингенского университетов.

Циркин Юлий Беркович, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербург, yuly.tsirkin@novsu.ru.

Научное издание

ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ:
ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ
ВОЕННЫЕ, ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ БОРЬБЫ МЕЖДУ РИМОМ И КАРФАГЕНОМ

Коллективная монография

Научные редакторы
О. Л. Габелко и А. В. Короленков

Редактор *Е. В. Дианова*
Технический редактор *Е. М. Денисова*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Подписано в печать 05.12.2016. Формат 60 × 90¹/₁₆.
Тираж 500 экз. Усл. печ. л. 27,5. Заказ № 800

Отпечатано в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. А

*По всем вопросам,
связанным с приобретением этой книги, обращаться в
ООО «Издательский Центр «Гуманитарная Академия»*

Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 8
(ст. метро «Черная Речка», полуподвал,
вход с ул. Академика Шиманского).
Тел./факс: (812) 430-99-21

Е-mail: gumak@mail.ru
Сайт: www.humak.ru